

КН

15X

Л-13

Т. 2

П. Л. ДАВРОВ

Разорван корешок

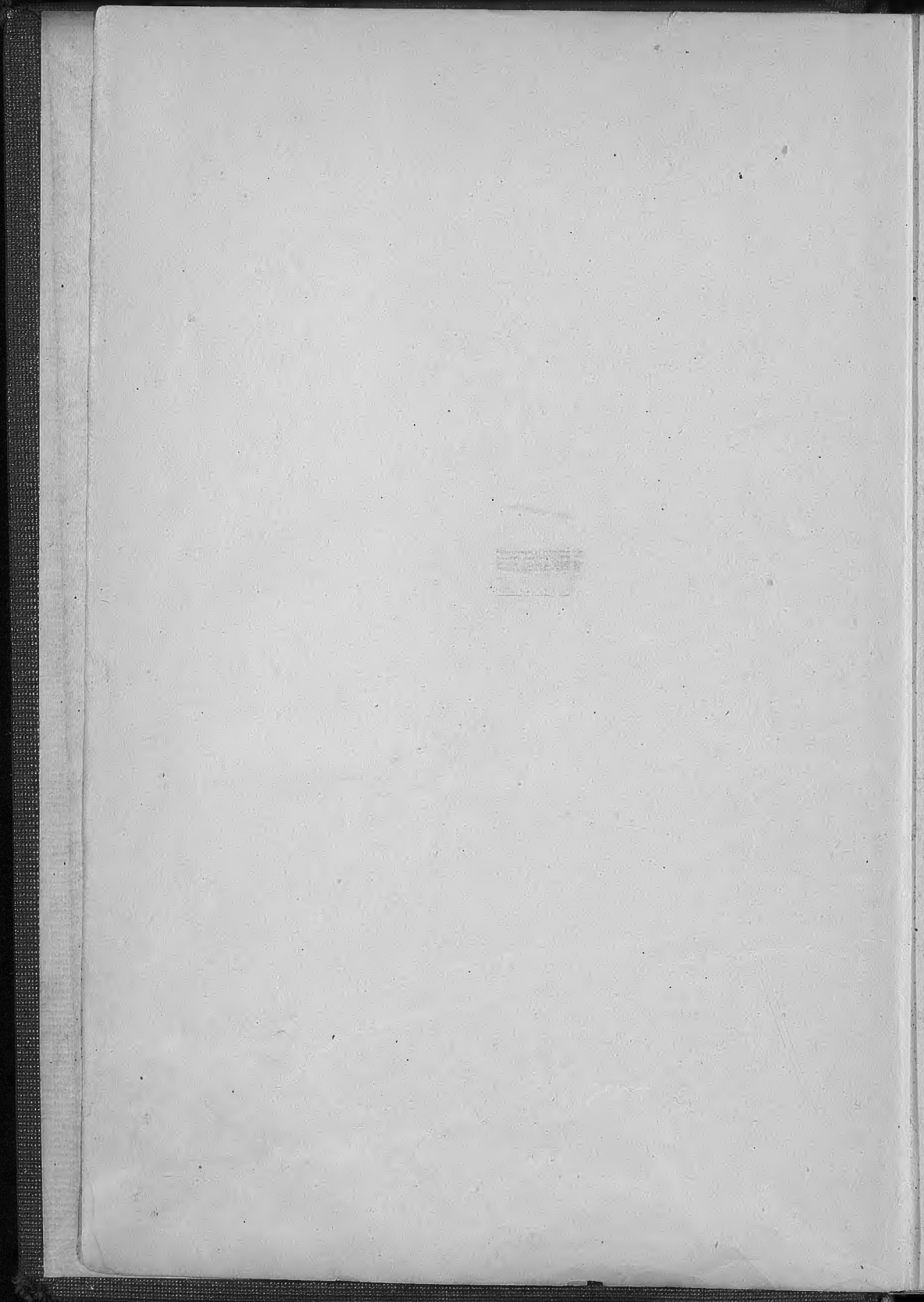
16 / III = 07

сб

~~A39~~ 11

КЛАССИКИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ
МЫСЛИ

ДОМАРКСИСТСКОГО ПЕРИОДА

II

П. Л. ЛАВРОВ

МОСКВА—1934

П. Л. ЛАВРОВ

КН
15
Л13

АЭД II

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ, КОММЕН-
ТАРИИ, ПРИМЕЧАНИЯ, БИОГРАФИ-
ЧЕСКИЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРКИ И. С. КНИЖНИКА-ВЕТРОВА

ТОМ ВТОРОЙ

1873—1874

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Переплет работы художника А. А. Толоконникова.

Сдано в набор 11/II 1934 г.

Подписано к печати 5/VI 1934 г.

Формат бумаги 62 x 94 см.

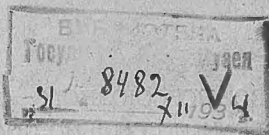
33,5 печ. л. 42.000 зн. в печ. л. Изд. № 15.

Заказ типографии № 110.

Тираж 5000 экз.

Уполномоченный Главлита В-60108

Отпечатано в типо-литографии им. Воровского
Москва, ул. Дзержинского, 18.

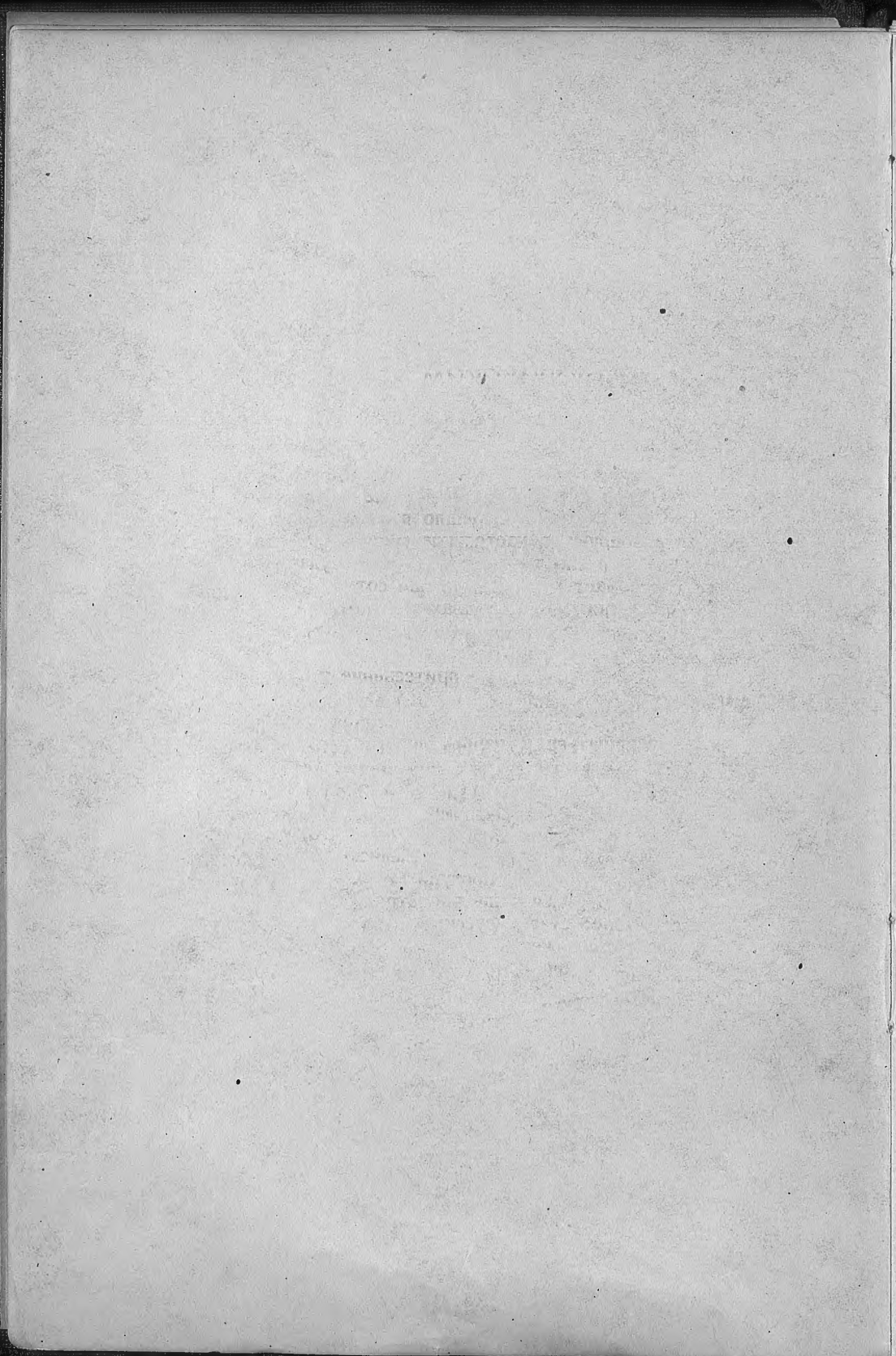

СТАТЬИ

(1873—1874)

РУССКИМ ЦЮРИХСКИМ СТУДЕНТКАМ¹

(Июнь 1873 г.)

Русское правительство напечатало в своей официальной газете правительственное сообщение относительно русских женщин, слушающих курсы в Цюрихе. Это сообщение перепечатано всеми главными русскими газетами, перешло в извлечении в некоторые иностранные, разошлось в настоящую минуту по всей России и по Европе. Оно облечено всем авторитетом государственной власти. Оно разом ломает жизнь более чем сотни русских женщин. Оно пытается очернить их в глазах их соотечественников и в глазах их товарищей по учению обвинением в безнравственности. Его нельзя оставить без внимания.

Как ни возмутительны грубое притеснение и низкая клевета, заключающиеся в сообщении русского правительства, мы стараемся к нему отнестись возможно спокойно. Мы не считаем себя в праве обращаться к нашим дорогим соотечественницам с каким-либо советом: каждая из них может быть поставлена в иное положение по своим семейным и экономическим отношениям, по большому или меньшему успеху своих занятий, по планам, которые она себе составила для будущего, в особенности же по степени своего возмущения последнею мерою правительства. Каждая может и должна поступить так, как ей говорит ее убеждение. Мы постараемся лишь посмотреть прямо в глаза тому положению, в которое ставит русских женщин, учащихся в Цюрихе, последнее распоряжение русского правительства, и разъяснить то отношение, в которое становится это правительство к личностям преследуемых и оскорбленных им молодых женщин, к их семьям и друзьям в отечестве, ко всей русской молодежи, ко всему, что мыслит и чувствует в России.

В сущности дело очень просто. Русское правительство «заблаговременно предупреждает всех русских женщин, посещающих цюрихский университет и политехникум, что те из них, которые после 1 января будущего 1874 года будут продолжать слушание лекций в этих заведениях, по возвращении в Россию не будут допускаемы ни к каким занятиям, разрешение или дозволение

которых зависит от правительства, а также к каким бы то ни было экзаменам или в какое-либо русское учебное заведение». — Вот голый и грубый факт.

Конечно, его следовало ожидать; может быть, не в столь грубой и оскорбительной форме, но все-таки он должен был совершиться. Русское правительство одно в Европе сохранило еще формы неограниченной власти «божиею милостью», и в то время, как во всех цивилизованных странах спор перешел уже на совсем иную почву, когда в Европе и Америке одряхлели уже формы конституционной монархии и парламентарной буржуазной республики, когда эти формы сделались знаменем консерваторов против радикалов социальной демократии, — в это время неограниченное русское императорство должно еще оберегать свои устарелые привилегии не только противу социалистов, провозглашающих безусловное право труда, но и противу всех оттенков старого либерализма, отживающего свой век в Западной Европе. При подобном совершенно исключительном положении оно сознает, что окружено со всех сторон опасной для него оппозицией и что ему приходится бороться за свое существование. Оно и борется всеми доступными ему средствами. Оно измучивает в каторге, душит в казематах всех, кого может подвести под пункт закона. Оно ссылает административно в глухие местности тех, кого легально наказать нельзя, несмотря на все натяжки. Оно гонит с кафедр профессоров, слишком любимых студентами; не пускает на кафедры доцентов, от которых можно ожидать живое, развивающее слово для русской молодежи. Все это совершенно понятно: это — старая борьба за существование, борьба волков, диких людоедов и эксплуататоров общества за право пожирать свою добычу и жить на счет других.

Особенно опасными врагами своими считает русское правительство тех русских, которым удалось ускользнуть от мер, принимаемых противу всякого свободного движения мысли в пределах России; тех русских, которые находятся вне его заботливых распоряжений; именно русских эмигрантов. Правительство в своем сообщении прямо приписывает «коноводам (1) русской эмиграции» главное участие в «увлечении молодых, неопытных девушек» в Цюрихе «в вихрь политической агитации». Правительство русское сильно ошибается, придавая такое значение русской эмиграции. Ни один эмигрант не может иметь политического и общественного значения в своем отечестве, если он не поддержан в своей деятельности раздражением, господствующим среди интеллигенции в самой стране, если он не остается в нравственном общении со своими соотечественниками, вследствие стеснений, на них лежащих и дозволяющих им высказывать свои мысли и чувства лишь через посредство эмиграции. Сам по себе, уединенный от отечества, эмигрант очень скоро теряет понимание перспективы вопросов, волнующих его соотечичей, создает

себе фантастический мир, остается без почвы и без влияния, поражая всякого свежего человека, приехавшего из самого края, нереальностью своих представлений о том, что там делается. Вся сила политической эмиграции лежит вовсе не в ней, а в той оппозиции, подавленной и раздраженной, которая находится в стране, откуда эмигранты бежали; в той оппозиции, которую вызывают к жизни, питают и расширяют притеснительные действия самого правительства; в той оппозиции, которая протестует голосом эмигрантов, воплощает свои страдания и свое раздражение в их слово и в их действие, за неимением возможности протестовать и высказываться иначе. Эмиграция вполне ничтожна и бессильна пред правительством, сумевшим привлечь к себе свой народ. Увеличение ее значения есть верный указатель растущего раздражения и растущей оппозиции внутри страны.

Русскому правительству опасна не оппозиция эмигрантов, а та оппозиция, которая давно уже накапливается и растет в самой России, увлекает в свои ряды все, что мыслит и чувствует, и находит все новую пищу своему раздражению. Оппозиционная мысль есть господствующая мысль русской интеллигенции с тех пор, как в России образовалось хотя небольшое зерно людей, самостоятельно задумавшихся над положением русского общества. Ни один русский писатель не имел общественного влияния, если не высказывал в своих произведениях оппозиционного направления; он терял авторитет, как лишь становился в ряды приверженцев и защитников правительства. Только те издания имеют влияние на русскую публику, которые выражают оппозиционную мысль. Только та личность пользуется действительным уважением в русском обществе, которая находится в оппозиции. Во всяком защитнике правительственных мер и правительственных личностей неизбежно предполагают человека продажного или ограниченного. Всякий мыслящий русский неизбежно попадает в оппозицию того или другого оттенка. Всюду, где может собраться кружок русских и свободно высказывать свои стремления, он становится неизбежно кружком оппозиционным настолько, насколько он состоит из личностей не совсем апатичных и идиотических. В самой России эта оппозиция сдерживается лишь систематическим воспитанием в себе лицемерия, взаимной опасливости. Оппозиционная мысль есть не только господствующая, но единственно живая мысль в России. Ее убивает лишь чисто эгоистический расчет; ее прикрывает лишь всеобщее распространение лицемерия. Лицемерит писатель, скрывая под безобидными формами речи желчную мысль, которую читатель разглядит между строк; лицемерит доцент, высказывая в строго ученой оболочке намек, от которого разгораются глаза молодого студента; лицемерит официальный исполнитель царской воли, покорно преклоняясь пред приказанием, которое он сумеет не исполнить. Лицемерие воспитывают в себе все русские, вследствие постоянной

опасности, им грозящей. Его воспитывает в них и правительство, употребляя столь же лицемерные приемы в своих распоряжениях.

Настоящее сообщение представляет превосходный пример подобных приемов. Мало того, что правительство как бы с особенной мягкостью обращается к своим «юным соотечественницам», которых за несколько строк пред тем весьма нецеремонно клеймит обвинением в «нравственном растлении»; мало того, что оно «заблаговременно предупреждает» их о мере, которая будет принята чрез семь месяцев. Оно вызывает радостные порывы наивных «Санктпетербургских Ведомостей» широкими обещаниями учреждения «особых курсов для приготовления ученых акушерок» при разных университетах и «высших женских учебных заведений с строго определенным и законченным курсом», относительно которых «высочайше» повелено уже составить «проект».

Прежде всего всякому, кроме «честных» публицистов, наивной газеты, бросилось бы в глаза, что те русские женщины, которые находятся на медицинском факультете, учатся не для получения крайне ограниченного диплома акушерки, а для получения прав медицинской практики в полных ее размерах, и эта цель не есть каприз русских женщин. Для нее, и только для нее, идет женское движение издавна в Америке, в наше время — в Англии и начинается в других странах. Женщины стремятся к медицинской равноправности, а не к приниженному положению специалистов родильного дела; следовательно, своими широкими обещаниями, которые так радуют наших наивных публицистов, русское правительство и не думает «удовлетворить существующей среди женщин потребности в высшем образовании», а тем менее дать русским женщинам «полную (!) возможность приобрести научные сведения в пределах отечества» в роде того, что дает им Цюрих. Все это не более как лицемерные фразы. В сущности русским женщинам, занимающимся медициною, предлагаются лишь ограниченные курсы для повивальных бабок. Лишая русских женщин, занимающихся медициною, возможности добыть себе в Цюрихе полные медицинские знания, русское правительство ничего не дает им взамен этого.

Для студентов других факультетов и политехникума выставлена иная фата-моргана. Здесь уже совершенно комична радость наших журналов при известии о «проекте (!!) высших женских учебных заведений». Точно как будто мы не знаем, как далеки формы, в которых создаются проекты нашего правительства, от форм, в которых они осуществляются. Точно как будто мы не знаем, что в настоящую минуту правительство не в состоянии дать России порядочных высших заведений не только для женщин, но и для мужчин. Во-первых, слова «строго определенный и законченный курс» ничего ровно не означают. Они могут относиться точно так же к бессодержательному и развращающему преподаванию русских женских закрытых институтов или к идиоти-

ческому мучению учениц греческими и латинскими вокабулами, вызвавшему в наших мужских гимназиях эпидемию самоубийства, или еще к отрывочным курсам безо всякого единства, как и к серьезному преподаванию законов явлений природы и общества в их связи. В действительности правительственное сообщение говорит русским женщинам лишь следующее: «Я имею намерение дать вам заведения, где будут учить вас так, как я захочу, тому, чему я захочу, чтобы вас учили». Это, точно, очень удобное средство «давать желающим полную возможность приобрести научные знания в пределах отечества».

Но серьезного преподавания русское правительство и не может дать русским женщинам, потому что оно не в силах дать его и мужчинам. Ни для кого не секрет, что наши университеты находятся в полном разложении. В московском университете исчез всякий след времени Грановского и Кудрявцева²; в петербургском вырваны с корнем даже умеренные традиции профессуры начала шестидесятых годов. Повсюду множество кафедр вовсе не занято; рядом с двумя-тремя замечательными специалистами все остальное состоит из бездарностей или раболепных слуг правительства; молодые силы доцентов с крайним трудом могут пробиться на кафедры; в каждом сколько-нибудь талантливом ученом правительство подозревает врага, распространителя оппозиционных идей; на университеты оно смотрит с крайним недоброжелательством, как на главные центры политической агитации в России. Какая же может быть вероятность, что оно заведет для женщин еще несколько подобных же центров? Какая вероятность, что оно допустит к высшему преподаванию для женщин молодых ученых, которых не допускает в мужские университеты? Какая вероятность, что оно сумеет наполнить кафедры высших женских курсов способными личностями, когда кафедры существующих университетов стоят пустыми или замещены заслуженными бездарностями? Слова правительственного сообщения, относящиеся к высшим женским курсам, составляют явно программу невыполнимую, а, по всей вероятности, они высказаны и без всякого намерения приступить к сколько-нибудь серьезному их исполнению. Радость журналов по этому поводу может быть лишь напускною радостью. Кюстин³, бывший в России в николаевское время, называл наше отечество «страною программ». С тех пор мы усовершенствовались значительно и в этом отношении; число программ и отделка их возросли значительно, и в умении не исполнять их мы тоже двинулись вперед. Вся группа обещаний правительственного сообщения должна быть отнесена к лучшим образчикам лицемерных уверений в «сочувствии» правительства к движению, которому оно сочувствовать не может, так как всякий успех высшего образования в России есть неизбежно и успех в ней оппозиционной мысли.

Но эта сторона правительственного сообщения высказывается

не в одних обещаниях, а также в форме, которая придана угрозе, обращенной к тем, кто рискнул бы не послушаться. Угроза, по-видимому, весьма мягка. Всякая русская женщина, остающаяся учиться в Цюрихе после 1 января 1874 г., не получит ни диплома, ни места, зависящего от правительства. Ну, а что же будет тем, которые не нуждаются ни в русских дипломах, ни в местах от правительства, захотят окончить курс в Цюрихе и поедут в Россию на частные занятия разного рода? Получат ли первые беспрепятственно места и дипломы? Получат ли последние возможность свободно приступить к своей частной деятельности? По буквальному смыслу сообщения оно так, но едва ли с самою усердною напускною наивностью может верить тому какой-либо русский, и каждая из русских цюрихских женщин отлично знает, что скрывается здесь между строками. Те, которые, при усиленной работе, кончат курс ранее 1 января 1874 года, точно так же не получат ни места, ни дипломов и едва ли избегнут преследования, потому что они все отмечены, все неблагонадежны в глазах правительства. Их долгие труды, их энергические занятия пропали даром для тех, которые избегали всякого общественного дела в Цюрихе, точно так же, как для тех, кто увлекался «бесплодными волнениями», по изящному выражению правительственного сообщения. Повиновение грубому распоряжению правительства о немедленном прекращении занятий несколько не улучшит их участи. Что касается до тех, которые рискнули бы не послушаться милостивого «предупреждения», сказав себе, что они не нуждаются в дипломах и официальных местах, и затем вздумали бы приехать в Россию для какой-либо частной деятельности с уверенностью, что им за это ничего быть не может, то... таких наивных особ можно встретить, пожалуй, между публицистами «Санктпетербургских Ведомостей», но, конечно, не между осьмнадцатилетними и двадцатилетними русскими девушками и женщинами Цюриха. Каждая из них, едва оставив свою первую куклу, отлично знает, что она беззащитна перед произволом русского правительства, как беззащитна вся ее семья, все люди, ей близкие, как беззащитен всякий русский. Нет закона, нет силы, нет нравственного начала, которое ограждало бы личность русского или русской от власти, над ней тяготеющей.

Но повиноваться распоряжениям правительства, по-видимому, очень легко. Императорское табу наложено на один Цюрих. Можно и повиноваться, и продолжать учение. Стоит только переехать в другой университет, а их так много в Европе; иные из них так близко от Цюриха. Оно, действительно, так, но кто же ручается вам, нынешние цюрихские студентки, что распоряжение правительства, сделанное в этом году относительно Цюриха, не повторится в будущем году для Берна, для Женевы, для всей Швейцарии, для всей Европы? Этого не нужно будет, скажете вы, потому что там не будет «коноводов эмиграции». Но мы уже

сказали выше: сила оппозиции не в эмигрантах и не в их кон- водах, а в оппозиционной мысли, которая растет и развивается в России, которую русская молодежь несет с собою всюду, где она собирается; в оппозиционной мысли, которая неизбежно про- явится всюду, где соберется кружок русских с возможностью совместной жизни и более или менее свободного обмена мыслей. Куда бы вы ни съехались, в какой бы университет ни укрылись, если вас будет несколько человек, если вы будете видаться между собой после утомительного трудового дня, если вы будете с лю- бовью вспоминать и говорить о далекой России, о дорогом для вас отечестве, — то неизбежно течение русской оппозиционной мысли охватит вас; неизбежно вы обратите на себя подозритель- ное внимание правительства и его шпионов; неизбежно вы под- вергнетесь недоброжелательству правительства, как враждебный ему элемент, и неизбежно последует в более или менее грубой форме «распоряжение», «предупреждение», или как там угодно назовите его, которое уничтожит разом все результаты ваших трудов, занятий и пожертвований. Против этого есть одно сред- ство: когда вы поселитесь в каком-нибудь иностранном универ- ситетском городе, бегите друг друга, как чумы; бегите вся- кого русского человека, который напоминал бы вам о далеком отечестве; бегите звука русского слова, которым говорят ваши братья, страждущие на родине, скитающиеся за границей; бегите мысли о России, о русском народе, о всем, что он терпит, о всем, чего он желает; воспитывайте в себе индифферентизм к вашей родине, боязнь относительно всего русского; воспитывайте в себе схоластику филистера, расчетливость эксплуататора, трусливость раба; забудьте, что вы русские и что благо русского народа дол- жно быть для вас дороже всего. Тогда, и только тогда, вы, может быть, избавитесь от преследований русского правительства, но и то — может быть, а вовсе не наверно.

Но достигло ли цели русское правительство своим распоря- жением? Ослабило ли оно рост русской оппозиционной мысли, грубо и насильственно прекращая учебные занятия сотни русских женщин в Цюрихе, отняв у русского народа, лишенного средств лечения, вымирающего и вырождающегося от повсеместных бо- лезней, едва ли не последнюю возможность увеличения числа вра- чей в России? Посмотрим, какое впечатление произведет и должно произвести последнее правительственное сообщение, даже вполне независимо от воли тех, кто получит это впечатление.

Почему рвется молодежь из России в Цюрих и вообще за гра- ницу? Для нее тяжел воздух отечества. То тлетворное воспитание лицемерия, о котором мы говорили выше, мало-по-малу выраба- тывает во взрослом русском привычку неискренности, которая делает для него менее заметную тяжесть этого безнравственного воспитания. Но для молодежи, еще не свыкшейся с этим поваль- ным лицемерием, она едва выносима. И вот молодежь рвется туда,

где не нужно лицемерить, где можно быть искренним. Она жаждет слышать свободное русское слово. Она хочет посмотреть на представителей русской оппозиции, сумевших не преклониться пред волею русского правительства. Она верит, что вот там, где звучит свободное русское слово, где беспрепятственно может высказываться русская мысль, там она встретит особенных людей, чистых представителей лучших стремлений, что там она найдет свободное русское общество, чуждое мелких дрызг и пошлых интриг, развивающихся под тлетворным давлением неограниченной власти и шпионства в России.

Большинство этой молодежи, посмотрев вблизи на то, что казалось так красиво и велико издали, сильно разочаровывается. Самые замечательные люди имеют много слабостей, делают беспрестанные ошибки, и эти слабости и ошибки всегда заметнее их достоинств для постороннего наблюдателя. Самые способные эмигранты, как мы уже говорили, неизбежно развивают в себе фантастический, нереальный взгляд на события, совершающиеся на их родине, если не находятся в постоянном общении с соотечественниками и не употребляют всевозможных усилий для проверки своих взглядов. Общество русское, даже вполне свободное, не может разом оставить тех привычек, которые оно переносит с собой из патриархальной русской семьи, из традиции чиновничьего низкопоклонничества и взяточничества, из губернских и уездных центров сплетен и интриг, только на свободной почве все эти элементы выказываются ярче и нагляднее. Таким образом, увлекаются заграничною русскою жизнью лишь очень немногие, выехавшие за границу с совершенно сложившимися убеждениями и с определенной целью, на которую не могут подействовать личные впечатления; или такие, которые готовы отказаться от личной воли и личной мысли в пользу первого, кто захочет подчинить их себе. Большинство русской молодежи оставляет центры русской заграничной жизни и общение с «коноводами» эмиграции, разочарованное в блестящих иллюзиях, с которыми ехало за границу, и слишком часто это разочарование обращается в полную политическую апатию.

Если цюрихский центр русской заграничной жизни рассыплется под грубым ударом русского правительства; если последнему удастся помешать образованию подобных центров в других местах, то прежде всего те, которые рвались на более свободный воздух из России, те, которые верили в действительность ореола эмиграции и в особенную привлекательность свободных центров русской жизни за границу, сохранят свои иллюзии. Для них останутся авторитетами личности, которые, увиденные вблизи, перестали бы, может быть, казаться авторитетами. Для них отрывки свободного русского слова, перевозимые тайком издалека, как драгоценность, останутся оракулами истины. Они будут продолжать верить, что там, далеко, есть люди, разрешившие верно

и основательно те вопросы, которые мучат современную Россию; что там, далеко, есть места, где русские, собираясь вместе на свободной почве, могли бы переродиться, оставить унаследованные привычки лицемерных рабов, воспитать в себе широкую мысль, самоотверженные убеждения, готовность трудиться и приносить жертвы для общего дела. И эти сохраненные иллюзии, эта невозможность хотя бы на время вырваться из тяжелого воздуха лицемерия и пошлости, их окружающего, неизбежно будут питать в этой части молодежи раздражение, которое могло бы исчезнуть при столкновении с заграничной действительностью. Если русское правительство думало своим распоряжением задержать оппозиционную мысль и раздражение, растущее против него в молодежи, то оно поступило прямо против своего намерения, по крайней мере в отношении к той части молодежи, которая рвалась за границу, в особенности же в Цюрих, но теперь не попадет туда.

Но поговорим о самих русских цюрихских студентках. Многие из них очень бедны. Тяжело было им собирать те гроши, на которые они жили и учились в Цюрихе; тяжело было многим семьям обрекать себя на различные стеснения, лишь бы дочь, сестра, жена могла прожить четыре года в чужом городе, оторванная от всего близкого. Многие из этой молодежи терпели голод и холод, брали по полпорции для своего обеда, питались куском мяса, кое-как зажаренного на домашней жаровне, отнимали у сна часы для заработка или для усиленных занятий. Тяжело в молодые годы отрекаться от всяких удовольствий, от всяких развлечений; тяжело недоедать и недосыпать, вести жизнь аскета при полной возможности жить веселее. Но все эти жертвы, все эти лишения казались легкими для одной цели: достать себе самостоятельность трудом и знанием, вести жизнь не обузою на плечах отца, брата или мужа, но принести свою долю честного заработка в свою семью, стать равноправным членом общества. Мы нарочно говорим об этих чисто личных побуждениях, о побуждениях, в которых никакое правительство не может видеть ничего предосудительного. Мы знаем, что многие из русских студенток возмутились бы, если бы мы позволили себе предполагать в их деятельности только такие узкие цели. Для них экономическая самостоятельность, общественная равноправность составляют лишь первые, низшие ступени человеческой деятельности; они приносили и приносят в жертву молодость и, здоровье, чтобы сделаться полезными членами общества, чтобы помочь страждущим, чтобы бороться против зла, чтобы способствовать прогрессу отечества. Но мы не будем говорить об них; мы желали бы скрыть их честные молодые стремления от наших читателей. Те, которые желают действовать для общей пользы, должны знать, что их ожидают преследования. Друзья русского народа суть неизбежно преступники в глазах русского правительства.

Мы будем говорить лишь о ближайшей, безобидной цели, общей

всем учащимся женщинам. Трудом и лишениями, тратой молодых сил и тяжелыми жертвами они хотели добыть себе самостоятельный заработок, независимое и обеспеченное положение в обществе. Теперь их труды пропали даром, они сами и их семьи принесли напрасно тяжелые жертвы временем и деньгами, здоровьем и усиленным трудом. Кто отнял у них их будущее? Кто обратил разом в ничто их надежды на общественную самостоятельность, на сколько-нибудь обеспеченное будущее? Кто отнял у них и у их семей гроши, накопленные с таким трудом и усилиями на учение?

В этом случае не может быть сомнения. Распоряжение вышло не от какой-нибудь низшей власти; оно не подписано отдельным министром, начальником отдельной части. Оно помещено в официальной газете как правительственное сообщение, и в этой форме перешло во все русские издания. Правительство русское взяло его на свою ответственность в каждом слове, в каждой подробности. А в России существует лишь один источник всякой власти. В России распоряжается лишь один человек, и он один отвечает за все совершаемое властью. Русский император взял на себя ответственность за ограбление сотни молодых женщин, захотевших учиться, чтобы жить не на счет отцов и мужей, а на свои труды. Русский император, в полноте своей неограниченной власти, нашел нужным отнять гроши у семей, приготавливавших себе помощницу, у бедной девушки, отказывавшейся от сна и от еды, от молодого веселья и от родного дома для того, чтобы со временем иметь верный кусок хлеба и основательные знания. Помните же это, русские женщины; и вы будете это помнить. Пусть помнят это ваши семьи; и они не забудут этого. Когда вы вернетесь в ваш бедный родной дом, когда вам придется есть кусок, не вами заработанный, когда вы почувствуете, что вы не можете, не умеете помочь мужу в трудной борьбе жизни, что вы обречены всегда жить на чужой счет, объедать тех, кто вам всего дороже, — помните, что это русскому императору, с его неограниченной властью, с его заботливостью о народе, вы обязаны нищетою семьи, вашим униженным положением; помните, что это он своим распоряжением обрек вас на участь дармоедок в семье или содержанок, платящих лаской за хлеб, платье и квартиру.

Да, русский император обрек вас на эту судьбу. И не думайте, что это — вина ныне царствующего государя. Он ли, другой ли, всякий поступил бы так же. Не Александр Николаевич⁴, как личность, а русский император, отстаивая свою неограниченную власть, должен был фатально преследовать всякий зародыш самостоятельной мысли, самостоятельной деятельности среди своих подданных. Он должен был фатально преследовать и вас. И замечьте: он не сделал ничего противозаконного. Он источник всякого закона. Ваша семья и вы сами — все в России принадлежит ему. Ваши трудно накопленные небольшие заработки принадлежат ему. Ваша жизнь принадлежит ему. Он ограбил вас;

он изломал вашу жизнь. Это — право русского императора. Целуйте руку, обрекающую вас на ваше печальное будущее.

Но если вы и ваши семьи разорены, то вы еще не имеете права жаловаться. Посмотрите около себя в России. Посмотрите на русского мужика, на русского работника. Народ русский разорен повально поборами и притеснениями. Он вымирает и вырождается от этого разорения. Ваша участь далеко лучше в этом отношении, чем участь большинства русского населения. Императорская власть, разоряющая Россию, ограбила и вас. Это печально для вас, однако вы в этом случае можете утешиться мыслью, что разделяете эту участь со всем русским народом. Но вам ваше заботливое правительство постаралось нанести еще другой удар: оно не только разорило вас, оно пыталось вас опозорить. Оно пред всем светом обвинило вас в «нравственном растлении».

Казалось бы, для чего всемогущему русскому правительству взводить подобное обвинение на сотню молодых женщин, занятых с утра до вечера лекциями и приготовлением к лекциям, отказывающих себе во всем, и на жизнь которых стоит посмотреть хотя мимоходом, чтобы убедиться, что здесь не имеют решительно никакой почвы обвинения правительства? Для чего же было ему унижаться до бесполезной клеветы, нелепость которой очевидна для всякого прожившего хотя немного в Цюрихе? И что общего вопрос об официальной женской нравственности, об официальном женском целомудрии имеет с оппозиционным движением, против которого борется русское правительство? Не наполнены ли дворцы и дома самых благонамеренных слуг императорства содержанками, которые продали себя не на четверть часа, не на ночь, а на всю жизнь за богатую квартиру и обеспеченное положение, — развратницами, в какое угодно время дня и ночи отдающими свое тело в распоряжение человека, которого они не любят, не уважают, едва переносят физически и нравственно, но который им платит за их разврат положением в свете, шелковыми платьями, ложею в итальянской опере? Не разнесла ли по всему миру молва рассказы об изысканном распутстве женщин, очень, очень высоко стоящих в иерархии русских графинь, княгинь и великих княгинь настоящего времени? Не стало ли совершенно ходячею истиною, что ни в один период истории, ни в одном народе отношения между молодыми людьми обоих полов не были так человечески и мало обусловлены одною чувственностью, как в современной русской нигилистической молодежи? Нам собственно вовсе не интересно проводить параллель между взглядами прежнего и нового времени на половые отношения; между официальными нравами придворных Александра II и учащейся русской молодежи. У царей и великих княгинь, как у студентов и студенток, мы считаем это — личным делом. Но именно потому мы думаем, что читателя не могут не поразить оскорбительные выражения русского правительства относительно русских

студенток, на которых это правительство огулом бросает подозрение, что они «доводят забвение основных начал нравственности и женского целомудрия до крайних пределов». Мало того: правительство обвиняет их в обращении самой науки в позорный и безнравственный промысел. Нас не удивляет клевета и низкая инсинуация: неограниченные правительства, не имея нравственных начал, их сдерживающих, не стесняются ничем в борьбе с действительными или предполагаемыми врагами. Мы не спрашиваем себя вовсе: с чего это взяли? Потому что ложь есть обычное орудие притеснителей народов. Мы спрашиваем только: для чего русскому правительству понадобилась такая позорная и гнусная клевета?

И на это мы можем найти лишь один ответ: чтобы повредить, насколько возможно, студенткам, оставляющим Цюрих, в глазах личностей, которые могли бы им содействовать в продолжении их занятий или в приложении их знаний к общественной деятельности.

Да, и тут русский император постарался преследовать вас, русские женщины. Он не удовольствовался тем, что отнял у вас средства к самостоятельному заработку; он постарался отнять у вас ваше доброе имя. Не чувствуя себя в силах сопротивляться грубой власти, многие из вас оставят Цюрих и пойдут попробовать, нельзя ли им продолжать и кончить начатый курс в другом иностранном университете; не позволит ли им русское правительство, столь старательное в преследовании своих подданных, в каком-нибудь углу Европы продолжать борьбу за верный кусок хлеба и за право лечить русский народ. Ступайте в иностранные университеты. Но вы знаете, как враждебно смотрит большинство профессоров-филистеров на женское движение настоящего времени. Вы знаете, как нелюбезно относится к своим новым конкуренткам по гонорарию врача значительная доля европейского студенчества. Весьма вероятно, что вы встретите со стороны университетских начальств, со стороны ваших университетских товарищей еще большие препятствия, еще большие неприятности, чем встречают и встречали другие. Вы — *русские цюрихские студентки*. Вас заклеямило ваше правительство именем развратниц в жизни, развратниц в самой науке. Если вас на вашем трудном пути встретит не раз незаслуженное оскорбление, то не вините оскорбителей. Не могут же они представить себе, что русский император, в полновластии своего монаршего величия, безо всякого основания оклеветал молодых женщин. Оскорбители ваши прочли официальное сообщение, сделанное не каким-нибудь позорным писакою, не Булгариным⁶ или Катковым, не одним из грязных русских рассказчиков о нигилистах, не Авенариусом⁶ или Лесковым⁷, — нет, оно сделано русским правительством, русским императором. Виноваты ли же эти оскорбители, что они поверили основательности грязных обвинений, на вас брошенных?

Помните же, русские студентки, при каждом новом оскорблении, вам нанесенном, — а их будет много, — что его наносит вам ваш самодержавный император; помните, что он бросил пятно на ваше имя, он заклеил вас позорным обвинением в глазах ваших профессоров, он предал вас на поругание вашим товарищам. Если вы, наконец, не выдержите решения, которое становится все труднее; если не вынесете оскорблений, то помните: это все русский император испортил вашу жизнь, лишил вас всякого будущего, закрыл перед вами все пути.

Но вас не одних постигло правительственное распоряжение. Это сообщение перепечатано во всех русских газетах. Подлые лакеи журналистики прибавляют к нему изрыгание своей грязной мысли. Трепещущие либералы не могут не похвалить правительства. Немногие хранят достоинство молчания. Никто не смеет протестовать; никто не решается отказаться замарать свой журнал лицемерной инсинуацией, грязной клеветой правительственного сообщения. Оно идет во все концы России. Его читают в столицах и в уездах; на городской площади и в помещичьем доме, в трактире, в офицерской библиотеке и в деревенском кабаке. Его читают в ваших семьях, в кружках ваших друзей, в гостиной ваших недоброжелателей, в собрании ваших дальних знакомых.

Что думают, что чувствуют ваши отцы и братья, ваши матери и сестры, люди вам дорогие и вас любящие? Как принимают они этот позор, высочайше брошенный на ваши молодые головы?

Есть такие, которые верят; есть такие, которых может убить эта клевета, на вас падающая. Но те, кто любит вас, те, кто знает вас, знают и то, что это — клевета, знают, что вы не заслужили этого оскорбления. И вот мирные подданные, никогда не думавшие об власти русского императора и об ее отношении к народу, чувствуют на себе, на самых дорогих для них существах, что может безнаказанно сделать русский император, что может себе позволить неограниченная власть относительно своих подданных. В сотне семей оскорбление, вам нанесенное, отзовется болезненным раздражением. Ваши друзья чувствуют, насколько они бессильны защитить вас пред давящей властью. Где суд, который бы принял обвинение в клевете против власти, стоящей над всяким судом, над всяким законом? Пусть помнят ваши оскорбленные отцы и братья, друзья и мужья, что лишь бесправие русской земли позволило русскому царю безнаказанно оскорбить доброе имя сотни молодых женщин.

Пробуетесь ли вы или нет по вашему трудному пути, вернетесь ли разбитыми или победительницами, но вы вернетесь, наконец, в Россию. Вы встретите там не только друзей, которые с тем большим жаром обнимут вас чем грубое было оскорбление, вам нанесенное. Вы встретите и всю тину русской пошлости и сплетен; вы встретите людей, которые на вас уже давно

смотрели недоброжелательно и которые с радостью воспользуются высочайшим авторитетом, чтобы в продолжение всей вашей жизни бросать вам в глаза обвинение, публично на вас возведенное русским правительством. Вы не раз заметите насмешливый взгляд пошляка, не раз услышите ядовитый намек сплетницы. Помните, что это опять-таки русский император дал вашим врагам оружие против вас; помните, что его высочайшая клевета скрывается под насмешками и намеками, которые будут вас преследовать всю жизнь.

Ваши волосы поседеют. На ваших молодых лбах прорежутся морщины. Но и тогда, может быть, ваши дети услышат, как в раздражении спора какой-нибудь старый враг бросит вам в глаза название *цюрихская студентка*. Может быть, тогда дети станут вас спрашивать, что могло быть обидного в словах, доказывающих только, что вы в молодости трудились и учились. Сохраните на этот случай листок газеты от 22 мая 1873 года, сохраните его тщательно, потому что едва ли ваши дети поверят вашим словам без доказательства. Едва ли они будут в состоянии вообразить, что это не сказка, что в эту эпоху полновластный, самодержавный император нашел нужным для государственных целей бросить незаслуженное пятно грязи на сто молодых женщин из-за того только, что они хотели учиться в свободном городе. Может быть, они спросят вас с разгоревшимися щечками, с сверкающими глазами: что же сделали ваши друзья? что сделали русские, которые знали, что это клевета?.. Мы не знаем, что вы на это ответите...

Иные из вас, может быть, забудут или простят нанесенное им оскорбление. Иные преклонятся пред властью и покорно поцелуют оскорбившую их руку. Но таких будет немного. Большинство постарается забыть, но не будет в состоянии это сделать. Вы будете молчать; вы, может быть, не захотите волновать себя и близких к вам бессильным раздражением. Но вы сохраните это раздражение; вы понесете его с собою. И в ваших семьях, в среде ваших друзей немногие забудут и простят. Остальные будут помнить, и придет минута, когда им можно будет припомнить это. Вы разойдетесь в разные стороны, в разные города Европы и России. Вы встретите не все врагов и противников. На трудном пути жизни вас согреет новая дружба. Биению вашего сердца ответит биение другого дорогого вам сердца. Этим друзьям, этим дорогим вам людям вы не можете не передать, как русский царь пытался отнять у вас и годы труда, и последние деньги, и доброе имя. Кто бы ни были эти новые друзья, эти люди, вам дорогие, если в их голове будет мысль, если в их сердце будет живое чувство, они переживут в себе оскорбление, вам нанесенное; они поймут, что делает и что может сделать власть, тяготеющая над Россией; они вынесут из дружбы к вам, из любви к вам раздражение противу власти, вас преследовавшей.

Ступайте же каждая туда, где вам кажется удобнее пробить себе путь самостоятельной жизни. Останетесь ли вы в Цюрихе, поедете ли вы в один из университетов Европы, вернетесь ли в Россию, — это все равно. Вам везде будет трудно. Всюду вас будет преследовать власть, которая нанесла вам грубое оскорбление, которая пыталась закрыть вам все дороги, пыталась испортить вам всю жизнь. Всюду вам может отозваться обвинение, на вас павшее. Ваши имена вошли в длинный мартиролог русской мысли. Протесты ваши не нужны. Оппозиционная деятельность с вашей стороны не нужна. Вы сами в себе, в своей судьбе понесете во все кружки русских за границу, где вы будете, во все места России, куда вы вернетесь, живое, воплощенное обвинение власти, которая нанесла незаслуженное оскорбление ста русским женщинам и имела возможность нанести его безнаказанно.

Может быть, часы этой власти сочтены. Может быть, то громадное движение рабочего социализма, которое волнуется теперь под всеми либеральными королевствами и республиками, подо всем легально-промышленным строем Европы, подорвет вместе с другими, — может быть, и ранее других, — архаическое здание безответственного, неограниченного русского императорства. Может быть, русское крестьянство, слишком занятое своими страданиями, своими бедствиями, чтобы заботиться о ваших болях, об оскорблениях, вам нанесенных, отмстит зараз за вас и за себя. Если это совершится на ваших глазах, если ваши друзья, ваши братья, ваши дети увидят это, пусть они припомнят тогда, что с вами сделали, как вам испортили жизнь. Пусть припомнят, что эта гнетущая, оскорбляющая власть не может быть ослаблена иначе, как в союзе с народом; что над нею восторжествовать можно, лишь решившись осуществить новый строй общества, каким оно должно сделаться по потребностям народа. Пусть готовятся ваши друзья и братья, ваши мужья и дети к этой великой борьбе. Если вы сохраните каплю человеческого достоинства, если в ваших семьях и людях, любящих вас, бьется энергическое сердце и живет смелая мысль, едва ли над вашими дочерьми будет стоять сила, способная им нанести оскорбление, которое было нанесено вам.

[ПРЕДИСЛОВИЕ К I ТОМУ ЖУРНАЛА „ВПЕРЕД“]⁸

Вдали от родины мы ставим наше знамя, знамя социального переворота для России, для целого мира.

Это не дело лица, это не дело кружка, это — дело всех русских, сознавших, что настоящий порядок политический ведет Россию к гибели, что настоящий общественный строй бессилен исцелить ее раны.

У нас нет имен. Мы — все русские, требующие для России господства народа, настоящего народа; все русские, сознающие, что это господство может быть достигнуто лишь народным восстанием, и решившиеся подготовить это восстание, уяснить народу его права, его силу, его обязанность.

Много ли нас, мало ли нас — сочтете в день настоящей борьбы.

Мы — всюду: в кружке эмигрантов, оторванных от родины, в одинокой ссылке и безлюдном городе, в дальнем разоренном селе, в сонном уездном местечке, на базаре ярмарки, на площади столицы...

Мы далеки от вас, мы среди вас...

Мы зовем к себе, зовем с собою всякого, кто с нами сознает, что императорское правительство — враг народа русского, что настоящий общественный строй — гибель для России.

Всякий, разделяющий наши мнения, обязан быть в наших рядах, обязан участвовать в нашем деле, потому что это — дело не лица, не кружка, а дело народа русского.

Мы ждем всех вас, братья-товарищи, для общего дела.

Посылаем нашу первую книгу с горячим приветом нашей дорогой родине, нашим братьям-товарищам, всему народу русскому.

Ваш суд докажет нам, ошиблись ли мы, принимаясь за наше дело, нужно ли оно вам, нужно ли оно народу русскому.

Если оно нужно, мы будем делать его.

13/I августа 1873.

Цюрих.

ВПЕРЕД!

Наша программа⁹

(Март 1872 — март 1873)

Приступая к изданию на русском языке за границей, мы очень хорошо знаем все препятствия, представляющиеся подобному изданию; и все предубеждения, которые оно может вызвать. Увеличение стеснений русской печати последними распоряжениями русского правительства несколько облегчило наше дело, и мы не можем не отнестись с признательностью к этому содействию, но тем не менее наше дело не легко.

Весьма вероятно, что читатель взглянет на наше предприятие с недоверием: что может сказать оно нового и интересного? В нем нельзя уже встретить незаменимого таланта Герцена. Для вопросов общих существует иностранная литература; для вопросов русских надо следить близко за русскою жизнью, понимать ясно, что нужно России, что для нее возможно. Вероятно ли, чтобы русское заграничное издание могло сказать о западных вопросах нечто непохожее на мысли, повторенные сто раз и полнее и лучше изданиями на иностранных языках? Возможно ли в нем не только разбирать, но даже понимать русские вопросы, как должны и как могут делать это журналы, издаваемые в России? Если заграничное издание рассчитывает преимущественно на свободу слова, не существующую в России, то не будет ли оно бить исключительно на резкость выражения, на скандал, на ругательство в отношении к лицам и к предметам, которых едва можно касаться с почтительною оговоркою в пределах Российской империи? Не будет ли оно призывать молодежь на новые бесполезные жертвы? Не будет ли оно волновать умы стремлением к неосуществимым целям? Не будет ли оно эффектной оболочкой малозначительного содержания?

На эти опасения и вопросы мы отвечаем нашей программой, от которой мы не думаем отступать.

Точные факты — вот основание, на которое мы намерены опираться. Безусловная критика — вот орудие, которое мы намерены употребить. Борьба с монополиею во всех видах в пользу тру-

да — вот общественная цель, которую мы себе ставим. Факты для русской жизни будут собираться в главных центрах этой жизни и будут отмечены людьми, имеющими возможность следить близко за ее процессом. Факты заграничной жизни войдут в нашу программу лишь настолько, насколько они будут касаться или развития русского общества, или борьбы против монополии во всех ее видах, борьбы, которая составляет, по нашему мнению, прямую обязанность публициста нашего времени. Как факты заграничной жизни, так и общие вопросы будут разобраны лицами, подвергнувшими их серьезному изучению. Не фраз, не нападений на личности должен ожидать читатель в новом издании, а критику оснований современного общественного строя. Личности суть то, что из них выработали обстоятельства; один император может быть несколько лучше или несколько хуже другого; один министр может несколько вреднее действовать на страну, чем другой, и нельзя не указать на губительное влияние того или другого образа действия, но в сущности вредны не личности, а их безответственность, их исключительное положение, которое привело их по необходимости к тому или другому образу действий; в ином общественном строе они могли быть безвредны или даже полезны. Поэтому мы решительно отказываемся помещать на наших страницах личные ругательства или такие черты из частной жизни, которые не имеют отношения к общественным вопросам, для нас важным. Если деятельность той или другой личности вредна, то заслуживает публичного осуждения именно в той мере, в какой она вредна обществу; если эта вредная личность в частной жизни честна и симпатична, или мелка или позорна, это ни на каплю не изменяет ее вреда для общества, следовательно, и степени ее виновности. Мы судим не частную жизнь, а общественное дело; не частных людей, а общественных деятелей. Мы враждуем не против личностей, а против общественных начал, против несправедливости общественного строя.

Самое важное для читателя, конечно, знать цели, к которым мы стремимся, и не в общих формулах, а в частном отношении этих целей к различным вопросам, волнующим современность. Мы поэтому войдем здесь в некоторые подробности.

Для нас в настоящую минуту существуют две общечеловеческие цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек, становясь на сторону прогресса или реакции; две борьбы, в которых индифферентным быть нельзя, отношение к которым должно определить отношение ко всем остальным вопросам, как к второстепенным; две борьбы, которые должны быть девизом всякой личности, всякой партии, всякой нации, желающей участвовать в развитии человечества. Это, во-первых, борьба реального миросозерцания против миросозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов богословских и метафизических, теоретических и нравственных, —

короче говоря, борьба науки против религии.) Это, во-вторых, борьба труда против праздного пользования благами жизни, борьба полной равноправности личности против монополии во всех ее формах и проявлениях, борьба рабочего против классов, его эксплуатирующих, борьба свободной ассоциации против обязательной государственности, — короче говоря, борьба за реализацию справедливейшего строя общества.

Из этих двух исторических задач современности решение первой уже далеко подвинуто вперед; к тому же для России эта задача имеет мало значения: религиозными вопросами у нас интересуются лишь те, которые едва ли прочтут наше издание. Поэтому нам лишь изредка придется коснуться важнейших завоеваний, сделанных наукой в ее борьбе с религиозным преданием, или упоминать о слабых судорогах партии европейских супранатуралистов, которые сами потеряли давно веру в возможность своей победы. Совсем другое дело вторая борьба — за справедливейший строй общества. Еще многие не сознают вовсе ее значения. Многие отрицают возможность ее правильной теоретической постановки, точно так же как возможность ее благоприятного исхода. Борьба эта едва вступила в тот фазис, в котором ее основы стали вполне реальны и в котором ее участники могут ясно понять, где их товарищи и где враги. Против осуществления справедливейшего строя направлены все силы реакции, во имя древнего консервативного предания и во имя новой, псевдолиберальной легальности. Борьба за него вызывает всюду кровавые жертвы и тяжелые страдания. Она требует самого энергического содействия всех сочувствующих ей. Содействовать этой борьбе есть безусловно главная цель нашего издания.

Для этой цели необходима почва, которая определяет возможную деятельность; необходим выбор средств, которые были бы целесообразны. Почву составляет современное общество так, как оно есть, в тех его формах, которые даны, как допускающие стремления к поставленной выше цели, как враждебные ей или как индифферентные для нее. На формы современной жизни, допускающие стремления к справедливейшему строю, мы будем опираться и будем указывать возможность их развития в прогрессивном смысле. К враждебным общественным формам мы будем относиться безусловно враждебно. Ко всему тому, что в сущности индифферентно, но, смотря по данным обстоятельствам, может быть прогрессивно или регрессивно, мы будем относиться именно настолько сочувственно или враждебно в частных случаях, насколько оно положительно или отрицательно соприкасается с нашим вопросом. Мы знаем, что разом торжество наших целей осуществиться не может, что для него нужна подготовка, ясное понимание возможного в данную минуту. Именно это возможное мы будем постоянно иметь в виду. В небольших прогрессивных явлениях мы постараемся указать возможность сделать из них

почву дальнейшего прогресса. Для широких целей будущего мы постараемся указать возможные средства в жалком строе настоящего.

Средством для распространения истины не может быть ложь; средством для реализации справедливости не может быть ни эксплуатация, ни авторитетное господство личностей; средством торжества над праздным наслаждением не может быть насильственный захват незаработанного богатства, переход возможности наслаждаться от одной личности к другой. Есть необходимые условия борьбы, при которых приходится употреблять временно противу врагов и ложь, и принуждение, и захват орудий борьбы. Но без крайней и временной необходимости эти средства вредны для той самой цели, для которой их назначают. В кругу же единомышленников, товарищей, союзников по общему делу ложь есть преступление, преднамеренное распространение иллюзии есть измена делу, принуждение допущено быть не может, эксплуатация и личный расчет возмутительны. Люди, утверждающие, что цель оправдывает средства, должны бы всегда сознавать ограничение своего правила весьма простым трюизмом: кроме тех средств, которые подрывают самую цель. Мы безусловно отвергаем употребление нецелесообразных средств, т. е. средств, возможность которых крайне гадательна, или таких, которые годны в данную минуту, но неизбежно принесут более вреда, чем пользы, при их внесении в программу деятельности, или таких, наконец, употребление которых противоречит в принципе самой цели наших стремлений.

Из предыдущего следует наше отношение к различным вопросам, партиям, общественным формам и общественным деятелям современности.

Религиозный, церковный, догматический элемент нам безусловно враждебен. Мы опираемся на критику, стремимся к торжеству реальной мысли, к удовлетворению реальных потребностей. Между нами и различными сектами, ортодоксальными и еретическими, опирающимися на откровение или на идеалистическую метафизику, нет ничего общего. Принцип сверхъестественного, мистического, мы не признаем ни в одном из его оттенков.

Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный. Мы видим в нем самую важную задачу настоящего, единственную возможность лучшего будущего. В союзе большинства рабочих в свободную ассоциацию, в организации этого союза для совокупного и могучего действия, в торжестве этой организации и в установлении нового общественного строя на развалинах промышленно-легальных государств и сословий настоящего мы видим единственное средство осуществить это будущее. Возможные орудия этого осуществления в настоящую минуту различны для России и для Европы, а в самой Европе довольно важные разногласия вооружают по этому поводу друг против друга партии, ко-

торых одинаковую искренность в стремлении к одной и той же общей цели мы не имеем никакого основания заподозрить. При этом различии взглядов на способы исполнения программы самая программа в своих принципах уже определилась. Она высказана в постановлениях нескольких конгрессов, выражавших общие стремления рабочего пролетариата в Европе; она высказана в органах и брошюрах всех оттенков мнений, которые, расходясь во многом, сходятся в борьбе с легально-промышленным строем настоящего в пользу рабочего; она лежит в основе всех стремлений наших русских деятелей в пользу крестьян; к ней может и должен примкнуть каждый, кто серьезно хочет установления лучшего общественного строя; к ней примкнем и мы. Начала этой программы одинаково существенны и для тех, которые думают, что русский сельский работник должен идти в перестройке русского общества путем иной организации, чем фабричный работник Запада, и для тех, которые преимущественно напирают на необходимость сильного центрального учреждения для рабочего сословия в Европе и Америке, на важность участия рабочих в политической борьбе настоящего, и для тех, которые стоят с особой энергией за самостоятельность мелких групп, за резкое отличие политической программы рабочих от всех политических программ современности. Все эти взгляды сходятся в потребности совокупного действия (более или менее централизованного, более или менее федеративного) для доставления полного господства рабочему в новом общественном строе; все они сходятся на решимости действовать сообща против общего врага, опирающегося на армии, на полицию, на одностороннюю легальность, на громадные силы государственной организации. Каков бы ни был личный взгляд каждого из нас в этих спорных вопросах, мы не можем решиться сделать из него отличительное знамя нашего издания. Наше знамя есть общая цель, а не частные средства. Мы приглашаем всех желающих торжества рабочему в борьбе с его врагами примкнуть к нам для уяснения этих спорных вопросов с своей точки зрения, устраняя, конечно, весьма решительно не только личные нападки на людей противного мнения, — нападки, о которых не должно бы и думать в виду общей цели и общих врагов, — но самое подозрение в неискренности какой-либо партии, несогласной со взглядами автора на средства осуществления лучшего будущего. Каждый из нас лично может ошибаться, заблуждаться может каждая группа в частностях своей программы. Но лишь союз с врагами может считаться изменой в борьбе, которую мы все ведем с легально-промышленным обществом настоящего, и мы не имеем права не считать заблуждение противников столь же искренним, как и то, что для нас кажется истинным средством к общей цели. Будем уяснять друг другу те пункты, в которых расходимся, но будем прежде всего сознавать, что у нас одна цель и одни враги. Будем действовать сообща. В этом наша

сила. Будем помнить, что лишь путь организации совокупного рабочего движения тем или иным путем ведет к нашей цели. Других средств общей борьбы пока нет, а это средство возможно, сильно и допускает самое широкое развитие в будущем. Одиночная борьба против могучей организации врагов бессмысленна и нецелесообразна. Личность, стремящаяся к лучшему будущему, должна ясно сознавать, какие средства возможны для ее цели.

Вопрос политический для нас подчинен вопросу социальному и в особенности экономическому Государства, так, как они существуют, враждебны рабочему движению, и все они должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю, где самая широкая свобода личности не будет препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперации для общей цели. Но это — далекое будущее, общественный идеал, который следует иметь постоянно в виду, не обманывая себя, однако же, надеждою на возможность его осуществления ни сегодня, ни завтра.

Между этим идеалом будущего свободного общежития, в котором исчезнет всякий след государственной принудительности, и теми централизованными государствами мира, которые давят на большинство населения при посредстве сложного легального формализма и обширной административной сети, лежит целый ряд посредствующих политических форм, которые выставлены были теоретически, или для которых существовали более или менее удачные попытки практического осуществления, и в борьбе этих форм с современной государственностью подготавливается торжество далекого будущего. При разнообразии этих политических программ мы обратим в них внимание лишь на самое существенное: группировка личностей все менее зависит от легального деления территорий или от прирожденного различия национальностей, но в ней все более преобладает элемент экономического противоположения эксплуататоров и эксплуатируемых и нравственный элемент противоположения консерваторов прогрессистам. Начало государственное и централизационное все более уступает началу свободной федерации все более мелких общественных единиц. Именно в замене искусственной и случайной группировки личностей существенными и сознанными противоположениями их, именно в увеличении автономного начала в мелких группах коммун и свободных союзов на счет централизационного начала современных легальных государств заключается, по нашему мнению, политический прогресс человечества. В борьбе политических партий и политических программ мы будем постоянно обращать внимание на расширение элемента свободного союза на счет государственности и будем относиться к этим теориям и программам тем более сочувственно или враждебно, чем ближе они будут подходить к будущим свободным союзам равноправных личностей и подготавливать эту форму общежития, или чем более

будут сохранять традиции нынешнего легально-промышленного, централизационного строя.

Все нынешние централизационные политические программы нам прямо враждебны. Все политические партии с их конституционными идеалами более или менее либерального свойства, всякая попытка заменить централизованную и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой, заменить существующее распределение территорий другими распределениями, с другими центрами и другими законами — все это нам враждебно в своем основном строе и индифферентно для нас в своем проявлении. Эти факты исторической жизни буржуазного общества могут быть для нас хороши или дурны, смотря по тому, обещают ли они организации рабочих союзов и принципам социальной борьбы более или менее широкое влияние. Так как свобода мысли и слова, свобода ассоциации, участие низших классов в управлении, расширение обучения безусловно помогают этим принципам, то мы будем их поддерживать всюду, кто бы ни был их противником; но мы посоветуем нашим единомышленникам поддерживать эти элементы политических программ и пользоваться ими, не вступая в союз с либеральными партиями, которые вносят их в свои программы. Мы с ними можем сходиться в некоторых пунктах. Но наши цели безусловно различны. Вопрос об участии рабочих в современном политическом движении Европы и Америки мы оставим, как уже сказано, спорным. Мы охотно примем сотрудничество лиц, которые думают, что в государствах, где рабочее сословие (крестьянское или фабричное) может захватить в свои руки политическое влияние, едва ли не полезнее ему воспользоваться существующими политическими формами для своего дела, чтоб потом перестроить общество путем прямого законодательства. Мы не отказываемся и от содействия лиц, считающих этот путь нецелесообразным и проповедующих, что рабочие не должны иметь ничего общего с современным государственным строем, должны противопоставлять ему свою самостоятельную организацию; которая в данную минуту, достигнув надлежащей силы, низвергнет весь существующий порядок вещей путем социальной революции и заменит этот порядок другим. Мы обратим лишь внимание первых на то обстоятельство, что при участии рабочих в буржуазных формах борьбы политических партий всего сильнее грозит им опасность уступить долю своей программы и увлечься формальной и пустою диалектикою парламентских говорунов, и еще на то, что политическое господство рабочего сословия в существующих государственных формах возможно лишь в некоторых странах, в других же для них неизбежно идти к своей цели путем социальной революции. Мы обратим, с другой стороны, внимание вторых на то, что партия, избирающая систематически путь революции для достижения своих целей, берет на себя обязанность организовать победу.

Вопрос *национальный*, по нашему мнению, должен совершенно исчезнуть пред важными задачами социальной борьбы. Национальности представляют совершенно реальную и неизбежную почву для каждого общественного процесса. Приходится действовать в *данной* местности, на общество, говорящее *данным* языком, выработавшееся до *данной* культуры. Если это не взять в соображение, то цель общественной деятельности получит совершенно отвлеченное значение и никогда не осуществится. В разных местностях, для разных национальностей задачи *данного* мгновения могут быть различны, но каждая нация должна делать *свое* дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям. Борьба против религиозного элемента, отрицание всякого союза с церковною или сектаторскою организацией, распространение организации Международной ассоциации рабочих, стремление к федерации самоуправляющихся общин или свободных союзов — в этом все национальности могут и должны работать сообща, и этой общей работе нет препятствий. Для нее границ, языков, преданий не существует. Есть только люди и общие им всем цели. Эти принципы неизбежно требуют самой решительной борьбы против той национальной раздельности, противоположности, враждебности, которые еще слишком часто отзываются в привычках даже мыслящих людей. Всякое возбуждение к соперничеству рас или наций есть прямое отрицание международной социального вопроса и единства борьбы подавленных классов общества противу их притеснителей.

Но при этом единстве общих целей местные задачи, как это и сказано выше, могут быть весьма различны вследствие разнообразия исторического развития. Нам, конечно, всего важнее уяснение этих задач для нашего отечества. Мы, согласно предыдущему, должны признать, что вне общечеловеческих задач, упомянутых выше, в зависимости от них, как их второстепенное проявление или как средство для их будущего разрешения, русские имеют свои задачи, и мы теперь перейдем к ним.

Для русского *специальная почва*, на которой может развиваться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки ни были, и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота, — вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству.

Но какими средствами можно осуществить эти цели? Из разных путей, представляющихся при этом мысли, какие пути не противоречат самим поставленным целям? Какие пути представляют опасность привести к бесплодной болтовне о деле вместо настоящей серьезной решимости посвятить жизнь самому делу? Какие пути представляют опасность заменить старые формы иными, пожалуй, несколько лучшими, но столь же чуждыми чисто народным потребностям России? Какие пути представляют лишь слабую вероятность успеха, где можно скорее надеяться притти к удачному решению вопроса?

Конечно, и здесь разнообразие взглядов выражается в разнообразии ответов на подобные вопросы. Мы бы хотели сделать «Вперед» органом, соединяющим в себе все оттенки русской радикально-социалистической мысли, так как отсутствие других органов русской заграничной прессы не позволяет высказываться ни одному оттенку русской оппозиции. Но при слабости выработки политической мысли в России подобное отношение к направлениям и оттенкам, которые мы считаем вредными или крайне сомнительными, могло бы быть принято за индифферентизм и за шаткость программы именно в вопросах, наиболее близких и важных для всякого русского, а потому мы принуждены допустить на наши страницы лишь те радикально-социалистические мнения, которые наиболее близки к мнениям большинства сотрудников и корреспондентов, обещавших нам свое участие. Статьи иных оттенков мы не отказываемся помещать, если они сходятся с нами в целях, но будем сопровождать их полемическими примечаниями или общими возражениями, которые постоянно будут ставить на вид читателям тот взгляд на средства, возможные в России для переворота к лучшему, который разделяется большинством лиц, группирующихся около «Вперед».

На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собою устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу. Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти. Будущий строй русского общества, осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело потребности большинства, им самим созданные и понятые. При малой грамотности и при неподготовленности большинства мы не можем обратиться прямо к нему с нашим словом. Мы обращаемся с ним к той доле цивилизованного русского меньшинства, ко-

которая понимает, что будущее принадлежит народу, что эксплуатация его должна кончиться, и кончится так или иначе, что им остается лишь стать в ряды народа или отказаться от всякой возможной для них прогрессивной деятельности. На этой доле цивилизованного русского меньшинства лежит обязанность не навязывать народу свои идеи в виду облагодетельствования большинства, но уяснить народу его истинные потребности, наилучшие средства удовлетворения этих потребностей и ту силу, которая лежит в народе, но им не признана и потому не может быть им употреблена в дело для подавления его врагов и для доставления себе лучшего положения. Тот, кто желает блага народу, должен стремиться не к тому, чтобы стать властью при пособии удачной революции и вести за собою народ к цели, ясной лишь для предводителей, но к тому, чтобы вызвать в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более как исполнителем этих общественных стремлений, когда настанет минута общественного переворота.

Нигде положение цивилизованного класса не так трудно при народном движении, как в нашем отечестве, где разделение между классами определено не только большим или меньшим богатством личностей, но всеми подробностями культурного быта, всеми частностями жизненной обстановки, целою группою ежедневных привычек, которые прежде всего бросаются в глаза, от которых труднее всего отделаться и которые все более мешают сблизиться людям, ставящим обществу один и тот же идеал в будущем. Проклятое предание старого барства и чиновничества тяготеет на всяком, кто живет жизнью цивилизованного класса в России; оно внушает народу недоверие к его словам, к его действиям, и много личных усилий необходимо для того, чтобы уничтожить это недоверие, чтобы народ признал своим того, кто отделен от него мелочами культурных привычек.

Именно эта трудность сблизиться с народом вызывает разнообразные взгляды на возможность и целесообразность тех или других приемов в общественной деятельности для приготовления переворота, долженствующего осуществить лучшее будущее России. Каковы бы ни были эти взгляды, мы считаем, в них существующими и неизменными следующие пункты:

Лишь строгою и усиленно личною подготовкою можно выработать в себе возможность полезной деятельности среди народа.

Лишь внушив народу доверие к себе, как личности, можно создать необходимые условия подобной деятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготавливая его к самостоятельной и сознательной деятельности для достижения ясно понятых целей, можно считать себя действительно полезным участником в современной подготовке лучшей будущности России.

Лишь тогда, когда течение исторических событий укажет са-

мо минуту переворота и готовность к нему народа русского, можно считать себя в праве призвать народ к осуществлению этого переворота.

Мы считаем своими сотрудниками, союзниками и товарищами лишь тех русских, которые разделяют наши взгляды на сущность и неизменность этих пунктов. Мы будем помещать, не относясь к ним полемически по самой их сущности, лишь статьи, признающие эти положения. Мы приглашаем лиц, сочувствующих нам, развивать и уяснять эти положения со всех сторон и постараемся постоянно разрабатывать их в нашем издании. Не отказываясь безусловно от помещения возражений на эти положения, но подобные возражения, если они будут нам доставлены, послужат нам поводом, защищать еще раз эти положения, насколько мы сумеем сделать это.

Да, мы считаем необходимою и обязательною для каждого, кто хочет быть полезным деятелем для будущности нашего народа, строгую личную подготовку в мысли и в жизни, знанием и практическим умением. Насколько ничтожна в смысле сознательной общественной деятельности специальная эрудиция, посвящающая все свое время на мелочи знания, настолько же существенна и важна для прочности всякого будущего общественного переворота, для правильного осуществления всякого прогресса в человечестве та наука, которая уясняет общее понимание мира, вырабатывает реальное мирозозерцание, критические способности личности и служит единственною опорою для правильной постановки социологических вопросов, в которых заключается вся будущность человечества. Кто воображает, что может решить угадыванием или инстинктом трудные и сложные задачи, которые представляет установка нового общественного строя, тот приготовляет себе неминуемое поражение в минуту, когда задача станет перед ним со всею своею практическою неизбежностью. Он окажется бесполезным деятелем в то самое время, когда силы его будут всего нужнее; он станет игрушкою в руках шарлатанов или эгоистов, которые лучше его подготовились в области мысли. Если же он проповедует систематически вражду к строгой и основательной подготовке в области мысли, то он готовится вести своих товарищей и союзников на гибель в битве с лучше подготовленными врагами; он готовится вести народ к революции без будущности, мгновенный успех которой неизбежно вызовет подавление, потому что у народной партии не будет доставать знания — единственного орудия возможной победы. Мы предоставляем себе развить эту мысль в особой статье; здесь же мы остановились на ней в виду той болезненной склонности к отрицанию значения умственного развития, которая замечается в последнее время в некоторых небольших кружках русской молодежи, в кружках, программа деятельности которых во всех других отношениях нам может быть вполне сочувственна. Проповедь систе-

матического невежества в виду решения трудных задач будущего социального переворота встретит на наших страницах самое решительное противодействие.

Но не теоретически только приходится подготавливаться человеку русского цивилизованного класса для возможности полезной деятельности в народе. Он должен подготавливать себя к тому и жизни. Он должен употребить все старания, чтобы в себе и около себя сгладить то резкое различие, которое привычка жизненной обстановки положила между классами в России. Он должен уметь жить с народом, должен приучиться говорить с ним, понимать его, сочувствовать ему не только в общих, но и в частных житейских вопросах. Эту подготовку мы считаем несравненно труднее первой и приглашаем всех сочувствующих нам и сумевших преодолеть ее трудности присылать нам заметки и указания на те данные, которые вынесены ими из жизненного опыта; мы будем помещать эти заметки настолько, насколько они не представляют опасности дать новое оружие в руки русского правительства, но постараемся, чтобы они принесли пользу и вне нашего издания.

Мы не остановимся теперь на втором пункте, потому что упоминали о нем выше и потому что его необходимость считаем очевидною саму по себе, но и здесь постараемся помещать на наших страницах указание фактических данных, при которых была устранена чрезвычайная трудность решения вопроса, здесь представляющегося: как приобрести доверие народа человеку из цивилизованного класса? Тот, кто не внушил доверия народу, может лишь навязать ему свои мысли, но никогда не будет в состоянии вызвать в самом народе сознательного сочувствия им и решимости воплотить их в дело.

Самое большое разнообразие мнений представляется именно, когда речь идет о самом способе действия лиц цивилизованного класса среди народа. При этом часто расходятся диаметрально люди, согласные относительно целей общественного переворота, но требующие различных средств для его осуществления. В этом случае наше издание считает возможным допустить без полемики лишь те взгляды, которые не расходятся с поставленными выше положениями.

Революций искусственно вызывать нельзя, потому что они суть продукты не личной воли, не деятельности небольшой группы, но целого ряда сложных исторических процессов. Самая попытка вызывать их искусственно едва ли может быть оправдана в глазах того, кто знает, как тяжело ложатся всякие общественные потрясения именно на самое бедное большинство, которое приносит при этом самые значительные жертвы. Но искусственно вызывать революции до сих пор и не предстояло надобности, так как всевозможные правительства с замечательным соревнованием доставляли для них постоянно материал, и страдания наро-

дов возрастали гораздо более оттого, что народы терпели установившийся строй или не довольно решительно возмущались против него, чем оттого, что народы бросались в безрассудные революционные попытки. Следует также заметить, что всякая народная революционная попытка, даже неудачная, является в истории полезным воспитательным средством общества: болтуны отделяются от людей дела; девизы партий получают большую определенность; фиктивные коалиции этих партий распадаются; истинные задачи общества выделяются с большею ясностью из разнообразных вопросов, одновременно возникающих в нем, но имеющих весьма различную важность; каждый исторический опыт становится полезным уроком для будущего. Но, каков бы ни был вред или польза революций, фактически история приводит к ним с неизбежным фатализмом. Все течение дел подготавливает общественное потрясение; консерваторы напрасно стараются предотвратить его: они могут лишь сделать его более или менее тяжелым, упорно противодействуя ему или своевременно уступая неизбежному; революционеры не могут его вызвать, но могут облегчить и ускорить неизбежный переворот собственною правильною подготовкою, хорошо выработкою своей программы, согласною деятельностью в данную минуту; они могут и затруднить его своим невежеством и своими ошибками. Мы не имеем в виду вызывать искусственно в России революционное движение, но ни деятельность русского правительства в последний период, ни состав кружков, из которых оно черпает своих деятелей, не дает ни малейшей надежды, чтобы оно обладало достаточным государственным пониманием для того, чтобы не подготовить нашему отечеству тяжелых потрясений и неизбежных переворотов. По всей вероятности, оно вызовет революционные попытки, как оно постоянно вызывало волнение и в простонародье в продолжение всего периода московской и петербургской централизации, и в цивилизованном классе, едва лишь коснулось нашего общества влияние общечеловеческих идей. Эти революционные попытки могут быть неудачны, могут внести на вершину общества кружки и партии, враждебные истинной народной программе, но могут и содействовать осуществлению или, по крайней мере, уяснению этой самой программы. В виду этих возможностей дело личностей, стоящих за благо народа, — употребить все свои усилия на то, чтобы последняя возможность сделалась вероятнее, именно подготовить условия успеха революционных попыток, когда они произойдут, противодействовать успеху партий, враждебных народной программе, и содействовать всеми средствами уяснению в среде самого народа как целей, к которым следует стремиться, так и средств, наиболее годных к осуществлению этих целей.

Подготавливать успех народной революции, когда она станет необходима, когда она будет вызвана течением исторических событий и действиями правительства, — такова ближайшая цель дея-

тельности, которую мы считаем обязательно для всякого, кто желает блага России; для всякого, кто искренно предан народной программе, поставленной нами выше.

Но как может подготовить этот успех человек, принадлежащий к цивилизованному классу?

Во-первых, он может, вооружившись основательным знанием и усвоив народные потребности, итти в народ, отказавшись от всякого участия в государственном строю современной России; став в ряды чернорабочих, в ряды страждущих и борющихся за дневное существование, если только он в силах сделать это, он отдаст на народное дело всю свою умственную подготовку и употребит ее на уяснение своим братьям-труженикам того, на что они имеют право; того, к чему они обязаны стремиться во имя своего человеческого достоинства; того, наконец, что они могут достигнуть, если только твердо захотят и сумеют сплотиться для осуществления своей воли. Мы с радостью будем принимать всякую статью, где будут развиты в большей подробности условия этого рода деятельности, которую мы считаем крайне трудною, но в высшей степени полезною, если трудность ее можно преодолеть, и желали бы видеть ее возможное расширение. Конечно, печатать мы можем лишь то, что не повредит самому делу в России.

Во-вторых, подготовление успеха народной революции в России может быть произведено при пособии легальных средств; и здесь, вследствие разнообразия в употреблении слова легальность, нам необходимо войти в некоторые подробности для уяснения нашей мысли.

При отсутствии всякого конституционного элемента в России всякая оппозиция неограниченному самодержавию императора или безответственности администрации перед обществом есть государственное преступление, легально быть не может; следовательно, о легальной оппозиции в России не может быть и речи в том смысле, который присущ этому слову в Европе. Легально готовить социальный и политический переворот в России нельзя, потому что всякое действие, всякое слово, всякая мысль, заявленная в этом направлении, сама по себе противозаконна. Неограниченное самодержавие может лишь само легально отказаться от своего существования или должно быть разрушено путем революционным. Легалисты, признающие русскую империю, как она есть, и считающие возможным на почве ее подготовление социального переворота, сами не знают, что говорят.

Можно понимать легализм иначе. Легально существующие органы общественного управления могут, в минуту общественного потрясения, захватить власть, им теперь не принадлежащую, расширить свою государственную функцию, стать разом из второстепенного и третьестепенного элемента руководящим центром, перед которым преклонится или ступает императорское само-

державие, и тогда, путем перехода законодательной власти из кабинета неограниченного императора в залу земского собора или правительствующего сената, может произойти легальный переворот с конституционным, парламентарным порядком вещей. Конечно, этот путь рисуется как наилучший воображению наших конституционалистов по образцу западно-европейских парламентов, законодательных палат и т. п. В случае государственного потрясения конституционная партия, вероятно, выступит с попыткой переворота подобного рода; она уже теперь представляет в России не особенно обширную и вовсе не однородную, но тем не менее заслуживающую внимания группу людей с положением в обществе, с капиталом, с именем в прессе, с влиянием в земстве и в судебном сословии, с административною опытностью. Она захочет играть видную роль при первом серьезном государственном затруднении; может быть, и будет играть ее, если ей не противопоставить более народной программы и более ясного сознания этой программы самим народом.

Мы не можем сочувствовать этим легальным революционерам и не можем допустить их программы на наши страницы, потому что все европейские образцы, которым они следуют, были и оставались существенно враждебными народу; потому что они в красноречивых прениях о тонкостях конституционного строя забывали всегда существенные экономические потребности большинства и оставались непонятны для него; потому что, наконец, подобный легальный переворот был бы не переворотом, вышедшим из народа, произведенным самим народом, но переворотом, навязанным народу группою высших чиновников или влиятельных ораторов.

Из самых основных наших требований выходит, что мы лишь тогда признали бы земский собор правомерным органом и деятелем русского общественного переворота, когда он состоял бы в большинстве из представителей крестьянства, сознательно выбранных этим крестьянством с целью произвести общественное преобразование, согласное с потребностями крестьянства, преобразование одновременно экономическое и политическое, и в котором экономические задачи обуславливали бы политические формы. Настоящее положение дел не дает ни малейшей надежды, чтобы в скором времени земство сделалось действительно представителем интересов большинства; напротив, каждый год доказывает все более и более его бессилие стать истинно народным органом. На то, чтобы его поднять путем усиления *крестьянского* элемента, потребовалось бы, вероятно, более усилий, чем на подготовку удачной революции прямым народным восстанием. Поэтому мы лишь крайне осторожно и с неизбежными оговорками можем помещать статьи, которые могут иметь в виду подготовку переворота в России легально-революционными действиями ожидаемого земского собора. Мы будем рядом с какими угодно

партиями отстаивать свободу мысли, слова, ассоциаций, эти неизбежные элементы всякой добросовестной конституционной программы; мы будем отстаивать их потому, что они заключают в себе ослабление всякой принудительной государственной связи и доставляют нам удобную почву для развития нашей программы. Но в русской конституционной партии по европейскому образцу мы видим вообще своих прямых врагов, с которыми нам придется бороться при первой возможности серьезного столкновения партий в России. Уже теперь мы будем постоянно противопоставлять их программе на наших страницах те положения, которые мы считаем единственно рациональными для лучшей будущности русского народа и которые концентрируются в одной политической задаче: подчинение интересам крестьянства интересов всех прочих сословий; автономная *светская община*, как основной элемент русского государственного и общественного строя. Мы ожидаем, чтобы русские конституционалисты поставили эту задачу во главе своей политической программы.

Многие понимают слово легализм еще иначе. Не признавая государственного строя, как он есть, не признавая легальных форм установившихся в нем отношений за руководство для будущего общественного порядка, не признавая даже легальных органов настоящего строя возможными орудиями будущей революции, они допускают возможность занять место в современном общественном строе, чтобы на этом месте удобнее содействовать будущему перевороту. Совершенно отрицать эту возможность мы не решаемся, но должны признаться, что смотрим на нее с большим недоверием, так как слишком часто под маскою служения обществу на месте с более или менее хорошим содержанием скрывалось очень обыкновенное желание иметь место и содержание, а в то же время пользоваться в кругу передовых людей репутацию прогрессивного деятеля. Здесь всего важнее, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы, точно, место, занимаемое в легальном строе, служило к подготовке ожидаемого переворота, а не к мелкой деятельности в виду микроскопического блага. Тот не подготавливает прогрессивного переворота, кто пользуется своим официальным значением для небольшого улучшения положения лиц, на которых он может иметь влияние. Напротив, временно и местно уменьшая недовольство в обществе, он ослабляет единство народного движения, которое одно может доставить прочное торжество народной программе. Успокаивая свою совесть представлением о микроскопическом добре, которое он делает, он закрывает глаза на свою обязанность уяснить народу его права на борьбу с более обширным злом, его обязанность бороться против этого зла и его силу побороть это зло, если только он захочет. Официальное легальное положение может действительно облегчить в иных случаях сношения с народом, может позволить народу узнать лучше своих друзей и союзников, но

оно имеет прогрессивное значение лишь тогда, когда служит средством развивающей пропаганды в среде народа, именно пропаганды права, обязанности и возможности борьбы с экономическим и политическим строем, который вызывает современное общественное зло. Крайне трудно в подобном легальном положении приобрести в народе доверие, о котором мы говорили выше, но если его приобрести можно, то подобное понимание легализма не противоречит нашей программе, и мы готовы допустить статьи, развивающие пользу деятельности этим путем для приготовления будущего переворота.

Но могут быть у нас читатели, и даже искренние, которые поставят вопрос: действительно ли переворот неизбежен? Точно ли приходится ожидать лучшей будущности для России лишь от народного взрыва, который не может не быть и тяжелым и кровавым? Неужели императорское правительство, которому придется же не сегодня так завтра уступить свое неограниченное самодержавие, не предпочтет уступить его настоящему русскому народу, вместо того, чтобы передать его конституционным говорунам, которые оказались всюду и всегда неспособными эгоистами, жадными до денег эксплуататорами народа? Неужели русские господствующие сословия не научились примерами Европы, что парламентаризм не решает общественной задачи, что навязанные народу политические конституции, как бы они хитры ни были, не врачуют экономических ран и не могут умирить повсюду возникающей социальной вражды? Неужели они не захотят предотвратить кровавой социальной революции, слившись с народом, от которого их не отделяет в прошедшем никакая блестящая история? Неужели нельзя надеяться, что мирным путем уступок и самоотвержения Россия придет к цели лучшего социального будущего и к осуществлению программы, перед этим поставленной?

Хотелось бы и нам верить наивным ожиданиям подобного читателя; хотелось бы надеяться на подобное мечтательное будущее; но железные уроки истории доказывают, что подобных подвигов самоотвержения никогда не представляла власть, никогда не совершали господствующие сословия. Если бы мы видели хотя попытку к подобному решению вопроса, то мы с радостью проповедывали бы примирение и забвение прошедшего. Теперь же... нам приходится отнестись к этому предположению, как к прекрасной мечте, и обратиться к тем, кто сочувствует нам, с грустными словами:

«Вероятнее всего, что путь революции неизбежен для лучшего будущего России» когда придет для нее удобная минута, этого никто сказать не может, но она может прийти тем неожиданнее, чем более концентрированы все государственные функции России в одном месте, в одном лице. Готовьтесь к этой минуте умственным развитием, житейским опытом, выработкою в себе твердого характера. Готовьте к ней народ русский, уясняя ему его истин-

ные потребности, его вечные права, его грозные обязанности, его могучую силу. А затем, когда минута настанет, идите с напором на завоевание этих прав, на исполнение этих обязанностей, на развитие этой силы. Идите вперед, чего бы это ни стоило вам, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цена этого будущего, оно должно быть завоевано.

Такова наша программа для внутренних вопросов России.

Но для нее существуют и вопросы внешние. Это, прежде всего, вопрос славянский, и относительно его мы ставим совершенно определенную программу.

Мы верим, что славянские народы могут настолько же, как народы германские, романские, англо-саксонские, быть орудием для развития социальной будущности человечества в том смысле, как мы указали выше. Мы верим даже, что в столкновении славян с немцами, в пределах двух немецких империй, с турками, в пределах Оттоманской Порты, менее политической рутины, менее буржуазной традиции находится на стороне славян, чем на стороне их врагов; что образование вполне независимых славянских государств там, где теперь суверенная власть принадлежит немцам и туркам, будет шагом вперед к осуществлению социальных идеалов человечества; поэтому мы сочувствуем глубоко борьбе всех наших братьев славян против господства обветшавшей культуры Турции или буржуазных политических типов Германии. Но мы сочувствуем этой борьбе настолько, насколько в ней проявляется стремление к лучшему общечеловеческому будущему, к ограждению личности, к свободе мысли и слова.

Живыми партиями в среде славян мы признаем лишь те, которые пишут на своем знамени, рядом с девизом независимой национальности, девиз социальной борьбы против монополии частных собственников и капиталистов, научной борьбы против религиозного элемента. Для нас бессмысленна и достойна сожаления борьба национальности, которая сковывает с своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православия или католицизма, безнравственные предания феодализма, боярства или шляхетства. Социальные партии Сербии, Кроации, Чехии, Польши, Галичины суть наши братья по делу и по крови; их передовым кружкам мы с радостью откроем страницы нашего журнала; мы будем рукоплескать их победам; мы надеемся, что им, и только им, удастся восстановить независимость их родины, что они вступят равноправными членами в будущий строй федерационной Европы. Славянский вопрос имеет для нас значение, как одна из отраслей общечеловеческого вопроса. Мы вполне уверены, что все наши единомышленники в России в этом смысле видят свой вопрос в вопросе славянском и хотели бы вместе с нами, чтобы «Вперед», написанное в заголовке нашего издания, служило призывом всех славян к социальному возрождению, к господству в их среде труда над монополиею, науки над богословскими иллю-

зиями; чтобы наше «Вперед» сделалось программой славянской федерации, органом всех славян, дошедших до сознания, что будущее для славянства, как и для всего человечества, заключается в девизе: наука и община, истина и труд, война идолам и монополии!

Это разрешает и самый трудный, повидимому, для русского вопрос, вопрос польский. Кто поставил интересы хлопов выше интересов шляхты, кто бьется за идеал европейской федерации свободных общин, тот наш брат и союзник. В будущей федерационной Европе границы между федеративными единицами будут иметь крайне мало значения. Если бы нашим единомышленникам пришлось говорить во всероссийском земстве о вопросе между Польшей и Россией, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община решила самостоятельно, независимо от всей предыдущей истории, к какой национальности, к какому государственному или социальному центру она потянет. При дальнейшем же самодержавии общин различие национальностей становится лишь бледным преданием истории, без практического смысла. Защитники преобладания шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польского.

Отсюда следует и наше отношение к народам других племен. Мы будем на стороне всех тех, кто стоит с нами на одной социальной и политической почве. Мы будем всюду на стороне партий и народов, стоящих за науку против религиозных догматов, за подчинение политических вопросов экономическим или даже, в более тесной области, за ограждение личности против произвола администрации, за свободу мысли, слова, ассоциаций, против стеснительных государственных мер. Мы оставляем в стороне, как чуждые общечеловеческим целям и русским интересам, все частные и местные вопросы, лежащие вне этой области.

Такова наша программа. Мы, может быть, вошли в излишние подробности, но мы желали ясно установить наше отношение ко всем общечеловеческим вопросам, ко всей русской современности.

И теперь призываем всех сочувствующих нашей программе с нами — **ВПЕРЕД!**

СЧЕТЫ РУССКОГО НАРОДА¹⁰

(1873 г.)

Сведем сче́ты.

Тому двести шестьдесят лет русский народ общими усилиями освободил Москву от врагов, отстоял самостоятельность земли русской, и земский собор русской земли избрал первого Романова¹¹ в московские цари. С тех пор начались сче́ты между домом Романовых и русским народом.

Тому сто шестьдесят лет Романовы перенесли столицу на болотистые берега Невы; Московское царство сделалось Петербургскою империею; Петр потребовал от полуазиатской Руси отречения от ее старой культуры, от ее вековых привычек, обещая ей место в среде европейских народов.

Тому сто одиннадцать лет русский императорский престол захватила путем дворцовой революции приятельница Вольтера и Дидро¹² и созвала новый земский собор земли русской, дав ему знаменитый «Наказ»; этот «Наказ» был проникнут передовыми идеями тогдашних европейских просветителей; он обещал царство правды и закона, обещал человеческое устройство земли русской, обещал внести в жизнь русского народа начала общечеловеческой цивилизации.

Тому семьдесят два года вступил на тот же престол, после нового царевубийства, воспитанник республиканца, ненавистник придворных, и собирал около себя горячих и преданных делу друзей в «комитет общественного спасения», обещая дать России свою самодержавную властью то, что бури французской революции вписали кровавыми буквами в программу прогресса человечества¹³.

Тому осьмнадцать лет началось царствование нынешнего императора. Он обещал ввести десятки миллионов своих подданных в человеческую общественную жизнь. Он обещал свободу русскому слову. Он обещал участие в государственной жизни русскому земству.

Первый Романов был царь, ограниченный в своей власти, но «скоро его наследники захватили в свои руки всю власть,

стали единственными руководителями всех сил русского народа, единственными представителями земли русской. Они раздавили в своем самодержавии земские соборы и земские думы. Они задушили в крови протесты массы, шедшей за Разиным, за Пугачевым¹⁴, волновавшейся со стрельцами, бежавшей в раскольничьи скиты, ожидавшей золотой царской грамоты и настоящей воли. Они посылали в Сибирь, на плаху, на виселицу членов служилой аристократии, думавшей ограничить их власть, или людей, которые приносили с Запада в Россию мысль о легальной конституции, о политических и социальных задачах. Они отстаивали свое неограниченное право быть единственными руководителями судеб русского народа и русской земли, единственными опекунами миллионов, живших на русской территории.

Тем самым они взяли на себя и всю ответственность за добро и зло, совершившиеся на Руси в последние два с половиной века при содействии государственных сил. Они взяли на себя ответственность за надежды, ими возбужденные. Тот, кто концентрирует в себе всю силу народа, отвечает за растрату этой силы, отвечает за страдания, претерпленные народом, отвечает за добро, которое он мог сделать и не сделал.

Пора русскому народу свести счеты с самодержавным императорством.

Мы не имеем в виду личной вражды. Для нас безразлична деятельность Павла I¹⁵ или Александра II. Личности — едва заметные моменты в истории народа. Личное зло, которое исходило из сумасбродных фантазий Павла или из холодно-театрального капральства Николая, могло быть, повидимому, уравновешено мерами более человеческих правителей. Но оно уравновешено не было. За более или менее неспособными, за более или менее вредными личностями императоров стояло *императорство*, с неизбежными условиями самодержавной власти, с толпами жадных хищников, которые, по неизбежному закону социологии, собирались около безответственного правительства, развращали его и были развращены им, проталкивались на все влиятельные места, на все доходные положения, истощали народные силы и образовали в стране плотную сеть паразитной общественной растительности, пред которой были бессильны все *благодетельные* меры императорства, тогда как всякая мера стеснительная и даже индифферентная получала под их влиянием самый губительный для народа характер. Всемогущее на общественное зло, неограниченное императорство оказывалось вполне бессильным на содействие народному благосостоянию.

Именно потому мы не имеем личной вражды ни к одному из временных носителей титула самодержавного властителя. Мы знаем, что всех их портила и должна была портить неограниченная власть. Знаем, что их лучшие личные качества, если они и были, должны были атрофироваться и обратиться на зло наро-

ду в их исключительном, патологическом положении. Мы обвиняем их не в том зле, которое совершил каждый из них лично, не в том добре, которое он будто бы мог сделать в полноте своей власти, но не сделал. Мы обвиняем их в том, что каждый из них *принял* на себя власть, которая могла делать только зло и не могла никогда, по самым условиям своего существования, принести какую-либо пользу народу. Мы обвиняем *императорство* русское, как *одно* политическое целое, за зло, сделанное им Россией. Мы требуем ответа от *всех* Романовых, как солидарных между собою, за захват власти, которою они не воспользовались и не могли воспользоваться для блага русского народа, за захват власти, которая обратилась и должна была обратиться в самый губительный яд, в самое удушающее ярмо для их подданных.

Переберем по порядку, что сделали для России эти самодержавные правители, которых земский собор 1613 года поставил на высшую ступень власти, которые захватили эту власть в самых широких размерах, употребили около трех веков для подавления всех сопротивлений ей, объявили себя представителями передовой общечеловеческой культуры, передовых общечеловеческих идей, революционерами политическими и социальными сверху, для народного блага, охранителями внутреннего спокойствия масс, внешнего величия огромной державы, руководителями русского общественного развития, единственным источником будущего блага России.

Избрание первого Романова было выражением общенародного¹⁶ желания поддержать единство России. Печальна была смесь мертвого византизма и грубой татарщины в культуре московского царства. Задав все живые самостоятельные политические силы различных местностей, Москва готовилась задушить окончательно всякий русский прогресс под своим тяжелым ярмом. Крайне трудно было в ней существовать личностям со сколько-нибудь человеческими стремлениями. Но в этой нестройной и грубой массе все классы составляли нечто иное. Первый Романов стал царем над народом, единым по обычаям, по внешним привычкам, по сознанию; над народом, в котором тот, кто стоял выше, отличался от низшего лишь богатством и влиянием, но понимал мысли народа, чувствовал его чувство, разделял его общие культурные потребности. Когда приходилось идти на общее дело, князь и мещанин могли стать рядом, не возмущая друг друга мелочами своих привычек, которые всего более разделяют людей. Когда иная личность русского общества, несколько лучше обставленная, получала возможность несколько более развить в себе мысль, то эта мысль могла быть далеко впереди общего умственного строя народа, но она выливалась в формы, привычные для всякого мыслящего русского человека, она не звучала ему враждебно, презрительно нотою чужеземного влияния. Между передовым меньшинством и массою народа не было пропасти, как

ни было первое малочисленно и бессильно, как ни была вторая невежественна и подавлена. Они могли понимать друг друга, действовать друг на друга; самым исключительным образом развитый русский деятель не мог не знать среды, в которой для него была единственно возможна деятельность; для самого подозрительного старовера, для самого подавленного кабального, для самого озлобленного члена волжской вольницы — боярин, дьяк, помещик, архиерей был врагом, но врагом своим, а не чужим, врагом, с которым у народа было много общего, с которым можно было и сойтись, поменяться при случае положением; врагом, который принадлежал все-таки единству русских.

Что сделала из этого единства неограниченная власть Романовых? Они внесли в русское общество непримиримое разделение культурных привычек. Они выделили из народа все то, что могло содействовать его развитию, все то, что могло воспринимать новые мысли, что могло вносить в народ продукты общечеловеческого прогресса. Всякий сын рыбака, дьячка или крестьянина, который пробивался до несколько лучшего знания мира, до несколько полнейшего понимания общественных потребностей, должен был отречься от всякого общения с классами, из которых вышел, должен был перейти в другие формы жизни, сделаться чужим для братьев и сестер, стать чиновником определенного класса, надеть пудренный парик, шитый кафтан времен Екатерины, мундир времен Николая. В России стали рядом две нации, у которых не было ничего общего, кроме рабства перед одною и тою же властью. С одной стороны выработалась нация со внешнею культурою, не имеющая никакого основания в народе; общество, которому не на что было опереться для какой-либо полезной национальной деятельности; общество, которое могло лишь забавляться игрою в европейскую цивилизацию, в европейскую мысль, потому что отделение его от народных масс не позволяло ему надеяться на какое бы то ни было серьезное общественное влияние. С другой стороны стала масса, обреченная на невежество, отрезанная от всякой цивилизующей мысли, от всякого политического значения, от всякого соприкосновения с общечеловеческим прогрессом. Народ, желавший единства, выдержавший тяжелую борьбу за это единство, получил в дар от династии, которой дал царскую корону, от династии, которая захватила все его политические права, полное разрушение этого единства и именно в самой вредной форме для общества: отделяя от масс тот слой, который мог цивилизоваться, а тем самым лишая и этот слой возможности выработать сколько-нибудь прочную цивилизацию. Это был первый дар Романовых русскому народу.

Конечно, это было сделано не по неспособности того, кто первый употребил свою неограниченную власть на раздвоение русского народа, и не по желанию его принести вред подданным.

Петр был ум гениальный и проникнутый желанием блага России. Но при всей его гениальности, при всем его желании добра, на нем, как на всех самодержавцах, лежала неизбежная судьба бессилия к добру и могущества для зла. Его окружали и должны были окружать люди способные, но глубоко безнравственные, воры, которые смотрели на русский народ как на предмет для грабежа, готовы были отречься от всякой связи с народом, потому что не сочувствовали ни его страданиям, ни его привычкам. Неограниченная власть не могла пересадить на русскую почву мысли Локков¹⁷ и Ньютонов, энергии Кромвелей¹⁸ и Мазаньелло¹⁹; она была бессильна и перед толстым слоем византийской культуры, лежавшей на миллионах населения. Она могла лишь оказать влияние на небольшое меньшинство служилых людей, жаждавших подачек, искавших сделать центральную власть орудием своего хищничества. Мысль о внесении европейской культуры искусственно в неподготовленный народ *должна* была привести к отделению незначительного класса с фальшиво европейской цивилизацией от масс, перед которыми всякая власть не могла не оказаться бессильною. В самой задаче европейской цивилизовать народ указывали на логическое последнее последствие образования внутренне развращенного служилого сословия, отделенного пропастью внешних форм от народных масс.

В самой сущности императорской власти заключалась неизбежность этого результата. Если бы царская власть осталась ограничена, то сношения русских с соседями вызвали бы и в России потребность заимствовать из Европы начала новой цивилизации; эти начала перешли бы и к нам, как начала оппозиционной общественной мысли, усваиваемые лучшими, наиболее энергичными, наиболее честными людьми, усваиваемые в оппозиции с властью, с общественною культурою и тем более дорогие тем, кто их усвоил; начала новой цивилизации вкоренились бы тогда в самую здоровую и передовую часть общества, в людей независимого ума и самостоятельного характера, и отсюда пошли бы в общество, переработанные в этом процессе, а, следовательно, и усвоенные Русью; тогда они вошли бы в русскую жизнь элементом прогрессивным и развивающим нравственно. Теперь, как дар самодержавной власти, они становились вывескою наименее самостоятельных, наименее нравственных личностей. Образование, или его формы, отождествилось с низкопоклонством перед подавляющею властью, с отречением от всего родного, прежде всего с отречением от достоинства личности. Самый лучший продукт истории, самая передовая цивилизация данного периода жизни человечества становились в руках самодержавных императоров ядом для их подданных.

Но идем далее. Можно было ожидать, что, при всем безобразии внесения европейской цивилизации в Россию путем указов, ее элементы, выработанные долгим трудом человеческой мысли, при-

несут-таки свои полезные результаты. Петр разрывал русское общество на две части, но тем не менее он ставил меньшинство в прикосновение с европейскими началами жизни, вводил русских в процесс общечеловеческой истории, из которого вырвали их московские цари. Он мечтал о переходе общечеловеческой цивилизации с запада Европы на восток. Узко было представление прогресса, ограниченного меньшинством; но если бы даже это меньшинство действительно усвоило европейскую мысль, то оно само почувствовало бы необходимость уничтожить ту раздельность культур, которая существует между ним и массами большинства; оно почувствовало бы потребность уменьшить его отдаление от себя рядом в формах жизни и уменьшить его отдаление от себя расширением завоеваний мысли в народе. Требуя от общества, чтобы оно переменяло вековые привычки, чтоб оно подчинилось безусловно императорской власти, вводившей его в систему европейских народов, петербургские императоры брали на себя обязательство содействовать, по крайней мере, действительному усвоению европейской цивилизации хотя бы теми классами, которым они ставили в обязанность принять европейскую культуру.

Исполнили ли Романовы это обязательство? Содействовали ли они действительному усвоению европейской цивилизации тем меньшинством, которое по их воле сбрило бороду, напялило немецкое платье, распределилось на 14 классов чиновничества, пошло в ассамблеи и на куртаги и отсеклось от общения с остальным населением?

Европейская цивилизация дала, как самые замечательные свои продукты, во-первых, научную мысль, которая потребовала предсуд разума все предания, все верования, все политические формы; во-вторых, легальность, которая ставила над лицом закон, позволяла парламенту французскому кассировать завещание Людовика XIV, парламенту английскому взвести на плаху короля-изменника; закон, который сколько бы ни был нарушен властью, все-таки составлял нечто высшее сравнительно с этою властью. Уважение к научной критике было единственным нравственным приобретением новой Европы; уважение к легальным формам было единственным противовесом всем злоупотреблениям власти, всем политическим интригам партий, придворных кружков, министров и королей. Уважение к научной критике одно могло привести к критике общественной, к резким задачам общественных революций. Уважение к законности одно могло сначала подорвать всякую личную власть министров и монархов, затем всякую неравномерность прав и привилегий, чтобы затем обратиться в задачу о справедливейшем законе, о справедливейшем общественном строе и окончательно подорвать уважение к самой формальной легальности, как к бессодержательной форме, которая должна уступить более широким требованиям социального переворота.

Насколько же Романовы за сто шестьдесят лет своего петербургского императорства содействовали развитию в цивилизованном классе критической мысли и уважения к легальности? Насколько они дали возможность людям теоретической мысли развивать самостоятельно их задачи на кафедрах и в книгах? Насколько они дали возможность судам искать правды и одной правды? Насколько они старались внушить или хотя бы дали развиваться среди своих подданных уважению к самостоятельной теоретической мысли и к легальности, не обращающей внимания на лица?

Пусть ответит на это мартиролог наших писателей, мыслителей и ученых, державших коснуться до какого-либо живого вопроса! Пусть ответят на это Радищевы²⁰ и Новиковы²¹, гонимые автором «Наказа», приятельницей Вольтера и Дидро; пусть ответят на это жертвы Магницких²²; пусть ответит тридцатилетнее удушающее царствование Николая; пусть ответит современная русская литература с Герценом и Огаревым²³ в изгнании, с Чернышевским и Михайловым на каторге, с кафедрами без профессоров! Вот европейская наука, европейская критика, которую дали нам Романовы, обещавшие вести Россию по пути европейской цивилизации.

Пусть ответят на это тайные канцелярии старого времени, нещадные пытки и битье батогами, вырезывание языков, Алексеевские рavelины и Шлиссельбургские казематы, сибирская каторга и варшавская цитадель! Пусть ответят систематически продажные суды, палаты, сенаты, полковые командиры, которым отдавали полки на кормление; губернаторы, которым отдавали губернии на грабеж! Пусть ответят сотни тысяч свободных людей, которых Елизаветы²⁴ и Екатерины отдавали в крепость своим любовникам, которых Павлы, Александры, Николаи дарили своим льстецам и лакеям! Пусть ответят все литературные свидетельства петербургского периода, от Кантемира²⁵ до «Мертвых душ»²⁶. Пусть ответит народ, который бежал от суда, как от самой злой неправды! Вот европейская легальность, которую дало нам петербургское императорство, обещавшее России вывести ее из татарщины.

И это не вина личная того или другого министра, того или другого императора. Самодержавное императорство не могло содействовать самостоятельности мысли, свободе критики, потому что самостоятельная мысль подрывала бы непременно силу самодержавия; свобода критики обратилась бы неизбежно противу неограниченной власти. Оно так и случилось, как только вместе с формами европейской культуры мысль начала прививаться к русскому обществу. Она сделалась неизбежно мыслью революционной, и императорская власть неизбежно начала ее преследовать. В мистике масонов и мартинистов²⁷, как в мистике хлыстов, императорство видело вражду против себя и могло переносить

даже религиозную мысль лишь в мумиеобразной форме катехизисов святейшего синода. Естествознание встречало покровительство, пока оно было игрою в отрывочные опыты, в несвязные наблюдения, в любопытные собрания кунсткамер; оно встречает гонение в наше время, как только становится основой осмысленного мирозерцания. Тому четверть века изучение греко-римского мира казалось враждебным и встречало противодействие, потому что в нем предполагалась жизнь республиканской мысли Криспенов²⁸ и Гракхов²⁹; теперь ему покровительствуют, когда убедились, что оно безвозвратно мертво. Всякая живая критическая мысль, во всех ее формах, враждебна неограниченному императорству. Оно ее должно преследовать и будет преследовать. Оно до тех пор стоит за науку, пока это еще вовсе не наука, а забава любопытными частностями.

Не стоит и останавливаться подробно на мысли, что легальность столь же враждебна неограниченной власти. Может ли закон быть уважаем там, где по сущности личность стоит выше закона? Можно ли внушить уважение к легальности народу, который должен боготворить произвол императора? Да и не один император должен быть выше закона. Выше его должен стоять и генерал-губернатор, и губернатор, и исправник, и становой. Императорство по сущности враждебно легальности. Оно стоит за закон лишь до тех пор, пока это еще не закон, а узаконенный произвол.

Таким образом, русское императорство не могло и не может дать России даже тех простых элементов европейской цивилизации, которые выработались на Западе, потому что там они вырабатывались самостоятельно, рядом исторических давлений со стороны общества; власть должна была принять их как союзников в борьбе с духовенством и феодализмом, прежде чем они стали ее врагами в борьбе за права большинства. Но в России, где наука и закон были истечением шаловливого каприза самой власти, они должны были оставаться мыльными пузырями, чтобы она их терпела, и должны были стать ее врагами, как лишь они получили какую-нибудь реальную почву в обществе. Императорство по сущности враждебно самостоятельной научной критике и беспристрастному закону. Оно по сущности враждебно всякой действительности в европейской цивилизации и может переносить ее лишь до тех пор, пока она остается пустою, бессодержательною формою. Обещая России дать ей европейскую цивилизацию, императорство не могло сдержать своего обещания. Оно должно было обмануть Россию, повести ее по пути призраков, узаконяя невежество для народа и поверхностность для цивилизованного класса, делая из судов пугало для масс и шутовство для посвященных в их тайны. — Таков был второй дар Романовых России.

Неужели стоит еще останавливаться на вопросах: что вышло из идей Беккарии³⁰ и Монтескье³¹, внесенных Екатериною в ее

знаменитый «Наказ»? Что вышло из «комитета общественного спасения», который в лице Новосильцева ³², Чарторижского ³³, Строгонова ³⁴ собирался около молодого Александра Первого? Разве идеи просветителей, борцов за человеческое достоинство, могли быть не ложью в устах всероссийской императрицы? Разве «комитет общественного спасения» мог быть чем иным, как шутовским маскарадом в кабинете самодержавного государя? Разве не фатально Шешковские ³⁵, Аракчеевы ³⁶ должны были сделаться друзьями и исполнителями воли монархов, когда пугачевщина выказала страдание русского народа, когда серьезная оппозиция захотела опереться на принципы прав народа и человечности? Если служилое дворянство, толпившееся при дворе и наполнявшее петербургскую гвардию, произвело или пыталось произвести в три четверти века шесть революций и убило двух императоров, то разве могла приятельница Вольтера и Дидро освободить крестьян во имя великих принципов человеческого достоинства, вместо того, чтобы отдавать свободных малороссов в крепость своим любовникам? Разве мог это сделать воспитанник Лагарпа ³⁷, мистический собеседник г-жи Крюденер ³⁸, которого всю жизнь мучило воспоминание о страшной ночи в Михайловском замке, о ночи убийства его отца? Самое первое требование человеческого достоинства, самая элементарная идея из всех идей просветителей — свобода рабов — не могла осуществиться по воле императорства, пока под ним не зашевелилась настоящая оппозиционная мысль, пока не высказался чахоточный Белинский, пока не загудел в Лондоне «Колокол» Герцена, пока подцензурный «Современник» не стал будящею силою для русской молодежи в руках Чернышевского. Императорство было глухо ко всякой передовой идее, пока не было вынуждено принять ее силою обстоятельств. При наилучшем развитии, при наилучших стремлениях, оно могло давать России лишь усиление крепостничества, усиление удушающей администрации, усиление взяточничества: оно должно было логически вести к военным поселениям и к самовластию Аракчеева при Александре, как должно было вести к преследованию Новикова и Радищева при Екатерине. Оно было бессильно для добра и могущественно для одного зла.

Но остановимся немного. Не будем слишком требовательны. Может быть, императорская власть была беспомощна внутри потому что она направила все свои неограниченные силы на внешнее величие России? Может быть, она оставила на будущее задачи внутренние, потому что задачи внешние были для нее слишком важны? Вступая в семью европейских государств, приходилось занять уважаемое место в ряду их, чтобы приобрести себе верных союзников, прочных соседей, обеспеченные границы. Когда теперь, в эпоху социальной борьбы, нам кажутся так бледны и ничтожны политические вопросы, то нам все-таки следует признать за ними бесспорную важность в прошедшем. Что сделали на этом поприще

Романовы со своею неограниченной властью? Каких прочных союзников приобрели они народу русскому? Насколько записали имя своей державы в историю подвигов, почетных для их нации? Насколько русское знамя в их руках было символом борьбы за правое дело и русская дипломатия под их руководством была представительницей правды в международных отношениях? И здесь мы спрашиваем не об успехе: иногда неудачная борьба могла быть столь же почетна, как и блестящая победа. Но на какие дела употребляли Романовы силы России? За что проливали они русскую кровь? Представителями каких принципов они являлись во главе русской державы?

При первом же видном участии русских сил в общеевропейском вопросе выказалось совершенно ясно, насколько их направлял произвол царствующих личностей, а не интерес государства. Войска, сражавшиеся против Фридриха, внезапно стали в ряды его армии, а затем через несколько месяцев были вовсе отозваны. Дело шло о личных вкусах Елизаветы, Петра III⁸⁹, Екатерины, и для их забавы проливалась кровь десятков и сотен тысяч русских по делу, не имевшему никакого отношения ни к пользе России, ни к общечеловеческому праву. Вслед за тем «славное» царствование «великой» Екатерины поставило пред Европой политику русской империи, как политику прямого хищничества, вооружившую надолго против России и правительства и народы. Тогда возник восточный вопрос в форме жадного позыва захватить Константинополь, и Россия стала врагом всех государств. Тогда произошло разграбление Польши, и грязное пятно убийц своих братьев славян положено было на русский народ его нецеремонною повелительницею. Турецкие войны сделали для русского императорства невозможным ни один искренний политический союз; раздел Польши сделал врагом его все народы, все передовые политические партии мира. Неограниченная власть в руках одной из умнейших и наиболее развитых женщин послужила к политическому уединению России и к возбуждению против нее всемирной ненависти.

Но во внешних делах Романовы были особенно счастливы до половины XIX столетия. Им удалось противопоставить генералам французской республики единственного замечательного полководца тогдашней Европы: Им удалось сломить непрерывный ряд военных успехов повелителя Европы и низвергнуть «тяготеющий над царствами кумир» Наполеона. В 1814 и 1815 годах русский император мог, повидимому, быть общечеловеческим деятелем, мог, повидимому, на конгрессах Европы провести элемент общечеловеческой правды, а этим императором был все тот же ученик Лагарпа, председатель петербургского «комитета общественного спасения». Это была удобная минута, чтобы выкупить прогрессивным влиянием на европейских государей, собиравшихся обмануть свои народы, темное прошедшее екатерининской политики.

Но императорство русское было фатально сковано с реакционными началами и не могло быть ничем иным, как представителем реакции в Европе; «благословенный» император мог создать «Священный союз» с мистическим характером, возмущивший все мыслящее в Европе, но он не мог создать союз народов. Он должен был свести победное шествие русских войск до Парижа «для освобождения Европы» на подчинение России политике Меттерниха⁴⁰, на участие ее в позорных веронских конгрессах, карлсбадских конференциях; и эта политика в руках его узкоголового, но весьма последовательного наследника должна была логически привести к венгерской войне, когда Венгрия, брошенная судьбою «к ногам его императорского величества», была отдана Гайнау⁴¹ на поругание, и Россия неизбежно вызвала на себя еще раз всемирную ненависть народов, всеобщую вражду, как самая вредная политическая сила мира. Либеральное восстановление Польши Александра I должно было в руках самодержавного императора привести к волнениям, к восстаниям, к усилению ненависти к России в самой Польше, во всей Европе, в целом мире, к потокам крови, к ссылке массами, к шпионству и к инквизиции в громадных размерах, наконец, к бессилию для русского императорства связать искренно с Россиею даже те племена, которых вековая несправедливость и вековые притеснения иноземцев как бы логически вели к союзу с Россиею, именно племена славянские. Разве могут поверить когда-либо славянские народы душителям польской национальности? Разве, при всех недостатках туземных политических форм, могут сербы, чехи, хорваты, галичане симпатизировать государству, где завтра Муравьевы могут быть генерал-губернаторами, Аракчеевы и Клейнмихели⁴² министрами?

И вся эта отвратительная политика реакции и хищничества, вся эта грязь и кровь, набросанная Романовыми на русское имя, на русскую историю, не выкупалась даже физическою силою, техническим военным умением. Возбудив повсюду ненависть, лишив Россию всех возможных союзников, Романовы не сумели даже приобрести фактическое могущество, не сумели стать страшными для врагов. В крымской войне они отдали свою державу на позор Европы пред армией несогласных между собою союзников, не имевших даже ни одного особенно замечательного генерала.

Мы видели выше, как они внесли в русский народ гибельное раздвоение, как обманули его, обещав ему европейскую цивилизацию, широкие человеческие идеи, участие в историческом прогрессе, умственном и гражданском. Мы видели, что внутренняя политика их была во всех отношениях гибельна для нации. Теперь мы увидим, что они сделали из внешних сил России. Романовы уединили свой народ политически, внушили к нему ненависть и отвращение и окончательно опозорили его. И здесь, как везде, они явились фатально, даже против своей воли, представителями самого вредного начала для своего государства; они проливали

реками кровь своего народа, чтобы не приобрести ни дружбы, ни уважения, но сделать из русского имени самое ненавистное или самое презрительное имя для всякого развитого европейца. Таков был и дар внешнего политического величия, поднесенный Романовыми России.

И вот перед нами наша современность. Вот перед нами последнее царствование с широкими надеждами, им возбужденными, и еще более широкими обещаниями, им данными. Пред нами освобождение крестьян, пред нами земские собрания, пред нами новые суды, пред нами уничтожение телесного наказания, пред нами печать без цензуры...

Оснадцать лет царствования могли уже выяснить, что может сделать и новая, послениколаевская форма императорства. Они могли показать, куда клонятся обещанные прогрессивные реформы царя-освободителя. Все это вопросы насущные; все это вопросы, глубоко волнующие современную Россию; не только исчерпать их, но даже обозреть сколько-нибудь подробно в той общей статье, которая теперь пред глазами читателей, было бы неуместно. Мы надеемся, что «Вперед» посвятит их основательному критическому разбору не одну, не две статьи и раскроет перед читателями всю суть этого громкого политического прогресса, весь генезис этих великих реформ, начиная с того идеала, по которому они учреждались в проектах конца пятидесятых и начала шестидесятых годов и разрабатывались в журнальных статьях того времени, и кончая той реальностью, которая теперь пред нами в конце первой четверти семидесятых годов. Мы ждем беспристрастной, но строгой критики; но мы не имеем в виду этого разбора здесь. Мы только укажем на некоторые результаты, не стремясь к личным нападкам на то или другое лицо правительства, на то или другое орудие императорской власти, тем менее на последнего представителя династии, печальную историю которой для России мы обозрели на предыдущих страницах. Можем судить из предыдущего о последующем. Можем наперед ожидать бессилие императорской власти осуществить для блага России какое-либо коренное начинание и горький фатум, обращающий во зло для народа все, до чего коснется эта власть даже с самыми безобидными целями. Лица в этом безответственны; но они ответственны в том, что хранят за собою формы власти, фатально бессильные для добра, всемогущие для зла; они ответственны в том, что продолжали ставить широкие программы, намереваясь их осуществить все прежними средствами русского неограниченного императорства, когда история их династии должна им доказать, что этот путь всегда вел к гибели для России и должен был вести к ней. И чем шире программа, тем поразительнее должны были быть результаты, ей противоречащие.

Единственная возможность осуществления прогрессивных ре-

форм в обществе лежит в выработке в обществе личностей с самостоятельной мыслью, с самостоятельным характером, в возможности широкого обсуждения со всех сторон предлагаемых мер. Единственное средство для русского императорства быть прогрессивным деятелем в своем государстве заключалось бы (если бы это было возможно) в привлечении к себе большинства русских мыслящих и талантливых личностей не как исполнителей проектов, задуманных Шуваловыми⁴³ и Валуевыми⁴⁴, а как советников для трудного дела реформы. Единственным внешним пособником правительства в этом случае могла бы быть вполне независимая печать, писатели, которые бы могли безопасно высказывать пред России все бедствия, которые приходится устранять. Что же после осьмнадцати лет опытов и ощупывания сделано, чтобы вызвать в России поколение самостоятельных умов и твердых характером личностей? Что сделано после осьмнадцати лет, чтобы сблизить или хотя бы примирить лучших людей русских с реформой сверху, с легальным путем к лучшему будущему? Что сделано после осьмнадцати лет для того, чтобы независимая печать стала помощницею русскому императорству для раскрытия зла, для отыскания лучшего? Где новые, молодые, свежие деятели времен Александра II? Где русская мысль, смело и спокойно взвешивающая критически вопросы современности? Где русская литература, отражение роста русского общества? Что сделало правление последнего Романова, царя-освободителя, царя правды и милости, царя-реформатора, для того, чтобы гражданская свобода народа могла быть реальностью, для того, чтобы в судах могла царствовать правда и милость, для того, чтобы реформы могли быть не пустым словом? Что сделало русское правительство в последние осьмнадцать лет, чтобы осуществить первые, простейшие условия возможности прогрессивных реформ?

Людей нет. Мысль тлхнет. Литература переживает самые трудные годы.

Да, людей нет. Ни одного талантливого государственного деятеля, ни одного надежного помощника для правительства, ни одного даровитого защитника. Все сохранившее силу умственного развития и достоинство человеческого характера — в оппозиции. Пусть в этом не ошибается правительство. Пусть не ошибается император. Если он на одном из своих блестящих выходов в Зимнем дворце внимательно осмотрит ряды лиц, преклоняющихся пред его милостивым приветом, пусть отметит наиболее интеллигентные. Пусть он сделает то же во время своих прогулок по Петербургу, во время своих путешествий по России. Если между этими отмеченными им личностями встретятся люди ему известные; способные слуги, осыпанные его милостями, ловкие исполнители воли его и его приближенных, пусть он знает, что это люди, которые имеют в виду не благо России, даже не выгоды императорской власти, а свои личные выгоды, свой личный

расчет влияния и денег; пусть знает, что ни одно нравственное побуждение не руководит ими; что в минуту трудную, в минуту опасности ему нельзя в них искать опоры: они сумеют уйти от опасности, отойти в сторону в трудную минуту, охранить свои цели, которые не имеют ничего общего с целями России или императорской власти. Пусть он знает, когда выслушивает их советы, их предложения, что все эти советы, все эти предложения рассчитаны в виду их *личной* пользы, их *личных* расчетов. Пусть он знает, что никому, никому из них доверять он не может. Оно печально, но оно так. В том поколении, которое его окружает, ни один способный человек не может быть предан императорской власти и служить ей искренно, самоотверженно. Он может лишь эксплуатировать ее для *своих* целей.

Но в этой группе отмеченных, способнейших, известных ему личностей встретятся ему и «благонамеренные», по его мнению, хотя заявившие себя не столь точными исполнителями воли императора и его министров. Это, как он полагает, дельные, надежные слуги императорства, не особенно честлюбивые, но полезные помощники. Пусть и здесь он не ошибается. Это частью холодные индифферентисты, ум которых ушел на специальность, но которые столь же спокойно служили бы Пугачеву, как Екатерине, столь же безразлично присягнули бы на верность демократической народной республике, как и петербургскому императорству, столь же спокойно признали бы федеративный строй земских единиц в России, как и централизационную администрацию. Их вовсе не интересует ни Александр II, ни Бакунин, прочность власти или страдание крестьян. Они никому не преданы, никому не служат, и на них надеяться столь же мало может император, как и социалисты-революционеры.

Но частью это — прямо люди оппозиции, люди, скрывающие под спокойным делом специалиста строгое и резкое порицание императорского строя. Пусть император не верит их спокойной деловитости, их покорным поклонам, их официальной безупречности. Это — враги императорства, которых долгая безнравственная школа русского бесправия приучила лицемерить. Это — враги правительственных мер, правительственных реформ, которые сеют вражду против них, едва окончив свое официальное дело. Они стоят всюду, эти враги, на всех ступенях официальной лестницы, во всех углах русской императорской России. Вы смотрите на них, вы говорите с ними, всемогущий император, вы полагаете, что вы их осчастливили милостивым высочайшим словом, что оставили их удивленными вашею высочайшею сообразительностью. Разуверьтесь. Через полчаса они смеются над вашими милостивыми словами, предают строжайшей критике вашу недальновидность. Да, вы окружены врагами, а их удалить вы не можете, потому, во-первых, что вы их не знаете, потому, во-вторых, что совсем без способных людей нельзя обойтись даже им-

ператорству русскому, а способных людей, преданных вам, нет и нет, в этом вы можете быть уверены.

Но на ваших выходах, в ваших петербургских прогулках и всероссийских путешествиях вы заметили и другие способные лица, которые вам не знакомы, которые не занимают вовсе видных мест в иерархии русского императорского строя. Об этих можно сказать наверное: это люди оппозиции; это ваши враги и порицатели — не сегодня, так завтра, не по тому поводу, так по другому. Вся русская интеллигенция враждебна императорскому строю; вся она в оппозиции, кроме той доли, которая эксплуатирует нынешний строй для своей личной выгоды. Когда вы заметите русского не у дел и предположите его способным, вы можете прямо указать на него Шувалову или Трепову⁴⁶, как на кандидата для ссылки подальше от мест, где он мог бы действовать на других. Из десяти случаев вы едва ли ошибетесь один раз, если только вы оценили верно его умственную даровитость.

А затем ищите русских людей, способных и нужных для русского прогресса, в ссылке, в «более или менее отдаленных» городах Европейской России, ищите их в Сибири, ищите на каторге, ищите в казематах, ищите в могилах замученных, ищите между больными и умирающими, ищите между помешанными и кандидатами в помешанные. Вот место, куда девало русских людей, способных и годных на дело, правление царя-реформатора после осьмнадцати лет *благодетельного прогресса*. Нет у вас помощников, на которых можно бы положиться; нет у вас людей, нужных для ваших реформ сверху; и *быть их не может*, потому что вы бессильны вызвать их. Императорство может сослать, заключить, казнить, задушить русскую интеллигенцию; оно может создать поколение эксплуататоров, прикрывающихся громкими словами, поколение лицемерных слуг и скрытых врагов; но оно *не может* привлечь к себе людей способных и преданных; оно *не может* дать России поколение развитых и нравственных деятелей.

Если оно осуждено гнать лучших людей и привлекать к себе лишь бездарностей и лицемеров, что же можно ожидать от мысли русской и от русской литературы под этим тлетворным влиянием? Смотрите, как пал низко даже в умственном отношении один из талантливейших русских писателей, Катков, когда перешел из оппозиции в консерваторство. Посмотрите, что сделалось с нашими лириками-цензорами, с Майковым⁴⁶, Полонским⁴⁷, Тютчевым⁴⁸, когда они решились продолжать свое содействие правительству в душении русской мысли, отрезывая от нее заграничные оппозиционные источники, когда они продали за хорошее содержание свое имя на скверное дело. Пересчитайте пустые кафедры профессоров. Прислушайтесь к оскудению мысли в университетах. Сравните журналы 1872 и 1873 годов с журналами начала шестидесятых. Спросите себя, где люди, которые вышли на сцену русской мысли в начале нового царствования, люди,

которых статьями зачитывалась молодежь, люди, около кафедр которых толпилась она, люди, о которых Россия могла думать, что это люди ее будущего? Спросите себя, кто довел одних до ранней могилы, других схоронил в каторге, третьих сделал отступниками? Спросите, под чьим влиянием в наше время развилась болгаринская литература доносов и оплевывания лучших стремлений молодежи, и каким образом Писемские⁴⁹, Гончаровы, Крестовские⁵⁰ стали в ряды этой позорной литературы рядом с Авенариусами, Ключниковыми⁵¹, Лесковыми и т. д. и т. д., им же имя легион? — Да, фатально душило и должно было душить русскую мысль и русскую литературу правительство император-реформатора, как фатально оно должно было распространять около себя безлюдье, т. е. фатально оно должно было отнимать у своих предположенных реформ все средства реального осуществления на благо России.

Людей нет. Мысль гложет. Литература переживает самые трудные тоды.

А что же самые реформы? Каково 12 лет после Положения физическое, экономическое и нравственное состояние освобожденных крестьян? Насколько нынешние генерал-губернаторы и губернаторы лучше своих предшественников николаевского времени? Насколько суд в России вообще более правдив и милостив, чем прежде? Насколько достоинство человека в ней уважается? Насколько личность охранена? Насколько образование подвинулось вперед в народе и среди молодежи цивилизованного класса? Насколько в распоряжениях правительства осталось следов прогрессивных стремлений от первых годов нового царствования?

Остановимся преимущественно на положении крестьянства, потому что его освобождение составляет самую блестящую страницу нынешнего царствования, и если бы самодержавное правительство могло действительно заботиться о благосостоянии народа и поднять это благосостояние, то многое бы простилось ему во имя этого. Чтобы читатель не обвинял нас в искажении данных в виду революционной пропаганды, мы здесь возьмем факты не из частных корреспонденций, которые мы имеем из разных уголков России, а из газет и журналов, напечатанных в России, следовательно, из изданий, которые могли тяжело ответить за всякое ложное известие, ими сообщенное. Мы даже не будем брать известия из первых годов царствования, когда следы николаевщины могли бы быть слишком свежи, раны от крепостного состояния еще не зажили и когда можно было еще ожидать, что «благотетельные» меры правительства скоро поднимут народ, о котором так «заботилось» это правительство. Посмотрим же, как живет русскому крестьянству в последние годы, когда правительство имело полное время выказать, что оно может сделать для народа со своей неограниченной властью и что оно хочет для него сделать.

Пусть говорят факты, голые, холодные факты; пусть говорят бесстрастные цифры. Но вдумайтесь в эти голые факты, русские читатели! Вдумайся в эти беспристрастные цифры, народ русский!

«Смертность в России растет, болезни усиливаются с каждым годом, — пишет журнал от 19 февраля 1873 г. — Эпидемии чередуются со скотскими падежами... Холера у нас не выводится; тиф сделался почти такою же обыкновенною болезнью, как и лихорадка; сифилис настолько глубоко проник в народ, что обратился, так сказать, в домашнюю болезнь... Смертность в России давно уже занимает первое место между прочими государствами Европы... У нас есть не только города, но и села, как, например, Лысково, где, вследствие перевеса смертности над рождаемостью, прирост населения поддерживается только пришлым населением;.. в нашей цивилизованной Казани смертность доходит до невероятного почти процента 52 на 100; что замечается только в Алжире и Ост-Индии, да и то... между европейскими войсками, там стоящими».

В весьма умеренном журнале за февраль нынешнего года автор обозрения выражается осторожно: «В общем виде крестьяне наши находятся в экономическом положении не лучшем (далее *оказывается из фактов, что худшем*), чем они были за 30 или 40 лет. Жилища их в общей массе не улучшились. Громадная масса живет попрежнему, как дикари, в курных избах, где в тесном пространстве, среди закопченных дымом стен, в тулупах на полатах и скамьях, спит целое семейство, и тут же находится мелкий скот и птица. В целых местностях неизвестны бани, и люди палятся изредка в печках. Перемена белья, даже изредка, считается роскошью. Хлеб, часто с примесью мякины и сорных трав, щи без мяса и кислое молоко составляют обыкновенную пищу. Количество скота и домашней птицы у крестьян положительно уменьшилось... Уменьшение скота так значительно, что при поездке по России оно поражает всякого, сколько-нибудь знакомого с прежним положением русского крестьянства. Наконец, физическое состояние его, здоровье, силы, развитие мускулов, долговечность скорее уменьшились, чем увеличились». Автор не может объяснить этого «иначе, как тягостью податей, лежащих на массе», «В Холмском уезде Псковской губернии треть населения вымерла от недостатка средств существования, — пишет серьезный автор в том же умеренном журнале от 1 июля 1871; — в двух уездах Черниговской губернии выкупные платежи и оброки за землю так громадны, в сравнении с качеством земли, что крестьяне положительно разорены...; в Смоленской губернии... народ положительно умирает от голоду». Из Самары пишут от 28 февраля 1873 г. в газетах, что в двух уездах, Николаевском и Бузулукском, голод, и крестьяне едва ли просуществуют до апреля: «Едят, что бог пошлет». Мука ржаная продается на фунты; значительная

часть скота выпала. «Нищенство у нас в Самаре развивается с каждым днем все более и более; труд предлагается из-за куска хлеба». Смертность детей до пяти лет дошла до 59,78 в городах; до 66,72 в деревнях, до 70,88 в колониях. Средняя жизнь в Самарской губернии 15 лет 5 месяцев для мужчин, 15 лет 2 месяца для женщин. В Московской губернии, по другой газете от 12 января 1873 г., умерло в 1871 г. на 27 692 человека более, чем в 1867 г. Из Калязина пишут от 22 января, что народонаселение вырождается, смертность детей с каждым годом увеличивается, постоянно ослабевают силы в народе; крестьянин за 40, крестьянка за 30 лет начинают уже смотреть хилыми и дряблыми стариками; цифра умерших в деревнях начинает превышать цифру родившихся. И все это объясняется, по мнению корреспондента, «общими нашему крестьянству причинами... Что ни делай с землей... но с полутора десятины не прокормишь семьи, а тут необходимо и пустошь нанять, и дрова, и все необходимое для хозяйства купить; поэтому требуются усиленные сторонние заработки. И еще если б эти заработки шли на поддержание сил, а то $\frac{2}{3}$ их расходятся на повинности, которые в последний год возросли до размеров, ни с чем не сообразных». В декабрьской книжке специально-ученого журнала за 1870 г. показано, что в течение девяти лет, с 1861 по 1869 год, число зараженных сифилисом и пользовавшихся в больницах гражданского ведомства возросло с 37 до 89 тысяч человек, т. е. гораздо более, чем удвоилось. Мы не говорим о деревнях, где зараженных считать невозможно.

От марта месяца нынешнего года из Купянского уезда Харьковской губернии пишут, что «двухлетний неурожай совершенно истощил запасы крестьян, и скотский падеж расстроил их хозяйство до такой степени, что многие остались нищими... Крестьянские дворы разорены до такой степени, что по ним хоть шаром покати». Ожидают нового неурожая, и «если это пророчество сбудется, то Купянский уезд представит ужасающую картину голода». В Звенигородском уезде Московской губернии, по известиям от декабря 1872 г., «крестьяне обеднели до того, что трудно им и поправиться... Между тем сбор податей нынешний год производится особенно строго». В Вытегорском (самом богатом) уезде Олонецкой губернии недостает у народа 37 102 р. для достаточного пропитания. В Мензелинском уезде Уфимской губернии голод довел население в апреле 1873 г. до того, что оно приступом взяло хлебный магазин. Из официальных сведений, добытых комиссией для пересмотра податей и сборов, видно, что в большей части Псковской губернии крестьяне решительно не в силах нести возложенные на них повинности. «В таком же положении, по официальным документам, находятся крестьяне в Костромской, Нижегородской и Пензенской губерниях, и притом не вследствие неурожая и других случайных причин, а по невоз-

возможности извлекать из земли и промыслов достаточные для себя доходы. В Новгородской губернии недоимки возросли до неоплатных размеров». В Бузулукском уезде Самарской губернии, по официальным сведениям, за нынешний год «у крестьянина не только ничего не остается, но недостает», и он для аккуратной уплаты повинностей должен уменьшать сумму, необходимую для продовольствия. Норма крестьянского благосостояния не превышает там 10 копеек в день. В Севастопольском уезде в год приходится 10 рублей 87 копеек на человека, или по 3 копейки в день. «Загляните в любой угол нашего отечества, — говорит по этому поводу журнал, из которого мы черпаем эти данные, — везде вы найдете почти одно и то же, везде вы увидите, что бюджет нашего податного класса колеблется между 3—10 коп. в день на человека». Но нашлись местности, относительно которых эта норма слишком высока.

В Опоческом уезде Псковской губернии, по сведениям 1871 г., на продовольствие человека приходится по 8 р. 61 коп в год, или менее 2,4 коп. в день. «Голод, холод, грязь, дым, лихорадка — вот спутники жизни почти всех опоческих крестьян. Пушной хлеб здесь во всеобщем употреблении, так что в умах крестьян понятие о чистом хлебе вытеснилось». Причины тому опять «большие платежи, отнимающие у крестьянина $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ собранных с земли продуктов, недостаточность земли», далее «эксплуатация крестьянина кулаком», и другие, более местные причины. В Кармышевской волости Казанского уезда цифры еще замечательнее. Взрослый работник (18—60 лет) должен там уплатить подати за $1\frac{3}{4}$ души и прокормить 4 души. Высший доход от земли, за исключением различных сборов, составляет 9 р. 25 коп. на душу (менее 3 коп. в день), низший — 51 копейку в год, средний — 5 р. 14 коп. в год, или 1 коп. в день. Оно казалось бы сказкою — вне России под заботливую власть царя-освободителя.

Плохо крестьянину дома после 18 лет «благодетельных реформ» и «неусыпных забот» о нем правительства, но еще хуже в сношениях с бессовестными эксплуататорами народа на железных дорогах; и здесь мы имеем новые примеры, насколько неограниченное, всемогущее правительство может охранить свой народ от притеснения меньшинством и насколько оно хочет это сделать. На Лозово-Севастопольской дороге, по сведениям от конца 1872 года, у одного подрядчика в 4 месяца умерло 160 рабочих из 2 200; из остальных рабочих большинство не выходило на работы по болезни. У других подрядчиков итоги не лучше, и это не только для землекопов, которые работают до колен в грязи, а и для плотников, которых умерло 4 из 25 у одного подрядчика, а перебивало в лазарете 20. При этом больные валялись на полу без кроватей, долго оставались без лекарств; а внутри лазаретов ветер почти так же свободно дул, как и вне их. По позднейшим известиям (от февраля 1873 г.), из 6 000 работ-

ников на этой дороге умерло 400, а остальные почти все переболели тифом и лихорадками. «Причина тому, — пишет корреспондент, — частью в гнилом, болотистом климате местности, по которой вели дорогу, частью и в чрезмерной эксплуатации труда рабочих и в отвратительном содержании». Партия в 800 человек, под влиянием панического страха и вследствие расстроенного здоровья, потребовала расчета и, не получив его, ушла без расчета. Убийцы-подрядчики подали жалобы, «благотетельное правительство» не замедлило вмешаться: «рабочих, еле дотащившихся христовым подаянием на родину, приводили из-за 1 000 и более верст в кандалах». Мало показалось жертв. Мы уже не говорим, что этих крестьян, о которых заботится правительство, подрядчики систематически обманывали, обсчитывали и грабили. От февраля же 1873 г. пишут, что «по недобросовестности расчетов подрядчиков с рабочими из числа железных дорог выдается Знаменско-Николаевская линия». Рабочие, «распродав свою последнюю одежду и сбирая дорогою милостыню», возвратились домой в Смоленскую губернию «без денег и без одежды... Многим из рабочих первый раз в жизни пришлось надеть суму и, соединясь с оставленным семейством, просить милостыню».

Но правительство не оставляет и со своей стороны русский народ без содействия его разорению. Мы видели, что в Звенигородском уезде именно теперь с особенною строгостью собирают подати, когда крестьяне совсем разорены. В Ставропольской губернии и Кубанской области, по корреспонденции от 13 января 1873 г., «сотни тысяч» украинских крестьян, ищущих поселения на свободных государственных землях, «скитаются без оседлости, пробиваясь кой-какой поденной работой, и ждут помощи» от начальства. Но «в последние пять лет... все лучшие государственные земли розданы военным и гражданским чинам, которые обыкновенно еще до получения межевых документов продают пожалованные участки покупателям, и хотя небольшие клочки государственных свободных земель, способных к образованию на них новых крестьянских поселений, еще пока не розданы, но в истекшем году они разрезаны на участки и предназначены тоже к раздаче частным лицам». Такой земли, нарезанной «на участки с целью пожалованья», в одной Кубанской области более 75 000 десятин, а крестьяне скитаются и голодают. В настоящую минуту (май 1873 г.) ограбление земли у станиц в пользу «генералов и офицеров» вызвало прямой протест Полтавской станицы. Она обложена войсками. Депутаты ее в остроге. А в «некоторых других станицах Кубанской области готовится жителями предотвращение приема полтавцев, по той же причине».

В Вытегорском уезде в 1870 г. продают за долг земству в 19 р. 25 к. мелоплавильни двух крестьян, разоряя их окончательно и выручая в пользу земства 30 копеек. Конец 1872 года будет долго памятен в Могилевской губернии. Он ознаменовался «похо-

дом на обывателей» с усиленным требованием недоимок. Полиция описывала имущество того, кто не мог платить. Крестьяне еще с сентября продавали все, что могли. Теперь пришлось последнее нести кулакам. Полиция распродала «не только необходимую в крестьянском хозяйстве рабочую скотину, но даже и необходимую рухлядь, прибегая, кроме того, к арестам, а иногда к розгам». В Оршанском уезде новый исправник, желая отличаться, пустил в ход «самые энергические меры». Между тем у крестьян безденежье крайнее; цены на рабочий труд подневно за мужеский от 15 до 25 коп., за женский от 12 до 15 коп. Вообще после этого погрома уже теперь чувствуется в Могилевской губернии, как пишут в конце февраля, страшный недостаток во всем. Но что за дело начальству до бедствий народа. Из крови и пота голодных могилевских крестьян правительство царя-освободителя сумело добыть себе полтора миллиона рублей. Нельзя не поздравить с успехом.

Такова картина физического и экономического состояния русского крестьянства после 18 лет царствования неограниченного царя-освободителя, прославившегося своими заботами о народе. Смертность, увеличивающаяся в страшной степени, вырождение племени, хронический голод, хроническая эксплуатация капиталистами и кулаками, неоплатные долги, неминуемое разорение народа и вдобавок к тому варварское вымогательство последних грошей энергическими исполнителями. Таковы результаты забот Александра II о его народе.

После этого можно уже короче отозваться о других, менее важных сторонах «великих» реформ последнего царствования.

Администраторы нового периода оказались достойны своих предшественников. Виленские Муравьевы еще в свежей памяти. Дурново⁵², ошастлививший Харьков, умевший подготовить там даже нечто в роде народного восстания и теперь озаряющий первопрестольную столицу блеском своих подвигов; Струков⁵³ во Владимире; Синельников⁵⁴ в том же Владимире, а ныне и Восточной Сибири, где ему более места разгуляться — все это люди вчерашнего и сегодняшнего дня. Перечислять этих героев нового времени было бы излишне. Но чем они уступают генерал-губернаторам, губернаторам времен Николая? — Такова высшая администрация, выработанная правлением царя-реформатора за последние 18 лет.

Суды исключительные, военные комиссии процветают на русской земле и теперь, как в доброе старое время, хотя рядом с ними и ораторствуют адвокаты пред официальными судами присяжных. Административная ссылка есть самая обыкновенная вещь в новом царстве легальности; она зависит от произвола губернатора, полицеймейстера, исправника. Массы ссылных без суда наполняют все дальние города России. Никто в Петербурге и Москве не может быть уверен, что завтра не придется отправиться

с жандармом в Самарскую или Олонецкую губернию. Весьма нередко случалось, что люди, оправданные формальным судом, были немедленно увезены в ссылку административным распоряжением, и господа судьи продолжали заседать на своих местах, как будто не замечая оскорбления, нанесенного их званию; господа адвокаты продолжали произносить пламенные речи о правде и милости, как будто и точно верили в то, о чем говорили. Из Польши и Литвы сосланы населения целыми деревнями, чуть не волостями. В марте 1873 г. в Саратове двух стариков и пятилетнюю девочку арестовали «впредь до востребования», продержали пять лет в тюрьме и затем сослали на поселение по подозрению в принадлежности к весьма безобидной секте *молчаликов*, так как старики ни с кем говорить не хотели, причем на суде обвинитель имел наглость сказать, что «нигде» религиозная терпимость не применяется «так широко, как в обширном нашем отечестве». Число смертных казней в 18 лет царствования благодушного Александра II превзошло число казненных в 30 лет власти его неудобозабываемого отца. В Сарапульском уезде в 1868 г. люди «мрут в остроге от тесноты». Не проходит года без нескольких *усмирений* с помощью военной силы, с сечением, а иногда с стрельбою в беззащитный невооруженный народ. В Одессе на базаре секут целый день, и несколько человек засечено до смерти. — Такова «правда и милость» в России после 18 лет прогрессивной судебной реформы.

Подвиги исправников, «высекающих подати»; подвиги военных начальников, доводящих солдат до нарушения дисциплины и затем до казни, подвиги усмирителей, въезжающих в Иркутск в тележке, запряженной поляками, подвиги Муравьева в Вильне и в Петербурге, где он доводил растерянных молодых людей до самоубийства, подвиги сечения и избиения девочек и мальчиков в школах — это все вчерашняя история, это все случилось в настоящее царствование, это все — свидетельство об уважении человеческого достоинства при царе-освободителе.

А школы? Что сделало правительство для народного образования? Не задушило ли оно систематически всякое стремление молодежи независимо от него обучать народ? Не раздавило ли оно воскресные школы под предлогом революционной пропаганды — при обучении сложению и вычитанию? Не гнало ли оно школы на юге России под предлогом сепаратизма — в букварях? В каком цивилизованном государстве мира сделано так мало для образования крестьянства, как в русской империи, где крестьянство обнимает весь народ, за несуществованием буржуазии? — А высшие школы? «Мальчиков подвергают в гимназии систематическому одурению», пишут нам со всех концов России. Боязнь мысли превзошла все то, что рассказывали с насмешкою о николаевских школах начала пятидесятих годов. Наименее способные, наиболее лицемерные, худшие ученики имеют наиболее вероят-

ности пройти курс гимназии и попасть в университет. Учителей выбирают наименее даровитых из опасения радикализма. Способному доценту получить кафедру крайне трудно. Систематическая дезорганизация серьезного обучения и развития составляет, по-видимому, основную задачу министерства народного просвещения. — Таковы заботы правительства «реформ и прогресса» об умственных успехах России.

И все это — не произвол Александра II или Шувалова, Толстого⁵⁵, или как там их всех называют. Все это фатально неизбежно для русского императорства. Разве оно может существовать, как оно есть, без громадных издержек, и разве оно может не вытягивать из народа последний грош для этих издержек? Когда у него и около него нет преданных хороших людей, кого же ему делать губернаторами и генерал-губернаторами, как не кровавых палачей или пошлых дураков, или расчетливых воров? Мыслимо ли самодержавие рядом с правильными судами? Да оно не продержалось бы и десяти лет, если бы оно не истребляло по произволу всех тех, кого не может наказать закон, так как враги правительства не преступники, а все, что логически мыслит и нравственно чувствует. Если императорство будет ожидать, чтобы эти враги явно нарушили закон, то в минуту его нарушения самое правительство рискует перестать существовать. А достоинство человека? Не смешно ли говорить о человеческом достоинстве там, где источник всякого закона, всякой политической жизни — в одном лице, а все другие бесправны, все другие — ничто? В неограниченной монархии достоинство человека существовать вообще не может, и уважение к нему немыслимо. Наконец, школы, образование! Невежество, и только невежество, большинства охраняет неограниченное правительство. Как же оно станет распространять образование себе на пагубу? Как же оно будет выращать на Руси мысль, которая не сегодня, так завтра неизбежно подорвет его власть?

Новое императорство Александра II существует при тех же условиях, при которых существовало императорство его предшественников. Пока оно есть неограниченное самодержавие, до тех пор оно осуждено неизбежными законами природы и логики на бессилие во всяком добром начинании для страны, на неисчислимое зло, производимое всякою его мерою, даже самою невинною. Оно осуждено лгать, когда обещает прогресс какого-бы то ни было рода для России. Оно не может не лгать, когда обещает правду и милость в судах, потому что оно окружено оппозицией, окружено врагами, которых закон не может карать и в отношении к которым ему приходится поступать вне всякого права; оно знает, что это враги, раздражается против них, — какая же может быть при этом милость? Оно не может не лгать, когда утверждает, что заботится об образовании России: образование народа и цивилизованной молодежи было бы прямым самоубийством

неограниченного императорства; оно должно мешать народному образованию, должно вводить в школы «систематическое одурение».

Единственное добро, которое может сделать русскому народу самодержавное императорство, это — перестать существовать, так как зло, из него истекающее, не случайно, не временно, не зависит от лиц. Оно связано с самым существом императорского самодержавия. Но когда же неограниченная власть отказывалась от своего всемогущества, если не была к тому принуждена?

Романовы не откажутся от неограниченного самодержавия и фатально будут осуждены на бессилие к добру, на умножение зла; на лживые обещания, на неосуществимые программы: до тех пор, пока народ русский не скажет им: довольно, наши счета кончены!

Но не пора ли кончить эти счета?

Не пора ли русскому народу убедиться, что петербургское императорство, как московское царство, не может дать ему ничего, кроме зла, как бы ни меняла судьба личности императоров на трестоле? Не пора ли русскому народу убедиться, что единственное средство улучшения его положения, это — устранение власти, бессильной для добра, всемогущей для зла; устранение династии, которая обманула и не могла не обмануть все его надежды, лгала и не могла не лгать при всех своих обещаниях?

Пора, пора народу русскому покончить с Романовыми счеты, начатые тому 260 лет.

Но на кого же ему надеяться?

Неужели на дворянство, которое ползало у ног самодержавных царей и императоров, захватывая себе и все ухудшая крепостное право, захватывая себе места и должности, вымогая последний грош у народа, засекая его на конюшнях, таща его жен и дочерей в свои крепостные гаремы, отсылая его в Сибирь за непокорность? Неужели на дворянство, которое додумалось до необходимости освобождения крестьян лишь тогда, когда даже самодержавное императорство дошло до убеждения, что приходится покончить с крепостным бесправием? Неужели на дворянство, которое и теперь, занимая все должности, связанное со всеми душепителями народа русского, эксплуатирует его; где может и как умеет?

Нет, не может народ русский надеяться на своих давних врагов. С ними счета ему хорошо памятливы и совершенно ясны. С ними счета кончены.

Или не на духовенство ли православное ему надеяться? Не на тех ли, которые в тысячелетнее существование России имели в своих руках все обучение народа и после тысячи лет передали его светским школам столь же невежественным, каким он был при Владимире? Не на тех ли, которые в продолжение систематического усиления крепостного бесправия на Руси не нашли в своем

служении богу евангелия никогда решимости громить палачей народа во имя христианского братства, осуждать разврат дворянства во имя христианской чистоты? Неужели на тех, кто благоговял Бирона⁵⁶, Аракчеева и Муравьева? Неужели на тех, которые составляли предмет насмешки для народного сказочника, предмет отвращения для верующего мистика, предмет презрения для всякого мыслящего русского?

Нет, представители мумии византийского православия никогда и не стояли на счетах народа русского как сила. Это были паразиты власти, как и паразиты общества, от которых надо будет отмыться, когда народу русскому можно будет надеть чистую красную рубашку.

Из трех терминов знаменитой уваровской троицы самодержавие и православие осуждены историею, осуждены логикою.

Остается третий — народность.

Не народность, ненавидящая немцев, поляков, жидов, но народность, как солидарное целое равноправных личностей; народность, как единственный источник жизни и добра для России; народность, как единство мыслящих русских, желающих блага и развития братьям, желающих человеческой роли для своего отечества.

Эта народность остается.

К этому единству народному должен приступить всякий, кто знает, что счета народа русского с императорским чиновничеством, с поместным дворянством и с паразитным духовенством должны быть кончены; что всем этим слоям душителей и прихлебателей, волков и пиявок нет места в будущем строе русского общества; что, лишь сливаясь с единым народом русским, с народом автономных общин и свободных союзов, может нравственно существовать русский цивилизованный человек будущего.

Народность в этом смысле есть единственная прочная сила будущей России. На себя и только на себя народ русский может надеяться для создания своего лучшего будущего.

Покончим же счета с императорством Романовых! Покончим счета с хищными их слугами и с паразитами общества! Тяжелы эти счета для народа русского.

С самими собою он счесться сумеет.

ЗНАНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ⁵⁷

Из письма к * *

(1873—74 гг.)

... Вы желали, чтобы я письменно повторил вам те аргументы, которые так часто мне приходилось приводить в разных видах по разным частным случаям. Вам хочется иметь их пред собою, чтобы, как вы полагаете, тем лучше убедиться в их несостоятельности.

Охотно исполняю ваше желание, но надеюсь, что результат выйдет иной. Надеюсь, что вне оживленного спора, к которому всегда примешивается капелька самолюбия, доза желания оставить за собою последнее слово, вы отнесетесь спокойнее к предмету наших обычных несогласий, спокойнее взвесите значение вашей теории для цели, к которой мы одинаково стремимся, которую мы одинаково любим; а тогда вы не будете в состоянии не заметить, насколько вы ошибаетесь, насколько ваша теория, при ее осуществлении, может быть вредна для той самой цели, к которой вы стремитесь; для той самой, которую вы любите. И я верю настолько в вашу искренность, что ни минуты не сомневаюсь в следующем: как только вы заметите это, вы откажетесь от вашей теории; вы вылечитесь от той умственной эпидемии, которая захватила некоторые кружки русской молодежи, коснулась и вас, и которую я считаю одним из самых явно патологических явлений в умственной жизни нашей передовой молодежи. А явлений этого рода можно насчитать немало.

Во-первых, установим общую для нас обоих почву.

Мы оба согласны, что цель общественной деятельности для русского, искренно желающего блага своей родине, может быть теперь одна и только одна: сделать русскую землю достоянием свободного русского народа, народа тружеников, и перенести на его общины всю политическую силу, которая теперь концентрирована в руках его повелителей или размещена в чиновничестве.

Мы согласны и в том, что для достижения этой цели мало надежды на путь легальных реформ, постепенных уступок, которые группируются около этих учреждений; мало надежды на наших конституционалистов, скромно доверяющих свои проекты конституций избранному кружку верных друзей при запертых наглухо дверях, вполголоса, оглядываясь, как бы кто не подслушал; мало надежды на наших парламентаристов, воспитывающих в себе громы *будущего* политического красноречия в спичах, произносимых на земских собраниях с оттенком соболезнования о том, что дела идут не «совсем» так, как следует, или на адвокатской кафедре в защиту обвиненного, которого не защитит никакой приговор присяжных, если решено спровадить его подальше. Для вас, как для меня, господство свободного русского народа в русской земле возможно лишь путем радикального переворота, путем революции, которая должна унести неограниченную монархию, но не должна позволить утвердиться и конституционному строю обществ — амфибий.

Между нами нет, надеюсь, разногласия и в том, что никто не имеет права навязывать народу свою программу; захватить власть и установить из своего индивидуального высокого разума новый, лучший строй, который бы даровал русским мужикам и автономии общины, и социалистическое владение землею, и федерацию свободных крестьянских центров, и все те блага, которые так ловко и гладко вырабатываются на бумаге, в уединении волнующейся мысли, в отсутствии всех реальных препятствий, всего реального разнообразия условий народной жизни, всей реальной рутины быта, столь же сильно тяготеющей над нашим народом, как и над всяким другим обществом. Я не ошибусь, как полагаю, утверждая, что и вы допускаете для нас, выделенных из народа полуторавековой историей, отчужденных от него привычками мысли и привычками жизни и преданием крепостничества, отчужденных еще более его трудно победимым недоверием, одну роль, роль инициаторов, истолкователей, помощников народа; самое же движение, которое должно сделать его господином земли русской, вы ожидаете от него самого; программа нового строя, который определит будущее России, должна выйти из самого народа, и под его диктовку будут писаться те положения, те установления, те декларации, которые дадут форму ожидаемому строю. Не правда ли, что мы с вами в этом согласны?

И не только в этих теоретических основах мы с вами не расходимся. Я думаю, что мы идем далее, в некоторых практических результатах, отсюда вытекающих.

Вы не принадлежите к тем, которые думают помочь русскому народу, заводя школы, сельские банки, больницы, потребительные и производительные ассоциации как *действительные* лекарства в настоящее время от зла, истощающего народ. Лица, зараженные этою болезненной иллюзией, принадлежат к другой форме совре-

менных патологических явлений в нашей молодежи, к другой категории зараженных. Когда-нибудь я, может быть, буду иметь случай обратиться к ним⁶⁸, но, обращаясь теперь к вам, я не имею нужды останавливаться на их иллюзиях. Мы оба, я думаю, согласны, что это иллюзии; что ложкой не исчерпаешь моря, микроскопическою местною помощью не вылечишь народа. Мы согласны, что все это, может быть, и не дурно, как минутное паллиативное средство, чтобы уменьшить острую боль в данное мгновение, в данном месте, у данного небольшого кружка лиц; но все это не только не существенно, а скорее отвлекает народ от размышления о действительной, общей причине его страданий, внушая ему мысль, что эти стихийные общественные боли могут быть излечимы местными ничтожными лекарствами; это уменьшает энергию его раздражения против всего давящего его строя и отдаляет минуту его взрыва. Для нас с вами помощь народу лежит в одном: дать ему понять причину — настоящую, основную причину его страданий, указать ему его силы для искоренения этой причины, а затем разделить с ним шансы и опасности борьбы за лучшую будущность. Тут единственное радикальное, единственное возможное лечение его страданий. Школы и больницы и ассоциации могут быть средствами для этой деятельности, но она — одна существенна.

Итак, мы с вами согласны и в том, что роль нашей передовой молодежи, желающей блага народа, заключается в том, чтобы во-первых, сблизиться с народом; во-вторых, подготавливать его к минуте, когда ему будет возможно сбросить давящее на него иго государства, разрушить старые стеснительные формы общежития и основать новое общество по своим потребностям, согласно своим задачам; наконец, в-третьих, роль нашей передовой молодежи будет заключаться в том, чтобы помочь народу всеми приобретенными ею силами в трудную минуту борьбы основать не эфемерный, но прочный порядок вещей. Надеюсь, что вы в этом мне противоречить не будете.

Но шаг далее, и мы расходимся; наше разногласие начинается.

Я говорил вам, что русской молодежи следует подготовить себя к этой важной, нравственно обязательной роли самым серьезным умственным развитием; что лишь основательное знание дает эту подготовку, а потому всякий серьезно желающий блага народу, всякий сближающийся с ним в виду плодотворной революционной пропаганды, всякий имеющий в виду стать деятелем будущего переворота для основания прочного господства народа в земле русской должен развивать свой ум научной критикой, обогащать свою мысль основательным знанием. Знание, повторяю я, есть необходимое подготовление к революционной деятельности, необходимое орудие для того, чтобы доставить этой деятельности не мгновенный успех, но прочное торжество. Знание есть

основная сила подготовляющейся революции, основная сила воплощения революции в дело.

Вы с этим согласиться не хотите, и ваше мнение в этом случае не одиноко. Если я верно и ясно понял ваши возражения, то вы противопоставляете мне следующие аргументы.

Революцию произведет не молодежь цивилизованного общества: произведет ее народ. В нем одном должно возбудиться сознание его страданий, сознание претерпеваемых им несправедливостей, сознание безобразия общества, на него давящего. Для этого сознания не нужно науки, нужны лишь самые элементарные сведения, главное же — нужна крепкая вера в правоту своего дела, нужна энергическая решимость бороться и победить. Для нашей молодежи единственный не безнравственный исход из ее нынешнего ложного положения, это — стать в ряды народа, сделаться народом, страдать вместе с ним, работать вместе с ним; когда же настанет минута восстания, то бороться вместе с ним и победить в его рядах. Для всего этого знаний не нужно; терять время на приобретение этих знаний постыдно; нужно только горячо любить народ, горячо сочувствовать его страданию, горячо ненавидеть его притеснителей; нужно сжиться с народом, разделить его заботы, его стремления; нужно вести пропаганду действия и вести ее действием. Когда же народ станет единственной силою на земле русской, тогда он сам увидит, нужно ли ему знание, и сколько его нужно, нужны ли ему специалисты знания или нет. Он тогда сам выработает себе науку именно такого сорта, какая ему будет нужна.

Вы поддерживали, если не ошибаюсь, ваше мнение и аргументами, заимствованными из истории. Вы указывали на то обстоятельство, что все восстания, все революции происходили не по программе, выработанной учеными, не на основании научных теорий и аргументов: они выходили из масс, необразованных, не уяснявших себе всех понятий и принципов, за которые они сражались, но тем живее чувствовавших необходимость отстоять себя от невыносимого давления, тем энергичнее бросавшихся в бой. И это чувство, эта ненависть, эта энергия поддерживали борющиеся массы, иногда доставляли им победу. Народы — прибавляли вы — в целом не были никогда и доступны науке; она была всегда делом крайне небольшого меньшинства. Народы воспламенялись, одушевлялись, приходили в движение всегда во имя верований. Эти верования были порою весьма нелепы, во всяком случае не имели ничего общего с приемами научной критики и всегда были очень позади знаний и мирозерцания передовых мыслителей того же времени. Но это были народные верования, и в том была вся их сила, совершенно независимо от их теоретического содержания. Рядом с этим содержанием, большею частью нелепым, они преследовали практические вопросы, единственно важные для народа. И в этих вопросах была вся суть исторического

прогресса. И тот, кто шел с народом к его практическим целям во имя нелепых народных верований, был более прогрессивным деятелем, чем умный, понимавший нелепость этих верований и восставший против них. Эти верования сами по себе, как связанные народным стремлением к лучшему строю общества, были более передовым, более важным явлением в области мысли, чем всевозможные научные истины и философские мирозерцания, одновременно с ними существовавшие, но не имевшие ничего общего с народными движениями. Следовательно, в истории народных революций знание играло самую ничтожную роль, и роль его не могла быть иной, как ничтожной. Так оно было всегда; так оно и должно быть по самой сущности дела. Поэтому человек, ставящий себе целью подготовить народную революцию и участвовать в ней, не только не имеет нужды тратить время и труд на приобретение знаний, для революционной деятельности совершенно бесполезных, но поступает противно собственным целям, противно указаниям истории, обращая особенное внимание на расширение собственных знаний или знаний народа. Знание не имеет ничего общего с революционной деятельностью.

Надеюсь, что я не ослабил ваших возражений и даже постарался сгруппировать их таким образом, чтобы придать им всю возможную силу. Но я постараюсь доказать вам, что и при всей возможной силе эти возражения вполне несостоятельны.

Прежде всего я спрошу вас: отрицаете ли вы безусловно, что знание есть сила, сила весьма значительная, сила историческая?

Не думаю, чтобы вы это решились отвергнуть вполне, окончательно. Не думаю, чтобы вы могли думать, что какие-либо социалистические учения, заслуживающие внимания, солидарны с подобным утверждением. Передо мною две брошюры, написанные представителями двух прямо враждебных между собою партий, разделяющих теперь приверженцев рабочего социализма. Одна подписана именем Бакунина, другая именем Либкнехта⁵⁹. Первая («Наука и насущное революционное дело», 1870, вып. I) не окончена, но, очевидно, направлена против тех, которые видели и видят цель деятельности в пользу народа в заведении школ для народа, оставляя его экономическое положение нетронутым. Другая («Wissen ist Macht — Macht ist Wissen»⁶⁰, 1873) требует образования для народа и ставит орудием для достижения этой цели политическую и социальную агитацию. Но оба высказывают в отношении вопроса, мною здесь рассматриваемого, одно и то же мнение.

«Образование есть несомненная сила», пишет (стр. 8) М. А. Бакунин и даже повторяет (стр. 10) еще с большою энергиею: «Знание — сила; невежество — причина общественного бессилия», Либкнехт же в самом заглавии своей речи, два раза читанной перед рабочими, напоминает, что «знание есть сила». Прибавляю к этим двум деятелям рабочего социализма еще третьего,

бывшего члена федерального совета Международной ассоциации в Париже в 1870 г., Поля Робена⁶¹. Он посвятил особое рассуждение («De l'enseignement intégral»⁶² в издании «Philosophie positive»⁶³, 1869 — 1871) вопросу о науке, необходимой для рабочего, возражает там против мнения о ненужности или невозможности для работника приобрести надлежащее знание и говорит между прочим («Philos. posit.», Т. V, 273—274): «По своим стремлениям к положительной науке, по своим деятельным и честным разысканиям истины и справедливости, Международная ассоциация должна быть средою, где последние должны воздействовать в своем полном развитии и бросить свет на самую трудную из наук, находящуюся еще в своем критическом периоде, на науку общественную. Вульгаризируя эти понятия, Ассоциация увеличит свое могущество до таких размеров, пока ей будет стоить лишь захотеть, чтобы установить общественный порядок, опирающийся на науку, и к которому горячо стремится всякий, кто страстно любит справедливость». Эти слова достаточно свидетельствуют о чрезвычайной важности, придаваемой Робеном науке для решения вопросов социального переворота. Все эти авторы сходятся, следовательно, в признании науки, как значительной силы, а последний, кроме того, развивает мысль, что лишь наука может сделаться единственною опорой лучшего общественного порядка, задачу которого решает Международная ассоциация рабочих.

Но к чему эти цитаты? скажете вы. Во-первых, авторитеты ничего не доказывают. Во-вторых, никто не спорит, что наука — сила, и сила значительная. Когда народ совершит революцию, установит общественный строй на началах социализма, то он внесет в него науку как дополнительную силу; но теперь вопрос идет не о науке, а о самой социальной революции.

Мне больше ничего не нужно, как ваше сознание, что наука есть сила не только бессознательная, но такая, которая может и должна лечь в основание рациональной разработки социальных вопросов, рациональной постройки будущего социалистического общественного строя. Если я цитировал авторов, то не с желанием прикрыться их авторитетом, а с желанием напомнить вам, что дело идет не о случайном мнении людей старых лагерей, или цеховых ученых, или «попов науки», но о мысли, получившей право гражданства среди самых разнообразных оттенков того самого лагеря, к которому и мы с вами принадлежим.

Дело идет не о том, чтобы прежде всего завести среди народа школы, дать ему образование, ознакомить его с методами науки и затем уже призывать его к добыванию себе экономических, политических, социальных прав. Эта фантастическая картина может быть защищена лишь утопистами: без радикального изменения социального положения большинства невозможны для него ни сколько-нибудь сносные школы, ни сколько-нибудь рациональное преподавание; следовательно, невозможно и какое-нибудь зна-

ние, стоящее этого имени. Народ должен сделаться силою *сам*, прежде чем сила знания станет ему *доступна*. Он должен совершить революцию, прежде чем большинство получит возможность *приступить* к научному образованию. Следовательно, вовсе и не может быть вопроса о научном образовании для вечно голодающего, вечно страждущего, заваленного трудом и заботами пролетариата в его настоящем положении.

Дело идет о нашей передовой молодежи из цивилизованного класса. Дело идет о вас и вам подобных. Дело идет о тех, которым знание вполне доступно, для которых научное развитие вполне возможно, которые имеют под руками все средства для того, чтобы приобрести силу, признаваемую за силу всеми лагерями, силу, долженствующую служить опорой будущему общественному порядку. Должна ли эта молодежь, должны ли вы и ваши товарищи во имя любви к народу, во имя сочувствия его страданиям, во имя желания добыть ему средства борьбы с врагами, средства торжества над этими врагами — должны ли оттолкнуть от себя это возможное для вас высшее развитие, эту доступную для вас силу, чтобы стать добровольно невежественными в ряды невежественных, бессильных в ряды бессильных, помня, что «невежество, это — общественное бессилие»?

Дело в том, что нужна ли *для вас* наука как сила в борьбе с многочисленными врагами народа? Нужна ли она для вас, как помощника народа в его трудной борьбе; для вас, как пропагандиста революционных идей; для вас, как одного из строителей здания будущего общественного строя? Нужно ли вам выработать в себе критическую силу мысли правильными методами, чтобы избежать ошибок, грозящих беспрестанно всякому, кто мыслит не методически? А помните, что здесь ошибка это — гибель ваших товарищей, братьев; это — торжество реакции. Нужно ли вам расширить свои умственные средства основательным знанием? А помните, что в эпоху борьбы знание это — открытие путей, невидимых другому; в эпоху создания нового строя это — сообщение добавочной прочности делу, за которое вы стоите, ограждение от опасностей порядка вещей, который вы считаете справедливейшим.

Я совершенно понимаю ваше отвращение от нынешней официальной науки в ее наличных культурных формах, с ее боязнью жизненных вопросов; с ее профессорами, воображающими себя жрецами истины и прогресса, когда они ограничиваются механическим отмечанием и искусственным высиживанием фактов, не имеющих в их работах ничего человеческого, ничего прогрессивного, — фактов, которые могут войти в человеческую жизнь, в прогрессивное мирозерцание лишь в умах людей совершенно иного сорта; с ее проповедью науки для науки, как будто процесс знания может быть выделен из процесса жизни, как будто знание может быть отрывочным куском, все отрасли знания не

связаны между собою в непрерывный ряд вопросов, не ведут мыслителя от микроскопического наблюдения строения органической ткани к задаче социальной революции во имя высшего идеала справедливости. *Формы* науки невыделимы из остальных форм нынешнего общежития, и если современный строй проникнут лавочным спекулятором, эгоистическою эксплуатациею, то не могло это патологическое состояние не отразиться и на *внешних* проявлениях науки. Но тот же процесс вырабатывает гной раны больного, который выделяет желудочный сок и мозговую иннервацию. В *дрянной* душонке профессора-филистера наука дает гной общественно-индифферентизма и удушающей реакции; но неужели она должна быть тем же в мысли народного революционера?

В его мысли знание есть и может быть лишь средством для решения вопросов жизни, вопросов общенародного интереса, вопросов революционной деятельности. Или можно допустить, что все эти вопросы так просты, так малосложны, что допускают решение по соображению, по здравому смыслу, без помощи знания? Или революционная деятельность так исключительна, что для нее вовсе не приложимы научные приемы мышления, вовсе не нужны сведения из разных отраслей знания? Посмотрим.

Возьмем народного революционера в те три фазиса его деятельности, которые указаны выше: как пропагандиста революции до народного взрыва, как участника революции во время самой борьбы, как участника в создании нового общественного строя после окончания этой борьбы.

Вы между народом. Вы внушили ему доверие. Вас слушают и вам верят. Вы хотите поколебать недоверие народа к его силам, хотите уяснить ему настоящий смысл тех страданий, которые он испытывает, которые чувствует, но которых не понимает; хотите указать ему его настоящих врагов, настоящий корень зла, над ним тяготеющего; хотите указать ему средства, как действовать, чтобы сбросить, поправить, уничтожить это зло. О чем и как вы будете ему говорить?

Вы укажете ему на болезни, его истребляющие, на смертность его детей, на насильственное сокращение его жизни, на оскудение его сил, на вырождение, ему грозящее. Вы скажете ему, что не законы природы послали на него это зло, что рядом с ним богачи реже заболевают, что их средняя жизнь длиннее, что их поколение имеет лучшее будущее, что условия этого зла лежат в общественной обстановке, в общественной среде, в общественной неправде.

Но для того, чтобы уяснить это, надо же знать самому, и не по наслышке, не из разговора с приятелем-студентом медицинского факультета, не из популярной книжки прочитавшей налету. Вы должны понимать, усвоить результаты общественной гигиены, понимать формы народных болезней, знать статистику их распространения и их условий, знать физиологические процессы

заболевания, заражения, истощения; знать общественные условия, вызывающие голодный тиф и смертность новорожденных. Если вы не будете знать настолько ясно все эти факты, чтобы не только понимать самому, но передать незнающему, безграмотному, передать наглядно, осязательно, доступно, то ваша пропаганда будет бессильна, или вам придется сочинять факты, придумывать сближения, придется лгать народу. Если ваша революционная проповедь бессильна, по вашей вине бессильна, когда для вас были доступны и факты, и книги, и всевозможные пособия и материалы, то не думаете ли вы, что вы — надлежащий, честный революционный пропагандист? Не думаете ли вы, что вы добросовестно исполнили вашу обязанность относительно народа, который купил вам средства образования и знания своею кровью и своим неисходным мучением? Не думаете ли вы, что вы выкупили, как умели и как могли, долю эксплуатации его вашими предками и вами самими? Не думаете ли вы, что вы точно любите народ, точно употребляете свои силы на его освобождение, точно приобретаете все нужные орудия для приближения минуты его торжества? — Нет, вы этого думать не можете, если вы искренни. — А сочинять, лгать народу... Лгать народу?... Нет, ни один деятель, ни одна деятельница из нашей передовой молодежи не может пасть так низко, чтобы им это даже пришло в голову...

Вы будете говорить народу о его экономическом разорении, о невозможности спастись личною работою от рокового процесса обнищания, от гнетущей силы капитала; о том, что здесь виноват не частный случай, не дурной год, не злодей-подрядчик, не ярыга становой; что страдает народ всюду, разорен всюду, эксплуатирован всюду; что и тут вина в самых общественных основах строя, в его несправедливости для слабого, для бедного, для большинства.

Вы будете говорить о порядках на Руси, о безграничном произволе царя, о лъстецах-министрах, о раболепстве придворных, о грабеже чиновников, о несправедливости в судах, о бесправии русских, о том, как дошла Русь до настоящего положения и что сделали с русским народом московские цари и петербургские императоры, хищные бояре и тупые попы, хапуны-подьячие и тираны-губернаторы.

Но и это надо узнать самому, чтобы объяснять и рассказывать. И для этого надо учиться, надо понять законы составления капитала, образования ренты, законы колебания цен; надо знать распределение труда, его статистику; надо знать жизнь рабочего и эксплуататора в России и за границей; надо знать историю России, и не по учебникам, которые говорят лишь о «славных завоеваниях» да о «премудрых царях», о «доблестных генералах» и «благоденствующем народе», а по трудам специальных, более серьезных и потому менее стесненных исследователей.

Всюду требование знания, требование науки, или бессилие

пропаганды, или опять *ложь* перед народом, которому вы собираетесь посвятить всю свою жизнь, всю свою деятельность.

И опять те же неизбежные условия серьезного изучения, серьезного знания являются при всех других предметах революционной пропаганды. Они явятся пред вами и тогда, когда вы будете рассказывать народу о том, как его деды и прадеды протестовали против подавляющей власти; как образовалась Сечь; как шел народ за самозванцами, за Стенькой Разиным и за Пугачевым, за атаманами понизовой вольницы; как уходили в лесные скиты раскольники, отрицавшие царя; как и теперь миллионы не признают его; как в чуждых землях восставали рабы против господ, ремесленники городов против дворян; как народ казнил за измену королей на берегах Темзы и Сены; как изгонял других; как сплачиваются рабочие Европы и Америки в союз, не признающий ни королей, ни государства, ни частной собственности; как дрались и умирали простоллюдины Парижа за свободу и самостоятельность своего города. Чтобы передать, чтобы уяснить русскому крестьянину эту легенду прошедшего, этот завет отцов бороться и умирать за свободу, надо самому вчитаться в мартиролог народов, в эпопею его героев-мучеников. Популярны книжки, сухие учебники здесь не помогут. Надо, чтобы картины борьбы и горя; героических подвигов и мученических страданий вставали живые в воображении рассказчика. Лишь тогда он бросит в душу слушателей зерно того огня, который одушевляет исторических борцов за права народа. Лишь тогда он перенесет в умы русских крестьян традицию вечного протеста народов противу их притеснителей, традицию революции. А для этого нужно много знания и весьма серьезное знание, — не то опять неизбежная дилемма: бессилие или *ложь*.

Я не стану перечислять другие возможные предметы революционной пропаганды, но, за исключением весьма немногих, все они требуют изучения, все требуют от вас, членов передовой русской молодежи, времени и труда, посвященного на серьезное умственное preparation себя к роли пророка народной свободы, к роли уяснителя народу русскому его прав и его сил, обид, ему нанесенных, и обязанности его не терпеть их более. Кто нахватался «новых идей» в беглом разговоре, кто вычитал нужные ему данные из третьих рук, из популярных книжонок, тот на первом же опыте реального осуществления своей народной пропаганды убедится в своей полной несостоятельности по предпринятому делу; убедится, насколько добросовестно было бы с его стороны стать перед народом как уяснитель того, что ему самому не ясно; как проповедник начал, им самим основательно не продуманных, как пропагандист мыслей, им самим не переваренных. Если даже его совесть не чутка в этом случае, — я надеюсь, что таких немного между вами, — если он захочет *прикинуться* знающим и понимающим, то он может очень легко оборваться. Народ наш

невежествен, но сметлив, а, главное, недоверчив. Он быстро схватит малейшее вранье, если имеет возможность проверить его, а раз проповедник явно проврался, он пропал во мнении слушателей. Людей цивилизованного общества в их сношениях с народом поддерживает одно, и только одно — доверие. Едва им перестали верить, они становятся для народа вралями-барчатами, которые бог весть из каких видов к нему подъезжают. Всякое подобное обличенное вранье есть не только нравственное преступление, но социальное зло, огромный грех для общего дела революции в России. Возможность ее успеха опирается на союзе и на взаимном доверии между народом и нашей радикальную интеллигенцию. Все колеблющее, все ослабляющее этот союз составляет прямой подрыв революционной пропаганды. Всякая ошибка нашей молодежи на этом пути может иметь очень дурное влияние. Трудно молодежи цивилизованных классов сблизиться с народом; внушить ему доверие, но если вы преодолели эту трудность, то, во имя успеха революционного дела, вы должны выступить в поход во всеоружии, хорошо осмотрев свои доспехи и надлежащим образом подготовившись к своей трудной роли.

Но переходим ко второму фазису революционной деятельности.

Положим, народное восстание началось. Положим, борьба идет в разных местах России — на Волге, Оке и Днепре. Российское государство, в форме ли настоящей неограниченной империи, или в форме конституционной по одному из европейских типов, напрягает все усилия, чтобы уцелеть, чтобы подавить народ, оставить власть и владение за господствующими классами. За него традиция. За него рутинка. За него организация. За него немалые умственные силы всех тех, которые питаются соками власти, живут организацией государства и видят, что с народным переворотом рухнут источники их благосостояния. — Все это препятствия весьма серьезные, враги, с которыми приходится считаться, враги, которые не раз могут поставить революционную партию в затруднение. Борьба будет не легка. Победа будет изменчива. Найдутся во враждебных нам рядах противники опасные, умные, понимающие средства вредить нам. А наши силы нам будут нужны все, сполна, потому что не должно себя обманывать надеждою на их громадность. Мы уже согласились выше, что недостаток образования в народе совершенно неисправим в настоящем положении дела, до успеха народной революции. Едва ли можно рассчитывать на то, чтобы особенно значительная доля нашей интеллигенции пошла вместе с народом в борьбу, крайне опасную и притом несогласную с ее выгодами, как класса. Пойдут лишь люди убежденные, люди, выработавшие в себе нравственное развитие, сознание, что это должно сделать; люди, особенно впечатлительные к болям России, к страданиям народа, к безнравственному положению цивилизованного класса, который

вырос на средства большинства и не может не эксплуатировать его в настоящем положении дел. Но таких особенно много никогда не было, особенно много и не будет.

Итак, в предстоящей борьбе важна будет каждая единица, каждая лишняя сила, каждое лишнее средство. На карте будущее России, будущее народа; следовательно, всякая копейка должна будет пойти ребром. Каждый из вас, борцов за эти неопределимые блага, не только даст и должен дать всего себя в трудную минуту, но должен вооружиться как умеет, чем может; должен запастись всевозможными орудиями для этой борьбы; должен скрывать себе сам то оружие, которого ему недостает; обязан приобщать все силы, которые ему доступны.

Но мы, кажется, условились уже, что одна из могучих исторических сил есть знание. Мы повторим с М. А. Бакуниним: «невежество — источник общественного бессилия». И неужели эту силу, которой значение мы признали, признают и все наши единомышленники, к какой бы фракции социально-революционного движения они ни принадлежали, — неужели эту именно силу следует оттолкнуть от себя добровольно, без нужды, из какой-то болезненной боязни, что она развратит вас, сделает подобием тех филистеров, которые считают чешуйки рыб, измеряют углы кристаллов, отмечают число линий в данном месте спектра, спорят до пены у рта о санскритском корне и проходят равнодушно мимо государственных безобразий, мимо страданий народа? — Да полноте! Что общего между молодежью, учащейся науке для решения вопросов жизни, желающей понять истину в ее серьезном значении для того, чтобы нести результаты этой истины в народ, приложить их к борьбе за народ, — и этими улитками знания, для которых микроскопический фактик, ими открытый, способен заслонить и весь мир и все вопросы жизни? Они — бессильные рабы науки, прикованные к одному из темных углов и ворочающие покорно один из миллионов жерновов, на которых она приготавливает пищу человечеству. Научно вышколенные революционеры, это — ее свободные, могучие любовники, которым она с радостью дает все, что может дать в данную минуту, с которыми идет рука об руку на их смелые предприятия, которых воодушевляет магическими словами в день опасности, в которых вливает утроенные силы в минуту борьбы. Любите ее, живите с нею; она, настоящая наука, никогда не внушит вам индифферентизма к жизненным задачам, но она уяснит вам их; она, настоящая наука, никогда не сделает вас равнодушным к страданиям народа, но укажет вам, где радикальные средства для их лечения и в чем заключается шарлатанство эмпириков, предлагающих народу ядовитые мази и усыпительные напитки; она, настоящая наука, никогда не посоветует вам смириться перед безобразиями власти, но разглядит вместе с вами, где слабое место этой власти, как подраться под нее, куда удобнее поразить ее, чем удобнее

поколебать ее. — И этого верного друга, и эту могучую помощницу, эту громадную силу вы хотите легкомысленно оттолкнуть от себя, когда вам предстоит такая трудная борьба, когда вам грозят столь многочисленные, ожесточенные, искусные и хорошо вооруженные враги? — Извините, но я считаю это каким-то необъяснимым безумием.

Наступит, надеюсь, и третий фазис революционной деятельности вашей. Рухнет притеснительное государство. Народ станет господином своих действий, своих сил, своих средств, господином земли русской. Тогда настанет самая трудная для вас минута, как она была самою критическою для всех революций, для всех исторических борцов. Окруженные поколением, выросшим в старой государственной рутине, проникнутым старыми культурными привычками, нося в самих себе неизбежные следы общественного строя, среди которого они выросли, борцы-победители должны содействовать общественной организации, где желательные идеалы должны быть воплощены при возможных условиях среды и согласно необходимым законам явлений. При этом победители знают, что они окружены врагами, злоумышленниками, индифферентистами; что всякая ошибка при постройке нового вызовет озлобленную критику, даст оружие противникам, составит слабую точку, на которую направятся удары со всех сторон. Эти удары надо предвидеть и предотвратить. К своему страстно любимому делу, к воплощению идеи, которая наполняла вашу жизнь, надо отнестись объективно, критически, спокойно взвешивая возможности, подчиняясь необходимости. И в минуту победы народа, неизбежно лишенного знаний, неизбежно лишенного привычки вырабатывать в себе критическую, всестороннюю оценку вещей, неизбежно способного ошибаться в средствах для достижения ясной для него цели, — на ком лежит обязанность совета, обязанность критики, обязанность указания возможных ошибок, как не на тех, которые считают себя призванными помочь народу, как представители передовой интеллигенции, представители критически выработанного нравственного убеждения? На ком, как не на вас и на ваших товарищах?

Но где же вы можете найти в этом случае указания, как не в науке с добытыми ею результатами, с выработанными ею методами? Если для приготовления революции знание доставляло вам необходимый материал, если во время борьбы оно служило вам самым надежным помощником, то при содействии организации нового строя оно становится вашим господином, вашим единственным руководством, самою сущностью вашей деятельности. При революционной проповеди пламенная любовь к делу и талантливая сообразительность могут иногда — хотя реже, чем думают — пополнить пробелы знания. Во время революционной борьбы энергическая решимость играет наибольшую роль, и хотя знание есть весьма важная сила, которою пренебрегать непрости-

тельно, но оно, во всяком случае, сила не единственная. Но когда требуется предвидеть и оценить, взвесить шансы и критически разобрать возможности, то ничто не может заменить науки, ничто не может даже пополнить ее пробелы. Революционер-победитель, не изощривший свою мысль критическими методами, не обогативший свой ум надлежащими сведениями, должен, если он добросовестен, отказаться от всякой деятельности в пользу любимого им дела, как только борьба кончена, враг низвергнут, последний удар нанесен. Он тем более вреден для спокойного обсуждения новой организации общества, чем более страстно он любит свой общественный идеал, если он не изучил критически средства осуществления общественных идей вообще. Именно его искренность, его страстность делает его доступным увлечению и ошибкам; ибо она делает вероятнейшим, что он не будет в состоянии обсуждать спокойно представляющиеся препятствия и затруднения. Именно она увеличивает опасность, что здание, воздвигаемое победителями-революционерами, будет здание непрочное.

Прочность революционных построек — вот главное, основное, существенное затруднение, которое можно преодолеть лишь помощью самой строгой критики мысли, самых обширных вспомогательных сведений, самой тщательно выработанной для данного времени науки. Революцию вызывает элементарная потребность. Ее ведет через ее фазисы преимущественно энергия личностей, в ней участвующих. Ей доставляет победу комбинация исторических обстоятельств. Но прочность ее постройке сообщает и может сообщить только наука.

Именно потому начато было очень много революций, и развивались энергически, блистательно, человечно многие из них; победили уже очень, очень немногие; прочностью же результатов могут похвалиться и того меньше. Самым лучшим, самым энергичным, самым прогрессивным недоставало спокойного, проникающего элемента научной критики в их руководителях, и их создания оказались эфемерны.

И тут я обращаюсь к аргументу, который вы черпаете из истории.

Да, наука играла до сих пор крайне маловажную роль в исторических революциях. Да, они производились большею частью во имя верований, иногда крайне отсталых, иногда совсем нелепых. Да, при всех этих условиях они были, тем не менее, воплощением стремлений к прогрессу, и консерваторы с более точными знаниями, с более широким мирозерцанием, сторонившиеся от этих движений, стояли по своему развитию ниже фанатиков, соединявших жаркое стремление к общественной правде с диким догматом или вовсе непродуманным мирозерцанием. Вы мне укажете на массу величественных народных движений, одушевленных подобным догматом; назовете две-три победы, одержанные под догматическим знаменем. Но укажете мне хотя одну

прочную революционную постройку, созданную фанатизмом и чуждую критической мысли. Вера подымает народы, доставляет им победу, но эта победа эфемерна, если идеи, ею выдвинутые, не опираются на критическую мысль.

За последний обширный период новой европейской истории прочны оказались лишь две революции; обе не народные, чисто политические, но отличавшиеся именно обдуманностью здания, ими возведенного. Это была английская революция 1688 года и американская — семидесятых годов прошлого века. Социология тогда ограничивалась учением о государстве, развивалась на почве чисто эмпирической и научного характера не имела; но английские деятели, устранившие дом Стюартов, и патриоты, провозгласившие независимость Северо-Американских Штатов, были люди, наиболее критически взвешивавшие в свое время те эмпирические результаты социологии, которые были им доступны, наиболее спокойно оценившие возможности осуществления того или другого плана действия, наиболее объективно посмотревшие на вопросы о постройке нового общественного здания, им представлявшиеся. Иначе говоря, они действовали при наиболее научных условиях для данной эпохи. Именно потому здание, ими воздвигнутое, оказалось прочным, потребовало лишь частных поправок, и хотя теперь представляет лишь мертвую форму, удобную почву для спекуляторской деятельности разных мелких личностей, но все-таки не разрушается.

Несравненно человечнее, несравненно народнее были революции во Франции и отразившиеся от них волнения в разных местах Европы. Но все результаты их были эфемерны, потому что их искренние, героические предводители отлично знали, что желательнее во имя их политических верований, но вовсе не подготовили себя к оценке *возможного* при данных условиях среды, вовсе не взяли в соображение условий, доставляющих *прочность* общественному строю. Им недоставало критической мысли, недоставало науки, и они погубили дело, которому служили, которому были преданы всею душою, для которого готовы были пожертвовать всеми благами жизни и самою жизнью. История, именно доказывает верность положения, которое я поддерживаю. Вне критически выработанной мысли она представляет лишь эфемерные общественные здания.

Если мы заглянем в историю далее, в эпохи восстания народов под знаменем религий, то нам даже представится сомнение, были ли бы прогрессивные стремления религиозных фанатиков, в случае победы, точно прогрессивным фазисом в истории человечества, или для *общего* прогресса было выгоднее, что победили более критически мыслящие, более индифферентные и лицемерные, более эгоистические консерваторы.

Возьмем два конкретных примера.

К XII столетию энергия католического верования в Европе

стала ослабевать. Схоластическая диалектика и народная сатира, разврат духовенства и светское властолюбие иерархии стали понемногу разъедать его. В это время южная Франция сделалась центром новой религиозной проповеди дуализма, перенесенной туда из славянских земель, и эта религиозная проповедь была связана, особенно у славян, со многими социальными и теоретическими требованиями, весьма прогрессивными для европейского общества этой эпохи. Ересь катаров (чистых)⁶⁴ по своему развитию стала опасна для католичества, и XIII век был периодом ожесточенной борьбы между ними. С одной стороны было молодое, глубоко искреннее, горячо-религиозное верование, связанное с передовыми социальными вопросами. С другой стороны были каменеющие формы религии, чуждые жизни, с лицемерным содержанием. Победил католицизм. Результат был крайне печален для провансальской цивилизации, для немедленного решения некоторых практических вопросов, но, в сущности, кровавый крестовый поход против альбигойцев⁶⁵, усилившееся стремление пап к господству над Европой, жестокости инквизиции, борьба доминиканцев⁶⁶ с университетами, усилившееся разложение католицизма — укрепили и распространили оппозицию против религии вообще; эта оппозиция подняла светское образование в XV веке, выработала научную мысль в XVII и, выработав ее, могла в XIX поставить на научной критической почве вопрос о социальной науке не только как о теории повторяющихся социальных явлений, не только как о критике наличных общественных форм, но еще и о задаче наилучшего осуществимого общественного строя.

В XVI столетии произошло другое столкновение. Еще более ослабевший католицизм встретил оппозицию религиозного верования, которое прямо провозглашало себя защитником независимости мысли, конечно — на священной почве недоступного критике текста; и учение протестантизма тоже обращалось к народу, вооружало его против эксплуатации духовенства, даже, в иных странах, защищало социальные права народа. Победил этот раз протестантизм: значительная часть Европы отпала от католицизма. — Какой же был результат? — Немедленно новое победившее верование сделалось столь же схоластическим, столь же притеснительным, как и прежнее. Оно удалило из себя все народные элементы, стало проповедником безусловного права королевской власти, воздвигало костры против еретиков и свободных мыслителей, потеряло всякий социально-прогрессивный характер и сделалось в наше время самым лицемерным, но ожесточенным врагом всякого теоретического и практического прогресса. Победа же его оживила и его противника; в религиозной борьбе католицизм возродился, создал иезуитов, создал новые догматы и до сих пор составляет самую надежную опору всяких реакционеров, — опору, с которой приходится считаться и всяким.

свободно мыслящим политическим партиям, падким до компромиссов. Результаты торжества протестанизма, хотя, повидимому, прогрессивные в данную минуту, оказались вообще регрессивными для человечества.

Обобщим вопрос и дадим ему ту форму, в которой он был поставлен выше. Допустим, что с одной стороны стоит фанатическое религиозное верование, опирающееся на элементарные общественные потребности и требующее прогрессивных социальных преобразований. С другой стороны находятся консерваторы, выработавшие скептицизм в религии, индифферентизм к общественным задачам и расчетливую заботу лишь об эгоистических интересах своих личностей или своих сословий. Для общего прогресса истории кому можно желать победы?

Знаю, что вы немедленно ответите: первым, и нашли бы безнравственным, возмутительным всякий другой ответ. Я позволяю себе обратить ваше внимание на подчеркнутое мною слово и считаю позволительным не утверждать то или другое, а сомневаться.

Так как дело идет об *общем* прогрессе, то представим себе период, в который можно оценить результаты наиболее полно. Разочтем, начиная от появления в данной стране нового верования до *прочного* осуществления практических задач, в нем заключающихся, вероятности большего и меньшего количества общественных страданий, более скорого или более медленного наступления окончательной эпохи, в случае торжества той или другой партии.

Замечу, что количество народных страданий приходится рассчитывать только по длине периода, потому что эксплуатируемые классы почти одинаково страдают в эпохи ожесточенной реакции, сопровождающей народные движения и следующей за ними, или в периоды мирного законченного истощения народа его эксплуататорами. В первом случае страдания более остры, более поразительны, более бросаются в глаза, но концентрируются неизбежно на меньшем числе личностей. Во втором случае они хроничны и менее заметны, но едва ли не губительнее как для физических, так и для нравственных сил народа. Поэтому для упрощения рассуждения мы рассмотрим лишь, когда должно ожидать сокращения периода, отделяющего появление нового верования от *прочного* осуществления поставленных им социальных задач.

Припомню только что полученный вывод, что *прочное* возведение новых социальных построек возможно лишь тогда, когда эти постройки опираются на критическое, научное мышление; следовательно, прочной их установке должны предшествовать два факта: победа социальных революционеров над консерваторами: замена догматического, религиозного, некритического способа мышления критическим, научным. Но порядок последовательности этих фактов может быть различен.

Победили консерваторы. — Решение социального вопроса отложено. Религиозное верование, одушевлявшее народ к борьбе, потеряло свой социальный характер и сделалось для большинства приверженцев или чисто догматическим, без немедленного революционного побуждения, или даже чисто формальным, как большинство общественных верований. Индифферентизм религиозный господствует между высшими классами вследствие уже прежде выработанного скептицизма. Индифферентизм религиозный охватывает и классы низшие, потому что они не видят прямой связи между догматами разных учений и немедленным удовлетворением своих насущных потребностей. Тем не менее, побежденное верование, хотя и в чисто догматической форме, именно потому, что оно побеждено, поддерживает оппозиционную традицию и напоминает о социальных потребностях, которые должны бы быть удовлетворены, но остаются неудовлетворенными. Между тем скептическое настроение господствующих классов делает свое дело: вырабатывается более строгая критика; научное мышление заменяет мышление догматическое. Научная критика безбоязненно подчиняет себе один вопрос за другим; неизбежно добирается и до вопросов общественных, но добирается до них уже тогда, когда строгость и методичность приемов вошла в ее привычки, когда ученые внимательно смотрят друг за другом, проверяя точность и изящество технической стороны критики. Конечно, иные ученые, во имя интересов господствующих классов, ставят социальным вопросам ответы ненаучные. Соперничество теоретическое вызывает других на полемику, иногда вовсе не имея в виду, к чему ведет подобная полемика. Поднят и тот старый элементарный социальный вопрос, который был связан с побежденным догматом, но поднят уже как вопрос научный, критически обсужденный, вызывающий определенное реальное решение, требующий перестройки общественного здания по определенным критическим условиям. Из диссертаций и толстых книг вопрос переходит в летучие листки газет, на площадь, в народные собрания. Религиозная традиция, поддерживавшая живучесть социального вопроса в мире сектаторов, совершила тогда свое дело. Массы, имея пред собою выгодное для них решение того же вопроса на реальной почве, на научных основаниях, безо всякой связи с каким бы то ни было догматом, сливаются с партией, поддерживающей дело социальной реформы. Организуется партия, сильная числом, вследствие поддержки народа, сильная мыслью вследствие участия в ней передовой доли интеллигенции. Тогда совершается и второй из упомянутых фактов. Происходит переворот путем мирной реформы или кровавой революции, и новый общественный строй возникает на прочной основе научной критики, осуществляя ту самую задачу, которую ставили себе задолго пред тем фанатические проповедники.

Берем другой случай. — Победили религиозно-социальные фа-

натики. Факт, явившийся в самом конце процесса в первом случае, совершился здесь в самом начале. Новый социальный порядок установлен в связи с строгим религиозным догматом. Он установлен людьми, страстно верующими в реальную осуществимость всего желаемого. Он имеет против себя консерваторов, вооруженных против него во имя своих интересов; он имеет против себя — или, по крайней мере, не за себя — всю интеллигенцию скептиков, метафизиков, научных мыслителей, которые возмущены его религиозною формою и неизбежно вытекающею из всякого искреннего верования нетерпимостью. Очевидно, он прочным быть не может, во-первых, потому, что те, кто его поддерживает, не в состоянии спокойно обсудить условия его прочности; во-вторых, потому, что в рядах врагов его все наиболее сильное мышление. Происходит переворот реакционный. Затем снова победа религиозно-социальной партии. Но и теперь она победила при тех же условиях, как прежде, и не имеет вероятности доставить своей общественной организации прочности. Идет ряд переворотов с переменным счастьем. Религиозные вопросы настолько смешаны с политическими, что интересуют всех; сами скептики употребляют свою силу на религиозную полемику. Привычки мысли долее сохраняют религиозный характер. Немногие умы обращаются к чисто научным исследованиям, приучают мысль к методам строгой критики. И этих немногих ненавидят и презирают все партии, как общественных индифферентистов, как людей, чуждых и своему сословию и своему народу, не разделяющих забот и страданий сограждан. Это и действительно, с точки зрения нравственности, люди далеко не передовые, потому что какой же человек, нравственно развитой, способен работать в своей лаборатории, когда его соотечественники режутся на улицах в бесконечном ряде переворотов, ни один из которых не может выработать прочного общественного строя? Между тем, *прочная* победа социального прогресса возможна при этих условиях только тогда, когда подобные индифферентисты, подобные люди, далеко не высокие нравственно, увеличатся в числе, усилятся по влиянию; когда их приемы мышления оттеснят приемы мышления самых нравственных, самых искусных, самых передовых их религиозных современников. Мало-по-малу надоедает схоластика религиозных споров. Тогда происходит одно из двух. — Может случиться, что, по мере развития круга ученых специалистов, ученых индифферентистов, методы научной критики мало-по-малу проникают и в социальные вопросы, до тех пор тесно связанные с религиозными. В продолжающейся полемике критический элемент начинает все более преобладать над догматическим. В повторяющихся революциях социально передовая партия привлекает, наконец, в свои ряды некоторую долю критических мыслителей. Они попадают в число руководителей, доверенных советников народа и при первой победе придают, наконец, социальной задаче, столько раз решен-

ной, правильную, критическую постановку, которая определяет и условия общественного строя, достаточно *прочного*, чтобы устранить опасность новых переворотов. Но этот ход дела имеет за себя мало вероятности, потому что индифферентистам, презируемым и ненавидимым обеими борющимися партиями, трудно приобрести влияние по приемам мысли на людей, пользующихся уважением своих приверженцев. Вероятнее иной ход. — Религиозная схоластика надоела, но и связанные с нею социальные вопросы теряют свое обаяние. Догматические споры, точно так же, как споры социальные и политические, становятся вывескою, под которою скрывается борьба личных интересов, личных самолюбий и честолюбий. Перевороты совершаются под прежними знаменами, но лицемерие и продажность составляют их суть. Между наиболее развитою, наиболее нравственною частью общества распространяется отвращение от переворотов, в которых гибнут обманутые толпы из-за самолюбия нескольких говорунов. Лучшие люди, удаляясь от общественной деятельности, оплакивая разврат общества, их окружающего, уходят в науку. Персонал научных специалистов возвышается нравственно. Привычки научной мысли начинают господствовать в избранной части интеллигенции, чуждой общественных переворотов и столкновений. Совершается второй из актов, о которых сказано выше, именно замена догматического мышления критическим, которая в первом случае совершилась прежде. С нее начинается правильное приближение к прочному решению социального вопроса. Привычки научной мысли, распространяя объем научных занятий, неизбежно переходят на общественные вопросы. Рядом с старыми партиями лицемеров, борющихся под истасканными знаменами, становится новая, искренняя партия, которая ставит критически вопрос об общественных задачах, о лучшем общественном строе. Она решает этот вопрос в пользу большинства, становится его адвокатом, одушевляет его своею мыслью, и тогда совершается переворот, устанавливающий *прочный* общественный строй по потребностям этого большинства.

Я не решаюсь утверждать, что оба исторические процесса, возможные во втором случае, требуют большего времени, чем процесс, описанный в первом; не стану очень стоять за то, что невозможен какой-нибудь иной ход дел; но на мой взгляд очень дозволительно усомниться, чтобы второй случай, т. е. ранняя победа социально-религиозной партии, в общем ходе истории уменьшил количество общественных страданий, сократив период борьбы до прочной организации лучшего общественного строя. Едва ли даже не напротив. Впрочем, при невозможности иметь какие-либо точные данные для вычисления результата, достаточно указать на сомнительность какого-либо опрометчивого решения.

Но пора кончить письмо, которое и без того, может быть, вы найдете слишком длинным. Мне хотелось бы узнать от вас,

что оно вас убедило. Во всяком случае для меня вопрос не подлежит даже минутному сомнению.

Как только я признал, что знание есть сила, я немедленно заключаю, что эта сила должна быть приобретена социальным революционером в виду предстоящей борьбы. Всякая борьба требует сил, и чем более сил, тем лучше. Отрекаться же добровольно от силы, которою можно вооружиться, по меньшей мере странно.

Рассматривая вопрос подробнее, я убеждаюсь, что знание необходимо, как важный материал для революционера-пропагандиста, как весьма серьезное пособие для революционера-борца, как единственное надежное руководство для революционера-строителя.

История подтверждает для меня результаты, приобретенные простым рассуждением. Она указывает на непрочность всех революций, совершенных под влиянием одних влечений и верований, даже самых передовых в политическом и социальном отношении. Она указывает наибольшую прочность в общественных постройках, произведенных с наибольшею дозою критического мышления.

Наконец, логически разбирая влияние переворотов, даже успешных и передовых по своей социальной программе, но произведенных под влиянием не критических догматов, я убеждаюсь в крайней сомнительности, чтобы это влияние могло быть прогрессивным, т. е. могло сократить период страданий большинства до окончательного и прочного торжества его стремлений.

Отсутствие знания мне всюду является как помеха революционному движению, как ослабление его, как уменьшение прочности его результатов, как замедление общественного прогресса. Теория, которую вы защищали, — позвольте надеяться, что вы ее не защищаете, — мне кажется прямым подрывом революционных стремлений как в форме пропаганды, так в форме борьбы, но в особенности же в форме построения нового порядка вещей.

Поэтому я считаю возможным заключить мое письмо следующими словами, которые я обращаю к вам, к вашим товарищам, к русской молодежи обоих полов вообще.

Если вы искренно любите русский народ, если вы страдаете от его страданий, если вы верите, что революция есть единственное средство помочь ему, если вы чувствуете потребность и обязанность участвовать в этом ожидаемом народном восстании, если вы искренно хотите сблизиться с народом, со словами проповеди будущей революции в борьбе за революцию совершавшуюся в построении нового лучшего порядка вещей после революции совершившейся то перед вами один путь: готовьтесь серьезно и обдуманно к революционной деятельности. Помните: это не благодеяние с вашей стороны, это — обязанность, это — служба народу. Я не говорю о приготовлении, которое необходимо вам в

изменении ваших привычек, не говорю о необходимости сблизиться с народом, о подготовке физическом, о подготовке себе точки опоры для деятельности. Все это не входило в программу моего сегодняшнего письма. Я говорю здесь только о подготовке умственном. Чтобы быть полезным народу, вы должны вооружить вашу мысль силою критики, должны обогатить ум разносторонними и основательными сведениями. Вы должны учиться, должны усвоить вопросы, которые вам необходимо встретятся и в проповеди, и в борьбе, и в создании нового строя. Вы имеете средства вооружить таким образом вашу мысль, обогатить ваш ум, приобрести добавочную силу знания. Народ не имеет этих средств, следовательно, он должен приобрести силу знания в вас; вы обязаны приобрести ее для него. Время, вами на это употребленное, столь же мало потеряно для революции, как время, употребленное оружейником на изготовление ружей, всадником — на выучку лошади, стрелком — на упражнение в меткой стрельбе.

Все это — средства для успешной борьбы, все это — силы для ее успеха; и знание есть средство, но далеко могущественнейшее большинства революционных средств; и знание есть сила, самая действительная из всех революционных сил.

Если вы не приносите народу знания, выработки мысли, которая вам была доступна, но недоступна ему, то на что вы народу? Что вы даете ему? Еще одного борца? Их миллионы и без вас. Физическую силу? Ее у него довольно, да и что ваша сила пред силою русского крестьянина? Личную энергию? У вас никогда не было и не будет сотой доли энергии, которая нужна русскому работнику, чтобы только просуществовать при условиях его жизни. Природный ум? У него достаточно сметливости. Преданность его делу? Докажите ее тем, что вы потрудитесь для принесения ему именно той силы, в которой он нуждается: приобретите силу знания и принесите ему ее.

Если вы этого не хотите, если вы идете в народ неподготовленным, без знания и критически выработанной мысли, то вы не более как паразит народной революции; вы ничего не сделали со своей стороны, чтобы помочь ее делу, когда вы могли это сделать; вы отказались от доли помощи, специально лежащей на вас по вашему положению. Вы идете проповедывать народу с готовностью лгать ему, потому что вы сами не усвоили себе то, о чем будете проповедывать. Вы идете сражаться в его рядах с тем, чтобы в трудную минуту, когда он обратится за советом к уму, к знанию «представителя передовой интеллигенции», быть столь же беспомощным, как последний безграмотный, подавленный вечною работою батрак, или чтобы бесцеремонно бросить ваших товарищей на-авось в безумные предприятия, которые их погубят, повредят делу народной революции. Вы идете строить здание нового общества для того, чтобы ваше участие в его по-

стройке принесло ей менее прочности, облегчило врагам низвержение ее, отдалило минуту окончательного торжества народа...

Если вы не хотите приобрести для народа знания, которые ему нужны и которые он сам приобрести не может, то вы не любите народа, вы не желаете искренно успеха народной революции, вы исповедуете устами то, чего у вас нет в душе. Вы — ложный друг народа.

Но скорее всего, если вы проповедуете, что знание, основательное знание, не нужно, а вредно для революционного дела, то вы действуете под влиянием болезненной иллюзии. Вы заразились местной эпидемией. Выйдите из зараженной местности. Окружите себя более свежей, более здоровою атмосферою истинных друзей народа, истинных, серьезных подготовителей народного торжества в будущей революции.

Подумайте серьезно о ваших обязанностях относительно народа, которому вы идете помогать, и вы вылечитесь... Я надеюсь, что вы уже здоровы...

Кто прямо смотрит на вопросы и искренен с собою, тот всегда вылечивается от подобных припадков.

Статья вторая⁶⁷

Как было сказано на последних страницах второй книги «Вперед», автор первой статьи вовсе не имел в виду возвращаться к предмету своего письма. Но многочисленные замечания, возражения, требование пояснений и дополнений, до него доходившие по этому поводу, недоразумения, к которым первое письмо дало повод, и странные аргументы, которые были ему противопоставлены, — все это обязывало его еще раз рассмотреть вопрос об отношении знания к требованиям и целям социальной революции. Второе письмо было уже готово, когда было получено определенно сформулированное возражение. Автор мог только радоваться, что имеет, наконец, перед собою не слухи, не отрывочные выражения, может быть, переданные не совсем точно и не совсем полно, но продуманные, сведенные в одно целое аргументы. Для того, чтобы читатели могли лучше взвесить как их силу, так и силу того, что автор считает возможным ответить на них, едва ли не всего удобнее поместить почти целиком полученное возражение. Но в своем ответе автор не считал полезным ограничиться лишь здесь высказанными замечаниями. Он принял в соображение и другие пункты, здесь не затронутые, но частью дошедшие до него в живом слове, частью в письмах, им полученных. Он постарался не упустить из виду ничего, что могло ему показаться сколько-нибудь заслуживающим внимания.

[Упомянутое здесь «возражение» — «Письмо из Петербурга» — опускается].

Ответ на разные критики

Я вовсе не ожидал, что мое первое письмо вызовет такую полемику, какую оно вызвало. Я имел в виду болезненный припадок, замеченный мною в одной группе молодежи. Мне хотелось указать на него, как на нечто преходящее, случайное, как на увлечение, которое должно пройти само собою, но на которое следует указать, как на патологический симптом.

Напечатав статью и перечитывая ее, я даже несколько опасался, что поступаю неосторожно: не придали ли я слишком серьезное значение случайному спору, веденному моими противниками более из-за удовольствия диалектики, чем с искренним желанием защитить установившийся взгляд? Мало ли о чем говорят, о чем спорят, думал я. Но перенести в печать следует спор о том, о чем можно спорить искренне. Передо мною порыв молодости, полемика из-за красного словца, а я вздумал печатать о пользе знания...

Не насмеются ли надо мной читатели? Разве для азбучных истин издается «Вперед»?

Действие, произведенное моею статьею, было совершенно иное, чем то, которого я опасался. Ее приняли очень серьезно. Вопрос о пользе знания, доставивший тему стольким риторическим упражнениям в прошлые века, оказался еще не устаревшим в среде русской революционной молодежи в конце третьей четверти XIX столетия.

Но в известной степени мои ожидания оправдались. Кружков, которые решительно отрицают пользу приобретения знаний для социального революционера в России, оказалось весьма немного, и они оказались весьма незначительны. Их деятельность не имеет будущности. Зато тем серьезнее становятся вопросы об отношении знания к революции, вызванные в разных группах революционеров моим письмом. Ни одна из этих групп не отрицает основных положений, мною выставленных, но все они имеют свой вопрос, вышедший из их особенных условий жизни и деятельности, и, не находя ответа на этот вопрос в моем письме, они готовы заподозрить во мне равнодушие или даже враждебность именно к той стороне задачи о революционном знании, которая для них единственно важна, единственно жизненна.

Всем этим противникам отвечаю зараз: я писал не книгу, не трактат о революционном знании, а письмо, рассматривающее один, только один из многочисленных вопросов, сюда относящихся, именно такой вопрос: если молодой человек или молодая женщина из класса, которому доступно знание, находятся в положении, при котором они могут расширить свои знания или усилить критическую силу своей мысли, то следует ли им, во имя своих социально-революционных убеждений, отталкивать от себя знание, им доступное, и работу мысли, для них возможную, или

во имя этих самых убеждений, они обязаны воспользоваться тем оружием, которое им предлагает жизнь?

Люди, которых я имел в виду при моем письме, находились в определенном положении; задача, которую я решал, была определенная; я вовсе не касался других задач, стоявших с ней рядом, но с ней вовсе не тождественных.

Но во имя этих других задач со всех сторон поднимается против меня полемика.

«Как? — говорят с горькой насмешкой одни, — вы проповедуете, что нам нужно читать десятки томов. Но нам не на что купить и одной книги; мы из-за куска хлеба, из-за плохой одежды должны работать с утра до вечера, не имея времени и читать что-либо серьезное; мы засажены жизнью в глушь уездного города или деревни, и нам не от кого достать ни одной книги, нам нужной; нам невозможно встретить и человека, способного научить нас живым словом тому, что нам недоступно в книгах, которые собраны там, далеко, в университетских городах и столицах, в библиотеках достаточных людей, в заграничных центрах. Между тем мы жизнью, тяжелою жизнью выработали в себе революционное верование. Мы жизнью каждый день доходим до необходимости переворота для спасения русского народа. И из-за того, что мы не можем прочесть недоступные нам книги, из-за того, что мы не можем приобрести нужное нам знание, вы отрицаете нашу революционную деятельность, вы выбрасываете нас из рядов завоевателей будущего для человечества! Нет. Мы чувствуем, что мы настоящие революционеры. Мы знаем, что мы нужны народу, со всеми недостатками нашего знания. Мы глубоко убеждены, что вы не правы. Вы совершенно извратили отношение знания к революции».

Вы даете не то, что нам нужно, говорят другие. Ваша статья нуждается в пояснениях. «Она требует, — сказано в одном письме, — много ненужного и неисполнимого для всякого при настоящем положении вещей». Цель пояснений должна заключаться не в том, чтобы «доказывать вновь важность значения знания; нет, с этим согласится всякий, исключая каких-нибудь... (корреспондент употребляет термин несколько резкий); но какие знания требует автор в своей статье и какие, по его мнению, необходимы в данную минуту для практической деятельности в народе? Вот, по-моему, задача, которую должен себе поставить автор статьи «Знание и революция» при своем ответе молодежи, и только таким путем он рассеет ложные суждения, которые царствуют во многих головах и по сие время».

Озлобленные скептики пишут мне: «Трезвоньте, ради бога, ршестви «в народ». Какие там «знания», когда их все равно не приобретут по лени, по отсутствию энергии ума, по молодости лет и т. д. Слава богу, если хоть что-нибудь кое-как прочтут...»

Наконец, разнообразные сделанные мне возражения сгруппи-

рованы в письме из Петербурга, которое предпослано этому ответу. Резюмирую их в том порядке, в котором мне всего удобнее будет разбирать их.

От меня требуют, чтобы я каждый общественный вопрос (следовательно, и вопрос о роли знания в революции) рассматривал единственно с точки зрения «потребностей» личности или группы личностей. Мне говорят, что в человеке есть «не один мозг и ум», в его деятельности — не одна критика и работа мысли; что задача русского революционера разрешается «не одними знаниями». Меня уверяют, что мое письмо может вредно подействовать на молодых людей, которые еще вырабатывают свое мировоззрение. Знание, говорят мне, есть такая же монополия, как богатство, «монополия, ничем не отличающаяся от других». Увлекаясь его наслаждением, молодежь может отдаляться от своей основной цели. Вырабатываясь на книгах, молодежь нуждается в побуждении вносить свое убеждение в жизнь. Поэтому, говорят мне, ее следует толкать на практическую революционную деятельность возможно скорее, хотя бы и не совсем подготовленную.

Установив, таким образом, вообще отношение знания, как процесса, к революционному делу, мои оппоненты обращаются и к частному вопросу о содержании знания. Они утверждают, что я требую от молодого революционера изучения целой энциклопедии, между тем как надо настаивать «на предпочтительном изучении вопросов жизни, а не науки», и не следует пугать начинающего зависимостью этих вопросов жизни от «социальных наук», изучать же вопросы жизни надо «не исключительно по книжкам», а «непосредственно».

Вот, кажется, все основные возражения, мне сделанные. Я постарался их передать возможно точно, и если упустил что-либо, то совершенно против своего желания.

Рассмотрим же эти возражения.

Часть их, и наиболее значительная, относится к той иллюзии, будто я исчерпал на тридцати страницах моего первого письма весь вопрос об отношении знания к революционной задаче нашего времени. Другие возражения, повидимому, вызваны истолкованием высказанных мной мнений в смысле, который был весьма далек от моего взгляда на вещи и который, как мне кажется, едва ли читатели были в праве вложить в мои слова. Наконец, иные возражения я не могу считать чем-либо иным, как случайною ошибкою моих корреспондентов, ошибкою, которую они сами немедленно исправят, когда вдумаются в собственные слова.

Прежде всего [и] больше всего мне было слышать, что люди, которых жизнь отрезала ото всякой возможности развивать свои знания, могли на минуту подумать, что в моей статье есть что-либо направленное против их революционной деятельности; могли подумать, что я могу отрицать всякую пользу их участия в агитации, подготовляющей революцию, и в самом процессе ее со-

вершения. Неужели же они не обратили внимания на мои слова (стр. 225): «Дело идет о тех, которым знание вполне доступно, для которых научное развитие вполне возможно, которые имеют под руками все средства для того, чтобы приобрести силу, признаваемую за силу всеми лагерями... Должна ли эта молодежь, должны ли вы... оттолкнуть от себя это возможное для вас высшее развитие, эту доступную для вас силу, чтобы стать добровольно (подчеркиваю) невежественными в ряды невежественных, бессильными в ряды бессильных?..» О «добровольном отречении» от знания, о неохоте приобрести его говорю я и в других местах (стр. 243, 245 и др.). Я имел полное основание думать, что моя мысль, вполне определенно высказанная в этом отношении, не может подвергнуться ошибочному истолкованию.

Нет, дорогие товарищи! Вы, кого судьба забросила в одиночество пустынных углов России; вы, обреченные на тяжелый, вечный труд из-за куска хлеба; вы, до кого едва доходит изредка печатное слово; вы, для кого недоступны книги и библиотеки; нет, я сломал бы прежде свое перо, чем обратился к вам с требованием, для вас недоступным, с упреком, вами не заслуженным, с отрицанием вашего значения для будущей революции на нашей родине! Если бы я не признал в вас настоящих революционеров, то мне пришлось бы отрицать возможность революции и для всего народа русского. Весь народ, подобно вам, лишен всякой возможности приобретать знания, но именно он составляет в будущем весь материал революционного движения. Из него выйдет социальная революция, и он совершит ее. Он дошел или дойдет до сознания ее необходимости процессом своей страдальческой жизни, и знание, внесенное в него проповедью нашей молодой интеллигенции, послужит лишь электрического искрою, необходимою для взрыва, подготовленного самыми свойствами народной жизни. Всего дороже для революции те немногие единицы из народа, которые, вследствие случайно благоприятных обстоятельств, выработали прямо из жизни сознание необходимости революционного решения вопроса, сознание необходимости организации, сознание необходимости не только захвата власти народом, но и коренного изменения всех экономических и общежительных основ нынешнего общественного быта. Всего дороже они, но обстоятельства, при которых они могут выработаться, так исключительны, что их крайне мало, и при подготовке будущего движения рассчитывать на их деятельность в настоящую минуту, по их малочисленности, крайне трудно. Вы, настоящие пролетарии русской интеллигенции, составляете столь же дорогой, столь же важный для революции элемент; вам нечего учиться народным страданиям и народным нуждам, нечего вдумываться в народную жизнь; вы все это сами пережили почти так же, как переживает народ; ваша проповедь революции, ваше участие в ней суть самые существен-

ные продукты вашего положения, как и положения всей России. Но, как вы ни дороги для этого дела, вас мало, вы разбросаны, и та самая тяжелая судьба, которая отрезала вас от всякого доступа к научному развитию, та самая судьба лишила вас возможности сблизиться, организовать, посвятить долю времени на систематическую пропаганду, на взаимную поддержку, на взаимную подготовку к великому делу. Ваши дорогие для революции силы должны быть сближены, организованы, направлены в надлежащие местности теми, которых положение менее трудно, судьба менее жестка; теми, которые могут и черпать из науки ее организующие элементы, могут и посвятить долю своего времени на то, чтобы отыскать вас, сплотить, поддержать, дать вам возможность направить надлежащим образом ваши силы для революционного дела. Они слабее вас в том отношении, что им приходится ломать свои привычки, перерабатывать свои наклонности, вживаться в жизнь, им чуждую; но они обладают двумя возможностями, для вас не существующими. Во-первых, им легко доступны результаты долгой работы человеческой жизни, исторической жизни народов, результаты, до которых лишь с огромным трудом можете доработаться и вы в вашем одиночестве, в вашей раздельности, да и то по частям, в отдельных их проявлениях. Во-вторых, для них более или менее возможно употребить долю времени на организацию революционной партии; на революционную проповедь в удобнейшей местности по выбору; на сближение народных групп, у которых общие страдания, но которые мало знают друг о друге; на отыскание и группирование ваших сил. Вы делаете и сделаете все, что можете. Вы будете центрами агитации там, куда судьба вас бросила, передовыми, влиятельнейшими борцами революции, когда буря ее поднимется. Но вы скованы вашею судьбою, как сковано ею огромное большинство народа русского. Великое дело приготовления революции, группировка ее сил, организация их с одного конца Руси до другого лежит на обязанности тех убежденных социалистов-революционеров, которым страдания прошлых поколений дали более выгодное положение, более широкие возможности и на которых это самое положение, эти самые возможности наложили более строгие обязанности служить народу. Живя с народом, разделяя его тяжелую участь, вы всюду, где вы находитесь, естественные пропагандисты революции и ее пособники: вас народ знает и вам он поверит. Вашим товарищам, более выгодно поставленным, надо еще заручиться его доверием, надо еще проникнуть в его жизнь, надо еще принести ему то, что делает их достойными бороться за народ, рядом с народом, и этот дар, который они обязаны внести в его ряды, есть дар точного знания, выработанной мысли, искусной организации. Мы, издали работающие печатным словом, к вам, измученным пролетариям интеллигенции, можем обратиться только со словами поддержки и сочувствия. Нам нечего давать вам сове-

тов. Где бы вы ни были, что бы вы ни делали, если ваше сердце забилось ненавистью к современному строю, если ваш мозг осветился сознанием необходимости социальной революции, то мы знаем: вы делаете свое дело, делаете все, что в состоянии сделать. Этого довольно: вы этим служите будущему, и никто не смеет от вас требовать большего. Но ваши товарищи, которым доступно многое, у которых на устах громкие слова социализма и революции, ваши товарищи не все делают свое дело, не все делают все, что для них возможно. Им еще нужно отмыться от немалого количества нравственной грязи, умственной лени, привычной игры фразами, и к ним обращаемся мы с серьезным словом.

Но возможно ли обратиться с серьезным словом к той небольшой группе молодых энтузиастов, которые все еще держат знамя безусловного отрицания пользы знания? К тем, которые, как я слышу, выработали понятие о среднем русском простолюдине и, во имя равенства (и до этого дошло злоупотребление великих слов!), во имя равенства требуют; чтобы ни один друг народа не возвышался умственным развитием, широтой знания над этим простолюдином, забитым тысячелетнею историею нашей родины? Я согласен с моими корреспондентами, что эти молодые иллюзии «разлетятся при первом столкновении с действительною жизнью»; я нахожу даже слишком резким отзыв о лицах этой небольшой группы другого, упомянутого выше, корреспондента. Но мне тяжело говорить даже с небольшой группой русской молодежи о предмете, о котором я не смел бы обратиться с речью к собранию бельгийских угольщиков или саксонских ткачей, потому что они оскорбились бы предположением, что они не *хотят* знания, не считают его нужным...

Таких между нами нет, сказали бы они мне. Мы знаем очень мало, но это потому, что мы бедны, что нас эксплуатируют, что наши все часы проходят в тяжелой работе из-за куска хлеба. Но который же из нас, если он проникнут сознанием необходимости борьбы с капиталом, необходимости борьбы с современным государством; который же из нас, если он революционер не на словах, а на деле, и если он мог вырвать из своего трудового дня хоть часть времени для своего развития, — который же из нас не старался вооружиться знанием, насколько это было ему возможно? Разве каждый из нас не знает, что он это *обязан* сделать не только для себя, но и для своих братьев, подавленных работою и не имеющих возможности приобрести какие бы то ни было знания? Разве каждый из нас не обязан развиваться *сам*, чтобы у всех было больше силы? Из какой Скифии пришли вы толковать нам, что революционеру нужно знание? Мы это без вас давно поняли и никогда не забывали. Толкуйте нам о том, как удобнее приобрести знание, как сделать его шире и прочнее при том малом времени, которое мы можем на то положить, при тех малых средствах, которые мы имеем. Где же такая гнилая стра-

на, что в ней люди, называющие себя друзьями народа, не хотят принести ему оружия, которое могут принести ему? Уж не у вас ли есть такие?

Да, добрые люди; да, между нами есть такие... Да, есть в России молодежь, которая легко может употребить свое время на приобретение знаний, нужных народу русскому, но для него недоступных, и которая не хочет приобретать этих знаний... Есть молодежь, которая сыплет громкими словами, жгучими речами об обязанности стоять за народ, отдать ему свои силы, свое время и которой *лень* осилить несколько томов серьезного чтения по предмету, к которому она подготовлена; ей *лень* это сделать для того самого народа, о котором она столько толкует... Ей *лень* учиться среди самого народа пониманию социальных вопросов; она хочет сейчас, без приготовления себя, ничем не заслужив на то права, — ни жизнью, ни работою мысли, — стать в ряды революционных деятелей, руководителей...

Их мало, но они есть. В письмах, о которых я узнаю случайно, в горячих спорах какого-нибудь уединенного городка Европы, в пламенных речах, произносимых в самом центре России, молодые ораторы обоего пола защищают право ничего не знать, право нести в ряды русского крестьянства свою бессильную, дряблую молодость, никому ни на что не годную без развития борьбою жизни, которую выносит крестьянин, без развития трудом мысли, от которого добровольно отрекаются эти новые аскеты, враждебные всякой мирской мудрости. Говорят, где-то молодой горячий голос требовал предания сожжению богохульной статьи, осмелившейся говорить о строгой необходимости учения вдохновленным юношам, которые верят, что дух святой разрушит силу их врагов, научит их говорить, не учась, всякими языками, покорит к подножию их всякого врага и супостата, пошлет им на помощь сонмы ангелов; что народ пойдет за ними, как за новыми христами, чуя в них новую божественную силу; что они совершат чудеса в века, давно забывшие чудесное.

Они бессильны, они жалки, но пусть порицают меня друзья мои, а я не могу отнестись с презрением к этому увлечению молодости. Лишь в молодых силах, в молодом энтузиазме лежит возможность лучшей будущности для человечества. Пусть они считают мои слова преступлением. Пусть горячие головы требуют ауто-да-фэ для моей статьи. С грустью и со стыдом узнаю я об этих симптомах психической эпидемии, но мне гораздо больнее видеть в деятелях зрелых безнадежную гниль, в деятелях, когда-то замечательных, признаки неизлечимого нравственного паралича. Нестройные взрывы молодых сил представляют еще полную возможность выздоровления. Болезнь пройдет, и молодые силы останутся. Я все еще верю, что это — временный, преходящий припадок.

Их вылечит практика, вылечит жизнь; я не стану к ним обращаться еще раз...

Озлобленному скептику отвечу немногими словами: я не верю, чтобы в нашей молодежи было так много «лени, отсутствия энергии ума», как вы предполагаете; не верю, что, все равно, ни в каком случае настоящих знаний молодежь «не приобретет», а разве «кое-что прочтет». Положение было бы слишком печально, наша деятельность слишком безнадежна...

Обращаюсь к ряду возражений, сформулированных в письме, которое читатель имел перед собою, и буду рассматривать эти возражения в том порядке, в каком я их изложил перед этим, разделяя их преимущественно на две группы. Сначала рассмотрю вообще роль знания в революционном деле нашего времени. Потом обращусь к содержанию знания, нужного для революционера.

Я всегда защищал и всегда буду защищать, что единственная научная точка отправления для решения социологических вопросов есть критическое исследование потребностей личных и общественных, и потому совершенно согласен с моими оппонентами относительно важности, придаваемой ими этой точке отправления. Но, соглашаясь с ними, что надо «анализировать эти потребности» и посмотреть, «какая комбинация впечатлений, знаний и опытов необходима» для того, чтобы эти потребности были удовлетворены*; соглашаясь, что «следует говорить о необходимости знаний только с точки зрения потребностей», — я совершенно отказываюсь даже понять, как же это «наука, знание... приведет нас к ложному выводу». Отказываюсь потому, что анализ потребностей, личных и общественных, есть именно необходимое знание, изучение «комбинации впечатлений, знаний и опытов»**, есть вопрос науки; определение настоящей потребности в знаниях может быть сделано лишь критически и даже самый совет относиться к знанию осторожно дается самою наукою, требующею, чтобы всякий элемент, вводимый в решение вопроса, был вводим ни в большей, ни в меньшей мере, как насколько он нужен. Это — элементарное правило всякого исследования, всякого технического приема, и социологический вопрос о количестве и качестве знания, нужного для революционной пропаганды, подлежит совершенно тем же условиям, как вопрос о количестве азотной кислоты, нужной для данного химического анализа, или о силе микроскопа, необходимой для данного гистологического исследования. Каким же образом именно от знания, т. е. от критического отношения к потребностям личным и общественным и к их удовлетворению, может получиться ложный вывод, этого я

*Мои оппоненты пишут: «чтобы удовлетворение этих потребностей приводило человека к дорогой нам цели», но это лишь неловкость выражения. Естественно, что «дорогая цель» и составляет главную нравственную потребность.

** Выражение опять неловкое, но понятное.

совсем не могу понять. Вероятно, между нами недоразумение в словах, не более.

Но если потребности личные и общественные составляют точку исхода для социологии, то решение ее вопросов далеко не зависит от одних потребностей. Когда-то философы-богословы и философы-метафизики были уверены, что весь мир представляет удивительную гармонию, что все в природе очень мило и разумно устроено, именно в видах человеческих потребностей. Человеку захотелось есть: рядом растет пшеница и пасется баран; человек болен: тут же подле находится лечебное снадобье. Все эти иллюзии доброго старого времени разлетелись вместе с верою в ангелов хранителей и в разумность провиденциального устройства природы. Удовлетворение потребностей зависит большею частью не от того, кто их имеет, а от условий совсем, совсем иных. Потребности ставят социологические вопросы, но решать их приходится на основании знания вещей, как эти вещи даны эмпирически. Недостаточно желать для того, чтобы желание исполнилось

Этому мешает природа, неумолимая и безжалостная к нашим потребностям и желаниям. Она установила для вещей свои законы, физические, химические, биологические и психологические, и знать не хочет о наших потребностях. Вопрос о питательности веществ решается — увы! — совсем безотносительно к голоду и к потребности в пище. Вопрос об исходе болезни решается тоже — увы! и еще раз увы! — вовсе не на основании потребности больного выздороветь и лиц, любящих его, сохранить его в своей среде. Вопрос об убедительности аргументов разрешается точно так же — увы! и многократно увы! — вовсе не по потребности приводящего аргументы убедить слушателя и даже не по готовности слушателя согласиться. Единственная верная точка зрения на способ удовлетворения потребностей остается всегда в гораздо большей зависимости от свойства рассматриваемой вещи, чем от потребностей наших относительно ее. Вещь дана, — все равно, будет ли это глина, кожа, человеческая мысль; ее свойства определены и обуславливают ее назначение; можно ими воспользоваться хорошо с целью удовлетворить нашим потребностям и получить годный технический результат; можно ими воспользоваться дурно в виду тех же потребностей, и получится результат никуда негодный; можно вовсе пренебречь этими свойствами, и тогда для удовлетворения наших потребностей этим путем приходится совершать чудо. Говорят, оно прежде так и делалось; но в наше время как-то не случается. Поэтому приходится, для решения вопроса об отношении знания к революционному делу, рассматривать не только потребности молодежи, но самые свойства революционного дела и самые свойства знания. Потребность революционной деятельности может быть хорошо удовлетворена лишь тогда, когда эти свойства, от нас не зависящие, будут надлежащим образом приняты в соображение; когда будет принято

в соображение, при каких условиях революционная пропаганда может быть действительна и революционные пропагандисты могут внушить доверие, в чем эта пропаганда может заключаться, и где ее самые прочные основания; когда будет взято в соображение, что значит *знать* что-либо, и какими способами узнают вещь надлежащим образом.

Итак, потребности личные и общественные должны составить *точку исхода* для решения вопроса о революционном знании. Эти потребности надо *изучить* в кругу молодой интеллигенции и в среде народа. Но, кроме того, приходится для удовлетворения этих потребностей *изучить* кое-что другое, прямо от потребностей этих не зависимое.

Как только дело идет о потребности в революционной деятельности, о потребности нравственной, то само собою разумеется, что недостаточно «накапливать знания, развивать критическую мысль, вырабатывать методы мышления». Нравственная потребность *предполагает* выработку характера, без которого невозможно убеждение, невозможно и какая бы то ни было нравственность. Я надеюсь, что мои оппоненты согласятся со мною, что в социально-революционной пропаганде и в революционной борьбе за лучшее общественное будущее следует видеть деятельность высоконравственную. Но нравственная деятельность тем именно отличается от деятельности аффективной вообще, что убеждение, ее вызывающее, есть и должно быть результат критики. Поэтому я не совсем опять-таки понимаю отрицание «работы мысли», как весьма важного, совершенно существенного элемента в деятельности убежденной социально-революционной молодежи. Не говорю уже, что «мозг» работает при практических задачах жизни точно так же, как и при теоретических, и его обижать революционеру не приходится, но и специальная деятельность «развития критической мысли» нужна революционеру при выработке крепкого убеждения едва ли не менее, чем специалисту-ученому для решения какой-либо отвлеченной задачи. Самое понимание задачи социальной революции есть вопрос мысли. Сама выработка плана деятельности в народе требует критики. Само горячее стремление идти на помощь народу и отказаться от общества, среди которого выработался молодой человек, есть результат накопленного знания. Мне кажется, что и тут лишь по недоразумению мои оппоненты противопоставляют мозг чему-то иному, мне неизвестному, и как будто защищают такую деятельность, где отсутствует критическая работа мысли. Я думаю, что на деле они согласны со мною. Они не могут отрицать, что мозговой процесс выработки критического убеждения в необходимости социальной революции составляет и их революционную силу и силу всех участников революционного дела.

Но я никак уже не могу назвать только недоразумением странное приравнение знания богатству и объявление, что знание есть

монополия, которая, как монополия, ничем не отличается от других. Люди, стремящиеся к экономическому перевороту, изучившие, следовательно, как я имею право предполагать, основные начала и особенности экономического строя, не только могли бы, но и должны бы несколько осторожнее обращаться с элементарными терминами области, которая составляет главное поле их революционной агитации.

Что такое монополия? Какие предметы могут, по своей сущности, составлять монополию? Лишь те, которые, присвоенные одним человеком, не могут принадлежать другому, и которые, если их уступить другому, не составляют уже предмета пользования для того, кто их уступил. Личное богатство представляет прекрасный пример таких монополий *по самой сущности* собственности: монополия богатства может исчезнуть лишь с разрушением отдельной собственности. Но есть предметы, которые *монополизированы*, хотя в них ничего нет принуждающего, по сущности их, делать из них монополию, так как пользование ими одновременно множеством лиц нисколько не уменьшает доли участия каждого участника. Эти предметы составляют, по внешнему для них условию, временную принадлежность одних лиц с исключением других, но их *монополизирование* исчезнет не с уничтожением самого предмета, а просто с передачею его в более обширное пользование. Таково именно знание.

Богатство есть монополия по самой своей сущности, так как уже сделалось ходячею, школьною истиною, что богатство, накопленное одним, *отнято* у другого или путем старого прямого хищничества, или путем легальной капитализации чужого добавочного труда. Богатством пользуется лишь тот, кто его имеет, и перестает быть богатым, уступив его. Богатство никогда не было не монополиею, никогда ничем иным не будет и никогда не может быть ничем иным по его собственным свойствам. Знание настолько не монополия по своей сущности, что, передавая его другому, мы не только не теряем, но еще и укрепляем, уясняем, увеличиваем его в себе, и если бы все люди обладали самым обширным знанием, ни один из них не потерял бы от этого ни капли собственного знания. Знание было монополизировано и монополизировается теперь, но потому лишь, что оно *куплено* теми условиями, которые имели и имеют средства купить его; оно *захвачено* теми, кто имел в своих руках монополизированную силу экономической и политической. При теократиях знание принадлежало духовенству. При буржуазном строе оно принадлежит буржуазии. При социальном равенстве оно будет принадлежать всем, как образованность, как *возможность* специальности, всем наиболее даровитым умственно по их специальным наклонностям. Знание есть опасная монополия лишь потому, что оно увеличивает давление сил, составляющих монополию по своей сущности, именно сил экономической и политической централизации. Но

знание и в прошедшем было уже силою не только со стороны да-
вающей централизации. Оно было силою и в руках подавленных
сословий. Оно поставило вопрос о свободе мысли под ударами
инквизиции, под анафемою церковей, и их сила была подорвана.
Оно доказало и доказывает апологетам буржуазии и капитала,
что их строй противоречив, что выводы политической экономии,
данные статистики, факты истории, на которых они опирали свои
апологии, говорят против них. Оно было силою оппозиционною,
революционною гораздо более, чем силою консервативною. Даже
более. По связи методов критики, знание неизбежно, *по самым*
своим свойствам, приводило, во-первых, к отрицанию обществен-
ных авторитетов, во-вторых, к научному решению социологиче-
ских вопросов, а научное решение этих вопросов, переведенное
на его практический смысл, есть — социальный переворот.

Поэтому вовсе не из-за слишком дорогой цены, вовсе не из-за
безнравственности богатства я не говорил: накаплийте богатства.
Есть ли жертвы, которые бы не окупались будущим благом чело-
вечества? Какое нравственное чувство может соперничать с по-
требностью справедливого общественного строя? Но я не говорил
и не мог говорить этого, потому что это было бы *логически* про-
тиворечиво, было бы нелепо по самым свойствам разбираемого
мною вопроса. А для знания это не было ни противоречиво, ни
нелепо, но опять-таки сообразно с его свойствами. Между сущ-
ностью способа обладания богатством и знанием нет ничего об-
щего, как нет ничего общего и между условиями их приобрете-
ния. Знание приходится приобретать постепенно, истину за исти-
ной, понятие за понятием, и иначе его приобрести невозможно,
тогда как богатство можно приобрести и разом: ограбив, сплу-
товав на бирже, вкравшись в доверие богатого старика, женив-
шись на богатой невесте. Пишущие мне говорят, что были бы
очень рады «обладать знанием Бокля, умом Конта, талантом Воль-
тера», т. е. сразу, без труда, без приготовления по *ищущему*
велению, да по своему хотению. Это бесспорно. Когда я был ре-
бенком, мне очень хотелось быть сразу и большим, и сильным,
и умным, и героические дела совершать, и игрушек много иметь.
Это было бы очень приятно. Но как-то впоследствии подобные
детские желания приходили реже. Проклятые свойства вещей ста-
ли поперек фантазии. Ум приходится выработать, а без того
умными и во веки веков не будете. Знание приходится приобре-
сти не разом... Нет, с которой стороны ни посмотреть, сравне-
ние знания с богатством по социальной их функции крайне не-
основательно. Если то и другое — одинаково сила, то и здоровье,
и развитие мускулов, и ловкость — тоже сила, даже неизбежно
монополизированная каждою единицею и недоступная передаче.
Что же, неужели и их надо приобретать «осторожно» — как бы
не быть здоровее, сильнее, ловче другого?

Нет, сила знания не есть монополия по своей сущности и все-

го менее монополия для того, кто имеет в виду приобрести его, чтобы передать другим, чтобы передать результаты его народу, которому был закрыт к нему доступ. Монополия знания меньшинством есть зло, и против этого зла приходится бороться. Но чем? Распространением результатов знания, доставлением народу положения, в котором он может приобрести сам знание, а пока — приобретением для него знаний теми, кто может приобрести их, с целью передать ему нужнейшие их результаты.

Но мне говорят, что в самом приобретении знаний заключается нечто развращающее, что русская молодежь может увлечься наслаждением этого умственного пира и в кабинетном, эгоистическом наслаждении ученых специалистов забыть о своем долге идти на помощь народу, забыть о практической стороне деятельности, для которой она обратилась к знанию; путь к революции чрез обширную область знания может сделаться в ее глазах сам для себя целью, и вместо поколения революционеров мы получим поколение филистеров, книгоедов, для которых познание будет само по себе идеалом, ученый диспут будет самой интересной битвой, замещение одной книжной теории другою — самой прогрессивной революцией.

Теоретически говоря, мне на это отвечать очень трудно. Да, возможность подобной эпидемии книгоедства существует в ряду множества других возможностей, как-то: возможности всякому занимающемуся химией отравить себя и других веществами, находящимися в его лаборатории; возможности всякому умеющему обращаться с револьвером совершить убийство и самоубийство; возможности всякому бреющему бороду перерезать бритвою горло себе или кому другому и т. д. и т. д. Но практически, на основании действительно наблюдаемых явлений разных психических эпидемий, я должен сознаться, что считаю гораздо менее вероятною эту эпидемию научного разврата, чем повальную смерть русской молодежи от запоя или эпидемию от самоубийства. Единич, опьяненных научным наслаждением, встретить можно было и в прежнее время и теперь; в России всегда менее, чем в Европе, так как склонность к кабинетной жизни у нас была всегда мала; но и в Европе эти явления крайне, крайне редки, у нас же... мне смешно и подумать, что наши русские студенты, при нынешних профессорах, или еще гимназисты, при нынешних классиках и свидетельствах зрелости, вдруг восплают неудержимую страстью к научным наслаждениям. Как хотите, господа, вы сами едва ли поверите возможности опасности этого рода, если продумаете, что она предполагает, и как мало данных для этого порока было и есть в нашем обществе.

Наука, как маска индифферентизма и расчетливого карьеризма, это — другое дело; это — реальная опасность. Я ее не только не отвергаю, но знаю, что она велика; знаю, что большинство занимающихся наукой — и у нас в России, и в Европе — видит

в науке лишь средство для добывания себе положения, места, денег. Конечно, и в нашей молодежи таких любителей науки будет много, и не один из тех, которые пошли за знаменем социальной революции, испугавшись пути, на который вступил, постарается сойти с него, *будто бы* увлеченный строгой наукой. От беглых и от трусов, от изменчивых и от изменников, от шарлатанов и мародеров не спаслась ни одна реформистская и революционная армия, не спасется и ваша. Но неужели же из-за того, что наука может служить маскою для дрянных душонок и для лицемерных товарищей, неужели из-за этого следует отрицать ее помощь в революционной борьбе? Неужели из-за этого следует отсоветовать запасаться ее могучим оружием? От трусов и лицемеров должна охранить вас крепкая организация кружков, взаимная поддержка, взаимная критика, неутомимая пропаганда революционного дела среди молодежи. Кроме *этой* защиты, вы ничем не уберетесь от распада и от измены. Те, которым нельзя будет прикрыться маскою любви к науке, найдут десять других масок, если они только захотят отступить и если вы им дадите повод к отступлению. Лишь постоянно поддерживая среди ваших товарищей любовь к народу, сочувствие к его страданиям, ненависть к существующему порядку, убеждение в неизбежности социальной революции и в обязанности содействовать ей, подготавливая ее; лишь, окружая каждое новое поколение молодежи, входящее в ваш круг, этой возбуждающей атмосферой, — вы можете надеяться уменьшить число отпадений, укрепить слабых, поддержать колеблющихся. Будет или не будет входить наука как важный элемент в программу вашего приготовления к революции, это будет иметь крайне малое влияние на крепость вашего союза и на успех вашей проповеди в кругу ваших товарищей.

Для ближайшего рассмотрения вопроса о роли знания для нашей революционной молодежи возьмем молодого человека или молодую женщину в те три периода развития, которые вы отличаете в вашем письме: в период пробуждения критической мысли, еще отрывочной и нереальной; в период проверки этих порывов жизнью; в период окончательной выработки революционного убеждения.

Пробудилось в молодом уме сознание безобразия современного общества, сознание возмутительности своего собственного положения как паразита, выкормленного потом и кровью поколений большинства, живущего и теперь лишь на счет страданий того же большинства. Он взволнован; его наэлектризовало слово старшего товарища, впервые понятая надлежащим образом сцена безобразия окружающей жизни, яркий очерк романиста, жгучий стих поэта, едкое остроумие сатирика. Он чувствует, что пред ним, около него — неправда, зло, всеобщее страдание, вонючая грязь. Но все это в его мирозерцании еще не сформировано, еще отрывочно, нереально. Что ему делать?

Вы говорите: вносить в жизнь то, что он выработал. Да он ничего цельного, ничего реального не выработал. Ему внести в жизнь нечего, кроме юношеского жара. Он сам не вышколен жизнью, как выстрадавший крестьянин, как один из тех пролетариев интеллигенции, к которым я обращался в начале этой статьи; он не подготовлен надлежащею работою мысли. Ему внести в жизнь нечего...

Что же ему делать? повторяю я. — Учиться. — «Как? неужели сесть за книги?» спрашиваете вы насмешливо. Едва ли вы в праве это спрашивать, если вы знаете, что значит учиться и как следует учиться. Я об этом поговорю еще ниже, но теперь же скажу: учится по книгам и на практике, согласно самым элементарным требованиям всякого основательного изучения чего бы то ни было. Итти в народ, но не революционером, не деятелем, не руководителем, а скромным учеником, подобным тому, который, прочтя о металлах и металлоидах, в первый раз входит в лабораторию и протягивает руку к химическому прибору. Пока его мирозерцание отрывочно и нереально, пока все его богатство состоит в молодом возбуждении, он ни на что более не годен, кроме учения. Какой он революционер? Он не более, как школьник революции. Ему надо теоретически и практически, по книгам и в жизни, в разговорах с более развитыми людьми и в сживании с народом составить себе прочное и цельное мировоззрение, выработать в себе сносного практика, прежде чем он может назвать себя революционным деятелем, не делаясь посмешищем в глазах других. Он может готовиться среди народа, как ученик; он делает преступление против народа, если воображает, что может итти в народ как инициатор. Его совет с пути первый ловкий легалист, даже первый ловкий консерватор. Его шитое из обрывков мирозерцание разлетится при первом несколько сильном порыве жизни. Из столь ненадежного материала будущность народа создавать как-то неудобно, и «братья, помощники и толкователи народа» с такими умственными лохмотьями выйдут плохие.

Итак, в первом же периоде развития, в периоде возбужденной, отрывочной, нереальной мысли, является необходимость учения, необходимость знания: на революционную деятельность итти добросовестно нельзя. Конечно, это не значит, что молодой человек или молодая женщина должны молчать, скрывать в себе свое проснувшееся, еще нестройное верование. Каждый школьник, каждый ученик всегда с жаром толкует о том, что вынес из последнего урока, из последней прочитанной страницы, и тут дурного ничего нет: напротив. Весьма часто очень несовершенное объяснение ученика-товарища гораздо яснее и возбуждательнее действует на других учеников, чем объяснение опытного учителя. Пусть разливает школьник революции около себя с молодым жаром свое отрывочное, нереальное возбуждение. Но пусть он не забывает ни на одну минуту, что он еще школьник, что ни учи-

телем народа, ни инициатором ему быть нельзя, что у него нет еще ни выработанной мысли, ни опыта жизни, что он учится среди народа, не более.

Переживает молодой человек или молодая женщина второй период развития: они проверяют свои нереальные, отрывочные воззрения жизнью. Что это значит? Они приглядываются и прислушиваются; множество новых эмпирических фактов приливает к их мысли. Вот явное зло: но симптом ли это или сама болезнь? Вот очевидная неправда: но следствие ли она или основной факт? Вот бездна страданий, лжи, безумия: но как распределить наблюдаемые явления? Где существенное? Где случайное? Все ли они однозначны, или есть два-три корня, которые надо подрезать, и все остальное засохнет само собою? Вот пять, десять горячих проповедников со своими лекарствами, со своими методами общественных реформ, социальной агитации: кто из них прав, и насколько каждый из них прав? почему они ошибаются? почему часть их проектов неосуществима? — Откуда черпать молодому уму ответы на эти вопросы? Если б он выработался жизнью, а самой среде народа или вынес собственный тяжелый опыт страданий, то он, может быть, инстинктивно, по аналогии, по индукции решил бы некоторые из этих вопросов. Но он выработан не жизнью, не народом, он учится жизни, учится среди народа, он вырос в атмосфере «крайней узкости чувств», «бедности непосредственных впечатлений», он проснулся для жизненной правды «в душевной, полной табачного дыма конуре», он пробужден «популярными книжками»... Пред массой жизненных фактов, пред разнообразием реформистских и революционных проповедей он стоит в недоумении....

Что ему делать? опять спрашиваю я. Верить ли на слово первому встречному проповеднику реформы или революции? Но тогда он брошен по произволу случая в лагерь легалистов или революционеров, в секту мистиков или в кружок азартных игроков в революцию. Или ему следует сравнивать проповеди, исследовать критически факты, вдумываться в них, проверять их, сближать, строить результаты на более или менее верных методах? Но это именно — знание, это именно — наука.

Да, жизненный опыт, жизненные уроки, разнообразие жизненных учений приходится проверять научным методом, научною критикою. Живое слово более опытного истолкователя, книга исследователя, сгруппировавшего и распределившего надлежащим образом факты; критический метод, предложенный для решения подобных вопросов другим исследователем, словом, наука в ее разных приемах и методах — вот опять его надежнейшая опора. Как вычитанное возбуждение он шел проверять жизненным опытом в первый период своего развития, так ему неизбежно уяснить и регулировать жизненный опыт второго периода научною критикою...

Наступает третий период. Мысль уясняется, данные опыта располагаются в правильные группы: «человек крепнет». В этот период и мои оппоненты допускают *безвредность* науки с ее требованиями; я позволю себе сохранить убеждение в ее *пользе*, в ее *необходимости* для этого периода. Но о словах спорить не стану, благо они не отвергают задачи, мною поставленной...

Таким образом, первая половина вопроса решена. Знание оказалось необходимо *именно потому*, что в основе решения социальных вопросов лежат личные и общественные потребности. Выработка критической мысли оказалась существенным элементом выработки революционных убеждений. Знание оказалось не монополией и развращающее действие научных занятий оказалось, с одной стороны, крайне сомнительным, с другой стороны, не свойством этих занятий, а следствием общественного разврата, против которого приходится бороться иными средствами. Наконец, наука, настоящая наука, с ее практическим изучением вопросов, с ее критическим методом, оказалась необходимою во всех периодах развития молодежи.

Обращаюсь ко второй половине вопроса. В чем должно заключаться содержание революционного знания?

Здесь прежде всего приходится устранить недоразумение. Может быть, я был в нем виноват; по крайней мере я должен заключить это потому, что большинство моих корреспондентов в этом отношении вложило в мои слова мысль, которой я не имел, да едва ли и мог иметь. Не только в «Письме из Петербурга» говорят мне, что я требую изучения «и естественных наук, и гигиены, и медицины, и психологии, и статистики, и политической экономики, и истории, и права, и законодательства, и ремесл», но и весьма многие возражали мне, что я требую от революционеров изучения энциклопедии, что нехватит жизни для приобретения всех тех знаний, которые указаны мною в виде примера, как нужные для того, кто хочет обратиться к народу с революционной проповедью.

Действительно, было бы очень странно с моей стороны требовать научного, основательного изучения целой энциклопедии, изучения положительно невозможного. Я никогда и не думал писать подобной вещи. Я вовсе не говорил, чтобы все отрасли революционной проповеди, указанные мною в виде примера, должны были *одновременно* входить в практику каждого революционера и что, поэтому, он *одновременно* должен готовить себя по всем отраслям знания, нужным ему во всех этих случаях. Из предметов, входящих в область социально-революционной проповеди, есть некоторые, более существенные и которые нужны всякому пропагандисту (как вопросы экономические, вопросы о современных народных бедствиях в России, о наличных притеснениях крестьянства правительством и господствующими классами); есть другие вопросы, более специальные, из которых каждый

пропагандист может выбрать один, два, как наиболее ему знакомые, более сподручные по его наклонностям, по его предшествующим занятиям, по его предварительному подготовлению; для остальных предметов пропаганды можно довольствоваться тем, что человеку привилегированной среды дает общая образованность, которая в то же время в каждом удобном случае указывает материал для более полных сведений по вопросу, менее знакомому. Но существенно важно одно, и на это одно я особенно напирал в первом письме; поддерживаю это и теперь. Какой бы пункт ни принял пропагандист за исходную точку своей проповеди, этот пункт он должен знать *основательно*. Надо нести народу во всяком случае *действительное* оружие, а не жалкие верхушки, которые не дадут ему никакой силы, разлетятся при первом возражении и, пожалуй, сделают самого проповедника революции посмешищем в глазах народа.

Основательное, действительное знание... в чем заключается оно? В ясном понимании, в возможности всегда высказывать истинно выставляемых положений на примерах жизненных, наглядных для тех, к кому вы обращаетесь; в возможности черпать из окружающей жизни, из текущих событий постоянно новые подтверждения и иллюстрации вашей проповеди. Этого популярная книжка не даст; на лету схваченный разговор товарищей этого не внушит; надо усвоить это; надо над этим поработать, подумать; надо заглянуть внимательно в ту, другую книгу; надо критически отнестись к наблюдаемым явлениям жизни.

Экономические вопросы, стоящие на очереди современной социальной борьбы, составляют, конечно, основу и всякой пропаганды. Я не останавливаюсь на этой общей почве всякой социалистической агитации. Перейду к примеру более специальному.

Революционерами не рождаются и еще крайне редко с детства воспитываются в идеях социальной борьбы. Я об исключительных случаях не говорю, и люди, выросшие при столь исключительной обстановке, не нуждаются в моих словах. Но вы, молодежь, которая в одно серое утро услышала благую весть нового социального евангелия; вы, молодежь, пред которой внезапно открылась и бездна народных бедствий и мучительное сознание собственного общественного паразитства; вас можно подразделить на две группы. Одни из вас пробудились к новой жизни, уже имея определенную подготовку, выработав в себе некоторые определенные умственные наклонности. Другие — и это самый новый слой наших товарищей — вступили в ряды верующих в революцию с некоторым общим образованием, с отрывочными данными знания, с полной возможностью выбрать себе сферу работы, безо всякой специальной подготовки, безо всяких специальных наклонностей.

Поговорю прежде о личностях первой группы. Они многочисленнее, и для них вопрос определеннее. Их существующая под-

готовка, их выработанные наклонности определяют в некоторой степени специальную отрасль, в которой они могут быть полезны для революционного дела.

Положим, вы уже читали кое-что серьезное по вопросам юридическим; вы, может быть, подготавливались к юридической деятельности, когда вашу молодую голову осветило сознание, что юридическая легальность есть одна из форм государственной неправды, один из приемов господствующих классов и правительств с более спокойною совестью эксплуатировать пролетария. Между вашими знакомыми наиболее юристов, и вам удобнее всего дополнить и округлить ваши сведения о юридическом порядке — или, вернее, беспорядке — русской империи. Воспользуйтесь этой возможностью и изучите основательно юридические вопросы, насколько они могут входить в революционное дело. Изучите всю лживость юридических категорий в их фиктивном стремлении к справедливости. Проследите в разных формах законодательства, как экономическое господство передает легальную власть в руки экономических эксплуататоров и как закон становится всюду на страже в пользу эксплуататора против эксплуатируемого. Уясните себе в подробностях все безобразие разных систем судопроизводства, всегда поддерживающих сильного, богатого, образованного и давящих пролетария. Разберите специально нелепость и дикость юридических форм русской монархии, лицемерие форм современного конституционализма. Составьте себе совершенно ясное, определенное во всех частностях понятие о строе государственного механизма, высасывающего все жизненные соки народа, подавляющего в нем всякую возможность человеческого развития. Обогадите память свою конкретными примерами, статистическими данными; вооружитесь основательною аргументациею против всевозможных возражений на этой почве. Словом, подготовьтесь *научно* в избранной вами сфере и несите эту подготовку народу. Сделайте из этого пункта, вам основательно знакомого, твердую почву вашей революционной пропаганды. Доказывайте рядом неоспоримых фактов, рядом точных цифр, рядом аргументов, вполне ясных для вас самих и для ваших слушателей, нелепость юридически-государственного строя, которым подавлен народ, его возмутительность, его вредность, право народа ненавидеть этот порядок вещей, обязанность бороться против него, возможность его поколебать. Возвращайтесь снова и снова к этой теме, которой вы всегда сумеете придать новый и свежий вид, если вы *основательно, научно* ее знаете. Ваша пропаганда тогда будет плодотворна и влиятельна. Вы принесете *настоящее* знание народу, знание, которого он не имел и не мог иметь. Ваше знание будет сила, прибавленная к силе народа, и сила *революционная*.

Настанет период настоящей борьбы, и тут снова вы направите вашу деятельность именно на ту сферу, которая вам осно-

вательно знакома. Вы откроете в юридическом строе, враждебном народу, те слабые стороны, где революция может всего удобнее поражать врага, всего действительнее уменьшить его противодействие. Вы обличите призраки силы и крепкой организации там, где для менее знающего по вашей специальности дело казалось бы крайне сомнительным. Вы обессилите противников верным ударом. Вы укажете вашим союзникам, как распределить и направить усилия, чтобы с наименьшим риском и с наименьшей тратой сил подорвать всего скорее знакомый вам юридический государственный строй. Ваше *основательное* знание, ваше *точное* понимание предмета опять-таки одно и может вам позволить внести действительную добавочную силу в народное движение, сделает вас полезным деятелем революции в ее реальном периоде.

И в период построения нового порядка оно пригодится, — правда, отрицательно. Будете ли вы в рядах передовых деятелей того периода — что сомнительно — или на замену вам и вашим товарищам выйдут из народа *новые люди*, вызванные вашей инициативой, все равно: те деятели, которые будут играть главную роль в эти важные минуты для прочности будущего общественного порядка, могут в своих построениях опираться только на данные приобретенного знания, если хотят избежать ошибок, способных отнять прочность у дела, ими создаваемого. В сфере выбранной вами специальности возможность ошибок, возможность вернуться незаметно к одному из старых вредных преданий, существует в полной мере и может быть устранена лишь основательным знанием настоящего содержания, скрывающегося под разными благовидными юридическими и политическими формами. Ваше дело — внести это знание в народ. Ваше дело — подготовить в этом направлении тех деятелей из народа, которые или заменят вас, или рядом с вами будут участвовать в постройке будущего общества. Ваши знания, переданные другим, продуманные и переработанные людьми из народа, должны войти в эту постройку для охранения ее прочности. Внесете ли вы их тогда лично, или это сделают ваши непосредственные ученики, или люди, о самом существовании которых вы не будете иметь понятия, — дело не в лицах; дело в том, чтобы мысль о политических и юридических опасностях, которые в этом случае могут грозить постройке будущего общества, чтобы эта мысль была мысль основательная, критическая, научная; потому что лишь в этом случае ваша мысль может предохранить постройку будущего общества от *действительных* опасностей, дать ему *действительно* добавочную прочность, внести новую силу в будущность русского народа.

Найдутся, может быть, читатели, которые подумают, что я проповедую неизбежность окончания курса в юридическом факультете наших университетов или — чего доброго — в училище правоведения. Я очень сожалею о подобных читателях, для кото-

рых наука отождествилась с лекциями официальных профессоров, критерий основательного знания — с дипломом кандидата или перwokлассного ученика высшего заведения.

Нет, окончание курса и приобретение диплома, к счастью, не только не составляет ручательства в основательном знании, но весьма часто позволяет подозревать прямо противоположное. Современные университеты всюду в Европе далеко не представляют организации высшего обучения, соответствующей требованиям настоящего времени, а у нас и того менее. О современном составе сословия русских профессоров чем менее мы будем говорить, тем лучше для них. В университетах самый важный развивающий элемент, это — товарищество студентов, а вовсе не научные занятия. Самое разделение областей знания на обязательные группы по факультетам есть остаток старого, старого времени и далеко отстало от настоящих задач знания. Более трех четвертей времени своих занятий студенту приходится употреблять на ученый хлам, без которого он не может кончить курса и получить диплом, тогда как для весьма значительных и важных отделов знания он имеет в большинстве университетов перед собою кафедры пустые или занятые учеными ничтожествами, или знания эти вовсе не входят в университетские курсы, и потому для настоящего знания студент университета точно так же принужден обращаться к собственному труду, к чтению книг и к прямому наблюдению, как человек, никогда не иммагрикулированный ни в одном из университетов.

Я вовсе не касаюсь здесь вопроса, насколько полезно для молодого социалиста-революционера быть в университете и добиваться диплома. Это вопрос практический, не относящийся к рассматриваемому мною здесь предмету и, по личному мнению, общего ответа не допускает. Но каков бы ни был ответ, на него данный, он был бы во всяком случае ответ *практический*, определяемый удобствами жизненных требований, обеспечения почвы действия, революционной агитации. Вопрос о *знании* тут ни при чем. Университеты и высшие заведения не составляют не только единственных путей для приобретения знания, нужного для социалиста-революционера, но составляют даже весьма мало удобный путь к этому знанию.

В примере, мною выбранном, оно совершенно так же. Курсы юридического факультета представляют громадное количество ученого хлама, ненужного не только революционеру, да решительно никому, и, при настоящем составе факультетов, не заключает весьма многого, крайне необходимого для социалиста-революционера. Так как я принял, что он уже несколько подготовлен к юридическим занятиям, то он должен составить себе программу вопросов, ему нужных для пропаганды в той области, которая им выбрана, и эти вопросы изучить *основательно*.

Но революционная пропаганда есть дело такого рода, что

встречается часто необходимость для революционера обращаться к предметам, не входящим ни в круг основной пропаганды (по экономическим вопросам и по современному положению рабочих в России), ни в круг специальности, основательно изученной молодым пропагандистом. Вы будете всего чаще и подробнее говорить об экономической эксплуатации, о разорении крестьян на Руси в настоящее время, о юридических формах неправды. Но вам придется иногда потолковать о болезнях, пожирающих простонародье, о страшной смертности бедного населения, придется толковать и о старых народных бунтах, и о современной борьбе рабочих против капитала и государства в других странах, и об унижительном положении женщины в современной патриархальной и легальной семье, и о безобразии религиозного догмата. Этого всего вы основательно изучить не можете. Во всех этих областях приходится вам довольствоваться тем, что дает общее образование. Конечно, ваше привилегированное положение доставляет вам несравненно более широкие возможности в этом отношении, чем те, которые имеет крестьянин, и этими возможностями вы обязаны воспользоваться. Это уже труда вовсе не составляет. Каждый член привилегированных сословий шутя может приобрести весьма разнообразные и полезные сведения во всех ему нужных отраслях, если только он захочет их приобрести. Но для всех этих областей вы должны помнить, что вы не имеете и не можете иметь никаких претензий на сколько-нибудь *основательное знание*, что всеми ими вы для пропаганды можете воспользоваться при случае, но делать из них *основу* своей пропаганды вы не имеете права, потому что вы их *вовсе не знаете* надлежащим образом. Возьмем для примера естествознание. Вы имели случай прочесть две-три популярных книжки, которых не читал безграмотный крестьянин, и говорить с двумя-тремя знающими людьми, никогда не обращавшими свои слова к крестьянину. Сознаться себе, что эти сведения крайне, крайне поверхностны. Вы в естествознании профан, полуневежда. Если вы читали Бюхнера⁶⁸ или «Рефлексы»⁶⁹, популярную статью о единстве сил или о метаморфизме видов, это в *научном* отношении не ставит вас ни на каплю выше крестьянина, ничего этого не читавшего и даже не понимающего слов, которые вам в этом случае привычны. Ваше привилегированное положение доставило вам здесь возможность усвоить представление, которое недоступно крестьянину, но вы так невежественны в этой сфере, что не способны дать себе ясного доказательства ни по одному из положений, которые вы принимаете на веру, как крестьянин принял на веру разные предрассудочные предания дедов. Вы так невежественны, что не выдержите аргументации любого медика-реакционера, который захочет вас сбить. Сознаться в этом невежестве пред собою; это — первое условие вашей полезной деятельности в народе. Избегайте этих областей, вам мало известных,

насколько это можно. Если же по обстоятельствам дела вам необходимо, совершенно необходимо для революционной пропаганды именно стать на эту мало знакомую вам почву, то потрудитесь тот вопрос, который вам необходим, изучить по возможности основательно, потрудитесь отнестись к нему не поверхностно, а хотя бы так, как изучает многое множество ваших товарищей-эксплуататоров те предметы, о которых они прежде никогда не думали, но которые им вдруг стали нужны для получения теплого местечка, кругленькой суммы денег и тому подобного. Неужели ваше убеждение так поверхностно, что вы для этого убеждения, для страждущего народа не можете сделать того, что делают ежедневно люди противного лагеря в интересах своего эгоизма?

Этого рода занятия, для которых программы невозможно набросать заранее, обеспечиваются преимущественно одним приемом: разностороннею выработкой критической мысли. Во всякой специальности мысль вырабатывается в одном отношении, но остается бессильною в другом. Определенное, специальное знание может быть приложено и полезно лишь в определенном случае; крепкая дисциплинированная критическая мысль имеет бесчисленные приложения, может понадобиться при самых разнообразных обстоятельствах.

Конечно, мысль укрепляется и жизненною практикою, жизненною борьбою, и в сфере определенных практических обстоятельств простолюдин, борясь с ежедневными заботами, упражняет свою мысль лучше всякого ученого критика. Но практика жизни в этом случае играет ту же роль, как специальное знание. Она дает силу мысли в известных пределах и обращается в ничто вне этих пределов. Самый ловкий человек в данных обстоятельствах, способный в них уловить малейшие следы вероятного успеха или неосновательного предположения, не может нисколько оценить основательности или неосновательности жизненных аргументов и предположений в иных обстоятельствах, если он опирается только на свою жизненную практику. Научная дисциплина мысли тем и сильна, что она для большинства случаев приучает оценивать вероятное и невероятное, отличать доказанный факт от предположения. Она составляет для жизни значительную критическую силу. В общественной борьбе это — сила не малая. Кто может ее приобрести, тот обязан это сделать во имя любви к тому знамени, за которым он пойдет в общественную битву. Критически выработанная мысль предохраняет общественных борцов от двух самых больших опасностей, грозящих всякой партии в исторической борьбе: от поверхностности личностей и от ослепления кружков в отношении своих сил и своих успехов.

Я полагаю, что разобранный мною случай легко приложим и ко всем другим подобным обстоятельствам. Положим, вы по под-

готовке медик, следовательно, преимущественно знакомы с предметами, входящими в область естествознания. И тут я предполагаю, что вы вполне усвоили общую точку исхода социалистической пропаганды на экономической почве и положение русского рабочего класса, к которому обращаетесь с пропагандой. Но общественная гигиена доставит вам специальный материал пропаганды, вам особенно знакомый. В ваших знаниях естественных наук вы найдете специальные силы в период борьбы. Распространяя около себя понимание основных неизменных законов природы, вы предохраните, может быть, будущий строй общества от ошибок, которые может устранить лишь основательное знание законов природы. И тут диплом кандидата или магистра естественных наук, доктора медицины и хирургии не имеет особой важности. Эти дипломы предполагают массу сведений, вам вовсе не нужных, и не предполагают в самой вашей специальности весьма многого, вам совершенно необходимого. Нужен умственный труд, нужно знание, нужно понимание, нужна критическая мысль. Для вопросов, лежащих вне основной сферы пропаганды и сферы, для вас специальной, вы должны и здесь воспользоваться средствами общей образованности, выработать критику мысли вообще и сознаться, что для всех этих вопросов вам нужно *серьезное* занятие, а пока они вам знакомы очень поверхностно.

Резюмирую предыдущее. Для человека привилегированной среды, намеренного идти на помощь народу, сделаться революционным деятелем в России, обязательно принести народу ум, обогащенный *основательным* знанием, мысль, выработанную *научным* методом. Самая задача социальной революции в наше время определяет одну необходимую для всех область знания. Самая почва, на которой действует русский революционер, определяет другую, столь же необходимую для всех область. Затем обстоятельства, при которых молодой человек или молодая женщина начинают революционную деятельность, весьма часто указывают специальную область, из которой их пропаганда и их деятельность вообще может черпать значительные добавочные силы. Наконец, всем и каждому необходимо выработать в себе разнообразную критическую силу мысли, чтобы в случае нужды изучить вопросы, знакомые им поверхностно при помощи общего образования, но в основательном знании которых им может встретиться необходимость.

Мне очень немного остается прибавить относительно нового вырабатывающегося слоя молодых революционных социалистов; пробужденных к работе постройки нового мира и разрушения старого еще без определенной подготовки, с полной возможностью выбрать области знания, наиболее полезные для революционера. Во-первых, к ним приложимо все сказанное выше об общей почве социально-революционной пропаганды в России и о знаниях; необходимых для действия на этой почве. Во-вторых, к ним

столь же приложима обязанность воспользоваться в самом широком размере тем материалом, который представляет общая образованность, и обязательность выработать в себе критическое мышление для разных возможных областей пропаганды и дальнейшей революционной деятельности. В-третьих, наконец, в большей части случаев, если они не имеют никакой специальной подготовки, то имеют умственные наклонности, влекущие их более к вопросам того или другого рода; или их положение в обществе, знакомства, книги, наиболее доступные, делают для них удобным один род занятий преимущественно перед другим; в таком случае эти вопросы, эти занятия могут и должны быть ими выбраны, как специальная для них почва пропаганды и деятельности. Каковы бы ни были эти вопросы, какова бы ни была почва, выбранная для пропагандистской и вообще революционной деятельности, существует одно: ознакомиться с этими вопросами, с этою почвою *основательно*. Опять-таки это все говорю я не о грубых группах так называемых факультетских занятий, не о тех рубриках официальной учености, в которых рутинные гораздо больше, чем рациональной мысли. Я говорю о группах вопросов, как их ставит современная критическая мысль в их связи, о группах вопросов, настолько же жизненных, насколько и теоретических. Вам нужно *понять* вот это. Но чтобы понять надлежащим образом это, надо знать и понимать кое-что другое. Основательное знание этих-то логических групп вопросов и составляет *настоящее* знание. От энциклопедии, от рутинной учености, от факультетских программ все это знание неизмеримо далеко. Оно не может быть названо большим или меньшим относительно официальных рубрик: оно — иное.

Здесь не место развивать эти программы, как от меня требуют мои оппоненты. Не место составлять список источников, о которых они говорят. Мы надеемся исполнить эти желания иным образом. Здесь ограничиваемся выводом из предыдущего, может быть, несколько длинного рассуждения, что требования знаний, которые здесь мы ставим молодому революционеру, едва ли можно считать недоступными его силам, невозможными по объему, требующими чрезмерных занятий и огромной потери времени для самого дела. Предыдущее уже указывает ответ и на остальные возражения, которые мне были сделаны.

Само собою разумеется, что в деле социальной революции вопросы, знание и изучение которых необходимо, суть именно вопросы социальные, или разнообразные отрасли той области, которую в последние полвека принято называть социологиею. Все остальные науки могут войти в программу революционера лишь в смысле подготовки к вопросам социологии. Относительно этих вопросов в письме моих оппонентов я встречаю выражения, которые для меня совершенно неясны.

«Необходимо настаивать, — пишут они, — на предпочтитель-

ном изучении *вопросов жизни*, а не науки, каковы вопрос нравственный, рабочий... вопросов философско-исторических при изучении истории движений... наконец, на изучении самой современной жизни...». И чрез несколько строк говорят, что не надо устранивать «приступающего к работе зависимостью... вышеозначенных вопросов от так называемых социальных наук, т. е. политической экономии... истории... статистики, психологии, юристики, политических наук и т. д.».

Не останавливаясь на несколько неточном перечислении «так называемых социальных наук», замечу, что для меня совершенно непонятно: какие останутся в социологии «вопросы науки», если из нее выделить «вопросы жизни»? Что будет за социальная наука без рабочего вопроса? Что будет за историческая наука без философско-исторических вопросов? В чем может состоять научное изучение России без изучения современной русской жизни? Наука, насколько мне известно, есть понимание. Изучать социологию значит стремиться понять законы развития общественных форм из человеческих потребностей, личных и общественных, понять препятствия удовлетворению этих потребностей, понять отношение существующих общественных форм к этим потребностям, понять, наконец, какие формы общежития могут в будущем удовлетворить здоровым потребностям человека и каким путем установить эти формы. Но нельзя понять ни одной из существовавших, существующих и имеющих существовать форм общежития, не трогая рабочего вопроса. Нельзя понять даже постановки вопроса о желательных общественных формах для будущего, не поднимая вопроса нравственного. История может быть понята, как процесс реального решения социологических вопросов только в ее философском смысле. Понять современное положение России, не изучая ее современной жизни, — противоречиво. В социологии *вопросы науки* суть в то же время и *вопросы жизни*, потому что общественная жизнь составляет самую суть общества, предмета социологических исследований, и вне изучения общественной жизни здесь может быть список условных терминов, названий предметов, отрывочных фактов, но *ничего научного*, ничего доступного пониманию быть не может. Поэтому я отказываюсь понять в настоящем случае требования моих оппонентов и говорю: в социологии, главной области знания социального революционера, следует изучать вопросы общественной жизни, потому что *они* суть вопросы общественной науки, и вне их она не существует.

Так как вопросы науки в социологии суть вопросы общественной жизни, то, по *самой их сущности*, совершенно ясно требование науки, требование логики, как и где следует изучать их. Это приводит меня к ответу еще на одно нападение, которому я не могу не удивляться, так как оно предполагает во мне полное непонимание самого предмета, об изучении которого я говорил.

«Вопросы жизни», — пишут мои оппоненты, — надо изучать «не исключительно по книжкам, а по возможности непосредственно», и этот совет, очевидно, связан с мнением, прежде высказанным, будто я, советуя молодежи запастись для революционного дела знанием, «останавливаю» молодежь, удерживаю ее от знакомства с жизнью, причем и совершаю преступление.

Скажу более: это было бы даже не столько нравственное преступление, сколько логическая бессмыслица, противоречие требованиям социологии как науки.

Не думаю, чтобы кто-нибудь, говоря: займитесь химией, ожидал возражения: как? мы должны читать Менделеева⁷⁰ или Кекуле⁷¹, вместо того чтобы работать в лаборатории? или чтобы, советуя изучать зоологию, счел нужным прибавить: при этом потрудитесь не ограничиваться чтением Клауса⁷², Гегенбаура⁷³ и Геккеля, а наблюдайте живых животных, делайте рассечения и т. д. Химия и зоология предполагают практические занятия, без которых их знать нельзя и о серьезном изучении говорить смешно. Но со мною случилась эта неожиданность. Я говорил одному, что ему надо «усвоить результаты общественной гигиены, понимать формы народных болезней»; другому, что ему знать надо «жизнь рабочего». Мои внимательные читатели сочли нужным, чтобы я им объяснил, что народные болезни можно знать «основательно», только наблюдая их генезис в народе, что для «основательного» знания жизни рабочего нужно наблюдать хотя бы в собственном отечестве рабочего. Это едва ли не потому, что они видят в потребности и желании единственную правильную точку зрения не только для постановки социологических вопросов, но и для их решения, и потому что ограничиваются платоническим желанием иметь «знания Бокля и ум Конта». Уверяю же вас, господа, это невозможно. Как бы ни велика была потребность изучающего сидеть у себя в кабинете и читать книжки, но *самые свойства вещи* принуждают его в некоторых случаях наблюдать — и наблюдать в определенном месте, определенным образом. Настоящее, не платоническое, уважение к знанию ведет к внимательному наблюдению там, где оно нужно. Поэтому для большей части занятий революционера, если он хочет, чтобы его знания были основательны, ему неизбежно наблюдать народ, как гигиенисту, как политико-эконому, как педагогу и т. п. Это само собою разумеется. Я счел бы обидою для читателей, если бы говорил им о том, что очевидно:

Для вас, господа, если это вам необходимо, я прибавлю.

Как науки естественные, в своих социологических приложениях, так и науки собственно социологические для своего основательного знания требуют определенных практических наблюдений в обществе. Так как революционеру преимущественно важны вопросы, относящиеся до народа, на который он думает действовать в первый период своей деятельности, силы которого ему

необходимо знать для второго периода ее, потребности которого должно иметь в виду в третьем, строительном периоде переворота, то молодой революционер должен практически изучать особенно те стороны избранной им специальности, которые прямо относятся к народу. Если он медик, гигиенист, то он должен наблюдать на деле народную жизнь, а не ограничиваться книжками, иначе его знания основательными быть не могут. Если он изучает политико-экономические общественные отношения, юридические и политические неурядицы русского общества, то он опять-таки должен изучать их вблизи, в частностях, которых в книгах он не найдет. Если он ограничится книгами, то он основательно предмета не узнает. Даже если революционер намерен действовать на поприще исторической пропаганды, ему необходимо изучить не только предмет, о котором он намерен говорить, но и аудиторию, к которой будет обращаться, ее говор, ее способ понимания, ее любимых героев и предания, в ней хранящиеся. Незнание как того, так и другого составляет с его стороны небрежное отношение к делу, неосновательность его понимания. То же самое для педагога.

Эта необходимость обращаться к изучению той или другой стороны народной жизни для полной основательности своих специальных занятий полезна для будущего революционера еще и с другой стороны. При самом процессе своего личного приготовления он попутно сближается с привычками народа, сживает с его жизнью, старается проверить на практических вопросах его жизни те общие воззрения, которые он, человек привилегированной среды, вынес из общих стремлений мысли этой среды. Это сближение с народом для его изучения вовсе не может еще считаться революционной, пропагандистскою деятельностью. Это — лишь подготовка к такой деятельности, элемент учения, элемент школы, практическая лаборатория социолога, подобно тому как есть практические лаборатории химика, физиолога. Молодой человек, приготавливающийся таким образом среди народа к будущей деятельности, если бы он считал себя революционером, годным на что-нибудь серьезное, был бы так же смешон, как ученик, разлагающий воду в лаборатории или взвешивающий осадок на химических весах, если бы этот ученик подумал на минуту, что он совершает химическую работу, делает химическое открытие. Как можно ранее надо соединять практические работы с книжными, это — элементарная школа всякой науки. Оно так и в социологии. Но *итти в народ* для революционера значит вовсе не то, что практически изучать народ, как делать открытия в физиологии вовсе не то, что приучаться к физиологическим опытам. *Итти в народ* для него значит быть подготовленным теоретически и практически, изучением теорий данной отрасли социологии, как изучением народа с определенной стороны (независимо от общего образования), составить себе определенную и ясную

программу деятельности на основании этого изучения, сознавать, чего хочешь и как это сделаешь. Учебное подготовительное сближение с народом, необходимое для основательного знания и существенно важное, как жизненная выработка, составляет лишь вступление к настоящей деятельности революционера.

Поэтому первый же шаг молодого революционера при пробуждении в нем отвращения к современному строю общества, при решимости содействовать построению лучшего общества для народа должен заключаться в изучении социологических вопросов, вопросов общественной жизни, в книгах и наблюдении жизни самого народа, если можно, то в участии в этой жизни. Книжная критика осветит и уяснит ему реальное значение того, что вообще формулируют книги. Критика теорий облегчит ему критику реальных фактов; анализ реальных фактов в их подробностях позволит ему на конкретных примерах усвоить критику общих начал.

Статья эта выходит длинна, и потому я короче скажу об основном, резюмируя в то же время и предыдущее. Я надеюсь при другом случае вернуться к подробностям, не прямо уже относящимся к разбираемому мною вопросу о значении знания для русского социального революционера.

Если социология в ее практической части есть и должна быть главным предметом изучения для революционной молодежи; если ближайший практический вопрос, который ставит и должен ставить себе русский социальный революционер, есть: какая форма общежития желательна и возможна для русского народа в будущем и как осуществить ее? — то этим самым определяется вся программа его занятий для этой цели.

Современная Россия — вот среда, в которой приходится действовать; вот материал, из которого приходится извлекать всякое возможное будущее русского народа; вот поле, на котором расположены все враждебные силы, против которых приходится бороться для осуществления этого будущего.

Экономические отношения между людьми — вот центр современной социологической критики; центр, на котором она выработала наиболее основательные результаты в своей положительной, строительной части. Это — почва, на которой идет современная борьба рабочих против государства и капитала. Это — узел, к которому современные исследователи всего удобнее сводят свои нападения на все стороны современного общества.

Государственное безобразие становится особенно ошутительным для масс, как легальное орудие экономического гнета.

Давление духовенства преимущественно ошутительно народу, как форма общественного паразитизма, и нелепость догмата особенно ярка в его связи с поддержкою экономической неправды.

Увеличение смертности, распространение болезней, вырождение и вымирание лишь тогда становятся для большинства осяза-

тельными врагами, против которых бороться можно, когда указана их зависимость от экономического порядка.

Безобразие современной легальной или патриархальной семьи, выказывается в своем полном значении для многих лишь при указании экономической эксплуатации, им вызываемой и в нем царствующей.

История получает интерес для современных борцов за экономический переворот лишь как иллюстрация современной борьбы эксплуататоров и эксплуатируемых, как подготовка нынешней экономической несправедливости накоплением и развитием прежних несправедливостей.

Итак, изучение современной России и современного состояния экономических вопросов есть, как сказано выше, общая почва всякой революционной пропаганды в настоящем, общая почва всякой революционной борьбы в ожидаемом будущем. Оно должно быть и общим центром, к которому должны сходить все специальные отрасли занятий. Юрист и медик, статистик и наблюдатель быта, исследователь народных движений в прошедшем и рабочего движения в настоящем — должны одинаково обратить внимание преимущественно на экономическую сторону вопросов, ими изучаемых, и на положение этих вопросов в России. Это — почва, для которой они могут получить и в литературе наилучший материал, наиболее прочное критическое оружие; это — почва, на которой им всего удобнее и вести пропаганду в настоящем, всего нужнее бороться в будущем. С какой бы стороны ни приступал революционер к делу, он должен хорошо знать и ясно понимать экономическое значение той стороны революционного вопроса, которая ему доступнее; он должен хорошо знать и ясно понимать положение его в России.

Затем все остальные социологические вопросы, по их тесной связи с экономическими, могут каждый составить полезную почву для пропаганды и борьбы. Каждый может выбрать то, что ему удобнее, сподручнее, в чем он сильнее, к чему чувствует более влечения. Всякое современное зло может быть сведено на экономическое бедствие народа. Всякая сила современного общества может быть выказана, как экономический враг народа. Конечно, каждый пропагандист в своей сфере может и должен выставлять то специальное зло, которое, независимо от экономического, присуще сфере, ему наиболее знакомой. Чем он лучше знает эту сферу, тем сильнее и будет его пропаганда. Юрист выкажет более ясно несправедливость государственности и легальности. Медик укажет яснее неизбежность болезней и вымирания при настоящем порядке. Этот выставит рельефнее на вид безнравственность современной семьи. Тот покажет лучше, как борются работники Англии и Германии, Бельгии и Швейцарии против своих притеснителей. Третий выкажет при удобном случае с большей убедительностью нелепость догмата, который развращает народ

учением терпения и покорности власти. Четвертый одушевит настоящее поколение воспоминанием о древних вечах, о свободной сечи, о волжских молодцах, о Пугачевщине. Каждый пропагандист в сфере выбранных вопросов должен подготавливаться по материалам, определяемым свойствами избранной им сферы, при практическом изучении этого материала, при практическом изучении среды, куда он несет свою пропаганду. Но все вообще должны иметь одну цель, сходиться на одной программе, действовать сообща противу общих врагов и стремиться к установлению одного общественного идеала помощью приготовления народа к социальной революции, к воплощению помощью ее в жизнь справедливого общественного строя.

Вот почти все, что могу я сказать в настоящей статье в ответ тем, которые хотели бы знать, «какие знания» я требую и какие «необходимы в настоящую минуту». Изучение экономического вопроса, по крайней мере в его главных основаниях, необходимо всем. Изучение современной России необходимо всем. Затем более подробное изучение этих предметов может составить специальность наряду с другими упомянутыми мною специальностями, и каждая из них имеет свои условия изучения. Большие подробности были бы здесь неуместны.

Удовлетворятся ли мои оппоненты и лица, требовавшие у меня разных уяснений, этим ответом? Не знаю. Мне кажется, что первые спорили более противу того, что они предполагали в моей статье, чем против того, что в ней действительно было. Я даже совсем не знаю, чего они пугаются «идеала вполне цивилизованного, ученого пропагандиста» начал социальной революции (признаюсь, что, по нелюбви к неточным выражениям, я всегда избегаю подобных терминов, как отщепенство, анархия и т. п.). Это — человек, вполне сжившийся с народом и вполне понимающий вопросы социологии; человек, одинаково ясно уловивший теории Маркса и особенности экономического положения полтавского, ковенского, владимирского, беломорского крестьянина и фабричного; умеющий усвоить особенности их быта, их верований, их привычек и способный воспользоваться административными complicationами разных петербургских властей; способный доказать на основании буквы закона, что в современной России царствует полное беззаконие, и способный уяснить народу неправду всякого давящего закона, созданного меньшинством; человек способный во имя науки доказать необходимость и легальность социальной революции и способный поднять толпу народа в надлежащую минуту для самого дела... Это, конечно, идеал и, как идеал, осуществим лишь по частям, но пугаться его нечего, стремиться к нему вовсе не дурно и вырабатывать его можно соединением жизненного изучения народа с теоретическим изучением книг; готовиться к нему приходится, конечно, не только кабинетным трудом, но преимущественно жизнью.

Подготовление кабинетным трудом и жизнью; изучение общества в книгах и в народе, т. е. единственное *настоящее* знание, единственная *основательная* разработка мысли... что в этом страшного? что в этом развращающего для молодого революционера? Будет ли это приготовление длиться «2—3 года», как пишут сами мои оппоненты, для промежутка времени, отделяющего первый период развития молодого революционера от последнего, или 4 года, как думают лица, их пугающие своим «идеалом вполне цивилизованного пропагандиста» революционных идей, — не все ли равно? Ведь это будет и должно быть всегда в значительной доле *подготовление жизнью*; ведь вне народа невозможно даже изучать основательно задачи социальной революции; ведь эти люди, вырабатывающие в себе годность для революционного дела, в каждую минуту, если надо будет, пойдут и должны пойти в настоящую борьбу, должны пойти простыми рядовыми, если не успели выработать в себе настоящих помощников народа, настоящих инициаторов, толкователей социальной революции. Какой же вред в их серьезном приготовлении к серьезному делу?

Нет, товарищи колеблющиеся, товарищи несогласные, даже товарищи враждебные! Нет, знание есть верный, крепкий союзник социальной революции; единственная опора деятельности молодой интеллигенции в народе для приготовления этой революции; единственный дар, который вы можете принести народу и который даст вам право сказать, что вы помогли ему... Только оно должно быть *настоящее* знание...

Настоящее знание... Я уверен, что не раз в жару пропаганды, в буре борьбы вам оно понадобится для вашей деятельности. Оно и теперь вам нужно для прочности вашего собственного убеждения... Еще рядом с рациональною проповедью революции народной и социальной, как единственного средства подвинуть нашу родину, подвинуть человечество к лучшей будущности, еще рядом с этою проповедью снова и снова поднимается проповедь старой рутины политических революционеров, слышится вдруг неожиданно и проповедь мистических социалистов. Где, кроме знания, почерпнуть доказательство, что все эти рутинные призывы к перевороту путем захвата власти, путем благодетельных декретов, что все эти попытки меньшинства *руководить* судьбами народов и бессмысленны и вредны? Где, кроме знания, черпать силу для укрепления социально-революционного убеждения противу всех этих старых революционных искушений? Где, кроме знания, критического и реалистического, черпать прочное оружие и против мистических проповедников? — Перечитывая лежащую передо мною рукопись письма моих оппонентов, я спрашиваю себя: не могла ли бы эта самая рука, которая его писала, писать и отречение от революционного дела, мистическую проповедь любви к истинным врагам народа русского, проповедь прощения государственным душителям России, если основательное знание,

если критическая научная мысль не напомнит писавшему, что
лишь в мире реальных предметов есть истина, в реальной борьбе
есть возможность установить правду?..

Нет, молодые русские революционеры, вам необходимо выра-
батывать в себе строгую, трезвую, последовательную критиче-
скую мысль...

1773—1873

В ПАМЯТЬ СТОЛЕТИЯ ПУГАЧЕВЩИНЫ⁷⁴

(1873 — 74 гг.)

Старое общество имеет свои юбилеи. Оно празднует память царей и хищников, память кровавых избиений народа, память мифических проповедников сверхъестественного догмата или рабов — хвалителей существующего порядка.

Новое общество народного социализма будет иметь свои юбилеи. Оно должно помнить, как предки нынешних борцов за лучшую будущность человечества боролись и гибли, страдали и терпели, вырабатывая то сознание необходимости социальной революции, которое теперь устанавливается между их потомками. Оно должно помнить страницы мартиролога народов.

Старое общество гордится громкими именами своих героев-деспотов, героев-эксплуататоров, героев-лакеев.

У нас мало имен, мало личностей. Мы припоминаем великие дела толпы, страдания масс.

Празднуйте память Екатерины, празднуйте память Бибикова⁷⁵, празднуйте память расхищения Польши... Мы перечитываем ту страницу истории, на которой записана пугачевщина...

1773—1873. В память столетия пугачевщины

Год, когда наше «Вперед» выступает пред читающею публикою, есть год, завершающий столетие после двух исторических событий, которые следует припомнить читателю.

Значение их весьма различно для истории, как и место, придаваемое им историками; особенно же различно это значение для нас — русских. Между тем их точка исхода была в обоих случаях одинаково маловажна; первоначальное явление нарушало одинаково самым грубым образом существовавший и законами установленный общественный порядок.

Одно из этих событий вызывает радостные воспоминания обширной передовой нации мира, симпатию историков, потому что оно послужило началом ряду политических побед, точкою

исхода для основания и для развития одного из громаднейших государств мира; оно напоминает об успехах и только об успехах; внешним результатом его был, повидимому, безостановочный прогресс. Между тем для историка-мыслителя, уяснившего себе идеал современности, значение этого события изменяется: оно было действительно событием мировым, действительно послужило началом блестящему периоду истории человечества; но все успехи, весь блеск, все развитие этого периода были исчерпаны в тот краткий вековой промежуток, который отделяет 1773 год от 1873 г. Гениальные умы, личности с глубоким, энергическим убеждением были представителями этого движения; историк не может не остановиться с уважением перед этими героями человечества. Но ни гений, ни самоотверженное убеждение деятелей не могут придать прочности тому, что не имеет будущего, тому, что составляет эфемерный базис в развитии человечества, тому, что не коренится в самой сущности сплывающих, нравственных, развивающих потребностей человека. Этот блестящий период человеческой истории, со всеми великими деятелями, его воплощавшими в жизнь человечества, принадлежит невозвратно-му прошедшему.

Другое событие наступающего юбилейного года вызывает своим напоминанием возмущение одних, горькую мысль других. Для большинства историков это не только явление не мировое, но даже в России, где оно совершилось, это какой-то случайный, болезненный процесс, припадок бешеного помешательства, о котором они стыдятся вспомнить, которого гнушаются, как исторического позора. Для кровавых победителей это — не более как безобразная оргия животных инстинктов невежественной толпы. Для озлобленных побежденных это — воспоминание о тяжелой неудаче, о кратких трезах победы, за которыми последовал усиленный жизненный гнет. Это событие не вызвало никакого явного, блестящего, исторического развития; иностранный историк и не отметил его. Оно вспыхнуло кровавым, пожирающим, истребительным пламенем, охватившим на несколько месяцев обширный край; (осветило пропасть бедствий русского народа, непрочность и лицемерие русского императорства) грозило уничтожением всему господствовавшему общественному строю. Но через год это пламя потухло, и прошедшее осталось жить лишь в памяти народной, в легенде бедного люда, в озлоблении приверженцев власти, на минуту им поколебленной. В этом движении не было героев, записавших свои имена на блестящие страницы человеческого развития; в его составе хаотически смешивались элементы отсталых начал, давно пережитых человечеством эпох истории, доисторические фазисы мысли, животные инстинкты первобытного человечества. Но в этом мимолетном эпизоде история России, в этом грубом взрыве негодования масс лежала вечно живая, вечно нравственная, исторически-творческая потребность человека

решать вопросы общественного строя не в их эфемерных формах, а в их основной постановке, в их нераздельной связи, в их цельной зависимости друг от друга; потребность бороться со злом и искать воплощения справедливости в казни этого зла и в радикальном истреблении его основ. Поэтому здесь лежало единственно возможное для человечества будущее.

Припомним же точку исхода этого блестящего общечеловеческого *прошедшего*, совершившего теперь свой вековой цикл и умирающего на наших глазах в агонии неизлечимого истощения сил. Припомним и кровавое начало этого великого *будущего*, которое, как мы надеемся, есть будущее не только для нашей родины, но и для всего человечества.

Отдадим заслуженную честь умирающему.

Обратим наши ожидания, наши мысли, наши труды на живое, на то, что должно наступить, должно осуществиться...

Прошедшее

18 декабря нового стиля 1773 года толпа людей, одетых и выкрашенных, как краснокожие индейцы Америки, овладела в гавани Бостона кораблями, нагруженными чаем, который следовало оплатить податью, не признанною англо-американцами, выгрузила 340 ящиков с чаем и бросила в море весь чай, в них заключавшийся, ценою в 18 000 фунтов стерлингов (около 130 000 рублей).

Это был возмутительный произвол, возмутительный беспорядок с точки зрения легальности; это был грабеж чужой собственности; это было насилие против лиц, действовавших вполне законно, под защитою конституции, которая была признана лучшею и либеральнейшею во всем мире в эту эпоху; это был явный и грубый протест против этой конституции, которою гордились англичане, гордились и их поселенцы в Америке.

И этот грубый, насильственный, мятежный поступок был совершен людьми англо-саксонского племени, знаменитого своим уважением к законности. Он был совершен в присутствии тысяч зрителей; они спокойно смотрели на действия мятежников и спокойно разошлись по домам после этого. Он был совершен с ведома, при сочувствии значительной части населения, и за несколько часов перед этим в старой южной церкви Бостона раздавались слова: «Нас спасет не тот дух, который одушевляет нас в настоящую минуту. То, что мы сделаем сегодня, поведет за собою такие события, которые потребуют совершенно иного духа для нашего спасения. Имейте в виду окончательный результат. Взвесьте и обсудите все здраво, прежде чем решиться...» — «Мы не отступим», отвечали из толпы.

Решение было принято. Результат обдуман. Бостонцы не отступили. Они знали, что на их стороне самые замечательные, са-

мые осторожные; самые проникающие умы Америки. Они знали, что перед твердою волею нации закон есть бесправие, насилие — обязанность, мятеж получает значение революции.

Они начали революцию. Это была та революция, которая дала начало Северо-Американским Штатам.

Мало того. Они начали революционный период истории человечества, период, который, после Вашингтонов⁷⁶ и Гамильтонов⁷⁷, вызвал Дантонов⁷⁸ и Робеспьеров, вызвал тайный союз карбонариев⁷⁹ и громадные петиции чартистов⁸⁰, прошел бурей в тридцатых годах от Сены до Вислы, поднял новую бурю в 1848 году в большинстве государств Западной Европы и заключился бойнею июльских парижских дней, окончательным расколом народа и буржуазии, окончательным противоречием между задачами социальных и политических революционеров, затем долгою агониею политических партий, чтобы в шестидесятых годах уступить свою роль новому периоду, провозгласившему в 1864 году солидарность рабочих всех стран, а в 1871 году автономию коммун.

Это был не буйный порыв накипевших народных страданий. Это было воплощение в дело теоретических понятий, выработанных рядом мыслителей и государственных деятелей; действие, логически вытекавшее из работы мысли предыдущего времени. Независимая национальность, крепко сплоченная вокруг уважаемого закона, около конституции, дающей возможно более свободы личности; устранение религиозного принуждения, которое тяготело над средними веками; устранение личного деспотизма государей, который разросся в Европе с XV века по XVIII век; политическая жизнь, опирающаяся на самых широких, прирожденных, неистребимых правах личности, — таков был идеал общежития, который выработали лучшие умы человечества к концу XVIII века; идеал, который должен был, по мнению веровавших в него, принести прочное благополучие стране, где он был бы осуществлен; идеал, который пыталась осуществить группа высоких умов и энергических характеров, выработанных в англо-саксонских колониях Северной Америки.

И обстоятельства сложились для них исключительно благоприятно. Между патриотическими руководителями движения не возникло той мелкой, личной борьбы самолюбия, которая, раздробляя усилия, парализует слишком часто лучшие общественные движения. Общество оказалось достаточно развитым и восприимчивым, чтобы восстать по призыву руководителей, и достаточно чутким к превосходству и к искренности этих руководителей, чтобы пойти за ними. Совершилась редкая историческая комбинация. Нашлись люди. Нашлась удовлетворительная среда. Исторически выработанный идеал был осуществлен почти так, как был задуман.

Менее чем через год после мятежного уничтожения нескольких ящиков чая в Бостоне, 14 октября 1774 г., на конгрессе в

Филадельфии была принята декларация прав, по которой постановлено, что жители английских колоний Северной Америки, по непреложным законам природы, на основании английской конституции и различных хартий, «имеют право на жизнь, свободу, собственность и не уступали никакой иностранной власти права распоряжаться всем этим без их согласия». «Мы действительно свободны и имеем право на это», писали американцы в адресе английскому народу.

В марте 1775 г. Патрик Генри⁸¹ говорил колеблющимся: «Война началась!». 19 апреля произошла первая схватка. 15 июня Георг Вашингтон был избран главнокомандующим. Ему дано было полномочие арестовать каждого, кого он найдет врагом своего народа, с единственной оговоркой: «Вы должны всегда прежде всего заботиться, чтобы английская свобода не погибла». Ему могли доверить подобную власть, и ему доверили ее.

4 июня 1774 года перестали существовать англо-американские «колонии», и явились на сцену истории Соединенные Штаты, в знаменитой декларации, провозглашавшей, что «все люди созданы равными между собою», что все они имеют неотъемлемые права «на жизнь, на свободу и на счастье».

Через шесть с половиною лет Англия признала независимость нового государства, и 1 июня 1785 года вступал в Сент-Джемский дворец посланником к Георгу III⁸² его бывший подданный, Джон Адамс⁸³.

Но молодому государству грозили другие опасности. Его финансы находились в полном расстройстве. В 1780 году за один металлический доллар давали 11 000 долларов бумажками. Армия, которой не выплачивали жалованья, была недовольна. Отношения центрального правления союза к местным правлениям были крайне неопределенны и вызывали ежедневные внутренние и внешние неудобства. Когда Франция дала инсургентам Америки шестнадцать миллионов долларов, то она доверила их не правительству Америки, не государству, а личности Георга Вашингтона. Была минута в 1783 г., когда армия была призвана анонимными письмами к мятежу, была готова к нему; минута, когда счастливый военачальник-победитель мог сделаться повелителем нового государства при помощи преданной ему армии. И здесь личность Вашингтона имела если не решающее, то определяющее влияние. Тот самый, кто, принимая диктаторскую власть, сказал: «Я постоянно буду иметь в виду, что шпага была нашим последним средством для защиты свободы и что она есть первая вещь, которую мы отложим в сторону, когда эта свобода будет упрочена», — тот сумел и сдержать свое слово. Он остановил убеждением мятежные порывы армии. Он спокойно простился с войском, которое готово было идти за ним. Он, по словам Байрона, «был первым и последним лицом в истории», подавшим пример, что можно держать в руках диктатуру и не злоупотребить ею. Америка имела осо-

бенное счастье иметь такого человека во главе своего войска и своего правления в самые трудные минуты своего развития; и ее армия, недовольная, нуждающаяся, имела достаточно сдержанности, чтобы послушаться Вашингтона.

Еще труднее был вопрос об отношении конгресса к штатам. В 1783 году, в год признания новой республики Англией, лорд Шеффилд⁸⁴ мог с достаточным основанием говорить: «Конгресс, это — тень; штаты, — они в разладе друг с другом... Из этого хаоса никогда не возникнет государства». В 1786 году кризис дошел до своего апогея. Опасность восстания, опасность распада союза казалась неминуема. Но и тут представители американской мысли, Вашингтон, Франклин⁸⁵, Мадисон⁸⁶, Гамильтон, выступили с проектом новой конституции. Конгресс в феврале 1787 года заявил перед нацией свое бессилие. «Если когда-либо, — пишет Токвилль⁸⁷, — Америка сумела возвыситься до такой высокой степени славы, на которой хотело бы ее поставить в наших глазах гордое воображение ее жителей, это было в торжественную минуту, когда правление нации как бы отказывалось от власти». Нация, в лице господствующих классов, чутко ответила на этот призыв, и с 1787 года по 1789-й выработалась та конституция, которая до сих пор существует. Эта конституция поставила Северо-Американские Штаты на первое место между государствами мира; развила в них политическую привлекательность, вследствие которой туда идут «утомленные Европой» (Eutormüden) эмигранты всех стран, чтобы забыть в Америке свою национальность, свои местные вопросы и сделаться только американцами; выработала в Америке громадное политическое могущество, высшее развитие экономических сил в форме свободной конкуренции капиталов; позволила союзной республике перенести без труда кровавую войну против сепаратистов-рабовладельцев и тяжелый денежный кризис, из нее следовавший, — словом, приблизила Северо-Американские Штаты к идеалу органического государства настолько, насколько могло приблизиться к нему реальное политическое целое с его искусственными и неизбежно принудительными формами.

В то самое время, когда Америка вводила в действие новую конституцию (4 марта 1789 г.), оканчивая период своей революции, начиналось великое революционное движение в Европе. Третье сословие объявило себя народом. Провозглашены были «права человека». Пропаганда республики пошла по Европе во имя «свободы, равенства и братства». Пламенная лирика сделала военную французскую песнь Марсельезы революционным гимном Европы. Французская республика отреклась от христианства, как она отреклась от монархии. Она создала культ разума. Она не испугалась жертв для утверждения новой эры, с которой она решила начать летоисчисление нового мира. Она имела за себя остроумие Демулена⁸⁸, женскую страстность г-жи Ролан⁸⁹, беспоч-

щадную раздражительность Марата⁹⁰, энергию Дантона, военный гений Гоша⁹¹, широкую мысль Монжа и Кондорсе⁹², организаторский ум Карно⁹³, могучую речь Робеспьера. Она, после американской конституции, искала искренно идеального государственного строя в ряде новых конституций, в новом кодексе, в новых учреждениях.

Испуганные кровавыми сценами французской революции, другие державы стремились к той же цели мирным путем. Английский парламент издавал ряд все более и более либеральных законов. В 1830 году начались попытки издания разного рода хартий и конституций с целью наилучшего осуществления наилучшего политического строя, наилучнейших государственных отношений. Бентам⁹⁴ пытался написать идеальный всеобщий кодекс. В народы и правительства проникла мысль о революционной перedelке всего распределения государственных территорий на основании национального обособления. В 1848 г. Франция снова провозгласила республику. Парламент высокоученых профессоров собрался во Франкфурте для создания наилучшей возможности конституции. Парламент славян собрался в Праге. В Берлине и в Вене власть должна была временно уступить политическим радикалам. И с тех пор до нашего времени, при непрерывных политических волнениях, опираясь на данные исторического опыта и на размышление, тридцать собраний народных представителей — монархистов, республиканцев, политиков всех видов и всех цветов — трудятся над отысканием этого философского камня политической алхимии — наилучшей конституции, которая доставила бы государству прочность, обществу — спокойствие и благоденствие... Хотя ряды замечательных политических деятелей поредели, хотя трудно поставить политиков первой половины XIX столетия рядом с великими американскими патриотами, с пламенными трибунами Франции девяностых годов, но нельзя отрицать, что и тут было употреблено в дело много таланта, много политического смысла и политической изворотливости, даже иногда немало истинного патриотизма и искреннего желания отыскать в политической перестройке благо человечества.

И к чему пришла эта вековая работа?

Цель гениальных и самоотверженных стараний политических революционеров обоих полушарий оказалась не только не достигнута, но недостижима. Философский камень в политике столь же мало существует, как и в химии. Нет и не может быть политической конституции, которая дала бы прочность, спокойствие и благоденствие обществу. Нет и не может быть юридического кодекса, который установил бы справедливые отношения между людьми.

Все политические революционеры, как все политические реформаторы, оставили в стороне один вопрос, до которого они не смели касаться в своих революционных программах, в своих ре-

форматорских начинаниях. То был вопрос *социальный*. То была святость личной собственности. То была семья с ее наследственной монополией, с ее патриархальным преданием.

Но этот *один* вопрос заключал все.

В этом *одном* вопросе лежала вся масса несправедливых отношений между людьми. Во имя святости личной собственности накапливались богатства и наслаждения в исключительном меньшинстве, окруженном голодающим и вырождающимся большинством. Во имя этой святости развивалась фабричная эксплуатация работника. Во имя ее миллионы страдали для обогащения немногих, миллионы вымирали от истощения сил, от чрезмерного труда. Во имя ее сеялась неумолимая вражда между вечно страждущим пролетариатом и постепенно развращающимся биржевым спекулятором. Во имя святости семьи развивалась эксплуатация женщины мужчиною, брак обращался в продажу и куплю, проституция становилась неизбежным элементом общежития.

И этот *один* вопрос, оставленный в стороне, вносил во всякую конституцию бессилие для устройства блага народов. Этот один вопрос обращал в наглую ложь все кодексы, писанные для воплощения на земле правды.

Когда монополия богатств, монополия наслаждений, монополия силы была отдана на произвол личности, то всякая нравственная связь во имя идеи, всякое уважение к общему закону, к общей конституции, всякая любовь к общему отечеству рухнула перед всемирною борьбою за обогащение.

В борьбе за обогащение капиталист обращал в орудия спекуляции и конституцию, и закон, и звание представителя народа, и должность министра исполнительной власти, и место дипломата, и право судьи. Продавалась государственная тайна, как продавался голос в парламенте. Продавалось оружие, собранное в арсеналах на защиту страны. Продавалось отечество. Продавалась республика. Продавались народы. Продавалось все, что находило покупателя за приличную цену.

Конституции стали орудиями официальной торговли своим положением для лиц господствующих сословий, орудиями систематической эксплуатации народов толпою спекуляторов и говорунов без убеждений.

Кодексы стали общепринятыми формами притеснения большинства, узаконенными приемами извращения правды.

Патриотизм стал вывескою тех, которые с наибольшей наглостью хотели высосать соки из бюджета своей родины, тех, которые стремились внести в свой народ наиболее невежества и дикости, отодвинуть его далее по пути реакции.

Старая животная борьба за существование, сдержанная на время поклонением общим богам, уважением к общим идеям, любовью к общим связующим началам, вспыхнула снова под именем свободы конкуренции. На биржах боролись крупные капиталы; в

безнадежной борьбе гибли капиталы мелкие перед денежными левиафанами. Горе слабому, горе честному в борьбе! Всего более горе пролетарию, рабочей скотине капиталиста!

Быстро разъезла эта социальная борьба создание старых патриотов и государственных деятелей, думавших основать царство свободы и правды.

Царство буржуазии, установившееся во второй четверти XIX века, было в то же время периодом всеобщей политической продажности, разрушения всех политических убеждений, загрязнения всех политических идей. Поразительные явления представляла в этом отношении Франция Людовика-Филиппа, но Франция Второй империи сумела превзойти ее. Процессы министров в Австрии скандализовали мир, но продажность членов конгресса Северо-Американских Штатов не уступала никаким торговцам своим официальным положением в Западной Европе или даже в России. Ничтожны были в своих политических идеях доктринеры и либералы сороковых годов, тори и виги времен Пальмерстона⁹⁵ и Дерби⁹⁶, но и в позорное время, следовавшее за Венским конгрессом, нельзя было ожидать, что может выработаться такое идиотическое собрание представителей великого народа, как то, которое заседает теперь в Версале; нельзя было ожидать, что распадение партий доведет политических деятелей Англии до такого ничтожества, которое мы видим в настоящую минуту; нельзя было думать, что блистательная литература и философское развитие Германии позволит ей когда-либо так лакейски ползать у ног Гогенцоллернов⁹⁷ и Бисмарков, как она ползает теперь; нельзя было думать, что главный центр деятельности карбонариев, выработывавший Мадзини⁹⁸ и Гарибальди, станет такою пошлою сценою пошлых политических интриг, какою сделалась Италия Виктора Эммануила⁹⁹ в наше время... Фатально и неизбежно шла вперед гангрена общества; фатально и неизбежно разлагался политический мир, созданный великими революциями конца XVIII столетия...

Теперь во всем современном политическом мире Европы и Америки нет ни одного замечательного политического деятеля, в честности, искренности и патриотизме которого нельзя было бы усомниться; а сколько тех, которые почти явно продают и продавали свое влияние, свое убеждение, своих приверженцев, свой народ!...

Между всеми политическими законодательными собраниями Европы нет ни одного, которое бы не представляло самой безобразной картины личных интриг, отсутствия убеждений, позорных спекуляций, отсутствия всякого человеческого достоинства...

Из всех конституций, действующих в мире, нет ни одной, которая бы не отдавала народ на эксплуатацию капиталиста и государства...

Во всех кодексах, которым подчинены цивилизованные наро-

ды, нет ни одного закона; который не сделался бы орудием неправды...

И оно иначе быть не может, потому что *политические* революционеры и реформаторы не коснулись *социального* вопроса, а в этом вопросе все... Они провозгласили свободу, пригласили всякого сделаться силой. Он указал силу в богатстве. Он вызвал борьбу за обогащение, и в этой борьбе погибли все великие политические начала, ими созданные.

Период политических революций исчерпал свою программу. Государственная форма оказалась бессильна пред общественным злом. Конституции и кодексы обратились в пустые формальности. Наследники Вашингтонов и Адамсов, Дантонов и Каррелей¹⁰⁰, Чатамов¹⁰¹ и Каннингтов¹⁰² открыли публичный торг в законодательных палатах... Социальный вопрос разбил, разрушил, похоронил политические создания революционного периода.

Но социальный вопрос явился не только могильщиком предшествующего периода. Он явился и созидателем; он поставил вопросы будущего. Он вышел на площадь с Бабефом, развернул пред народом утопический мир Фурье¹⁰³ и Сен-Симона¹⁰⁴, разжег проповедь клубов 1848 года, заявил свою непримиримую вражду буржуазной политике в июньские дни и в организации Интернационала, в прокламациях Парижской коммуны провозгласил миру, что период политических революций заключен, что будущее принадлежит революции социальной...

Почтим память великих борцов минувшего, героев законченного периода. Они честно делали свое дело и не имеют ничего общего с продажными политическими пигмеями, с болтунами без убеждений, которые занимают теперь их места. Политические революции не имели даже настолько жизненности, чтобы дать в продолжение ста лет замечательных деятелей. Они сами осудили себя. Но они начинались во имя великих задач человеческого прогресса, во имя вечных задач правды. Они стали прошедшим, но они подготовили будущее...

Мир невозвратному прошедшему!..

Будущее

18 сентября старого стиля (29 нового) того же 1773 года пред Яицким городком впервые развернулись белые знамена с раскольничьим осьмиутольным крестом, и появился первый из указов «Петра III, императора всероссийского»; в которых он жаловал верных яицких казаков реками, морями и лесами, крестом и бороною, деньгами и провиантом и вечною вольностью. Новоявленный император требовал покорности и приглашал казаков, татар, калмыков в свое войско для возвращения ему престола; отнятого у него женою. Его войско состояло из 140 человек, за несколько часов перед тем из 60. Он шел против громадной им-

перии, имевшей обширное войско, искусных полководцев, против империи, которая простирала свои виды на Константинополь, начинала расхищение Польши; против империи, во главе которой стояла женщина, замечательная по уму, по характеру и по образованию.

Безграмотный донской казак Емельян Пугачев начинал войну против этой «европейской» империи, в которой образованный класс не уступал в роскоши, разврате и гостинной ловкости придворным Людовика XV, Георга II¹⁰⁵ и Августа Сильного¹⁰⁶; восхищался остроумием «Философского лекциона»¹⁰⁷ и пламенным красноречием «Новой Элоизы»¹⁰⁸; знал последнюю остроуту, высказанную в салоне г-жи Жоффрен¹⁰⁹ против Христа и Моисея, и глотал политические теории Монтескье, Руссо, Беккарии — авторов, которые доставили материал и для знаменитого «Наказа» Екатерины.

Против этих начал «цивилизации» он поднимал символ отсталого религиозного взгляда, взгляда раскольников, которые толковали о каких-то старых книгах, о двуперстном кресте, о сугубой аллилуе...

Против умной, ловкой и привлекательной императрицы, которая старалась всеми силами, чтобы русские забыли о ее немецком происхождении, выдвигался призрак голштинского идиота, промелькнувшего незаметно ни для кого на престоле, вечно окруженного своими немцами, и мысль которого шла не далее игры в прятки солдатики или повешения крысы по приговору военного суда, когда она съела одного из членов этой армии, достойной своего повелителя.

(К народу, который петербургское императорство измучило неслыханным усилением крепостничества; к народу, который ненавидел солдатчину, как самый жестокий способ пожирания его детей; к народу, который был оскорблен немецкими обычаями господствующих классов, обращался самозванец во имя петербургского императора-немца, обожателя самой пошлой солдатчины.

И что имел за себя этот самозванец? Личную привлекательность, которая еще в остроге окружила его преданными людьми, еще тогда возбудила к нему особенную симпатию раздавателей милостыни и потом дала ему возможность поддерживать свою трудную роль в кругу своих разнородных сподвижников. Бескорыстие, которое побуждало его раздавать почти всю добычу приверженцам и оставило его в последнюю минуту с четырьмя золотыми, зашитыми в платье. Но этого было слишком мало для дерзкого предприятия, им начатого. А у него не было даже той энергической воли, которая подчиняет все окружающее. С первого же города, где начались казни во имя императора Петра Федоровича, вешал не он, вешали его окружающие, не приводя даже свои жертвы на его суд. «Мы, ваше величество, знаем, кого мож-

но простить и кого повесить», отвечали ему на совет «не губить безвинных». Когда настала самая серьезная минута борьбы, с приходом войск, с неутомимой деятельностью немца Михельсона¹¹⁰ против представителя народа русского; когда на обширном пространстве поднялось крестьянство и образовались отряды под начальством энергических предводителей; когда судьба восстания, судьба народа русского, как судьба самого Пугачева, зависела от такой концентрации сил восставшего населения и вооруженных отрядов, чтобы окружить, раздавить малочисленные и деморализованные войска, привезенные издалека для действия против мятежников; в минуту, когда сила характера, умение подчинить себе других, умение сделаться центром и руководителем обширного движения были крайне необходимы, император-самозванец не выказал даже попытки организовать силы народа, связать и подчинить себе несогласные действия возбужденной толпы и энергических шаек, которые не имели никакого общего военного плана, да мало и знали одна о другой.

При этой отсталости мотивов, при несостоятельности предводителя, при несимпатичности призрака, им вызванного, казалось бы, что успех самозванца, даже временный, был совершенно невозможен; что самая попытка безумна; что около белого знамени с раскольниковым крестом сойдутся, быть может, два три фанатика — да и то пойдут ли за императором-немцем, за императором-антихристом? — пожалуй, десятка два той понизовой вольницы, которая ушла за Кулагой¹¹¹ и за Заметаевым¹¹²; но сделаться историческим, народным это движение не в состоянии... Но на деле оказалось иное...

Безграмотный казак в несколько месяцев поставил великолепную империю северной Семирады¹¹³ на край гибели. Одно имя Петра III поднимало народ, парализовало войска, отворяло Пугачеву города и не раз волновало Русь и прежде и после Пугачева. Его «империя» к лету 1774 года простиралась на сотни квадратных миль. Его министры, секретари и полководцы превосходили сообразительностью и энергиею деятелей Екатерины. Его манифесты читались с большею охотою народом, чем манифесты Екатерины и указы сената. Его нетерпеливо ждали в Москве. Его трепетали в Петербурге. Из Москвы дворянство уже начало бежать в Тверь. Императрица не считала себя безопасною. Подметные письма являлись в самом дворце.

Дело было в том, что выступал не один претендент на императорский престол на место другого, но народ на место императорства. Начиналось не царство Емельяна Пугачева или «великого государя, Петра III всероссийского»: начиналась пугачевщина, восстание народа русского против его вековых притеснителей и кровопийц.

Дело было не в раскольниковем кресте. Самозванца и его атаманов встречало и православное духовенство с хорутвями; он шел

и в «никонианские» церкви; убивали попов, как убивали всяких врагов народа, но нет сведений о фанатических действиях против церкви и форм «никоновской ереси». Раскольники думали воспользоваться начинавшимся движением и, конечно, воспользовались бы им в некоторой степени, но их элемент в пугачевщине очень быстро отступил на второй план, и мысль об основании нового царства на формах «старой веры» едва ли приходила серьезно кому-либо из деятелей этого времени.

Многие ли верили, что Пугачев — Петр III? Многие ли знали, чем был Петр III, или даже помнили через десять лет после убийства жалкого голштинца, что был на свете когда-либо Петр III? — Но дело было не в нем. Если бы Пугачев назвался Владимиром Красным Солнышком или Ильею пророком, или Ерусланом Лазаревичем, оно было бы немногим хуже, чем принятие им на себя имени убитого в Ропше императора. Чья бы подпись ни стояла под манифестами, лишь бы в них была «воля», «вечная воляность», «истребление помещиков», — народу было бы все равно.

А в манифестах Пугачева стояли эти великие слова. В этих манифестах безграмотного казака, шедшего под знаменем нелепого верования, подписывавшегося фантастическим именем идиота, никому не известного, было более жизненных общественных начал, более крепких залогов, неотвратимых грозных пророчеств для будущего, чем во всех гуманных «Наказах», даже во всех либеральных и радикальных проповедях против алтаря и престола; раздававшихся на берегах Темзы, Сены и Делава¹³⁴.

Эти проповеди были проникнуты остроумной критикой и силой мысли, изощренной высокою цивилизацией. Их говорили люди, глубоко убежденные, искренние борцы за истину и справедливость, гуманные противники средневековой иерархии и королевского деспотизма. Но в этих проповедях шло дело о свободе мысли для *меньшинства* развитых людей, о политических правах *меньшинства*, которое вынесено было трудом и страданием масс на историческую деятельность. Борьба шла между двумя кружками, жившими на счет большинства, одолженными этому большинству всем своим развитием, всеми своими силами. С одной стороны были грубые хищники, тупые защитники нелепого догмата. С другой стороны были представители силы научной и философской мысли; силы закона, равного для всех, кто умеет им пользоваться; силы капитала, доступного всем, кто умеет нажать его. Конечно, должны были победить последние, и они победили. Конечно, эта победа была человечна, прогрессивна, желательна. Но она была лишь небольшим эпизодом в борьбе за торжество справедливости в мире; мгновенным фазисом при переходе власти от одного меньшинства к другому. Научная и философская мысль, устанавливая права науки против религии, права цивилизованных классов против произвола Людовиков и Павлов, находилась на самой элементарной, азбучной ступени развития. Она могла

только тогда считать свой вопрос надлежащим образом поставленным, когда она выработала бы мирозерцание, доступное всему человечеству, не теряя своей глубины и всеобъемлемости; когда она обратилась бы в науку для всех, не жертвуя ни строгостью истин, ни их убедительностью, ни их критической силой. Она только тогда могла закончить правильно цикл своих вопросов, когда бы научно поставила вопрос о наилучшем общественном строе в виду полноправия и всесторонних потребностей всего населения. Закон и капитал, орудия борьбы, имели право лишь на эфемерное место в истории периода борьбы; они должны были замениться формами иных общественных отношений в эпоху, которая поставила бы на первое место благо настоящего народа, всего народа. Но именно о потребностях и правах большинства не думали борцы-просветители в Европе и Америке. Прочный, живой элемент их борьбы отступил в их глазах пред элементом эпизодическим, эфемерным.

Просты и грубы были манифесты Пугачева, но они имели в виду интересы массы народа; они имели в виду вопросы, которые одни были важны, одни были понятны для этих масс, — вопросы «воли» и «земли», вопросы о дешевой соли, об истреблении помещиков. Эти основные, элементарные вопросы справедливого общественного строя не нуждались в научной и философской обработке. Они были доступны доисторическому человеку, как крестьянину XVIII столетия. Но их отложила на будущее политически выработанная мысль периода политических революций. Она занялась исключительно предварительными вопросами о правах *выработанной* личностью мысли, *приобретенной* личностью общественной силы и оставила следующему периоду установить право для массы *вырабатывать* свою мысль, *быть* общественной силой. — Безграмотный самозванец пошел далее: он объявил, что народ есть сила, что ему *принадлежит* воля и земля, т. е. средства развития. Именно потому в грубых и невежественных его манифестах была *прочная* жизнь, было будущее. В решении этих вопросов лежала *окончательная* судьба общественной науки.

(И победа Пугачева не была вовсе невозможна. Если бы Пугачев или один из его товарищей обладал тем подчиняющим, организаторским умом, который позволяет создать стройное целое из страстного взрыва народа; если бы сотни отрядов и шаек, которые бродили по берегам Волги, истребляя помещиков и чиновников, были руководимы хорошо рассчитанною волею, то Михельсон был бы задавлен, Цыплетев¹⁵ уничтожен; а они одни отстояли Екатерину.) Если бы Михельсон не устоял, расчетливые донцы нашли бы, вероятно, для себя выгодным признать Петра Федоровича, кто бы он там ни был. А колебались, может быть, не одни донцы. Знаменитости военные, славные своею быстротою и энергиею, как бы нарочно теряли время. Не приходила ли и им мысль о том, что народ в России слишком стра-

дает, что народное царство возможно... Но остановимся на пути гипотез. Бесспорно, что один-два успешных боя, парализация Михельсона — и белое знамя с осьмьюугольным крестом появилось бы на Кремле; а тогда... что случилось бы тогда из екатерининской империи?

Эта империя была гнила до костей под парчевыми кафтанами своих вельмож, под фальшивыми блестками похвальных од придворных поэтов, под кровавыми трофеями грабежа Польши, войны с Турцией. Она не достигла даже до степеней годного политического механизма. В трудную минуту у нее не было ни деятельной администрации, ни надежной армии, ни распорядительных местных властей, ни годных военачальников. В ней все было фальшь и обман, начиная с европейского лоска петербургских крепостников до европейских форм ее продажного, невежественного и сонного местного управления. В ней была одна реальность: неисчислимы, все растущие страдания народные; глубокая, все растущая ненависть его к его притеснителям. И на эту-то реальность оперся Пугачев; эта реальность поддерживала его в продолжение года, несмотря на все отсталые, нестройные элементы, входившие в его предприятие; эта реальность доставила бы ему победу, если бы он сам принадлежал действительно к деятелям, выходящим из ряда вон по организаторскому гению, если бы он сумел не только поднять, но и организовать, руководить массы. Нестройная империя Екатерины, с ее румянами и всеобщую фальшью, могла рухнуть под взрывом накипевшей злобы народа.

Эта злоба была велика, и за взрывом последовали кровавые, варварские сцены. Будем желать, чтобы в день будущего восстания народных масс против их эксплуататоров эти сцены не повторились; чтобы народ нашел в себе достаточно сдержанности и не марал честных рабочих рук изысканными казнями тех, которые станут бессильны и ничтожны, как только он сознает свою силу, организует ее и употребит в дело. Прошедшее делает исполнение этого желания даже в некоторой степени вероятным. При всех победах демократии ее мстительность оказывалась всегда гораздо слабее мстительности противной партии. Может быть, это была ошибка; от которой народу следует исправиться и от которой он исправится, так что стих Луизы Мишель ¹¹⁶ «за одну жертву мы потребуем тысячи» может осуществиться при новой победе парижского народа. Великую тризну, может быть, отпразднует и русский народ в день своего полного господства на русской земле. Но, может быть, это милосердие демократии, начиная с Тразибула, овладевшего Афинами, до Парижской коммуны 1871 г., есть естественный, неизбежный закон социологии, который должен осуществиться, будет осуществляться и именно своим осуществлением указывает, где должна быть окончательная, прочная победа. Пишущий эти строки искренно желает, чтобы оно было так.

Но если оно не будет так, то победа все-таки должна быть одержана, все-таки желательна, все-таки одна прогрессивна. Число падающих жертв в этом случае зависит от накопившей злобы, от долговременности и изысканности притеснения. Не та жертва падает, которая заслужила судьбу свою. На эту судьбу обрекло ее своими действиями общество, к которому она принадлежала. В день, когда Россель¹¹⁷ и Ферре¹¹⁸ с их двумя товарищами падали под пулями на равнине Сатори¹¹⁹, каждый парижский буржуа, садясь за стол обедать со своими детьми, должен был спросить себя: не будут ли мои дети искупительными жертвами за сегодняшнее убийство? Природа неразумна, и история неразумна в своих частностях: очень вероятно, что останутся целы и Галифе¹²⁰, и Тьер, и вся эта кровавая, грязная сволочь, которую называть не хочется; удалось же умереть от болезни Муравьеву, Гайнау, Людовику, Наполеону¹²¹. Но в целом история разумна: за совершенное зло она в данную минуту возьмет свою долю жертв счетом голов, весом крови, суммой страданий. Этот расчет постигнет нынешнее общество космополитических эксплуататоров, постигнет нынешнюю императорскую Россию. Он постиг и екатерининскую помещичью Россию. Расчет был варварский, но его требовала история, потому что отношение помещиков к их крепостным было варварское; надо, впрочем, думать, что судьба нынешних эксплуататоров некрепостного населения России в пору их казни будет несколько сноснее, чем судьба их дедов-крепостников в год пугачевщины.

Расчет был варварский; но кто воспитал варварство в русском народе? Кто истязал его до того, что он потерял и должен был потерять всякую жалость, всякое человеческое чувство к своим истязателям?

Не та ли помещица, которая уморила ребенка кормилицы своего сына, чтобы этот барчонок не кормился одним молоком с «хамовым отродьем»?

Не другая ли, которая не давала соли своим «людям»?

Не тот ли помещик Скосырев¹²², который насиловал систематически своих крепостных?

Если эти люди погибли страшную смертью, то не сами ли они своими поступками подтвердили ту надпись, которую можно было прочесть над их телами, качавшимися на мачте: «Собачий род дворян»?

А какая малая, ничтожная доля злодеев, разорявших, продававших, проигрывавших, истязавших, ссылавших, убивавших своих крепостных, своих солдат, своих подчиненных, в это время погибла от мести народной!

Если счесть число народных притеснителей, народных кровопийц, погибших от руки народа в продолжение всего петербургского периода, и если бы можно было сравнить это число с массой жертв, ими загубленных в одно царствование Екатерины, то

едва ли читатель не нашел бы, что народ был весьма милостив в своей мести... Мы уже не сравниваем количества страданий, перенесенных в том или другом случае, потому что их смешно и сравнивать: разве страдание целой жизни сотен и тысяч крепостных у дурного помещика может идти в сравнение с мучениями, перенесенными в продолжение получасовой предсмертной агонии тою или другою личностью?

Кровавая, жестокая, варварская сторона пугачевщины была неизбежным элементом исторического бюджета екатерининской России. Пусть нынешние эксплуататоры русского народа стараются для себя и для своих детей, чтобы долг, который им придется уплачивать в неизбежную минуту расчета, был не так велик. Никто не знает, кому придется быть в числе плательщиков. История личностей не знает.

Но кровавые сцены пугачевщины столь же мало, как несостоятельность мотивов ее видимого начала, изменяют ее исторический смысл. Пугачевы, Чики, Перфильевы, Ивановы¹²³ были случайностью, как была случайностью форма казни того командира или этого помещика. Сущность пугачевщины лежала в требовании массами народа, массами тружеников себе господства на земле, где они одни трудятся; в требовании для всего народа средств существовать и развиваться. Земля должна принадлежать свободному крестьянству — таков был смысл народного движения, которое поднялось около белого знамени самозванца. Эксплуататоры народа должны погибнуть — вот был смысл кровавых казней, совершавшихся над дворянством и чиновничеством.

И этим началам принадлежит будущее.

Во-первых, будущее России. Земля будет принадлежать свободному русскому народу. Он будет иметь средства, нужные для человеческого развития. Его враги погибнут.

Во-вторых, будущее человечества. Орудия труда будут принадлежать трудящимся. Рабочие рук станут и рабочими мозга. Все, что эксплуатирует их, осуждено истории.

Как движение, ставшее на сторону народа, на сторону прав страждущих масс, когда лучшие умы, самые энергические деятели мира имели в виду лишь меньшинство, пугачевщина была событием с более широким, более прочным будущим, чем бостонское восстание, которое послужило точкою исхода для республики Северо-Американских Штатов, для декларации прав гражданина, для провозглашения прав человека. Это было пророчество будущего.

Екатерининская империя победила. Смелый самозванец не сумел организовать восстания. Он был четвертован. Кнут и пытка, клейма и виселицы, острог и каторга выпали на долю восставшего народа. Буря прошла. В бессилии народ стал ждать своего будущего...

«Я не ворон, — говорил Пугачев графу Панину ¹²⁴ при первом допросе, — я вороненок, а ворон еще летает».

Точно, он был вороненок, неумелый вороненок, не знавший, что за сила кроется в крыльях, которые поднимают над рутинным обществом того, кто становится представителем народных страданий, народного ожесточения, народных прав.

Он не умел управлять этими могучими крыльями.

Настоящий ворон будет знать силу своих крыльев, будет уметь управлять ими. Он несет на этих крыльях будущность русского народа.

Но долго ли этому ворону летать по поднебесью невидимым?

Неужели еще недостаточно гнили в русском императорском самодержавии, чтобы ворон спустился на мертвый труп и выклевал ему злые глаза?

Неужели еще мало лицемерия, мало страданий, мало неискупимого зла в земле русской?

Где летаешь ты, предсказанный, ожидаемый ворон?

Долго ли русскому народу ждать свое будущее?

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНЫХ УЧЕНИЙ

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ УЧЕНИЙ¹²⁵

I. План работы

Под этим заглавием мы намерены представить читателям ряд статей, ряд этюдов по истории социальных или, как их привыкли называть, социалистических теорий, как они вырабатывались и развивались в Западной Европе. Мы не имели в виду писать полную историю социалистического движения: такая история была бы, во-первых, преждевременна, так как далеко не все необходимые материалы находятся налицо и в достаточной мере обследованы, а, во-вторых, мы не считали ее соответствующею ни нашим силам, ни той цели, которую мы имели в виду, принимаясь за нашу работу. Нам предстоял путь двойного рода. Во-первых, мы могли провести в полной связи и целости историю социалистического движения, как оно проявлялось в развитии всего человечества; рассмотреть его в его зародыше, в его первоначальных, так сказать, доисторических формах, которые оно принимало у разных народов, проявляясь то в общинном владении землею, то в виде чисто коммуналистических обществ, в роде тех, которые и теперь существуют на некоторых островах Великого океана; мы могли изучать его постепенное развитие, чтобы этим путем уяснить основания его законов, исследовать его не только в его чисто теоретической борьбе против эгоистических форм общежития и против правительственной эксплуатации, но и в его жизненных проявлениях; мы могли следить за тем, в каких отношениях стояла мысль к практике, насколько первая опережала вторую, в какой мере если не улучшала ее, то содействовала ее улучшению; одним словом, мы могли представить строго научное изложение социального движения. Во-вторых, ограничиваясь одною только стороною его, стороною чисто умственную, мы могли приступить к решению вопроса о том, насколько оно, это социалистическое движение, было бы законно, не с юридической, разумеется, а с чисто исторической точки зрения, насколько оно было необходимо для доставления массам выхода из того жалко-

го положения, в каком они находятся теперь, положения, в котором они дают все, не получая взамен ничего, и служат богатою почвою для экспериментов разным Кавеньякам¹²⁶, Наполеонам и Тьерам; насколько это проявление социалистической мысли было проявлением созидательным, а не только чисто отрицательным, разрушительным; насколько, наконец, оно подготовляло и подготовляет почву для правильного решения задачи торжества труда над праздным эксплуататорством; задачи разрушения временного порядка вещей с его тупыми царями, лицемерными парламентами и биржевым разбойничеством; задачи замены этого порядка новым, справедливейшим общественным строем — всех этих задач, которые вызвали и вызывают столько горячих надежд и горьких разочарований, столько слепой и самой отвратительной ненависти.

Мы выбрали второй путь, — путь, который назовут, пожалуй, апологию; но читатели увидят, что наш этюд очень далек от того, чтобы быть апологиею в том узком смысле, какой обыкновенно придают этому слову, предполагая под ним всегда далеко не беспристрастное отношение к предмету исследования. Мы говорим, что настоящая статья не есть простая апология, так как цель наша заключается в том, чтобы показать, что те движения мысли, те проявления ее, которые носят название коммунистических и социалистических теорий, были в своем развитии ничем иным, как рядом попыток создать социологию, как науку, т. е. открыть законы развития и строя человеческих обществ и, на основании добытых законов, уяснить средства практической деятельности с целью устранить в данной системе учреждений, в данном общественном строе все те явления, которые мешают прогрессу и благосостоянию масс; устранить явления, превращающие прогрессивное развитие общества в круговое, вечно повторяющееся и не могущее найти выхода. Социалистические и коммунистические теории, в противность политическим, направлялись не на симптомы общественного зла, но стремились побороть то, что, коренясь в данном строе общества, составляет основную причину, его вечных судорожных движений, безудержной и бесплодной борьбы, в нем совершающейся; причину возможности еще больше эксплуатировать массы; причину торжества политических доктринеров и лицемеров всех партий, всегда враждебных настоящему прогрессу, всегда изобретательных на громкие слова и на эмпирические средства, всегда готовых лечить симптомы общественной болезни и возмущенных самою мыслью о радикальном социальном перевороте; эти господа стремятся лишь к тому, чтобы захватить власть в свои руки и затем производить над массами свои эксперименты, какого бы рода они ни были — бойня ли во имя порядка, или вечная анархия во имя громких слов политической революции. Мы думали, что этим путем мы не только докажем историческую необходимость, неиз-

бежность и разумность социалистического движения, но и уясним, при каких условиях и в каком виде оно может рассчитывать на успех...

II. Религиозные социалисты

Рассматривая историю умственной жизни человечества, изучая ее в ее проявлениях, мы замечаем, как это сказал Огюст Конт, тройкого рода формы, которые она принимала в своем постепенном развитии, именно — формы мысли теологической, метафизической и научной.

Ранее всего мы встречаем форму мысли чисто теологическую, религиозную; форму, в самой своей сущности заключающую признание известного авторитета, которому поклоняются и верят, противоречие которому считается преступлением. Здесь перед нами первая слабая попытка человеческой мысли объяснить существующее, создать ряд формул, вмещающих в себе всю сумму знаний и практических стремлений, всю систему и человеческих отношений, и человеческой мысли. Знаний у человека было тогда крайне мало. Стремления его были крайне неясны, большею частью инстинктивны. Тем не менее, уже тогда он чувствовал необходимость знать источник явлений, его окружающих, чтобы овладеть ими в свою пользу. Уже тогда над большинством страждущих и эксплуатируемых стояло меньшинство, захватившее себе все наслаждения и выгоды общественной жизни; это меньшинство составляло власть, эксплуатировало других в свою пользу и начинало в доисторическом обществе тот длинный ряд священных жреческих каст, военных аристократий и монархий, коммерческих и промышленных монополистов, который до нашего времени делал из истории каторгу народов, проливал реки и моря крови и создавал блестящие результаты исторических цивилизаций из страданий большинства человечества. С первых обществ человеческих начались страдания, начался и протест, сначала инстинктивный, потом более и более сознательный, против несправедливого строя общества. Именно в религиозном веровании находило страждущее человечество первого времени единственно возможную для него форму мысли, которая заменяла ему недостающее знание и удовлетворяла, хотя бы призрачно, протесту против зла, давившего со всех сторон на большинство.

Человек в этом периоде своего развития знал, хотя и смутно, лишь себя, т. е. свои желания, стремления и привычки. Он неизбежно их переносил и вне себя, наполнял видимую природу и невидимый мир существами, подобными себе, только одаренными знанием и силой, которых не доставало ему, слабому и нежественному человеку. Прежде всего самые предметы природы стали в воображении человека живыми существами, к которым обращены были молитвы и заклинания, которые гневались на человека и посылали ему несчастье или становились его надежны-

ми помощниками. Впоследствии над мертвыми предметами вещества, над бессильным миром видимого и осязаемого, вознеслись невидимые духи, всемогущие боги; представители сил природы все-таки в человеческом виде. По образцу эксплуататора патриарха, тирана-царя, над земными мучителями вознесся фантастический трон невидимых эксплуататоров, всесильных тиранов, которые могли мучить и наказывать владык земных еще лучше, чем те истязали подчиненные им племена и народы. Протест против тяготеющей власти был удовлетворен тем, что и ей было кого бояться. Произвол и случайность царили в человеческих обществах; произвол и случайность были руководящими началами и фантастических миров всех религиозных построений. Разбойничья власть государей и аристократий могла уничтожить человека, отнять у него все или осыпать его милостями не по заслугам, а по благоволению. Точно так же боги, созданные человеком, могли сегодня послать ему болезнь и несчастье, завтра поставить его в ряды сильнейших эксплуататоров, и опять-таки не по заслугам, а потому, что такова была его воля, из зависти к умному и сильному, из желания нагадить счастливцу, испытать твердость души праведника. В этом отношении все религии были одинаковы; вера островитян Тихого океана и слушателей Илиады в Греции вызвала подобные же представления, как еврейский иеговизм или христианство времен Августина, или кальвинизм XVI века. Детей Иова еврейский Иегова убивал с такою же бестолковою жестокостью, с какою Аполлон¹²⁷ избивал детей Ниобеи¹²⁸. Христианский бог обрекал во имя своей *благодати* в самую минуту рождения большинство человечества на смертный грех и на вечные мучения с таким же безжалостным произволом, с каким идол Финикии требовал перворожденных детей в свои огненные объятия и требовал, чтобы отцы и матери смеялись и пели, когда их дети гибли в огне. Дело было лишь в том, что пред этими всемирными тиранами трепетали и земные тираны; дело было в том, что униженный крепостной средних веков видел в картинах Орканьи¹²⁹, как черти тащили в ад герцогов, королей, епископов и пап на мучения, которые он предполагал хуже своих мучений; дело было в том, что пуританин, идя на костер в Англии времен Марии Тюдор¹³⁰, был уверен, что сама Мария Тюдор и все, что ее окружает, будет вечно жариться на вечном огне; дело было в том, что раскольник, которого жгли в срубе, был убежден, что через несколько минут он будет блаженствовать и смотреть с наслаждением из лона Авраама¹³¹, как будут корчиться на адских жаровнях и бесовские синоды, и антихрист-императоры, и весь их безбородый синклит пиявок-чиновников и раболепных царедворцев. Религия давала надежду равенства в мучениях и наказаниях земным тиранам. Это была элементарная форма протеста против несправедливости общественного строя.

Но религиозная форма мысли, по самой своей сущности, вы-

зывала класс посредников между невидимым сонмом всемогущих тиранов мира и толпою верующих, которые не могли вступить в прямые сношения с повелителями вселенной, которым было не под силу разгадывать значение громового голоса Зевса¹³² или всматриваться в пылающую купину, где проявлялся Иегова. Лишь исключительные личности могли сделаться подобными посредниками. То были шаманы, подготовившие себя к магической деятельности таинственными обрядами. То были пророки, которым еврейский бог сообщал непосредственное откровение. То были христианские иерархи, которых таинство священства выделяло из толпы мирян и вводило в ближайшие сношения с духом святым. Авторитет этих посредников между богами и людьми не мог не быть громаден. Верующие должны были им повиноваться слепо и беспрекословно. По их слову приносились человеческие жертвы; совершались отвратительные обряды, женщины отдавали свое тело, аскеты оскотничались, народы шли в безумные крестовые походы, рабы терпели своих повелителей, брат доносил на брата, любовница на любовника; безнравственные учения и безнравственная жизнь могли быть и действительно были столь же священны для общества, как и самые возвышенные задачи теории и практики.

Таким образом, человеческая мысль и действительность в период господства религиозной формы мысли определялись двумя факторами: во-первых, теорией случая и произвола богов; во-вторых, авторитетом класса посредником между этими невидимыми существами и человеком. Оба эти фактора обессиливали страждущие классы и делали бесплодными слабые попытки масс и отдельных лиц расширить свою умственную деятельность или улучшить свое общественное положение. Конечно, сама жизнь увеличивала объем знания, накапливала факты и неизбежно вела к большему их обобщению, но, пока религиозная мысль господствовала в обществе, в нем преобладало стремление к застою, к неподвижности. Теория чудесной случайности и произвола богов, принцип подчинения священному авторитету жрецов не давали никакого толчка мысли, противодействующего этой неподвижности. В то же время священные авторитеты закрепляли и усиливали неравенство общественных положений, увеличивали разделение между имущими и неимущими классами, между владыками и подвластными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Все завоевания культуры, все приобретения мысли обращались в пользу господствующего меньшинства, и каждый успех цивилизации, увеличивая удобства жизни этого меньшинства, отодвигал далее от него страждущее большинство. С большою определенностью выступала раздельность общественных классов. Одним выпал на долю ежедневный, неисходный мышечный труд и страдания, другим — досуг с возможностью увеличить свои наслаждения на счет труда первых. В глазах эксплуататоров и тружеников

мышечный труд становился позором для человека, наказанием Божиим, наложенным на него за старинный грех, совершенный его прародителями. Над кастой презираемых рабочих возвышались касты тех, которым досуг дал время для труда нервного, умственного, для развития своих знаний, для расширения своей мысли.

Между двумя этими главными подразделениями общества была проведена резкая грань; их отделяла пропасть, становившаяся тем больше, что взаимная ненависть пускала все более и более глубокие корни. Чем шире развивалась цивилизация, тем эта пропасть, а вместе с нею и ненависть росла. Труд низших классов становился невыносим, потому что картина жизни и наслаждений избранных общества вызвала в умах масс все новое чувство зависти, все новые потребности, прежде неизвестные. В низших классах все более и более усиливалось недовольство своим состоянием, потребность выйти из того положения, в какое был поставлен народ. Но то было смутное, неопределенное сознание тягости своего положения. Человек чувствовал страдания, но он не видел средств выйти из них. Его труд дал досуг для деятелей мысли; они, благодаря вековой каторге масс, создали стройные мирозерцания, но эти мирозерцания были бессильны для разрешения самого существенного вопроса общественной жизни, — вопроса о справедливейшем строе общества.

Тогда стали являться у разных народов, в разных местностях новые пророки, воплощения старых богов или их посланники, Христы, с проповедью, обращенною к низшим классам общества, с проповедью, имевшею в виду уничтожить неравенство классов, уменьшить страдания большинства или, по крайней мере, утешить его надеждою на лучшее будущее в фантастическом мире загробной жизни. Эти еретические проповедники, Христы, общественные агитаторы, требовали перестройки общества во имя религиозных начал. Таков был Будда-Сакьямуни¹⁸³ в Индостане, отрицавший разделение каст; таковы были апостолы евангелия, проповедники приближающегося конца мира и тысячелетнего царства Христова, отрицавшие частную собственность и неравенство классов античного общества; таковы были многочисленные ереси средних веков, отрицавшие католическую и православную церковь с их иерархиями, а вместе с тем и феодализм с его сословными делениями; такова была в разной степени оппозиция общественному строю — проповедь богомилов¹⁸⁴, таборитов¹⁸⁵, гернгутеров¹⁸⁶, квакеров¹⁸⁷. Всюду здесь присутствовало сознание, лежащее в основе всякой социалистической агитации, сознание несправедливости наличных форм общественного строя, в особенности же наличного распределения имущества; затем присутствовало стремление исправить так или иначе эти несправедливые формы, заменить путем нравственной или полити-

ческой революции существующее распределение имущества иным, лучшим.

Но никогда победа не была, да и не могла быть, на стороне этих религиозных социалистов. Теологический строй мысли подрывал в самом корне созданные ими теории. Неумолимый ход жизни превращал все их попытки осуществить свои общественные идеалы в неподвижный, мертвящий строй, где положение масс как будто улучшалось формально, но нимало не изменялось относительно суммы переносимых страданий. Принцип авторитета, проникавший насквозь эти религиозно-социалистические теории, подрывал в них всякое общественно-прогрессивное значение. Во всех их развитии мысли было подавлено теориею чудес, теориею непрестанного вмешательства верховного существа в им же созданный порядок, вечно требовавший починок и переделок. Во всех христианских сектах и ересьх сюда прибавлялось еще развращающее влияние проповеди греха и самоуничтожения, проповеди, которая отрицала в корне всякое революционное движение в массе верующих, а так как положение народных масс до сих пор улучшалось и могло быть улучшено исключительно путем революций, то христианская проповедь приводила своих последователей к неизбежному противоречию с собственным верованием и лишала христианское общество всякой возможности создать для масс сколько-нибудь сносное положение. С одной стороны, все теории христианского социализма не указывали средств для применения к жизни их правил, потому что эти правила, как и самые теории, не носили на себе, да и не могли носить, практического характера. Являясь результатом мирозерцания, приписывавшего все произволу бога и его чудесному вмешательству, эти социалистические теории сами создавали правила и предписания, носившие тот же характер случайности и произвола. То были универсальные лекарства, обладавшие будто бы сами по себе какою-то чудесною силою прекращать болезни, истреблять с корнем страдания. Правила: люби ближнего, как самого себя, разделяй с ним все, потому что это не есть твоя собственность, а божеский дар, данный всем людям, — могли создать и создали лишь благотворительность, послужившую к еще большему разделению и обособлению человечества на классы, на касты, но не могли переменить строя общественной жизни. С другой стороны, как и всякая богословская теория, опирающаяся на уважение к авторитету, они прямо проповедывали подчинение авторитету духовенства, как посредника между богом и людьми. В руках пап и епископов сосредоточивалась громадная власть. Они оказывали самое сильное влияние на общество. Они были источниками божественного знания. Они были и обладателями значительной доли общественного имущества. В руках средневекового католического духовенства была возможность разрешить те социальные вопросы, которые задавало время. Оно и решало их сообразно соб-

ственным побуждениям, иногда действительно в духе социальной революции сверху. Случалось, что папы, подобно Александру III¹³⁸, издавали буллы, уничтожавшие крепостное право, или, подобно Григорию VII¹³⁹, давали толчок движению городских общин. Но, во-первых, они делали это большею частью в виду борьбы с опасными противниками; во-вторых, эти факты были неизбежно уединены, а не входили в целую систему социально-политической деятельности. Лишь для избранных, для людей, аскетически преданных идее греха и отречения от скверны мира, христианство указывало средства иной жизни, но самый идеал подобной исключительной жизни был вполне фантастичен, отрицал основные человеческие потребности и не имел ничего общего с реальной жизнью, которая шла в замках, городах и деревнях феодальной Европы; с жизнью, где тот, кто был силен, был прав, где слабому приходилось обращаться чуть не в раба, чтоб спастись от полного ограбления. Для своих избранных христианство создало монастыри с коммунистическим началом жизни, монастыри, где не было собственности, где все было общее, где неравенство между аскетами не должно было существовать.

Но все это совершалось во имя принципа отречения от мирской общественной деятельности, во имя начала, убивающего в корне всякую общественную инициативу, во имя идей, глубоко антисоциальных; для христианского аскета труд не был делом, достойным уважения, не был экономической основой общества; это была кара божия потомству Адама, дерзнувшего вкусить от плодов древа познания добра и зла; это было самомучение, наложенное на себя аскетом, как средство достигнуть иной, лучшей жизни, где-то за гробом, в христианском рае, среди вечно поющих ангелов и вечно умиляющихся святых.

Понятно, к каким результатам могли повести и действительно повели подобные системы: в два-три поколения монастыри, основанные на богословско-коммунистических началах, превращались в притон отупения, сребролюбия и разврата. Христианское духовенство, неизбежно захватив в свои руки школы, проповедь, официальную литературу, нравственное влияние, по самому характеру христианской веры в чудесное и христианского учения о смирении пред авторитетом, становилось в полное противоречие со всякою новою идеею, со всякою новою потребностью, являющеюся на свет. Православие и католицизм одинаково имеют в себе стремление к неподвижности в области мысли, к общественному застою на теократическом или византийском строе общества; христианское духовенство стремилось губить всякое свежее проявление жизни, проклинали и казнили и тех, кто осмеливался отрицать его духовный авторитет, и тех, кто, подобно венецианской аристократке, забирал в нечестивую голову богопротивную мысль есть мясо не руками, а вилок. То, что духовенство вносило в свою проповедь, что оно считало истиною,

должно было быть истиною и для всех. Потому, если католицизм благоволил распространять благодеяния своего социалистического режима на массу, как то сделали иезуиты в Парагвае, то масса обращалась в тупое орудие его воли, работала и веселилась из-под палки, обращалась в послушное стадо, вполне утратившее и волю, и разум. Христианский социализм являлся, таким образом, не только чуждым действительному прогрессу мысли и жизни, а и прямо враждебным, задерживающим началом.

С своей стороны, самая ежедневная жизнь, с ее формами и условиями, хотя и отрицала, во всех его принципах, христианский идеал, но точно так же отрицала общественное достоинство труда, точно так же черпала все свои идеалы переустройства общества из мертвой буквы священных христианских источников. Промышленная организация, эта главнейшая причина, или, вернее, главнейший повод к возбуждению и развитию социальных вожделений, тогда существовала только в зародыше. Она проявлялась лишь в том или другом городе: в Италии, в каком-нибудь Лионе. Уже тогда она порождала, правда, столкновения и борьбу масс с богатым классом, сумевшим устроить свою жизнь на счет труда бедных сословий; уже тогда инстинктивно бродили в массах идеи социального переворота. В Италии шла упорная борьба между буржуазией и рабочими, создававшими республики, в роде Сиенской (в XIV в.).

Буржуазия и тогда, как и теперь, топила в крови попытки рабочих создать себе более сносную жизнь, как подавляла флорентинская буржуазия восстание и своих, и сиенских рабочих. Но здесь это стремление проявлялось отрывочно, было лишено всякой руководящей идеи, не связывалось даже с теми идеалами, которые проводили христианские богословы. Народы Европы были в массе чисто земледельческим сословием. Земля, земледелие составляло все, и грубые бароны находили полную возможность ставить на свои обеденные деревянные столы быков и свиней, бочки вина, выделанные руками их крепостных. Ни об утонченности жизни, ни о потребностях, связанных с ее удобствами, не было и помину. В уме любого барона и в уме крепостного земля была единственною кормилицею. Владеть ею, пользоваться безраздельно ее продуктами было заветною мечтою всех.

Крестьянин, как и барон, его владелец, одинаково враждебно относились к иным формам жизни, находившим себе место в городе, среди формирующейся буржуазии. Для крестьянина эта буржуазия являлась еще более ненавистной, чем для барона, потому что он чувствовал себя перед нею еще более бессильным. Если буржуазия, города получали перевес в известной стране, замещали собою знатъ, баронов, как-то случилось, например, в Италии, то положение крестьянина становилось от того не более выгодным. В феодальной стране два рассорившиеся барона топтали его поле, разоряли его хижину, убивали мужчин, насиловали

женщин; в стране буржуазной, какова была Италия и отчасти Франция, роль баронов играли города, — Милан, например, начинал войну с каким-нибудь Лоди или Александриею, и все поля крестьян, вся жатва вытапывались буржуазными войсками с такою же ловкостью и искусством, как будто бы это было сделано вторгнувшимися в страну варварами. Если и случалось, что буржуазия соединялась с крестьянами в борьбе с общим врагом, аристократиею, то это было только на время. Всегда почти дело крестьян было проиграно, потому что буржуазия оставляла крестьян в самую решительную и горячую минуту, как то сделала она, например, во Франции в XIV веке, во время жакерии¹⁴⁰. Предки будущих капиталистов и промышленников воспитывали в себе тот беззастенчивый эгоизм и то систематическое предательство, которые сделали их в наше время господами биржи, ворами в самых обширных размерах, первостепенною силою, с которою приходится считаться и отупелой аристократии, и кровопийцам народов, монархам, и парламентам в их политических соображениях.

Но страдания крестьянской массы были велики и вместе всеобщими. Невозможность пользоваться вполне ни плодами своего труда, ни своею женою, ни даже своею собственною личностью были явлением всеобщим, повсюду вызывавшим более или менее сильный протест. Действительно, вся история средних веков наполнена рассказами о крестьянских бунтах, об этой самой элементарной форме социального протеста. Крестьяне восставали в Нормандии и в Пикардии, и подле Парижа, и подле Лондона. Благодаря своей всеобщности и интенсивности, эти бунты не были только взрывом совершенно бессмысленным, без руководящей идеи, не были результатом только простой ненависти к богачу, к владельцу, что было общим явлением в тогдашних городах. Они совершались во имя известной идеи, под руководством известных принципов. С одной стороны, это было стремление упрочить за собою право на пользование трудами; на пользование землею, стремление повсюду ввести крестьянское земледельческое равенство. Это, например, выразилось в полной мере в германских крестьянских войнах XV и XVI веков, где крестьяне стремились разрушить не только феодальный строй, но и зарождающуюся промышленную городскую жизнь. То было с их стороны стремление упрочить на твердых, незыблемых началах натуральное хозяйство в противоположность денежному, промышленному, так что Лассаль даже признал это движение прямо реакционным. То была одна сторона движения. Рядом с нею в самой тесной связи стояла другая, еще сильнее подрывавшая силу движения, еще резче, чем первая, вносявшая в это движение элемент старого, отжившего мира и мешавшая торжеству эксплуатируемого страждущего большинства в борьбе его против притеснительного государственного строя, его давившего.

«Мы — все братья, — проповедывал крестьянской массе Томас Мюнцер ¹⁴¹ (а это проповедывали и все другие друзья народа того времени), — мы — все братья, все имеем одного общего нам всем отца в Адаме. Откуда же вытекает это различие в состояниях, эта разница в богатстве, которую тирания ввела между нами и сильными мира сего? Зачем нам вечно страдать от бедности, быть удрученными трудами, когда другие утопают в роскоши? Разве мы не имеем равного со всеми права на землю, которая должна быть разделена поровну между всеми людьми? Земля — общее достояние, где нам принадлежит часть, похищенная у нас. Отдайте нам вы, богачи, жадные ростовщики, то, что вы удерживаете не по праву! Мы имеем на нее право не только как люди, но также как и христиане. Разве при начале христианства апостолы не раздавали денег, полученных ими, приносимых к их стопам, всем нуждающимся бедным? Неужели мы не узрим снова этого счастливого времени?»

В этих последних словах высказывается вполне ясно, насколько возмущившиеся крестьяне действовали под влиянием богословских представлений христианства. Эти представления, в силу своего богословского характера, раз примененные к жизни, неизбежно должны были дать те же фальшивые, вредные результаты, какие дало и христианство вообще со своим отречением от мира, со своим презрением всего земного; те же результаты, которые оказались в средневековых монастырях. Вопрос о социальном перевороте во имя безусловного авторитета священного писания, во имя чудесного вмешательства неограниченного деспота мира в человеческие дела был, по самой своей сущности, так ложно поставлен, что социалистические общества, построенные под этим влиянием, должны были дать почти всюду самые уродливые результаты. История всех еретическо-социалистических движений, вызванных оппозицией против средневековой церкви, подтверждает это положение.

Пример братьев моравских ¹⁴², так называемых гутеритов ¹⁴³, успевших применить свои теории к делу, служит для нас лучшим указателем того, к чему пришло бы человечество, если бы попытки еретико-христианского социализма могли осуществиться в жизни; в большинстве случаев они создали бы обширный монастырь, в роде тех, какие создала католическая церковь, затормозили бы, может быть, надолго умственный прогресс, не улучшая несколько материального положения масс; усилили бы удушающий богословский элемент в общественном строе, а вместе с тем упрочили бы и те губительные последствия, которые приводит с собою его преобладание.

Действительно, не восстает ли перед нами уродливая монастырская средневековая коммуна, искажающая все человеческие потребности, когда мы читаем сведения, сообщаемые нам современными историками о колониях моравских братьев, как они

вырабатывались в период времени с 1527 по 1530 год, в эпоху, когда эти колонии процветали? Жилища братьев всегда были располагаемы в деревнях, так как земледелие составляло главный предмет их занятий. Высокий палисад отделял колонию от всего остального мира. Посредине колонии выстраивалось здание, предназначенное для общих работ, общих обедов и ужинов. Тут была столовая, были и залы, где шла промышленная работа. Подле стоял дом для детей колонистов; еще далее, отдельно, общественная школа. Управление находилось в руках архимандрита, обязанность которого заключалась в надзоре за распределением продуктов между членами колонии и за строгим и неукоснительным исполнением устава. Ниже его стоял эконом, избиравшийся ежегодно и собиравший доход колонии. Жизнь членов коммуны была заранее определена; никто не мог уклониться от исполнения даже самого мелкого постановления. Рано утром, в один и тот же час, все члены вставали и немедленно же отправлялись на работу, под надзором своего архимандрита. Окончание работ возвещалось звонком, призывавшим их также к столу. Длинной вереницею тянулись все они, мужчины и женщины, все без исключения одетые в платья одного и того же цвета, одного и того же покроя, в столовую, где глава их читал молитву и где все члены по данному им знаку занимали назначенные им места. В зале водворялось гробовое молчание. Считалось величайшим преступлением разговаривать за столом; виновник, если он оказывался, был подвергаем суровому наказанию, которое налагалось архимандритом. Возражения, апелляции не были дозволены: архимандрит был безответственным главою, бесконтрольно управлявшим всем и вся. Экономы каждой колонии, собиравшие их доходы, были обязаны отдавать отчет лишь главе; никто не знал, кроме этих лиц, как велики доходы колоний. Подчиненность членов главе доходила до того, что они собственною волею не могли даже выбирать себе жен. Глава колонии вел список всех лиц обоюбого пола и издавал распоряжения относительно вступления их в брак. Вообще самый старший из молодого мужского поколения обязан был жениться на самой старшей из девушек. Несходство характеров, отсутствие взаимной привязанности не принимались в расчет.

Отсутствие критики, подавляющее религиозное чувство лежало в основе этой христианской коммуны. Их сила и интенсивность одни и поддерживали ее. Пока члены находились под влиянием любимых проповедников, пока они были наэлектризованы их словом, — дела коммуны шли хорошо. Но это продолжалось недолго. Одни и те же причины, приведшие к нравственному разложению монастыри, привели и коммуны гутеритов к полному падению. Строгий монашеский устав стал нарушаться на каждом шагу. Члены стали утаивать от экономов часть произведенных ими продуктов, чтобы в обмен за них приобрести лучшие

платья и мебель. Насильственные принудительные браки привели к страшному разврату. Скудность и простота пищи породили повальное пьянство. Стеснение мысли повело к вечным спорам, мятежам и расколам. Уже скоро после основания коммун многие из них должны были ликвидировать свои дела, и Германия увидела массу пилигримов-бедняков, просивших по дороге милостыни. Швейцарцы, члены уничтожившихся коммун, устремились толпою к себе, но здесь их встретили враждебно. Цюрихский сенат запретил им возвращаться на родину. «Эмигранты; — говорится в акте, составленном сенатом, — лишь удручают своим присутствием свои семейства».

То, что произошло в среде моравских братьев, было общим явлением во всех тех коммунах, которые были построены на религиозно-христианских началах, на принципе подчинения и авторитета. Буржуазные историки, конечно, постоянно повторяют, что этот быстрый упадок зависел от самого существования коммунальной жизни, приводящей, по их мнению, неизбежно и во всяком случае к разложению. Доказывать подобное положение по отношению ко всякого рода общинной жизни, не принимая в расчет тех начал, на которых она основана, было бы нелепо, тем более, что нет ни исторических, ни теоретических данных для доказательства подобной мысли. Но несомненно, что повсюду, где коммуна создавалась под влиянием христианско-религиозного склада мысли, ей всегда грозила и будет грозить одна и та же участь, потому что на почве авторитета не может быть построен справедливый строй общества; потому что отсутствие критики в области мысли не позволяет существовать и в области общественной перестройки правильной критике и обдуманному плану; потому, наконец, что социалистическая революция, начиная борьбу против эксплуататоров-собственников и против давящего государства, может успеть в этой борьбе, лишь опираясь на все силы человеческой мысли.

Понятно из всего сказанного, что религиозно-социалистические теории первого периода развития человеческой мысли не могут составить подробный предмет нашего исследования, так как они представляют инстинктивный протест человечества против несправедливости общественного строя, но не заключают ни одного рационального элемента, который впоследствии мог бы лечь в основу научной теории общества, так как религиозный и научный склад мысли диаметрально противоположны, сходясь лишь в тех бессознательных элементах, которые были доступны и доисторическому человеку в его первобытных попытках удовлетворить своим основным потребностям. Эти основные потребности справедливого общежития, которые удовлетворялись в доисторической общине и служили исходною точкою всему социалистическому движению в человечестве, эти основные потребности удовлетворялись и религиозным коммунизмом монастырей и еретических

общин, и первоначально-христианским отрицанием частной собственности. Но развитие социалистической мысли, как философской подготовки научной социологии, было совершенно чуждо всем формам религиозного социализма. Великая борьба труда, понятого как основной элемент общественного строя, против господства частной собственности, основанной на хищничестве, против господства капитала, основанного на истощении рабочей силы, и против господства государства, основанного на принудительности, — эта борьба могла привести к торжеству труда над его врагами лишь в таком случае, когда из общественных идеалов были бы удалены все элементы, враждебные полному развитию ясного понимания и энергического стремления к реальным жизненным целям. Мы остановились на проявлениях религиозного социализма, во-первых, потому, чтобы показать настоящий его характер, а, во-вторых, с тою целью, чтобы при дальнейшем изложении социалистических теорий, выработанных в период развития научной мысли, показать, как сильно еще иногда отражался в них склад мысли религиозной, как часто он влиял на построение этих теорий.

В рассмотренный нами период три причины препятствовали развитию рациональных теорий социалистического общественного строя и осуществлению, хотя бы частному, эмпирических попыток социалистического переворота. Во-первых, религиозный строй мысли был враждебен всякому рациональному построению подобного рода. Во-вторых, авторитет священного сословия мешал организовать протесту рабочих масс. В-третьих, господство экономического представления о земле, как единственном богатстве, полное преобладание натурального хозяйства над промышленным вносили в социалистические теории и в попытки социалистических революций ложные экономические начала. Понятно, что почва для социалистического прогресса могла быть подготовлена лишь подрывом тех общественных начал, которые пользовались этими тремя элементами, именно: во-первых, подрывом религиозного строя мысли вообще в обществе, как в организованной церкви, так и в разных формах ересей, наконец, в господствующих мирозерцаниях; во-вторых, подрывом авторитета духовного сословия, как особенного, организацией науки и литературы вполне светской; наконец, в-третьих, развитием промышленности и денежного хозяйства, которое отодвинуло бы землевладение и натуральное хозяйство, как источники благосостояния, на второй план. Старый порядок должен был быть разрушен с падением этих трех его опор.

Вопрос заключался лишь в том, как и какими силами могло быть произведено разрушение старого порядка. Созидательною ли критикою мысли, которая выставила бы новые общественные принципы и во имя их организовала бы новый строй в то же время, как она подрывала старый? Или это должно было быть де-

лом исключительно отрицательной критики, которая противопоставила бы существующему общественному порядку не новое связующее начало, а личную, обособленную мысль, личное стремление к свободе и независимости в мысли и в жизни, личное отрицание всякого традиционного верования, всякого стеснительного авторитета, всякой формы экономического строя, связующего личность с местом, с территорией, с куском земли? Отрицательная критика представляет превосходное орудие для разрушения всех абсолютизмов и авторитетов, религиозных и политических, но она приводит окончательно лишь к разложению и оставляет личности в неисходной борьбе мнений, стремлений и интересов, не давая никакого средства для создания нового, лучшего строя. При этом подобный результат — окончательная борьба всех против всех — обрушивается, конечно, всю свою тяжесть в особенности на самый бедный, на рабочий класс, доводя его страдания до максимума. Улучшение общественного строя возможно лишь тогда, когда рядом с отрицательной стороной критической мысли работает и организующая, рядом с анализом старого идет синтез нового. Лишь тогда эксплуататоры большинства, именно представители государственного и религиозного авторитета, защитники традиции, монополизаторы собственности, капиталисты и правительства, имеют перед собою врага, который может противопоставить существующему порядку вещей задачу нового, лучшего порядка и организовать социальную революцию в пользу большинства.

Но средневековый порядок стал разрушаться не под напором сознательного нападения отрицателей или теоретиков лучшего строя. Ряд событий выказал его несостоятельность, и одновременно он начал подгнивать, оседать, рушиться в своем содержании, между тем как формально он остался господствующим еще на долгое время. В текущий период религиозная мысль давно потеряла влияние и в теоретической, и в практической области; ни один ученый не ссылается уже на книгу Бытия или на Евангелие; ни один судья не приводит заповедей в подтверждение своего решения; но формально до сих пор христианство официально признано высшею и единственною истинною государствами и господствующими классами европейского общества. Авторитет духовенства давно побледнел пред авторитетом министров и парламентских ораторов, юристов и адвокатов, ученых академиков и редакторов влиятельных журналов, но вопросы о церкви и о ее отношениях к государству, о юридических правах сект и признанных религий все еще рассматривают совершенно серьезно в прениях парламентов и в полемике прессы. Натуральное хозяйство давно уже утратило свое экономическое преобладание; феодалы биржи оттеснили на второй план землевладельцев; но до сих пор во многих странах Европы родовая аристократия, т. е. крупные землевладельцы и их потомки, занимает первое место в иерар-

хий политического строя. Падение трех элементов средневекового строя произошло постепенно в такой период, когда они все еще казались большинству влиятельных личностей в обществе существеннейшим и необходимым содержанием всякого общественного строя. Вследствие того организующая критическая мысль долго не противопоставляла средневековым общественным теориям никакой новой теории, и несколько веков прошло до тех пор, пока рабочий социализм выступил в наше время с органической теорией будущего общества, с теорией, во имя которой, как высшей истины, он требует разрушения государства, ликвидации экономических отношений, полной революции существующего, но отжившего порядка вещей. За отсутствием организующей критики, в присутствии распада средневекового строя, началась деятельность критики отрицательной, разрушительной, которая противопоставила религиозной мысли научный анализ, средневековому общественному идеалу — безусловный принцип индивидуализма, опирающегося на букву закона и буржуазной конституции, феодальной собственности — биржевой ажиотаж и капиталистическое производство.

Отрицательная критика индивидуализма господствовала почти безраздельно до первых десятилетий нынешнего века.

Мы остановимся некоторое время на рассмотрении этого фазиса человеческих попыток решить общественные вопросы, так как в нем мы всего удобнее увидим различие созидательной работы социалистической мысли нашего времени от эмпирических приемов политической мысли предыдущего периода, в форме ли конституционно-буржуазных или радикально-революционных тенденций. Эти тенденции, имевшие еще значение до конца прошлого века, пока шла работа разрушения и отрицания богословских и феодальных средневековых общественных форм, выказали в наш век свое полное бессилие внести какой-либо организующий, созидательный элемент в современное общество; с каждым годом, при каждой политической катастрофе они оказывались все более несостоятельными и, наконец, в последние годы (особенно во Франции) заявили свою полную неспособность решить трудные социальные вопросы, со всех сторон возникающие пред современными деятелями. Отрицательная критика прежнего времени, разложившая средневековый строй, когда он сам собою оказался бессильным отстоять себя, обратилась с теми же отрицательными приемами и к новому, организующемуся строю социализма.

Прогрессивное начало предыдущего периода неизбежно сделалось реакционным, когда оно противопоставило эгоистический индивидуализм задаче построить рациональное общество, опирающееся на понятие права труда. Все политические конституции и революции потеряли смысл пред растущей волною социальной революции, которая стремится не только снести старые

формы легального государства, капиталистической эксплуатации и буржуазных отношений, но поставить на их место новые формы, воплощающие живой организующий идеал социализма.

III. Политические метафизики

Принцип отрицательной критики индивидуализма находился в прямом и резком противоречии с теми началами, которые лежали в основе теологического строя мысли. Личность противопоставляла внешним живым авторитетам богов, пророков, библий, пап, раввинов, брахманов безусловное право своего личного убеждения, в отвлеченной форме метафизической идеи свободы, независимости, всеобщей конкуренции, научной истины, отдельной от жизни, весьма практической меры, не имеющей ничего общего с научной теорией, политической комбинации, годной для всех времен и народов, естественной религии, естественного права, безусловно справедливого закона и т. п. Наступал второй контовский фазис: метафизические приемы в общественном мышлении сменяли приемы богословские.

Отличительная черта европейской мысли, как она проявлялась в области теории в XV, XVI веках или у философов-идеалистов позднейшего времени, как она проявлялась в общественных вопросах во весь этот период до последнего времени, заключалась в чисто метафизическом складе, т. е. создании ряда общих представлений и идей чисто абсолютного свойства, которым приписывается роль действующих агентов, способных, в силу своего качества, производить те или другие изменения, то или другое влияние. По учению Огюста Конта, этот склад мысли являлся всегда как необходимая переходная ступень от теологического мировоззрения к научному, и потому, оказываясь по своему направлению враждебным старому строю мысли, он в то же время сохранял и некоторые из его отличительных черт. В сущности, это было не более как замена богов, управителей мира, общими отвлеченными идеями, которые обладали тем же влиянием, каким обладали и боги: лишь в том, что метафизика отбросила всякий антропоморфизм, и лежала коренная разница двух мировоззрений. В области явлений природы человеческий ум, под влиянием этого склада, создал ряд общих понятий, в роде, например, природы, жизни и т. п., которые являлись как нечто само по себе существующее, абсолютное, дающее объяснение всему. Если причина явления известна, объяснение становилось легко, так как *природа*, как общность, своею деятельностью, своим вмешательством — только вмешательством постоянным и правильным — давала требуемое объяснение. В трубке вода поднимается до известной высоты; причина явления была ясна для метафизика: природа боится пустоты. В области общественной, политической ту же роль играли те абсолютные идеи, которые приводили в дви-

жение массы; идеи, которым верили, на спасительное действие которых возлагали самые широкие надежды; благодаря вере в эти идеи только и могли вести с энергиею дело разрушения. То были идеи права, свободы, равенства, представления о республике или конституционной форме и т. д. Подобно идее о любви, проповедуемой христианством, и эти идеи считались каким-то всемирным, всемогущим лекарством, раз применить которое вполне значило, в глазах многих и многих людей, навсегда избавиться от гнета старого порядка, от бедствий и зол, тяготеющих на человечестве, от всего несправедливого, всего унижающего человека. То были иллюзии, за которые приходилось горько расплачиваться человеку, но без веры в которые он перестал бы называться человеком. Думали тогда, как думают еще и теперь, даже как верят еще и теперь, что все эти слова — свобода, республика — заключают в себе какую-то неведомую силу врачевать все и вся; думают и верят, что достаточно провозгласить эту свободу, эту республику, — и царство млека и меда явится само собою, что они приведут за собою счастье, разрешат все жгучие вопросы дня, что достаточно произнести их, и вся скрытая в народе, в массах энергия проявится наружу; народы и человечество будут спасены этим провозглашением метафизического принципа, как в глазах индуса они могли быть спасены аватарами Вишну¹⁴⁴, в глазах христианина — воплощением сына божия.

Метафизические приемы были приемы мысли, годные для развитого меньшинства, для счастливых обществ, которые имели досуг заниматься подобными отвлеченностями, вырабатывать теории независимо от жизни, а жизнь не думали соглашать с теориями. Для большинства метафизический фазис мышления был недоступен, и на страждущий народ лег тяжелее прежнего гнет остроумных социальных экспериментов его повелителей и руководителей: за каждую политическую реформу, придуманную в кабинете политиками-метафизиками, народ платил тяжелыми поборами, кровью, иногда остатками лучших преданий прошедшего. За централизацию Людовика XIV и за ложный блеск псевдоклассической литературы его двора Франция заплатила разорением. За Петербург и «окно в Европу» русские крестьяне ложились тысячами жертв, болезней и лишений в болота возникающей столицы. За либеральную конституцию 1688 г. Англия заплатила систематическим уничтожением общинных земель. Даже за права человека Франция заплатила образованием обширного класса крестьян-собственников, класса, который должен был составить в наше время самую энергичную консервативную оппозицию рабочему социализму городов. Перестройка общества по началу, отвлеченному от жизни личной мыслью, выбранному, как каприз, всемогущим властелином или, как модная книжная идея, законодательным собранием образованного меньшинства, не могла привести ни к чему иному, как к эксперименту, который оканчи-

вался страданием бедняка и еще большим раздражением его против общественного строя, сложные основы которого оставались теперь ему совершенно непонятными.

Отрицательная критика индивидуализма имела для общества вообще лишь то важное воспитательное действие, что в борьбе за свои отвлеченные идеи и за господство политические партии и мыслители-новаторы должны были часто искать помощи большинства, заискивать в народе, стремиться к популяризации отрицательной критики и тем самым приучали массы подавленного населения не уважать господствующую власть, приучали их к более искусным приемам общественной борьбы и, таким образом, вовлекая пролетариат в свою борьбу, воспитывали его для борьбы против самих себя. На примере отрицательной критики меньшинства, не имевшего никогда ни одного живого общественного идеала, большинство страждущего населения воспитывало в себе критику уже не только отрицательную и разрушительную, но созидательную и органическую; критику, которая должна была выработать идеал рабочего социализма и открыть средства для его осуществления на развалинах метафизического строя буржуазно-легального государства.

В этом отношении индивидуализм, с его отрицательной критикой, был превосходным учителем. Личность, выставив себе своего метафизического бога, свое убеждение, противопоставляла его всякому богословскому принципу, всякому авторитету. Человек не только считал себя в праве вести упорную борьбу во имя своего личного убеждения, но признавал для себя совершенно немислимым не бороться за это убеждение, не пытаться разрушить всякие препятствия осуществлению этого убеждения, заключающиеся в окружающем общественном строе. Все, что стесняло личность в выработке ее убеждений, в их обнародовании, в их осуществлении, должно было быть устранено, потому что метафизические боги этого периода, теоретические и практические идеи, сами по себе не имели никакой реальности. Их приходилось реализовать личности; она одна могла доставить им жизнь и приличное всякому богу могущество. Поэтому свобода личности стала первым принципом этого периода развития человечества. Свобода мысли и действия была записана во все идеальные законодательства, во все планы политических реформ для благоудельствования человечества, но как начало совершенно метафизическое.

Свобода мысли создавала науку, и просветители были вполне уверены, что на почве этой свободы они отнимут все человечество у невежества и у отупляющей проповеди богословия. Они забывали, что для этого необходим был такой общественный строй, который создал бы школы для большинства, школы, чуждые политическим интригам правительств и идиотической проповеди духовенства, что без *радикального социального переворота*

такие школы существовать не могут; что правительства всегда будут нуждаться в огромных расходах на войска, на дворцы, на сыщиков, и потому на народные школы им будет оставаться всегда немного; что при существующих условиях распределения богатства народные школы будут плохи, духовенство будет иметь в них преобладающее влияние; что, следовательно, наука и свобода мысли, при *реальных* жизненных условиях настоящего, составляют лишь роскошь меньшинства, которое, на основании своего умственного превосходства, еще дальше отходит от пролетария, обреченного бедностью на невежество, на богословское отупение, пролетария, для которого наука и свобода мысли суть не иное что, как слова.

Свобода действия была началом настолько нереальным, что и в самых идеальных построениях она ограничивалась условием — «насколько она не стесняет свободы другого». Но политические метафизики забывали, что свобода действия имеет смысл лишь при таком общественном строе, когда все *одинаково* имеют возможность действовать: т. е. опять-таки после социального переворота, который унес бы и неравенство состояний, и неравенство общественного влияния, и неравенство образования, т. е. разрушил бы всю систему государственной принудительности, имущественной монополии и эксплуатации бедного богатым, систему, которая составляла самую основу европейской цивилизации этого периода и против которой не думали и спорить проповедники политической свободы. При существовании же этой системы свобода действия представляла лишь насмешку богатого над бедным, так как лишь член правящих сословий, лишь собственник и эксплуататор мог свободно действовать и всякое его *свободное действие* неизбежно было рассчитано на увеличение выгод его эксплуатации и на ухудшение положения бедняка.

Но в своей метафизической форме идея свободы личности сделалась основной идеею, вокруг которой группировались все другие, исходя из нее, как ее частные выводы, как ее отрасли; это была идея, во имя которой и для осуществления которой и были направлены, как направляются еще и теперь, усилия целого ряда поколений, стремившихся свергнуть с себя иго средневекового религиозного порядка. Идея религиозной терпимости, как и идея свободы совести и мысли, принцип равенства, как и теория полной свободы экономических и политических отношений, — все они, как и все другие либеральные и радикальные политические принципы, совмещаются в этом общем понятии, в этом стенобитном орудии против средневекового порядка, против средневековой и всякой другой теологии. Но идея свободы личности не явилась вдруг; лишь путем медленного, постепенного развития она была в состоянии выработаться в целую метафизически-революционную программу, и, изучая историю ее развития, мы можем видеть, как шаг за шагом она становилась все сильнее и сильнее, как все

больший и больший круг явлений она захватывала в своем раз-
витии.

Вначале эта идея свободы, как и неизбежный результат ее — отрицание старого порядка, высказывались крайне неопределенно, крайне боязливо. То был протест гораздо более, так сказать, инстинктивный, чем сознательный. Протест во имя свободы, отрицание старого порядка не шли далее внешних форм этого порядка, захватывали лишь немногие его стороны. То была сперва реакция светской власти против духовной, реакция, главными представителями которой явились легисты; потом она проявилась как протест национальных церквей против давящей централизации римского католицизма. Протестующие не затрагивали сущности христианского учения или даже догматов римского католицизма, оставались попрежнему верными сынами церкви, людьми верующими и в бога, который был зараз и три и один, и в деву, родившую бога, и в хлеб, который был не хлеб, а мясо, и в чудо св. Иануария¹⁴⁵, но их протест вносил новый принцип в существующую систему мнений — принцип свободы исследования, принцип, из которого неизбежно должны были исходить протестующие личности, как бы ни было неясно и ограничено их представление о праве и пределах свободного исследования. Уже самое существование протеста предполагало присвоение ими права свободно обсуждать вопрос религиозного догмата или строя церкви, основанного на боговдохновенных буллах пап.

Но раз принцип свободы исследования был поставлен, он неизбежно, в виду все большего и большего давления со стороны христианского учения и феодального строя жизни на новую зарождающуюся мысль, в силу все яснее и яснее представлявшегося противоречия между правами личности и началами средневекового строя, отрицавшего эти права, должен был пойти далее и из бессознательного проявления перейти в ясно сформулированный протест.

Сначала критика мысли воспользовалась одновременным существованием в средневековом обществе нескольких авторитетов. Римско-католическая церковь была, конечно, источником всякой истины для верующего на западе Европы, но она сама признавала библию истинным словом Божиим, признавала себя лишь наследницею проповеди Христа, который был, по ее словам, богом, говорившим самую прямую божественную истину. Отчего же было не попытаться противопоставить Христа его наместнику, библию — папской булле, отчего не примерить на римских пап галлоциционный рассказ апокалипсиса об антихристе и об удивительных зверях последнего времени мира? Был и другой знаменитый авторитет в средние века, — именно авторитет классической древности. Средние века сознавали свое полное невежество пред античным знанием, крохами которого они питались; сознавали и грубое варварство своих чудесных легенд, ребяческих летописей и схо-

ластических словопрений пред отрывками языческих поэтов, историков, мыслителей, которые в искаженных копиях и переводах прятались кое-где по углам монастырей между гнилыми мощами весьма сомнительных христианских угодников и орудиями пытки для помешанных, которые считали себя в самых интимных сношениях с сатаной. Епископы и сами папы кокетничали своим обожанием великих язычников. Нельзя ли было эту моду на языческую литературу обратить в настоящее оппозиционное движение против католицизма? То и другое оказалось очень пригодным.

Писатели эпохи Возрождения обрушили на лицемерный и невозможный нравственный идеал христианства целую бурю насмешек во имя языческой наивной чувственности. Соблазнительные картины стали рядом с образами во имя языческого требования красоты. Папы и кардиналы насмехались в изящной цicerонианской латыни над теми же самыми догматами, которые одни составляли основу и христианского авторитета вообще, и их собственного иерархического авторитета в частности. Рядом с тем вытаскивали на удивление миру и риторически идеализированные типы греческих и римских республиканцев, говоривших на римском форуме или на афинской агоре¹⁴⁶ пред свободным народом, который ставил памятники убийцам тиранов. С того времени пошла идеализация народа, аплодирующего ораторам и занимающегося политикой, причем забывали о неполноправных гражданах древности, забывали о миллионах вполне бесправных рабов, которые работали на цепи, продавались на рынке, не аплодировали и не знали ничего о политике. С того времени пошло и прославление республики, как идеальной формы общежития, причем забывали, что под этой формой может скрываться самый безобразный деспотизм небольшого меньшинства, самое полное бесправие и экономическое унижение большинства, точно так же как и рациональный экономический строй рабочего социализма. Во имя метафизического народа этого классического предания развивались теории политического демократизма последнего периода и воспитывался рациональный социалистический демократизм настоящего времени. Во имя метафизической республики по образцу небывалых греков и римлян боролись политики Европы против реальных монархий, создавали новую республиканскую легенду для следующих поколений и подготавливали реальный идеал социалистической республики будущего.

Другой ряд протестов шел во имя первобытного христианства. Богатству католической иерархии противопоставляли евангельские мифы о бедной жизни Христа и его апостолов. Папские буллы разбирали с точки зрения Второзакония или послания Павла. В отрывочных легендах нового завета искали метафизического типа совершенного, божественного общества, по которому следует перестроить существующее и стереть из истории обществен-

ных мнений целое тысячелетие развития. Ряд еретических движений этого направления, давно уже начавший борьбу против католической иерархии, завершился широким движением протестантизма. Но в самых началах этого направления скрывался тот принцип лицемерия, который остался присущ всему протестантскому движению нового времени, движению, которое пыталось выработать метафизическую форму мышления на почве чисто богословской и прикрывало богословскими началами отрицательную критику, прямо противоположную богословскому принципу. Опираясь на богословское положение боговдохновенности Библии, как единственного источника истины, протестантизм во всех его формах признавал в полной мере руководящее начало авторитета; но, отрицая церковь и иерархию, как истолковательницу этого единственного источника истины и как установительницу догмата и культа, он ставил мертвую букву старого безжизненного предания лицом к лицу с индивидуальной критикой, с правом личности свободно толковать непонятную книгу согласно личному убеждению, или, вернее говоря, вносить в эту книгу какое угодно убеждение, выработанное в человеке под влиянием личных влечений и общественного движения мысли. Книга оставалась та же, между тем как один читатель находил в ней проповедь аскетизма, другой — проповедь революции; книга оставалась та же, но один выносил из нее или вносил в нее отрицание всякой свободы научного мышления, другой — побуждение к самому решительному прогрессу. С такою же неискренностью протестантизм заявлял себя возвращением к первобытному христианству апостольского времени, т. е. к общественному быту давно прошедшему, и в то же время стремился быть началом прогрессивным, стать в уровень с работою мысли европейского общества. Протестантизм, по самой сущности, не мог иметь никакого определенного мирозерцания, никакого теоретического идеала, так как к мертвой букве Библии с ее разнообразным составом и темным языком, можно было приноровить всякое мирозерцание и всякий идеал. Поэтому организующей положительной критики в протестантизме никогда не было и быть не могло, но тем сильнее была отрицательная критика, которая соединяла призрак христианского авторитета с заявленным правом свободно черпать религиозное убеждение из книг, продиктованных самим богом. Протестантизм должен был постоянно делать такие же эксперименты в области теоретического мышления и нравственности, какие делали политики в области практических общественных мер. Он мог проповедывать все оттенки мирозерцания, начиная с самого отсталого супранатурализма до крайнего пантеизма и едва ли не материализма; он мог защищать неограниченную монархию и республику нивеллеров¹⁴⁷, мог проповедывать точно так же религиозные гонения и сожжение колдуний, как и полнейшую терпимость едва ли не индифферентизм

к чужим мнениям. Он был и остался всегда не прогрессивным началом развития; указывающим определенные прогрессивные направления, но учением, способным приноровиться ко всякому времени, ко всякому направлению, толкавшему человечество на путь прогресса или реакции, как и ко всякой проповеди застоя.

Но течение времени, вырабатывавшее преимущественно отрицательную критику, определило и историческое значение протестантизма. Он стал союзником господствующего направления к индивидуализму, к личной свободе мнения, союзником политической оппозиции; он выставил всего громче принцип свободы религиозной совести. Это начало перенесли политические теоретики и в область практических общественных вопросов, провозгласив и право свободы политического действия. Насколько это политическое учение, которое большею частью связывают с самою сущностью протестантизма, было независимо от этой сущности, но обуславливалось идеями времени; видно из того, что оно проявилось даже у тех, кто являлся защитником старого порядка, кто стремился сохранить его во всей его целостности; влиянию идей политической оппозиции во имя индивидуализма неизбежно поддавались и иезуиты, эти защитники папской власти и католического строя; они, в лице Суареза¹⁴⁸, создали знаменитую теорию «общественного договора» (*contrat social*), этот исходный пункт всех либеральных и революционных учений последующих веков; потом, в лице того же Суареза, Марианы¹⁴⁹ и целого ряда других писателей, провозгласили теорию тираноубийства и доказывали право народа низлагать своих владык.

Труды целого ряда писателей-теоретиков, начиная с писателей итальянских, Макиавелли¹⁵⁰, Ботеро¹⁵¹ и др., и кончая французскими и английскими публицистами, положили первое основание теоретической разработке вопроса о политической свободе. Но то были не более как основания будущих политических теорий; в них не находим еще ни строгой аргументации, ни ясного сознания средств, необходимых для политической деятельности, ни определенной программы действий. Часто это был просто дифирамб свободе, как, напр., у Ла-Бовэси¹⁵². Все эти авторы только ставили вопрос о политической свободе, предоставляя его решение будущим поколениям. Лишь в одном отношении они стали на прочную почву, дали надолго тон и направление европейской политической мысли. В противоположность средневековому теократическому идеалу они выработали из античной традиции принцип государства, как высшего общественного целого, как метафизического начала, созданного человеком; но поставленного им на место богословского авторитета церкви со столь же безусловным требованием поклонения ему. Вместе с тем все общественные вопросы свелись для теоретиков этого направления на вопросы законодательства и администрации, на различные комбинации для наилучшего устройства государственной власти

и на разнообразные приемы для наилучшего управления. К этим политическим вопросам сводились все их рассуждения, точно так же, как те же вопросы составляют и до сих пор существеннейшее содержание всех политических трактатов. В этом отношении постановка вопросов первыми политическими теоретиками была такова, что все трактаты, появившиеся по тому же предмету в последующее время, все произведения Локка о гражданском правительстве, точно так же как Жан-Жака Руссо об общественном договоре, Монтескье о духе законов или Бенжамена Константа¹⁵³ о представительных учреждениях, были не более, как развитием, уяснением того, что было уже высказано в общих чертах, хотя далеко не вполне ясно определенных, Боденом¹⁵⁴ в его книге о республике, Макиавелли в его трактате о государстве и в рассуждениях по поводу Тита Ливия¹⁵⁵. С тех пор начали считать насущными и важнейшими вопросами вопросы политические: народные бедствия, страдания рабочего класса казались крайне маловажными сравнительно с отделкою закона, с изменениями формы юриспруденции, с установлением тех или других отношений между министрами и парламентами, между тайным советом монарха и явными органами государственной власти. Вопрос об изменении социального порядка сводился в умах писателей в обществе к вопросу о замене одной формы правления другою, об изменении функций различных органов власти. Политическим интриганам и человеколюбивым благодетелям народов, думавшим навязывать массам свои идеи, открывалось широкое поле действия, тем более, что массы, не имевшие возможности понимать тонкостей административных соображений и политических комбинаций, молчали до тех пор, пока тяжесть налогов, безрассудное хищничество интендантов и воевод, варварская эксплуатация откупщиков податей и помещиков не вызвали обширного и кровавого взрыва.

Представители отрицательной критики выказали с самого начала исторической деятельности своей партии и другую ее историческую особенность, тесно связанную с отсутствием ясного организующего общественного идеала, ее характеризовавшим. Отрицать и только отрицать можно лишь до тех пор, пока остаешься в области теории. Переходя к практике жизни, приходится непременно и утверждать, а за отсутствием идеала, который указывает, что именно можно утверждать, приходится выбирать положительную сторону учения совершенно произвольно. Люди, борющиеся против авторитета церкви или против власти самодержавного короля, должны были на практике опираться на какую-либо общественную силу. Пока новый социализм не доказал, что единственная сила, на которую нравственно дозвоительно опираться в борьбе с существующими властями, есть рабочий пролетариат, единственный принцип, который можно разумно противопоставить бессмысленному началу церкви и при-

теснительному началу государства, есть производительный труд,— до тех пор все борцы за метафизическую свободу опирались случайно на то, что казалось им способным поддержать их в той борьбе, которую они вели; при этом они большей частью не замечали и не могли заметить, что опираются на элемент столь же, если не более, реакционный, как и тот, против которого они борются. Реакционность этого опорного пункта выказывалась обыкновенно немедленно после того, когда представители отрицания становились сами властью или, по крайней мере, получали влияние на дела. Немедленно являлись новые представители отрицательной критики, которые обращали ее оружие против того, на что опирались прежние ее представители, как на положительный элемент, и вчерашние борцы за свободу обращались мгновенно в ярых консерваторов, отрицая у других право идти в отрицании хоть на шаг далее, чем шли они сами. Чем метафизичнее была защищаемая ими свобода, тем произвольнее должна была быть выбрана точка, за которую свобода, по их мнению, допущена быть не могла,—точка, за которую отрицание становилось преступлением; и тем скорее они переходили от либерального отрицания к консервативной реакции. Этот-то почти неизбежный переход от теоретического либерализма к практическому консерватизму составлял характеристическую черту всех партий группы, которую мы теперь рассматриваем. Все эти партии неизбежно столь же резко изменяли своему либеральному принципу свободы, как консервативные политики, увлеченные модным стремлением времени к отрицанию, изменяли своему консервативному принципу, проповедуя тиранию и народо-властие.

Сначала реакционная практика либеральных партий проявлялась не так последовательно и прорывалась случайно, как бы инстинктивно, в борьбе с врагами, стоявшими с ними на одной почве. Но, с течением времени, эта реакционная подкладка либерализма стала элементом более и более сознательным, самый либерализм стал проникаться более и более лицемерием; наконец, в эпоху, близкую к нам, когда против политического либерализма стал определенный и весьма опасный для либерализма идеал рабочего социализма, реакционный элемент либерализма стал господствующим, а его метафизический принцип свободы оказался лишь маскою для прикрытия самых беззастенчивых стремлений притеснить большинство, эксплуатировать пролетариат и отнять у него всякие средства поправить свое положение.

Но и в XVI веке мы замечаем, как быстро выступила на вид эта реакционная сторона либерализма. Протестантизм провозгласил для себя свободу религиозного убеждения и свободу толкования библии. Он стал гонителем иноверцев, как лишь явились люди, которые вздумали иметь убеждения, не подходившие под мерку свободы совести руководящих реформаторов: Лютер воору-

жился против народного и социалистического движения анабаптистов; Кальвин сжег Серве за отрицание «троицы», гнал Кастеллио¹⁵⁶ за провозглашение того самого принципа религиозной терпимости, который дал возможность утвердиться кальвинизму. Точно так же политические писатели поддерживали всеми силами на практике политическое господство одной партии, борясь во имя свободы против другой. Так легисты последнего периода средних веков поддерживали неограниченную монархию по образцу римского цезаризма, борясь против власти духовенства. Так политики XVI века поддерживали дворянство и феодализм в борьбе против королевской власти; на этой точке зрения стояли и шотландские публицисты, и вся школа французских политиков второй половины века. В следующий период приемы остались точно те же, только точка опоры переменялась. В XVI веке требовали для аристократии *политических* прав с целью ограничить *политические* права короны. Впоследствии стали бороться за *политическую* роль буржуазии. В наше время радикальные политики говорят о *политических* же правах для народа, четвертого сословия; красноречиво разглагольствуют о его суверенности, о необходимости полноты его государственных функций и немедленно становятся его злейшими врагами, как только народ, это четвертое сословие, сознавая, что оно есть прежде всего притесненный, экономически эксплуатируемый и голодающий рабочий пролетариат, хочет реальных прав для труда, реального общественного переворота, реальной ликвидации несправедливого государственного строя, а не увлекается бумажными правами, которые для пролетария всегда будут мертвою буквою, пока он останется пролетарием.

Но если в области социальной борьбы представители отрицательного либерализма были осуждены на бесплодные эксперименты и на беспрестанно повторяющийся переход от прогресса к реакции, на беспрестанные отступления от собственных принципов, то были сферы, где отрицательная критика могла выказать всю свою силу, одержать самые блестящие победы на пользу человеческого прогресса и никогда не притти к необходимости отказаться от своего метода. Такова была область чисто научного анализа и теоретическая борьба против старого строя на почве реализма и здравого смысла. Наука ищет только ясного понимания, и ее завоевания заключаются целиком в отрицании всего, что мешает выработке ясного понятия, всего, что приносит в него посторонние элементы. Лишь на почве ясного и точно установленного научного факта может начаться затем работа организационной мысли, строящей философскую систему. Научная критика имела перед собою плотное и безобразное целое христианских средневековых мирозерцаний, в которых слились предрассудки народной массы с отрывочными, дурно понятыми и принятыми на веру философами греческих мыслителей: варварские

мифические предания Востока о божестве, тело и кровь которого должны были пожирать верующие, с проповедью аскетизма, отрицавшего в человеке все человеческое; персидский бог зла, сохранивший под именем сатаны свою силу и армию служебных духов, с метафизическою бессмыслицею троицы; кровавое предание ветхого завета, требовавшего истребления целых народов, с рабскою проповедью евангелия о смирении перед давящим злом. И все эти противоречивые и несогласные элементы так крепко срослись в привычках средневековой мысли, что казались чем-то стройным и цельным. Нужна была усиленная работа критики, чтобы выказать бессмыслие, противоречие, варварские и безнравственные элементы этих воззрений. Для этого надо было воспитать научную критику; давно забытую, сначала на небольших областях реализма; затем надо было расширить эти области, воспитать вообще привычку к здравому смыслу, притупленному тысячелетнею бессмыслицею христианского предания; и затем уже надо было начать решительную борьбу, при общем девизе: «раздавим мерзавца!» (*écrasons l'infame*), провозглашенном Вольтером. Это было прямым делом отрицательной критики, и она решительно принялась за него. Она в XVI веке подкопала все авторитеты средневекового предания в огромных областях точной науки. В XVII веке она выработала точные методы реальной науки в области естествознания и стала постепенно расширять их. Тогда же она приступила к прямым нападениям на теологический строй, — и не на отдельные злоупотребления, не на отдельные уродства его. Нет, она напала на самую суть христианства, на его основные, существенные догматы. Мало того, отрицательная критика пыталась подорвать основы всякой теологической мысли, противопоставляя религиозному чувству скептицизм. Целый ряд великих мыслителей, начиная Бейлем¹⁵⁷ и продолжая деистами, материалистами и скептиками Англии и Франции в XVII и XVIII веках, принялись за эту последнюю часть труда отрицательной критики; своими неутолимыми нападениями, своею резкою и сильно аргументированною критикою они навсегда отняли у христианского мирозерцания и у богословского строя мысли возможность господства среди передового меньшинства, подорвали в самых существенных основах средневековые привычки мысли и эмансипировали человеческий ум. То была важнейшая и незаменимая заслуга отрицательной критики.

Но эта борьба против отупляющего догмата во имя здравого смысла имела и более важное практическое значение. Она подготовляла почву для более смелой, всесторонней постановки и общественных, практических вопросов. Проповедники политической свободы имели теперь под собою почву научного реализма и методов здравого смысла, отрицавшего всякое уважение к старым авторитетам. На этой почве они могли развивать свои эмпирические теории чисто политических реформ более логически до их

крайних, неизбежных результатов. На этой почве они могли, при удобных обстоятельствах, производить и политические эксперименты в обширных размерах, чтобы выказать человечеству; чем может быть переворот, совершенный людьми вполне искренними, готовыми жертвовать всем для общего блага, людьми развитыми, но в то же время убежденными, что все дело — в чисто политической революции; чем может быть переворот, остающийся чисто политическим переворотом.

Уже в XVII веке в Англии была произведена попытка практически решить вопрос политической революции для устранения общественного зла. Монархия заменилась республикою, король — протектором. Провозглашены были принципы свободы и равенства, как необходимое условие человеческого существования. Но эта попытка была, во-первых, явлением совершенно местным; во-вторых, она была настолько проникнута религиозными элементами, что ее с трудом можно отнести к продуктам новой европейской мысли. Во всем республиканском английском движении XVII века один Мильтон¹⁵⁸ может быть назван представителем идей, почти вполне входящих в общее течение новой мысли.

Мы не будем говорить об американской революции, так как, во-первых, ограничиваемся преимущественно движением мысли в Западной Европе, а, во-вторых, здесь вопрос о политической свободе личности был усложнен политическим принципом государственной независимости. Но американская революция дала толчок и другой, самой великой исторической попытке применить к делу все теории метафизической свободы, отвлеченного народовластия и радикальных политических реформ, остающихся чисто политическими, а вместе с тем избавить навсегда человечество от гнилых политических и религиозных идеалов прошедшего и от связанных с этими идеалами общественных бедствий. Эта великая попытка была первая французская революция. То было движение, охватившее все вопросы, поставленные предшествующею работою мысли, и оно не только вновь поставило их на самом широком основании, но дало им все те решения, какие могла только дать чисто отрицательная критика мысли. Здесь нашли свое выражение и применение все политические теории предшествующего периода, как либеральные, так и вполне радикальные. Сьейес¹⁵⁹ ставил вопрос о свободе в его буржуазно-конституционной форме. Марат вырабатывал понятие о радикальной республике в виде союза вполне самостоятельных коммун. В эту эпоху получили твердое основание, были выработаны и разрешены все политические вопросы, волнующие умы до нашего времени. Они были выработаны и разрешены в такой мере, что для следующих поколений в этом отношении не оставалось иной работы, кроме прямого повторения того, что было высказано деятелями «великой» французской революции, или комментирования их основных выводов и положений. Отрицательная работа критической мысли

достигла здесь полного своего апогея, дала все то, что была в силах дать; разрушила вконец и веру в христианские мифы, и уважение к монархии, «божиею милостью», и преклонение перед аристократиею потомков крестоносцев, и почитание всех разнообразных преданий и обычаев средневековой культуры; отняла у жалких потомков деятелей средневекового строя всю силу, все влияние, все обаяние, какое они имели когда-то, и превратила их усилие восстановить старое в жалкую и бессильную игру без будущего и без смысла; наконец, расчистила почву для деятельности органической критики, которая должна была не только разрушить старое, но положить основы здания нового социального строя будущего, опирающегося на труд и свободную федерацию. То, что совершилось впоследствии, все политические теории XIX века и сама деятельность политиков этого периода были уже не более как повторением дела, совершенного «великой» революцией. Люди XIX века в среде чисто политической не прибавили, да и не были в силах прибавить, что-нибудь к тому, что было сделано ею. Их усилия, поскольку они направлялись на вопросы, уже разрешенные деятелями революции, поскольку они касались дела разрушения старого строя и старых верований, уже не имели за собою ни той силы, ни того значения, какое они имели в то время.

Это значение нетрудно понять, если мы внимательно рассмотрим отношение первой французской революции к предшествовавшему ей периоду развития теоретической и практической мысли. Мы только что указали на дело разрушения, ею совершенное, но ее историческая работа этим не ограничилась. Она свела в одно результаты политического эмпиризма предыдущего периода и установила общую формулу политической революции вообще в «правах человека» и в знаменитой революционной троице «свободы, равенства и братства». Но как только эта общая формула политической революции была поставлена, она оказалась далеко выходящей за пределы революции чисто политической и требующей переворота в самых глубоких основах социального строя; отрицательная, разрушительная критика пришла к формуле, которая сама в себе заключала программу органической, созидательной критики общества; программу общественного строя, где личности, опирающейся на свой производительный труд, была бы обеспечена возможность действительной свободы; где из разумной кооперации всех рабочих возникало бы действительное равенство; где братство требовало бы не только мистического единства человечества в призрачном царстве божием, но разрушения всех сословных, национальных, экономических разделений для реальной солидарности всех личностей, создающих общее гармоническое царство труда.

К этому результату отрицательная критика политических метафизиков должна была притти по законам человеческой логики,

если оставалась последовательна, потому что всякое строго продуманное отрицание всегда оказывается опирающимся бессознательно на нечто принятое за положительную истину, следовательно, отрицательная критика предполагает критику созидательную и вызывает ее необходимость; потому что всякая метафизическая формула, при ее добросовестном употреблении, нуждается в реальном содержании, следовательно, в метафизическом фазисе мысли вырабатывается само собою стремление перейти в фазис научный; потому что анализ отдельных фактов неизбежно вызывает при их накоплении их философский синтезис и разлагающая работа мысли сама собою переходит в организующую; потому, наконец, что политические вопросы, при искренней экспериментации над ними, как бы ни были эмпиричны приемы экспериментаторов, неизбежно вызывают вопросы социальные. Таким образом, в самой работе отрицательной политической метафизики предшествующих веков заключалась необходимость притти к самоотрицанию и к поставлению задачи нового, высшего фазиса общественной жизни. Отрицательный фазис критики находил свое философское оправдание в условии, что он был неизбежным предшественником критики созидательной. Метафизика общества была оправдана тем, что она подготовила общественную науку. Политический эмпиризм был оправдан тем, что он сам приводил к рациональному социализму.

С этой точки зрения приходится видеть в периоде отрицательной критики новой Европы, в периоде, выработавшем новую науку природы рядом с политическим эмпиризмом, один из великих фазисов развития человечества; приходится признать за работой отрицательной критики несомненные заслуги и огромное значение не только для развития мысли вообще, но и для решения чисто социальных вопросов. В самом деле, как ни было глубоко разложение средневекового порядка вещей, разложение, начавшееся еще ранее проявления и надлежащей установки систематической отрицательной мысли проповедников политической свободы и научной критики реализма, но человечество не было в состоянии выйти вполне из-под господства этого разлагающегося строя без прямого и решительного участия критики прямо отрицательной, сознательно поставившей себе целью разрушение верования в религиозные догматы, в монархический абсолютизм, в необходимость авторитета церкви и в абсолютное экономическое значение землевладения. Церковная, монархическая и территориально-экономическая традиции обладали еще слишком значительными силами, были слишком живучи для того, чтобы, даже при состоянии полного разложения средневекового строя, церковь, монархическое государство и юридическая форма землевладения были бы склонны уступить свое место другой системе учреждений, другому строю, самые основания которого, как следует помнить, не были еще выработаны тогда даже в теории. Без энергических на-

падений теоретических метафизиков на религию и политических метафизиков на монархический абсолютизм новым народам Европы пришлось бы потратить много силы на бесплодную борьбу между различными враждебными общественными элементами, унаследованными от средних веков, — элементами, которые ставили бы на каждом шагу препятствия развитию мысли, так как они, несмотря на свое полное бессилие управлять ходом дел, все еще сохранили — как сохраняют и до сих пор — притязания на общественное преобладание, постоянно делали и продолжают делать попытки полного или хотя частичного восстановления того строя, в котором они когда-то пользовались нераздельным господством. Отсутствие сильных элементов чисто отрицательной критики и политической метафизики в московском строе древней Руси имело прямым следствием обстоятельство, что в нашем отечестве неограниченная монархия сохранилась со всеми своими отжившими формами и вполне безжизненное православие удержало свое официальное преобладание даже до настоящего времени¹⁶⁰, когда на сцену борьбы за прогресс человечества выступила у нас, как повсюду, уже не теоретическая и политическая метафизика, а научный реализм и научный социализм. В России этим организующим элементам нового времени приходится делать двойное дело: не только противопоставлять несостоятельности конституционного легализма и разных идеалистических теорий простой, строгий и последовательный идеал общества, гармонически опирающегося на производительный труд и на реальное знание, но им приходится еще бороться с мертвечиной императорского самодержавия и православной обрядности, мертвечиной, давно похороненной в других странах. Если бы отрицательная метафизика не исполнила для Европы этой работы могильщика, то и там, может быть, период организации нового социалистического порядка был бы затруднен борьбою с непохороненными остатками старого времени. После совершившейся работы отрицательной критики, после того, как религиозные идеалы общества были окончательно подорваны, после того, как промышленное развитие доказало очевидную несостоятельность мнения, будто экономические отношения должны опираться на землевладение, когда затем явилась потребность в создающих социальных идеалах, для общества стало уже немыслимо пробовать постройку нового здания, внося в него материал тех религиозных и экономических начал, которые, под ударами беспощадной отрицательной критики, так ясно обнаружили свое бессилие и свою неспособность; оказались так решительно враждебными всякому человеческому прогрессу.

Энергия борьбы отрицательной критики с опаснейшим врагом нового времени — с призраком старых идеалов — не могла не вызвать к ней глубоких симпатий в поколениях, которые чувствовали, что эта отрицательная критика облегчила их труд, сде-

лала часть их собственного дела. Поэтому и новые деятели и массы, пользующиеся результатами минувшей борьбы, относились и относятся с глубоким сочувствием к великим разрушителям предыдущего века, к проповедникам отрицательной критики, к героям первой революции. Но слишком часто эта невольная симпатия переходит в поклонение, в отыскание между деятелями и событиями этого недавнего, но уже вполне минувшего периода образцов для деятельности новой эпохи, перед которой стоят совершенно иные задачи, задачи создания, развития и укрепления совершенно нового строя по условиям научной социологии; задачи, для которых нет образца в прошедшем и которые должны быть решены путем революций еще небывалого исторического типа.

Разница между деятелями политической реформы эпохи первой революции и нашей громадна, и не могла не быть громадной. Когда люди девяностых годов прошлого века получили формулу политического либерализма предшествующего периода и когда на их свободу и равенство отвечал призыв Бабефа к свободе и равенству совсем иного типа; когда их братство предстало перед ними в форме действительного, социалистического братства Фурье и Сен-Симона; когда либеральная интеллигенция убедилась, что ее политические требования требуют логически господства не для нее, а для четвертого сословия, что ее политические революции ведут неизбежно к революции социальной, — тогда среди политических деятелей, либеральных конституционалистов и радикальных революционеров, исчезла вера в их метафизического бога, в их всеврачающие формулы свободы, конституции легального государства и т. п.

Тогда они усомнились в безусловной пользе отрицания, которое приводило к отрицанию их самих. Тогда они захотели удержаться за что-либо положительное, а за неимением передового, научного общественного идеала стали хвататься за обрывки старого идеала, ими самими разрушенного. Они противопоставили социальным революционерам поклонение государственной власти и полицейскому порядку, как будто эта власть и этот порядок не были маской того же авторитета прежнего времени, против которого так сильно и успешно боролись либеральные отрицатели. Прежние формулы разнovidной свободы стали в их речах лишь маской реакции, которая, как было уже сказано, должна была неизбежно сделаться и их знаменем, как только они стали во главе политического движения. Либералы и радикалы нашего времени — и это восходит еще к началу века — потеряли веру своих отцов, и для них составляет игру то, что для их отцов было глубоким убеждением. Они проповедуют свободу, которая для них уже не метафизический бог прежнего времени, а средство дать какую-нибудь видимую почву для их партий, между дряхлыми защитниками средневековых традиций, все ожидающими воскресенья своих мертвецов, и неутомимыми борцами социализ-

ма, которые грозят не оставить камня на камне из хитроустроенного здания промышленной легальности, предыдущего периода.

Правда, между *играющими* есть еще и убежденные, или кажущиеся убежденными, или уверившие сами себя, что они убеждены. Но и для них великие метафизические формулы прежнего времени потеряли свое живое, чарующее содержание, которое одушевляло предшественников великой революции и ее деятелей; для них эксперимент совершился; результат вышел не тот, которого ожидали; они все ждут получить тем же путем иной, лучший результат, но в чем он мог бы заключаться, каково могло бы быть его будущее содержание, они этого сами себе представить не могут. Их культ конституционной легальности, народной свободы есть не более как культ слов, громких, но вполне бессильных при серьезных задачах настоящего.

Современные либералы и радикалы продолжают ставить вопрос о прогрессе общества на почву чисто внешнюю, сводят его на задачу о перемещении власти, на создание новой легальной комбинации, от которой ждут всяких благ. «Свобода, — говорил не так давно один из французских деятелей республиканской демократической партии, — свобода есть право делать то, что позволяет закон, но с одним условием, чтобы закон истекал из полноты свободы, чтобы в силу самой организации власти закон этот не являлся покровителем угнетения». «Существование конституционного кодекса, — говорил другой, и говорил уже в самое близкое к нам время, — кодекса настолько полного, насколько это возможно, составляет для народа единственное средство, единственное условие порядка и свободы, условие, которого ничто не может заменить».

Когда читаешь эти слова о желательной «организации власти», о наиполнейшем «кодексе» в эпоху, когда всякая организованная власть является неумолимым эксплуататором большинства, когда всякий кодекс оказывается бессильным пред крупными мошенниками бирж, акционерных компаний, императорских котерий и министерских кабинетов и безумно жестоким в отношении к страждущему пролетариату, то делается совершенно ясным, насколько задачи общественной жизни переросли в наше время приемы политической мысли, когда-то шедшей в уровень с жизнью, насколько чисто политические революционные партии осуждены на вечные неудачи, на бессилие создать что-нибудь прочное в виду задач нового времени. Приемы политической метафизики, вызванные борьбою со старым строем, в самом своем существовании предполагали существование и этого старого строя, с которым им приходилось бороться. Метафизический бог отвлеченной политической свободы имел смысл лишь как отрицание конкретных форм церкви, абсолютной монархии, землевладения, как основы экономических отношений. Он оказывается пустым словом, когда пред ним становится задача нового времени о соци-

альном перевороте с целью удовлетворить все реальные потребности большинства. В виду этих грозных задач, несмотря на все уроки истории, несмотря на бессодержательность старых формул, метафизики политической свободы продолжают прилагать к новым задачам старый метод, — метод безусловных идей, метафизических отвлеченностей. Они закрывают глаза пред очевидностью, что их метод устарел, что их метафизическая свобода должна обнаружить свое реальное содержание, что это содержание, разработанное научным путем, оказывается именно организацией общества по идеалу социализма, или их формула обречена на отсутствие всякого содержания. При этом произвольном ослеплении политические метафизики осуждены на подпадание фатальному закону истории их предшественников; вчерашние борцы за свободу фатально становятся представителями реакции.

История уже много раз дала этим политическим метафизикам жестокие уроки. Она с крайней очевидностью доказывала в течение последнего века возможность улучшить общественное положение посредством одних отвлеченных идей свободы и легальности. Каждый раз, когда, путем мирных реформ или кровавых революций, политические деятели пробовали применить к делу эти всемогущие на их взгляд принципы, история показывала им, что политические реформы и революции давали *остаток*, разложить который они не могли; пред ними возникали требования, удовлетворить которые они были не в силах, на которые им пришлось в либеральное правление короля буржуазии Луи Филиппа и в июньские дни либеральной республики 1848 г. отвечать точно так же картечью, казнями и ссылками, как отвечали либеральной оппозиции в свое время монархи «божиею милостью» и цезаристы, знавшие лишь один принцип — хищничество. Политические либералы и радикалы нашего времени должны столь же неизбежно вступить в неумолимую борьбу с прогрессивной партией социалистов и прибегнуть для этой борьбы к самым крайним средствам реакции, как это было неизбежно для всех органов чисто отрицательной метафизики, предшествовавших им на сцене истории.

Эти органы были продуктами старого строя, который отрицали, и, по мере расширения задач этого отрицания, передавали свою роль один другому, причем каждый раз представители оконченной борьбы становились реакционерами, а их наследники и противники становились все смелее в своем отрицании.

В первоначальную эпоху, когда отрицательная критика мысли только что зарождалась, когда протест против старого порядка ограничивался лишь защитой королевской власти и национальных церквей против всепоглощающей иерархической и теократической централизации, проводимой папами, органами критической мысли являлись с одной стороны философы-метафизики, прямые потомки средневековой схоластики, и с другой — легисты, впервые пытавшиеся создать идеал государства. Их деятельность в эту

эпоху была единственно прогрессивною; благодаря их энергическим усилиям только и было возможно подорвать основы средневекового авторитета церкви. То дело, совершить которое они поставили своей задачей, было ими выполнено, но едва лишь их цель была достигнута, как с ними повторилась та же история, как и с протестантскими богословами; о которых мы говорили выше: едва критическая мысль пошла далее того, что ими было выработано, как эти прогрессивные органы обратились в задерживающий реакционерный элемент. Последние схоластики-отрицатели подняли ожесточенную борьбу против новой философской мысли, начинавшей проявляться в форме натуралистического пантеизма¹⁶¹ в Италии и потом в форме картезианизма¹⁶² во Франции. Легисты¹⁶³ употребляли все усилия, чтобы сохранить старые средневековые учреждения против той же королевской власти, которую они создали; сплотились в сильную оппозицию (как, например, во французских парламентах) и в лице своих публицистов поставили средневековое феодальное устройство идеалом свободного государства.

Конечно, эта оппозиция не остановила хода истории. Растущее легальное государство раздавило реакцию феодализма. Схоластика распалась пред новой философией, которая из учения Декарта, выработала пантеизм Спинозы, из школы Бэкона¹⁶⁴ развила ряд материалистических, сенсуалистических и скептических учений. Против старых легистов в среде их же специальности развилась оппозиция адвокатов уже в XVI веке, а с течением времени адвокаты стали и весьма могущественными органами политической оппозиции. Еще влиятельнее роль в этом отношении получили литераторы и публицисты. Эти-то группы произвели ряд поколений политических ораторов и политических писателей, которые разработали либеральную и радикальную метафизику. Они-то были главными органами легальных реформ и революционных попыток, разрушивших средневековый строй. Но с ними совершилось в XIX веке то самое преобразование, которое произошло пред тем с органами отрицательной критики первой генерации. Когда пред ними встала задача социального переворота, они не только оказались несостоятельными решить ее, но стали в ряды реакции для подавления растущей партии рабочего социализма. Они стали защищать карюю законов и давлением администрации «святыни» собственности и господства образованного меньшинства, право богатого «свободно» эксплуатировать бедняка и гражданское «равенство» влиятельного капиталиста с пролетарием, поглощенным в продолжение всей жизни заботой о насущном хлебе. Они восстали даже против науки, единственного великого завоевания их отцов, когда наука стала рассекать своим анатомическим ножом столь же неумолимо причины нынешнего общественного зла, как она вскрывала трупы для открытия форм патологического расстройств отправления особи. Они требовали, чтобы критиче-

ский анализ, идущий далее громких слов о свободе, замолчал из боязни оскорбить этого метафизического бога. Они требовали, чтобы организующая критика социализма объявлена была преступлением, потому что они сами не имели и не могли иметь ни одного организующего идеала.

Форму их реакции ослабляет, конечно, то обстоятельство, что всякая реакционная мера, им защищаемая, становится вразрез с формулами либерализма и радикализма, которые составляют самую суть их учения. Но на то и годны метафизические формулы, чтобы в случае нужды вносить в них какой угодно смысл и выжимать из них даже нечто совсем противоположное их настоящему значению.

Но под этими деятельными, воинствующими, сменяющимися органами отрицательной критики, победившей средневековый строй, под этими органами, которым приходится искусственно применять свои либеральные и радикальные формулы к реакционным мерам, развернулось, как прочное основание этих органов, как общий их фон, та общественная сила, которая воспользовалась всеми победами отрицательной критики, эксплуатировала в свою пользу падение церкви, абсолютной монархии и аристократии, эксплуатирует в свою пользу трудное положение всего неимущего населения и смотрит на адвокатуру, на литературу, на публицистику как на орудия своего господства. Это — *буржуазия*, никогда не веровавшая ни в какую метафизику, ни в какие принципы, но ставившая политическую метафизику, великие принципы отрицательной критики, как стенобитное орудие для своих завоеваний. Она-то составляет основное препятствие для осуществления социального переворота, и ее не останавливают никакие учения от обращения к самым крайним реакционным мерам для ограждения себя от напора социализма. В крайнем случае она готова заключить союз и со вчерашними врагами, с церковью, с монархией, так как *действительного* воскресения этих мертвецов буржуазия не особенно опасается, а напор социализма грозит ей совершенно явно. Так, французская буржуазия для истребления массами своих врагов в Коммуне пошла рядом с защитниками католицизма и Бурбонов, и даже радикальные республиканцы предпочли участвовать безмолвно в кровавом побиении рабочих Парижа. Точно так же почти вся интеллигенция родины Гёте¹⁶⁵ и Шиллера теснится под крылышко Гогенцоллернов и Бисмарка из опасения растущего рабочего движения Германии.

Либералы и радикалы нашего времени стоят в отношении к насущным вопросам настоящего совершенно в одинаковом положении. Для тех и других дело идет о форме власти, о ее организации, о замене одной правительственной формулы другой. Те и другие в наше время потеряли полную веру в свои формулы и знают, что либеральный парламентаризм или радикальное народовластие не уврачуют общественного зла. Но они не могут или

не хотят понять, что возможность уврачевания этого зла лежит лишь в коренном общественном перевороте. Не могут или не хотят, потому что подобный переворот унес бы все их значение, уничтожил бы все их влияние; потому что вне своих метафизических формул парламентаризма и народовластия они — ничто. И они крепко держат старое знамя, упорно повторяют старые слова. Но неискренность предводителей действует всегда разлагающим образом на партию. Политический индифферентизм и нравственный упадок сделали громадные успехи в буржуазном обществе Европы. Политическая метафизика кончает период своей деятельности в полном бессилии не только указать человечеству путь будущего, но даже одушевить своих приверженцев на крепкое, самоотверженное отстаивание своих убеждений. Она разлагает общество, ею руководимое, и разлагается сама под ударами научной критики социализма, под давлением его организующего идеала.

Посмотрим же подготовку современного научного социализма в постепенном развитии социальных учений прошлого времени. Посмотрим, как эти учения мало-по-малу выяснили себе задачу общественного переворота, необходимого для рационального прогресса в человечестве, и как постановка этой задачи, мало-по-малу теряя свой утопический характер, выработалась в теорию рабочего социализма настоящего времени.

IV. Условия научного социализма

Как ни отличны научные понятия от религиозного творчества и от метафизического построения, но источник всех этих областей мысли один и тот же. Не преднамеренно, не обдуманно, но вполне бессознательно развиваются в человеке потребности, ставят ему практические жизненные задачи, и, пытаясь решать эти задачи, человек вырабатывает пестрые картины мифов, несколько позже — отвлеченные идеи метафизики, еще позже — определенные понятия знания. Наконец, еще в дальнейшем фазисе своей умственной работы, человек связывает эти результаты обдуманной и критически взвешенной гипотезой и строит их в одно философское целое. В то же время, в продолжение всей этой длинной истории, человек неизбежно переходит от теоретической мысли к практическому действию. Религиозный миф вызывает его на антропофагию диких, на аскетизм факира, на ауто-да-фэ католика, на пляску шекеров. Отвлеченная идея диктует законодательства и определяет общежитие, подавляет проявления аффекта и организует заговоры. Научное понятие преобразовывает технику, вырабатывает личную и общественную гигиену, разрушает освященные древностью общественные формы, подрывает «священную» собственность, обличает бессмыслие всесильного государ-

ства, ведет к коренной перестройке самых интимных отношений семьи. Во имя религии, метафизики, науки человек одинаково вырабатывает себе убеждение; оно становится для него неотразимой силой; и во имя этого убеждения он готов на самомучение, на преследование других, на борьбу с самыми могучими силами общества, на все подвиги самоотвержения.

Но если метафизические идеи вырабатываются позже религиозных мифов и научные понятия позже метафизических идей, то не следует думать, что все это идет со школьным порядком: один урок начинается, когда другой кончился. Нет, еще религиозные мифы процветают, еще они юношески сильны, как среди их, рядом с ними начинает вырабатываться отвлеченное начало в каком-нибудь углу мира, например, в Китае, у какого-нибудь Кун-цзы; еще отвлеченные формулы господствуют во всех сферах мысли и жизни, когда какой-нибудь трезвый или счастливый ум попадает на настоящую дорогу, указывает реальные основания задачи, и через тысячи лет деятели другого времени с удивлением узнают в современниках периода весьма мало выработанной мысли своих предшественников и провозвестников. Политическая метафизика имела место среди полного господства религиозного творчества. Начала научного социализма приходится искать в эпоху, когда и метафизическая мысль была еще очень молода.

Именно *научность* направления в решении общественных вопросов, сначала угаданная, потом более и более продуманная и уясненная, наконец, устанавливающая определительно отношения реальных условий среды к общественным потребностям человека, именно эта *научность* позволяет выделить из массы соображений об обществе ряд социальных учений, идущих от глубокой древности до новейшего времени, вырабатывая постепенно понятие о социальных задачах не на основании мифа или отвлеченной идеи, но на основании реальных данных личных и общежительных потребностей. Именно этот ряд составляет предмет исследования последующих глав.

«Социализм, — писал один из наиболее беспристрастных исследователей его истории, — не хочет только организовать промышленность; он не думает только улучшить положение пролетария, но он есть *наука*... Идущее в глубину учение о промышленности должно найти законы, охватывающие все общество, поэтому их знание есть не только наука труда, но *наука общества — социализм*».

Чем в сущности отличается научная разработка вопросов от разработки их религиозной и метафизической?

На религиозной точке зрения принимается за основное начало, обуславливающее все построение, некоторая группа сверхъестественных личностей, догматов, событий, откровений, и вопрос, подлежащий обсуждению, решается по его отношению —

действительному или предполагаемому — к этой группе фантастических фактов.

На метафизической точке зрения столь же основным началом служит отвлеченная идея, выработанная из фактов реальных и фантастических в прошедшее время; она имела свою длинную историю в уме человека, но теперь отрезана от своего прошедшего, получила самостоятельное существование, и в этой самостоятельности она окружена догматическим ореолом, который перешел на нее из сверхъестественного мира, ею замененного. Раз заняв это место, метафизическая идея, как безусловная истина, служит точкою исхода для решения вопросов теории и практики.

На научной точке зрения основным началом служат реальные факты в их связи существования и последовательности. Все остальное — общие законы, гипотезы, связующие построения — получают настолько значения, насколько широка опора фактов, их поддерживающих, и насколько они не пренебрегли всеми остальными известными фактами.

В виду готовых религиозных верований и метафизических соображений, деятельность научной мысли весьма проста: всякое верование выросло из реальных фактов; всякая метафизическая идея имела реальную историю, возводящую ее опять-таки к реальным данным. Разрушив фантастическое построение, надо вглядеться в реальные основания религиозного мифа и разрабатывать эти основания, как всякий другой данный факт. Восстановив действительную историю метафизической формулы, надо истолковать реальный смысл этой формулы. Самые нелепые боги и догматы язычества и христианства выросли из весьма серьезных вопросов теории, из весьма жгучих задач жизни. Метафизическая троица свободы, равенства и братства теряет свое одуряющее политическое свойство и становится реальной формулой социальной революции, как только мы разглядим, что действительно могут значить эти идеи в их основе и в их развитии.

Но в научной разработке теории общества есть особенность очень важная, которая смутила индифферентистов и трусов. *Настоящая социология есть социализм.* Теоретическая разработка социальных вопросов вызывает неизбежно к практической деятельности. К перестройке общества. Нельзя понимать — в самом деле понимать — факты общественной жизни, не стремясь направить ход этой жизни в ту или другую сторону. Кто ограничивается только пониманием фактов, тот этим самым доказывает свое непонимание их. Социальный факт заключается по своей сущности в совокупной деятельности личностей для перехода от строя общества, как оно было, к строю общества, как оно должно быть. Реакционеры, консерваторы, прогрессисты одинаково действуют на общество, толкая его в том или другом направлении по мере своего понимания общественных фактов. Лишь индифферентист, который от них сторонится, не понимает, что его воздержание

есть уже общественное действие, что сторониться от общественного движения невозможно; он не понимает сущности общественного явления.

Эта особенность испугала одних, смутила других. Как это? Самый смелый, самый решительный натуралист, метафизик, филолог может оставаться самым смелым и решительным в пределах своей науки, за своим письменным столом, фехтуя пером и словом со столь же уединенными противниками в их мирных кабинетах, а в жизни может оставаться самым завзятым рутинером, самым спокойным индифферентистом, а социолог не имеет права устраниваться от жизненных вопросов? Это не научно, — говорят, защитники ученого индифферентизма; наука и жизнь — две разные области; ученый — не законодатель, не революционер, а только ученый; он не может разбирать, что должно быть, а интересуется только тем, что есть; он должен скептически смотреть на все идеалы и жизненные цели, он должен объективно относиться к вопросам общественной жизни; если идиот или бешеный маляк, сидя на престоле по своему божественному праву наследования, увеличивает страдания общества, ученый может сделать диагноз его помешательства, прогноз общественных бедствий, отсюда происходящих, но призывать сограждан к революции было бы не научно; если экономические законы, при данном общественном строе, ведут к разорению народа, к его вырождению, ученый может рассматривать, как вырос этот общественный строй, каковы должны быть его неизбежные последствия, но предлагать его изменение в данном направлении, по определенному идеалу и тем более указывать на необходимость социального переворота, отчаянной борьбы за лучшее будущее, — это совсем противоречит задачам науки; это — метафизика, это — фанатизм. Ученый должен быть индифферентистом, пока он ученый. Тот, кто наиболее проникся задачами науки, наиболее равнодушен к задачам жизни.

Трудно сказать, что больше выказывается в этих аргументах: низость нравственного развития или непоследовательность научной мысли. Будем сначала говорить о последней.

Прежде всего надо вовсе не иметь ясного представления ни об одной науке, чтобы не видеть, что каждая из них в сфере рассматриваемых ею вопросов налагает на ученого практическое обязательство. Когда логик или математик уверился, что такой-то метод суждения ошибочен, то он нравственно обязан не употреблять его и не принимать ни одного вывода, полученного этим методом. Когда физик или химик уверился опытом и рассуждением в существовании определенного закона явлений, то он практически обязан допускать все последствия этого закона и не допускать никакого объяснения, противоречащего этому закону. Когда биолог уверился, что определенное вещество, введенное в организм человека, приносит страдание или смерть, то он прак-

тически обязан вводить его в организм человека лишь с определенным намерением вызвать отравлением известные последствия; *практически обязан* уяснять, что лишь те имеют право употреблять для себя и для других это вещество, которые имеют в виду отравить себя и других, а всякий, желающий уменьшать страдания, охранять жизнь, должен устранять употребление этого вещества, противодействовать этому употреблению.

Социология имеет дело с общественными формами, которые суть продукты человеческой деятельности, без этой деятельности вовсе места не имели бы, существуют лишь до тех пор, пока есть люди, поддерживающие их, и немедленно изменяются и заменяются другими, как только люди, составляющие общество, захотят этого. Без общественных форм жить человеку нельзя; какие-нибудь формы будут всегда существовать: существующие формы будут всегда определяться желанием членов поддерживать старое, изменять его постепенно или разрушать разом; жизнь общественная состоит из взаимодействия личных стремлений членов общества, которые терпят существующие формы общества, поддерживают их или борются против них. Всякий вопрос науки об обществе есть вопрос об удобстве данных форм для данных людей.

Само по себе общество не существует; как не существует никакого организма без вещественных частиц, но разница в том, что организм чувствует, страдает и хочет как целое, имея крайне мало влияния на процессы, бессознательно совершающиеся в его частицах; в обществе же чувствуют, страдают, хотят и решаются его частицы — именно личности, а само общество есть только формула их взаимодействия, формула, лишенная чувства, способности страдать и желать, хотеть и решаться, не терпящая ни от какого изменения, в ней производимого.

Поэтому в социологии научно связаны всегда две группы вопросов, теоретических и практических. Вот общественные формы и в них люди, без которых они не существовали бы. Эти формы доставляют этим людям определенное количество удобств или неудобств, развились исторически определенным образом и могут быть в данную минуту изменены лишь в известной мере в различных направлениях.

Теория спрашивает: каково людям в этих формах? Какая была необходимая причина их появления? В какой мере и в каком направлении могут быть изменены эти формы при данном положении дел, при данном составе общества? Какие результаты для людей принесет каждое из возможных изменений? — Эта теоретическая группа вопросов сама собою ведет к другой группе столь же научных вопросов, решаемых как следствие предыдущих: так как люди постоянно стремятся к тому, чтобы им было лучше, то, чтобы быть последовательными в этом желании лучшего, к чему должны стремиться члены этого общества? к под-

держанию ли существующего? к медленному ли его изменению? к крутому ли перевороту? в каком направлении? в какой мере?

Затем практика требует столь же строго немедленного решения новой группы вопросов, столь же тесно, столь же научно связанных с предыдущим. Я член общества, один из тех людей, воля которых поддерживает его формы, изменяет их или разрушает. Взаимодействие наших мыслей, убеждений, решений, поступков определяет настоящее состояние этого общества, определяет его завтрашнюю судьбу. Если я ясно понимаю удобства и неудобства настоящего строя, возможность или невозможность его изменения, следствия, могущие произойти от возможных реформ, возможных революций; если я желаю блага себе или небольшому числу близких мне людей, или классу, к которому принадлежу, или большинству членов общества; если я последователен в своих мыслях, — то как я должен поступать? должен ли я словом и делом защищать существующее? должен ли я поддерживать реформы, предлагаемые тою или другою партией консерваторов, реакционеров, прогрессистов? должен ли я содействовать политической или социальной революции?

Заметьте, что решение зависит от многих условий. Я могу сознаться, что не понимаю современной задачи социологии, как могу не понимать теоремы математики, закона химии, и во имя своего невежества имею право отойти в сторону. Я могу быть эгоистом, могу руководиться личными или сословными привязанностями и буду в таком случае действовать научно, если выберу дорогу, противную общему благу, совершенно понимая, что ему противодействую. Я могу, наконец, вовсе не дорожить последовательностью мыслей и, несмотря на ясное понимание социологического вопроса, несмотря на то, что желаю (т. е. обманываю себя мыслью, будто желаю) общего блага, все-таки избрать путь, который, как я очень хорошо знаю, ведет вовсе не к общему благу; я поступаю тогда, как математик, отыскивающий квадратуру круга, как натуралист, обращающийся к молитве для отвращения неизбежного следствия неизменного закона.

Понимающий и искренний математик должен употреблять только определенные методы и опираться на определенные теоремы. Понимающий и искренний натуралист должен руководствоваться лишь законами, в которых он уверен. Понимающий и искренний социолог должен столь же неизбежно при определенных условиях общественной среды, если он желает общественного блага, словом и делом направлять общество или к поддержанию существующего, или к определенным реформам, или к определенной форме политической или социальной революции. Он не может быть последовательным, оставаясь в стороне и предоставляя другим осуществлять в общественной борьбе те или другие идеалы, тогда как он сам следует рутине жизни, точно так же, как математик не может быть последовательным, предостав-

для другим употреблять известные ему верные методы доказательства, а самому руководствоваться ошибочными приемами для решения вопросов. Если социолог теоретически сознал, что социальная революция есть единственный путь перехода данного общества в состояние лучшее для членов этого общества, то он должен быть не только социалистом, но и революционером потому самому, что он ученый социолог, потому, что он понимает социальную задачу, понимает, что возможно, и что невозможно, где благо общества и где вред его.

Но непоследовательность мысли играет здесь меньшую роль, чем нравственная низость. Благо общее здесь; — это понимает ученый, но его благо, как дольщика в общественной эксплуатации, как профессора с хорошим окладом, как члена разных административных инстанций, как участника разных промышленных и финансовых предприятий, как члена наслаждающегося и монополизирующего общества, — его личное благо не здесь, а совсем в другой стороне. Он не дорос до развитого человека, действующего на основании убеждений. Он стоит на ступени волка и пиявки, на ступени высшего наслаждения тонким обедом, афинским вечером и комфортабельной спальней, на ступени взаимного поедания и взаимной эксплуатации. Объективное отношение к жизненным вопросам общества в большинстве случаев есть в ученом индифферентисте последовательный результат его нравственной низости.

Оставим этих лицемеров и недоростков науки и обратимся к ее серьезным задачам. Мы видели, что они суть в то же время неизбежно и задачи жизни.

Кто понял задачи науки общества, тот тем самым определил свою обязанность в среде этого общества; по мере своего понимания, по мере своего нравственного развития, по мере своей последовательности он выработал убеждение, избрал лагерь и вступил в ряды участников общественной борьбы.

Но эта борьба шла точно так же, как мы видели, во имя религии, во имя метафизики. Чем отличались те, которые участвовали в ней под знаменем науки? Кого новые социологи могут признать своими предшественниками в ряду деятелей прошлого времени?

Реальные факты, говорили мы, служат основанием науки. Тот, кто руководствуется ими, стоит на научной почве. Тот, кто угадал или случайно наткнулся на один из основных реальных фактов ее, может быть записан в ряды ее строителей.

Основной реальный факт социологии есть тот, что общество, в своих изменяющихся формах, есть продукт комбинации деятельности личностей, стремящихся удовлетворить своим потребностям. Удовлетворение потребностей человека в их развитии путем общежития — вот реальный смысл творчества общественных форм.

Но в человеке побуждения разнообразны; иные из них не только не содействуют комбинации деятельности личностей и удовлетворению потребностей большинства их, но противодействуют этой задаче общежития. Общество, где господствуют подобные побуждения, включает в себе противоречие, болезненное начало. Приходится поэтому отличать здоровое общество от *больного*, *патологические* общественные явления, ведущие к увеличению страданий, к расстройству комбинации деятельности, к разрушению общества, — от *физиологических*. Укажем два главные патологические элементы общежития.

Человек унаследовал от своих праотцев животного происхождения эгоистическое побуждение к борьбе всех против всех, к эксплуатации всего окружающего в виду личного наслаждения, и это эгоистическое, антисоциальное побуждение влияло в значительной степени на видоизменение форм общества, противодействуя правильному удовлетворению потребностей большинства, вызывая разделение людей на касты, различные виды рабства и крепостничества, деспотизм правительств, деспотизм главы семьи, господство аристократии, конкуренцию и монополию капиталов и т. п. Это побуждение, при решении задач социологии, входит в условия как сила, противодействующая правильному их решению на всех низших ступенях своего развития; только на высших происходит отождествление личного наслаждения с делом на общую пользу. Вследствие существования этой главной силы, противодействующей, вообще говоря, социологическому развитию, развивается главная группа общественных болезней; *эксплоатация* большинства меньшинством становится главным патологическим явлением; более или менее полная *кооперация* — характеристикой более или менее здорового состояния общества; и мы получаем второй реальный закон социологии: здоровое общество есть лишь то, где комбинация деятельности личностей, создающая и поддерживающая общество, действительно направлена на удовлетворение потребностей большинства членов общества, а не к удовлетворению потребностей немногих в ущерб всем остальным; иначе говоря, *здоровое общество есть то общество, в котором господствует кооперация, а не эксплуатация*.

Другое побуждение, унаследованное человеком от ещё более раннего периода развития органического мира, есть побуждение следовать привычке в своих действиях, сохранять общественные формы потому лишь, что они обычны, повторять в ряде поколений одни и те же действия потому лишь, что они совершались прежде. Это побуждение, повидимому, не только не препятствует общежитию, но усиливает комбинацию деятельности, и у беспозвоночных животных мы встречаем самую прочную общественную жизнь, опирающуюся на это самое начало. Можно бы думать, что и в человечестве оно было бы так же. Побуждение следовать привычке противодействует развитию; побуждение развиваться,

или потребность развития, можно было бы считать тоже силой, противодействующей общежитию, если бы общежитие наилучшим образом скреплялось привычкою. Но оно не так. Мы только что видели, что главная сила, противодействующая общежитию, есть эгоизм, стремление к эксплуатации всех в видах личного наслаждения. У беспозвоночных эта сила ограничена, повидимому, довольно тесными пределами, и царство общественных привычек, установившееся там во всех сферах жизни, господствует и над нею. У человека стремление эксплуатировать других растет за всякие пределы, если не находит помехи или в общественном строе, или в высоком личном развитии. Побуждение подчиняться привычке, противодействуя, с одной стороны, личному развитию, с другой — улучшению общественных форм, в видах сдерживания эгоистических стремлений, становится прямым препятствием установлению здорового общежития, установлению общественной кооперации, в противоположность общественной эксплуатации. Поэтому господство привычек и обычая в обществе есть явление болезненное, вызывающее остановку в развитии потребностей, ограничение в их удовлетворении и уменьшение противодействия главной силе, враждебной правильному общежитию. Как неизбежное следствие предыдущего, получается третий реальный закон социологии: никакие общественные формы, установленные для людей, не достигших высшей степени развития, и укрепленные привычкою, не могут установить здорового общежития, правильной кооперации и устранения эксплуатации; лишь в последовательном изменении общественных форм, приносившая их к росту общественных потребностей, лишь в развитии личностей, постоянно направляемом на переделку этих форм для удовлетворения этим растущим потребностям, заключается здоровый процесс общественной жизни. Это остается справедливым, пока в обществе не будут преобладать по числу личности, развитие которых выработало их эгоизм в наслаждение общим благом. Иначе говоря, при современном развитии личностей здоровое общество есть общество, прогрессирующее в постройке своих форм, а не успокоившееся на определенной системе привычек.

Тут представляется вопрос: чем следует руководствоваться при постоянном пересмотре наличных общественных форм, при постоянной необходимости изменять их для приносивления к растущим потребностям? И в ответ на этот вопрос отъединяется¹⁶⁶ научный социализм, как практическая социология, от религиозных решений общественных вопросов и от метафизических построений общества.

Божественное откровение, религиозный догмат, вдохновение пророка, апостола, Христа — вот руководство для общественных реформ и революции, руководство для личности в общественных вопросах, — отвечают религиозные мыслители:

Высшая идея, выработанная социологическим мышлением — племя, национальность, государство, церковь, промышленное производство, право, свобода и т. п., и т. д. — вот руководящее начало, которому должны служить общественные явления, которому должны подчиняться, для которого должны жить и умирать личности, — отвечают социологи-метафизики.

Элементарные потребности человека в их развитии, в их взаимном подчинении, в их гармоническом соглашении путем этого развития и этого подчинения — вот реальная основа прогрессивных реформ и революций, реальное указание для личности, в каком направлении она должна направлять свои силы на общественную деятельность, — отвечают научные социологи.

Религиозный критерий не может годиться для научной социологии, как он не годится ни для одной науки. В мифах и в догматах скрыты реальные потребности, но эта одежда убивает содержание, потому что священный миф, неизменный догмат, сверхъестественный бог препятствует развитию, освящает господство привычки и обычая и, направляя мысль человека на сверхъестественную внешность учения, искажает потребности человека, развивает их в искусственном направлении и мешает их здоровому наблюдению. Поэтому ни одно социалистическое учение не могло принести реальной пользы человечеству в своей связи с религиозным догматом; ни одна секта, проводящая здоровые социальные начала во имя сверхъестественного откровения, не может считаться ничем иным, как временным подспорьем социального развития, крайне ненадежным и большею частью вредным союзником здоровой социальной деятельности. Религиозный энтузиазм непродолжителен; житейский эгоизм и критика мысли одинаково его подрывают; если социальное учение опирается на него, то с его ослаблением теряется большею частью и всякое стремление к социальным реформам или революциям; ренегаты религиозные становятся и ренегатами в общественном деле. Прочное социальное движение нуждается в иных союзниках. Отсюда мы получаем новый закон социологии: *лишь приближаясь к приемам научной критики, можно открыть настоящее руководство для перестройки общественных форм путем реформ или путем революции в виду здорового общественного развития.*

Метафизический критерий не имеет самостоятельного значения, потому что всякая высшая общественная идея, взятая сама по себе, есть временный исторический продукт общественной деятельности в виду удовлетворения одной потребности или одной группы потребностей человека. Если эта идея имеет реальную важность в настоящую эпоху, то все ее значение заключается исключительно в реальных потребностях, ее вызвавших, к которым и следует обратиться для решения социального вопроса, ею, повидимому, разрешенного. Взятая же независимо от потребностей, ее вызвавших, всякая высшая идея становится идолом,

служению которому не может ни содействовать здоровой кооперации, ни развивать научную критику, следовательно, может быть лишь вредно для общественного дела, отвлекая искренних мыслителей от реальных общественных задач и доставляя лицемерам и политическим интриганам новый громкий девиз обмана их последователей. Перенесенная целиком из одной эпохи в другую, каждая высшая общественная идея есть анахронизм, стесняющий здоровый ход общественной жизни. Таким образом, общественная метафизика есть недостаточно строгое и недостаточно точное отношение к общественным задачам; преувеличение значения формальных результатов без обращения достаточного внимания на их реальное содержание; выделение одной потребности или одной группы потребностей человека, пренебрегая всеми прочими и разрушая таким образом единство и цельность развития личности и общества; перенесение формулы, выражавшей состояние общественных потребностей одной эпохи, на другую эпоху, когда потребности стали иными. Так как во имя общенаучной логики требуется строгое и точное отношение к задачам, обращение к реальным фактам, а не к отвлеченным формулам, рассмотрение явлений в их целостности, в их связи и в их реальном подчинении, наконец, рассмотрение их в том их фазисе, который соответствует решаемому вопросу, и так как все реальное содержание высшей идеи общественной метафизики заключается в реальных элементарных потребностях человека, то из предыдущего следует: *руководством для перестройки общественных форм и для общественной деятельности личности могут быть лишь реальные элементарные потребности человека в их гармоническом развитии, подчинении и соглашении* *.

Этот последний закон составляет основной узел для перехода социологии в социализм и для уяснения его научного значения. Всякое здоровое прогрессивное развитие общества должно восходить к основным началам общества, к удовлетворению всех элементарных потребностей в их единстве, следовательно, пересмотр общественных форм никогда не может быть частным; нет ни одной основной формы общежития (ни святыни собственности, ни святыни семьи, ни святыни государства), которая могла бы

* В предыдущей главе рассмотрены лишь политические метафизики, как самые характеристические представители этого направления мысли, имевшие самое большое значение и в истории социологических мнений. Но сюда же относятся теоретики, строящие будущее общество на основании разделения племенного или национального; мыслители, желающие связать будущее общество новой искусственной религиею, гуманитарною церковью; мыслители, предполагавшие, что правление философов или конгресс ученых может доставить лучшее устройство обществу; экономисты (о которых мы еще упомянем), воображавшие, что общество должно быть устроено в виду наибольшей производительности, и т. п. Все они употребляли один и тот же прием метафизики, разобранный здесь в тексте, и все нарушали один и тот же социологический закон, только что указанный.

оставаться вне этого пересмотра; напротив, именно самые основные формы общежития, как стремящиеся удовлетворить элементарным, основным потребностям человека, должны подлежать прежде всего пересмотру и переделке для общественного прогресса. При всяком общественном страдании, при всяком расстройстве общественных отношений, при всякой дисгармонии в кооперации, вероятность на стороне того, что стали неудовлетворительны формы, удовлетворяющие потребности в аффективной связи, потребности в экономическом обеспечении, потребности в личной безопасности. В здоровом обществе эти формы никогда не могут быть кристаллизованы, но должны постоянно допускать развитие и приращивание к разнообразным потребностям личности, к разнообразным проявлениям кооперации. Всякая частная реформа имеет смысл лишь в связи с вопросом об удовлетворительности основных общественных отношений между личностями; всякая революция имеет прогрессивный смысл лишь тогда, когда она направлена на разрушение препятствий к удовлетворению потребностей личностей относительно их безопасности, относительно их экономического обеспечения, относительно их взаимной аффективной поддержки; всякая общественная теория — лишь тогда научная теория, когда она критически, радикально и без всякого отношения к существующему закону, к обычаю и к преданию решает вопросы о наилучшей форме для аффективных, для экономических отношений между личностями и для обеспечения их безопасности, т. е. решает вопросы, теперь решаемые семьей, экономическим порядком и государством. Перемена личностей в правлении, переход власти от одной группы общества к другой — т. е. политические реформы и революции — не могут помочь обществу при дурном экономическом порядке; чисто экономическое законодательство окажется лицемерным лечением, если власть остается в руках прежних экономических хищников; прежние политические неурядицы и прежнее экономическое хищничество вырастет после политической и экономической революции, если основа аффективных связей, форма семьи, осталась неприкосновенна. Частное решение общественных вопросов — юридическое, политическое, экономическое, семейное — невозможно. Реформы или революции всегда должны охватывать все основные элементы общественной жизни. Иначе говоря, только социализм есть истинная социология.

Те мыслители, которые первые напали на мысль об основном пересмотре семейных, экономических и государственных отношений в их связи не во имя религиозного откровения, а во имя человеческих потребностей, более или менее ясно понятых, эти мыслители были предшественниками настоящего научного социализма.

Но он не мог быть построен наугад. Теоретическая мысль должна была быть надлежащим образом подготовлена для основ-

ной критики вопросов социологии. История должна была подготовить надлежащую почву, во-первых, для начальной постановки этих вопросов, во-вторых, для открытия правильного пути для их решения, наконец — для формулировки этого решения наиболее правильным образом. Это и дает точки деления в истории социальных учений, развивавшихся на научной почве.

Из трех основных потребностей, о которых мы только что говорили, прежде всех в истории господствовала потребность личной безопасности; она именно вызвала то преобладание политического элемента в социологической мысли, которое выразилось в господстве политической метафизики; она и определяла в главных началах направление социологической мысли, пока рабство и крепостничество препятствовали установлению самой элементарной безопасности для большинства личностей, пока они препятствовали всякому развитию уважения к труду. С увеличением числа свободных людей, безопасность которых, в самом тупом смысле, была политически ограждена, с появлением собственников с политическим влиянием, вышедших из трудящегося класса, стала преобладать потребность экономического обеспечения, и на этой почве стали строиться социалистические учения, сначала в форме утопий, потом ближе и ближе подходя к сущности вопроса. Возрастающие бедствия свободного пролетариата рядом с быстрым развитием капиталистического производства вызывали проекты социальных реформ, социалистических законодательств; но надежда на мирное введение этих радикальных реформ была обща мыслителям, и эти теории мирного социального переворота исключительно характеризовали первый период учений.

Но, по самой сущности дела, социальные реформы возможны в весьма немногие эпохи истории. Во-первых, когда экономическое развитие незначительно, власть слаба и общее неустойчивое, общее отсутствие безопасности, общий недостаток обеспечения побуждают эгоистические влечения без особенного сопротивления подчиняться всякому действию, направленному к улучшению общественного положения. Тогда около всякой растущей силы готовы сгруппироваться менее энергичные личности, и если растущая сила была бы временно сила большинства, сила, направленная к общему благу, то из общественного неустойчивого может мирно выйти и социальный прогресс. История не дала нам фактических примеров тому; постоянно в эпохи неустойчивого растущим, наиболее энергичным элементом являлась сила эгоистическая, монополизировавшая власть, эксплуатировавшая ее в пользу меньшинства, и всякое новое «царство порядка» было новым фазисом в бедствиях масс. Но, несмотря на это отсутствие фактических подтверждений, нельзя не допустить, что подобный мирный переход в некоторые исключительные эпохи общественного расстройств возможен; встречаются даже, повидимому, ука-

зания на эту существовавшую возможность в две-три эпохи истории, но здесь нечего останавливаться на этих соображениях, так как мирные социальные реформы если и были возможны в ту или другую эпоху, при упомянутых обстоятельствах, то возможность их никогда не перешла в действительность.

Другой случай возможности *реформ* совсем иной. Он никогда не имел и не мог иметь места в прошедшем, но его постоянно ожидают в будущем, и весьма многие недюжинные умы не могут отстать от убеждения, что он представляется в их время, что вот-вот он осуществится. К сожалению, он все не осуществляется и едва ли может когда-либо иметь место, хотя долго, долго еще, вероятно, он будет обольщать умы, склонные хорошо думать о большинстве своих ближних.

Это — случай высокого нравственного и умственного развития большей части личностей господствующих классов общества при неправильном его строе. Допустим, действительно, что люди, обладающие политической властью — короли, диктаторы, аристократия перов или биржевиков, — допустим, что монополисты общественного имущества — землевладельцы, промышленники, торговцы, — допустим, что главы семей в большинстве проникнуты самым искренним желанием общего блага и готовы жертвовать для него своими выгодами. Вообразим, что они выслушивают проповедь или прочитывают книги социалиста-мыслителя, который доказывает им совершенно ясно, наглядно, что общественное благо требует переворота политического, переворота экономического, переворота семейного. Если они сомневаются и хотят эмпирического доказательства, то мыслитель-социалист устраивает для них модель будущего общества, маленький рай политического равенства и свободы, экономической справедливости, аффективного блаженства. Если (!) они искренни, то они разом откажутся от притеснительной власти, издадут ряд удивительных законов, отдадут свои капиталы, откажутся от хищничества и монополии, откажутся от семейного господства, от ежедневной привычной диктатуры у домашнего очага. Они своими руками разрушат все препятствия к лучшему строю общества, и он осуществится при общей радости для общего благополучия.

Эта иллюзия долго и упорно обманывала социалистов первого периода, обольщала и большинство социалистов второго, особенно тех, которые были возмущены кровавым течением первой французской революции. Когда этим мыслителям с такою неотразимую ясностью рисовался их общественный идеал, то они не могли допустить, чтобы он не был также ясен другим, чтобы он не увлек всех, только бы на него обратили внимание, только бы прочли их книгу, услышали их проповедь. Именно для отстранения революций с их ужасами они представляли свои проекты. Они удивлялись, как это другие не убеждаются. И теперь есть между нами немалое число мечтателей, убежденных, что социаль-

ный переворот совершится мирно и быстро, только бы обратили внимание на их социальную систему.

Если бы возможно было подобное состояние высокого нравственного и умственного развития большинства людей, пользующихся притеснительными, несправедливыми, мучительными формами общественного строя, то подобная иллюзия могла бы перестать быть иллюзией хотя в далеком будущем. Но и это совершенно невероятно. Притеснительные, несправедливые, мучительные формы давно перестали бы существовать, если бы личности, их поддерживающие и терпящие, были действительно развиты нравственно и умственно. Пользование же этими формами настолько портит личности, что лишь самое незначительное меньшинство их может развиваться до сознания возмутительности существующего строя; остальные же становятся все менее и менее способными достигнуть этого сознания, и никакие проповеди, книги, модельные опыты социализма их не убедят. Им невыгодно поверить, и они не поверят; им невыгодно видеть, и они не увидят. Надежда убедить большую часть «власть имеющих» в справедливости, выгоды и научной очевидности социализма должна, по видимому, навсегда остаться фантастическою утопиею.

Если путь реформ совсем закрыт или весьма невероятен, то остается путь *революций*, насильственных переворотов. При некотором порядке, при некоторой безопасности, при некотором обеспечении, те, в чьих руках наиболее власти, наиболее экономического имущества, наиболее возможности наслаждаться, ревниво стараются удержать то, что они монополизировали, жадно стремятся расширить и укрепить эту монополию, лишить большинство всякой возможности бороться с ними. Порядок становится синонимом охранения того, что есть; политическая власть и экономическое могущество направляются на это охранение; с увеличением порядка, с усилением власти, с большим обеспечением экономических отношений, возможность социального улучшения мирным путем все уменьшается. Наконец, в страждущих классах, в умах, возмущенных несправедливостью существующего общественного строя, уясняется мысль: *социальный переворот может быть совершен только путем социальной революции*.

Это начало внесено в историю социальных учений Бабёфом, и с него начался второй период *социализма революционного*. Было еще много мирных утопистов, даже большинство социальных теорий и позже были теории мирного характера, но мысль революции, прошедшей над человечеством, оставила на всех их неизгладимые следы. Теоретики социализма выставляли свои построения в противоположность политическим революциям, доказывали несостоятельность политических революций, думали предохранить мир от политических революций своими системами. Все более уяснялось различие односторонних политических задач от всесторонних социалистических; все более развевалась мета-

Физическая сущность политических формул в реальное социалистическое содержание. И предание Бабефа не осталось забытым. С каждой революцией, с каждым историческим потрясением яснее и яснее, громче и громче рядом с вопросом политическим выступал вопрос социальный. Убеждение, что лишь революция должна привести к социальному перевороту, росло и распространялось. Но одни революции за другими происходили в Европе. Пролетарии лили свою кровь на баррикадах за своих предводителей, а социальный строй все не изменялся; напротив, капитализм рос и давил все тяжелее на массы. Как же могла бы совершиться социальная революция, если все попытки к ней до сих пор были неудачны? Какая могла быть для нее почва, если почва, на которой до сих пор происходили все революции, для нее оказалась негодной? Ответ на эти вопросы подготовили наука и история, прежде чем он вошел в построение социальных учений.

Чтобы вопросы общественные могли быть поставлены верно, необходимо было, чтобы вопросы о человеческих потребностях, вопросы биологии и психологии, были достаточно разработаны, чтобы истины предварительных наук были надлежащим образом поняты. Лишь успехи биологии и психологии подготовили в нашем веке правильную постановку вопросов научного социализма.

Другая подготовка заключалась в историческом развитии рабочего сословия. Образование свободного пролетариата вызвало ряд социалистических систем первого периода; революции политические подготовили теории революционного социализма; точно так же полное господство капиталистического производства в XIX веке и его безусловное влияние, прямое или косвенное, на все исторические явления вызвало сначала местные явления рабочих союзов, усиливающихся и распространяющихся стачек, затем мысль об организации труда, обширную литературу по рабочему вопросу, критику установившихся экономических теорий; наконец, все эти явления концентрировались в объединяющую теорию *международного рабочего социализма*. Он есть, в области теории, научное понимание отношений труда к капиталу и обусловление этими отношениями всех общественных явлений; он есть, в области практики, требование социальной революции, произведенной на почве организации рабочего сословия всех стран и племен в один союз, долженствующий подорвать все государственные, национальные, монопольно-экономические общественные формы для замещения их новым строем, все основания которого логически вытекают бы из требования свободного удовлетворения потребностей большинства.

Период теорий международного рабочего социализма есть период развития социальных учений, в котором мы живем. Конечно, рядом с его теориями продолжают существовать теории прежних мирных утопистов, теории революционного социализма, ищущие для социализма иную почву, чем самостоятельное и сознательное

революционное движение рабочего сословия; кроме того, на наших глазах, в самых разнообразных примесях, присутствуют в социалистических учениях переживающие остатки прежних религиозных и метафизических взглядов; на построение рабочего социализма влияют национальные привычки, остатки верований в возможность переворота путем прямого законодательства, в возможность чисто политических революций, как средств для достижения социального переворота, но эти явления переживания старого слишком обычны во все периоды истории человечества, чтобы они могли удивить нас в настоящем. Настоящее и будущее принадлежат, бесспорно, международному рабочему социализму; он имеет за себя научное основание строгой критики общественных отношений, восходящей к основным реальным потребностям; он опирается на твердую почву самого обширного класса людей, более и более связанного в одну общую организацию; он имеет, наконец, за себя практичность приемов приготовления социальной революции.

Социальные теории настоящего имеют один недостаток, который позволяет надеяться, что они вступят в непродолжительное время в новый период. Они разрешили научно связь экономического вопроса с политическим и установили подчинение последнего первому. Но они остановились перед радикальным решением вопроса о семье. Между тем строй семейных отношений данного общества находится в самой тесной связи с его политическими и экономическими условиями. Это чувствовало большинство социалистических мыслителей с самого давнего времени и вводило в свои системы более или менее радикальное решение семейного вопроса. Но эти решения были большею частью угадками или эмпирическими приемами и часто носили на себе следы отсталых взглядов на аффективные потребности человека. Так было до самого появления научных построений рабочего социализма. Эти последние почти не касались этого вопроса, и он научно не разработан: помощью тех же приемов, которыми разобраны вопросы экономического и политического в их связи. Движение, которое называют теперь женским вопросом, поднялось в Европе и Америке вне всяких отношений к рабочему социализму, и лишь у нас, в России, они связаны, но более эмпирически, чем строго научно. Будущему периоду развития социальных учений принадлежит дополнить эти учения и научным решением вопроса об удовлетворении здоровых аффективных потребностей человека.

Таким образом, разбирая социальные учения, входящие в генезис научного социализма, нам приходится сделать сначала обзор тех учений, где впервые, вне религиозной почвы, угадана связь основных человеческих потребностей, как основа для построения теории общества, и указать на ряд учений этого направления, вызванных появлением свободного пролетариата в Европе; затем следует указать развитие революционного социа-

лизма под влиянием политических революций и постепенное обособление теории социальной революции от революций политических; наконец, надо проследить, под влиянием господства капитализма, фазисы развития рабочего международного социализма с его прочною почвою в рабочей организации, с его определенной задачей социальной революции, с его научным анализом экономических вопросов, как преобладающих над всеми остальными вопросами общественной жизни, с его стройною теориею общества, позволяющею вполне применить к нему термин *научного социализма*.

Конечно, мы короче будем говорить о теориях первого периода, чтобы подробнее остановиться на учениях, принадлежащих двум последним.

V. Античный социализм

Греция была первая страна, где во всех областях мышления религиозные мотивы уступили мотивам философской и научной критики. В ней первой мы можем искать и попытки решить вопрос о рациональной постройке общества. Правильная его постановка требовала многих условий, и лишь часть их могла быть удовлетворена при той исторической постановке, которую мы находим в Греции; не мудрено, что и в социальных учениях Греции мы найдем лишь частные приступы к решению вопроса и что в самой смелой форме его, дошедшей до нас от древности, эта односторонность должна была выказаться. Мы не можем ожидать здесь сколько-нибудь цельного и последовательного в подробностях построения общества, но лишь некоторые указания на реальные основы этого построения.

Эти указания могли выйти из более или менее ясного понимания зависимости всех общественных процессов от экономических отношений и от аффективных связей, из более или менее точной оценки труда, как единственной основы правильного экономического строя; из выработки понятия о справедливости, как начала, пред которым рутина обычая и предания не имели никакого права на обусловление форм общественной жизни; из понимания необходимости для наиболее развитых личностей во всех общественных идеалах постоянно иметь в виду сближение с большинством, поддержку большинства, проверку кабинетного мышления сознанием большинства; из понимания способов, которыми новый общественный идеал мог быть привит обществу, предания которого были совершенно иные.

История содействовала благоприятному развитию лишь некоторых из этих условий в Греции. Самый существенный успех здесь заключался в том, что для передовых мыслителей предание, как предание, потеряло свое руководящее, подавляющее влияние; что поэтому политические формы, точно так же, как религиоз-

ные верования или экономические и домашние отношения, могли подвергаться пересмотру, когда весь Восток и Рим в искреннем или лицемерном уважении к древности видели основу общественного благоустройства. Но почти вся выгода этого умственного успеха пропала вследствие развития аристократизма мысли среди греков, аристократизма, побуждавшего лучших людей не только не искать сближения с массою, но более и более удаляться от нее, более и более уединяться от общества, пока, наконец, в учении позднейших мыслителей выработался идеал мудреца, чуждого всем общественным тревогам и стремлениям.

Точно так же другое важное приобретение греческой мысли, выработка понятия о справедливости, как идее, отличной от легальности, было парализовано полным отсутствием разработки понятия о труде, как основе справедливых экономических отношений. И в этом направлении можно сказать, что греческая мысль шла не только не вперед, но назад, под влиянием исторического развития греческого общества. Уважение к труду, следы которого мы встречаем первое время в Греции, исчезает у обоих главных законодателей ее мысли, Платона¹⁶⁷ и Аристотеля, и самое живое понимание зависимости государственной жизни от экономической, самое искреннее стремление внести справедливость в общественный строй не дает надлежащих результатов вследствие того, что греческие мыслители не могут даже допустить мысли об общественном строе, опирающемся на всеобщий труд.

Читатели очень хорошо знают, что причиною этому было отождествление в греческой культуре положения работника с положением раба. Но это отождествление развилось постепенно и было связано с экономическими изменениями, совершавшимися в обществе.

В эпоху составления песен, вошедших в состав поэм Гомера¹⁶⁸ и Гезиода¹⁶⁹, мы видим следы существования немалого числа свободных работников, которых уважали как художников, как строителей; сами боги Олимпа¹⁷⁰ ковали оружие и пасли стада при случае; богини пряли и ткали; при бедности и простоте жизни государей, которых дочери ходили сами полоскать белье, самое рабство было не унизительно. Раб, свободный работник, живший своим трудом, и предводитель полуразбойничьего племени немного отличались один от другого в формах жизни. Поэтому у Гезиода встречается наряду с первым проявлением справедливости, как специально человеческого свойства, и прославление труда: «боги и люди ненавидят праздного, подобного шмелю, пожирающему мед пчел... Не стыдно трудиться; стыдно быть праздным». Не мудрено, что этот успех социалистической мысли отражается и в практической сфере озлоблением против патриархальной власти, революционным стихом, направленным против «царей, жадных до подарков», и против их несправедливых приговоров.

Революция не осталась только в мысли и стихе поэтов. Она

совершилась и на деле, и в большей части Греции патриархальные цари исчезли или потеряли свое значение. Конечно, как все политические революции, эта революция и ряд следовавших за нею многочисленных переворотов в Греции совершились во вред большинству. Прежде всего дорическое нашествие развило в значительном числе греческих стран сословие крупных землевладельцев. Но оно удержалось не всюду. В позднейшее время это крупное дворянство, с подавленными поселенцами на его землях, находим особенно в Фивах. В Аргосе находились рядом крупные и мелкие владельцы. В Аркадии удержалось свободное мелкое владение землей. Наконец, в Лаконии выработалась оригинальная экономическая система, лежавшая в основе политической жизни: над илотами, униженными до степени животных, над периэками — работниками, обреченными на политическое ничтожество, возвышалась племенная аристократия спартанцев, с равенством поземельных участков, со строгими мерами против накопления движимого богатства, со многими элементами коммунальной жизни, образовавшей исключительность высшего сословия, причем все общественные функции были подчинены одной потребности — потребности в безопасности. Во всех этих странах, где экономическая основа государственной жизни заключалась в поземельной собственности, положение трудящегося населения, свободного и невольнического, было тем хуже, чем определеннее выработалась племенная аристократия, чем было исключительнее сословие повелителей — как в Спарте, чем более централизовалось поземельное владение — как в Фивах.

Если бы во всех греческих племенах установилась подобная система экономических отношений, то Греция не играла бы своей цивилизационной роли в истории, так как нигде в мире земледельческий труд и борьба за выгоды, им доставляемые, не повели к борьбе против обычая и предания, к выработке самостоятельной мысли, которая противопоставила бы нравственную потребность знания и справедливой жизни рутине, опиравшейся на святыню древности. Нужны были исключительные условия, которые создали бы совсем иные экономические отношения и, на основании их, иную политическую комбинацию. Так было в Аттике, в Коринфе, в многочисленных колониях, рассеянных эллинами по удобным для торговли берегам Архипелага, на местностях, чуждых древнему обычаю, не заключавших аристократии завоевателей-землевладельцев. Нам приходится наиболее говорить об Афинах, потому что о них сохранилось наиболее сведений у древних писателей и на них были наиболее направлены труды новых археологов, но есть данные, указывающие, что и в других местах факты развития представляли еще более интереса и самое развитие пошло далее.

В Аттике крупного землевладения, опиравшегося на завоевание, никогда не образовалось. Патриархальный период выработал

союз мелких землевладельцев около афинского Акрополя, но годы топографического положения сгруппировали около Пирея другой город, город купцов и морских разбойников (что в древнейший период было одно и то же), город промышленников и ремесленников. Здесь движимое имущество составляло основу значения и влияния. Надо полагать, этот второй город настолько быстро усилился и стал экономически нужен для бедных землевладельцев Акрополя, что они не могли или не хотели бороться против политической связи с ним. В законах, носящих имя Солона, не владение землею, но богатство вообще было принято за основу политических прав, в то же время, как закон, ограничивавший скопление поземельных участков в одних руках, ограждал владельцев движимостей от возможности образования поземельной аристократии в будущем. Сама поземельная собственность распалась, переходила из рук в руки и обратилась в товар. Старинные семьи стали стремиться к приобретению движимого имущества, которое одно давало возможность к действительному обогащению. Ослабело все, разделявшее мелкое поземельное дворянство от богатых промышленников, ростовщиков и менял. В войне с Персией флот торговцев был единственным убежищем нации; он спас Афины, и из этой войны афиняне вышли уже *единым* обществом, где старая раздельность Акрополя от Пирея исчезла окончательно. Явилось одно сословие богатых руководителей государственными делами; увеличились удобства жизни; стала возрастать роскошь; росли вместе с тем и потребности, росла и страсть к обогащению. Развилось то, что мы в праве назвать античной буржуазией, с ее легальным хищничеством, с ее презрением к старине, в которой она не имела участия, с ее изворотливостью ума и насмешливым отношением к преданию.

С тем вместе стало расти и противоположение тех «двух враждебных государств в каждом государстве», о которых, как увидим ниже, говорит Платон, противоположение богатых и бедных граждан. Быстро уменьшилось число свободных ремесленников, и их положение стало хуже, вследствие конкуренции рабов, наполнявших дома богатых. Оно стало хуже и от перенесения на горожан понятия о правах гражданина, понятия, вышедшего из поземельного владения, представители которого слились теперь с представителями промышленности. При гражданстве, опиравшемся на владение землею, был полноправным только землевладелец, работавший на *своей* земле, на себя, а не батрак, получавший плату за работу на другого. В новых Афинах стал считаться недостойным полного гражданства всякий *оплаченный* работник, работник на другого. Но и положение рабов стало хуже, потому что они перестали служить только для удовлетворения прямых потребностей семьи их господина; они превратились в порабощенные рабочие силы для производства товаров, назначенных для продажи; их заставляли работать на заводах; их отдавали в наем

для работы в рудниках; их эксплуатировал экономически всякий промышленник; всякий поземельный собственник старался иметь, кроме своего участка, какое-нибудь производство, где рабы давали ему доход. Никий¹⁷¹ разбогател от серебряных рудников; Демосфен¹⁷² имел оружейный завод. В Эпидамне рабы эксплуатировались не частными лицами, а государством, и Диофант предлагал установить то же в Афинах. Вместе с усилением эксплуатации рабов понятие об оплаченном труде вступило для свободных граждан в прочную ассоциацию с понятием о рабстве. Лишь праздная жизнь стала почетна для афинянина. Политические агитаторы, пользуясь этою наклонностью, выставили вперед *либеральное* начало оплаты из государственных сумм всякого афинского гражданина лишь потому, что он гражданин; ему платят за присутствие в народном собрании, платят за произнесение безапелляционного судебного приговора, платят даже за присутствие в театре при представлении драм Софокла и Эврипида¹⁷³. Получение платы без труда становится признаком гражданства; общественная служба становится товаром; растет хищничество относительно более слабых городов для пополнения казны, оплачивающей афинских граждан; предпринимаются войны в виду добычи для казны; приговоры судов произносятся в виду *выгод* конфискации и пени для увеселений афинских граждан; растет продажность во всех классах, и *либеральные, передовые, демократические* Афины представляют нравственное разложение, которое пугает передовые умы и заставляет их обращать взоры с уважением к консервативной, грубой, аристократической Спарте, с ее враждою к прогрессу; заставляет их обращаться с уважением к деспотизму «великих царей», над которыми недавно восторжествовала свободная Греция. Забыты законы Дракона, наказывавшие праздность лишением гражданства. Забыты законы Солона, старавшиеся охранить права труда. Сократ¹⁷⁴ напрасно в последний раз проповедует уважение к труду, как основание справедливого общества. Его ученики смотрят с отвращением на демократическое общество, где продажность и хищничество проникают все политические отправления. Они идеализируют персидского деспота, как Ксенофонт¹⁷⁵ в его «Киропедии». Они обращаются к безусловному господству аристократии мысли и племени, принимая за точку исхода Спарту, как Платон, о котором мы сейчас скажем.

Впрочем, стремление к обогащению не ограничилось Афинами или городами, где преобладало промышленное сословие. О современниках Платона и своих собственных Демосфен говорил, что не только «в иных, но во всех странах Греции одинаково оказались изменники и продажные люди... в таком большом числе, как никогда прежде». Довольно рано, в период вполне исторический, продажность проникла и в Спарту, которую не охранили при этом законы Ликурга¹⁷⁶, не охранило равенство участков, обществен-

ные обеды и преследование роскоши. Там, где политический строй устанавливал неравенство, где экономический строй не опирался на всеобщий труд, оно иначе и быть не могло. Уже Еврибиада¹⁷⁷ в эпоху персидских войн подкупал Фемистокл¹⁷⁸. Впоследствии подкуп спартанских царей и эфоров¹⁷⁹ стал делом довольно обыкновенным: равенство участников стало сначала номинальным, потом совсем исчезло; богатые скопляли, сколько могли, имущества; роскошь стала отличительным признаком и правом немногих. При Аристотеле богатые наследницы владели $\frac{2}{5}$ всех земель Лаконии. В половине III столетия существовало не более 100 землевладельцев среди потомства древних спартанцев, и эфоры пустили в торг самый трон царей. Еще в довольно раннее время угадка важности экономического вопроса вложила в уста оракула предсказание, что Спарта погибнет от накопления богатств; оно так и совершилось; оно должно повториться и для всякого общества.

Дорийцев Крита и Спарты не спасла доля коммунистического начала, внесенная в их древние законы, потому что при борьбе личного эгоизма против недостаточно полного проведения социалистического принципа всегда восторжествует эгоизм. В Афинах, при господстве частной собственности и промышленной конкуренции, которая могла бы вести к накоплению значительных богатств в руках немногих, инстинкт борьбы привел большинство граждан к социалистическим приемам довольно оригинального характера для противодействия этому накоплению. Демагоги установили, как было уже сказано, оплату всех граждан за присутствие в народных собраниях, в судах, в театрах. Большинство граждан, живших таким образом на счет общественной казны, было решителем судебных личностей на народных собраниях, инициатором процессов и безапелляционным решителем их в судах. Оно употребило эту политическую власть для борьбы между «враждебными государствами богатых и бедных», о которых было сказано. Против всех богатых людей начинались процессы; конфискация и крупные пени систематически возвращали значительную долю накопленного и похищенного богатства эксплуататоров в казну, питавшую праздную бедность. Ни один достойный человек в Афинах от Мильтиада¹⁸⁰ до Демосфена не избег конфискации или пени. Когда не имелось поводов к процессам, достаточные люди были задавлены дорогими литургиями, т. е. постройками общественных судов, общественных зданий, оплатою общественных празднеств и увеселений. Промышленное богатство не могло сделаться наследственным, не могло даже накапливаться на долгое время в одних руках. Конечно, тут особенного социалистического успеха не было; ничем не сдержанная конкуренция промышленников встречала хищничество праздных политических болтунов, и эксплуатировка поработанного класса рабочих, эксплуатировка городов и стран, подчиненных афинской гегемонии, нисколько не уменьшалась от того, что борьба между богатыми и бедными

постоянно переливала казну частных людей в общественную кассу и оттуда рассеивала ее между праздным большинством афинских граждан. Об общественной кооперации не могло быть тут и речи. Это была систематизированная борьба за барыш хищничества.

Этой оригинальной форме распределения имущества удалось утвердиться в Афинах, но когда ее попробовали установить в Корцире, то борьба между собственниками и «самодержавными гражданами», пожелавшими систематически очищать казну собственников, приняла самый ожесточенный характер. Партии призывали на помощь коринфян, вооружили рабов, произвели самую кровопролитную резню в городе, и вся Греция приняла участие в этой борьбе. Всюду партия собственников стала против партии бедных граждан. Социальная борьба двух классов хищников вызвала волнение рабов. Пелопонесская война была не войною за гегемонию, а войною за вопрос, будут ли промышленные богатства накапливаться в руках немногих, или будут переходить, путем народных приговоров, в пользование большинства праздного населения. С тех пор эта война не прекращалась в Греции и еще усиливалась вследствие потерь класса собственников во время войн и вследствие разорения поземельных владений.

Между тем с развитием промышленного богатства развилась параллельно и критическая мысль Греции, сначала в колониях, потом в Афинах. Критическая мысль греков рано обратилась к вопросу об устройстве лучшего общества, именно в форме вопроса о лучшем государстве, потому что потребность безопасности стояла все-таки на первом месте, и даже во время Аристотеля приходилось замечать, что общественные теории должны иметь в виду не только решение внутренних вопросов общественной жизни, но и внешнюю безопасность государства от врагов. Тем не менее связь между экономическими и государственными вопросами существовала и в греческих законодательствах; не ускользнула и от многих мыслителей, о которых говорит Аристотель, не называя их, что им «кажется важнейшим правильное устройство имущественных отношений, потому что из-за этих отношений, — говорят они, — происходили постоянно восстания». При обширном распространении греческих колоний и при частых политических переворотах внутри городов, легко могли мыслители и политические деятели допустить возможность улучшения общественного быта путем законодательства, заключающего более или менее радикальные политические и экономические реформы. Все затруднения обновления общества хорошо придуманною системою законов и обычаев тем менее обращали на себя внимание греческих учителей, риториков, софистов, чем более они были удалены историею от действительной политической и практической деятельности, чем более терялось уважение к преданию именно в их кружках и чем более влияние денежной демократии отзывалось расстройством всех нравственно связующих элемен-

тов общества, а с тем вместе вызывало желание изменить наличный порядок. Легенды, принимаемые всеми за исторические истины, передавали, как Ликург, Солон, Харондас¹⁸¹ «сочиняли» законодательства и как народы подчинялись им; почему же — думали люди V столетия до нашей эры — не могли эти «бесспорно исторические» факты повториться, когда умственное развитие подвинулось вперед, а политический опыт выказал недостаток «созданий» законодателей прежнего времени?

В V веке тем скорее могло произойти распространение подобных взглядов, что именно в это время результаты передовой греческой мысли, до тех пор запертые в школах мудрецов и философов, в первый раз вышли на площадь и стали популяризоваться в устах учителей-риторов, именно так называемых софистов, получивших свою дурную репутацию потому только, что нам остались лишь произведения их противников. Софисты говорили с толпою, следовательно, должны были говорить о предметах, наиболее близких интересам большинства. Вопросы нравственности, политики, законодательства, экономических отношений неизбежно должны были составлять один из основных предметов их рассуждений. Они высказали громко перед обществом, — которое до тех пор жило уважением к преданию, даже тогда, когда отменяло старые предания, — что древний обычай не имеет никакого самостоятельного права на уважение; что всякое знание, как всякое жизненное действие, не безусловно, а только *относительно*; что «человек есть мера всему»; что, следовательно, во имя пользы можно изменять все общественные порядки, и закон, установленный однажды обществом, имеет такое же право на уважение гражданина, как старое правило, освященное именем Ликурга или Миноса¹⁸², Кекропса¹⁸³ или Кадма¹⁸⁴, пожалуй даже: Афины¹⁸⁵ или Аполлона.

Выработанные эпохою, жадною до денег и до наслаждений, представляемых деньгами, софисты вынесли свое учение не только на площадь, но и на рынок. Они стали *продавать* его, что страшно возмутило их соперников, которые не хотели сознаться, что с политическим господством денег все мало-по-малу становилось продажным, все обращалось в товар, и что софисты поступили вполне логично, вынося на рынок новый предмет удовлетворения потребностей. Граждане продавали свое время отечеству, Платону покупали друзья сад академии, Пракситель¹⁸⁶ продавал мраморных Афродит¹⁸⁷; почему было Гиппию¹⁸⁸ и Продику¹⁸⁹ не продавать своих знаний и своих риторических уловок? Противники возмущались роскошною внешностью некоторых софистов, пурпуровым платьем Гиппия; но это было лишь отражением всеобщего состояния общественного развития. Греция хотела наслаждаться деньгами; афиняне грабили для этого союзников и строили Парфенон¹⁹⁰; владельцы рабов заставляли их работать в рудниках, чтобы строить себе великолепные дома; ростовщики

брали неимоверные проценты; сикофанты делали доносы; и все это было для того, чтобы наслаждаться деньгами, или чтобы иметь много рабов, удобно беседовать с друзьями на пире в роде «Симпозiona» Платона или Ксенофонта, носить тонкие одежды. Гиппий и его товарищи откровенно следовали течению. Они стояли в уровень с общественным развитием, как передовые представители критической мысли в ее общедоступной форме, как откровенные представители нравственного понимания общества, где скопление богатства и изящное пользование им составляли высший личный идеал — идеал, неизбежно вырабатываемый при допущении монопольной собственности и при развитии экономической конкуренции.

Но софисты были не только популяризаторами теории эгоизма. Как ни недостаточны наши сведения о них, но мы знаем, что «Спорные вопросы» Протагора были настолько близки к постройке общества, выставленной потом Платоном, что последнего обвиняли в заимствованиях у первого. Мы знаем, что Гиппий, скандализировавший противников роскошью одежд, не стыдился физического труда и хвастался тем, что сделал себе сам и плащ, и кольцо, и обувь. Мы знаем, что один ученик Протагора говорил: «Бог сделал всех свободными; никого природа не сделала рабом». Мы имеем достаточное основание предположить, что именно между софистами находились те противники рабства, о которых говорит Аристотель, не называя их. Во всяком случае учение софистов должно было заключать весьма важные элементы для развития теорий общественных реформ.

И вот в этом обществе стали являться теоретики наилучшего общества, т. е. прожектеры законов, которые дали бы обществу наиболее прочности и благоденствия. На них неизбежно, хотя бессознательно, влияло предание среды, в которой они выработались. Они неизбежно вносили в свое построение долю политической метафизики, так как уже самый приступ их к делу — более или менее принудительное законодательство — был принцип метафизический; но зародыш научного развития лежал здесь в том, что они догадывались о необходимости изменить экономические и семейные отношения для того, чтобы произвести действительное изменение и в политическом строе; они не ограничивались передачею власти тридцати или четыремстам личностям, ограничением или расширением влияния народных собраний и т. п.

По словам Аристотеля, «первый частный человек» (неофициальная личность), высказавшийся о «лучших государственных учреждениях», был пифагореец, архитектор Ипподам¹⁹¹ Милетский, уроженец тех колоний, где впервые критическая мысль выработалась и в младенческой форме эпических песен; где впервые она выработалась и в светское мирозерцание без богов и сверхъестественных сил, где впервые и мысль о политической федерации была связана с именем «отца» греческой и общечеловеческой

светской философии, Фалеса¹⁹². Ипподам по привычкам жизни принадлежал к поколению, ставившему высоко удобства и роскошь, доставляемые деньгами; по техническим знаниям, повидимому, — к передовым умам Греции. О его проекте «лучших государственных учреждений» мы знаем только, что он требовал разделения государственных земель на три доли, из которых одна находилась в частном владении землевладельцев, другая назначена была для «упражняющихся оружием» в защиту общества, третья, священная, доля должна была служить «для устройства традиционного культа богам», заключавшего в древности, как известно, все проявления общественной связи. Знаем также, что он классу воинов противопоставил класс земледельцев и класс ремесленников и выработал особенную систему судопроизводства, где, между прочим, едва ли не впервые допустил апелляцию. Во всем этом построении, о котором сведения весьма недостаточны, важна одна мысль, что система правильного распределения собственности одна может служить основой правильного построения государства.

О другом греческом теоретике этого рода, Фалее¹⁹³ Халкедонском, мы знаем лишь (опять от Аристотеля), что он основывал свой государственный идеал на двух началах: на равенстве имущества и на равенстве воспитания. Повидимому, его теория была не очень последовательно продумана, так как, устанавливая равенство поземельного имущества, он ни слова не говорил об имуществе движимом. Конечно, все его «равенства» относились лишь к гражданам; верный преданию древности и вполне отождествляя ремесленный труд с рабством, он основывал свое государство *равных* на невольничестве всего ремесленного класса, обращая его только в рабство не частное, а государственное, как это было в Эпидамне.

В эпоху Сократа и Аристофана¹⁹⁴ теории коммунизма уже бродили в обществе, и если проницательный ум Сократа пробовал восстановить уважение к труду, то консерватор Аристофан, осмеивавший продажность демократии, риторство проповедников, отрицавших основы общественного строя, эксплуатируя эти самые основы, осмеивал и зарождающиеся теории, которые скоро нашли себе выражение у Платона.

Эти указания на коммунистические теории, современные Аристофану, находим преимущественно в комедии «Народное собрание женщин». Там Афины переданы в управление женщинам; женщина, Праксагора¹⁹⁵, выбрана предводителем; установлена свобода полового союза всякой женщины со всяким мужчиною; дети принадлежат обществу, не знают родителей и смотрят на всех лишь определенного возраста, как на родителей. Относительно собственности Праксагора говорит своему мужу, Блепиру¹⁹⁶:

«Я требую, чтобы вся собственность была общего, и каждый должен иметь в ней свою долю для жизни. Не следует, чтобы один

был богат, а другой нищий; чтобы один имел обширные владения, а другому нечем было заплатить за свои похороны; чтобы один был окружен толпою слуг, а другой не имел ни одного слуги; что нужно для жизни, то должно быть общее... Никто не должен делать постыдных дел, быть лжесвидетелем, доносчиком...»

Далее, на возражение Блепира относительно воровства: «разве не наиболее крадут те, которые имеют наиболее собственности», Праксагора отвечает: «Да, так было прежде, пока мы жили под прежними законами. Теперь, когда люди будут жить в общественном строе, для чего сохранять и свое?»

Сбрасываясь к обществу, жадному до чувственных наслаждений, проповедники коммунизма времен Аристофана, как он их рисует, употребляли те же приемы, которые употребил и Фурье. Они рисовали в самых заманчивых красках пиры и наслаждения в фаланстерах, охватывающих целый город, где все участвуют в самых изящных удовольствиях. В этой сатирической картине, которая должна была относиться к учениям, знакомым многочисленной публике, есть довольно интересная черта. Интересна она в том отношении, что Аристофан хотя и часто упоминает в этой комедии о рабах, но как будто рисует сатиру на теорию, где предполагалось, что прислуживание обращается во взаимную услугу. Конечно, эти отрывочные черты могли иметь и другое объяснение, но не следует забывать, что между софистами, как мы видели, существовали противники рабства, что современник Аристофана, столько осмеянный им Эврипид, говорит: «невольник стоит свободного человека, если он хороший человек», и напоминает свободным людям, что они «живут невольниками»; не следует забывать, что другой его современник, тоже осмеянный им, Сократ, спрашивал: «Кого звать нам мудрыми? Ленивых ли или занятых полезными делами? Кто более праведен, — тот ли, кто трудится, или тот, кто, сложив руки, мечтает о средствах существования?» Были в это время и другие, более смелые мыслители об общественных вопросах. Аристотель пишет о людях, отрицавших государственную жизнь, утверждавших, что свободная жизнь невозможна в государстве, что деятельность свободная противоположна политической деятельности, что всякая власть есть деспотизм. Весьма возможно, что Аристотель и другие свидетельства об этом времени не сохранили нам самых интересных греческих социальных теорий V века, где идеальное общество строилось независимо от государства, где высказывались начала всеобщего труда, где, наконец, общество обходилось без рабства.

Конечно, при этом приходится употреблять лишь слова: может быть, так как единственная выработанная социальная теория греков, сохранившаяся до нас и имевшая громадное влияние на следующих общественных мыслителей, — теория, облеченная прелестью превосходного языка, освященная громким именем «божественного» Платона, ставит труд весьма низко, опирается на

рабство большинства и поэтому стоит в идеальной выработке далеко ниже тех теорий, на которые намекает сатирик предшествующего поколения.

Оно не мудрено. Платон уже видел около себя общество, которое пошло далее на пути разложения, чем современники его учителя. Богатство получило еще большее значение. Хищничество и продажность возросли. Демосфен мог указывать на «тех, которые управляли государством», говоря: «они были бедны и сделались богатыми, их дома великолепнее общественных зданий». И Фокион¹⁹⁷ мог говорить, что он готов посоветовать войну, если бы молодежь не бежала с поля битвы, если бы богатые помогали деньгами и демагоги не обкрадывали казны. Политическая власть массы, жадной до наслаждений и проникнутой борьбой за обогащение и за влияние, стала еще противнее мыслителю, старавшемуся уяснить себе, где найти истину, где найти справедливость. Платон стал в ряды той партии, к которой принадлежал и Аристофан. Для него истина и добро лежали вне изменяющегося мира явлений, в сфере чистых, божественных идей, доступных немногим. Для него обязанность мыслителя была уединиться от волнующейся массы, если он не может руководить ею. Для него справедливость была возможна лишь в подчинении слепой толпы, руководимой похотью, немногим видящим и знающим истину и добро, способным вести людей к справедливости. Он презирал афинский демос, испорченный несколькими веками гонки за богатством и наслаждением. Он, потомок древних афинских царей, не мог смотреть на труд с тем же сочувствием, с которым смотрел на труд его учитель, сын скульптора и повивальной бабки. Он не мог и думать о возрождении всего общества трудом и солидарностью между людьми. Он считал массу слишком испорченной для этого; считал ее по природе обреченною на рабский труд, на выработку немногих мудрецов-повелителей, на покорность им; он видел людей с *различною* природою, с *различными* человеческими достоинствами и строил теорию общественной справедливости не для равных людей, а для людей *по природе* различных, из которых лишь немногие избраны богами для господства, остальные же обречены на повиновение. Справедливое общество было для него то, где каждый исполняет наилучшим образом свое *специальное* дело, на которое его назначила *специальная природа*. Для него быть справедливым значило «делать свое дело». Основная мысль его о лучшем государстве формулирована в словах: «Пока истинные друзья мудрости не будут царями, или пока те, которые теперь называются царями и властителями, не будут истинно и основательно друзьями мудрости, пока не будут соединены власть и мудрость, пока многие, которые теперь стремятся к одной из них отдельно от другой, не будут лишены доступа к ним, до тех пор нет спасения от бедствий для государства и, я думаю, для человечества».

Чтобы правильно оценить это построение, выработанное Платоном в «Республике», частью отражающееся в «Законах» и в «Государственном человеке», нужно именно взять в соображение условия, в которых он развивался. От греческой демократии, с ее экономическими основами, невозможно уже было ничего ожидать. Платон понял, что государственная жизнь включает лишь самые внешние отправления общества, что изменение экономических основ общества необходимо, что оно должно быть радикально, что оно должно быть осуществлено при помощи систематического воспитания новых поколений в новых идеях; но отвращение, внушенное ему окружающим, не позволило ему понять, что не демократическая форма правления была виною общественного зла; он связывал нераздельно в своем уме понятие о демократии со злом, которое видел.

Во многих местах своих сочинений Платон указывает, что наружное величие и процветание государств вовсе не есть их настоящее благоденствие. «Ты хвалишь,— говорит он в Горгии¹⁸⁸,— людей, которые им (афинянам) выложили на стол всякие прелести, им желательные, людей, о которых говорят, что они возвеличили государство; но (афиняне) не замечают, что и эти прежние люди вызвали в них только опухоль и нарывы. Они наполнили город гаванями, арсеналами, стенами, таможенными сборами и тому подобною дрянью, но без воздержания и справедливости». Платон восстает и против легальности, и против обычных приемов политики. Политика не заключается, по его мнению, в искусстве делать всякого рода распоряжения, чтобы устранять беспрестанно возобновляющиеся бедствия, в искусстве заключать мир и вести войны, нравиться народу, произносить приговоры, увеличивать богатство страны и т. п. До сих пор Афины не имели настоящих государственных людей. Все вожди оставили афинян или не лучше, или хуже, чем они были прежде. Политика не есть искусство управлять по законам или добровольно руководить людьми. Почему не употребить принуждения, чтобы сделать людей счастливыми? Почему не править вне законов, если этим путем можно придать людям более мудрости? Политика, по Платону, есть искусство заботиться о людях, при пособии закона или без него, свободно или насильственно. Государство есть не ближайший и не высший предмет человеческой деятельности, но неизбежное условие для существования мудрости и добродетели, единственное средство обеспечить их развитие и их существование, утвердить их господство в мире.

Нам легко видеть ошибку, сделанную Платоном при самом начале построения, и легко заключить заранее, что она должна была обусловить множество недостатков в самой постройке. Но посмотрим, насколько он сумел угадать верные начала социологии, независимо от этой ошибки.

«Построим мыслью государство,— говорит он. — Наши по-

требности его создадут». Эти потребности различны и ведут к разделению специальностей. Каждый должен делать надлежащим образом свое дело. В этом заключается здоровое общество. Это общество (или государство, как постоянно говорит Платон) есть человек в больших размерах, и поддержание его здоровья — *справедливости* — есть цель его существования, цель законодательства, составляющего гигиеническую общественную деятельность, цель судебной власти, составляющей терапевтическую деятельность в обществе. Но если потребности указывают путь к лучшему для общества, создаваемого течением событий, то еще удобнее воплотить справедливость в обществе, разумно построенном, на основании понимания потребностей людей, их природы, их качеств. Таким образом, задача теории общества есть воплощение справедливости на основании знания человеческих потребностей, человеческой природы, человеческих качеств. — Эту задачу решает и современный социализм.

Но для Платона люди различны. В природу большинства боги вложили железо и медь; в немногих — серебро; в еще меньшее число — золото. Всем можно развить в себе добродетель воздержания; меньшее число одарено мужеством; немногие получили в дар мудрость; но каждый может быть справедливым, если действует сообразно качествам, в него вложенным: если тот, кто не одарен ни мудростью, ни храбростью, воздерживается от влияния на дела и довольствуется тем, что трудом своим поддерживает общество; если храбрый защищает его; если мудрый управляет им. Общество, управляемое мудрыми, защищаемое храбрыми и поддерживаемое воздержными работниками, есть общество, воплотившее в себе справедливость. Таким образом, в идеальном обществе должны быть три класса: питающие его работники, защищающие его воины и управляющие им мудрецы. Это не могут быть классы наследственные, но образуемые на основании личных способностей, замечаемых при рождении, развиваемых помощью воспитания, направляемых на общее благо вследствие положения данной личности.

О классе, питающем общество — о рабочих — Платон говорит мало. Мудрецы-правители должны заботиться о нем. Одно только условие, условие чисто экономическое, для него выставлено: от него должна быть устранена возможность накопления богатства и возможность нищеты, «так как первое вызывает распущенность и праздность, второе — низость и зависть; то и другое ведут государство к революции». Каким образом мудрецы-правители охраняют рабочему классу его умеренное довольство, Платон не говорит.

Зато он гораздо более распространяется о том, как выработать и подготовить высшие классы — воинов (охранителей) и правителей. В основу их общественной роли он ставит: отсутствие личной собственности, равное участие мужчин и женщин в

общественных делах, отсутствие исключительной семейной связи, принадлежность детей государству, воспитание их сообразно целям, к которым они назначены.

«Каково бы оно теперь ни было, — говорит Платон о государстве, — оно содержит в себе два враждебных государства: государство богатых и государство бедных, и в каждом из них существует еще несколько враждебных государственных партий». Не есть ли собственность постоянный источник раздора? Собственность производит неравенство, а неравенство — войну. К этому разделению интересов семья прибавляет вражду аффектов. Человек всегда предпочитает семью государству: он равнодушен к тому, что испытывают другие, и общественное благо ему чуждо. В настоящем государстве все должны страдать от одного и того же, все должны охватывать всех сограждан одинаково привязанностью. Для этого надо, чтобы все было общее: имущество, жены, дети, потому что тогда все между собою родные, и государство достигло совершенства, став нераздельною единицею. «Выше всех стоит то государство и те учреждения, лучше всех те законы», где, по старому изречению, «между друзьями все общее. Самое слово собственность должно быть всеми средствами исключено из жизни». Законы, придающие государству единство, не могут быть превзойдены. «Нечего искать, вне этого, образца государственных учреждений; надо держаться этих законов и искать, по возможности, законы подобного рода». «Общность женщин и детей есть источник высшего блага, которое могло бы быть осуществлено». «В государстве был бы раздор, если бы всякий не говорил об одних и тех же предметах, что они ему принадлежат, но если бы один говорил это об одном, другой о другом; если бы один тянул к себе все то, что он мог бы приобрести, не делясь собственностью с другим, и если бы другой делал то же, имея каждый особо жен и детей, а следовательно, и наслаждения и печали чисто личные».

Таким образом, для охранителей, как и для правителей, не существует ни собственности, ни отдельной семьи в обществе Платона. Содержимые на общественный счет низшим классом граждан, или, вернее, подданных, одни отдают все свое время защите общества и, конечно, господствующей власти мудрецов, другие отдают все свое время созерцанию идей истины и добра и их воплощению в общественную жизнь. Женщины разделяют с мужчинами своего класса все занятия и обязанности. Платон не признает полного равенства между женщинами и мужчинами, но не находит в государственных делах ничего, что могло бы специально принадлежать тому или другому полу, требует от противников доказательств, — в каких именно умственных наклонностях женщины отличаются от мужчин. По его мнению, индивидуальная разница в полах такова, что многие женщины выше большинства мужчин и потому могут разделять военные (и полицейские) тру-

ды охранителей, правительственные заботы мудрецов гораздо лучше, чем огромная масса мужчин низшего класса. Относительно приличия Платон говорит: «что содействует благу человечества, то прилично; что вредит ему, то неприлично».

Для поддержания превосходства высших классов своей республики Платон употребляет искусственный подбор при половом союзе и систематическое воспитание, продолжающееся для воинов до 20, для мудрецов до 30 лет. Само собою разумеется, что приемы, придуманные Платоном для наилучшего искусственного подбора высших сословий под деспотическим руководством мудрецов, не имеют ни малейшего значения, точно так же, как его взгляды на наилучшее воспитание отражают все недостатки древней педагогики. Поэтому мы и не будем останавливаться на подробностях, не представляющих никакого интереса для научного развития социальных идей. Важны были основы, угаданные Платоном: признание потребностей личности основой теории общества, справедливости — руководящею идеею его построения; признание необходимости радикального пересмотра экономических и семейных начал, как обуславливающих все стороны общественной жизни; радикальное отрицание личной собственности и брачной монополии; признание равного участия обоих полов в общественной жизни, в зависимости от индивидуального, а не от полового различия; наконец, признание воспитания, как важнейшей общественной функции для выработки надлежащих членов общества.

Но представлялся вопрос: как же ввести новый порядок, который должен перевернуть все основы существовавшего строя? Насилие казалось неизбежным Платону, именно насилие, произведенное мудрым правителем, который воспитал бы все детское поколение данного государства (конечно, в миниатюрных размерах греческого государства) в новых идеях, в новых привычках и тем осуществил бы идеальное государство.

Как одному добру противопоставляется много разнообразного зла, так одному идеальному обществу могло противопоставляться много разнообразных несовершенных обществ. Платон развил весьма остроумно генезис этих несовершенных обществ, именно, как в них, по неизбежным законам причины и следствия, положение становится хуже, одна несовершенная форма заменяется другою, еще более несовершенною, пока, наконец, общество доходит до самого бедственного состояния. Платон оставил и неоконченную попытку (в разговоре «Критий»¹⁹⁹) изложения на сочиненном примере последовательного распада общества, чуждого справедливости, именно отрывок о гибели Атлантиды²⁰⁰. Однако, повидимому, его идеальное государство встретило столько оппозиций в среде его собственной школы (вероятно, вследствие своих здоровых начал гораздо более, чем вследствие своих явных несообразностей), что под конец своей жизни Платон на-

шел нужным построить план *законного государства*, как переходной ступени от государства, вызванного необходимостью, подчиненного одним потребностям, к государству, где правление мудрых воплощает справедливость независимо от всякого закона. Если уже в идеальном государстве, план которого развит в «Республике», Платон, очевидно, принял за точку исхода Спарту, но переработал ее политические формы, руководясь мыслью о необходимости безусловного господства мудрецов, то в государстве, для которого он набросал кодекс в «Законах»; он еще ближе следовал формам, существовавшим в так называемом законодательстве Ликурга. На этом чисто политическом плане мы останавливаться не будем, так как с нашей точки зрения он никакого интереса не представляет.

Мы не имеем повода останавливаться и на произведениях других греческих мыслителей, следовавших за Платоном. Их влияние для развития идей социализма было частью весьма косвенное, частью сведения о их трудах весьма недостаточны.

К первому разряду следует отнести дальнейшее развитие научного метода вообще и идеи справедливости в частности у Аристотеля. Научный социализм будущего мог косвенно воспользоваться общим правилом, поставленным Аристотелем: «истинное начало во всем, это — факт; если бы сам факт был всегда известен с достаточною ясностью, не было бы необходимости восходить к причинам». Разъяснение социальных фактов в их экономической сущности и составляет задачу научного социализма. Конечно, это начало не противоречило платоновскому построению общества на основании человеческих потребностей, но давало этому построению общую логическую основу. С другой стороны, аристотелевское понятие о справедливости, как «блага других», и сознание, что оно опирается на равенство, было успешным уяснением требования Платона: «делай свое дело», и разом устраняло основную ошибку его построения: допущение основной разницы в природе людей и необходимости, отсюда происходящей, подчинения массы меньшинству. Но Аристотель сам настолько боялся удалиться от эмпирических основ греческой жизни, что его учение, по своим прямым последствиям, должно быть скорее признано источником политических систем и опорой уважения к существующему легальному порядку, чем поставлено в какое-либо прямое отношение к развитию научного социализма. Прибавим, что Аристотель был настолько же, как Платон, защитником неизбежности рабства, и оба они одинаково дали весьма разнообразные аргументы в пользу мнения, что мудрец, при обычном состоянии общества, должен предпочитать свое умственное развитие действию на общество и что умственная его высота выражается в удалении от обычных забот общества. Эти теории были тщательно развиты последующими школами. Должно, однакоже, прибавить, что в этих позднейших школах стоиков и эпикурей-

цев рядом с идеалами мудреца, чуждого общественным заботам, развивалось и понятие о братстве всех людей, идеал гражданина мира, для которого общечеловеческие вопросы отодвигали на задний план национальное разделение и специальные законы той или другой страны, следовательно, развивался зародыш великой идеи международного союза людей на рациональном основании, идеи, лишь в самый последний период выдвинувшейся вперед в социальных учениях, как научная характеристика будущего общественного строя.

Весьма недостаточные сведения имеем мы о нескольких попытках древних утопий III века, писанных под очевидным влиянием платоновских разговоров, но, повидимому, с гораздо более узкими данными. Так Гекатей абдерит²⁰¹ описывал фантастических гиперборейцев, живущих без заботы и войны, в постоянном здравии, в плодородной стране, под вечно ясным небом. Полу-сказочный Ямбул²⁰² описывал, по свидетельству Диодора²⁰³, остров гигантов при подобных же условиях; остров, где царствует общность жен и имуществ, общественное воспитание детей и потому не существует ни ссор, ни преступлений. Феопомп²⁰⁴ говорил о блаженном народе святых и мудрецов, не знающем зла. Наконец, Евгемер²⁰⁵, получивший громкую известность в истории религиозных воззрений, едва ли имел в виду собственно эти воззрения, но, повидимому, развивал вместе с тем картину более или менее идеального строя общества на острове Панхее; но все эти произведения, в той мере, как они нам известны, едва ли имеют какое-либо значение для развития социальных учений.

История древней Греции перед самым концом ее сколько-нибудь самостоятельного существования дала один эпизод, который можно было бы считать более важным в этом отношении. Это была попытка социальной революции, произведенной Агисом IV²⁰⁶ и Клеоменом²⁰⁷ в Спарте. Но при ближайшем рассмотрении мы заметим тут не попытку построить общество в *новой* форме, в виду удовлетворения лучше понятым человеческим потребностям, а попытку восстановить старое общество законов Ликурга, во имя идеализированного предания, когда общежитие Спарты в III столетии не доставляло никаких данных для подобного восстановления. К научному социализму эти попытки во всяком случае не принадлежат.

Но и в учении философских школ, вне платонизма, мы встречаем более или менее отрывочные черты социалистических идей, хотя сведения о них (большею частью сохранные поверхностным собирателем анекдотов Диогеном Лаэртцем²⁰⁸) крайне недостаточны.

Их находим довольно резко обозначенными у киников²⁰⁹, со-временных Платону и Аристотелю. Они относятся равнодушно к семейной связи, проповедуют (по крайней мере иные) общность жен и детей. Даже рабство в их глазах — дело второстепенное

Раб лишь тот, кто боится, поэтому истинно свободный человек никогда не может быть рабом, как истинный раб никогда не свободен. Ни закон, ни обычай не связывают того, кто руководится в жизни законом добродетели. Ни одно государство не довольно широко для того, кто признал, что его отечество — мир. Общественная теория киников, насколько ее можно воссоздать из отрывочных данных, повидимому, формулировалась в возвращении человека к естественным потребностям и постройке общества на основании одних этих потребностей. Люди должны составлять одно обширное стадо, без разделения народов между собою законами и государственными границами, без монеты, без брака и домашней жизни. Киники обращали особенно внимание на отрицание тех стеснений, которые государство и обычай налагали на свободное развитие элементарных потребностей личности.

От киников эти идеи перешли к прямым их наследникам, стоикам, у которых встречаем (по крайней мере, у Зенона²¹⁰ и Хризиппа²¹¹) и требование общности жен (вероятно, и имущества) для государства мудрецов, но в особенности находим положительную теорию *братства людей*, как дополнение отрицания государства и семьи, выставленного киниками. Их идеальное общество есть государство без брака, без семьи, без храмов, без судилищ, без гимназий (в древнем смысле слова), без монеты, но государство, которому не может противостоять никакое другое, так как международные границы исчезают во всеобщем братстве всех людей. У стоиков позднейшего времени особенно вырабатывается эта идея братства людей, точно так же, как идеал мудреца, недоступного общественным волнениям, но социалистические начала экономического переворота и борьба против существующих форм общества отходят на задний план.

В это время Рим стал владыкою мира, сперва в форме республики, руководимой богатыми собственниками, потом в форме цезаризма, лишившего все общество политических прав, но тем не спасшего его ни от внешних врагов, ни от внутреннего разорения. При этом социалистические идеи естественным путем должны были развиваться под влиянием изменения экономических отношений. Хищничество государственное и личное, проникающее всю историю древнего Рима, должно было повести к централизации богатств, к захвату огромных пространств земли немногими крупными землевладельцами, к замене более дорогой обработки земли свободным трудом обработкою трудом рабов; затем, по мере вздорожания труда рабов, к уменьшению их числа, к замене полей пастбищами, к обезлюдению страны вне городов. Этот процесс, начавшийся вскоре после окончания пунических войн, продолжался безостановочно в продолжение всего последнего периода республики и в продолжение всей империи. Он вызывал нападение Цицерона²¹², Сенеки²¹³, и неизбежным следствием его было появление и распространение социалистических учений. Но мы

можем касаться их здесь лишь весьма поверхностно, потому что они в это время перешли большею частью в область, которая была в общих чертах рассмотрена во второй главе, — именно в область религиозного учения. Критическая мысль ослабела вообще в древнем мире, и научные основы в социальных вопросах, как и во всех других, заменились основами священного авторитета, демонического вдохновения, сверхъестественного откровения, о которых мы здесь уже не имеем в виду говорить. Поэтому нам приходится упомянуть лишь о весьма немногих проявлениях социализма в этот период.

С учреждением империи старые рационалистические учения перипатетиков²¹⁴ и академиков²¹⁵, стоиков и эпикурейцев²¹⁶ стали уступать более и более в среде философских школ язычества полумистическим учениям неопифагорейцев²¹⁷ и неоплатоников²¹⁸. Первые выставили тип своего христа — Аполлония Тианского²¹⁹, одновременно с выработкой типа христа в литературе евреев-еретиков, и создали обширную литературу языческих философских апокрифов, связанных с именем Пифагора и его полумифических апостолов, в то время как христиане создавали свою апокрифическую литературу апокалипсисов, евангелий, посланий, деяний и житий. До сих пор трудно решить вопрос, возникли ли эти две литературы независимо одна от другой под общим влиянием движения современных им идей, или насколько они влияли одна на другую. Неоплатонизм можно рассматривать как результат падения учения гностиков²²⁰, которые впервые пытались объединить философскою мыслью безобразное накопление еврейско-христианских легенд. В то же самое время, как ортодоксальное христианство вырастало среди александрийских и антиохийских богословов, а христианские еретики, оставляя метафизические глубины гностицизма, стали бороться с церковью в мелкой сфере подробностей догмата. в то самое время философы, объявлявшие себя наследниками Платона, вносили в мир вечных идей добра, истины и справедливости своего знамени того учителя дикую восточную фантазию с демонами, демиургами и с экстатическими галлюцинациями. Уже из этих немногих строк видно, что во всех этих отраслях работы мысли научных оснований искать нечего и что почти все проявления социализма здесь могут лишь очень мало входить в наше рассмотрение.

Тем не менее социалистические начала выступили во всех школах, и во многих, несмотря на общий мистический характер учения, искали основу как будто рациональную. Так, в речах, вложенных неопифагорейцами в уста их христу — Аполлонию, некоторые толкователи находят учение об общности имущества не только как традиционное учение, восходящее к Пифагору, но как учение естественное, коренящееся в самой природе вещей, и примеры для которого он будто бы заимствовал из жизни животных, хотя в его словах можно видеть также лишь поучение о

взаимной помощи. Неоплатоники мечтали об осуществлении республики Платона и, по свидетельству Порфирия²²¹, один из эфемерных властителей мира, появившихся на кровавом трестоле цезарей, дал даже временно Платону оставленный город Кампаний для этого осуществления. Точно так же в одной из наиболее рационалистических сект гностиков, где Христос и апостол Павел стояли наряду с Гомером, Пифагором, Платоном и Аристотелем, — Карпократ²²² и сын его Эпифан²²³ учили, что мудрость есть союз наслаждения с обязанностью, что аффективные потребности составляют божественный элемент в природе человека и что общность всего составляет естественную основу общества. «Природа, — говорит Карпократ, — открывает нам единство и общность всех вещей; общность есть божественный закон, которому должны быть подчинены все законы человеческие. Человеческие законы, противящиеся общности почвы, имуществ и жен, составляют преступные нарушения законного порядка вещей, явные насилия против естественного закона». Справедливость, по Эпифану, осуществлялась лишь общностью при условии равенства. «Солнце, — говорит он, — восходит одинаково для всех животных. Земля предлагает безразлично всем своим жителям свои продукты и свои благодеяния; все одинаково могут удовлетворять своим потребностям; все призваны к одинаковому счастью». Зло внесено в мир именно разрушением естественной общности и естественного равенства людей. Понятие о собственности и монополии не входит, по его мнению, в план высшего разума, но внесено в жизнь человеком. Эпифану, по свидетельству Климента Александрийского²²⁴, воздавали почти божественные почести. Насколько идеи коммунизма в их различных религиозно-философских проявлениях были распространены в это время, свидетельствует надпись, найденная в Киренаике: «Общность всех имуществ и женщин есть источник божественной справедливости и высшего блаженства для честных людей, возвышающихся над толпою».

Не мудрено было, что эти идеи распространились, когда экономическое положение во всемирной империи становилось все хуже. Мы говорили выше об обезлюдении страны вне городов, но и города стали пустеть под давлением императорского фиска, не знавшего, откуда черпать источники для восточного великолепия императорских дворов нескольких августов и цезарей среди разоренного государства; стали пустеть от хищничества мириад чиновников, от идущего все далее вторжения варваров. Наконец, античный мир отрекся от критической мысли, давшей ему его историческое значение, стал под знамя тупого аскетизма и непонятого догмата, думая найти себе опору в федерационной организации международной церкви. Хищническая собственность дряхлой империи вступила в союз с властолюбивыми иерархами христианства, и началось гонение против ереси, как отрицания хотя какой-либо буквы нелепого догмата, против ереси, как отрица-

ния и узаконенной хищнической монополии. Не имея опоры в критической мысли, давно пренебреженной, не имея опоры в свободе религиозной мысли, подавленной ортодоксальной церковью, которая стала лизать сандалии последних, самых ничтожных и развратных, цезарей, социализм последнего античного периода во всех своих проявлениях загдох. Конечно, союз с церковью не спас и не мог спасти античного мира. Лицемерная и эгоистическая церковь обратилась к варварам, с помощью которых ей казалось удобнее создать *свое царство*. Обрывки древнего научного социализма должны были ожидать в пыли архивов иного времени для своего возрождения.

VI. Утопии всеобщего труда

Более тысячелетия господствовала над передовыми нациями человечества цивилизация, вся проникнутая догматизмом, следовательно, по самой своей сущности, не допускавшая научной постановки общественных вопросов. Все требования лучшего, справедливейшего строя выражались лишь в религиозной форме. Притеснение масс меньшинством эксплуататоров имело форму прямого, грубого хищничества. Легальная охрана не существовала ни для кого, но с тем вместе не имело места и легальное лицемерие. Никто и ничто не было ограждено от самого грубого насилия, но зато во всех классах, во всех углах могла выработаться сила, которая могла пытаться отстоять себя против всех других сил, хотя бы на время, и сознание невозможности выйти из бедственного положения не подавляло энергических личностей ни в одном классе. Владелец уединенного замка, живя разбоем, мог отсиживаться за своими стенами от сил своей священной Римской империи. Простолудин, надевая рясу нищенствующего монаха, мог достигнуть власти, которая ставила его в уровень с могущественнейшими феодальными владельцами и государями, мог достигнуть положения, где весь католический мир выслушивал со страхом и с уважением его решения: Сикст IV²²⁵ был сын рыбака, Сикст V²²⁶ был свинопасом. Всем было тяжело; массы страшно страдали; но личность могла стремиться ко всему и могла успеть; не было невозможности для Григория VII создать духовную монархию папы; не было невозможности для двубожников утвердить в Европе теократическую республику, управляемую соборами *чистых*; все могло распасться на атомы феодальной собственности; могло из этого отсутствия организованной власти выйти и торжество крестьянской жакерии, торжество городских цехов.

Комбинация исторических событий подавила сельское население, отдав его на жертву хищничеству феодалов; в городах же выработала силу ассоциации предпринимателей труда и рабочих, силу гильдий и цехов, поставила торговцев и фабрикантов Италии в уровень с князьями и королями, заставила гербовую аристократию считаться с городскими войсками, на знаменах кото-

рых были орудия «подлых» ремесл. Рабочие цехов доставили победу не себе, а своим эксплуататорам, но тысячелетие народного страдания дало в это тяжелое для человечества время один результат: труд заставил себя уважать и поставил свои символы рядом с символами наследственной собственности, рядом с символом церкви. Когда феодализм, церковь и города были одинаково подавлены новой растущей силой государственной централизации, опиравшейся на предания римского права и римского фиска, на новую дорогую технику военного дела, вызванную введением пороха в употребление, — тогда пред мыслителями нового времени рисовались уже иные образы; чем пред античными теоретиками. Рядом с праздным аристократом в его замке стоял городской житель, как представитель *почетного труда*. Город был уже не собранием праздных граждан, окруженных трудящимися рабами, но ассоциацией рабочего народа, который шел на бой за свободу города под знаменами, где красовались знаки труда.

Присутствие свободных городов, за стенами которых мог укрыться бедный крепостной, уничтожило рабство и в селах. Личное освобождение распространилось мало-по-малу по Западной Европе. В городах цехи свободных рабочих несли на рынок свои силы, и эти силы начали группироваться в крупные мануфактурные производства. Вне городов, на обширных землях, составлявших собственность феодалов, жило население свободных земледельцев, но задавленных самыми разнообразными повинностями. Ряд их поколений обрабатывал обширные общинные земли, с которых владелец не умел и получить выгоды иным способом, как оставляя их в руках крестьянина, постоянно подавленного, ограбленного и бедного.

Но к концу средних веков положение дел стало изменяться. Простая жизнь средневековых хищников начала уступать возможности комфорта и роскоши, прежде небывалой. Меньшинство могло наслаждаться больше и лучше; оно стало искать средств добыть себе эти наслаждения; но в то же время прилив драгоценных металлов из Нового Света, увеличивший в немногие годы в 12 раз количество монеты, находившейся в обращении, разом понизил цену денег и поднял ценность всех предметов потребления. В одних странах господствующие классы не придумали ничего иного, кроме усиления давления на крестьянство и на промыслы, увеличения размеров хищничества. Отсюда крестьянские войны в Германии и другие подобные явления. В странах более развитых господствующие классы, имея пред собою на рынке силы свободного рабочего, начали приниматься за первые опыты капиталистического производства. Оно спорадически появилось на берегах Средиземного моря в XIV и XV столетиях. В Англии аристократия землевладельцев приступила в конце XV века к распусчению своих дворовых и к обращению малоодоходной полевой земли, находившейся во владении общин, в пастбища для добывания шерсти,

которая находила выгодный сбыт на фландрских суконных фабриках. Масса пролетариата, дворни без места и крестьян без земли была брошена на улицу и пошла большею частью в новые постоянные войска королей, войска, потерявшие всякий национальный характер и сделавшиеся орудием борьбы центральных властей из-за хищничества, честолюбия и тщеславия. Для всякого внимательного наблюдателя видно было, что экономический вопрос получает первостепенную важность: всеобщая дороговизна, масса населения, лишенная всяких средств существования, увеличение потребности в деньгах, увеличение хищничества, бесцеремонность эксплуатации собственников, возрастание государственных потребностей, необходимость новых финансовых мер для их удовлетворения, — все направляло мысль в эту сторону.

Искать источников спасения в религиозном авторитете было невозможно. Во-первых, христианство со своим аскетическим идеалом, игнорировавшим человеческие потребности, давно осталось в стороне от жизни, и к нему для *житейских* вопросов не обращались. Папы и нищенствующие монахи строили великолепные дворцы, где накапливались богатства; государи вели войны, хищничали, тиранствовали, не обращая внимания на текст евангелия. Во-вторых, во все центры европейской интеллигенции дохнул воздух язычеством возрождения. Кардиналы предпочитали Цицерона апостолу Павлу. Античная красота преобразила уродливых средневековых мадонн. Средневековые святые стали предметом насмешек и сатир во дворцах королей и в самом Ватикане. Мысль стала искать себе пищи вне религии. Явилась почва для научного мышления. Но оно не имело метода, и мысль прибегала к эмпиризму или к творчеству. Мысль о *делании золота*, давно уже преследовавшая средневековых мечтателей, стала болезненной эпидемической мечтою для кончающегося средневекового мира в его экономических затруднениях. Время Агриппы Неттесгеймского²²⁷, Кардана²²⁸ и Парацельса²²⁹ было время самого широкого распространения алхимии и самых пламенных попыток создать из нее стройное целое.

В эту же эпоху в кружке самых передовых деятелей Возрождения, самых серьезных и практических умов XVI века, под явным влиянием чтения Платона, того самого Платона, перед изображением которого во Флоренции зажигали лампы восторженные поклонники, появилась снова мысль о необходимости самой радикальной перестройки общества для справедливого удовлетворения человеческих потребностей. Повидимому, тут было не более, как одно из тысячи подражаний того времени замечательным произведениям античного мира, и большинство критиков именно так и смотрит на «Утопию» Томаса Мора; в сущности тут был громадный шаг вперед, потому что новая утопия заключала в себе попытку основать общество на идее *всеобщего труда*.

Конечно, от автора начала XVI столетия невозможно ожидать

вполне рационального понимания общественных вопросов, которые приходилось решать.

Мы сказали, что Томас Мор, друг Эразма Роттердамского²³⁰, принадлежал к самому развитому кружку этой эпохи. В 1516 г., когда он описывал свое идеальное общество *вне места* — Утопию, накануне проповеди Лютера, последней попытки возрождения религиозной мысли в Европе, ему было 36 лет; он выработался под влиянием новых идей Возрождения, отрицавших средневековую схоластику, средневековую нетерпимость; пред умами предвестников нового времени, к которым он принадлежал, рисовалось уже царство научной мысли; для них христианство было одной из многочисленных и маловажных форм религиозных верований; они угадывали, что истинная умственная жизнь лежит вне области религии и, что вопросы теории, как вопросы жизни, должны быть разрешены вне одуряющего предания, путем исследования реального мира, путем изучения реальных потребностей человека.

Но самый талантливый деятель не может устраниться от влияния современных ему привычек, современной ему культуры, не может оторваться от истории, выработавшей эту культуру, не может удалить условий среды, при которых ему приходилось действовать. Отрицая средневековое предание, Томас Мор и его приятели не могли устранить от самих себя влияния привычек мысли, которые им привило это самое предание, ими отрицаемое. В борьбе своей они имели за собою еще так мало реального наблюдения, что им приходилось опираться на другое предание, именно на авторитет античного мира, который, при всем своем сравнительном превосходстве над средневековою христианскою цивилизациею, был неприменим уже по тому самому, что девятнадцать веков, прошедших в промежуток между «Республикою» Платона и «Утопиею» Мора, не могли не ввести громадного изменения в жизнь человечества. Еще более, деятели Возрождения со своими исключительными идеалами были вполне чужды большинству, подавленному и страждущему, но невежественному; их скептическая мысль, предтеча науки следующего века, терпимость их религиозного индифферентизма и их отвлеченный деизм, предтеча еще позднейшей философии, были чужды массам, еще жившим религиозными страстями, религиозными образами. Главное же, ученые свободные мыслители должны были опираться на растущую власть государственных хищников, чтобы обезопасить свою кабинетную работу от ревнивого наблюдения церкви. Томасу Морю, одному из лучших представителей этой европейской республики ученых, пришлось быть дипломатом и в то же время писать Эразму: «Ты не согласишься, с каким отвращением я чувствую себя замешанным в эти дела королей, — ничего не может быть противнее этого посольства». Ему пришлось быть доверенным лицом короля, о котором он сам говорил: «Если бы ценою моей головы он мог приобрести хотя бы один замок во Франции, то не

долго эта голова оставалась бы на моих плечах». Деисту, выставлявшему в «Утопии» запрещение всякого оскорбления чужой религии, пришлось преследовать еретиков. Свободному мыслителю пришлось заниматься богословской полемикой. Близость развращающей власти не могла не понизить нравственно большинство гуманистов. Могли ли массы доверять людям, которые служили самым жестоким коронованным хищникам? Могли ли не быть бессильны и одиноки эти колеблющиеся гуманисты, готовые сегодня писать самые резкие памфлеты против средневековых традиций, а завтра чувствовавшие себя в необходимости отстаивать формы старой религии против попытки заменить ее новой? Положим, гуманисты были правы, видя более опасное для критической мысли явление в возрождении религиозности под влиянием проповеди реформаторов, чем в одряхлевшем католицизме. Но большинству эти тонкости были вовсе недоступны; ему было видно лишь колебание людей, не решившихся выставить своего знамени против того, что казалось весьма революционной попыткой в религиозной мысли, хотя было не более, как новой формой той же самой гнилой старины. Массы идут за наиболее энергичными, и массы шли за Лютером²³¹, за Цвингли²³², за Кальвином; даже наиболее живые гуманисты увлекались их энергиею, как Гуттен²³³. А те самые гуманисты, которые были представителями несравненно более передовой мысли, действительно критических стремлений, Эразм и Мор, оставались одиноки в рядах консерваторов-католиков во время поднимавшейся бури реформационного периода, и их смелая мысль, запачканная союзом с вредными общественными элементами, должна была ждать дальнего времени, чтобы получить для себя надлежащую почву.

Правда, когда Томас Мор писал свою «Утопию», он был еще довольно молод, не занимал еще видного места при дворе или в управлении, а проповедь Лютера еще не волновала умы. Гуманисты были передовыми борцами и считали себя единственными представителями борьбы за будущее. В 1509 году вышла «Похвала глупости» Эразма; с 1510 года шла ожесточенная борьба между Рейхлином²³⁴ и кельнскими доминиканцами; в 1516 г. появились первые «Письма темных людей»; в этом же году появилась «Утопия». Но уже и в этих ранних произведениях людей, на которых обращала внимание вся «республика ученых» Европы, высказывались колебания, их отличавшие, неизбежное влияние привычек старого мира, влияние античного предания, во имя которого они вели борьбу, особенно же пагубный союз с государственными и церковными хищниками, который должен был тяготеть на всей их жизни.

Поэтому «Утопия» проникнута началом государственности; все делается там по распоряжению свыше, и система легальной кары стоит на страже всех подробностей коммунистического устройства. Поэтому для Мора, несмотря на его ясно высказанное уважение к Платону, семья лежит в основе его идеального

строю, в самой исключительной своей форме, и, по верному замечанию соплеменного нам критика (B. Limanowskiego²⁸⁶: *Dwoje znakomici komunisti*, Lwow, 1874); «в этом отношении греческий учитель опередил на многие столетия мысль людей». Поэтому в обществе, основанном на труде, встречается заимствованное из древности рабство, исчезнувшее в Западной Европе XVI века. Поэтому современник Макиавелли во внешних отношениях своего идеального государства позволяет меры, которые ясно свидетельствуют о глубоком политическом разврате эпохи, когда хищничество государей Европы дошло до самой полной бесцеремонности, и большинство их с успехом соперничало друг с другом в коварстве и жадности, как бы стараясь на практике выработать тип, достойный стать рядом с типом «Государя», набросанным секретарем флорентийской республики. Поэтому, наконец, ученик Платона не говорит прямо, как его учитель, что он намерен дать идеал наилучшего общественного строя, но пишет социологический роман, переносит свой идеальный строй на остров отдаленного океана, описывает этот строй, как нечто фактически существующее, влагает это описание в уста неизвестного путешественника, а сам входит с ним в фиктивный разговор посторонним критиком; — он представляет сомнения, возражения и не решается признать достоинства идеала, им самим поставленного. Это доходит до того, что современные недобросовестные критики (Тоннисен²⁸⁶, Рейбо²⁸⁷ и др.) могли высказать сомнение в том, насколько Мор действительно разделял социалистические взгляды, им высказанные. Девятнадцать веков, прошедших со времен Платона, выработали в самых высших умах лицемерие и двуязычие. Свободный мыслитель-гражданин античной республики прошел сквозь удушающую атмосферу христианской церкви и находился под растущим полицейским надзором новой монархии. Слово было сковано, как раб, и было лицемерно, как раб.

Как у Платона мы оставили большую часть в стороне недостатка, в которых отразилось влияние на него эпохи, и старались разглядеть те зародыши будущей истины, которую он угадывал, так мы сделаем и для Томаса Мора. Мы посмотрим, насколько «Утопия», несмотря на свои недостатки, зависящие от времени, является указателем тех социалистических стремлений, которые мало-по-малу привели к современным научным теориям социализма.

С такою же решительностью, с которою его друзья нападали на разложение духовенства, на нелепости общественного строя в «Похвале глупости» и в «Письмах темных людей», Томас Мор посвящает часть своего труда порицанию экономических основ современного ему общества, влагая свои мнения в уста Рафаила Гитлодея²⁸⁸, спутника Веспуччи²⁸⁹ в его путешествиях и посетителя счастливой Утопии.

Он нападает на дворянство — «этих праздных шмелей, питающихся чужим потом и чужим трудом, отдающих свои земли на об-

работку, обдирая с фермеров самую кожу, чтобы увеличить свои доходы». Он указывает на их многочисленную праздную дворню, которую бросают на улицу, когда эти слуги потеряли здоровье на службе господину, или когда они состарились. Он нападает на обращение полей в пастбище, на которое было указано выше и которое должно было мало-по-малу довести земледельческое население Англии, составлявшее $\frac{4}{5}$ всех ее жителей еще в XVII столетии, до нынешнего его числа, немногим более $\frac{1}{20}$ в 1861 г.

Специально английский источник народных бедствий признает Гитлодей в увеличении пастбищ, «вследствие чего бараны, которые по природе кротки и покорны, можно сказать, поедают людей и опустошают не только деревни, но и местечки. Всюду, где получается наиболее тонкая шерсть, сбегаются вельможи, богачи, даже святые аббаты, оспаривая друг у друга землю. Не довольствуясь старыми рентами со своих ферм, не думая, что им довольно, не принося никакой пользы обществу, жить в свое удовольствие, они ставят себе целью принести ему вред вместо пользы. Они прекращают обработку земли, разрушают дома и местечки... и огораживают обширные пространства земли, чтобы поместить там баранов... Ненасытный скупец, язва своей местности, огораживает тысячи десятин; владельцы домов и их жильцы прогнаны с земли, одни обманом, другие силою, или постоянные притеснения принуждают их продать свою собственность. Таким образом, эти несчастные, мужчины и женщины, семейные и одинокие, старые и молодые, с их бедными, но многочисленными семействами, принуждены продавать почти за ничто их домашний скarb... Когда эти небольшие деньги истощатся — потому что они скоро будут растрчены — что остается беднякам? Воровство и затем — виселица или нищенство. Но и в этом последнем случае их бросят в тюрьму, как праздных бродяг, тогда как они охотно работали бы, но не находят никого, кто бы нанял их на работу».

Восставая против смертной казни, Томас Мор говорит: «Вы предаете воров мучениям; не лучше ли было бы обеспечить существование всех членов общества, чтобы никто не был в необходимости сперва воровать и потом погибнуть?»

Но особенно он нападает на неправильное распределение богатств. «Не удивительно ли, — пишет он, — что какой-нибудь богач, едва способный мыслить, соображающий столько же, как бревно, и настолько же безнравственный, насколько он глуп, держит в своей зависимости множество умных и честных людей? Справедливо ли, что дворянин, банкир, ростовщик, ничего не производя, живут со всеми удобствами, среди праздности и пустых занятий, тогда как носильщик, извозчик, ремесленник, земледелец находятся в нищете, едва добывая себе недостаточную пищу? Между тем они работают так долго и так упорно, что и скотина едва ли перенесла бы подобную работу; их труд так необходим, что ни одно общество не могло бы существовать без него хотя бы

один год. Право, участь рабочего скота гораздо лучше. Он работает не так долго; пища его не хуже и даже более подходит к его вкусу. К тому же животное не боится будущего; но какова участь работника? Его давит в настоящую минуту бесплодная работа и его убивает ожидание нищенства в старости, так как его ежедневная заработная плата не покрывает его ежедневных потребностей...

Несправедливо и неблагодарно общество, дающее столько благ дворянам, банкирам, праздным людям, производителям предметов роскоши, умеющим только льстить и содействовать пустым наслаждениям, когда, с другой стороны, оно бессердечно и незаботливо относительно земледельца, угольщика, поденщика, ремесленника, без которых не существовало бы само общество! В своем жестоком эгоизме оно злоупотребляет силами их молодости, чтобы извлечь из них более работы и более выгоды; когда же они слабеют от лет и болезней, тогда они лишены всего; общество забывает все их тяжелые труды, их важные услуги, ему оказанные; оно награждает их тем, что позволяет им умереть с голода.

И это не все: богатые ежедневно обрезают заработную плату бедных не только обманом, но еще издавая законы для этого. Очевидная несправедливость заключается уже в столь дурной награде тех, кто оказывает наиболее услуг государству; но богатые обратили это чудовищное дело в право, освятив его законами. Поэтому во всех прочих правительствах (кроме Утопии), мне известных, я вижу... лишь заговор богатых, обделяющих свои дела под личиною дел общественных. Заговорщики ищут всякими средствами и всякими хитростями достичь двойной цели: во-первых, обеспечить себе верное обладание на неопределенное время дурно приобретенными богатствами; во-вторых, воспользоваться нищетою бедняков, воспользоваться их силами, купить по самой дешевой цене их труд и притеснять их по возможности. И эти махинации, опубликованные богатыми во имя государства и, следовательно, во имя самих бедняков, сделались законами!

Со времени Мора до настоящей минуты эта картина рабочего, эксплуатируемого «заговором богатых», действующих во имя государственной легальности, осталась верною и составляет основу всех реформационных и революционных социалистических планов.

Мор берет как бы прямо у Платона и главный принцип решения вопроса об общественных бедствиях. «Выражая прямо мои настоящие чувства, — говорит он, — я должен высказать откровенно, что пока существует собственность и пока деньги составляют меру всех вещей, до тех пор я не думаю, чтобы какая-нибудь нация могла быть управляема справедливо и для своего счастья; не может быть справедливости там, где лучшие вещи попадут на долю худших людей; не может быть счастья там, где все вещи будут поделены между немногими (причем и эти последние не во

всех отношениях счастливы), тогда как все прочие безусловно предоставлены всяким бедствиям».

Вне Утопий «я нахожу, что принцип твоего и моего освящен организацию, механизм которой столь же сложен, сколько и дурен; тысячи законов недостаточны для того, чтобы частный человек мог приобрести собственность, ее защитить и отличить от чужой собственности. Доказательством этому служат тысячи процессов, ежедневно возрождающихся и никогда не кончающихся.

Обдумывая это, я отдаю полную справедливость Платону и не удивляюсь, что он не захотел писать законы для народов, отрицающих общность имущества. Этот великий гений легко угадал, что лучший способ организовать общественное благополучие, это — приложить начало равенства *. Но равенство, как я думаю, невозможно в государстве, где собственность принадлежит лицу и безусловна, так как всякий там опирается на разные документы и права, чтобы притянуть к себе сколько может, а общественное имущество, как оно ни велико, окончательно попадает в руки немногих личностей, которые оставляют другим лишь нищету и бедствия...

Все это неизбежно убеждает меня, что единственное средство распределить блага равно и справедливо и устроить благополучие человеческого рода, это — уничтожение собственности. Пока право собственности составляет основание общественного здания, до тех пор класс, самый многочисленный и наиболее достойный уважения, получит на свою долю лишь голод, страдания и отчаяние».

Перебрав возможные «средства для облегчения зла, бессильные для их излечения», Томас Мор прибавляет: «Эти средства... могут усыпить боль... но не надейтесь придать ему (общественному телу) силу и здоровье, пока всякий будет владеть своею собственностью единолично и безусловно. Вы прижжете один нарыв и раздражите все другие; вы вылечите больного и убьете здорового, потому что все, что вы прибавляете к собственности одной личности, вы это отнимаете у ее соседа».

И Томас Мор прекрасно видел, насколько невозможно для предполагаемой реформы опираться на государственную власть. Платон, живя в республике, мог считать ему слишком близкого знакомого Дионисия Сиракузского ²⁴⁰ исключением, мог мечтать о благодетельном монархе, который употребил бы свою неограниченную власть на социальный переворот для блага народа. Томас Мор, дипломат и юрист, член парламентской оппозиции еще при Генрихе VII ²⁴¹, видел слишком близко все европейские монархии, чтобы увлекаться подобными иллюзиями. Поэтому в начале своей книги он, выставив самого себя защитником участия развитых людей в правительственных советах и администрации, самым бес-

* Мор не совсем верно излагает мысль Платона, но самые ошибки его в этом отношении важны для нас, как уяснение его собственных мыслей, его собственных стремлений.

пощадным образом разбивает это мнение словами Гитлодея. От своего имени он советует Гитлодею «победить отвращение, внушаемое ему королями и придворными, принести в жертву общему благу личные антипатии» и помогать государям своими советами. Гитлодей отвечает, что «философия не имеет доступа в совет королей», что они гораздо более заботятся об увеличении всеми средствами своих владений, чем о хорошем управлении этими владениями, что советов его слушать не будут. Гитлодей набрасывает при этом резкую сатиру внешней и внутренней политики, которой следуют правительства его времени. Он повторяет советы, которые обыкновенно слышат короли, советы хищничества внутреннего и внешнего. «Все согласны, что государь не может иметь слишком много казны; что он не может быть несправедлив; что все в государстве принадлежит ему, не исключая личностей его подданных; что никто из них не имеет собственности, кроме той, которую король в его милости оставляет ему». Советники уверяют королей, «что в интересах государства они должны оставлять как можно менее благосостояния своим подданным; что королю выгодно, когда его народ не имеет ни богатства, ни свободы, так как то и другая не позволяют народу достаточно легко подчиняться жестокому и несправедливому правительству, тогда как завистливость и бедность укрощают народы, научают их терпению, принижают их и уничтожают ту силу духа, которая в противном случае, вызывает общество к восстанию». Гитлодей спрашивает, как выслушают советники короля и сам король его советы, когда он будет во всех этих случаях говорить прямо противное другим. От своего имени Мор проповедует лицемерную философию, которая не попадает «прямо и слепо на условия времени, места и личностей», но «знает сцену, на которой ей приходится действовать, и выполняет с приличием и гармониею свою роль в пьесе, в которой участвует... Кормчий не оставляет судна в бурю потому, что не может господствовать над ветром. Вы обращайтесь к людям, несогласным с нами в принципах... Следуйте прямому пути, — он вернее приведет вас к цели... Умейте говорить истину ловко и кстати»... На это Гитлодей отвечает, что, следуя этому совету, он мог бы только «оградить себя от безумия, пытаясь изменить безумие других... Относительно же лжи, — продолжает он, — я не знаю, может ли философ лгать или нет; я знаю, что я не могу этого делать... Но я не вижу другого результата этой уступки, кроме большего спокойствия людей в их дурных делах. И вот весь успех, который я мог бы иметь при дворе; я буду расходиться с другими и в таком случае ничего значить не буду; или я буду соглашаться с ними и буду лишь помогать их безумию... При дворе не допустят, чтобы человек стоял в стороне и лишь оставлял других делать, что они делают. Он должен прямо хвалить худшие советы и соглашаться с самыми пагубными планами... Кроме того, когда человек вмешается в это общество, то

он настолько далек от возможности поправить дела, которыми занимается, что не имеет никакого случая делать добро. Дурное общество скорее его испортит, чем будет им исправлено... Чужое безумие и чужую подлость припишут ему, и, участвуя в их советах, он должен принять долю порицания, вызванного чужими действиями». Автор этого разговора, тем не менее, стал канцлером Генриха VIII, невольно помогал чужому безумию и, не принеся никому никакой пользы своей государственной деятельностью, сумел только прилично сложить голову на плаху из-за спора о правах короны, который не имел ни малейшего отношения к благу большинства.

Томас Мор был непоследователен и в другом отношении: все благополучие Утопии он приписывает законам, введенным в ней государем-завоевателем Утопом. Это было уже прямо заимствование из античных понятий. Но посмотрим, в чем состояла положительная часть строя идеального общества, которое Мор противопоставил недостаткам современных ему государств.

Здесь мы встречаем не только начало общности имущества, но начало полной солидарности между всеми жителями идеального государства; не только всеобщий труд, как основу экономического строя, но уменьшение рабочего дня для умственного развития работника и слабое начало идеи привлекательного труда, не только отсутствие господства религиозного элемента, но полную свободу религии (конечно, в пределах деизма, дальше которого не шла смелая мысль кружка друзей Мора); не только отсутствие сословного разделения, но полное равенство семей, полное отсутствие даже внешних отличий лиц, составляющих выборное правительство Утопии, даже отсутствие противоположения горда селу, которое так резко прошло в истории Европы.

«Занятие земледелием обще мужчинам и женщинам, и никто от него не освобожден... При этом каждый изучает какое-нибудь особенное ремесло, именно выделку сукна и полотна, или ремесло каменщика, кузнеца или плотника. Вне этого у них (жителей Утопии) нет ремесл, о которых стоило бы упомянуть... Так как каждый имеет склонность к иному ремеслу, то в цех этого ремесла его и принимают... Когда он выучил хорошо одно ремесло и желает выучить другое, и это ему дозволено. Когда он изучит оба, то может выбрать одно из них, которое ему более нравится, если город не нуждается более в другом».

Никто не имеет права быть праздным, «но из-за этого работник не должен, как скотина, работать с раннего утра до поздней ночи: это — позорная служба раба или крепостного, хотя такова жизнь бедных работников везде, кроме Утопии». — Работа каждого продолжается 6 часов и совершается в два приема, по 3 часа каждый. Остальное время каждый употребляет как угодно, но большинство на чтение и науку, на слушание лекций, на которые собираются как мужчины, так и женщины, но которые обязатель-

ны лишь для лиц, специально назначающих себя для науки. Кто хочет, может и продолжать занятие ремеслом в свободное время. Когда необходимое число продуктов получено, то число рабочих часов уменьшается, «так как вся цель общественного строя (в Утопии) заключается в том, чтобы, по удовлетворении общественных потребностей, возможно более времени для каждого гражданина было взято от работ для удобства тела, назначая это время на свободную работу духа и на его украшение, так как они (жители Утопии) думают, что в этом состоит блаженство жизни».

Мор посвящает несколько страниц на опровержение возражения, которое могут противопоставить столь короткому рабочему дню, что в это время нельзя совершить всю нужную работу. Он напоминает, что в Утопии работают все; тогда как в других местах женщины не участвуют в ремеслах, находятся праздные сословия духовенства, дворянства, нищих, значительная часть труда теряется на бесполезные ремесла, тогда как в Утопии нет праздных людей, нет и бесполезных ремесел, имеющих в виду удовлетворение потребностей роскоши. От работы избавлены лишь на год их выбора низшие правительственные власти (сифогранты или филархи), которые, впрочем, обыкновенно сами, для лучшего примера другим, не считают себя от нее свободными. От физической работы избавлены народным приговором и те, которые специально назначают себя для научных исследований; но если выбор оказывается неудачен, то они лишаются своего исключительного права. Можно признать следом платоновского влияния мысль Мора, что из этих ученых выбираются посланники, священники, высшие правительственные власти (траниборы или протофилархи), наконец, пожизненные государи городов Утопии.

Выше уже сказано, что семья составляет основную единицу строя Утопии. Младшие члены не выходят из-под власти главы семьи и служат старшим. Все вырабатываемое семьею несется в склады на один из четырех городских рынков каждого города. «Оттуда берет каждый глава семьи то, что нужно ему или домашним, берет безденежно и уносит с собою безо всякого вознаграждения. И почему запретили бы кому-либо взять что-нибудь, так как всего довольно и нечего заботиться, чтобы кто-либо взял более, чем ему нужно. К чему ему и желать большего, когда он знает наверное, что ему не будет недостатка ни в чем и что он всегда может получить нужное? Желание избытка и запаса вызвано страхом и заботою о будущем недостатке, как у всех животных, или гордостью, как между одними людьми, которые считают за честь превосходить друг друга в избытке. Но порок гордости неизвестен утопиянцам».

На рынке съестных припасов выбирают прежде всего нужное для госпиталей, затем берут для общественных столовых, куда сходятся обедать по 30 семей. Это не обязательно, но исполняется почти всеми. Дети до пяти лет обедают в залах для нянек, испол-

няющих по желанию эту обязанность. Впоследствии они находятся около своих семей. Подростки прислуживают за общественными столами. Общественные столы окружены всевозможными удобствами и удовольствиями, так как жители Утопии находят, «что всякое удовольствие дозволено, от которого не происходит беспорядка или чего-либо дурного».

Поля острова разделены между городами. В фермах, там построенных, поселяются на два года жители городов, причем ежегодно половина их возвращается в город и заменяется новыми, которые оставляют ремесленную работу для земледельческой. Кто пожелает, может посвятить себя исключительно сельскому труду. Когда отделено по расчету количество земледельческих продуктов, нужное для города и окружающих его селений, остальное отдается нуждающимся соседям. Если же что нужно сельским жителям такого, что можно найти лишь в городе, они это получают даром по требованию. Для жатвы приходит сколько нужно рабочих из города и в один день кончают сбор хлеба и увозят его в город.

В городах дома не запираются, «так как у них (утопийцев) нет никакой собственности; и каждые десять лет они меняют дома и места жительства, бросая жребий, — кому где жить». Особенное старание они обращают на разведение садов, которыми улицы соперничают одна с другой. Отправляясь в другой город, утопийцы работают там у мастеров своего ремесла; находясь в деревне, они занимаются земледелием. Нигде нет «ни кабаков, ни публичных домов, тайных убежищ порочных наслаждений или тайных собраний»; поэтому «всеобщее взаимное наблюдение принуждает каждого или заниматься обыкновенною работою, или проводить честно часы досуга». Праздных и нищих не может быть в Утопии.

В сенате представителей всех городов собираются сведения о том, чего мало в одной местности острова и много в другой, причем избыток передается туда, где чувствуется недостаток. «Это делается даром и без всякого вознаграждения со стороны получающих. Один город отдает другому из своего имущества, не требуя ничего взамен, и берет нужное ему у другого города, которому ничего не дал. Весь остров составляет как бы одно хозяйство».

Что касается до особенно трудных и неприятных работ, то они частью совершаются в Утопии религиозными орденами, для которых это именно составляет богослужение. Члены их ухаживают за трудными больными, исправляют дороги, очищают каналы, вырывают рвы; «чем труднее и неприятнее работа... тем охотнее берут ее эти люди».

Религиозное служение они видят и в созерцании природы. Мы не будем долго останавливаться на религиозной стороне строя Утопии, так как это не относится прямо к рассматриваемому нами вопросу, но для времени, когда писал Мор, для периода са-

мого фанатического религиозного возрождения, начавшегося вслед за появлением «Утопии», в высшей степени знаменательна терпимость, царствующая в идеальном обществе, здесь набросанном, устранение всяких преследований, всякой вражды между сектами, наказание за оскорбление чужой религии и установление, как обязательных, лишь немногих догматов спиритуализма, над которыми не мог возвыситься Мор, но которые были далеко впереди даже учения социниан²⁴², самой передовой секты следующего столетия, и нашли себе почву лишь у просветителей XVIII века *. Как ни осторожно относится при этом Мор к христианству, но уже одно то, что он ставит в Утопии христианство, как одну из существующих религий, ничем не выше других, есть не только отречение от исключительной точки зрения средневекового католицизма, но и отречение от всякого признания за христианством сверхъестественного источника. Тем поразительнее видеть в последствии автора «Утопии» в роли полемического богослова, гонителя еретиков и, повидимому, искренне религиозного мученика в последние дни жизни.

И нравственное учение, выставленное Мором, как учение утопийцев, есть учение чисто рациональное. Утопийцы «полагают все блаженство человека или большую часть его в честных наслаждениях... высшим же безумием считают пренебрежение своею естественною красою, оставление без употребления своих сил, обращение своей ловкости в неловкость, истощение своего тела постом и насиливание своего здоровья». В этих словах едва ли не проглядывает личный опыт Мора, который в ранней молодости увлекся было аскетизмом, носил власяницу, ушел в монастырь, но потом оставил это насиливание человеческой природы. Впрочем, в нравственности утопийцев Мор ставил везде духовные наслаждения как высшие и составляющие главную цель жизни граждан этого общества. Из телесных он особенно ценит здоровье. Между ложными наслаждениями он упоминает: богатые одежды, почести, родовую дворянскую гордость, драгоценности, избыток богатства, собирание сокровищ и азартные игры. В помощи утопийцы не нуждаются, потому что все получают из общественных складов. Драгоценности они презируют. Золото и серебро собирают лишь для войны и употребляют на сосуды для сору и нечистот, на цепи для преступников и т. п. Не лишено значения в нравственном отношении навеянное античным миром освящение самоубийств, но лишь по совету священников и докторов неизлечимо больным.

Упомянем еще о политическом строе идеального общества

* Учения бессмертия души, божественного создания мира и божественного провидения в его управлении суть единственные догматы, обязательные для утопийцев; но и тут свободным мыслителям в этом отношении грозит только устранение от всяких должностей а не наказание, «так как они (утопийцы) уверены, что никто не в состоянии заставить себя верить всему, чему хотел бы верить».

Мора. Основу его, как сказано, составляет семья. Все остальные начальства — выборные. Тридцать семей выбирают ежегодно низшего администратора (сифогранта или филарха). Над десятью низшими администраторами ставится ежегодно же высший (транибор или протофиларх), который редко меняется. Все 200 низших администраторов выбирают пожизненно для города государя из четырех кандидатов, представленных народом. Этот государь может быть, впрочем, немедленно низложен в случае стремления к тирании. Для общих дел остокова собирается раз в год сенат из представителей городов, по три из каждого. Главная забота всей этой выборной администрации — наблюдение за работами, также решение спорных дел. Законов у утопийцев немного, и они всем известны; адвокатов нет, и каждый сам защищает свое дело. При развитии этого последнего вопроса Мор, очевидно, имел в виду сложное, дорогое и притеснительное судопроизводство Англии, дававшее такую силу адвокату, и недостатки которого были ему очень хорошо известны.

Для нас, конечно, важно произведение Мора не по его политическим планам, а по его социальному значению. Политические теории наилучших конституций относятся к метафизическому элементу социологии, и сам Мор, очевидно, придавал гораздо более значения социальным началам общности имущества, всеобщего труда, устранения бесполезных ремесел, чем политической комбинации, в которой думал лишь о простоте. Тем не менее нельзя не вспомнить, что такого демократического государства не имел перед собою Мор ни в действительности, ни в истории, ни в произведениях древней мысли. Роберт фон-Моль²⁴³ выражается об этой стороне «Утопии» так: государственные учреждения «представляют смесь частых выборов древней демократии и представительства новой... Здесь уже так решительно выступает основное направление нового времени, именно равенство, что все управление есть лишь господство большинства, опирающееся на поголовный счет, и естественные элементы могущества вовсе не берутся в соображение. Здесь Мор, действительно, представляется прозирающим будущее. Даже теперь Висконсин и Айова²⁴⁴ идут не так далеко, как Утопия».

Мор не посвятил особой главы системе воспитания, но из всего произведения видно, какое широкое значение он придает ему. К земледелию и ремеслу приготавливаются дети с малолетства, играя, учась, участвуя в жизни семьи; но техническое обучение не мешает умственному развитию. Все дети в Утопии получают одинаковое воспитание, сортируются по способностям к науке, но собственно школьный период не обрывается необходимостью получить место и бороться за кусок хлеба на фабрике или в администрации. Вся жизнь утопийцев есть не только работа на пользу общую, но и умственное развитие. Немногие специально посвящают себя ему, но почти все отдают ему большую часть вре-

мени. Программа образования утопийцев, начертанная Мором, конечно, соответствует его времени: мы замечаем в ней уже немалое значение, приданное естествознанию; автор, конечно, ставит высоко греческий язык, как и следовало ожидать от одного из передовых гуманистов; наконец, останавливается на этике. Идеал утопийца, это — развитой рабочий, одинаково сильный техническим умением и научною выработкой. — Этот идеал стоит и теперь перед человечеством, далеко, далеко не достигнутый.

Кончив свой рассказ об устройстве Утопии, Гитлодей резюмирует противоположение выгод этого устройства недостаткам современных ему порядков в Европе. В Утопии, говорит он, «все принадлежит каждому, и никто не может бороться или опасаться, что ему чего-либо неостанет, когда будет нужно. Все вещи делаются поровну и в достаточном количестве. Там нет ни бедняков, ни нищих, и хотя никто не имеет ничего в собственности, но все вместе богаты...

Я рад, что утопийцы приняли эту форму правления, и желал бы, чтобы весь мир подражал им в этом, потому что они начертили план и положили основание такому государству, в котором человек может жить счастливо, следовательно, вероятно, оно будет и прочно».

От своего имени Томас Мор еще прежде представил несколько возражений, вообще довольно слабых и рутинных. «Мне кажется, напротив, что люди не могут жить хорошо там, где все вещи будут общие». Он говорит, что всякий будет уклоняться от работ, что, при отсутствии побуждения личной выгоды и при возможности рассчитывать на других, работы пойдут плохо, что произойдут возмущения и беспорядки. Под конец, после речи Гитлодея, он говорит, что «многое в нравах, обычаях и законах описанного народа казалось мне неуместным и нехорошим... особенно самое могущественное описание всего их быта, именно их общая жизнь и получение пищи без употребления денег. Но эта одна вещь разрушает все благородство, величие и блеск целого». Однако он не нашел возможным продолжать разговора и кончил его словами, обращенными к Гитлодею: «многие вещи в устройстве Утопии таковы, что, по правде сказать, желательно бы их найти в наших городах, но это легче желать, чем на это надеяться».

Стоит ли останавливаться на недостатках построения Мора? Мы о них уже упомянули. Они очень важны и подрывают в корне его построение.

Его республика лишена всего того, что составляет самую сущность политической жизни: граждане, выбирающие все правительство, лишены по закону права даже рассуждать об общественных делах; лишены права поехать в другой город без разрешения свыше. Мору не пришло в голову, что об общественных делах в таком случае не будут в состоянии рассуждать и администраторы разных степеней, что подчинение администрации во всех мело-

чах есть нравственная смерть общества. Ненависть Платона к афинской демократии, презрение образованного гуманиста к невежественной черни, растущий идеал государей — источник всякой власти, выработавшийся в Европе в это время, — все это, вероятно, натолкнуло Мора на идею невозможного народа, повелевающего всем на выборах и устраненного от всякого политического рассуждения, подчиненного во всем и всюду наблюдению свыше, распоряжению свыше, раба в семье, беспрекословного подданного чиновников, которые должны все придумать, все предвидеть, все обсудить и при этом выработать все эти административные способности в среде, где им выработаться немисливо. Политические теоретики начала XIX века могли улыбнуться этому промаху знаменитого гуманиста, но ни один из них не мог даже приблизительно понять глубины социальной задачи, которую он ставит потомству в своей «Утопии».

Не менее непоследовательны внешние отношения идеального государства. Правда, тут проскакивают кое-где светлые подробности, до которых не доработался и современный милитаризм и которые поразительны в половине XVI века, времени полного варварства на войне. Утопийцы не разоряют полей, не сожигают запасов, но, напротив, охраняют поля вражеской страны от потоптания. Они не грабят городов, даже взятых приступом. «Они не менее сожалеют о простом народе, о женщинах и детях врагов, как и о своих собственных, так как они знают, что виновны в войне не эти несчастные, а их правительство». Но вообще способ ведения войн утопийцами и отношения их к соседям предполагают выработку такого коварства, которое неизбежно проявится бы и во внутренней политике. Здесь современник Макиавелли, Фердинанда Католического, Александра VI²⁴⁵ и других многочисленных представителей бессовестной политики этого времени находился бессознательно под его влиянием.

Едва ли следует приписать влиянию античных образцов, которые Мор ставил так высоко, и введение рабства в строй Утопии, так как оно, собственно, и не нужно там, где все работают, где младшие члены семьи составляют прислугу, а самые тяжелые и неприятные работы совершаются добровольно духовными орденами. Мор ввел, повидимому, рабство как юридическую замену смертной казни в большинстве случаев, как утилизирование преступников, которых современный ему мир убивал.

Но все эти недостатки касаются более внешних частей системы: самую же основу ее подрывает то самое начало, которое охраняет Мор с наибольшим старанием, которое составляет точку исхода и его экономического порядка и его политического строя, именно устройство семьи. Совершенно согласно национальной привычке и под влиянием христианского типа позднейшего времени, Мор создает патриархальную семью, где все члены безусловно и вполне подчинены главе, где всякое нарушение свято-

сти брака наказывается самым беспощадным образом (Мор не останавливается в этом случае и перед смертной казнью), где даже увлечение молодой страсти составляет преступление. Поклонник Платона не поверил тем аргументам своего учителя, которые доказывали тесную связь строя исключительной семьи с стремлением к накоплению избытка, к монополизированию его, с увеличением элементов раздора, с ослаблением преданности личности общему делу. Его патриархальные деспоты не могли быть свободными гражданами. В эгоизме строго заключенной в себе семьи не могло выработаться чувство солидарности между семьями и городами Утопии. Искренность не могла ужиться с неразрывностью брака * (кроме исключительных случаев), огражденного строгою карою закона. При подчинении женщины в семье, она не могла выработать в себе человека. Благополучие утопийцев, опирающееся на строго заключенную в себе семью, было невозможно. Мы не можем не видеть здесь изуродования социальной мысли христианских обычаев и феодальной раздельностью. Мор, угадавший так верно основу правильного общественного строя в общем труде и во всестороннем умственном и техническом развитии личности, здесь уступил рутине и допустил, что переворот экономический и политический может быть совершен, не касаясь семьи, напротив, усиливая ее исключительность. Эта ошибка тем понятнее, что в этой области рутинного предания и до сих пор, как сказано в конце четвертой главы, не позволяла мыслителям вполне основательно привести начала будущей семьи, или замены ее, в гармонию с прочими началами будущего общественного строя.

Современники Мора, друзья его гуманисты, встретили его сочинение с восторгом. Первое издание его появилось под названием «Золотой книги». Через два года Эразм выпустил новое издание. Быстро появились переводы на разные языки. Читатели восхищались картиною общества, которое во всем отличалось от тяжелого строя, их окружающего. «Единственное верное понимание «Утопии», — справедливо говорит один ее критик, — заключается в сопоставлении ее с обществом и с нравами ее времени; и тогда можно видеть, как смело отнесся Мор к строю и к недостаткам тогдашней Европы. Он не хочет ничего знать о различии сословий и о различии прав по рождению, именно о господствующем и роскошествующем духовенстве, о богатом и гордом дворянстве и праздною, вечно готовою на драку его свите, о заключенной в себе буржуазии, о подавленном крестьянстве деревень. На место их он ставит лишь работающих, образованных, живущих в семейном общении граждан. Он не знает никакой исключительной церкви и прямо отвергает всякое преследование за веру, мимоходом, так сказать, требуя выбора священников народом. Но с этими

---

* Лишь эта неразрывность брака могла привести Мора к необходимости взаимных предбрачных смотрин без одежд.

требованиями падает сама собою вся необозримая масса притеснений и бедствий, под которою тогда страдало большинство, падает в то же время и весь строй общества, государства и церкви».

Для истории социальных учений «Утопия» Мора важна, как первое заявление, что правильное общество будущего должно быть основано на всеобщем труде, на полной солидарности между группами и на выработке личного идеала работника, развитого умственно и технически, при устранении бесполезных ремесл и при одинаковом участии в труде обоих полов. Это не было научное построение, и потому картина «Утопии» заключала в себе вредные и противоречивые элементы, подрывавшие основы требований автора. В фантастической Утопии не представлялся вопрос о том, как перейти от настоящего строя к новому; для читателя мифический завоеватель Утоп со своими удивительными законами был достаточным ответом. Но если мыслитель, положив книгу, думал серьезно об условиях осуществления идеала «Утопии» в современной ему Европе, он должен был неизбежно прийти к мысли, что сословное общество эксплуататоров, хищническое государство и властолюбивая церковь мирно не отдадут своих привилегий, что путь к этому осуществлению может быть лишь путем кровавого восстания большинства, кровавого переворота... Но «Утопию» читали, как приятную сказку, восхищались изяществом языка, остроумием мысли. Лишь через несколько веков мысль эта получила серьезное значение.

Долгое время после Мора мы не встречаем ни одного произведения в литературе социализма, которое могло бы хотя издали подходить по достоинству к «Утопии». В наиболее заслуживающих внимания совершенно ясно сильное влияние произведения Мора и даже прямое заимствование из него в самых важных пунктах. Организация труда везде вызвала гораздо менее внимания и обдумана гораздо менее серьезно, чем в «Утопии». Государственный элемент опеки и принудительности большею частью усилен всюду, где на нем останавливается автор с некоторым вниманием. Внешности получают все более значительную роль. Но один недостаток, присущий Утопии, именно строгая исключительность и охранение семьи, немедленно устранен, вероятно, скорее под прямым влиянием Платона, чем вследствие сознания, что эта исключительность должна подрывать солидарность всех отраслей общественного строя. Это тем более вероятно, что в картинах общества, о которых нам придется говорить, общественное положение женщины весьма не высоко во всем, что отличает это положение от теории Мора.

Впрочем, причина последнего указанного отступления могла заключаться и в обстоятельстве, что Италия дала ближайших последователей Мора, Италия, где привычные взгляды на отношение между полами существенно отличались от английского семей-

ного предания. Восприимчивость же Италии ко всякому новому явлению в области мысли была вполне естественна в период, когда умственное развитие меньшинства в этой стране стояло на весьма высоком уровне.

Первый след этой мысли о построении нового общества на рациональных основаниях мы встречаем в книге весьма второстепенной и у автора, который отличается более многописанием, чем достоинствами своих произведений. Сначала монах, потом священник, вечно нуждающийся, вечно скитающийся с места на место литератор, Антонио Франческо Дони²⁴⁶, между многочисленными произведениями своего пера, которыми он кое-как добывал себе средства существования, написал полушуточные произведения: «Миры» и «Ады», где пытался подражать Лукиану. В первом из них, появившемся в 1552 году, встречается, между прочим, разговор между мудрецом и дураком, озаглавленный: «Мир мудрый и дурацкий». Тут мудрец рассказывает дураку свой сон о новом мире, существующем на коммунистических началах, со строгою специализацией ремесел, под надзором священников, наблюдающих из центрального храма за жизнью и работою большинства, которое живет в ста улицах, составляющих город и расходящихся от храма радиусами во все стороны. Каждая улица предоставлена двум ремеслам. Между прочим, есть несколько улиц трактиров, где сходится обедать определенное число траждан-работников. Есть две улицы общих женщин. Как у Мора, все потребности удовлетворяются безденежно. Каждый гражданин (городской и сельский житель) приносит в общий склад продукты своего труда и берет, что ему нужно. Все получают одинаковое количество пищи и ходят в одинаковой одежде, различающейся лишь по возрастам на четыре цвета. Родства никакого не признают. «Никто не знает, чей он сын, и в этом отношении все равны. Когда человек родился, его вскармливают и воспитывают. Когда он подрост, его обучают наукам и ремеслу, смотря по его способностям». При общности имущества, невозможно ни воровство, ни процессы. При общности женщин, не существует одной из главных причин раздоров и преступлений. Ревность и самая любовь не имеют места. Мы встречаем тут обыкновенные нападки на адвокатов и юристов, на торговцев и семейные беспорядки. Впрочем, даже время работы не ограничено. Преступников отравляют. Начальник имеет звание епископа. — Произведение Дони, «большого говоруна о пустяках», по выражению Нисерона²⁴⁷, заслуживает внимания вовсе не по своему достоинству, которое крайне незначительно, но как след распространения социалистической мысли в XVI столетии.

Едва стоит упомянуть в настоящем случае о другом итальянце, весьма знаменитом, но произведения которого хранят в себе самый слабый след общественных вопросов его современности. Энергической борец за свободу мысли философской и научной, Джор-

дано Бруно почти не касается области, составляющей предмет нашего исследования. Тем не менее некоторые историки социализма (напр. Тониссен) упоминают о его книге «Удаление торжествующего зверя», изданной в Англии в 1584 г., в развитие социалистической литературы. Это тоже подражание Лукиану, отражающее обыкновенные достоинства и недостатки мыслителя талантливой, искренней и горячей, но беспорядочной. «Боги Олимпа, состарившиеся и лишенные поклонников, раскаиваются в своих грехах и, по предложению Юпитера, гонят с неба всех мифологических зверей (и людей в том числе), помещенных в созвездия, заменяя их разными добродетелями. Каждая из этих добродетелей дает повод к разным рассуждениям, как нравственным вообще, так и направленным против недостатков общества и разных его классов. Всего более достается монахам. Они особенно обвиняются в праздности, как люди, которые торопятся раздавать места в царствии небесном и неспособны на земле обработать даже небольшого куса». Нападает Бруно и на все праздные классы общества. Момус²⁴⁸ в едкой тираде описывает дворян, которые употребляют несколько часов дня на умывание разными водами, на завивание волос, на одежду и потом проводят время в визитах и играх. К «занятым праздным» людям он относит и «грамматиков, диалектиков, физиков, метафизиков, стихотворцев» и т. п. Гераклес²⁴⁹ посылается на землю вместе с Персеем²⁵⁰, чтобы снова очистить ее от деспотов и разбойников, ее разоряющих. Богатство и бедность не допускаются на небо, точно так же, как счастье, но там помещается заботливость с ее спутником, трудом, «который всего более сближает людей с богами». Лишь в этих общих критиках существующего порядка и в этом общем прославлении труда можно видеть слабый социалистический элемент у Бруно. По его складу ума, эти вопросы входили лишь косвенно в круг его работ.

Гораздо более видное место в социалистической литературе занимает Томасо Кампанелла²⁵¹, с его «Городом солнца», написанным в неаполитанской тюрьме, где Кампанелла просидел 27 лет. «Город солнца», напечатанный в 1620 г., был сдан (в итальянском оригинале) издателю в 1611 г. Несмотря на невольный досуг заключенника, произведение Кампанеллы носило на себе следы такой поспешности, что Лимановский имел полное право сказать: «В целом, читая «Город солнца», мы выносим такое впечатление, будто Кампанелла, написав его, не перечитал написанного». Особенных достоинств при создании общественного плана нельзя ожидать от мыслителя, оставшегося всю жизнь верующим в астрологические влияния на судьбу человека в тоды, когда Галилей²⁵² и Кеплер устанавливали новую астрономию, когда Бэкон писал свой «Новый органон», когда Кампанелла за два года до своей смерти мог уже прочесть и «Рассуждение о методе» Декарта. Нельзя было ожидать их от человека, который

считал абсолютизм папы и католической церкви единственным средством спасения общества, и это в первой четверти XVII века! Эти недостатки глубоко проникли в построение «Города солнца», наполняя его метафизическими мотивами для его правления, астрологическими мотивами для форм общественной культуры, сообщая ему тип громадного монастыря, подмеченный почти всеми критиками. Но, несмотря на эти недостатки, произведение Кампанеллы уже потому заслуживает внимания, что в нем виден человек глубоко искренний, человек, который не шутит своим словом и не останавливается ни перед каким уважаемым преданием, когда вопрос идет об осуществлении идеи, которая кажется ему верною. Кампанелла не останавливался никогда и перед делом; его девизом было всегда: «лучше раскаиваться, что сделал что-либо, чем раскаиваться, что воздержался от дела». И он, под влиянием глубокого убеждения, сделался монахом, потом стал последователем Телезия²⁵³, надеялся было на спасение человечества всемирною монархией испанского короля (этот король был Филипп II²⁵⁴), стал душою заговора для освобождения южной Италии от испанцев, выдержал пытки и провел полжизни в заключении, из тюрьмы пытался обновить мир философскою мыслью, как на свободе думал освободить его оружием, и всю жизнь, во всех положениях искал одного: действия и действия для исправления той бездны зла, которую он видел в мире.

При этих личных данных не мудрено, что идеи социального переворота, дошедшие до него от Платона и Мора, получили в его уме удобную почву. Он слил эти идеи со своим глубоким убеждением в безусловное господство церкви и со страстною любовью к знанию; причем отсутствие строгого метода не позволило ему отличить научную истину от фантастических мечтаний, и знание представлялось ему скорее картиною, охватывающей все разнообразие природы в ее метафизической гармонии, чем системою логически добытых истин, эмпирических и рациональных законов явлений, чем оно было для его современников, Бэкона, Галилея, Декарта. Его идеальная церковь, долженствующая охранять благополучие человечества в городе солнца, была не та католическая церковь, которую он видел, а представительница самого обширного и разнообразного знания. Отрасли знания должны были определять все разделения и подразделения управления. Энциклопедическое знание составляло право его папы-Метафизика на соединение всей светской и духовной власти в своем лице. Человек, «обладающий столь обширными знаниями, как *Метафизик*, не будет никогда — по мнению жителей города солнца — ни жестоким, ни развратным, ни тираном». Как только в обществе вырабатывалась личность, более его знающая, следовательно, более его достойная, он сам добровольно уступал ей место. Но, при существовании этой церкви знания, общество могло быть счастливо, когда все оно было так же безусловно подчинено надзору

и распоряжению своего папы, как монахи подчинены своему настоятелю.

Папа-Метафизик, или Солнце, во имя своего высшего энциклопедического знания, и три его помощника: Мудрость, Любовь и Могущество, во имя специального знания особенной отрасли для каждого из них, управляют безусловно городом солнца, при помощи магистратуры, где довольно неясно соединяется система выборов с назначением. Пища и работа, половые сношения и обучение — все подчинено их распоряжению; они утилизируют все силы даже калек и старцев. Личность не развивается общественной жизнью в этом огромном монастыре, но подавлена неизменным порядком, над ней господствующим. Житель города солнца никогда не бывает один. Все они — «как бы члены одного тела». Приговоры произносятся во имя отступления от общих догматических определений «бога, ангелов, звезд, человека, судьбы, добродетели и т. п.», или от частных определений отдельных добродетелей. Судебная власть соединена с административной, как оно и следует из клерикального начала общественного строя. Каждый орган власти носит название отдельной добродетели и наблюдает за соблюдением ее требований гражданами. Общность имущества и общность женщин устранила как будто возможность преступлений; взаимные обвинения могут совершаться только из-за недостатков характера; тем не менее преступления допускаются Кампанеллою, и народ идеальной общины обращается в палача для побоев камнями преступника «против свободы республики, против бога или против высшей магистратуры». Мало того, осужденного подвергают нравственной пытке, до тех пор откладывая казнь, пока инквизиторы города солнца не вынудят у несчастного, ожидающего смерти, признание, что его необходимо казнить.

Под этой подавляющей властью духовного начала организована в городе солнца общая жизнь, опирающаяся, как у Мора, на общий труд, на общее имущество, на сокращение времени физической работы (до 4 часов) для большего умственного развития, на участие женщин во всех мужских работах и занятиях, на всестороннее техническое и умственное развитие личности; но разрушение семьи придает более цельности картине, здесь представляющейся; элемент привлекательного труда выступает уже яснее, подготавливая картину фаланстеров Фурье, и к идее равенства всех в общине присоединяется начало, которое должно было впоследствии играть не малую роль в социальных теориях, начало вознаграждения *по заслуге*. Прославление результатов этой общей жизни, сравнительно с обычными картинами конкуренции и порока в обществе, опирающемся на семью и на частную собственность, у Кампанеллы не менее решительно, чем у Платона и Мора. Но организация труда разработана с гораздо меньшими подробностями и, следовательно, менее ясно и определенно, чем у его предшественника. Зато педагогическая часть развита с большою

любовью, что совершенно естественно в обществе, где безусловно царствует знание.

Подобно Мору, Кампанелла отнес свой город солнца в далекие страны, под экватор, на остров Тапробан (Цейлон), и вложил описание его общественного строя в уста безыменного гелуэзского капитана корабля. От его имени идет весь рассказ о жителях идеального государства, которые «думают, что прежде надо устроить жизнь общины и лишь потом заботиться о личностях».

«Они решились вести в общине жизнь по началам философии. Хотя общность женщин и существует у других жителей страны, но она обычна у них... Все там общее, но распределение делается властями. Тем не менее знание, почести и удовольствия жизни разделены между ними так, что никто не может думать о присвоении себе чего-либо в обиду сограждан. Они говорят, что чувство собственности родится и растет в нас потому, что мы имеем свой дом, свою жену и своих детей. Отсюда — эгоизм; мы грабим общественную казну, чтобы доставить сыну высокое звание и богатство; если мы можем господствовать над другими из-за богатства или из-за имущества, или если мы слабы, бедны и худородны, то мы станем скупы, коварны и лицемерны. Поэтому, отнимая у эгоизма всякую цель, они его разрушают и оставляют лишь любовь к обществу... Никто не может получать подарки от другого, так как все им доставляется обществом. Власти препятствуют тому, чтобы кто-либо имел более, чем он заслуживает, но ни в чем необходимом не отказано никому...

Дома, комнаты, постели, словом все — общее между ними. Через каждые семь месяцев власти назначают каждому круг*, дом и комнату, которую он должен занимать... Все ремесла и искусства общи обоим полам. Только работы, требующие более силы и совершаемые вне стен города, предоставлены мужчинам». Все носят одинаковую одежду. В каждом из семи кругов, составляющих город, есть свои кухни, кладовые, орудия труда, склады провизии для пищи и напитков. Общественный медик назначает для каждого времени года сорт пищи и время замены одной одежды другою.

«Всякий получает все нужное, а излишек дается ему лишь в почетную награду, назначаемую в большие празднества, когда герои и героини получают красивые венцы, роскошные платья или более изысканные кушанья. Органы власти получают за обедом большие порции и более изысканные блюда... Молодые люди служат всем тем, кому более 40 лет... служат друг другу, и беда тому, кто отказался бы от этого...

Гордость они считают худшим пороком, и всякий гордый поступок наказывается большим унижением. Они не считают позор-

---

* Город разделен на семь кругов, по астрологическому мотиву: каждый круг посвящен особой планете.

ным служить обществу за столом, в кухне ли, или уходом за больными... Поэтому все исполняют получаемые приказания, каковы бы они ни были, и считают это исполнение честью. У них нет оплачиваемой прислуги, развращающей нравы, так как они сами делают все. Не так у нас. В Неаполе считают 70 000 жителей, и из них едва ли 10 или 15 тысяч рабочих. Поэтому последние истощают себя непосильным трудом. Праздные гибнут от лени, скупости, болезней, разврата и т. п. Они развращают других, заставляя их служить себе, потому что они бедны и слабы, и сообщают им свои собственные пороки... Не так в городе солнца... Благодаря общинной жизни граждане там не богаты и не бедны. Они богаты потому, что владеют всем сообща; они бедны потому, что не имеют никакой собственности. Они употребляют вещи, но не подчиняются им...

Кто знает более ремесл и превосходит в них других, того наиболее уважают. Они смеются над нашим презрением к ремесленникам и над нашим уважением к тем, кто не учится никакому ремеслу, живет в праздности и кормит множество прислуги для своей лени и для своего разврата; этот способ жизни вызывает большое зло в государстве; из подобного общества, как из школы порока, выходит множество дурных людей.

Никакая уродливость не дает права жить в праздности, избавлены от труда лишь старики, да и те полезны советами, которые они дают. Хромой наблюдает за другими; слепой чистит шерсть и выбирает пух для постелей. Республика употребляет в дело голос и слух тех, кому недостает ног и зрения. Если бы им остался лишь один член, она употребила бы его в полях, чтобы наблюдать и давать отчеты о том, что они видят...

Военным делом и сельскими работами, как и скотоводством, занимаются все. Всякий обязан знать эти различные занятия, которые считаются благороднейшими... Самые утомительные работы считаются наиболее похвальными у жителей города солнца, как строительное дело и обработка железа. Поэтому никто от них не отказывается, тем более, что берут в соображение естественные влечения каждой личности. Вследствие справедливого распределения работ доля, приходящаяся на каждого, не только не ослабляет и не разрушает его сил, но увеличивает их». Торговля незначительна и ограничивается меною, но денег в городе солнца при продаже не принимают.

«Земледелию придают жители города солнца такое значение, что не оставляют ни одного куса земли необработанным... Когда приходит пора для всякой работы, они выходят почти все из города, вооруженные, предшествуемые трубачами, барабанщиками и знаменами, чтобы пахать, сеять, полоть, жать, собирать плоды и виноград. В несколько часов все кончено...

Всего много в городе солнца, потому что каждый старается отличиться в работе, легкой и короткой, и доказать свое подчи-

нение правилам. Начальника каждой отрасли зовут *царем*, как как этот титул, по их мнению, принадлежит знающим, а не невеждам. С изумлением видишь, в каком порядке предаются труду мужчины и женщины, разделяемые на банды, никогда не нарушая приказаний своих царей и никогда не выказывая усталости, как было бы у нас. Они смотрят на начальников, как на отцов или на старших братьев».

Женщины в городе солнца разделяют, как сказано, труды, учение, даже военные занятия мужчин. Они устранены лишь от немногих работ или управлений. Об участии их в войне, в охране города Кампанелла говорит несколько раз. Всего более поражает читателя духовный деспотизм политического монастыря Кампанеллы именно в половых отношениях, на которых воображение монаха в его заключении останавливается несоразмерно долго. О личных аффектах тут не может быть и речи, где личность исчезла перед духовною общиною. Женщины безразлично, по распоряжению власти, совокупляются с назначенными для того оплодотворителями. По закону, под страхом наказания, люди одинакового возраста называют друг друга братьями, младшие старших — отцами. Акт полового союза имеет целью лишь выработку хорошего человеческого приплода для общества и потому подчинен во всех подробностях распоряжению власти. «Произведение детей есть дело республики, а не частных людей, которые при этом функционируют лишь как части целого, именно республики. А так как частные люди весьма дурно производят и воспитывают своих детей, то отсюда может произойти большое зло для республики, которая в этом случае имеет основание рассчитывать лишь на себя в деле столь важном». Поэтому один из триумфиров, помощников Метафизика, именно Любовь, «специально занимается всем касающимся производства, т. е. имеет в виду, чтобы половой союз давал всегда самое лучшее потомство». Нет нужды останавливаться на нелепых приемах этого искусственного подбора.

Цель этих очерков не позволяет долго останавливаться на самой интересной, может быть, в части устройства города солнца и во всяком случае наиболее оригинальной, именно на системе обучения и разделения научных занятий в этом обществе. Едва ли Кампанелле были известны незадолго перед тем появившиеся первые наброски взглядов Бэкона, но главные сочинения его еще не появились, и еще позже вышли произведения Амоса Коменского²⁵⁵, с которым педагогика вступила на почву наглядного обучения. Между тем одна из самых характеристических особенностей города солнца, как его описывает Кампанелла, это — обращение стен его в огромный систематический *Orbis pictus*²⁵⁶ по всем предметам знания. Наука города солнца не есть только дело памяти; как в обществе, современном Кампанелле. «В наших странах человек заблуждается именно потому, что он не рассматри-

вает самих вещей, но изучает их в книгах и мертвых буквах... Того, кто способен лишь к науке, почерпнутой из книг, мы считаем человеком вовсе неспособным», говорят жители города солнца. Один из помощников Метафизика, или Солнца, именно Мудрость, специально занимается всем относящимся до науки и имеет под своим ведением ряд специальных членов администрации, каждый из которых занимается одной отраслью науки. Самый купол храма в городе и глобусы на алтаре служат для науки, высшей святыни города. Под руководством Любви находится обучение детей и подростков. «Все вместе обучаются всем искусствам». Наглядное обучение, книжная дидактика, гимнастика, обучение ремеслам и земледелию идет для всех в систематическом порядке. Весь город приспособлен для обучения и науки еще более, чем для различных ремесл. Нельзя не удивляться, что историки педагоги оставляют совершенно в стороне Кампанеллу, который в отношении гимнастики и наглядного обучения предугадал многое, сделанное позднейшими педагогами.

Описание религии города солнца, несколько спутанное и неясное, не представляет никакой важности для нашей цели. Тут метафизика Кампанеллы и его астрологические верования играют не малую роль. Повидимому, это ему несколько не мешало считать себя весьма ортодоксальным католиком и видеть благо человечества во всемирном господстве католицизма и папской власти.

Несмотря на преобладающую роль духовного элемента в его построении, общественная теория Кампанеллы не может быть поставлена в ряду учений религиозного социализма, потому что он не основывает вовсе своего учения на авторитете религиозного предания и сверхъестественного откровения. Он ищет рациональных общественных начал в удовлетворении основных потребностей человека, экономических и умственных. Он преследует тот же идеал для личности, который поставлен Мором, идеал технически и умственно всесторонне развитого работника. Он угадывает вернее Мора невозможность сохранения прежнего семейного строя при экономическом перевороте. Но он еще более Мора идет в подчинении всего человека безусловной подавляющей власти; он еще менее Мора понимает, что из народа рабов, каковы жители города солнца, не могут выработаться мудрые и самоотверженные деятели для того, чтобы занять места верховных триумфиров и Солнца-Метафизика, центра всего общественного строя. Он ставит во главе общества даже не политическую, а духовную власть, которая, по самой своей сущности, может действовать на общество, лишь унижая его умственно и нравственно. Кроме того, и в частности он оказывается слишком испорченным монашеской средой, чрез которую прошел: он думает награждать в идеальном обществе пышными одеждами и изысканными блюдами, вносит в теорию будущего социализма трудный вопрос о различии удобств жизни по заслугам в противоположность началу равенства, вы-

ставленному Мором. Нечего и говорить о том, что, обращая аффективную связь полов в систематический искусственный подбор для наилучшего приплода под руководством старших, он стоит еще ниже Мора в понимании аффективных потребностей человека. Это был результат христианского извращения понятий о чувственной стороне человека, вследствие чего развивающий и доступный нравственному развитию аффект отождествился в глазах мыслителей с низшей безразлично половой потребностью. Вообще говоря, Кампанелла оставил будущему (вне педагогики) гораздо меньше мыслей, важных в социологическом отношении, чем его английский предшественник. Лучшее, что можно найти у него, встречаем уже у Мора.

Есть основание предположить, что до известного нам латинского издания 1620 года «Города солнца» существовало другое, может быть, итальянское, не достигшее до нашего времени, потому что в 1619 году появилось «Описание государства Христианополя», составленное протестантским богословом Иоганном Валентином Андреэ²⁵⁷ и представляющее переложение «Города солнца» на ортодоксально-протестантскую богословскую и нравственную точку зрения. Можно себе представить, насколько могла иметь достоинства эта смесь разнородных элементов, лишаящая произведение Кампанеллы всех его характерных особенностей. Удержан лишь приблизительно общий план города, общность имущества, всеобщая работа для общества под надзором начальства и обеспечение всякого из общественных складов, ограниченное время работы, общность воспитания, устранение денег. Метафизик-Солнце устранен. Триумвиры женаты и снабжены помощниками. Ни научного, ни литературного значения это произведение не имеет.

В связи с церковью знания, поставленной во главе общества Кампанеллою, упомянем и отрывок, оставленный Фрэнсисом Бэконом, «Новая Атлантида», который относят к 1621—1626 годам. Знаменитый канцлер Якова I, повидимому, хотел тоже основать благо общества на научном развитии, ожидая, что это основание внесет в его фантастический остров высокую государственную способность для правительства. Лишь в этом отношении этот отрывок и может быть здесь упомянут. Бэкон остановился лишь на описании научных учреждений, но, очевидно, не только не был расположен вносить в свое идеальное построение социалистические реформы экономических и семейных отношений, но, скорее, относился полемически к «Утопии» Мора*.

* Надо думать, что историки, поместившие «Мир новый и в то же время старый» (безымянное произведение Джозефа Гола (Hall)²⁵⁸, впоследствии епископа англиканской церкви), и «Океану» Гаррингтона²⁵⁹ в ряд социалистических планов общества, вовсе не читали этих произведений. Первое — сатирическое описание фантастических национальностей, второе — чисто политический проект конституции. Оба не имеют

В последней четверти XVII столетия и Франция дала свой вклад в развивающуюся литературу социализма. С тем вместе литературная форма утопий изменилась: разговоры Платона и Лукиана, служившие образцом Мору, Дони, Бруно, Кампанелле, заменяются сплошным описанием более или менее фантастического путешествия, причем образец был дан в «Истинной истории» Лукиана, а в следующем веке новая европейская литература должна была получить новый блестящий образец того же рода в «Путешествии Гулливера».

Впрочем, едва ли стоит упоминать первое из французских произведений этого рода, именно «Приключения Жака Садера» в (фантастической) Австралии; автор его, Фуаньи²⁶¹ или Коньи, был монах, перешедший в протестантизм, но ему пришлось бежать и из Женевы за свое свободомыслие и неправильную жизнь. Хотя в этой книге, вышедшей в Женеве в 1676 году, находим общность имуществ, но соединенную с совершенно фантастическим элементом двуполого человечества. Социализм имеет в виду в утопиях, как в философских построениях и научных выводах, лишь человека, каков он есть; слишком легко решать вопросы для мира, населенного существами с произвольно придуманными потребностями. В этом крайне слабом произведении стоит обратить внимание на то обстоятельство, что с первым перенесением социалистической мысли во Францию, даже во время правления Людовика XIV²⁶², подавившего все самостоятельные политические силы страны, мы встречаем выставление на первый план политического принципа личной свободы, следовательно, как бы протест против подчинения личности правительственной власти, светской или духовной. «По своей природе, — говорит фантастический австралийский старик Садеру, — человек рождается и живет свободным».

Немногом более заслуживает внимания вышедшая в следующем году «История Севарамбов», приписываемая неизвестному французскому писателю Верассу²⁶³, хотя некоторые авторы (именно Корнуэль Льюйс²⁶⁴) полагают, что она первоначально появилась на английском языке. Влияние Мора и Кампанеллы здесь совершенно очевидно, и новых начал мы не встречаем точно так же, как ясно проведенной мысли. Даже свобода личности не ограждена в более значительной степени. Только внешности коммунальной жизни приближаются постепенно к фаланстерам и к Икарии.

Правление Севарамбии представляет смесь неограниченной власти монарха, наместника солнца, и народных выборов. Все общины страны состоят из большего или меньшего количества обще-

никакого отношения к существенным изменениям общественного строя, к удовлетворению основных потребностей человека. Гаррингтон имеет значение лишь в литературе чисто политической, «Mundus alter et idem»²⁶⁰ — в истории нравов начала XVII века и в развитии сатиры.

ственных зданий, осмазий, снабженных садами и фонтанами, устроенных со всеми удобствами и с роскошью для общежития 1 000 человек. Все обязаны работать на государство, которое снабжает их всем необходимым. Работе посвящено 8 часов (более, чем у Мора и Кампанеллы), причем день разделен на три равные доли: для труда, для удовольствия и для отдыха. Народ выбирает всех наблюдателей и распорядителей работ, до старшины осмазии. Собрание этих старшин, большой совет, облечено законодательной властью. Из них выбирается малый совет и высшие чиновники, составляющие сенат. Большой совет выбирает и четырех кандидатов на должность монарха, между которыми решает жребий. Этот монарх неограничен, и должность его пожизненна, но он может быть отдан под опеку в случае дурного управления. С шести лет дети принадлежат государству и им воспитываются. Наиболее талантливые обучаются все земледелию, но с 14 лет могут выбирать между земледелием и ремеслом. Женщины разделяют с мужчинами работы и военные занятия. До 49 лет все служат в войске, и $\frac{1}{12}$ часть населения составляет вооруженную силу государства в продолжение трех месяцев, после чего она сменяется другою такою же долею. Брак существует, и даже многоженство, так что увеличение числа жен составляет право чиновников, по мере их возвышения. Глава страны может иметь 12 жен. Дозволен и обмен жен, но государственный надзор, во имя охранения здоровья, проникает во все тайники интимной жизни супругов. Кроме увеличения числа жен, заслуги чиновников вознаграждаются улучшением жилищ, платья, пищи и т. п. Гражданских дел нет в Севарамбии. Уголовные наказания в редких случаях доходят до смертной казни. — Особенного значения эта картина не имеет ни по оригинальности замысла, ни по обдуманности подробностей.

В самом конце XVII столетия написаны и знаменитые «Приключения Телемака» Фенелона²⁰⁶ (первое издание появилось в 1699 году), которые, впрочем, нам приходится упомянуть лишь мимоходом. Фенелон был совершенно чужд идеям Мора и Кампанеллы о перестройке общества для его дальнейшего развития на основании начала общности имущества (коснуться «святыни семьи» он не мог и думать), и коммунизм Бэтики, им описанный, есть коммунизм самого первобытного общества, чуждого всякого прогресса мысли. Подобно древним Гекатею и Ямбулу, архиепископ камбрэйский призывает на помощь климат, при котором «весь год представляет счастливый союз весны и осени, подающих друг другу руки». Жители Бэтики «не устаивают считать золото и серебро в числе богатств; они уважают лишь то, что служит на деле потребностям человека». Из золота и серебра делают плуги. «Не занимаясь внешней торговлей, они не нуждаются в деньгах. Они почти все пастухи или земледельцы. В этой стране мало ремесленников, так как они терпят лишь ремесла,

служащие истинным потребностям человека... Они не строят домов... Все прочие искусства... они ненавидят, как изобретения тщеславия и распущенности... Они живут все вместе, не деля земель; каждая семья управляется своим главою, который ее настоящий царь... Между ними не нужен суд, так как их судит их совесть. Все имущество общее: плоды, овощи, стада составляют столь обширные богатства, что столь умеренные люди не нуждаются в их разделе». Семьи ведут кочевую жизнь. «Отказавшись от тщетных богатств и обманчивых наслаждений, они приобрели мир, согласие и свободу. Они все свободны и равны... Этот народ скорее оставил бы страну или решился бы умереть, чем допустить рабство». Наука, которая была поставлена так высоко Мором и Кампанеллою; как элемент общественного благополучия, очевидно, совершенно отброшена в сторону, как ненужное бремя, современником Ньютона и Лейбница²⁶⁶. — В другой главе, где Фенелон, от имени Минервы²⁶⁷, воплощенной в Ментора²⁶⁸, дает совет устройства общества, он не восходит выше самого ограниченного регулирования деспотическою властью ремесел, сословных делений, одежд и всех подробностей жизни. Здесь он стоит уже вне всякого социалистического и даже политического движения своего времени.

Но Франция должна была дать обширную литературу, сюда относящуюся, в последующем веке, хотя литературу уже совсем иного рода, чем та, образцы которой мы рассмотрели. Время фантастических утопий социалистического быта приближалось к концу. Вопрос стоял на той же точке, на которой начал Мор: бедствия большинства все росли. Предстояло указать печальную действительность; предстояло отыскать реальные причины этого общественного зла, реальные средства исправить его. XVII век, выработавший новую критическую мысль на мирной области естествознания, кончался. Начинался век бурь и борьбы; он требовал критики для вопросов общественных. В первые же годы его старый маршал Вобан²⁶⁹, «самый честный человек королевства», по выражению герцога Сен-Симона, выступил на защиту «бедного народа... который не имеет доступа к его величеству для изложения своей нищеты; который всегда подвержен сребролюбию и хищничеству других; всегда в крайности; всегда чаще лишен пищи, необходимой для поддержания его жизни; всегда страдает от голода, жажды, от недостатка одежды и окончательно доведен до бедствий и до нищеты, из которой не может выйти». Он выступил против «торгашей высшего и низшего разряда, со всеми их помощниками; государственных пиявиц, число которых было бы достаточно, чтобы наполнить галеры, но которые, после тысяч плутней, заслуживающих наказания, расхаживают в Париже с поднятой головой, украшенные добычею от ограбленных граждан, с такою же гордостью, как бы они спасли государство. От притеснений этих тарпий²⁷⁰ следует охранить этот драгоценный ис-

точник, именно народ»... Конечно, протесты шли сначала в области политической, и предлагаемые меры были распоряжения власти; но экономический вопрос все яснее выдвигался перед мыслителями, протестующими против общественного зла, и все определеннее обрисовывался в их глазах единственный возможный способ исправления этого зла — насильственный переворот. Громы конца XVIII века глухо слышались в тучах, поднимавшихся на дальнем горизонте общества.

THE [illegible] OF [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

ЛЕТОПИСЬ
РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

КОНГРЕССЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ЕГО ДВУХ ПАРТИЙ
1872 — 1874 гг.

THE
1917
IN THE
1917

ЛЕТОПИСЬ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ²⁷¹

[КОНГРЕССЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ЕГО ДВУХ ПАРТИЙ.

1872—1874. гг.]

Глава I

Рабочее движение и Международная ассоциация рабочих. — Два направления. — Развитие Генерального совета. — Конференция в Римини. — Пятый конгресс в Гааге. — Его решения. — Протест меньшинства. — Конгрессы в Сент-Имье. — Протест Руанской федерации. — Конгрессы в Брюсселе и в Кордове. — Адрес нью-йоркского Генерального совета. — Решение о распусчении Юрской федерации. — Циркуляр Генерального совета. — Решение об исключении всей оппозиции из Ассоциации. — Раскол федеральных советов в Англии. — Лондонский конгресс. — Предложения федерального совета большинства. — Голландский федеральный совет и утрехтская секция. — Раскол федеральных советов в Америке. — Группировка партий. — Исключение бельгийцев, части испанцев и англичан из Интернационала.

Читатели могли видеть из нашей программы ²⁷², что единственное здоровое движение, допускаемое «Вперед» в Европе и Америке, есть движение рабочее, и потому они не удивятся, видя, что ему мы посвящаем главную долю второго ²⁷³ отдела нашего издания, насколько мы будем иметь в виду не специально русские, но общечеловеческие вопросы. Мы намерены сообщить читателю подробный отчет об этом громадном движении, которое выходит из самой глубины общественных потребностей современного человечества и глотит самое радикальное изменение всему социальному строю Европы. Это не стачка, это не соглашение, это не искусственный подговор, исходящий из небольшого кружка. Это — тысячи местных движений, вызванных местными вопросами, при участии лиц, едва знающих друг друга, иногда ненавидящих друг друга, но тем не менее все эти тысячи движений совпадают в своем направлении, сливаются в своих результатах, быют в одну точку и для беспристрастного наблюдателя носят явный характер одного общего движения, подрывающего самые существенные основы современного буржуазного общества. Картину этого-то великого рабочего движения, совершающегося в наше время, мы постараемся развить пред глазами наших читателей с

возможною полнотою в нашей летописи по мере того, как самая история будет создавать эту картину и группировать ее элементы

Но это громадное движение, в котором как бы бессознательно и непреднамеренно совпадают потребности массы рабочего пролетариата всего мира, имеет свой центр в Международной ассоциации рабочих. Появление ее на сцене истории составляет весьма важную эпоху в борьбе, начатой издавна, в период средневековых гильдий, цехов и корпораций. *Внутреннее* единство рабочего движения не зависит от фазисов развития организации Международной ассоциации, но она придала ему *формальное* единство и тем самым сообщила его *внутреннему* единству сознательность, которой ему прежде недоставало. Движение рабочее несравненно шире организации Международной ассоциации, которая не пережила еще и первого десятилетия своего существования. Формы рабочего движения весьма разнообразны, и способы объединения этих форм имеют иногда местный характер, поэтому летопись рабочего движения имеет свою самостоятельность, не зависящую от истории Интернационала. Но развитие организации последнего образует в общем ходе рабочего движения особенное течение, влияющее если не на частности, то на общий ход рабочего вопроса, особенно на то значение, которое придают ему его самые сильные враги, представители государственной и промышленной эксплуатации рабочих в среде европейских государств, парламентов и политической прессы. Поэтому нам нельзя не выделить из самой *сущности* рабочего движения, из картины повсеместной борьбы пролетариата против государства и капитала, этого *обобщающего* течения, которое не только вносит в разнообразные кружки борющихся сознание их солидарности в борьбе, сознание, которое без того иногда и не имело места; но обобщающее начало, указанное здесь, может также, при удачной организации международного движения, сообщить этому движению единство и силу, немислимую без общей организации. Поэтому в общей картине рабочего движения нам необходимо будет вести и летопись организации Интернационала.

Но именно в ту минуту, когда появляется наше «Вперед», организация Международной ассоциации рабочих переживает весьма трудную эпоху. Насколько само появление Ассоциации составляло важный фазис в рабочем движении, настолько пятый конгресс Международной ассоциации рабочих в Гааге (2—7 сентября 1872 г.) составлял важный фазис в развитии Международной ассоциации. Давно готовившийся раскол в Ассоциации сделался явным. Борьба за организацию Интернационала по тому или другому типу перешла с одной стороны в отказ части федераций и секций признать последний конгресс и Генеральный совет, им установленный, с другой — в исключение огулом всей корпоративной и индивидуальной оппозиции из организации Интернационала. Еще печальнее форма, принятая печатною полемикою партий, фор-

ма, грубость которой вынудила один из органов социалистической прессы в Бельгии («Liberté» 1873, № 19) ²⁷⁴ отказаться от помещения писем представителей обеих спорящих партий, форма, которая не гнушается взаимными обвинениями в продажности, в мошенничестве и в шпионстве, обвинениями, падающими в обеих партиях на людей, стоящих для *всякого* наблюдателя, не увлеченного страстью минуты, злобою дня, вне всякой возможности подобных обвинений.

Это — печальное, очень печальное явление. Мы не имеем ни малейшего основания сомневаться в полной искренности и в преданности делу пролетариата всех личностей, находящихся уже несколько лет во главе движения Международной ассоциации рабочих, личностей, когда-то действовавших дружно, теперь разделенных ожесточенною враждою, но, при этой вражде, продолжающих существенную — и единственно существенную — борьбу настоящего, рабочего пролетариата с государством и с капиталом. Мы не позволим себе ни одного оскорбительного подозрения относительно людей, заслуживших и продолжающих заслуживать уважение своим участием в этой борьбе, хотя мы вовсе не закрываем глаза на личное увлечение страстью и на многочисленные ошибки, иногда весьма вредные для общего дела, сделанные обеими партиями. Мы постараемся удалить наиболее оскорбительные черты из самого отчета о борьбе за преобладание той или другой партии. Мы постараемся даже устранить по возможности вопрос о личностях в этой борьбе, передавая читателю лишь ее общие результаты; но самая борьба составляет неунничтожаемый и самый заметный факт *внешней* истории рабочего движения в наше время, а потому нам придется изложить читателю ее последние фазисы.

Первостепенного значения мы ей не придаем. Рабочее движение, выросшее из самых существенных потребностей современного пролетариата, не остановится от того, получит ли преобладание один Центральный совет, который подчинит себе все федерации, или главная инициатива будет принадлежать более мелким местным федерациям, вступающим в свободные союзы. Можно думать, что в одном случае борьба с буржуазною государственною организациею может быть удобнее и пойти быстрее; можно надеяться, что в другом связь Интернационала с рабочим движением вообще может сделаться теснее и самый Интернационал может скорее охватить все отрасли этого движения или большинство их. Но самое рабочее движение слишком существенно вызвано положением дела, слишком тесно связано с внутренним развитием народного большинства в Европе и в Америке, чтобы борьба за форму организации этого движения имела очень важное значение. Раскол в Интернационале уже теперь не имел влияния ни на ход стачек, ни на увеличение в пролетариате всех стран сознания в необходимости немедленной и энергической борьбы про-

тив государства и капитала, ни даже на чувство солидарности между рабочими разных национальностей, рабочими, руководители которых принадлежат к различным партиям, что не мешало самим рабочим помогать друг другу самым энергическим образом. Централистский «Volksstaat» (12 февр. 1873 г.) называет прямо бельгийских федералистов «братьями». Берлинские наборщики-централисты в последние дни ²⁷⁵ 1872 г. послали 2 000 фр. римским наборщикам-федералистам на стачку, когда и в самом Берлине была стачка наборщиков. Будем надеяться, что в будущем эта *внешняя* борьба еще менее окажет влияния на самый ход рабочего движения.

Но именно эта *внешность* борьбы партий за разные типы организации Интернационала побуждает нас выделить из подробной картины *существенного* рабочего движения современную борьбу, происходящую в среде Международной ассоциации рабочих; и предпослать ее очерк *существенному* содержанию нашей летописи, чтобы потом возвращаться возможно менее к явлениям, которые происходят на поверхности рабочего движения, не проныкая особенно в глубь его. Мы вовсе не намереваемся здесь излагать историю возникновения этой борьбы, следить за всеми ее перипетиями; равным образом, мы не войдем здесь в подробное изложение и развитие принципов, защищаемых тем или другим ее участником. С этим вопросом, во всей его сложности, читатель познакомится в ближайшем будущем из исторического «Очерка развития Международной ассоциации рабочих», очерка, помещаемого на страницах нашего «Вперед». Мы же ограничимся здесь несколькими краткими замечаниями и изложим сущность различных официальных документов, появившихся со времени Гаагского конгресса до конца первой трети текущего года и могущих служить материалом для составления понятия о положении дела.

В среде Международной ассоциации можно было различить с самого начала два главных направления, расходящихся между собою во взглядах на организацию Ассоциации. Довольно сильная партия признает необходимость сильной централизации Интернационала, объединения всех действий рабочих всех стран посредством центрального учреждения, поставленного во главе общества, и посредством общей всем странам социально-политической программы; признает, следовательно, такую организацию, при которой независимость деятельности отдельных рабочих групп должна быть ограничена и подчинена общему плану действий, при выполнении которого главным руководителем должно быть центральное учреждение. Столь же многочисленные представители разных оттенков противоположных мнений согласны между собою в отрицании необходимости сильной центральной власти и в признании за наилучший тип устройства Интернационала федеративной организации рабочих групп. По этому взгляду на вещи, Интернационал должен быть свободным союзом сво-

бодных федераций, при котором сама федерация определяет свою деятельность и сама должна заботиться о согласовании своих действий с действиями других ей подобных федераций; существующая солидарность интересов пролетариата всех стран, по учению этой партии, есть и должна быть единственным объединяющим началом международных революционных действий.

Таково в немногих словах различие между главными принципами централистов и федералистов Интернационала. В сущности, это различие зависит от перевеса, придаваемого тому или другому из двух элементов, внесенных в рабочее движение организацией Интернационала. Насколько он вносил сознание единства в рабочее движение, настолько Международная ассоциация рабочих должна была придавать возможно более автономии и жизни местным федерациям, через которые единственно и может проникать сознание общих объединяющих начал в массу пролетариата. Насколько Интернационал был представителем единства борьбы пролетариата всех стран с государственною и промышленною организацией, настолько Ассоциация должна была организовать возможность централизованного действия.

В практической форме это различие взглядов выразилось в борьбе за значение Генерального совета общества, а в последнее время в борьбе за самое его существование. Читателю, конечно, известно, что рабочие, примыкающие к Международной ассоциации рабочих, составляют секции, которые группируются в федерации и посылают делегатов в федеральные советы, представители единства федераций. Единство всей Международной ассоциации рабочих выражалось конгрессами, которых было четыре до 1869 г. и которые составляли единственную официальную власть Ассоциации. Конгресс выбирал Центральный или Генеральный совет, который с самого начала Интернационала до 1872 г. находился в Лондоне и назначал из своей среды секретарей для сношения с разными странами. В первые годы существования Ассоциации Генеральный совет был преимущественно в глазах большинства членов Ассоциации центральным бюро для корреспонденции и статистики. Впоследствии, при постоянном перевесе централистов на конгрессах и в Центральном совете, значение его начало постоянно изменяться, полномочия совета расширились, так что в 1872 году он был фактически облечен значительною властью над секциями и федерациями. Оппозиция против него выразилась частью в Америке, о чем скажем ниже, так как это не имело особого значения для дел Европы. Но скрытая оппозиция федералистов особенно росла в среде рабочих романских языков, в Италии, Испании и в Юрской федерации (в Швейцарии).

В 1872 году после трехлетней паузы должен был собраться пятый конгресс Ассоциации. Федералисты приготовились к решительной борьбе. В июле месяце 1872 года Генеральный совет извещил, что он назначает на 2 сентября того же года местом

конгресса Гаагу. Юрская федерация, один из главных центров федерализма в это время, обратилась к Генеральному совету с предложением избрать другое место для конгресса, а именно какой-нибудь из городов Швейцарии, мотивируя свое предложение тем, что назначение конгресса в Гааге, вследствие эксцентрического положения последней, делает для некоторых федераций почти невозможной посылку делегатов в виду огромных издержек на поездку. Генеральный совет отклонил это предложение, выставляя, как причину отказа, опасение, что конгресс в Швейцарии может принять слишком местный характер, и то обстоятельство, что из четырех конгрессов Ассоциации три и без того уже были в Швейцарии.

В ответ на это Итальянская федерация, собравшись 6 августа 1872 г. на конференции в Римини (где присутствовали делегаты от 21 секций), заявила, что Генеральный совет хочет навязать Международной ассоциации рабочих «специальную авторитарную доктрину, которая есть не что иное, как доктрина немецких коммунистов», и что «пред лицом рабочих всего мира отныне Итальянская федерация Международной ассоциации рабочих прерывает всякую солидарность с лондонским Генеральным советом, признавая, тем не менее, полную экономическую солидарность со всеми рабочими, и предлагает всем секциям, не разделяющим авторитарных принципов Генерального совета, послать 2 сентября 1872 года своих представителей не в Гаагу, а в Невшатель, для того, чтобы открыть в этот день общий антиавторитарный конгресс».

Против этих решений немедленно явился протест со стороны цюрихской секции Интернационала, протест, в котором, между прочим, отрицалась принадлежность к Ассоциации всех 21 секций, принявших только что приведенное нами решение.

Приглашение итальянцев на конгресс в Невшатель осталось без последствий, и 2 сентября 1872 года в Гааге начался пятый конгресс Международной ассоциации рабочих. Всех делегатов явилось 65: из них 19 от Франции, 10 от Германии, 7 от Бельгии, 5 от Англии, 5 от Северной Америки, 4 от Голландии, 4 от Испании, 6 от Швейцарии, 2 от Дании и по одному от Ирландии, Португалии, Польши, Австрии, Венгрии и Австралии. Италия, согласно резолюциям, принятым в Римини, не послала ни одного делегата. Централисты были в значительном большинстве. 5 сентября произведены изменения в статутах Интернационала, изменения, значительно увеличивающие власть Генерального совета. По измененным статутам, «Генеральный совет обязан приводить в исполнение все постановления конгресса и наблюдать за строгим сохранением основных принципов Интернационала, а также его общих статуты и административных правил»; далее, «Генеральный совет имеет право приостановить до следующего конгресса деятельность секции, федерального комитета или феде-

рального совета и целой федерации. Впрочем, в том случае, когда дело идет о приостановлении деятельности секции, принадлежащей к какой-либо федерации, он должен предварительно посоветоваться с местным федеральным советом. В случае распускания федерального совета Генеральный совет должен требовать, чтобы не позже как в течение 30 дней секции федерации приступили к выбору нового федерального совета. В случае приостановления деятельности целой федерации Генеральный совет обязан уведомить об этом все федерации и в случае, если большинство федераций того пожелает, созвать чрезвычайную конференцию из делегатов (по одному) всех национальностей, конференцию, которая, собравшись через месяц, должна окончательно решить спорный вопрос».

6-го числа решено перенести местопребывание Генерального совета из Лондона в Америку, в Нью-Йорк. Того же числа решено поместить в статутах Ассоциации следующее положение: «В своей борьбе с соединенными силами имущих сословий пролетариат может действовать не иначе, как в виде особого сословия, организуясь в виде особой политической партии, оппозиционной всем прежним партиям, составленным из имущих сословий. Такое сплочение пролетариата в политическую партию необходимо для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее высшей цели — уничтожение сословий. Сплочение рабочих сил, поскольку оно уже достигнуто в экономической борьбе, должно служить этому сословию рычагом в борьбе его с политической властью его эксплуататоров... Завоевание политической власти есть первая обязанность пролетариата». 7 сентября принято предложение испанского делегата Лафарга поручить новому Генеральному совету «учреждать международные ремесленные союзы» по отраслям ремесл, приглашая к учреждению подобных международных союзов все рабочие общества без различия, принадлежат ли эти общества к Интернационалу или нет. Следующий общий конгресс должен был дать этим союзам окончательную организацию.

На закрытом заседании 7 сентября после доклада следственной комиссии по делу «учреждения среди Интернационала тайного общества с статутами, противоположными статутам Ассоциации», последовало исключение Бакунина и Гильома²⁷⁸ (принадлежащих к Юрской федерации и ревностных федералистов), как основателей этого тайного общества.

Чем решительнее большинство голосов на Гаагском конгрессе стало на сторону централизма, тем неизбежнее и энергичнее оказался протест федералистов. На том же заседании 7 сентября, после последнего принятого решения, делегаты, составлявшие меньшинство, открыто заявили, что они, «приверженцы автономии и федерации рабочих групп, в виду принятия решений, которые, по их мнению, идут вразрез с принципами, руководящими

представляемые ими страны... подвергают суду секций, избравших их своими делегатами, предложение продолжать административные сношения с Генеральным советом лишь относительно платы взносов, корреспонденции и статистики труда, но установить между федерациями, представленными в их лицах, и надлежащим порядком устроенными ветвями Интернационала прямые и постоянные сношения». Если же Генеральный совет захотел бы вмешаться во внутренние дела какой-нибудь федерации, то оппозиционные федерации «обязуются солидарно поддерживать и защищать автономию федераций, если только эти федерации не пойдут по пути, прямо противоположному общим статутам Интернационала, принятым на Женевском конгрессе». За этим следовало приглашение подготовить до будущего общего конгресса в среде Интернационала торжество «принципов федеративной автономии, как основы организации труда». Заявление это подписано четырьмя испанскими делегатами, пятью бельгийскими, двумя швейцарскими (один из них исключенный Гильом), двумя голландскими и одним американским.

Федералисты поспешили собрать и настоящий оппозиционный конгресс. Через неделю после Гаагского конгресса в одном из маленьких городков Швейцарии, затерявшемся среди гор Бернской Юры, Ст.-Имье, в один день последовало два «антиавторитарных» собрания: конгресс Юрской федерации и затем — общий конгресс, на котором присутствовали испанские, итальянские, французские и один американский делегаты (всех членов было 15).

Конгресс Юрской федерации заявил, «что общие статуты Международной ассоциации рабочих формально не позволяют, чтобы какой бы то ни было общий конгресс принимал такие принципиальные решения, которые клонятся к нарушению автономии секций и федераций», что по способу организации Гаагского конгресса «его нельзя считать действительным представителем мнения секций, составляющих Ассоциацию»; что поэтому «конгресс Юрской федерации... не признает решений, принятых на Гаагском конгрессе, считая их несправедливыми, несвоевременными и превышающими права конгресса. Он не признает ни в каком случае авторитарную власть Генерального совета. Он немедленно приступит к работе установления федеративного и свободного договора между всеми федерациями, которые пожелают этому содействовать. Он утверждает великий принцип солидарности между рабочими всех стран». Вторую резолюцию конгресс протестовал энергически против исключения Бакунина и Гильома из Ассоциации.

На интернациональном Ст.-Имьерском конгрессе, открывшемся час спустя, решено, «что автономия и независимость федераций и секций рабочих составляет первое условие для освобождения рабочих; что всякое допущение для конгрессов законодательной и распорядительной власти было бы явным отрицанием

этой автономии и этой свободы», конгресс отверг «в принципе законодательное право всех конгрессов, как общих, так и областных (regionaux), не признавая за ними другого назначения, кроме назначения заявлять различные стремления, потребности и идеи пролетариата различных местностей или стран для того, чтобы этим путем совершилось по возможности их соглашение и объединение; но ни в каком случае большинство какого-нибудь конгресса не может навязать свои решения меньшинству». Затем, резко обвиняя лондонский Генеральный совет и организованное большинство Гаагского конгресса, конгресс Ст.-Имьерский отверг безусловно все решения Гаагского конгресса, не признавая ни в каком случае власти назначенного им нового Генерального совета; для взаимной же защиты федераций «от притязаний этого Генерального совета сделаться правительством, а также для того, чтобы спасти и еще усилить единство Интернационала», делегаты положили основы договора солидарности между этими федерациями.

Вторая резолюция касается именно этого договора, причем было признано, «что великое единство Интернационала основано не на искусственной и всегда вредной организации какой бы то ни было централизующей власти, но на реальном тождестве интересов и стремлений пролетариата всех стран с одной стороны и на добровольном и абсолютно свободном союзе свободных федераций и секций всех стран — с другой». Самый «договор дружбы, солидарности и взаимной защиты» заключался в следующем: «1) Федерации и секции испанские, итальянские, французские, юрские, американские и все те, которые пожелают присоединиться к этому договору, вступят между собою в правильные и прямые сношения и переписку, совершенно не зависящие от какого бы то ни было правительственного контроля. 2) Если одна из этих федераций и секций потерпит посягательство на свободу ее от большинства какого-либо конгресса или от правительства или Генерального совета, созданного этим большинством, то все остальные федерации и секции объявят себя безусловно солидарными с нею». Как цель этого договора, было объявлено «спасение великого единства Интернационала».

Относительно «политической» деятельности пролетариата конгресс заявил, «что желание навязать пролетариату одинаковый повсюду образ действий или одинаковую политическую программу, как единственный путь, который мог бы привести его к социальному освобождению, есть претензия настолько нелепая, насколько и реакционная; что никто не имеет права лишить автономные федерации и секции их неоспоримого права определять самим свой образ действия и следовать тому политическому пути, который они сочтут наилучшим, и что все попытки такого рода роковым образом привели бы к самому возмутительному догматизму... Что всякая политическая организация не может

быть чем-либо иным, как организацией власти в пользу сословий во вред массам, и что пролетариат, если бы он захотел захватить политическую власть, сделался бы сам господствующим и эксплуатирующим сословием». — Целью деятельности рабочего пролетариата в области политики конгресс поставил: разрушение политической власти, как первую обязанность пролетариата; отрицание всякой предварительной революционной организации политической власти с целью этого разрушения, как обмана, столь же опасного для пролетариата, как и все существующие в настоящее время правительства; необходимость установления солидарности революционных действий между пролетариями всех стран.

В четвертой резолюции конгресс поставил целью Ассоциации «организацию сопротивления в широких размерах и внесение в таких же размерах солидарности в это сопротивление». Избрана была комиссия (из Итальянской федерации) для представления проекта подобной организации на следующий конгресс.

Федералистская оппозиция Гаагскому конгрессу не замедлила высказаться и вне тех федераций, которые имели представителей в Ст.-Имье. В октябре месяце явился протест Руанской федерации, хотя на конгрессе делегат этой федерации вотировал с большинством. Федерация признавала, что «централизационный принцип губил все народы, начиная с самого отдаленного времени», энергично протестовала против права, данного в Гааге Генеральному совету, уничтожать по своему желанию секции; федеративные советы, федерации, не допускала «в Международной ассоциации рабочих другой власти, кроме власти федераций, которые должны управляться по своему усмотрению, с соблюдением лишь федеративного договора»; отрицала право Генерального совета «давать политические приказания», но объявила «группы единственными судьями в этом отношении, так что они могут действовать, смотря по обстоятельствам, в которых они находятся... имея всегда в виду не завоевание политической власти, но экономическое освобождение, которое совершится только в тот день, когда пролетариат делается хозяином производства и заменит буржуазное государство федеральной администрацией». «Мы протестуем, — говорилось далее, — против всякой диктатуры пролетариата или буржуазии, под каким бы предлогом она ни была установлена и под какими бы формами она ни являлась («Intern.», 1872, 198).

И на конгрессе бельгийских рабочих в Брюсселе в конце декабря 1872 года, после единогласного принятия протеста меньшинства Гаагского конгресса, объявлены недействительными резолюции, принятые в Гааге, «как произвольные, авторитарные и противоречащие духу автономии и федеративным принципам». Вследствие этого конгресс немедленно приступил к организации федерального и автономного договора между федерациями всех стран, которые захотят приступить к этому договору, и отказал-

ся признать новый Генеральный совет в Нью-Йорке («Intern.» 1872, 207, 208).

В одно время с бельгийским конгрессом в Брюсселе происходил конгресс испанских федералистов в Кордове, на котором присутствовало 48 делегатов от имени 57 секций. На этом конгрессе также принят договор дружбы, солидарности и взаимной защиты, предложенный в Сент-Имье. Громадное же большинство испанских секций, именно 341 секция, не послали своих делегатов, следовательно, во всяком случае это был конгресс меньшинства испанских рабочих.

Но и централисты не оставались недействительными в виду повсюду возникавшей оппозиции. Их главным органом был, конечно, новый Генеральный совет в Нью-Йорке, но они энергически действовали в прессе, письмами и личною пропагандою в разных странах Европы.

Едва установился в Нью-Йорке новый Генеральный совет, как он обратился ко всем федерациям, секциям и членам Интернационала с адресом, где, конечно, выставял особенно на вид необходимость крепкого объединения рабочего пролетариата в виду борьбы с государством и капиталом. «Уже давно рабочие всех стран, — говорил адрес, — почувствовали потребность, необходимость общего совокупного действия для улучшения своего бедственного положения. Поэтому они и приветствовали Международную ассоциацию рабочих как пионера лучшего будущего, как передового борца за освобождение труда. С своей стороны, господствующие, имущие сословия ответили на появление Интернационала объявлением войны, которая в течение немногих лет превратилась в международный крестовый поход, отличающийся более чем средневековым коварством и яростью преследования. Официальный доклад Генерального совета на Гаатском конгрессе, дав краткую историю этого крестового похода, оканчивается следующими словами: «Вы, представители рабочего сословия, соединитесь для укрепления боевой организации союза, цель которого — освобождение труда и искоренение национальной борьбы».

«Рабочие! если при взгляде на пережитую нами историю Международной ассоциации рабочих, при воспоминании обо всех перенесенных нами несправедливостях, снова начинают болеть едва зажившие раны, то мы должны признать, что на наш выбор остается только один из двух путей.

Или подчинение, терпеливое, рабское, бессмысленное подчинение под то иго, которое нам назначило современное общество в качестве наемных рабов, лишенных всякого права и всякой собственности, подчинение с математически верным расчетом на увеличение обеднения и лишений в будущем с голодным тифом в конце.

Или сопротивление, борьба, и притом не прежняя историческая сословная борьба, борьба не против отдельной привилегиро-

ванной части прежнего общества, но против всего его строя, против всего буржуазного общества.

В одном лишь твердо убедил нас собственный опыт: как бы ни было сильно разделено настоящее буржуазное общество на различные фракции, ведущие между собою постоянную явную или скрытую борьбу, во всяком случае оно едино и согласно во всем, что касается до сохранения во что бы то ни стало политического и экономического господства над рабочим людом. С непоколебимой настойчивостью оно противодействует всякой попытке рабочего сословия хотя сколько-нибудь изменить строй настоящего общества в пользу рабочих; и притом оно противодействует рабочим не в качестве отдельного члена общества, которому угрожает рабочее движение, не в качестве дворянина, фабриканта, священника и т. п., — нет, оно противодействует как организованное целое, как государство, вооруженное всеми вспомогательными средствами и средствами борьбы, добытыми нашим трудом и трудом наших отцов. Если, таким образом, буржуазное общество, единодушно стремится к увековечению нашего бедствия и нашего рабства, то разве мы можем быть разьединенными в борьбе за наше благосостояние и за участие в наслаждениях жизни? Если мы видим, что буржуазное общество обладает могущественною централизованною организацией для нашего угнетения, то можем ли мы надеяться, что сделаем хоть один шаг вперед к нашему освобождению при децентрализации, разъединении, дезорганизации?

Когда буржуазное общество во времена своей юности лицемерно провозгласило «свободу личности», результатом этого было новое рабство рабочего сословия. За все наши иллюзии, за все наши заблуждения в этом отношении заплачено дорогою ценою, кровавыми поражениями, разрушением наших надежд, потерей всех плодов долголетнего труда, цену которым знают только те, кто страдал за них и переносил лишения. — Не может быть, чтобы мы, рабочие, ничему не научились из истории нашего собственного несчастья. Напротив, история Международной ассоциации рабочих до настоящей минуты доказывает, что рабочее сословие признало лучшим средством для своего освобождения сильную организацию и стремится осуществить ее. Каждое публичное действие его и в особенности общие конгрессы Международной ассоциации рабочих суть определенные шаги, делаемые в этом направлении.

Само собой понятно, что для господствующих сословий в высшей степени желательно, чтобы мы отклонились от этого пути. Поэтому они следуют издавна проверенному правилу всех властителей: «раздели и повелевай», чтобы воспрепятствовать всякой действительно боевой организации рабочего сословия, которая, раз установившись, подавит всякое сопротивление одною силою своего огромного большинства.

Для воспрепятствования такой организации господствующим сословием представляется желанный союзник в лице политического полусвета (*demi-monde*) — сектаторов, реформаторов и заговорщиков, — процветающего теперь в изобилии во всех цивилизованных странах. Но конгресс в Гааге показал, что пролетариат бодрствует; он обнаружил заговоры и положил пределы покушениям против целостности Международной ассоциации рабочих, одобряя все мероприятия и решения Генерального совета, утвердил полномочия его, вменил в обязанность политическую деятельность, очистил Ассоциацию от вредных элементов.

Этим представители рабочего сословия выбрали путь сопротивления, путь борьбы и возвести свое непоколебимое решение продолжать борьбу за освобождение труда при помощи единственно верного средства, путем действительно боевой организации, в виде крепко сплоченной фаланги — Международной ассоциации рабочих» (*«Volksstaat»*, 1872, 92).

Против заявленной оппозиции Юрской федерации Генеральный совет употребил то оружие, которым облек его Гаагский конгресс. 27 октября 1872 г. Совет узнал о резолюциях экстраординарного конгресса в Ст.-Имье и отправил 8 ноября в Юрскую федерацию заявление, что «решения Юрского конгресса представляют вопиющее нарушение статута и административных правил Ассоциации...». «Генеральный совет, — было сказано далее, — вполне сознает свои обязанности, но, тем не менее, он чувствует сильное опасение поспешно применить дисциплинарные меры; он глубоко сожалеет о легкомыслии, с которым экстраординарный Юрский конгресс пытался разорвать тесные узы, связующие рабочих всех стран; он констатирует безусловное противоречие между решением Юрского конгресса о непризнании постановлений Гаагского конгресса с решением того же конгресса, которое «возвещает и подтверждает великий принцип солидарности между рабочими всех стран»; Генеральный совет надеется, что разумные рабочие, члены секции Юрской федерации, не принимают участия в этом тяжком посягательстве на организацию Международной ассоциации рабочих, и поэтому он прямо обращается к ним в ожидании, что истинный дух солидарности рабочих побудит их осудить и отвергнуть действия экстраординарного Юрского конгресса в Ст.-Имье».

Вследствие этого Генеральный совет объявил решения конгресса Юрской федерации в Ст.-Имье уничтоженными, потребовал от федерального совета Юрской федерации немедленного созыва чрезвычайного конгресса Юрской федерации или отобрания голосов от всех членов федерации в их секциях — для отмены упомянутых решений; потребовал определенного ответа в течение 40 дней, считая с 8 ноября.

По прошествии 60 дней, не получив никакого ответа, Совет объявил, что приостанавливает деятельность Юрской федерации

до ближайшего общего конгресса, и пригласил все секции и всех членов Юрской федерации, которые не признали и не подтвердили постановлений в Ст.-Имье, присоединиться к Романской федерации до основания Швейцарской.

В конце января Генеральный совет, согласно постановлению Гаагского конгресса, разослал всем рабочим обществам циркуляр с предложением учреждать международные ремесленные союзы одного ремесла и проект основных правил подобных союзов, которые, группируя рабочих не по местности, но по занятиям, мешали, конечно, всякой местной федерации и способствовали усилению общей централизационной организации пролетариата.

Казалось, можно было ожидать, что относительно всех федераций, отказавшихся признать решение Гаагского конгресса и самое существование нью-йоркского Генерального совета, последний поступит столь же прямо и решительно, как он поступил с Юрской федерацией, но, повидимому, у него нехватило сначала решительности заявить публично *, что он исключает из Международной ассоциации рабочих всех рабочих Бельгии, значительную долю рабочих Испании и Италии, а впоследствии ему пришлось бы поступить так же с большею или меньшею долей рабочих в Голландии, в Англии и в Америке. Нью-Йоркский совет исключил их и даже исключил разом всю оппозицию, существовавшую или долженствующую образоваться против него в Интернационале, где бы и в каких бы размерах она ни имела место; но он сделал это косвенно, не упоминая прямо, деятельность каких федераций им приостановлена. 25 января 1873 года он постановил следующее решение:

«Принимая во внимание, что никакое общество или лицо не может принадлежать к организации, законы которой оно не признает, т. е. не может находиться в одно и то же время в организации и вне ее; что всякое общество или лицо, принадлежащее к Международной ассоциации рабочих и находящее, что ему причинен вред или что оно потерпело несправедливость вследствие какой-либо меры, имеет право на ближайшем общем конгрессе предложить отмену этих мер; далее, принимая во внимание, что по принципу Международной ассоциации рабочих «нет обязанностей без права, нет права без обязанностей», каждое общество или лицо, имеющее право принимать решение, также обязано исполнять принятое решение, — принимая все это во внимание, Генеральный совет объявляет, что те общества или лица, которые отказываются признать постановления конгресса или сознательно не исполняют обязанностей, возложенных на них статутами и административными правилами, этим ставят себя вне Международной ассоциации рабочих и перестают быть ее членами» («Tagwacht», 1873, 13).

* Он все-таки сделал это: смотри в конце главы.

Между тем число недовольных постановлениями Гаагского конгресса продолжало расти. Британский федеральный совет разделился на две партии, из которых одна, составлявшая большинство совета, признавала принципы и общие правила Ассоциации в том виде, в каком она была до Гаагского конгресса; другая же, меньшинство, горячо защищала все изменения правил и новые постановления, сделанные на Гаагском конгрессе. 10 декабря большинство федерального совета обратилось к ветвям, секциям и членам Британской федерации с манифестом, в котором, между прочим, говорится:

«Конгресс в Гааге, по нашему мнению, был составлен несправедливо и не служит представителем большинства членов Ассоциации ни по убеждениям, ни по численности. Мы думаем, что резолюции, принятые там, будучи приведены в исполнение, погубят Ассоциацию и, таким образом, сделают недействительным все, что сделано с ее основания в 1864 году. Одной из резолюций, принятых на Гаагском конгрессе, политическая деятельность вменяется в обязанность всем членам Интернационала. Принятие этой резолюции повлечет за собою отделение союзов сопротивления (Trades Unions) и всех тех организаций, условия и правила которых заставляют их оставаться нейтральными относительно политических вопросов.

Резолюция эта была 1) нарушением данного обещания, потому что многие ремесленные союзы решились присоединиться к нам только после предварительного соглашения, что внутренняя деятельность их не будет затронута. О предлагаемом изменении правил, касающихся этого или какого бы то ни было другого предмета, никогда не говорилось ни ремесленным союзам, ни секциям. 2) Принятие этой резолюции тождественно с отбрасыванием одного из наших лучших орудий борьбы против капитала. Мы лично и коллективно стоим за политическую деятельность, считая обязанностью рабочего сословия захватить при удобном случае политическую власть в свои руки, но в то же время мы признаем факт, что борьба за освобождение труда имеет несколько фазисов, и теперь мы принимаем в наши ряды всех, кто деятельно стремится к той великой цели, которую мы преследуем.

Вменяя политическую деятельность в обязанность каждого члена Ассоциации, Гаагский конгресс в то же время передал ведение всей политики Ассоциации в руки Генерального совета, заседающего в Нью-Йорке, Совета, в котором нет ни одного представителя ни от Англии, ни от Америки, нет представителей от двух стран, где промышленность всего более развита. Поступая таким образом, Гаагский конгресс лишил секции права самим решать вопрос, какого рода политики нужно держаться в своей стране, лишил права, которое они до сих пор имели. Чтобы предупредить непокорность относительно этого пункта, Гаагский конгресс вооружил Генеральный совет властью приостанавливать

во всякое время деятельность секции, федерации и федерального совета, не обязывая Генеральный совет мотивировать чем-либо свой поступок».

В виду всех этих соображений, а также в виду того, что меньшинство членов британского федерального совета твердо стоит за постановления Гаагского конгресса, авторы манифеста (в числе 23) обратились к своим избирателям с предложением немедленно созвать конгресс Британской федерации для решения вопроса, принять или отклонить резолюции Гаагского конгресса, а также для избрания нового федерального совета.

На собрании 23 декабря 1872 г. в Лондоне было единогласно решено созвать такой конгресс. Конгресс состоялся 26 января 1873 г. в Лондоне; на нем, между прочим, решено не признавать никаких решений Гаагского конгресса и назначенного им Генерального совета в Нью-Йорке; Британской же федерации войти в сношения со всеми международными федерациями и способствовать созванию Международного конгресса, как скоро это будет найдено нужным. Затем избран новый Британский федеральный совет, получивший новое название: «Исполнительный комитет британской федерации».

Что касается до меньшинства совета, то оно, как это можно было ожидать, продолжало считать себя Британским федеральным советом, не признавая ни только что упомянутых решений конгресса, ни нового федерального совета. Таким образом, в Англии появилось два федеральных совета, находящихся в враждебных отношениях и ведущих между собою беспощадную войну. Федеральный совет, признающий справедливыми решения Гаагского конгресса, исключил из Международной ассоциации рабочих главных виновников «сепаратизма» — Хейлса²⁷⁷ и Мотерсгига²⁷⁸. Этот совет решил созвать в июне месяце текущего года в Манчестере конгресс английских секций, для которого составлена следующая программа: организация Британской федерации, лучшее средство для осуществления принципов Ассоциации в Англии, отношение Международной ассоциации рабочих к союзам сопротивления (Trades Unions), лучшие средства для осуществления резолюций Гаагского конгресса о политической деятельности рабочего класса, вопрос о владении землею, уничтожение наследства, присвоение государством всех орудий производства и т. д.

Между тем новый федеральный совет, не признающий решений Гаагского конгресса, чрез своего корреспондирующего секретаря Хейлса вступил в сношения с федерациями других стран. Письмо, адресованное Хейлсом в Бельгийский федеральный совет на конгресс в Вервье, между прочим, содержит следующее: «...Мы не можем признать резолюции, принятые Гаагским конгрессом. Для нас не существует избранный этим конгрессом Генеральный совет и все постановления последних. Мы, следовательно, не признаем никаких исключений, никакого уничтоже-

ния Юрской федерации. Нам желательно в то же время, чтобы между различными автономными федерациями установились и упрочились постоянные сношения. Мы думаем, что необходимо приступить к полному преобразованию Ассоциации, чтобы снова возвратить ее на тот путь, который был указан ей с самого начала ее основателями... Руководствуясь этими соображениями, мы предлагаем на ваше обсуждение следующие проекты: 1) чтобы в главных статутах была сделана декларация, по которой за каждую федерацию признавалась бы полнейшая свобода действий, и чтобы это право не могло быть изменяемо никаким конгрессом и никаким советом; эта декларация должна представлять собою основной договор Ассоциации; 2) чтобы, согласно органическому принципу Ассоциации, ежегодно созывался Международный конгресс, занятия которого состояли бы в обсуждении принципиальных и административных вопросов вообще, но который не имел бы права вмешиваться в автономию федерации; предложение, клонящееся к изменению основного договора, не может быть допущено к обсуждению; 3) чтобы Генеральный совет был уничтожен и заменен *Исполнительным федеральным советом*, обязанности которого будут состоять в корреспонденции и международных сношениях, но который не имел бы права вмешиваться во внутренние дела федераций; 4) чтобы федеральные советы федерации были уничтожены и заменены исполнительными советами, которые будут носить имя федераций, их избравших, напр., *бельгийский исполнительный совет, английский, юрский и т. д.* Название *Исполнительный федеральный совет* будет сохранено для Центрального бюро, как выражение федерального характера Ассоциации и функции сказанного Совета» («Liberté», 1873, 18).

Голландский федеральный совет стал в довольно странное положение. Он примкнул к оппозиции, следовательно, тем самым подпал под исключение, заключающееся в решении 26 января, но тем не менее он сохранил сношения с нью-йоркским Генеральным советом, косвенно исключившим его из Интернационала. Он известил федерации других стран, «что амстердамская, гагская, роттердамская секции вполне сочувствуют меньшинству Гаагского конгресса, т. е. что они продолжают сношения с Генеральным советом, посылая ему членские взносы, но что они никогда не признают за Генеральным советом права приостанавливать деятельность федераций или секций или исключать их; что, следовательно, они не признают приостановления деятельности Юрской федерации, хотя они и должны сознаться, что Генеральный совет, после резолюции Гаагского конгресса, не мог поступить иначе, как поступил. Одна лишь утрехтская секция вполне одобряет решения, принятые большинством Гаагского конгресса» («Intern.», 1873, 217).

В Америке еще в 1871 г. произошел раскол секций, но он имел более местный характер, и вопросы, его возбудившие, мало

относились к организации Интернационала. Тем не менее начало автономии секций здесь выразилось решением нью-йоркской секции № 12 от октября 1871 г., утверждающим «самостоятельное право всякой секции свободно толковать решения конгрессов, статуты и распоряжения Генерального совета, причем всякая секция отвечает за свои действия». В декабре 1871 г. в Нью-Йорке образовалось два федеральных совета, которые оба апеллировали к лондонскому Генеральному совету. Один совет (называющийся по месту заседания Ward Hotel²⁷⁹. 10) состоял преимущественно из представителей немецких, нескольких французских и ирландских секций и находился в более тесной связи с лондонским Генеральным советом. Другой совет (известный под именем комитета Spring Street²⁸⁰) вмещал в себе преимущественно представителей американских секций и заключал элемент оппозиционный централизму; к нему принадлежала и секция № 12. В марте 1872 г. Генеральный совет предложил обоим федеральным советам снова соединиться до созыва общего Американского конгресса рабочих. Деятельность же секции № 12, высказывавшей упомянутое требование автономии, была приостановлена до конгресса. Соглашение федеральных советов не состоялось вследствие оппозиция секретаря совета Spring Street, который, по письму Омберна Уарда (Ward)²⁸¹ от 9 октября («Intern.», 8 ноября 1872), «боролся за восстановление принципов». В начале июля 1872 г. созван был советом Ward Hotel в Нью-Йорке конгресс, на котором присутствовали преимущественно делегаты секций одной партии (от 22 секций по «Volkstaat'y», от 19 по «Socialiste» перепечат. в «Intern.», 28 июля 1872 г.). Он принял чисто централистские решения, выразил полное сочувствие лондонскому Генеральному совету и послал от себя двух делегатов в Гаагу, которые вотировали с централистами.

Разделение, оставшееся местным до Гаагского конгресса, получило общий характер в связи с расколом, происшедшим в Европе. Совет Ward Hotel стал на сторону большинства Гаагского конгресса; из его среды было избрано 8 членов в новый нью-йоркский Генеральный совет Ассоциации. Другой совет решительно высказался против всех постановлений Гаагского конгресса. «Делегаты Гаагского конгресса, — говорится от имени этого федерального совета в письме секретаря его в американскую газету («Socialiste», 1872, 23 окт.), — не поняв и не выполнив своего важного назначения, которое было возложено на них их доверителями, присвоили себе власть средствами, достойными деспотических правительств, низвергнуть которые мы желаем...

По нашему мнению, Интернационал только средством к достижению цели, а цель эта — освобождение рабочих чрез приобретение орудий производства, чрез организацию средств производства с единственною задачею, — чтобы всякий рабочий мог получить свободный доступ к участию в труде и мог пользоваться все-

ми плодами собственных усилий... Мы хотим свободы как для федераций, так и для секций и для отдельных личностей, — вещь, которую избранные Гаагского конгресса не были расположены дать своей пастве...

Мы не должны, конечно, вести войну с ними за совершившийся факт; пускай они идут по той дороге, которую они себе начертили, и если бы они когда-нибудь сделали что-нибудь полезное для рабочего сословия, мы будем им рукоплескать. Но в настоящее время мы их игнорируем и идем по своей дороге, чтобы достигнуть нашей цели; и мы говорим: нет свободы без ответственности, нет равенства без солидарности.

Все секции, всех членов, которые думают одинаково с нами и которым также дорого достоинство свободных людей, мы приглашаем присоединиться к нам или немедленно вступить с нами в корреспонденцию для того, чтобы реорганизовать нашу Ассоциацию на более прочных и на более свободных началах, чем те, которые хотели нам навязать гаагские законодатели».

В феврале месяце 1873 года федеральный совет Spring Street уведомил Юрскую федерацию, что конгресс Американской Федерации одобрил резолюции Ст.-Имьерского конгресса «1) за исключением тех, которые высказываются против всякой политической деятельности; федеральный совет утверждает, что средства, при помощи которых Международная ассоциация рабочих стремится к осуществлению своих целей, в одно и то же время могут быть социальными и политическими, что секции и советы имеют право совершенно независимо определять для самих себя, когда и в каких обстоятельствах может быть желательна и полезна политическая деятельность; 2) за исключением тех резолюций, которые, повидимому, определяют качество лиц, имеющих право быть членами Международной ассоциации рабочих, т. е. определяют, что членами Ассоциации могут быть только рабочие, получающие заработную плату (*salariés*), федеральный совет утверждает, что всякий, кто принимает и защищает принцип Международной ассоциации рабочих, независимо от того, получает ли он заработную плату или нет, может быть членом Ассоциации, и что всякий совет и секция отвечают за честность своих членов».

Подводя итоги всему вышесказанному, насколько это теперь возможно, приходим к следующей группировке обеих партий: Германия, Австрия, Дания, Португалия (в которой находится 15 000 интернационалов) нераздельно примкнули к централистам; Бельгия нераздельно стоит за федерализм; Франция, Испания, Италия, Голландия, Америка, Англия разделились на два лагеря; в Швейцарии из 3 федераций одна Юрская принадлежит к федералистам; Романская и немецкая — остались в лагере централистов.

Эта глава была уже набрана, когда 51-й № «*Uolksstaat'a*» принес уведомление о новом решении, принятом нью-йоркским Гене-

ральным советом: все национальные и местные федерации и секции и лица, принимавшие участие в конгрессах Брюссельском, Кордовском и Лондонском, перестали быть членами Международной ассоциации рабочих. Значит вся Бельгия, часть Испании и часть британских секций поставлена этим решением вне Интернационала...

В том же № «Uolksstaat'a», на первой странице которого напечатано это уведомление, на четвертой странице, в числе рабочих газет, рекомендуемых для распространения централистами-рабочими, наряду с централистскими газетами находим «Liberte» и «L'Internationale» — две газеты, издаваемые в Брюсселе ныне исключенными федералистами. Факт, достойный полного внимания и уважения.

Глава II

Новый фазис в борьбе партий Интернационала. — Деятельность нью-йоркского Совета. — Решение местного Юрского конгресса. — Издания федералистов. — Решение Бельгийского конгресса. — Столкновение партий на Ольтенском конгрессе рабочих. — Женевский конгресс федералистов. — Издание централистов. — Предложение групп романских рабочих. — Женевский конгресс централистов. — Русские отзывы. — Письмо М. А. Бакунина.

В несколько месяцев, прошедших после окончания нашей предыдущей главы, в борьбе партий Интернационала и в общем ходе его развития, среди непрерывного возрастания рабочего движения, произошло несколько крупных явлений.

Самым замечательным из них следует, конечно, считать два женевские конгресса обеих главных партий Международной ассоциации рабочих, имевшие место в начале сентября. Обе партии на этих конгрессах сосчитали, так сказать, свои силы и проверили свою энергию как в общей борьбе против общих врагов рабочего класса — современного государства и капитала, так и во взаимной борьбе за пункты, их разделяющие. Конгрессы выказали, по нашему мнению, результат, совершенно подтверждающий правильность того положения, которое мы приняли в предыдущей главе относительно междоусобной борьбы в Интернационале, и мы еще с большей уверенностью считаем себя в праве говорить теперь: ни одна из двух партий не может приписать себе решительного преобладания и ни одна не сделала значительных успехов в их борьбе между собою; обе партии одинаково энергически, одинаково самоотверженно, в своем целом, преследуют *единственно* важную цель Интернационала: борьбу с основами нынешнего общества; энергия же борьбы за пункты, их разделяющие, заметно слабеет и теряет свое значение для большинства борющихся.

Но если на конгрессах совершенно ясно выказалось преобладание элемента, соединяющего всех членов Международной ассоциации в борьбе против общих врагов, над элементом, разделяю-

щим две партии, борющиеся за частности организации, то совершенно противоположное отношение к этим двум элементам заметно во втором крупном явлении рассматриваемого нами периода из жизни Интернационала — в литературе изданий, появившихся в это время как выражение обоих направлений. Здесь все посвящено ожесточенной, желчной полемике, не останавливающейся перед самыми оскорбительными терминами, а вопросы, общие всем борющимся за право труда против его эксплуататоров, играют в этих изданиях самую второстепенную роль.

Менее заметно с первого взгляда, но, может быть, не менее важно в действительности для будущности Международной ассоциации третье явление, на которое нельзя не обратить внимания читателей. Это — выступление на арену борьбы новых групп личностей, до сих пор стоявших на втором плане, но теперь выставляющих более или менее определенную программу, в которой сознательно проводится мысль о маловажности пунктов, из-за которых идет борьба партий в Интернационале, пред его общими социальными задачами, об ошибках, сделанных руководителями борьбы в обоих лагерях из-за личных вопросов, и о необходимости дать Интернационалу направление и организацию, более соответствующую с общими его задачами, чем с целью междоусобной борьбы. На это указывают не только некоторые печатные заявления, не только многие речи, произнесенные на конгрессах, а также временное или окончательное удаление с арены борьбы всех тех личностей, которые играли первостепенную роль как на прежних конгрессах, так и по своему непосредственному влиянию на ход самой борьбы. Из всех сделанных предложений прошли на обоих конгрессах предложения, наименее разделяющие партии. Персонал самых заметных ораторов конгрессов Брюссельского и Базельского вовсе отсутствовал в Женеве. Влияние руководящих личностей конгрессов Гаагского и Сент Имьерского здесь едва заметно.

Все это позволяет, как нам кажется, утверждать, что развитие Интернационала переходит в новый фазис, и мы с радостью замечаем, что этот новый фазис обещает, повидимому, и в частностях еще более сблизиться с положением, принятым нашим журналом²⁸² относительно борьбы партий, чем мы могли надеяться на это, начиная наше издание.

В нашем отчете об этой борьбе мы теперь считаем себя еще более в праве удержать прежнюю нашу точку зрения. Как мы говорили в прежней главе (стр. 225): «мы постараемся удалить наиболее оскорбительные черты из самого отчета о борьбе за преобладание той или другой партии. Мы постараемся даже устранить по возможности вопрос о личностях в этой борьбе». Мы передаем ее только как исторический факт, составляющий все еще самую видную внешность общей истории современного Интернационала.

Деятельность нью-йоркского Совета в рассматриваемый промежуток времени (или, вернее, насколько она дошла до нас в этот

промежуток) ограничивается тремя документами: адресом к испанским работникам Международной ассоциации от 23 февр. («Volksst.» 30 апр.); отчетом о состоянии Ассоциации от 25 апр. (Volksst.» 4 июня); объяснением по поводу доверенностей, выданных Советом во Франции лицам, оказавшимся впоследствии шпионами, от 23 мая («Volksst.» 18 июня).

Первый из этих документов, вызванный провозглашением республики в Испании, более относится к местному вопросу, но указывает и на общие задачи политики рабочих, согласно мысли нью-йоркского Совета.

«Вам внезапно досталась республика, — сказано в адресе, — и теперь ваша священная обязанность — действовать таким образом, чтобы изменение формы правления повлекло за собою и изменение системы (общественного строя)... Берегитесь, чтобы герои парламентской комедии не заняли места на упраздненном троне. Вглядитесь в этих краснобаев и героев фразы! В Берлине и в Париже, в Мадриде и в Вашингтоне, они везде одни и те же. Их красивые речи не убавили еще нисколько тяжести с плеч работников; их блестящие слова не доставили работнику нигде ни куска хлеба; их пламенные возгласы не облегчили еще никакого нашего труда.

Работники Испании! Ваше благо не может притти от людей, скрывающих свои мысли за словами. Вы сами должны сковать себе свое благосостояние! — Поэтому мы повторяем напоминание: будьте осмотрительны; сплотитесь, организуйтесь для создания социальной республики, а если вы не можете сделать этого, то протестуйте против республики буржуазной! Когда работники мира образуют организацию, тогда мы положим основание республике труда, тогда мы введем демократию, т. е. истинную социальную демократию.

Испанские братья! Свобода труда должна быть завоевана работниками».

Мы не остановимся на отчете 25 апреля, так как большая часть его вошла в отчет, читанный на Женевском конгрессе, который мы передадим читателям ниже.

Объяснение 23 мая относится специально к преследованию Интернационала во Франции и может иметь значение лишь в связи с фактами этого преследования, поэтому мы к нему вернемся при обзоре рабочего движения во Франции²⁸⁸.

Общая деятельность федералистов выразилась особенно в двух федеральных конгрессах, имевших место в рассматриваемый промежуток времени, и в некоторых литературных изданиях.

Еще 27 апреля этого года на конгрессе Юрской федерации в Невшателе была единогласно принята резолюция:

«Принимая в соображение, что, по смыслу общих статуты, общий конгресс Интернационала собирается ежегодно по праву, для чего не нужен никакой призыв Генерального совета,

Юрская федерация предлагает всем федерациям Интернационала собраться в общий конгресс в понедельник 1 сентября 1873 г. в одном из городов Швейцарии.

Принимая, кроме того, в соображение, что для блага Интернационала важно помешать общему конгрессу 1873 г. следовать пагубному направлению Гаагского конгресса,

Она предлагает федерациям, не признающим авторитарной власти нью-йоркского Генерального совета, послать своих делегатов в город, где будет иметь место общий конгресс, с четверга 28 августа, чтобы составить антиавторитарный конгресс, с целью устроить соглашение между федерациями для доставления торжества федеральному принципу на общем конгрессе».

При этом Гильом резюмировал мнения разных федераций, насколько эти мнения были известны, относительно времени созыва конгресса федералистов. Италия желала, чтобы он был созван несколькими днями ранее, Испания — несколькими днями позже, чем имевшийся в виду конгресс централистов.

Столь же единогласно была принята вторая резолюция, относившаяся к пересмотру общих уставов.

«Принимая в соображение, что печальный опыт доказал пагубное влияние на Интернационал существования в нем центральной исполнительной власти;

Что даже существование простой центральной комиссии для корреспонденции и для статистики могло бы быть опасным, централизуя в руках нескольких человек все сведения, истекающие из разных федераций, и доставляя тем удобную почву интриге;

Что, с другой стороны, полезно централизовать некоторые сведения;

Что разделение работы между разными комиссиями, выбранными в разных федерациях, составляет необходимую гарантию против опасности создать центральный фокус интриг и составляет в то же время приложение начала федерализма;

Юрская федерация предлагает всем федерациям Интернационала:

Отменить все пункты и распоряжения общих статуты, относящиеся к учреждению Центрального совета;

Ввести в общие статуты распоряжения, которыми учреждаются:

1) Международная комиссия корреспонденции, долженствующая облегчить переписку между федерациями и специально централизовать переписку о созыве и организации общего конгресса;

2) Международная комиссия статистики, долженствующая централизовать статистические данные, которые ей будут передавать федерации;

3) Международная комиссия сопротивления, долженствующая собирать сведения, относящиеся к стачкам, и служить посредни-

цею между ремесленными союзами, которые захотят обратиться к ее содействию.

Эти три комиссии должны будут находиться в различных региональных ²⁸⁴ федерациях. Конгресс назначит ежегодно федерации, где будут находиться комиссии. Забота о выборе персонала комиссий будет возложена на федерации, в которых комиссии будут находиться». («Bullet. d. la fed. Jur.», 1873, № 9).

В мае появилось издание Юрской федерации в объяснение происшедшего раскола в Интернационале («Mémorial présenté par la Fédération jurassienne de l'Association internationale des travailleurs à toutes les fédérations de l'Internationale, Sonvillier», 1873), а в конце августа вышло и русское «Издание социально-революционной партии», главная часть которого состоит из выдержек из предыдущего («Историческое развитие Интернационала», часть 1, 1873)*. Для истории Интернационала в Швейцарии первое из упомянутых изданий имеет бесспорную важность; можно только пожалеть, что в нем в высшей степени преобладает характер этой полемической литературы, указанный уже выше, — именно борьба Интернационала в Швейцарии против государства и капитала занимает совершенно ничтожное место сравнительно с политической стороной, выставляющей на вид борьбу партий за господство и за организацию Ассоциации по тому или по другому типу. Личные нападки и увлечения полемики ведут иногда и к фактическим неверностям.

В первых числах июня собрался федеральный бельгийский конгресс в Гоиссар-Жюмэ (Gohyssart-Jumet), на котором принят единогласно следующий проект новых общих статуты Международного общества рабочих:

«Принимая в соображение,

Что эмансипация рабочего класса должна быть делом самих рабочих;

Что борьба за эмансипацию рабочего класса есть борьба не

* В заголовке стоит: «Издание социально-революционной партии», том II. На четвертой странице обложки напечатано: «Издания социально-революционной партии. — Т. I. Государственность и анархия. Введение». — Этот первый том еще не появился в то время, как мы пишем эти строки. В вышедшей I части второго тома оделано из «Mémorial» извлечение истории Интернационала в Швейцарии (на что следует читателю обратить внимание, так как, вследствие отсутствия специального заголовка и отсутствия оговорок в предисловии, незнающий дело может подумать, что читает историю Интернационала вообще) и переведено большинство статей и речей М. А. Бакунина, находящихся в приложениях (Pièces justificatives) к «Мемуару». Надо заметить, что переводчики далеко не всегда точно передали ясность и энергию оригинала. На стр. 331 две крупные неисправленные опечатки совершенно исказили смысл.

за сословные привилегии и монополии, но за установление равных прав и обязанностей и за отмену всего сословного строя;

Что экономическое подчинение рабочего обладателям орудий труда, т. е. источников жизни, есть первая причина рабства (*servitude*) во всех его формах — общественной нищеты, умственного унижения и политической зависимости;

Что, следовательно, экономическая эмансипация рабочего класса есть великая цель, которой должно быть подчинено, как средство, всякое политическое движение;

Что все усилия, направленные к этой цели, до сих пор не удавались по недостатку солидарности между работниками разных ремесел в одной и той же стране и братской связи между рабочими сословиями различных стран;

Что эмансипация рабочих, как задача не местная и не национальная, но социальная, обнимает все страны;

Что, тем не менее, всякая страна должна сохранять вполне свою автономию и быть единственным судьей хода, который ей следует принять для этой эмансипации;

По всем этим причинам

Федерации стран, представляемых на Международном конгрессе в . . . . . и все, которые примкнут к ним впоследствии, признают основой своих действий в отношении всех людей, без различия цвета кожи, верования или национальности, нравственность, справедливость, истину. Нет обязанностей без прав; нет прав без обязанностей.

И объявляют, что они приступают к договору дружбы под названием: Международная ассоциация рабочих.

Главные условия этого договора суть:

- 1) Взаимная помощь в борьбе против капитала;
- 2) Непрерывные сношения для того, чтобы работники одной страны знали постоянно о положении своих собратьев других стран и о пути, которому они следуют.
- 3) Общее согласное содействие решению социальных вопросов. Для этого ежегодно будет собираться конгресс в первое воскресенье сентября месяца.

РАСПОРЯЖЕНИЯ КОНГРЕССОВ

Пункт 1. Всякая региональная федерация и всякая секция, составляющая часть федерации, имеет право посылать на конгресс делегата.

П. 2. Лишь член федерации может быть выбран делегатом от этой федерации или от одной из секций, ее составляющих.

П. 3. Для стран, где Интернационал запрещен, группы, желающие иметь представителя на конгрессе, должны дать знать об этом по крайней мере за три месяца до конгресса ближайшей федерации, чтобы она могла собрать все необходимые сведения. Они могут выбрать представителя из другой федерации.

П. 4. Конгресс решит каждый год, где будет иметь место следующий; в этом случае приготовления к конгрессу примет на себя федерация страны, где будет иметь место конгресс; ей должны быть представлены по крайней мере за три месяца вопросы, которые захотят представить на конгресс различные региональные федерации. Она передаст их различным членам Ассоциации.

П. 5. Конгресс точно так же назначает две другие региональные федерации, которые примут на себя обязанность: одна — централизовать статистические факты, которые ей передадут федерации; другая — собирать все сведения, относящиеся к стачкам, и быть посредницею между ремесленными союзами, которые захотят прибегнуть к ее содействию.

Подразумевается, что эта обязанность будет исполняться попеременно всеми федерациями в течение одного года.

П. 6. Вопросы, подлежащие обсуждению Международного конгресса, должны быть поставлены на региональном конгрессе по крайней мере за три месяца до Международного конгресса.

П. 7. Конгресс решает, в каком порядке будут обсуждаться различные вопросы, внесенные в список очередных (*ordre du jour*)²⁸⁵.

П. 8. Голосование будет происходить по региональным федерациям.

П. 9. Для принципиальных вопросов голосование не будет иметь места, но всякий делегат приглашается высказать мнение его доверителей об обсуждаемом вопросе.

П. 10. При открытии конгресса всякая федерация представит отчет о ходе Ассоциации за истекший год. Секции стран, где федерации еще не организовались, назначают коллективного докладчика» (*Bullet d. l. fed. Int.*, 1873, № 43).

24 июня федеральный совет Юрской федерации спросил у секции Юрской федерации разрешения предложить Женеву местом собрания конгресса в 1873 г. Они согласились, и предложение, сделанное Юрской федерацией другим федерациям, было принято. Конгресс назначен на 1 сентября; за восемь дней до собрания конгресса централистов.

Борющиеся партии Интернационала имели случай встретиться на местном Швейцарском конгрессе рабочих в Ольтене в первых числах июня. Хотя деятельность этого конгресса относится специально к рабочему движению в Швейцарии, но нам приходится здесь упомянуть лишь об отражении в нем общей борьбы партий и о сближении их на вопросах общего дела рабочих.

Цель Ольтенского конгресса была — «соединение всех рабочих обществ (Швейцарии) в один союз» (*Protokoll des allgemeinen schweizerischen Arbeiterkongressen zu Olten 1, 2 und 3 Juni 1873, Zürich, 1873, стр. 1*), и потому на нем, рядом с рабочими, присоединившимися к той или другой партии Международной ассоциа-

ции, присутствовали и делегаты разных рабочих обществ, чуждых обеим партиям. Но совершенно очевидно было и по постановке основных вопросов, и по связи общих задач образующегося союза швейцарских работников с задачами Международной ассоциации, что надо будет с самого начала установить ясно отношение нового союза если не к Интернационалу, то к его программе, а в таком случае и пункты, разделяющие партии Интернационала, должны были немедленно выступить на первый план. Можно было ожидать даже, что они вызовут столкновения, которые могут повести к распадению союза швейцарских рабочих при самом его образовании; и первый же оратор предварительного собрания (Гутсман²⁸⁸) счел нужным заключить свою речь «призывом к делегатам иметь в виду общую великую цель рабочего движения и стараться быть спокойными и умеренными во второстепенных вопросах!» (Protokoll, стр. 5).

Вопрос, разделявший партии, не только не постарались замазать, скрыть под общими фразами, но с искренностью, достойною рабочего движения, этот вопрос выставили совершенно определенно.

Уже на предварительном собрании представителей Юрской федерации объявили свое несогласие с проектом *организации* союза, именно с образованием «одного» общего союза для Швейцарии и со «специально швейцарскою организацией» союза, называя последнюю «уродством (Unding)» и признавая вредным образование союзного комитета (Protokoll, стр. 7). Это же самое развивали они более подробно на втором заседании, причем волнение спора дошло до того, что было сделано предложение закрыть заседание. На третьем заседании предложена была на баллотировку совершенно определенная формула «централизованного союза швейцарских рабочих» с «центральным управлением» (стр. 14). Баллотировка утвердила эту формулу большинством всех голосов против 5.

Представители Юрской федерации оставили конгресс, но заявили, что принимают его «программу», хотя не могут согласиться с предложенною организацией. «Мы удержим нашу федеративную организацию, — писали они под конец своего заявления (стр. 15), — но, тем не менее, мы объявляем всем швейцарским рабочим союзам наше полнейшее содействие в борьбе против буржуазии и нашу полную нравственную и материальную солидарность с ними на экономической почве».

Итак, здесь разногласие в основных *разделяющих* положениях партий, не только не прикрытое фразами, но совершенно откровенно высказанное, повело к открытому заявлению солидарности рабочего движения, как единственно существенного, и к признанию второстепенности разделяющих положений.

Переходим к рассказу о конгрессе федералистов, собравшемся в Женеве 1—4 сентября 1873 г.

Накануне собрания конгресса (31 авг.) «Бюллетень юрской федерации» говорил в своей передовой статье следующее:

«Конгресс, который открывается завтра в Женеве, должен быть исходною точкою новой эры для Интернационала.

Представители федераций, которые отвергают авторитетную централизацию и хотят, чтобы наша Ассоциация сохранила основным принципом автономию составляющих ее групп, соберутся для пересмотра общих статуты.

По мысли федераций, посылающих своих делегатов на Женевский конгресс, связь между рабочими разных стран заключается в экономической солидарности. Единственный пункт союзного договора между рабочими ассоциациями целого мира есть обязательство подавать друг другу руку, чтобы солидарно противостоять обладателям капитала в борьбе, которую ведет против них труд.

Всякая федерация, верная этому обязательству, исполняет свой долг, как член Интернационала. Наша Ассоциация не налагает на них иной обязанности. Она не намерена предписывать разным странам единообразную политику, ни вмешиваться, при пособии Центрального комитета, во внутреннюю организацию разных областей. Всякая страна сама определяет свойственную ей политику; всякая федерация управляется сама собою без вмешательства центральной власти; Интернационал требует от всех лишь одного: исполнения высшей обязанности — солидарности в экономической борьбе.

Таково одновременно простое и великое понятие, которому Женевский конгресс должен дать новую и окончательную санкцию...

Таким образом, на Женевском конгрессе протянут друг другу братски руки англичане и итальянцы, американцы и бельгийцы, испанцы и юрцы. Все согласны относительно высшего принципа, составляющего самое определение Интернационала относительно солидарной федерации труда. Как только этот принцип всеми принят и проведен в практику, то англичане и американцы не находят дурным, что итальянцы и испанцы ищут своей эмансипации в революции, программа которой есть разрушение всякого правительства; и последние, с своей стороны, не думают порицать американцев и англичан, что они следуют иному пути и держатся легальной политики. У всякого народа свой особенный характер; все не могут идти одною и тою же дорогою; но все идут к одной и той же цели: к полному освобождению труда и к равенству всех человеческих существ».

Организацию Женевского конгресса федералистов приняла на себя женевская секция социалистической пропаганды. Вечером

31 августа, на предварительном собрании, решено назначить на четверг 4 сентября митинг, на котором поставлены на очередь вопросы: 1) изложение начал, цели и средства действия Интернационала; 2) изложение федеративного принципа.

В 8 часов утра 1 сентября конгресс открылся в зале Шис (Schies) квартала Паки (Râquis). От Бельгии было 5 делегатов (Веррикен, Корнэ, Мангэт, Дав, Ван-ден-Абэлэ)²⁸⁷, от Англии — 3 (Эккариус²⁸⁸, Моттерсгид и Хейлс), от Юрской федерации — 9 (Шпихигер²⁸⁹, Андриэ²⁹⁰, Пенди²⁹¹, Гильом, Жуковский²⁹², Андинью²⁹³, Дюмартре²⁹⁴, Остен²⁹⁵, Кларис²⁹⁶), от Италии — 4 (Маттеи, Бэрт, Коста, Сириль)²⁹⁷, от Испании — 5 (Фарга Пеллисер²⁹⁸, Маркэ, Виньяс, Алерини, Брусс²⁹⁹), от Франции — 4 (Перрар, Монтельс³⁰⁰ и кроме того Пенди и Брусс, бывшие уже делегатами и от других секций; от Голландии — 1 (уже посланный от Бельгии Ван-ден-Абэлэ), всего 28 делегатов («Travail», № 3).

Поверочная комиссия не допустила итальянца Терзаги³⁰¹, посланного итальянскими политическими и рабочими союзами, не присоединившимися к Международной ассоциации рабочих. Из Северо-Американских штатов делегатов не было, но прислан адрес, объявляющий присоединение к конгрессу, и доставлены деньги для той доли расходов по устройству конгресса, которая падала на Америку («Bull. d. l. fed. Jug.», № 22, 25).

В состав бюро конгресса выбраны: Веррикен, Ван-ден-Абэлэ, Виньяс, Коста, Пенди и Эккариус. Веррикен избран председателем. Решено иметь ежедневно три заседания: административные и в комиссиях — от 9 часов утра до 12 и от 2 пополудни до 6½; публичное — от 8 до 11 вечера. Затем выбраны были три специальные комиссии: 1) для пересмотра общих статуты и договора солидарности (докладчик Гильом); 2) по вопросу об общей стачке (докладчик Андриэ); 3) по вопросу об организации сопротивления и статистики труда (докладчик Дав).

Комбинируя сведения, заключающиеся в «Бюллетене Юрской Федерации» № 25) и в отчетах федераций («Travail», № 3), можно заключить, что на конгрессе были представлены: 21 английская секция, 8 бельгийских федераций с многочисленными секциями, 270 местных испанских федераций, заключающих 557 секций сопротивления или отдельных ремесл и 117 секций соединенных ремесл, 4 голландские федерации, 14 секций швейцарской Юры, к которым в Юрской федерации присоединились еще различные секции Эльзаса и Франции, около (?) ста («Bulletin») итальянских секций, большую часть сгруппированных в местные и провинциальные федерации, наконец «многочисленные» французские «секции, находящиеся в разных департаментах, причем иные из них составляют уже департаментские федерации».

На публичном вечернем заседании 1 сентября происходило чтение отчетов о состоянии Интернационала федералистов в разных странах. В Испании отчет передает историческое развитие Интернационала за последний год, причем число секций увеличилось с 485 до 674; эти секции в течение года выдержали до ста «победоносных стачек» и израсходовали на это более 400 000 франков, Бельгийская федерация особенно развивается в долине Вездры и в центральном Гено³⁰² (Gente Hainaut). Антверпенская и Гентская федерации сумели разбудить движение и во Фландрии, где чрезвычайное порабощение рабочих долго мешало успехам Интернационала. «Бельгийские рабочие представляют одну из самых серьезных организаций, и в тот день, когда революция вспыхнет в Европе, Бельгия будет иметь возможность доставить ей серьезное содействие» («Травайл», № 3). Отчет об Англии свидетельствует, что централистам удалось парализовать там успех федералистского движения, но к нему примкнула 21 секция. В Италии, по словам «Травайл» (№ 3), Интернационал не существовал до Парижской коммуны. Первый решительный конгресс (в Римини) имел место в 1872 г.; на втором (в Болонье, 1873) присутствовало более 60 делегатов, представляющих около (?) 200 секций. В каждой провинции собираются беспрестанно местные конгрессы. По словам «Бюллетеня» (№ 22), в Италии социалистическая организация «имеет характер, отличный от рабочего движения других стран. Итальянские рабочие неохотно ведут борьбу с капиталом путем стачек и устройства касс сопротивления; они хотят произвести прямо социальную революцию». В Голландии последняя секция (утрехтская), которая прежде оставалась в лагере централистов (см. выше стр. 269), перешла к федералистам на федеральном Амстердамском конгрессе 10 августа. Сведения, доставленные из Франции, не найдено возможным обнародовать («Bull. d. l. fed. Int.», № 22)³⁰³.

На вечернем заседании 2 сентября начались прения об изменении статута, именно об организации Ассоциации и о замене Генерального совета одною или несколькими комиссиями.

Докладчик комиссии, назначенный для разработки вопроса, Гильом, объявил, что комиссия не успела еще окончить своих работ, но считает возможным начать прения по вопросу, стоящему на очереди, так как она рассмотрела окончательно один из важнейших параграфов статута, относящийся к учреждению Генерального совета. Она единогласно отвергла как существование подобного совета в том виде, который ему дают статуты, так и вообще существование Генерального совета. По вопросу, затем поставленному: следует ли заменить Генеральный совет каким-нибудь иным учреждением? — голоса разделились. Юрская и Бельгийская федерации предложили заменить Генеральный совет тремя комиссиями: для статистики и корреспонденции, для стачек, для

устройства следующего конгресса. При этом предполагалось, что конгресс назначает каждый раз федерацию, в которой должна быть выбрана та или другая комиссия, но не более одной комиссии для каждой назначенной федерации. Представители Италии и Испании в комиссии для разработки вопроса предлагали не учреждать никаких централизирующих комиссий, так как корреспонденцию, соби́рание статистических данных и устройство стачек могут вести федерации, каждая отдельно; конгресс же может устраивать одна из федераций. Представитель Англии считал нужным учредить одну исполнительную комиссию, которая сосредоточила бы в себе функции всех трех предлагаемых комиссий *.

Именно это последнее мнение защищал Хейлс (Hals) в речи, затем следовавшей. Из того, что Генеральный совет злоупотребляет своим положением, по мнению оратора, не следует еще, что одна центральная комиссия может быть вредна. Надо лишь не дать этой комиссии возможности злоупотреблять своим положением; для этого необходимо, чтобы она, прежде чем принять какую-нибудь меру, подвергла бы ее рассмотрению федераций. Существование же нескольких центральных комиссий с определенными и резко разграниченными функциями повлечет за собою мелкие неудобства, так как могут встретиться непредвиденные случаи, требующие единства действий во всей Ассоциации. Для примера оратор взял Парижскую комму́ну 1871 г. Кто может тогда говорить и действовать именем Ассоциации? Конечно, не комиссия статистики, корреспонденций или стачек и не комиссия, долженствующая устраивать следующий конгресс. При существовании единственной исполнительной комиссии именно эта комиссия может говорить именем Интернационала и придать единство его действиям. Да и попытка разделить между комиссиями их обязанности едва ли выполнима. Как может действовать комиссия стачек без статистических данных? Для каждой стачки первой придется наводить справки в другом городе, в другой стране, где заседает комиссия статистики, но когда получится ответ, он может быть уже излишним. Наконец, учреждая несколько комиссий, конгресс отвлечет в нескольких федерациях самых деятельных людей для административных дел, которые могут быть исполнены одною федерациею, а это очень важно при настоящем недостатке людей.

По предложению Гильома, открыты прения последовательно по вопросам: должен ли существовать Генеральный совет в том виде, который ему дали статуты? должен ли вообще существовать Генеральный совет? должны ли существовать и каковы должны быть в таком случае учреждения, его заменяющие? При этом в первом

---

* Речи, сказанные на первом конгрессе, переданы по частным корреспонденциям, имеющимся в редакции, в «Bulletin» же они очень сокращены.

административном заседании вотировку решено производить по федерациям.

Жуковский произнес речь, где изложил постепенное увеличение власти Генерального совета, и обвинял как лондонский, так и нью-йоркский советы за их образ действия. После этого решено единогласно, при продолжительных аплодисментах, отменить Генеральный совет как в прежней его форме, так и в какой бы то ни было иной.

Открылись прения по третьему вопросу.

Брусс отождествил решение, принятое против Генерального совета с решением против самого принципа власти, и требовал, во имя последовательности, отвержения всяких центральных комиссий, так как, по его словам, в противоположном случае конгресс создаст столько властей, сколько устроит комиссий. Оратор требовал полнейшего применения принципа анархии, устранения всяких комиссий и прямых сношений между федерациями. — То же мнение поддерживал Коста.

Им возражал Хейлс. Он восстал самым энергическим образом против принципа анархии, так как анархия — синоним разложения, но он желает не разложения общества, а замены одной его формы другою. Анархия, по его словам, существует именно в современном буржуазном обществе, где каждый делает, что может: сильный давит слабого, богатый — бедного. Он желает заменить современную анархию организованным порядком, где силы всех были бы направлены на достижение коллективного блага. Оратор объявляет себя коллективистом и решительным врагом всякой анархии, которая ведет, по его мнению, не к чему иному, как к самому крайнему индивидуализму. Применить принцип анархии в Международной ассоциации рабочих значит погубить Ассоциацию. Анархия — закон смерти, коллективизм — закон жизни.

Остен возражал Хейлсу, что в современном обществе все основано на принципе власти и на пассивной дисциплине, и для разрушения этого общества следует провозгласить анархию как средство. Пассивная дисциплина должна быть заменена дисциплиной активной, где каждый человек действовал бы на основании своего убеждения, а не потому, что это ему предписано каким-либо комитетом или какою-либо властью.

Ван-ден-Абэлэ объявил себя приверженцем анархии, но нашел, что не следует смешивать власть с организацией. Следует поступать путем экспериментальным. Если Генеральный совет оказался неудачным, надо попробовать центральную комиссию. Тем же, кто хочет обходиться без всяких центральных учреждений, оратор советовал быть последовательными и уничтожить федеральные советы, с тем, чтобы секции сносились между собою непосредственно.

Перрар нашел, что учреждение одной комиссии было бы вос-

становлением Генерального совета и противоречило бы только что принятому решению о его отмене.

Гильом обратил внимание на то, что конгресс переходит с практической и экспериментальной точки зрения на точку теоретических и принципиальных споров. Кто желает узнать, что понимают под словом *анархия* разные группы Интернационала, отсутствие ли организации или организованный порядок, тому следует обратиться к журналам Интернационала. С точки зрения опыта, при неудаче формы Генерального совета следует употребить форму прямо противоположную. Впрочем, как делегат Юрской федерации, оратор не противится особенно соединению предлагаемых комиссий в одну.

Виньяс вернулся к теоретическим прениям. Он понимает под словом *анархия* общество, организованное на чисто экономических началах, — общество, в котором не существует того, что называется политической властью. Но он стоит за учреждение одной комиссии, так как она, лишенная всякой власти, не может принести никакого вреда, а между тем Ассоциация сохранит, при помощи ее, единство в действиях. — Ван-ден-Абэлэ поддерживал его.

Для устранения недоразумений Дав внес предложение, чтобы конгресс установил голосованием определение слова *анархия* именно «организованный порядок (*l'ordre organisé*)». Обсуждение этого предложения было отложено до следующего заседания (3 сент.), когда Гильом предложил не обсуждать его вовсе, так как комиссия о пересмотре уставов изменила пункт, возбудивший прения, так что надеется на его единогласное или почти единогласное принятие. Так как она выработала уже полный проект статуты, то предлагается приступить к их обсуждению по порядку. — Дав взял свое предложение назад.

Таким образом кончились прения об анархии, как признанном принципе Интернационала. Надо заметить, что эти прения были прерваны в самом начале заседания 3 сентября особым эпизодом. Получена была из Берлина приветственная телеграмма от собрания лассальянцев, за подписью Газенклевера, Гассельманна, Винтера, Экса и Деросси⁸⁰⁴.

«Народное собрание в Берлине 2 сентября, числом 8 000 человек, считает своею обязанностью, в виду увеселений господствующих классов по поводу кровавых битв и присоединений, объявить откровенно и свободно следующее:

Мы, работники, осуждаем всякую национальную ненависть и хотим братства народов, чтобы рабочий класс всех наций освободился от ярма реакции и от власти капитала; вследствие этого мы протягиваем братскую руку тем, которые во всех странах сражаются вместе с нами на почве социализма».

Конгресс отвечал немедленно телеграммой, принятой единогласно:

«Делегаты автономного Международного конгресса, собравшиеся в Женеве, благодарят рабочих Германии за их братское приветствие. Они счастливы, что немецкие рабочие, пренебрегая правительственными гонениями и авторитарными интригами, заявляют свою солидарность со своими международными братьями в борьбе против капитала».

Мотивируя перерыв очередного обсуждения для составления ответа на полученную телеграмму, Гильом высказал мнение, что эта телеграмма доказывает, насколько немецкий пролетариат вовсе не разделяет исключительных и централизационных стремлений, которые приписывают ему его руководители. То же мнение высказано было в «Travail» и «Bulletin». Эта оценка не совсем верна. Безусловно — централизационное стремление именно лассальянцев не подлежит сомнению, как читатели могли видеть из предыдущей главы (стр. 271). В том факте, что Газенклевер и его товарищи послали приветствие автономному конгрессу, немалую роль играет, конечно, ненависть к общему противнику, против которого борются *предводитель* лассальянцев, как и *предводитель* федералистов. Но особенно важно здесь, помимо всех раздоров и интриг партий, борющихся за господство, факт сознания единства борьбы пролетариата всех групп против нынешнего государственного и общественного строя, единства, которое позволило самой централизованной группе немецких рабочих послать братский привет защитникам полной автономии групп.

Вслед затем Остен выставил снова теоретический вопрос, возбуждавший длинные прения. Именно он нашел, что необходимо точно определить, кто подразумевается под словом *работник* (*travailleur*), чтобы знали, кто может быть членом Ассоциации и кто — не может.

Дав нашел, что *работником* (*travailleur*) или, точнее, *рабочим* (*ouvrier*) можно назвать всякого, кто получает заработную плату независимо от того, занимается он физическим трудом или умственным.

Хейлс полагал, что в Ассоциацию не следует допускать людей из буржуазии, потому что они — причина всех распрей.

Коста требовал, чтобы в Ассоциацию были приняты все, кто признает принципы Интернационала, все, кто искренно стремится к социальной революции. По его мнению, большинство рабочих в настоящее время более буржуа, чем самые буржуа. В рядах же буржуазии находится много людей самых искренних и преданных делу революции, людей, исключение которых из рядов Ассоциации было бы преступлением.

Сирилль делает предложение, поддержанное несколькими лица-

ми, о признании рабочим всякого, кто производит что-либо полезное для общества.

Брусс поддерживает мнение Косты, что в Международную ассоциацию должны быть приняты все, признающие цели, поставленные Ассоциацией, и стремящиеся осуществить их.

Перрар, напротив, защищает мнение, что может быть признан рабочим и принят в Международную ассоциацию рабочих лишь человек, занимающийся физическим трудом. Люди из буржуазии, благодаря своему привилегированному положению, могут получать высшее образование, развивать свой ум и всегда стоять в умственном отношении выше массы рабочих. Они занимают привилегированное положение среди последних, заставляют многих следовать за ними беспрекословно и начинают обыкновенно преследовать личные цели. В пример тому Перрар приводит факты из раздоров в женевском Интернационале.

Гильом ответил на это, что слова Перрара обращены не против буржуазии собственно, а против ума и знания. Но люди более умные и сумевшие приобрести более знания встречаются и между рабочими. Есть среди них уже теперь примеры людей, которые, постоянно занимаясь своим ремеслом, приобрели образование, которое совсем не обыкновенно и в среде буржуазии. Лучших людей из буржуазии Международная ассоциация рабочих должна принимать в свою среду уже и для того, чтобы они морализировались, поживя вместе с рабочими, жизнью рабочих. Раздоры в женевском Интернационале Гильом приписывает вовсе не лицам из буржуазии, а самим рабочим. — Ван-ден-Абэлэ поддерживает Гильома.

Виньяс признает недостаточными все наличные определения слова *рабочий* и считает рабочими всех эксплуатируемых. Производство продуктов, полезных для общества, не есть достаточный признак, примером чему может служить прислуга у буржуа, ничего полезного не производящая, но тем не менее эксплуатируемая и потому входящая в число рабочих.

По предложению Косты прения были отложены до рассмотрения параграфа статута, определяющего, кто может быть членом Интернационала.

При возобновлении прений 4 сентября Перрар предложил к § 2 статута поправку, устанавливающую, чтобы в Ассоциацию принимались лишь работники, занимающиеся исключительно физическим трудом. Ораторы, говорившие по этому поводу, не представили ни одного нового мотива ни за, ни против предложения. Поправка Перрара была отклонена, и § 2 принят.

При обсуждении вступления в статуты произошли не особенно важные прения несколько философского содержания о смысле слов: нравственность, истина и справедливость, встречающихся в этом вступлении. Алерини предлагал выбросить слово: нравственность. Поправка его была отклонена.

Точно так же отклонено было и предложение Хейлса заменить название Международная ассоциация рабочих названием Международная *федерация* рабочих.

Два заседания 3 сентября были посвящены обсуждению и баллотировке двенадцати параграфов проекта устава. Мы приводим вотированный устав полностью в приложении к этой главе и потому здесь не выписываем параграфы. Почти без прений приняты §§ 1, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11 *. О § 2 сказано выше.

По поводу § 6 предложена поправка (Жуковского), чтобы федерации, которые не могут почему-нибудь иметь делегата на конгрессе, прислали бы письменные доклады о ходе Ассоциации в их стране. Поправка отклонена по замечанию Гильома, что это следует предоставить отсутствующей федерации.

Произошли прения о полезности обсуждать на конгрессе принципиальные вопросы, причем высказаны мнения о совершенном их устранении и об обсуждении их без вотировки в виду их всестороннего уяснения.

Эккариус выразил опасение, чтобы в подобном случае конгресс не превратился в общество для лекций (Vorlesungsgesellschaft), и предложил следовать обычаю, принятому на английских митингах, именно констатировать посредством баллотировки, что собрание пришло к такому-то решению по данному вопросу, не делая решения обязательным.

Гильом заметил, что конгресс, как конгресс, не может иметь мнения по принципиальным вопросам. В протоколах конгресса должно просто констатировать, что такие-то делегаты держатся такого-то мнения, а такие-то — иного. Прения по принципиальным вопросам должны служить для уяснения этих вопросов, а баллотировка покажет, какие мнения господствуют в той или другой части Интернационала.

По поводу того же параграфа Веррикен полагал, что решения по административным вопросам должны быть обязательны для всех федераций, участвовавших в конгрессе. Гильом возражал ему. — § 6 был принят без изменения.

По поводу § 8 (прежней нумерации) сделано было предложение дать лишь совещательный голос федерациям, образованным в странах, где Международная ассоциация рабочих запрещена, так как трудно бывает иметь вполне точные сведения об этих федерациях.

Против этого возражали Веррикен и Дав, напоминая, что Ассоциация должна игнорировать все запрещения правительств, которых она не признает. После прений конгресс пришел к результату, что лучше не делать никаких особых распо-

---

* Нумера выставлены по новым стаутам. В проекте комиссии было 12 пунктов; восьмой был выброшен, и потому последующие изменили номера.

ряжений по этому предмету. — Параграф, сюда относящийся, был исключен.

При чтении § 8 (новой нумерации) Гильом заявил, что на прочитанную редакцию согласна вся комиссия.

Веррикен, на основании обязательной инструкции (*mandat impératif*), ему данной, отстаивал учреждение трех комиссий взамен Генерального совета.

Дав заявил, что он и еще несколько человек, «чистые и крайние анархисты», согласны на эту редакцию, но требуют занесения в протокол декларации, в которой они заявляют, что будут сноситься с федеральною комиссиею лишь в случае, если найдут это нужным. — § 8 был принят.

В утреннем административном заседании 4 сентября представила конгрессу доклад комиссия об общей стачке. «В тот день, — пишет «*Travail*» (№ 3), — когда возможно будет организовать общую стачку, настанет конец старого мира привилегий и злоупотреблений. Поэтому, прежде чем заняться этим вопросом, решение которого было бы реализацией самой социальной революции, надо сначала подумать об организации работников в федерацию ремесленных союзов, растолковать работникам их истинные интересы, особенно же их права. Тогда, но лишь тогда, можно будет с пользою изучать вопрос об общей стачке и решить его удовлетворительно для всемирного пролетариата». На основании прений, бывших в этом административном заседании, конгресс принял в своем публичном заседании в тот же день после обеда следующее решение:

«Принимая в соображение, что, при настоящем состоянии организации Интернационала, нельзя дать полного решения вопросу об общей стачке, конгресс советует убедительно рабочим международную организацию ремесленных союзов и деятельную пропаганду социализма» («*Bullet.*», № 23).

На митинге, происходившем вечером того же 4 сентября, на очереди стояли вопросы: 1) Интернационал, его цели и средства действия; 2) федеративный принцип. Дав, Лефранс³⁰⁵, Веррикен, Коста, Жуковский, Ван-ден-Абэлэ, Фарга говорили речи по поводу принципиальных вопросов авторитаризма, федерализма, коллективизма, анархии и т. п. Эккариус объяснил в немецкой речи происхождение раскола в Интернационале. Его слова вызвали сильное неудовольствие присутствовавших членов швейцарского ремесленного союза. Ему отвечал Гутсман в речи, где обвинил федералистов в недостатке помощи стачкам централистов. Это вызвало горячие и доказательные возражения Гильома и Жуковского. («*Bullet.*», № 23).

В административном заседании 5 сентября принято решение о распределении расходов по конгрессу, а также о публикации протоколов конгресса, что возложено на Юрскую федерацию. Вслед-

ствие уничтожения Генерального совета отменен сбор в 10 сантимов, назначенный на его расходы.

Кроме того, конгресс решил высказать совершенно ясно, что борьбу с общими врагами работников он ставит выше споров, разделяющих Интернационал, и обнародовал следующую декларацию: *ЭНКИ*

«Конгресс Международной ассоциации рабочих, собравшийся в Женеве 1 сентября 1873 года, считает своею обязанностью заявить, что Ассоциация имеет в виду практическое осуществление солидарности в борьбе против капитала для освобождения труда, в отношении ко всем работникам мира, какова бы ни была принятая ими организация».

Федеральною комиссиею Ассоциации назначен на следующий год бельгийский федеральный совет. — Следующий общий конгресс будет в Брюсселе в первый понедельник сентября 1874 г. («Travail» № 4, «Bullet.», № 23).

Большая часть публичного заседания 5 сентября была посвящена чтению доклада комиссии о статистике и прениям о нем. Сообщаем доклад в извлечении.

«Комиссия, назначенная для изучения вопросов статистики, думает, что прежде составления таблиц труда и производства весьма полезно было бы сделать в каждой федерации как можно точнее исчисление реальных сил Международной ассоциации рабочих.

Что касается статистических таблиц труда и производства, комиссия сочла необходимым, немедленно и несмотря на всевозможные трудности подобного дела, употребить все усилия для наискорейшей возможной реализации этого проекта.

Комиссия не считала нужным долго останавливаться на многочисленных выгодах, которые извлечет Международная ассоциация рабочих из составленных таким образом таблиц. Узнав точно, например, число рабочих обоего пола, занятых в каждой профессии, число часов работы, приходящихся на каждого рабочего, и высоту заработка в каждом ремесле, работники могли бы сами отдать себе отчет о количестве требуемой работы, что послужило бы иногда к устранению, а часто к регулированию прогульного времени. Кроме того точное знание условий работы было бы весьма полезно для вопроса о стачках. Можно было бы легко оценить законность требований рабочих из сравнения разных данных этих таблиц, и стачка могла бы быть серьезно регулирована. В будущем значение статистики еще возвысится. Она составит основание и ключ социальной науки, послужит к научному уравниванию производства и потребления, к установке нормальной длины рабочего дня, к определению основ обмена и ценности продуктов.

Признав необходимость общей статистики труда, спрашивается: каковы лучшие средства для одновременного и повсемест-

ного составления этих таблиц? Кто должен составлять их? Какая совокупность вопросов должна особенно войти в них?

Эта статистика должна быть непременно делом самих работников, так как лишь они могут действительно и вполне знать многочисленные условия, в которых совершается труд. Если бы в каждой федерации образовалась центральная комиссия статистики, то работа эта была бы скоро сделана... В каждой местности,— сказано недавно в статье «Юрского Бюллетеня»,— в каждой ремесленной корпорации должна бы существовать специальная комиссия для статистики. На региональном конгрессе делегатов всех этих комиссий установили бы единообразный кадр для наполнения его данными. Дело комиссии заключалось бы в непрерывном его пополнении, изменяя в нем день за днем цифры, нуждающиеся в изменении. Таким образом, элементы статистики были бы готовы, и город или корпорация, которые бы в нем нуждались, имели бы их под рукою в каждое данное мгновение. Вся эта организация не нуждалась бы ни в каких расходах, но требовала бы одного — правда, трудного и редкого качества — настойчивости...

Комиссия полагала, что эти статистические таблицы труда и производства должны быть составлены по единственному научному методу, который мы можем признать и который восходит от простейшего к сложнейшему, от более частного к более общему. Если следовать этому методу, то надо установить шесть больших общих отделов:

I. Общая организация труда.

II. Обычные отношения работодателей и работников.

III. Размер платы, количество продукта и отношение труда к количеству продукта.

IV. Учреждения для рабочих, связанные с фабрикой и от нее зависящие, и рабочие учреждения, вышедшие из инициативы самих рабочих.

V. Условия существования работников.

VI. Физическое, умственное и нравственное состояние работников.

Такова должна быть, по нашему мнению, общая рамка статистики труда. В первой части, самой простой и в то же время самой общей, следует рассмотреть подразделение коллективного труда и влияние этого деления: работу на фабрике или дома; употребление машин, приборов, станков в производстве и влияние этих орудий труда в руках капиталиста на судьбу рабочего; инструмент, доставляемый работодателем или обязательный для работника. В этой же части следует также обратить внимание на число рабочих обоего пола, употребляемых в разных ремеслах, на число детей и взрослых, при этом занятых, на продолжительность учения, на длину рабочего дня зимою и летом, на продолжительность дневного и ночного труда, времени усиленной работы и тихого времени, наконец, периодических остановок работы.

Во второй части следует указать, каков способ найма работников, способ проверки совершенной работы и каковы гарантии работника в этом отношении; как вообще относятся главные и старшие мастера к жалобам рабочих. Вопрос о рабочих книжках, о пенях и вычетах из заработка по разным поводам относится также к этой рубрике; наконец, и другой вопрос о средствах, употребляемых работодателями для оказания влияния на рабочих с целью помешать им свободно высказывать свои мнения, отклонить их от участия в рабочих союзах и особенно в Международной ассоциации рабочих.

Третья часть, посвященная заработной плате и продукту, а также отношению труда к количеству продукта, должна обозреть величину заработной платы в единицу времени: например, какова плата за день, за четверть дня, за рабочий час, плата женщинам и детям, какова ночная плата и т. д.; что платят поштучно, за единицу длины, поверхности, объема и т. п.? По отношению труда к количеству продукта надо знать годовую плату, чистый барыш хозяина за то же время, наконец, отношение между долею, приходящеюся на труд, т. е. заработной платою, и чистым барышом капиталиста.

Четвертая часть связана с предыдущею, потому что заработная плата и барыш хозяев могут быть значительно изменены вследствие различных обстоятельств, из которых главные следующие: существуют часто учреждения для рабочих, связанные с фабриками и в управление которыми вмешиваются хозяева, например, лавки съедобных предметов, общества взаимного пособия, кассы помощи, сберегательные, инвалидные, запасного капитала и т. д.; учреждения, имеющие весьма часто назначение косвенно обрезать заработную плату рабочих, чтобы увеличить барыш капитала. Оказывают ли эти учреждения какую-либо услугу рабочим, услугу, соответственную, например, вычетам из их заработной платы, делаемым для пополнения этих различных касс? Надо тщательно разобрать все эти вопросы.

Лишь тогда, когда будут известны сколько возможно точнее различные данные, перед этим изложенные, и многие другие, непосредственно с ними связанные, но которые было бы слишком долго перечислять здесь, лишь тогда рабочий будет в состоянии узнать, каковы действительные причины бедственных условий существования, в которые он поставлен нынешним обществом. Тогда он узнает, почему так дурна его обычная пища...; почему он не может иметь ни надлежащего жилища, ни надлежащей одежды, ни надлежащего отопления. Он узнает причины своего обычного нездоровья, болезней и немощей, которым он постоянно подвергается. Он узнает, почему он не может пользоваться благами обучения, и употребит все усилия, чтобы его дети, по крайней мере, вследствие его усилий, могли бы улучшить свое положение в мастерской и в обществе, могли бы воспользоваться сделанными

попытками, стремиться к той же цели и, наконец, достичь той желанной умственной и материальной эмансипации, которая составляет цель социальной революции». («Травил» № 4).

Когда Дав кончил чтение своего доклада, Гильом, находя план, предложенный комиссией, слишком сложным для выполнения при настоящей организации Интернационала, предложил присоединить его к протоколу, как идеал, к которому должна стремиться статистика, составляемая рабочими, а теперь ограничиться четырьмя нужнейшими рубриками, выражающими: 1) число хозяев, 2) число рабочих, 3) величину заработной платы, 4) число рабочих часов.

Кларис поддерживал план таблиц, предложенных комиссией, говоря, что все рубрики комиссии выполняют те, кто может сделать это; другие же впишут в таблицу лишь те данные, которые будут иметь возможность собрать.

Брусс предложил разослать оба плана таблиц — комиссии и Гильома, чтобы каждая секция или федерация могла взять для выполнения тот план, который ей удобнее выполнить.

Дав заявил от имени комиссии, что стоит собирать лишь полные данные, так как неполные не имеют значения. Например, данные, собранные по рубрикам, предложенным Гильомом, недостаточны. Для стачек нужно знать не одну величину заработной платы, но отношение ее ко всему количеству продукта, производимому рабочим в тот период, за который он получает эту плату. Не зная этого отношения, стачечники в таком же положении, как без всякой статистики: именно они знают, что им заработка нехватает для поддержания их существования. Это прилагается и ко всем остальным рубрикам. Поэтому или надо принять план комиссии, или всякая рациональная статистика невозможна.

Пенди предложил разослать проект комиссии всем федерациям для обсуждения и представления к следующему конгрессу замечаний о практической стороне его исполнения.

Сириль, напротив, предложил отклонить вовсе доклад комиссии, так как при помощи статистики социальной революции произвести нельзя, для этого нужны только порох и ружья. Занятие статистикой отвлечет от главной и единственной цели Интернационала: от совершения социальной революции.

Виньяс пояснил, что комиссия имела в виду собрать статистические данные не для совершения революции, а для разъяснения социального вопроса и для построения плана будущей организации общества. — Сириль с большою горячностью повторил свое возражение.

Дав заметил, что совершение всякой революции возможно лишь тогда, когда совершилась революция в умах; для этого же нужны статистические данные, но данные настоящие, которые могут собрать лишь сами рабочие. Без точного знания условий труда невозможна прочная социальная революция. На другой день после ее совершения работник не будет знать, что делать, если не знает

ни количества орудий труда, ни количества возможного производства и т. п., т. е. если он не имеет статистики труда. Ему придется выбирать себе правительство, т. е. самому губить социальную революцию. Чтобы она удалась и стала прочною, ее надо организовать.

Предложение Сириля было отклонено и предложение Пенди принято.

По докладу Гильома отклонено предложение группы французских изгнанников в Лондоне об изменении статуты в смысле принятия в Ассоциацию лишь рабочих, занимающихся физическим трудом.

Ван-ден-Абэлэ предложил от имени Голландской Федерации следующему конгрессу обсудить вопрос об участии рабочих в политике.

После этого председатель конгресса Веррикен произнес краткую речь, в которой указал на важность настоящего конгресса, и выразил надежду, что, благодаря принятым решениям, развитие Международной ассоциации рабочих беспрепятственно пойдет вперед.

В тот же день вечером в зале конгресса происходил банкет, в котором участвовали делегаты и многие женеvские рабочие. Конечно, и тут произнесено было несколько речей. Между прочим, в одной из них Гильом предлагал вовсе устранить слово *анархия*, как бесполезно возбуждающее споры.

В промежуток времени между двумя женеvскими конгрессами появилось в Женеве крайне небольшое число экземпляров издания централистов, сделанного комиссией составления протоколов, состоящею из Э. Дюпона³⁰⁶, Ф. Энгельса, Лео Франкеля, С. Ле-Муссю³⁰⁷, Карла Маркса и От. Серайе³⁰⁸, по распоряжению Гаагского конгресса, на основании документов, переданных комиссии Вишаром³⁰⁹, единственным живущим в Лондоне членом следственной комиссии Гаагского конгресса, решившей исключить из Интернационала Бакунина и Гильома (см. выше стр. 259). Издание это появилось под названием: «Союз социальной демократии и Международная ассоциация рабочих (*L'Alliance de la democratie socialiste et l'Association internationale des travailleurs, Londres et Hambourg, 1873*)».

Это издание еще в большей мере, чем упомянутый выше мемуар Юрской федерации, носит на себе характер желчной полемики против личностей, стоящих в первых рядах федералистов, личностей, исключенных на Гаагском конгрессе из Интернационала. Это следовало из самой цели брошюры, а содержание ее оказалось полным частных фактов, которые не могли

быть собраны иначе, как по слухам, и, следовательно, достоверность которых не могла быть неоспоримою для составителей. Историческое значение этой брошюры, критика ее достоверности и ее роль в современной истории Интернационала не принадлежат сфере этой работы, но более полному историческому труду. Здесь мы отметим лишь непосредственное впечатление, произведенное ею.

Брошюра появилась на французском языке, но ею немедленно воспользовались немецкие газеты. В «*Volksstaat*» (№№ 87, 88, 89, 90) появился ряд статей: «Бакунин-Калиостро»³¹⁰. По поводу этого же помещена статья в «*Arbeiterwochenchronik*»³¹¹. Наконец, венская «*Neue Freie Presse*» посвятила результатам этой брошюры два фельетона Карла Талера³¹² (14 и 15 октября) под названием «Красные иезуиты». Эти последние статьи, вышедшие из буржуазного лагеря, заслуживают особенного внимания, потому что они яснее всего показывают, какое значение для общих врагов рабочего сословия, для буржуазии и государства, могут иметь взаимно-обвинительные памфлеты борцов за власть в среде рабочих. Может быть, авторы этой брошюры, как авторы всей подобной полемической литературы, имеют причину задуматься над некоторыми словами фельетона Талера. Он видит в брошюре попытку «Интернационала оградить себя от обвинения в тождестве с крайнею левою стороною социально-демократической партии», следовательно, защиту более умеренной политической программы, и замечает: «Ни один прокурор не мог действовать расчетливее, произнести более уничтожающую речь... Никто не нарушил так основательно последний блеск ореола социальных демократов, думающих осчастливить народ, как это сделала здесь рука человека той же партии». В последней части своей статьи Талер говорит:

«Горько-серьезна картина, которую мы нарисовали нашим читателям в беглых очерках. Но в ней есть и юмор. Во-первых, подобная бойня в рядах увлекающейся через край партии всегда имеет комический привкус. Сейчас является вопрос: почему вы, нынешние судьи, так долго шли вместе с теми, кого теперь осуждаете? неужели вы были так наивны, что не заметили их порочности, или вы закрывали оба глаза, потому что ваша слепота была вам полезна? Не комичны ли взаимные ругательства, которые возникают между социальными демократами при каждой ссоре? Одни обвиняют других не в холодности к делу, не в ошибочности взглядов, а в принадлежности к тайной полиции, и там, где проповедуют всеобщее братство, господствует всеобщая подозрительность». Талер видит даже в этой борьбе руководящих личностей Интернационала отражение национальной ненависти между немцами и русскими.

Не знаем, как посмотрят на полученные результаты авторы брошюры. Большинство наших читателей, вероятно, разделит тя-

желое чувство, с которым мы читали ее и с которым, исполняя обязанность летописца, заносим эти печальные явления на наши страницы ⁸¹³.

С удовольствием переходим к другому заявлению, вышедшему от личностей вовсе неизвестных. Перед самым началом второго конгресса появилась маленькая брошюра в 16 страниц без заглавия с подписями: Перре ⁸¹⁴, гравер; Бернар, золотых дел мастер; Дюваль, столяр; Жоссерон, футлярщик; Дюталлонкур, слесарь; Рено, чернорабочий; Лаплас, узорщик (guillocheur). Она заключала обращение к делегатам рабочих, собравшимся на конгресс, выходила из среды Романской федерации, и мнения, в ней высказанные, как увидим, не остались без влияния на решения, принятые конгрессом. По слухам, в составлении ее принимал участие известный генерал коммуны Кюзере ⁸¹⁵.

«Наша Ассоциация, — так начинается брошюра, — проходит через критическую эпоху, которая требует всего нашего внимания, всех наших усилий.

Если раскол, разделяющий теперь Интернационал, будет продолжаться существовать, то все кончено для этой великой Ассоциации — единственной надежды пролетариата. Действительно — единственной, потому что как понять освобождение работников из рук международной федерации капиталистов, не противопоставляя ей международной федерации рабочих!».

Изложив борьбу партий, группирующихся около двух имен, брошюра продолжает:

«Нечего спрашивать, кто прав, кто виноват. Самый факт группировки отделов около собственных имен есть факт печальный, противный нашим принципам и интересам освобождения рабочего. Самолюбие, гордость, честолюбие, все страсти человеческие, связанные с личностью, вступают на место общих интересов массы. Забывают медленную, холодную, непрерывную, методическую деятельность, необходимую для этих интересов, чтобы увлечься страстью за ту или другую личность или против нее; так как личность всегда легче превознести или низвергнуть, чем сделать общий шаг вперед или разрушить злоупотребление. Мысли суживаются вместе с целью. Характеры портятся, и группы, обратившись в мелких сеидов того или другого лица, разлагаются, чтобы сгруппироваться иначе, под влиянием всех колебаний непостоянства и непрочности человеческой личности, пока истощение, утомление, отвращение не приведут их окончательно к равнодушию и не сделают покорными жертвами буржуазной эксплуатации...

Сила народа не в политике и не в идеях. Она в числе. Вся его политика должна заключаться в том, чтобы сгруппироваться и определить свою численность.

Отсюда видна исключительная важность статистики труда, возложенной на обязанность Генерального совета. Когда эта все-

общая статистика выкажет работнику его значение, эксплуататорам — их слабость, рынкам — их зависимость от работников, а не от капитала, тогда социальная революция будет недалеко...

При настоящем состоянии развития масс они могут группироваться с пользой лишь около своих непосредственных интересов. Почва материальных интересов есть истинная почва для работников в настоящее время...

Следует ли из этого, что мы отталкиваем работников мысли? что мы враждебны развитию идей между работниками? Нисколько... Пусть работники мысли группируются как таковые, пусть ведут вне Интернационала какую угодно пропаганду. Одним словом, будем работать рядом, пойдем рука с рукою, имея в виду одну и ту же цель, но не будем смешиваться...».

Ниже, объясняя предложенное изменение в § 4 статута, брошюра говорит:

«Искренне преданный делу, им защищаемому, работник мысли поймет это исключение. Он поймет, что его слова, в которых не будет следа личного честолюбия, будут тем более оценены, тем внимательнее выслушаны... Это исключение будет пробным камнем искренности работников мысли.

Если они будут противиться, если откажутся вернуться в скромную неизвестность, приличествующую убежденному и преданному человеку, тогда, работники, скажите друг другу: вот честолюбец, политический эксплуататор. Будем осторожны».

Относительно анархии и централизации брошюра высказывалась так, припоминая слова Прудона: «Анархия есть лучшее правление».

«Анархия после (революции)! — Да. Анархия до (нее)! — Нет. Анархия, как цель! — Да. Анархия, как средство! — Нет. Анархия, как результат социальной гармонии! — Да. Анархия во время битвы! — Нет. Лишь дисциплина может спасти нас во время битвы». Впрочем, брошюра одинаково порицает деятельность обеих партий, спорящих за руководство Интернационалом, хотя не оспаривает их искренности.

В основу желательного пересмотра статута брошюра ставит следующее положение:

«Причина раздоров заключается в последовательных изменениях в букве и духе первых статутах. Это дало в результате или позволило выработаться следующим результатам:

- 1) Преобладающим личностям.
- 2) Замене философскими и религиозными учениями... ясной и определенной цели Интернационала: замены заработной платы участием в барышах.
- 3) Замене авторитарными и централизационными принципами либеральных и федерационных принципов Интернационала.

Для исправления зла существует лишь одно средство: возвра-

шение Интернационала к его точке исхода и к его первоначальным принципам».

Все эти основания побудили лиц, подписавших брошюру, сделать в ней следующее предложение конгрессу:

«Принимая в соображение, что работник может и должен освободиться лишь *собственными силами*, тогда как в секции допущены работники мысли, интересы которых отличны от его интересов; работники мысли, более обширные знания которых вызывают их мысль на более сложные комбинации, где воображение слишком часто заменяет непосредственный интерес работника; привычка же к речи ведет к злоупотреблению словами и к потере времени, что отклоняет от его прямых интересов работника, обязанного быть скупым на все *мгновения*, отнятые им от отдыха; работника, склонного, по природе своего ума и своего развития, идти прямо к цели и заниматься лишь тем, что находится в непосредственной сфере его мысли;

Принимая, с другой стороны, в соображение, что всякий человек, живущий своим трудом, ничего не получая от чужого труда, есть работник и что поэтому человек, живущий работою мысли, обращенной на полезное дело или в форме изданий, или в форме уроков, или в форме ухода (за больным), есть бесспорно работник, и, как таковой, не может быть исключен из Международной ассоциации рабочих;

Принимая, кроме того, в соображение, что в нашей Ассоциации не может быть ни исключения, ни привилегий; что принцип группировки по занятиям, однажды в ней принятый, должен быть прилагает строго и повсеместно;

Принимая в соображение, что представительство секций на разных собраниях — окружных, федеральных или общих, должно быть действительно, а не фиктивно...

Принимая в соображение, что функция Генерального совета никогда не может быть функцией власти; что в Международной ассоциации рабочих не может быть иного авторитета, кроме авторитета административных мер; что в числе этих мер находится и ограничение функций Генерального совета связью между всеми секциями Интернационала и составлением общей статистики труда; что народная власть действует, но передана быть не может;

Принимая в соображение, что излишняя продолжительность отправления одних и тех же обязанностей вызывает или равнодушные или привычку господствовать;

Принимая в соображение, что излишняя продолжительность пребывания в одном и том же месте, особенно, если это место представляет значительный центр политических страстей, фатально переносит Генеральный совет в сферу идей и деятельности, противную общим интересам рабочего, требующим лишь спокойной, методической, медленной и скромной деятельности простых

исполнителей (commis), записывающих и передающих полученные сведения по мере их получения;

Принимая в соображение, что при этих условиях всякий грамотный член общества (сотрагноп) при здравом уме, правильном поведении и преданности делу, способен отправлять обязанности члена Генерального совета;

Принимая в соображение, что всякий труд должен быть оплачен; что члены Генерального совета не могут быть чем-либо иным, как исполнителями (commis), находящимися на постоянной службе Ассоциации; что можно требовать от человека труда и про- верить его лишь настолько, насколько он оплачен...

Принимая в соображение, что эта проверка должна быть действительна, и в каждую минуту должна существовать возможность для доверителя дать чувствовать свою власть поверенному;

Принимая в соображение, что принцип смены обязанностей составляет по существу приложение начала равенства;

Нижеподписавшиеся предлагают конгрессу принять следующие резолюции:

1) Никто не должен участвовать в Международной ассоциации рабочих, если он не докажет, что он работник.

Работник — тот, кто живет своим трудом, не получая ничего от чужого труда, при помощи заработной платы.

2) Секция имеет право посылать делегата, когда она достигла минимума установленного числа членов, именно...

3) Статуты Интернационала могут быть постоянно пересматриваемы. Для возбуждения прений по этому вопросу достаточно требования одного федерального совета, опирающегося на большинство своих секций, а для утверждения изменений — большинства федеральных советов, передавших результат своего голосования Генеральному совету.

4) Генеральный совет избирается федеральными советами. Всякий федеральный совет избирает двух членов, из которых один находится в месте заседания Генерального совета, другой — федерального. Последний, посоветовавшись с федеральным советом, может отменить всякое решение, принятое его товарищем в Генеральном совете.

Всякий член Генерального совета получает вознаграждение, равное наибольшей поденной заработной плате в его роде занятий. Он избирается на год. Он не может быть выбран вновь, следовательно, более одного раза. Он может быть всегда сменен своим Генеральным советом в случае неудовольствия. Членам Генерального совета безусловно запрещается присоединять к своему числу кого бы то ни было.

5) Обязанности Генерального совета строго ограничены составлением всеобщей статистики труда и облегчением обмена полезных сведений между всеми секциями Интернационала. Гене-

ральный совет обязан без всяких замечаний передавать то, что ему приказывает передать федеральный совет с согласия секций.

Он хранит общие суммы, происходящие от установленных подпунктов, но не может ими распоряжаться без согласия конгресса, учитывающего ежегодно кассу и назначающего употребление сумм. Однако члены (Генер. совета) могут прежде всего получить свое содержание.

6) Место заседаний Генерального совета должно быть в Европе. Он не может быть переведен снова в Лондон ранее, как через два года».

Таким образом, из самой среды централистов выходило требование не только отменить то увеличение прав Генерального совета, которое прошло на Гагском конгрессе, но ограничить его функции обязанностями центрального бюро, как того требовали еще прежде федералисты. Борьба личностей за господство признавалась прямо вредною для рабочего дела и в мотивировке высказывалось то же самое мнение об устранении работников мысли, которое имело представителей и на конгрессе федералистов; это мнение осталось лишь в мотивировке, но пункт, ему соответствовавший, в предложенное изменение не вошел. Требование выбора членов Совета самими федерациями тоже имело некоторое значение, тем более, что эта мысль, высказанная отдельными лицами уже давно, прежде не встречала вовсе сочувствия в двигателях Генерального совета.

---

8 сентября в отеле «Навигация» открылся конгресс централистов.

В несколько запоздавшей статье от 13 сентября венская «Uolksville» определила следующим образом значение этого конгресса.

«Прошел год после Гагского конгресса Международной ассоциации рабочих, год самого тяжелого труда, самой ожесточенной борьбы. Но мы были бы несправедливы, если бы не высказали откровенно, что мы в этот год научились многому, обещающему принести пользу для дела рабочих. Правда, окончательно прошли титанические порывы; пустые мечтания и чрезвычайные надежды сменились трезвым взглядом. Мы знаем препятствия, которые нам приходится преодолеть, противников, которых нам надо победить; мы знаем и собственные недостатки, которые служат нам столь сильною помехою в борьбе против господствующего общества. Но именно потому, что мы знаем силы противников и свои собственные, наша борьба стала целесообразнее и практичнее. И решения, принятые на Гагском конгрессе, имели заметное влияние на общий ход рабочего движения потому именно, что направили рабочих на практический путь. Так, в Гааге советовали рабочим стремиться к достижению политического могуще-

ства, чтобы они были в состоянии изменить общественное положение. Конечно, следствием этого был выход многих членов из Международной ассоциации рабочих и основание второго Интернационала, проповедующего воздержание от всякой политической деятельности. Мы тем более сожалеем об этом разделении, что те и другие интернационалисты согласны в том, что разделение общества должно обуславливаться трудом. Строго говоря, различны только их пути, цели же тождественны. Общие противники не должны радоваться этому разделению; где приходится действовать против господствующих классов и защищать право труда, там согласны между собою все социалисты, какому бы направлению они ни принадлежали. И так называемые «автономные интернационалисты» скоро придут к сознанию, что рабочие должны прежде всего завоевать себе политическое могущество. Ошибка сепаратистов заключалась и в том, что они требовали отмены Генерального совета, так как Интернационал нуждается в центральном учреждении точно так же, как работникам можно посоветовать наибольшую возможную централизацию для того, чтобы они могли с успехом сопротивляться своим столь же централизованным противникам. Мы не станем долее говорить о началах, проповедуемых «автономным Интернационалом»: усиливающаяся с каждым днем борьба сословий уничтожит возможность сепаратизма.

Настоящий Интернационал, Генеральный совет которого до сих пор заседал в Нью-Йорке, собрался теперь в Женеве на шестой конгресс.

Конгресс будет обсуждать: организацию международных союзов ремесел, организацию рабочего сословия на международных началах и политическое положение организованных рабочих. Конгресс будет обсуждать и необходимость всеобщей статистики труда...

Интернационал — как мы полагаем — приобретает с каждым годом более влияния и значения. Руководящая газета английской буржуазии «Таймс» определяла тому несколько времени Интернационал как великую мысль в малом теле. Мы не станем спорить с «Таймсом» относительно этого определения. Если бы Интернационал имел и немного членов, это было бы не важно; его сила, его могущество — в мысли, им представляемой, в мысли международного союза всех работников. Эта мысль одна достаточна, чтобы сделать из Интернационала не только душу, но и мозг движения пролетариев, как прекрасно сказано в адресе британского федерального совета.

Со времени своего основания Интернационал объявлял много раз, что работники всех стран имеют общие интересы, потому должны сознать, что они братья, и вместе идти против общего врага. Интернационал, кроме того, с успехом боролся с патристическою болтовнею и часто срывал лицемерную маску с плутов-

ства идею национальности. Выше отечества и национальности ставит он человечность и всеобщее благо. Интернационал же избавил работников от сектаторства и поставил свободное исследование на место поклонения системам. Все равно, имеет ли Интернационал много членов или мало. Остается факт, что рабочие все более свыкаются с мыслью о международнойности, что они отворачиваются от старых политических партий и организуются в самостоятельную партию. Таким образом, осуществляется одно из главных начал Международной ассоциации рабочих, именно, что освобождение рабочего сословия должно быть совершено самим рабочим сословием. Пусть правительства продолжают преследовать Интернационал; пусть газеты господствующих классов продолжают распространять о нем самую пошлую ложь, — это все не остановит гигантского прогресса нашего века, прогресса, представляемого Международною ассоциациею рабочих. Женевский же конгресс подвинет рабочих еще ближе к их полному освобождению от цепей капитала и укажет рабочим партиям то направление, которому они должны следовать в разных странах».

Конгрессу централистов предшествовал 7 сентября митинг, относительно которого находим указание («Travail» № 4), что на нем председатель митинга обвинил членов Парижской коммуны за их бегство из Парижа, когда еще битва продолжалась. «Они бросили вперед народ, а сами ускользнули в минуту опасности». Эти слова вызвали горячее возражение члена Коммуны Лефрансе. Вообще, как слышно, митинг этот имел очень бурный характер.

В публичном заседании 8 сентября был прочтен официальный отчет Генерального совета конгрессу; в административном заседании 9 сентября — конфиденциальный отчет того же Совета. Мы, конечно, не считаем себя в праве публиковать вполне данные, заключающиеся в последнем, но общеизвестны вредные результаты, полученные от перенесения Генерального совета в Нью-Йорк. На Гаагском конгрессе в этот совет избраны 12 членов, с правом присоединить еще трех. Из двенадцати избранных двое отказались, двое должны были быть удалены, один оставил должность, один был в долговременном отпуску, и присоединен не выбранный конгрессом (хотя находившийся в Гааге) Зорге³¹⁶, назначенный Генеральным секретарем и на котором лежала, повидимому, большая часть дела. Ко времени конгресса Совет состоял только из восьми членов. Отдаление Нью-Йорка имело следствием медленность и дороговизну сообщений с разными местностями, затруднения в доставке Совету денежных сборов, в приготовлении членских марок (заказанных сначала в Лондоне), наконец, затруднение в назначении уполномоченных в разные страны, причем опять во Францию и в Италию пришлось назначать лиц, не живущих в странах, куда они назначены. Все эти неудобства, слишком явные для самого нью-йоркского Совета, вызвали с его стороны предло-

жение конгрессу «перенести место заседаний Генерального совета снова в Европу».

Особенное затруднение встретил Совет в сношениях со странами, где Международная ассоциация рабочих запрещена. В большинстве этих стран рабочие уже организованы или организуются — политически или по ремеслам — на тех же началах, как и Международная ассоциация рабочих, но законы и власти мешают их открытому присоединению к ней или к какой-либо иной рабочей организации других стран. Принятие рабочих поодиночке трудно, влечет за собою потерю времени, требует большой осторожности и настойчивости, ставит в опасное положение уполномоченных и оставляет лазейку для интриг полиции. Кроме того, личное вступление ограничено местными пределами.

«Для устранения этих неудобств» Совет предлагал следующие меры:

«1) Чтобы новый Генеральный совет назначал уполномоченных лишь в случае действительной надобности.

2) Чтобы новый Генеральный совет имел право рассматривать как принадлежащие к Международной ассоциации рабочих все рабочие партии и общества, о которых, на основании данных, достаточных для Генерального совета, известно, что они стоят на почве Международной ассоциации рабочих и преследуют ее цели, — конечно, предполагая, что они признают наши статуты, распоряжения и решения конгрессов, насколько это дозволяют законы каждой отдельной страны. Генеральный совет получает право для лица или для общества заменить правильные взносы единовременно уплаченную за год сумму».

Предложено было также, согласно решению Совета, исключить Юрскую федерацию «вследствие постоянного неисполнения законов, распоряжений и решений, вследствие совершенного недостатка дисциплины в борьбе партий и потому, что она вредит репутации всей организации своею публичною деятельностью». О прочих федерациях и секциях, деятельность которых была приостановлена, предложения об исключении не находим в отчете.

На Женевском конгрессе централистов* присутствовало (по «La Tribune du Peuple», № 35, 21 сент.) 30 делегатов, из которых

* Мы очень желали основываться в нашем отчете об этом конгрессе, как о предыдущем, на сведениях, преимущественно выходящих из той же партии, которой принадлежал конгресс, но, к сожалению, ни «Volksstaat», ни «Volkswille», ни «Tagwacht», ни «Zeitgeist», ни «Cleichet» не дали подробного поименного списка членов конгресса, не объяснили весьма странного отсутствия Серайе и всякого представителя Генерального совета. Статья Беккера³¹⁷ в «Volksstaat», (№ 94, 95) дает очень мало сведений. Самые прения конгресса переданы журналами партии крайне сжато, а подробного отчета о них от нашего корреспондента мы, к сожалению, не получили. Поэтому нам пришлось иногда обращаться за сведениями по этому конгрессу к «Tribune du Peuple», к «Bulletin» или к «Neue Freie Presse», изданиям, стоящим не близко или вовсе враждебным партии, присутствовавшей на конгрессе.

1 от 11 немецких федераций, 8 — от Австрии, 2 — от Венгрии, 12 — от женеvских секций, 6 — от других швейцарских секций, 1 — от четырех голландских федераций. При этом замечательно, что от Голландии был представителем Ван-ден-Абэлэ, присутствовавший и на конгрессе федералистов. В «Bulletin» (№ 24), находим известие, что он должен был только представить ультиматум и удалиться, исполнив это, но мы не находим нигде дальнейшего подтверждения этому факту). В буквально тождественных известиях в «Zeitgeist» (№ 87) и «Neue Freie Presse» (№ 3251), точно так же как в «Uolksswille» (№ 74), встречаем известие о присутствии делегатов от Франции и Англии; «Uolksswille» упоминает также о делегатах из Португалии и Италии. Беккер пишет, что были делегаты из Франции и Италии. Об одном французском делегатё (может быть, только говорившем по-французски) мы упомянем ниже, хотя «La Tribune» определительно говорит: «Франция не прислала делегата; это достаточно объясняется воспретительными законами, угрожающими в этой стране Международной ассоциации. Тем не менее некоторые местности и некоторые рабочие центры передали конгрессу выражение солидарности, должнествующей связать работников независимо от национальности и от реакционных притеснений».

Тот же журнал говорит об Италии: «Многие доверенности итальянских делегатов не были утверждены, но секции Турина, Лоди, Аbruццов прислали заявление, что они присоединяются к конгрессу».

По словам Беккера, между делегатами было две женщины.

Всего страннее было отсутствие лица, которое должно было быть делегатом от Генерального совета и, кроме того, делегатом американских, английских и португальских секций (по «Tribune» и испанских). Это необъясненное еще обстоятельство передаем словами «Tribune du Peuple» и «Bulletin», предупреждая, впрочем, читателя, что эти издания, из которых последнее прямо враждебно централистам, могли не совсем верно окрасить событие.

«Генеральный совет, — пишет «Tribune», — назначил своим представителем в международном собрании гражданина Серайе, бывшего члена Парижской коммуны. Здесь произошел печальный эпизод. Серайе был представителем не только Генерального совета, но делегатом федераций английской, испанской и португальской. Таким образом, Серайе имел двойное поручение. Он мог от него отказаться, но он предпочел обмануть доверие федераций. Его приезда ждали в продолжение нескольких дней, наконец, получили от него письмо. Он объявил, что не явится на конгресс, так как до него дошли сведения, что конгресс произнесет порицание действиям Генерального совета. Это — более чем жалкая отговорка, это — нечестный поступок, потому что Серайе не имел права изменить доверенности, которую на себя принял».

По словам «Бюллетеня», Серайе должен был быть делегатом Генерального совета, английской федерации и одной португальской секции. Но «в последнюю минуту» нью-йоркские господа, узнав, что Романская федерация склоняется к примирению с юрцами, уничтожили американскую и английскую доверенности, данные Серайе».

Беккер вовсе не объясняет отсутствие Серайе и трех английских делегатов и говорит только, что приезд их оказался неудобен (unthunlich) в последнюю минуту, что они письменно выражали желание, чтобы конгресс держался крепко конференции 1871 г. и Гаагского конгресса 1872 г. Но он сознался, что, «конечно, неожиданное отсутствие делегатов Генерального совета и Английской федерации вызвало в первые дни много неудовольствия, обстоятельство, которое, конечно, не могло вызвать в более значительной мере умственную деятельность».

Как бы то ни было, на конгрессе Генеральный совет не имел своего представителя, и его не было ни от одной группы работников англо-саксонских племен.

Конгресс был устроен, по поручению Генерального совета, И. Ф. Беккером, Т. Дювалем и А. Перре. — Первым председателем конгресса избран Дюпарк³¹⁸ из Женевы, вторым — Жоссерон отсюда же, третьим — Ван-ден-Абэлэ.

В первом же публичном заседании, 8 сентября, прочитан был, как уже было сказано, официальный отчет Совета, из которого сообщаем следующее:

«Товарищи-работники!

В *Великобритании* наша организация приобретает влияние и могущество... Последний конгресс в Манчестере совершенно удался, и английское рабочее сословие, фабричное и сельское, движется громадными колоннами вперед для осуществления требования Гаагского конгресса: «Приобретение политического могущества есть высшая обязанность рабочего сословия». Ирландские рабочие более и более понимают необходимость общей деятельности с их товарищами по страданиям, живущими на другой стороне пролива, и сердечное согласие устанавливается между британскими и ирландскими рабочими.

Преследования и процессы, направленные во *Франции* против Международной ассоциации рабочих, предложенные версальским неизлечимым *captatio benevolentiae*³¹⁹, не отклонили постыдного падения палача Коммуны. Его преемники пытаются повернуть назад колесо истории. Французские рабочие, эти неутомимые пионеры социального прогресса, докажут тщету этих начинаний и возвратят Францию ей самой.

Рабочие южных и северных *Нидерландов* (Бельгии и Голландии) отбрасывают старые предрассудки и протягивают друг другу руки, чтобы вместе идти вперед на страх их испуганных «господ».

Датские рабочие высоко держат знамя международнойности, и яд социализма проникает даже в земли семьи Бернадота * ³²⁰.

Германская империя превосходно исполняет свою роль всемирного полицейского к восторгу буржуазии обоих полушарий, страдающей бешенством порядка; законы о печати, о сходках и другие служат лишь «любимым напитком» для немногих неподатливых личностей, склонных к средневековым взглядам и к ханжеству. Организация немецких рабочих сделала много успехов в прошлом году. Они особенно деятельны теперь и готовят свои войска к предстоящим общим выборам. — Рабочие восстания в России заявляют пробуждение ее подавленных сословий. Боязнь правительства уступает лишь глупости, с которой оно ищет причины неудовольствия всюду, кроме настоящего источника — бедственного положения рабочих.

«Конституционное» правительство Венгрии употребляет напрасные усилия, чтобы подавить рабочее движение. Образование партии рабочих там запрещено, ее комитет арестован, и типография ее издания конфискована.

Полицейские власти Австрии разгоняют рабочие союзы, затягивают (необходимое в этой благословенной стране) утверждение их статуты в продолжение нескольких лет, выгоняют рабочих за границу страны и, чтобы завершить эти геройские действия, разгоняют комитеты рабочих, составившиеся с целью доставить дешевые средства жизни товарищам работникам, которые могли бы прийти в Вену на всемирную выставку. — Что за выставка!

Собравшийся в Ольтене конгресс работников Швейцарии совершил хорошее дело, создав централизованный союз швейцарских рабочих...

Италия должна так дорого оплачивать талантность своего «галантного» короля, что нет невозможности в изменении порядка престолонаследия, и отец может последовать примеру сына (Амедея) ³²¹. — Можно надеяться на скорое основание местной Португальской Федерации **.

К Ассоциации приступили многочисленные секции Буэнос-Айреса в Южной Америке.

Превосходные официальные отчеты статистического комитета рабочих в Массачусетсе (в Соединенных Штатах) возбудили гнев господствующих классов изумительными, бесспорными обличениями явных бедствий, вызываемых капиталистическим производством. Не имея возможности опровергнуть уничтожающие следствия этих официальных отчетов о труде и не имея смелости явно напасть на комитет, буржуазные власти пытаются исказить будущие отчеты и парализовать полезную деятельность комитета

* Неудобства положения Совета в Нью-Йорке ютозвались и в том, что он с Данией не имел вовсе прямых сношений, а с Голландией имел их очень мало. Бельгия, как известно, вовсе от него отложились.

** Это уже осуществилось.

тем, что они удаляют из него добросовестных и опытных чиновников, чтобы заменить их продажными орудиями существующей власти.

События последнего времени побуждают Генеральный совет еще раз предостеречь европейских работников от обманчивых обещаний американских эмиграционных агентов.

Прошлый год доставил многочисленные доказательства усиления духа солидарности среди рабочих. Мы напоминаем себе лишь стачки женевских ювелиров, немецких типографщиков, голландских рабочих на сигарных и табачных фабриках и помощь, охотно оказанную преследуемым товарищам в Италии...

Рабочие! Так как новое капиталистическое производство опирается на эксплуатацию труда теми, которые присваивают себе продукты труда, то мерка общественной нравственности заключается в естественном согласии с общепринятыми нравами официального общества. Так как накопление богатства составляет их единственную цель, то способ его накопления вполне индифферентен, застенчивость в употреблении тех или других мер вызывает насмешку и отбрасывается в хлам. Степень «уважаемости» измеряется отсутствием уважения к чужому праву и к чужой собственности. Доказательства этому состоянию общественной «нравственности» бесчисленны во всех «цивилизованных» странах, носят ли они название республики, империи или королевства. Тем не менее этой «свободной стране», этой великой «образцовой республике» Соединенных Штатов предстояло доказать полную испорченность общественного мнения, полное бесстыдное падение нынешнего общества, и доказать тем, что приготовлялись и приготовляются почетные заявления и почетные встречи законодателям и высшим чиновникам, официально и явно уличенным в продажности и клятвопреступлении.

Товарищи рабочие! Наблюдайте увеличивающееся разложение старого общества и теснее смыкайте ваши ряды, улучшайте и совершенствуйте вашу организацию, чтобы вы оказались готовыми, когда события призовут вас к решению вашей исторической задачи, к основанию нового общества, основанного на труде.

Тому шесть месяцев, 23 февраля, Генеральный совет предостерегал испанских рабочих от учреждения второй тьеровской республики, от героев парламентской комедии. Посмотрите теперь на художников слова во главе мадридского правительства! Они трусят вступить в серьезную борьбу с врагами всякого человеческого прогресса и в то же время они страшно смелы и ревностны против совершенно естественных взрывов подавленных детей работы; они не могут никак собрать надлежащих сил, чтобы прогнать с испанской территории незрелого мальчика³²², стремящегося к феодальной реставрации; но у них готовы армии по первому их знаку, чтобы немедленно подавить всякую попытку рабочих обеспечить себе человеческое существование. Они охотно

обмениваются пленными и любезностями с карлистами, разоряющими и грабящими издавна страну, но вопят о «пиратстве» и вымаливают помощь реакционных сил всего мира против народа, когда он захватывает боевой материал, созданный им самим, чтобы, наконец, сделать из этого капитала единственное разумное употребление: чтобы защитить и отстоять посредством его права рабочих классов.

Мадридские сеньеры подражают так хорошо примеру версальских дворянчиков, что даже знатоки не могут отличить это второе издание тьеровской республики от оригинала.

Рабочие всех стран! Освобождение нашего сословия должно быть нашим собственным делом! Чтобы его достичь, мы должны организовать, соединить и централизовать наши силы, потому что без такой централизации мы не будем никогда готовы действовать, никогда не придет для нас минута цел и все уединенные напряжения наши будут просто побеждены. Неужели недостаточно пролито крови, чтобы в нас впечатлеть это учение? Неужели ряды работников всех стран должны поредеть в поражениях прежде, чем мы будем поступать согласно этому простому правилу? Неужели каждая отрасль великой человеческой семьи работников должна пройти через те же горькие опыты, вместо того, чтобы научиться из примера братьев, отделенных от нее хребтом гор или рекою? Проснитесь, дети труда, для исполнения обязанности, которую вам предписывает ваша польза! Прогоните ложных пророков, удалите кажущихся друзей, заткните уши от их пустых речей и следуйте вашему собственному обдуманному суждению, которое вас влечет без колебания к полному согласию, к общей непобедимой деятельности с работниками всего цивилизованного мира.

Генеральный совет: Бертран ³²³, Больте ³²⁴, Карл Каванах ³²⁵, Дерер ³²⁶, Лорель ³²⁷, Зорге, Шпейер ³²⁸. — Нью-Йорк. 8 авг. 1873 г.

Генеральный секретарь Зорге».

На вечернем заседании делегаты давали отчет о деятельности и организации рабочих в разных странах.

Первым говорил Буркгардт ³²⁹ из Штуттгарта. Он заметил, что хотя он один является представителем Германии, но не следует по этому судить о значении немецкого союза рабочих. Только что две недели до Женевского конгресса немцы имели свой местный конгресс в Эйзенахе. Все это стоило много денег, и немудрено, что в столь дальнее место, как Женева, могли послать лишь одного делегата. Каковы успехи социально-демократической партии в Германии, видно из того, что на только что упомянутом Эйзенхском конгрессе присутствовал 71 делегат и три должностных лица из партии. Несмотря на препятствия, представляемые немец-

кою полицией социальной демократии прямо и косвенно, движение в Германии в некотором отношении пошло далее, чем в Англии и во Франции. Англичане делают большую ошибку, ограничиваясь кооперативным движением; французы — тем, что агитируют лишь в промышленных округах, где сконцентрированы рабочие. В Германии дело идет иначе. Там политическая и промышленная агитация идут рядом; местные и бродячие агитаторы, газеты, брошюры, летучие листы и т. д. разносят социально-демократические идеи в каждую деревню, в каждый угол. Эту агитацию оратор рекомендует особенно французским делегатам. Печальный раздор между немецкими работниками способствует тому, чтобы лучше узнать недостатки и слабые стороны в собственном лагере. Несмотря на значительные препятствия, социально-демократическая партия в Германии составляет уже силу. Лучшим доказательством тому служат выборы. Кроме лейпцигского «*Volksstaat'a*», рабочая партия имеет 10 изданий и множество ремесленных листков, которые все имеют большой круг читателей. Если в Германии и не могут существовать легально секции Интернационала, то оратор все-таки заверяет, что движение рабочих в Германии национально лишь по форме, в действительности же международно, и каждый член социально-демократической партии в то же время по духу — член Международной ассоциации рабочих.

Делегат союза швейцарских рабочих, Гутсман, заметил, что этот союз из-за практических причин еще не примкнул специально к Интернационалу, так как многих скорее можно привлечь к ремесленному, чем к политическому движению. В начале года союз имел в Ольтене конгресс, на котором были представлены 10 000 рабочих 82 делегатами. Союз имеет уже в Цюрихе свое особое издание, «*Tagwacht*», и свою типографию. Сила экономических условий очень скоро побудит и членов союза формально примкнуть к Интернационалу.

Ван-ден-Абэлэ остановился особенно на стачках сигарочников в Голландии. При этом всего ярче выказалась международная солидарность рабочих. Отсутствие всякого притока других рабочих, нравственная и материальная поддержка со стороны рабочих всех стран быстро побудили фабрикантов к уступке. Известно, что эта стачка произошла вследствие требования фабрикантов, обращенного к рабочим в числе 5 000, или выйти из Интернационала, или оставить фабрику. Работники выбрали последнее. Если говорят, что Интернационал умер, то это всего менее прилагается к Голландии. Голландские рабочие никогда не подчинятся никакой власти.

Французский делегат заметил при этом: когда печатают, что Интернационал умер, то он отвечает, что умер Интернационал партии, Интернационал фразы, но Интернационал практически жив. Если бы образование легальных секций не было запрещено

в иных странах, как во Франции, в Германии и в Австрии, то их члены скоро считались бы миллионами. Давление экономических отношений, которые становятся все более резкими, скоро понудит работников всех стран примкнуть к Интернационалу если не формально, то духовно («Uolkswille» № 76, «Gleichheit» № 27, «Zeitgeist» № 89).

Шварц³³⁰ (псевдоним известного журналиста) говорил подробно о политическом положении в Австрии. Он указал, что австрийская бюрократия вырощена в воззрениях времени явного абсолютизма и потому противопоставляет напору новых идей большое незнание и слепую ревность в преследованиях этих идей. Рабочее движение в Австрии пустило крепкие корни лишь в тех провинциях, где экономическое движение настолько подвинулось вперед, чтобы доставить условия, необходимые для существования нового социального движения. Здесь кроется причина того интереса, с которым партия рабочих в Австрии следила за борьбой либеральной буржуазии с феодальным дворянством и духовенством; отсюда вышла попытка, сделанная в 1869 г. немецко-австрийскими рабочими, соединиться с рабочими Германии в общую организацию. Это оказалось невозможным вследствие вмешательства власти. Последовавшая затем манифестация 13 декабря 1869 г. была лишь мирным протестом против отнятия у рабочих права собрания. Теперь движение скорее углубляется, чем расширяется. Начали отказываться от неополитических шумных фраз и противодействовать пустому хвастовству. Попытка возбудить рабочих физического труда против рабочих мысли не удалась. Движение, подобное движению рабочих, не должно бояться внутренней борьбы. Рабочие Австрии не члены Интернационала, но их симпатии принадлежат тому научному направлению Интернационала, которое не имеет ничего общего с оппозицией анархистов и абстенционистов («N. Fr. Presse» № 3252).

Далее говорили: Дюран-Савояр³³¹ о французской Юре, Базин — о романском рабочем союзе Швейцарии, Куртин — о женеvских каменщиках, Вильгельм — о цюрихской секции, Вольф — о женеvских секциях портных, Ратенау — о базильской секции, Гофен — о немецких собраниях в Швейцарии для развития рабочих и мн. др. («Uolkswille» № 77, «Zeitgeist» № 89, «Gleichheit» № 28).

Прения 11 сентября носили более общий характер. На них рассматривались общие начала Интернационала. Обсуждался проект, вышедший из романской секции и заключающийся в вышеупомянутой брошюре. Следует заметить, что рядом с ним представлены были проекты изменения статуты из французской секции в Англии (в Ноттингэме) и из французской же секции центральной Франции. В обоих высказано мнение, на которое мы указали и в упомянутой брошюре, о составлении Генерального совета из делегатов («N. Fr. Presse», № 3252). На заседании 11 сентября

приятия преимущественно шли о мысли, высказанной в упомянутой брошюре, о выделении работников мысли из секции работников физического труда. («Uolkswille» неправильно говорит, что дело шло об исключении первых из Интернационала). При этом высказаны были следующие мнения («Uolkswille» № 77, «N. Fr. Presse» № 3255).

Дюпарк заметил, что на Базельском конгрессе 1869 г. рассматривались слишком далекие (для рабочего) вопросы, но не рассматривались решения вопросов, уже созревших. В Женеве, убежище всех политических беглецов, втеснились в рабочее движение элементы, принадлежащие лучше обставленным классам общества, и только повредили движению. Интернационалисты занимаются слишком много политикою. Лучше устраивать всюду ремесленные союзы, давать им международную организацию и таким образом пытаться решить социальный вопрос.

Базин высказал мысль, что на Гаагском конгрессе дали Генеральному совету слишком много власти. Эту власть надо у него отнять, изменив статуты. Работники мысли стремятся господствовать над работниками физического труда в Интернационале вследствие своего большого развития. Он, оратор, отрицает у рабочих мысли всякую практичность. Не следует с ними совсем расходиться, а каждая секция может их принимать, хотя с большою осмотрительностью; но в комитетах и в управлениях должны впредь находиться лишь работники физического труда.

Дюран-Савояр заметил, что пока будут существовать эксплуататоры и эксплуатируемые, до тех пор будет существовать и Интернационал, стремящийся уничтожить такое положение. Оратор находит чересчур великую разницу между хижинами нищеты и дворцами роскоши. Надо изменить статуты Интернационала, так как они недостаточно готовят эту борьбу. Из них надо устранить все политическое и религиозное и поставить на вид лишь национально-экономический вопрос.

Ван-ден-Абэлэ сказал, что положение рабочих вообще улучшилось со времени существования Интернационала вследствие различных стачек и т. п. Но одновременное возвышение цен на все средства жизни, с другой стороны, ухудшило положение различных категорий рабочих. Положение рабочих не может получить прочного улучшения, пока не положен конец нынешней системе производства радикальным изменением существующих отношений. На основании инструкции, ему данной, оратор желает изменения статуты таким образом, чтобы организация Интернационала была с этих пор федералистскою, а не централистскою. Он не желает удаления искренних работников мысли из рабочего движения. Упоминая о конгрессе федералистов, в котором он участвовал, оратор замечает, что в борьбе против капитала не существует разделения между фракциями.

Гутсман возражает * Перре, Базину и Дюпарку на их предложение об исключении работников мысли из Международной ассоциации рабочих. Для установления принципа невозможно пользоваться личными впечатлениями приятного или неприятного характера, нельзя руководиться отдельными случаями, касающимися отдельных личностей, как это сделали ораторы, исключаящие из числа рабочих работников мысли. Кого должно называть работником? Работником должно считать всякого, кто не эксплуатирует рабочую силу другого человека и кто производит нечто полезное для общества. Под это определение одинаково подходят рабочий физического труда и рабочий мысли. Если обратиться к практической жизни, если взглянуть на положение немощных лиц, работающих в области мысли, то оказывается, что и рабочие мысли так же угнетены, как и рабочие физического труда; поэтому и они также заинтересованы в установлении лучших условий общественной жизни. «Тщетно отыскиваю я, — говорит оратор, — основательные причины, которые побудили Базина, Перре и Дюпарка прийти к их выводам. Может быть, они предполагают, что только рабочие физического труда обладают способностью содействовать разрешению социального вопроса? Как, — потому что я в состоянии сделать стол или потому что я могу участвовать в выведении какой-нибудь части здания, потому я исключительно способен действовать с успехом во всех отношениях при решении величайшего из всех вопросов всех времен? Станный взгляд!.. Но, может быть, упомянутыми делегатами руководит тот факт, что некоторые работники мысли сделались отступниками от рабочего дела, что они из деятельных членов Международной ассоциации рабочих превратились в продажные орудия буржуазии; может быть, делегатами руководил печальный опыт, что работники мысли злоупотребляли своим умственным превосходством над массой рабочих, проникали в управление и направляли движение на другой путь или заставляли его служить своим эгоистическим стремлениям? Конечно, эти факты имеют значение: мы можем наблюдать во многих странах, что рабочие, руководимые некоторыми «вождями», пришли к расколу и вместо энергической борьбы за свое освобождение заняты ожесточенными нападениями друг на друга, вызывающими злорадный хохот их общих врагов; бывали случаи, что эти «вожди» делались ренегатами и вредили рабочему делу. Все это указывает на то, что рабочие должны быть осторожны, внимательны, осмотрительны; особенно они должны быть осмотрительны, потому что все те явления, которые наблюдались у работников мысли, встречаются и у работников физического труда: многие из последних тоже делают изменниками своему собственному делу; и из их среды выходили и выходят такие личности, кото-

---

* Речь эта составлена по оригинальной рукописи автора.

рые, получив «влияние», злоупотребляют им, вредят рабочему делу». Таким образом, нельзя утверждать, чтобы измена делу и различные дурные качества принадлежали исключительно рабочим мысли; и рабочие физического труда не изъяты от них. Далее, «с дальнейшим развитием рабочего движения и с большею интенсивностью его будет увеличиваться число таких рабочих физического труда, которые в свободные часы, помощью чтения, рабочих собраний и пр., совершенствуют свое образование и становятся в этом отношении наравне с работниками мысли; обыкновенно именно эти рабочие и находятся в различных управлениях, говорят в различных собраниях и т. д. — они тоже работниками мысли... что же, и их тоже следует исключить из Ассоциации?

Граждане! Вступить в борьбу, которую мы ведем, обязан каждый, кто ненавидит — и потому хочет устранить — современные несправедливые отношения, основывающиеся на сословном господстве. При этом чем сознательнее будет относиться к борьбе рабочий, тем скорее исчезнет возможность некоторым личностям «играть роль», потому что в мозгу каждого рабочего физического труда будет ясно и отчетливо запечатлена цель рабочего движения, а с этим вместе — и знание пути, ведущего к этой цели. Поэтому должно вести самую деятельную агитацию, чтобы движение сделалось глубоко сознательным, и вопрос об отделении рабочих физического труда от рабочих мысли устранился сам собою, потому что оба вида рабочих сблизятся между собою, сольются в один».

Затем оратор переходит к другому вопросу — об исключении политического и религиозного элемента из программы пропаганды — и отвечает на него требованием энергической революционной деятельности в политической области и требованием такой же энергической пропаганды атеизма среди рабочих. «Я считаю социалистом, — говорит Гутсман в конце речи, — только того, кто в умственном отношении — атеист, в экономическом — коммунист, в политическом — республиканец».

Розетти³³² говорит, что не желает исключать из Интернационала искренних работников мысли, но интриганов, которые хотят употреблять работников для своих целей, благодаря своему умственному превосходству. Подобная умственная власть выказалась уже на Базельском и еще более — на Гаагском конгрессе. Политический элемент не следует удалять из статута, но надо руководиться социальною, а не буржуазною политикою, и каждая страна должна вести свое дело для себя. Работники не должны снова, как в 1870 г., поддаться на защиту версальских буржуа.

Перре находит, что надо устраивать кассы сопротивления, организовать стачки, чтобы таким образом приготовить рабочих к борьбе против буржуазии. Неудачные стачки приведут окончательно всех работников к убеждению, что надо положить конец господству капитала. Если массы рабочих будут проникнуты этим

убеждением и готовы начать борьбу, то, может быть, можно будет предотвратить кровопролитие.

Базин повторяет, что в среде отдельных ремесленных союзов не следует терпеть никаких посторонних элементов, и говорит против так называемых руководителей.

Вильгельм замечает, что если бы рабочие Германии не занимались политикой, то их движение не подвинулось бы так далеко вперед; они, может быть, не обладали бы даже свободой собраний. Работники мысли еще необходимы.

После нескольких речей прения закончились (по «Neue Freie Presse») речью Шварца (псевдоним). Он находит причину раздора, на который много раз указывали в прениях, в различии развития разных стран, в молодости движения и в незрелости масс, которые держатся не столько принципов, как личностей. Властолюбие находит почву лишь там, где масса индифферентна и не принимает действительного участия в делах. Журнальная полемика в этих случаях не только не вредит, но скорее разъясняет дело. Достойно жалости понятие, что работникам мысли можно менее доверять, чем работникам физического труда, и что первых можно терпеть лишь до тех пор, пока они нужны. Опыт показал, что партию рабочих бросали чаще из-за более выгодного положения работников физического труда, чем работники мысли, так как развитой человек скорее будет голодать, чем унизиться в глазах своих противников. Контролировать приходится одинаково всех, и, конечно, надо быть сразу недоверчивым к людям, которые примыкают к рабочей партии лишь тогда, когда их выбросили по нравственной негодности из общества буржуазного. Когда развитие подвинется вперед, рабочее время сократится, и полученный отсюда досуг будет употребляться не на трату сил и времени, а на полезные вещи, то преобладающее влияние работников мысли в рабочих собраниях прекратится, но не прекратится их равноправность с работниками физического труда. Бестолковые головы, односторонние теоретики и люди, которые ставят свой личный интерес выше интереса партии, скоро расходятся, и затем их выбрасывает за борт волна движения.

Предложение романской секции было взято назад.

Относительно образования международных союзов по отдельным ремеслам в конфиденциальном отчете Генерального совета находилось следующее место:

«По поручению Гаагского конгресса, мы издали план для международных ремесленных союзов и обнародовали его в различных органах Международной ассоциации рабочих. Мы получили ответ от союза люксембургских столяров в Бельгии, заявивших, что они приступают к нашему плану, и от союза нью-йоркских столяров в том же смысле. Недавно происходил конгресс всех мебельщиков

в Цинцинати (Соед. Шт.), на котором решено соединиться всем их обществам, назначен центральный комитет (на этот год в Нью-Йорке), и ему поручено войти в ближайшие сношения с центральными учреждениями организованных работников всех стран. Из Англии получили мы мнения о привлечении рабочих союзов, и британский федеральный совет издал превосходный адрес, обращенный к ним. Немецкие рабочие союзы почти все организованы на совершенно международном основании, но еще не очень сильны (за немногими исключениями), законы мешают им действовать за границами Германской империи. В Австрии и Венгрии рабочим союзам не дозволено организоваться даже в пределах своей национальности. В Швейцарии со времени Ольтенского конгресса движение рабочих союзов получило новую силу. Во Франции все, конечно, тихо, а Испания слишком занята внутренними раздорами. По нашему мнению, о плане международных союзов по ремеслам еще нельзя произнести окончательного приговора. Конгрессу следовало бы рекомендовать федерациям, группам и секциям усиление деятельности, поручить Генеральному совету продолжать работы в этом направлении, и окончательное решение предоставить следующему конгрессу. Тем не менее общие прения бросили бы новый свет на сомнительные пункты и дали бы предпочтению новый толчок».

В утреннем заседании 12 сентября происходили «долгие» прения по этому предмету, о которых находим только сообщение, что они привели к следующему решению:

«Принимая в соображение: 1) что борьба труда против капитала есть задача не местная и не национальная, но социальная, охватывающая все страны, в которых существует новое общество; 2) что существует международное соглашение между капиталистами для эксплуатации и подавления рабочего сословия и что потожу попытки сопротивления рабочих, большею частью, оказываются неудачны вследствие недостатка солидарности между различными отделами рабочих каждой страны и вследствие отсутствия братского союза между рабочими сословиями разных стран; 3) что начало солидарности возлагает на рабочих обязанность помогать друг другу дома и в отдалении; 4) что переселение или перевоз рабочих сил из одной страны в другую возбуждает конкуренцию между рабочими этой последней страны.

Поэтому Генеральный совет Международной ассоциации рабочих предлагает различным ремесленным обществам всех стран следующий план организации, которая должна расширить деятельность ремесленных союзов и их процветание в разных странах.

1) Все ремесленные общества одной страны соединяются для выбора исполнительного комитета для их страны; 2) этот исполнительный комитет должен, насколько это дозволено местными законами, находиться в постоянных сношениях с другими стра-

нами, при посредстве общего исполнительного совета, чтобы иметь потом сведения о положении ремесл и труда в каждой стране; 3) должны быть учреждены и поставлены под контроль исполнительного комитета кассы для пособия нуждающимся членам союза в какой бы то ни было стране и для покрытия расходов общего исполнительного комитета; 4) все исполнительные комитеты различных ремесл каждой страны должны соединиться для оказания пособия в случае, если какое-либо ремесло, по недостатку средств, не может продолжать сопротивления против своих эксплуататоров; 5) всякий член подобного ремесленного союза, в случае переселения, должен пользоваться в новой стране одинаковыми правами с прежними членами союза, находящимися в той стране; 6) если член союза должен оставить страну вследствие политических преследований, то ему должна быть оказана в каждой другой стране та же поддержка, на которую он имел право в прежней местности; 7) международные ремесленные союзы обязаны мешать по возможности помощью своих исполнительных комитетов ввозу и вывозу рабочих сил при какой бы то ни было системе контрактов! («*Geichheit*» № 28, «*Zeitgeist*» № 94).

В послеобеденном заседании происходили опять «очень длинные и горячие прения» о политической организации рабочих. Некоторые делегаты требовали перехода к порядку заседания, утверждая, что этот вопрос следует предоставить секциям, а вовсе не вызывать их к политической деятельности. Другие замечали, «что экономический вопрос не может быть разрешен без политического. Поэтому вызов к политической деятельности необходим. Если бы при начале войны 1870 г. Интернационал был сильнее во Франции и в Германии и если бы рабочие были более зрелы, то, может быть, война была бы предотвращена». Окончательно принято, хотя и очень незначительным большинством, решение, предложенное Иог. Фил. Беккером: «Рекомендуя рабочему классу участие во всякой политике, которая имеет целью освобождение, конгресс предоставляет членам Ассоциации разных стран действовать сообразно обстоятельствам» (там же).

По предмету «общей статистики труда», поставленному на очередь Генеральным советом, конгресс перешел к очередному порядку заседания по недостатку материала, и решено продолжать работу на основании статуты (там же).

В вечернем заседании того же дня происходил пересмотр статуты. В них сделаны следующие изменения:

1. Во вступлении, где говорится об освобождении рабочего класса «Европы», последнее слово заменено словами «всего мира».
2. Собрание конгресса назначено не ежегодно, а через два года.

3. Право выбора Генерального совета отнято у конгресса. Он назначает лишь место, где должен заседать Генеральный совет, а члены местной федерации выбирают Генеральный совет из своей среды. Он не имеет права присоединять к себе новых членов.

4. К статутам прибавлено, что Генеральный совет в особенных случаях может созвать экстраординарный конгресс, но лишь с согласия трех четвертей федераций.

5. Генеральный совет обязан отдавать конгрессу отчет о своих действиях.

6. Генеральный совет издает каждые три месяца бюллетень.

7. Уничтожен пункт статута (восьмой), дающий каждой секции право назначать своего особенного секретаря для корреспонденции с Генеральным советом.

8. Пункт о пересмотре статута получил следующую форму: «Пересмотр статута может быть произведен на каждом конгрессе» (там же).

На другой день конгресс еще специально установил права Генерального совета, посоветовал австрийским рабочим прекратить раздоры и в резолюции высказал свое сожаление о расколе, происшедшем в Интернационале, выражая желание, чтобы Генеральный совет пытался прекратить раскол прокламацией, обращенной к рабочим всех стран. — Повидимому, не было принято решения об окончательном исключении из Интернационала значительного числа его членов, секций и целых федераций, деятельность которых была приостановлена Генеральным советом в 1873 г.

В том же заседании Цюрих назначен местом будущего конгресса (1875 г.), а Нью-Йорк снова (!) местом заседания Генерального совета. — После этого конгресс закрыт.

В упомянутой уже выше статье Беккера находим следующий отзыв о характере конгресса его единомышленников, в противоположение с характером конгресса федералистов: «Философские фантазии и идеологические преувеличения предшествовавшего конгресса вызвали, особенно у женеvских делегатов, склонность к трезвому взгляду, доходившую почти до противоположной крайности, так что иные, теряя из виду истинную теорию, хотели быть практичными до последней крайности». При этом цель конгресса централистов Беккер резюмирует в следующих словах: «Она (Международная ассоциация рабочих) хочет устранить беспорядок и заменить действительным порядком настоящий беспорядок, анархию в производстве и в потреблении, кулачное право того, кто экономически сильнее, произвол государства, где под ложью конституционных форм господствуют правители и сословия».

Если мы теперь сравним результаты, полученные на обоих конгрессах, и особенно характер прений, то легко заметить, насколько сила вещей сближает партии рабочих, предводители которых с таким ожесточением ведут между собою борьбу в печати.

Обе партии одинаково заявляли много раз устами самых влиятельных представителей на конгрессе и в единогласно принятых резолюциях, что взаимная помощь в стачках и во всех видах борьбы рабочих против капитала и государства должна происходить независимо от раскола партий. Иначе говоря, исключение секций и целых федераций Генеральным советом имеет чисто *формальное* значение лишить Генеральный совет доходов от этих исключенных им частей Интернационала; точно так же, как отрицание федералистской программы какою-либо федерациею имеет лишь смысл *формального* отсутствия ее участия в расходах на общие конгрессы федералистов. В действительности отношения взаимной солидарности, взаимной помощи остаются те же.

Но и в самом основном пункте разделения партий разница гораздо менее, чем она была тому несколько месяцев назад. Конгресс федералистов принял наиболее централистское предложение об учреждении, заменяющем Генеральный совет, именно предложение англичан — одной центральной комиссии, образованной федерациею, назначенной конгрессом; но само собою разумеется, что на деле не вся федерация, а выбранный ею Совет или особая комиссия будут отправлять обязанность этого центрального учреждения. Точно так же конгресс централистов пришел к выбору Генерального совета, назначенного федерациею из своей среды; и сблизился с федералистами еще в том, что отнял у Совета право самому пополнять себя членами, т. е. именно то право, которое наиболее раздражало противников прежнего лондонского Генерального совета. Если обратим еще внимание на предложения Романской федерации и двух французских секций составлять Генеральный совет из делегатов от федераций, на некоторые речи об ограничении прав Совета, произнесенные в среде централистского конгресса, то придется сознаться, что в среде централистов находится значительная партия, весьма близкая по взглядам на обязанности центрального учреждения с тою партией в среде федералистов, которая отстаивала центральное учреждение и которая считает необходимым иметь в виду при организации Интернационала не только автономию федераций, но и единство действия всего союза. С обеих сторон восторжествовали не крайние мнения, но наиболее близкие между собою, и можно надеяться, что в будущем произойдут еще дальнейшие уступки, причем исторический ход событий определит, должны ли будут централисты более и более ослаблять свое центральное учреждение (самым фактом оставления его в Нью-Йорке они уже очень ослабили его значение для Европы), или федералистам придется уступить часть своих автономных стремлений в виду необходимости объединенного действия против общих врагов.

Еще заметнее сближение относительно второго пункта, разделяющего партии, именно относительно участия рабочих в политике и употребления ими политических орудий для социальной

борьбы. Припомните слова органа Юрской федерации от 31 августа (см. стр. 280) о том, что «у всякого народа свой особенный характер; все не могут идти одной и той же дорогою», что одни могут искать «своей эмансипации в революции», когда другие «держатся легальной политики». Они дают нам комментарий федералистов на текст статута, что федерации и секции определяют «сами путь, который они выберут для достижения эмансипации труда». Сравните с этим текст резолюции конгресса централистов (см. выше, стр. 316), где конгресс предоставляет в отношении политики «членам Ассоциации действовать соответственно обстоятельствам». Не ясно ли, что противники пришли к результату, почти тождественному? Централисты не считают возможным обязать все отделы Интернационала следовать одной и той же политической программе, как федералисты не считают возможным отрицать во всех случаях легально политическую программу. Минута, место и исторические обстоятельства обуславливают для тех и для других решение вопроса о политике рабочих в каждом частном случае. Но в таком случае велика ли разница между политическими программами двух партий?

Замечательна и полемика, с первого взгляда довольно абстрактная, возбужденная в обоих конгрессах, о значении слова рабочий, об участии работников мысли в общей организации рабочих. Повидимому, эти прения не дали никакого результата. На обоих конгрессах рабочие мысли удержали свою равноправность с рабочими физического труда. Тем не менее за этими прениями, довольно незначительными самими по себе, скрывались весьма существенные вопросы. Во-первых, вопрос о возможности полезного участия в социальной борьбе той части общества, которая выработалась, подобно всему буржуазному слою, на средства, добытые трудом и страданиями большинства, но направила эту выработку на умственное развитие и путем умственного развития дошла до отрицания современного общественного строя и до признания прав труда. Эта современная «интеллигенция» социальной революции, эта группа рабочих мысли в рядах врагов современного строя неизбежно проникнута привычками, вынесенными ею из этого самого строя, против которого она восстает; эти привычки придают иногда ее деятельности, даже самой искренней, характер неприятный для рабочего или несогласный с его интересами. Отсюда раздражение, доходящее, как мы видели, в иных группах до желания исключить из своей среды «работников мысли». Это раздражение указывает «работникам мысли» на те затруднения, которые встречает и должна встречать их деятельность, направленная на эмансипацию труда вообще, и вызывает их на крайнюю осмотрительность во всех частностях их деятельности. Им приходится строго смотреть за каждым своим шагом, чтобы не внести совершенно невольно разлада и разделения в ту самую партию, которой они хотят служить, — чтобы не принести вреда там, где они хотели

бы принести пользу. Решение вопроса о способе союза пролетариата с интеллигентною частью буржуазии, которая становится в его ряды в силу искреннего убеждения, составляет одну из трудных задач нового времени. И замечательно, что трудность этой задачи крайне мало оценена в руководящих кружках обеих партий Интернационала. Вопрос возникает в массах, выходит из них, падает каждый раз под ударами логики прений, но возникает снова и снова, потому что это — вопрос жизни и может быть разрешен только самою жизнью.

В прениях конгрессов проглядывает и другое начало: недовольство большинства прежними приемами, потребность выработать для Интернационала программу действий, более соответствующую требованиям большинства, чем те вопросы, которые преобладали до сих пор в прениях, в циркулярах, в заботах руководящих личностей. Оттого в последних женевских конгрессах мы видим переход развития Интернационала к новому фазису, к фазису более практическому, более жизненному. «Будущее, близкое будущее, — пишет «Le Travail» на своей последней вышедшей странице, — покажет нам, который из двух конгрессов мог, без преувеличения, называться общим конгрессом Интернационала». Для нас они оба имеют право на это название, насколько выражают общие стремления рабочих, насколько сближаются между собою в полученных ими результатах, насколько в них очевиден за мелочною борьбою формул и партий живой рост сознания рабочего сословия в его целостности и в его солидарности. Руководители созвали конгресс, чтобы яснее установить их противоположность и, если можно, восстановить единство, поглощая одну партию другою. Конгрессы, на наш взгляд, выказали незначительность противоположений, придуманных для партий, и дают полную надежду восстановления единства, но не торжеством одной из двух партий, а поглощением их в третьей, развивающейся из обеих, путем постановки новых вопросов большинством рабочего сословия.

Таким образом, женевские конгрессы представляют явление отрадное для человека, искренно преданного рабочему движению, явление, весьма важное для всякого серьезного наблюдателя. Конечно, эти слова приходится понимать в том ограниченном смысле, в котором *форма* Интернационала имеет значение для рабочего движения вообще. Существенным делом в рабочем движении остается все-таки развитие и расширение борьбы пролетариата с капиталом, в *какой бы форме* эта борьба ни происходила, и солидарность рабочих разных стран в этой борьбе, *под какими бы девизами* ни стояли разные их группы. На втором месте стоит вопрос о *форме* организации рабочих в этой борьбе. Относительно этой *формы* пока особенно желательно соблюдение двух условий: во-первых, чтобы борьба из-за этой формы между существующими партиями (централистов лассальского типа, централистов Гаагского конгресса, умеренных централистов вто-

рого Женевского конгресса; федералистов разных типов; крайних анархистов) не влияла на существенное дело расширения социальной борьбы и упрочения солидарности рабочих; во-вторых, чтобы форма организации Интернационала не была навязана теоретическим путем рабочему классу несколькими единицами из среды интеллигенции, но выработалась историческим и практическим путем из потребностей большинства, им сознанных и воплощенных в эту выработанную форму организации *. Всякое явление, вызывающее исполнение этих двух условий, может быть признано отрадным и важным, и в этом смысле мы сказали, что женевские конгрессы представляют явление отрадное и важное. Они составляют признак роста сознания в большинстве рабочего сословия; это растущее сознание, независимо от воли предводителей, независимо от раздражения партий, сблизило результаты, полученные враждебными конгрессами, и воплотило в

* В одном письме, полученном нами из Парижа, с некоторою резкостью высказано, что корреспондент наш находит «неопределенность взгляда» и даже «шаткость убеждений» в том положении, которое наш журнал принял относительно ожесточенного спора между федералистами и централистами Интернационала. Обращаясь к сказанному нами в первой главе (стр. 257), пишущий ставит с некоторою иронией вопрос так:

«Разъясните, почему «сознание единства» требует для своего развития федеральной организации, а «единство борьбы», напротив, централизованной. И если, действительно, свойства этих двух единств различны и требуют для своего осуществления противоположных и взаимно исключających средств, то разъясните нам, насколько нужно достигнуть единства сознания и насколько единства действия, чтобы мы могли знать, сколько нужно внести централизации и сколько федерализма в современную рабочую организацию».

В подстрочном примечании наш любезный корреспондент даже упражняется в невинной диалектике о взаимном исключении мысли и дела, а в тексте далее признается, что не понимает нас. Мы очень сожалеем, что не имеем возможности сделать ему удовольствие и напечатать письмо его целиком, но другим читателям это могло бы не доставить столько удовольствия, как ему. Мы даже не можем уделить много места разъяснению того, что может оказаться неясным и непонятным для каждого отдельного читателя, особенно в вопросах элементарных, для которых требуется лишь несколько последовательное мышление. Мы вполне уверены, что сам наш корреспондент легко бы понял нас, если бы захотел подумать посерьезнее. Но, желая облегчить на этот раз ему труд и в виду возможности недоразумения у других молодых читателей, ограничимся несколькими строками в этом примечании и помещаем это объяснение здесь, потому что самый текст может помочь нашему оппоненту, очевидно, не привыкшему думать о мало знакомых ему вопросах.

Различие элементов, — позволим мы себе заметить нашему парижскому корреспонденту, — логически есть нечто совсем иное от «противоположности» и «взаимного исключения». Интернационал должен одновременно удовлетворить и требованию расширить сознание единства рабочего сословия в его борьбе с капиталом и требованию ведения этой борьбы возможно согласно, цельно, т. е. требованию внесения единства в самую борьбу. Поэтому в нем одновременно должно преследовать обе цели, несколько одна другую не исключющие. Центра-

новых выработанных уставах гораздо более общие потребности большинства, чем социальные теории тех или других его руководителей; оно поставило на очередь вопросы с виду странные, безрезультатные, но скрывающие за своею странною формою весьма важный для будущего социального переворота вопрос об отношении работников социалистической мысли к работникам физического труда в ближайший период. Эти конгрессы составляют и признак маловажности тех раздоров, которые так испугали друзей рабочих и так обрадовали их врагов после Гаагского конгресса, раздоров, которые так ярко выражаются в полемической литературе обоих лагерей. Теперь можно быть уверенным: Интернационал переживет этот кризис, кризис весьма поверхностный, не коснувшийся ни одной из его основных задач. Напротив, рабочее движение в его целостности вынесет из этого кризиса более понимания своих истинных интересов и, укрепившись, станет более грозным врагом современному буржуазному строю.

листы большею частью обращают слишком исключительное внимание на второй необходимый элемент организации, федералисты, в их более крайних формах — на первый, столь же необходимый. Рабочее движение, на основании своих потребностей, при расширении сознания в большинстве, вносит историческим и практическим путем из обоих элементов столько, сколько ему нужно в данную эпоху, при данных условиях, а затем, в другую эпоху, при других условиях, эта пропорция будет иная, что нисколько не мешает успешному ходу существенного дела. Наш корреспондент наивно спрашивает, «сколько нужно внести» того или другого элемента. Позволим себе ему заметить, что в том именно сила стихийного движения, что эти мелочи вопроса определяются самою историею, самим процессом социального движения массы, а не кабинетными соображениями, и социалисту едва ли не смешнее говорить о безусловно лучшем отношении централизма и федерализма в организации рабочих, чем буржуазным конституционалистам толковать о наилучшей возможной конституции. На бумаге может существовать какая угодно конституция, а на деле будет совсем иная вследствие тысячи различных обстоятельств и даже группировки личностей. Если в федеральных советах будут умные и энергические люди, то самая централизованная организация не окажет никакого вредного влияния. Если не будет действительной жизни в секциях и федерациях, то сама собою учредится неявная диктатура немногих личностей при самой полной формальной автономии частей. Почитайте историю, любезный корреспондент, и вы разуваетесь в универсальном значении форм. Поэтому едва ли не слишком сильно сказано то, что вы говорите о шаткости убеждений и неопределенности взглядов. Почитайте и поучитесь, чтобы узнать, что не все одинаково важно, что можно иметь весьма прочные убеждения и весьма определенные взгляды на существенные задачи общественного движения и считать крайне маловажным различие во взглядах на формы этого движения. Об идеале будущего общества редакция «Вперед!» высказала свое мнение совершенно определенно. В формах переходных и в средствах она предоставляет полную свободу каждому из своих членов и сотрудников защищать то честное убеждение, которое он себе усвоил. Требование социальной революции и ее цель для всех нас обязательны. Средства для нее мы считаем второстепенным делом, тем более, что лучшее средство определится не нами и не какою-нибудь хитроумною единицею, а целым пролетариатом в его истории.

Кажется, результат этот довольно важен для всякого серьезного наблюдателя. Он дает намек на ход истории Европы в довольно недалеком будущем. Как же посмотрела на него современная пресса, следящая жадно за всеми мелочами современной жизни? Как посмотрела на него и наша пресса, гордящаяся тем, что знает Европу лучше своей родины, может быть, потому, что о Европе говорить ей все-таки безопаснее, чем о своей родине?

Кое-какие европейские газеты отвели отчету о конгрессах небольшой угол между разнообразною всякою всячиной, их наполняющею. Другие, особенно французские, отличились особенным невежеством. Между прочим «Journal des Débats» вызвал гомерический смех всякого мало-мальски знающего дело, объявив Карла Маркса «отцом коммунистического учения, называемого лассальянизмом» (!), или приписывая М. А. Бакунину создание вещей, давно до него созданных.

Лучшие наши издания промолчали, и это было едва ли не всего умнее. Большинство мелочи обратилось с удивительным чутьем именно к самому невежественному источнику, к французским газетам, и даже как раз к «Journal des Débats» с его невероятными промахами. Но были и оригинальные статьи.

Так, например, «Современные Известия» посвятили женеvским конгрессам более столбца (№ 252, 23 сент.), «Русские Ведомости» — передовую статью (№ 196, 12 сент.), «Санктпетербургские Ведомости» поместили о них письмо барона Н. Корфа³³³ (№ 279, 10 сент.).

Конечно, во всех этих доморожденных трудах большую долю занимают сплетни о ссоре партий и плохо переданные рассказы о деятельности Карла Маркса и М. А. Бакунина. «Современные Известия», говоря об отношении английских рабочих к Интернационалу, произвели такой винегрет, что решительно непонятно, о ком и о чем они рассказывают. «Русские Ведомости» смешали митинги с обычными заседаниями. Вероятно, ту же ошибку сделал и легкомысленный барон Н. Корф; говоря, что на заседаниях «встречались оба лагеря», если, по свойственному ему легкомыслию, он не принял за одновременное присутствие противных партий признаки их сближения. Недаром же милый барон наивно выказал свое невежество даже относительно того, сколько лет существует Международное общество, о котором он пишет. «Русские Ведомости» нападали с особенным озлоблением на Интернационал, как на «общество людей, способных во имя самых гуманных идей совершать самые негуманные поступки», говорили с отвращением о «поджогах и убийствах», совершенных во время Парижской коммуны, хотя, конечно, их сотрудники готовы восторгаться мифом сожжения Москвы или резней поляков при убийстве Лжедмитрия, но кто же требует последовательности от русской периодической прессы? Легкомысленный барон Н. Корф открыл, что приверженцы Маркса Парижской коммуне не сочув-

ствуют, но и это надо приписать фельетонным свойствам этого писателя, который, вероятно, не потрудился прочесть ни писанного Марксом манифеста лондонского Генерального совета о междоусобной войне, ни отчета рабочих газет Германии о многочисленных празднествах в честь Коммуны, отправлявшихся именно самыми жаркими приверженцами централизма в среде Интернационала. Что сделаешь с таким легкомыслием!

С удивительным согласием названные публицисты встречаются на некоторых удивительно мудрых измышлениях, конечно, взятых напрокат у самых пошлых рутинеров Запада.

Во-первых, все они поучают рабочих, что стачки вредны. «Забастовки,— говорит грозный публицист «Русских Ведомостей»,— ввергают сотни семейств в крайнюю бедность». И далее, ссылаясь на «людей, специально занимающихся вопросом об отношениях между хозяевами и рабочими» (вопросом, очевидно, вполне чуждым публицисту передовых статей в русской прессе), пишет: «Зло, принесенное рабочим в последние годы забастовками в Англии, несравненно превышает ту долю благосостояния, которая получилась от принуждения хозяев к небольшому возвышению заработной платы». И легкомысленный барон Корф «с серьезным видом знатока» выписывает из учебников самых тупых экономистов, что «от стачек дорожает производство, излишек стоимости которого в конце-концов ложится на самих рабочих». Эти милые мальчики, повторяя выученный на память урок, не дошли еще до понимания, что в последнее время стачки направлены преимущественно на сокращение рабочего дня, что этим они подрывают в корне капитализм (бедный барон Корф в своей знаменитой земско-педагогической деятельности и в своем порханьи по Европе не имел, конечно, времени даже узнать, что такое капитализм; на то он либеральный земец, на то он барон Корф); что, наконец, в стачке важна не победа, а воспитание солидарности между рабочими, самоотвержения в войне против капитала.

Но наши публицисты столь же согласны и в советах мира и спокойствия, обращенных к рабочим. «Только настойчивым трудом,— важно говорит легкомысленный барон,— возможна эмансипация рабочего от давления капиталиста». «Остается пожелать,— кончает тоном проповедника сердитый публицист,— чтобы дело, задуманное интернационалистами, перешло в руки более достойных вождей (как виден русский дух с неизбежными вождями — станowymi, исправниками, директорами департаментов, шефами жандармского корпуса и т. д.; без них русскому публицисту немыслимо бытие!), способных вести его не путем насилия, всегда оставляющим по себе лишь следы крови и разрушения, а путем мирного гражданского прогресса, который один только стоит на высоте великой современной задачи — облегчения участи страждущих и трудящихся». Очень чувствительно, только жаль, что неверно. Загляните в книжки, милые мальчики, и прочитайте

там (таких книжек много), что никакой труд не может эмансипировать масс рабочих при капиталистическом производстве от железного закона понижения платы до минимума; что «мирный прогресс» в современном обществе есть хроническое голодание и вырождение рабочего, хроническая борьба за обогащение между собственниками. Поэтому-то, милые мальчики, социальная революция со всеми пугающими ваши нежные сердца «следами крови и разрушения» составляет необходимость.

От ребяческого понимания названных публицистов нельзя было ожидать, чтобы они в вопросе о содействии работников мысли и работников физического труда пошли далее внешности, угадали бы хотя сколько-нибудь важность общественной задачи, скрывающейся за неуклюжими формами прений по этому вопросу, и чтобы по этому поводу представители либеральной русской интеллигенции не наговорили множества тех глупостей, которые так милы в детских устах. Поэтому улыбнемся и пройдем мимо.

Всего милее наши публицисты в оценке значения конгрессов вообще. Публицист «Современных Известий» пишет: «В Америке Международная не пользуется большим сочувствием (кого?)... Женевская печать (чья?) вообще очень мало занималась конгрессами Международной». И милый барон лепечет с природным легкомыслием: «Заседания Международного конгресса рабочих представляют явление микроскопическое, на которое никто не обращает внимания... Прения не повели ни к какому результату (милому барону хотелось бы декретов, объявления войны, мелодраматических сцен), кроме того, что обнаружили бессилие Международного общества». Он с особенным старанием противопоставляет конгрессам и Международной основание женевского университета. Конечно, здесь дело идет о полировке в научных формах десятка—другого молодежи той почтенной буржуазии, которая произносит такие блестящие речи во всех парламентах и так любезно продает вчерашнее убеждение за выгодное место; той почтенной буржуазии, которая так искусно грабит на биржах, так мило развращает во всех «центрах цивилизации», так самоотверженно стоит за прогресс... взаимного хищничества и дружного высасывания всех соков жизни пролетариата. Да, это очень, очень важно. А Интернационал что?—пустяки, толпа дурно говорящих, ободраных пролетариев.

О, легкомысленный барон! припомните, что так же говорили древние римляне империи о варварах; так говорили бароны, маркизы о народе накануне революции. Улыбка цезаря, придворный бал в Трианоле³⁴, легкие стишки Марциала³³⁵ или Парни³³⁶ — вот что было важно для них, а варвары, народ... стоили ли внимания эти микроскопические явления? Не слишком ли уже много легкомыслия, милый барон? Не слишком ли уже редакторы наших газет пренебрегают приобретением сотрудников-публицистов, сколько-нибудь понимающих дело?

Кончаем эту главу известием о том, что наш известный соотечественник и давнишний агитатор, сначала на политической почве, в последние годы на социальной, М. А. Бакунин заявил публично, что он сходит со сцены общественной деятельности.

Насколько мы слышали, для довольно близких его товарищей по этой деятельности было совершенно неожиданностью появление в «Journal de Genève» 25 сентября письма М. А. Бакунина, из которого мы сообщаем следующие места.

«Господа!

Обыкновенно я не имею привычки отвечать на газетные обвинения и клевету. Если бы я вздумал опровергать все нелепости, которые распускали обо мне, особенно с 1869 г., то я никогда бы не кончил...

Но на этот раз, господа, мне кажется, что я должен отступить от своей привычки, чтобы опровергнуть ложь, или, выражаясь более парламентским языком, ошибки, вкравшиеся в колонны издаваемой вами газеты.

В № от 14 сентября, которого мне никак не удалось достать, вы, говорят, перепечатали корреспонденцию одной парижской газеты, «La Liberté» или «Le Journal des Débats», в которой какой-то анонимный господин нагло утверждает, будто слышал от меня сознание, мало того — похвальбу, что я — причина всех революционных конвульсий, которые в настоящее время волнуют Испанию. Это просто глупо! Отчего после этого не сказать, что я — причина всех бурь, которые в текущем году причиняли бедствия на океане и на суше.

Своими клеветами эти господа дойдут, наконец, до того, что произведут меня в боги.

Стоит ли уверять вас, что я никогда не говорил ничего подобного? Я даже уверен, что никогда не встречал этого господина, что он не может объявить свое имя и указать день и место, где мы с ним встретились.

Но и вы сами, в № 19 вашей газеты, приписываете мне сочинения, с которыми я не имею ничего общего.

Поэтому я позволю себе обратиться к вам с просьбой, в исполнении которой вы по чувству справедливости не можете мне отказать. Когда в другой раз вы вздумаете сделать мне честь подвергнуть меня вашим нападкам, то обвиняйте меня только за такие сочинения, которые мною подписаны.

Сознаться ли вам, все это вселило в меня глубокое отвращение к публичной деятельности. Довольно с меня; проведши всю жизнь мою в борьбе, я, наконец, утомился. Мне уже более 60 лет, и болезнь сердца, усиливающаяся с каждым годом, делает мне существование все более и более трудным. Пусть те, кто помоложе меня, примутся за дело; я же не чувствую более в себе ни силы, ни, может быть, даже достаточной уверенности, чтоб

продолжать еще вскатывать сизифов камень против торжествующей везде реакции. Поэтому я удаляюсь с арены и прошу одного у дорогих моих современников — забвения.

С этих пор я не возмущу ничьего спокойствия; пусть и меня оставят в покое.

Неужели я слишком понадеялся, господа, на вашу справедливость, полагая, что вы не откажете мне в напечатании этого письма?

Михаил Бакунин.

Конечно, телеграммы об этом письме, помещенном в одном из журналов, наиболее враждебных рабочему движению, появились во всех главных газетах, но, к общему удивлению, органы федералистов Интернационала молчали. Лишь 12 октября «Бюллетень» Юрской федерации напечатал прибавление, где поместил как предыдущее письмо, так и другое, обращенное уже к единомышленникам, и где выставлены уже совершенно иные поводы для поступка М. А. Бакунина. Помещаем и его наибольшую часть.

«Товарищам Юрской федерации.

Дорогие товарищи!

Я не могу и не должен сойти с общественного поприща, не обратившись к вам предварительно с последними словами благодарности и сочувствия.

В продолжение почти 4½ лет, когда мы друг друга знаем, вы постоянно сохраняли ко мне уважение, дружбу и доверие, несмотря на все происки общих врагов и на подлые клеветы, которыми они меня осыпали. Вас даже не устрасило прозвище «бакунистов», которое они вам бросили в лицо; вам приятнее было остаться в положении людей будто бы зависимых, чем быть сознательно несправедливыми.

Притом в вас всегда было до такой высокой степени развито сознание независимости и полнейшей автономии ваших мнений, стремлений и поступков, а, с другой стороны, коварство намерений ваших противников было столь прозрачно, что вы не могли относиться к их клеветам и оскорблениям иначе, как с самым полным презрением.

Так поступили вы, и потому самому, что в вас достало смелости и постоянства так поступать, потому самому и одержали вы в последнее время такую полную победу... на благо свободе пролетариата и всей будущности Интернационала.

Вспомоществуемые могучим содействием ваших братьев в Италии, Испании, Франции, Бельгии, Голландии, Англии и Америке, вы снова поставили великую Международную ассоциацию рабочих на тот путь, с которого ее едва не сбили диктаторские попытки...

Последние два конгресса в Женеве были торжественным, ре-

шительным доказательством справедливости, а вместе с тем могущества вашего дела.

Таким образом, ваша победа, победа свободы и Интернационала над авторитарными интригами, есть полная победа. Недавно, когда она могла еще казаться сомнительною, — хотя я лично ни на минуту в ней не сомневался, — никто не имел право покинуть ваши ряды. Но теперь, когда эта победа есть уже совершившийся факт, каждый имеет право действовать по своему личному усмотрению.

И я пользуюсь этим, дорогие товарищи, чтобы попросить вас считать меня сложившим с себя звание члена Юрской федерации и члена Интернационала.

У меня есть много причин, чтобы поступать таким образом. Не думайте, чтобы главною причиною были личные неприятности, которых я имел так много в последние годы. Не стану говорить, чтобы они были для меня совершенно безразличны. Но я бы нашел еще в себе достаточно силы, чтобы устоять против них, если бы был уверен, что дальнейшее мое участие в ваших трудах, в вашей борьбе могло быть сколько-нибудь полезным для торжества дела пролетариата. Но я иначе думаю.

По рождению и по личному положению, хотя, конечно, не по симпатиям и не по стремлениям, я не более как буржуа, и, как таковой, я мог бы заниматься посреди вас только одним — теоретическою пропандею. Но я убежден, что миновала пора обширных теоретических речей, печатных или словесных. В последние девять лет в Интернационале порождено на свет более идей, чем сколько их было бы нужно для спасения мира, если бы одни идеи могли его спасти; и я утверждаю, что никто не придумает в них что-либо новое.

Теперь настало время не для идей, а для фактов и поступков. Что теперь всего важнее, это организация сил пролетариата. Но их должен организовать сам пролетариат. Если бы я был молод, то перешел бы в рабочую среду и, разделяя трудовую жизнь своих братьев, принял бы вместе с ними и участие в великом деле осуществления этой столь необходимой организации.

Но ни возраст мой, ни здоровье не позволяют мне этого сделать. Напротив, мне нужны уединение и покой. Всякое усилие, всякая новая поездка становится для меня очень серьезным делом. Нравственно я еще чувствую себя довольно сильным, но физически я тотчас утомляюсь и уже не нахожу в себе больше сил, необходимых для борьбы. Поэтому я мог бы быть только помехою в рядах пролетариата, а не помощником.

Вы ясно видите, дорогие товарищи, что все заставляет меня сложить с себя мое звание. Живя далеко от вас и от всего света, какую пользу мог бы я принести Интернационалу вообще и Юрской федерации в частности? Ваша великая и прекрасная Ассо-

ция, отныне вполне боевая и практическая, не должна терпеть в своих рядах никаких синекур и почетных положений.

Поэтому я удаюсь, дорогие товарищи, исполненный благодарности к вам и сочувствия к вашему великому и святому делу, — делу человечества. Я буду попрежнему следить с братской заботливостью за всеми вашими действиями и с радостью буду приветствовать каждую вашу новую победу.

До гроба я буду вашим.

Но прежде чем расстаться, позвольте мне обратиться к вам с последним дружеским советом. Друзья мои, международная реакция, центр которой теперь уже не в бедной Франции, карикатурно посвященной священнейшему сердцу Христову, а в Германии, в Берлине, и которая не менее ясно выражается в социализме г. Маркса, чем в дипломатии г. Бисмарка; эта реакция, которая ставит себе конечною целью онемечение всей Европы, грозит в настоящее время все поглотить и все ниспровергнуть. Она объявила войну не на живот, а на смерть Интернационалу, которого единственным представителем служат теперь автономные и свободные федерации. Хотя вы принадлежите республике еще свободной, но, подобно пролетариям всех других стран, вы обязаны бороться против этой реакции, потому что она стоит между вами и вашею конечною целью — освобождением пролетариата во всем мире.

Борьба, которую вам придется выдержать, будет ужасна. Но не унывайте и знайте, что, несмотря на громадные материальные силы ваших противников, конечное торжество обеспечено за вами — лишь бы вы строго выполняли следующие два условия:

Держитесь крепко за ваши начала великой и обширной народной свободы, без которой даже равенство и солидарность были бы не более как обманом.

Расширяйте всю организацию международной, практической, боевой солидарности работников всех ремесл и всех стран и помните, что, бесконечно слабые как личности, как элемент отдельной местности или отдельной страны, вы почерпнете громадную, неодолимую силу в этой всеобщей коллективности.

Прощайте. Ваш брат

М и х а и л Б а к у н и н ».

Для лиц, которых могло бы беспокоить положение нашего известного агитатора в его годы и при том болезненном состоянии, о котором он пишет, сообщаем нашим читателям известие, которое мы имеем право считать верным на основании источников, из которых мы его имеем: будущее М. А. Бакутина в некоторой степени обеспечено его иностранными друзьями, купившими ему в собственность дом в Локарно, в котором он теперь живет.

УСТАВЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ РАБОЧИХ 1874 г.

Мы обещали (см. выше стр. 288) привести самые уставы обеих партий Международной ассоциации рабочих в том виде, в каком они вышли из работ двух женевских конгрессов. Мы можем исполнить лишь частью наше обещание. Окончательные уставы, выработанные конгрессом федералистов, поместить было легко, так как они напечатаны целиком в юрском бюллетене и в «Travail». Но совсем иное дело было с уставами, выработанными на Женевском конгрессе централистов. Идея перенесения Генерального совета в Нью-Йорк, вред которой можно было видеть с первого взгляда в Гааге, оказалась уже совершенно нелепою после годового опыта. Генеральный совет до сих пор (в первых числах февраля 1874 г.), повидимому, еще не выбран или, по крайней мере, не действует. Измененные уставы не напечатаны ни в одном из многочисленных изданий централистов Интернационала. Мы уже говорили, что подробного отчета о конгрессе нигде не помещено. Когда мы обратились в главный орган международного централизма в Германии (в «Volksstaat») за новыми уставами, нам выслали старые. Таким образом, закон, установленный конгрессом, не вошел в действие и не опубликован полгода после решения конгресса. Оставалось взять за основание старые уставы и внести в них изменения, о которых известно, что они совершены на конгрессе (см. выше стр. 316—317). При этом нельзя быть вполне уверенным, в тот ли параграф мы внесли сделанное изменение, надлежащую ли нумерацию мы придаем параграфам и т. п. Во всяком случае то, что мы представляем читателям, соответствует измененным уставам для федералистов вполне, для централистов же содержание точно, а форма настолько близка к действительной, насколько это возможно при данном материале.

Вступление в уставы обеих партий почти буквально тождественно. Мы его изложили по официальным статутам, внося в примечание отступления, встречающиеся в публикации федералистов:

«Принимая в соображение,

Что эмансипация рабочего класса должна быть делом самих рабочих;

Что борьба за эмансипацию рабочего класса есть борьба не за сословные привилегии и монополии, но за установление равных прав и обязанностей и за отмену всякого сословного господства¹⁾;

Что экономическое подчинение обладателям орудий труда, т. е. источников жизни²⁾, лежит в основе рабства во всех его формах — общественной нищеты, умственного вырождения и политической зависимости;

Что, следовательно, экономическая эмансипация рабочего класса составляет великую цель, которой должно быть подчинено, как средство³⁾, всякое политическое движение, как орудие;

Что все попытки, направленные к этой цели, не удавались от недостатка единения⁴⁾ между работниками разных ремесл каждой страны и от отсутствия братского союза между рабочими разных стран;

Что эмансипация рабочих есть задача не местная, не национальная, но социальная, обнимающая все страны, где существует современ-

¹⁾ Последних слов у федералистов нет.

²⁾ У федералистов сказано только «подчинение рабочих капиталу»,

³⁾ Слов «как средство» у федералистов нет.

⁴⁾ У федералистов «солидарности».

ное общество, и решение ее зависит от практической и теоретической совокупности деятельности наиболее передовых стран¹⁾;

Что возобновляющееся теперь движение рабочего класса в наиболее промышленных странах всего мира²⁾, пробуждая новые надежды, в то же время доставляет торжественное предостережение против возвращения к старым заблуждениям и побуждает к установлению немедленной³⁾ связи между бессвязными еще движениями.

На этих основаниях получила начало Международная ассоциация рабочих.

Она объявляет⁴⁾: Что все общества и личности, к ней примыкающие, признают истину, справедливость и нравственность за правило для взаимных отношений и для отношений ко всем людям, без различия цвета кожи, веры или национальности.

Нет обязанностей без прав; нет прав без обязанностей».

Далее уставы централистов представляются в следующем виде, принимаемая в соображение сделанные изменения:

Ст. 1. Настоящая ассоциация основана для установления центрального пункта связи и обдуманного (*planmässig*) совокупного действия между рабочими обществами разных стран, преследующими одну и ту же цель, именно: покровительство рабочему классу, развитие его и полное его освобождение.

Ст. 2. Название общества есть: Международная ассоциация рабочих.

Ст. 3. Через каждые два года собирается общий конгресс рабочих, состоящий из представителей отраслей Ассоциации. Конгресс объявляет общие стремления класса рабочих, принимает меры, необходимые для успешного действия Международной ассоциации, и назначает место заседаний Генерального совета общества.

Ст. 4. Каждый конгресс назначает время и место собраний ближайшего конгресса. Делегаты собираются в определенное время и в определенном месте, не имея нужды в особом приглашении. В случае нужды Генеральный совет может изменить место собрания, но не изменять время собрания. Конгресс назначает ежегодно место собрания Генерального совета, члены которого выбираются местной федерацией. Генеральный совет не имеет права выбирать в свою среду новых членов.

На своих собраниях конгресс получает публичный доклад об исполнении Генеральным советом его обязанности в промежутках между двумя собраниями. Совет может в крайнем случае созвать конгресс ранее обычного срока с согласия $\frac{2}{3}$ федерации.

Ст. 5. Генеральный совет составляется из работников местной федерации. Он назначает из своей среды лиц в должности, необходимые для ведения дел, как-то: казначея, генерального секретаря, корреспондирующих секретарей разных стран и т. д.

Ст. 6. Генеральный совет исполняет обязанности международного агентства между различными национальными и местными группами

¹⁾ У федералистов это высказано так («Bull.» № 32): «Что эмансипация рабочих есть задача не только местная и национальная, но, напротив, задача, интересующая все цивилизованные нации, и ее решение необходимо зависит от их теоретического и практического содействия».

²⁾ У федералистов слов «всего мира» нет.

³⁾ У федералистов этого слова нет.

⁴⁾ Вместо последних абзацев в «Bulletin» № 23 находим следующее: «На этих основаниях:

Конгресс Международной ассоциации рабочих, заседавший в Женеве 3 сентября 1873 г., объявляет, что ассоциация, точно так же, как все общества и личности...»

Ассоциации, так что рабочие каждой данной страны постоянно будут получать сведения о движении рабочих классов во всех других странах; исследования о социальном положении различных стран будут производиться одновременно и под одним общим руководством; вопросы общего интереса, возбужденные одним обществом, будут решаться при участии всех других обществ, и, в случае необходимости, принять немедленно какие-либо практические меры, напр., в случае международного столкновения все соединенные общества будут иметь возможность действовать одновременно и однообразно.

При каждом удобном случае Генеральный совет принимает инициативу предложений, делаемых разным национальным или местным обществам.

Для облегчения сношений с разветвлениями общества Генеральный совет публикует через каждые три месяца бюллетень.

Ст. 7. Так как, с одной стороны, успех рабочего движения в каждой стране обеспечивается лишь единством и согласным образом действий, а с другой — и самая деятельность международного Генерального совета существенно определяется тем обстоятельством, что он, вместо того, чтобы сноситься с большим числом мелких разбросанных обществ, будет иметь дело только с немногими национальными центрами рабочих обществ, — то члены Международной ассоциации должны напрягать все свои силы к объединению разрозненных рабочих обществ их страны в национальное целое, представителями которого служили бы национальные центральные органы.

Само собой разумеется, что применение этой статьи зависит от существующих законов в каждой отдельной стране и что вне легальных препятствий ни одно самостоятельное местное общество не лишается права вступать в прямые сношения с Генеральным советом.

Ст. 8. Всякий, кто признает и защищает принцип Международной ассоциации рабочих, может быть принят в ее члены; каждая ветвь общества отвечает за безупречность (*Unbescholtenheit*) принятых ею членов.

Ст. 9. При переселении из одной страны в другую каждый член Международной ассоциации получает братскую поддержку рабочих, принадлежащих к союзу.

Ст. 10. Хотя рабочие общества, вступившие в Международную ассоциацию рабочих, соединяются в вечный союз братского взаимодействия, однако они сохраняют без изменения ту организацию, которую они имели.

Ст. 11. Настоящие статуты могут быть изменены каждым конгрессом.

Ст. 12. Все то, что настоящим конгрессом не предусмотрено, будет пополнено особыми постановлениями, подлежащими пересмотру каждого конгресса.

На Женевском конгрессе федералистов конец вступления заключал следующее:

«Конгресс считает своим долгом требовать человеческих и гражданских прав не для одних только членов Ассоциации, но и для всех, кто исполняет свои обязанности. Нет обязанностей без прав и нет прав без обязанностей.

Местные федерации, пославшие своих представителей на Международный конгресс, собравшийся в Женеве 1 сентября 1873 года, проинкинутые вышеизложенными принципами, пересмотрели статуты Ассоциации и приняли их в следующей форме.

Ст. 1. Международная ассоциация рабочих имеет своей целью осуществить объединение рабочих всех стран на почве солидарности в борьбе труда против капитала, — борьбе, долженствующей завершиться полным освобождением труда.

Ст. 2. Всякий, кто признает и защищает принципы Ассоциации, может быть принят в число ее членов, под ответственностью принявшей его секции.

Ст. 3. Федерация и секции, входящие в состав Ассоциации, сохраняют полную автономию, т. е. право организоваться как хотят; управлять своими внутренними делами без всякого внешнего вмешательства и сами определяют тот путь, которому намерены следовать для осуществления освобождения труда.

Ст. 4. Общий конгресс Ассоциации собирается ежегодно в первый понедельник сентября.

Ст. 5. Каждая секция, каково бы ни было число ее членов, имеет право посылать делегата на общий конгресс.

Ст. 6. Обязанность конгресса состоит в том, чтобы поставить лицом к лицу стремления рабочих различных стран и внести в эти стремления соглашение путем обсуждения.

При открытии конгресса каждая местная федерация представляет свой отчет о ходе дел Ассоциации за истекший год.

Голосование будет допускаться только относительно вопросов административных, вопросы же принципиальные голосованию подлежать не могут.

Постановления конгресса обязательны только для тех федераций, которые одобрили их.

Ст. 7. На общем конгрессе голосование производится по федерациям; каждая местная федерация имеет один голос.

Ст. 8. Конгресс поручает ежегодно одной из местных федераций организовать будущий конгресс. Федерация, получившая это поручение, становится федеральным бюро Ассоциации; ей должны быть переданы, по крайней мере за три месяца — для того, чтобы она могла сообщить их местным федерациям, — все те вопросы, которые различные федерации или секции желают подвергнуть обсуждению конгресса.

Федеральное бюро, кроме того, может служить посредником между федерациями по всем вопросам, касающимся стачек, статистики и корреспонденций.

Ст. 9. Конгресс сам назначает город, в котором соберется следующий конгресс. В определенное конгрессом время делегаты без всякого специального созыва, по собственному праву, собираются в данный день, в данном месте.

Ст. 10. По инициативе одной какой-нибудь секции или федерации местные федерации могут в продолжение года, сообразуясь с обстоятельствами, изменить место и время собрания общего конгресса или созвать конгресс чрезвычайный.

Ст. 11. Всякая новая местная федерация, желающая вступить в Ассоциацию, обязана заявить о своем намерении федерации, исполняющей должность федерального бюро, по крайней мере, за три месяца до общего конгресса. Федеральное бюро доводит об этом до сведения всех местных федераций, которые решают, принять или не принять новую федерацию, и дают на этот случай инструкцию делегатам, посланным на общий конгресс, где по этому вопросу делается окончательное постановление.

Глава III

Деятельность Генерального совета. — Филадельфийский конгресс. —
Всеобщая лига рабочих корпораций и ее орган. — Брюссельский
конгресс *

Этот раз, кроме заседания Брюссельского конгресса федералистов, имевшего место в самое последнее время, нам приходится упомянуть лишь о немногих и не особенно важных фактах в общем ходе рабочего движения. Утешительными эти факты назвать нельзя, но они логически вытекают из хода предыдущего движения.

Вторичное назначение Северной Америки местом пребывания Генерального совета централистов принесло плоды, которые можно было от него ожидать. Централисты этим самым уничтожили сами влияние своего центрального учреждения для Европы, не придав ему силы и в Америке. Мало того, с согласия представителей этого центрального учреждения, местный федеральный конгресс своею властью отменил решение общего Женевского конгресса, против решения которого на самом конгрессе не было даже такого протеста меньшинства, который имел место в Гааге. И ни один из многочисленных органов рабочего централизма не нашел этого неправильным или даже не высказал мнения об этом революционном действии. Авторитет Генерального совета был подорван еще ранее Гаагского конгресса, был еще ослаблен мерами, которые были приняты для его усиления на Гаагском конгрессе, был доведен до минимума перенесением местопребывания Совета в Нью-Йорк. Теперь авторитет конгрессов, потрясенный отделением федералистов в 1872 г., подорван централистами, которые казались его самыми прочными защитниками, подорван вследствие непризнания решений Женевского конгресса самим Советом, им поставленным. Очевидно, что в борьбе партий централисты не поддерживают уже принципа, который был их знаменем. Но они не решились высказать и никакого нового принципа.

Федералисты в целом за все время до Брюссельского конгресса не проявили ничем своей деятельности. Они не организовали ни одного действительно влиятельного органа, не отвечали на последнюю брошюру централистов ** (что, может быть, и лучше). Даже корреспонденция между федерациями почти не существо-

* Для ссылок в этой главе мы будем употреблять следующие сокращенные обозначения цитируемых журналов: «Volksstaat» — Vst; «Arbeiter Zeitung» — «Arb. Z.» или «A. Z.»; «Bulletin de la fédération Jura-sienne» — Bull.; «Ami du Peuple» — AdP; «Neuer Social Demokrat» — NSD; «Times» — T; «L'Union des Travailleurs» — UdT. — Заметим также следующие употребленные ниже сокращения: Международная ассоциация рабочих — М. а. р.; Генеральный совет — Г. с.; Федеральный совет — Ф. с.; Интернационал — И.; конгресс — кгр.

** Мы имеем, впрочем, почти достоверные сведения, что ответ был большею частью написан ими в Швейцарии осенью прошлого года.

вала. Центральное бюро не действовало даже в тех размерах, которые ему были предоставлены последним Женевским конгрессом. Развитие Интернационала этой отрасли сделалось чисто местным.

При подобном положении дел совершенно естественно, что являются попытки организовать *третью* партию, чуждую борьбе прежних. Мы указывали, что уже на женевских конгрессах обеих партий в 1873 г. можно было заметить следы нового движения, выходящего из среды самих рабочих и устранивающего спор из-за лиц и из-за форм организации, разделяющий предводителей прежних партий. Можно было надеяться, что эта третья партия, образовавшись в среде Интернационала, обессилит и поглотит все остальные. Это еще возможно и теперь, но, к сожалению, этим явным движением не успели или не умели воспользоваться влиятельные личности из истинных друзей М. а. р., а им вздумали воспользоваться *противники* Интернационала. Нам приходится занести в свою летопись попытку организовать новый союз рабочих *против* Интернационала, пользуясь неудовольствием, всюду проявляющимся между рабочими против прежних руководителей движения. Попытка, повидимому, была произведена людьми без достаточного нравственного влияния и значения; она, насколько можно судить, не удалась и не имеет будущности. Но уже то, что она имела место, показывает временное ослабление М. а. р. и насколько нужно было бы истинным друзьям рабочего дела в среде самой организовать ее на *иных* основаниях.

Долго, слишком долго после Женевского конгресса нью-йоркский Генеральный совет не давал никакого признака своего существования или почти ограничивался американскими делами. Тем не менее до весны 1874 г. не высказано было официально никакого протеста против Женевского конгресса. В заседании 14 октября Г. с. передал Ф. с. Северной Америки решения конгресса об оставлении местопребывания Г. с. в Нью-Йорке, о выборе его членов Северо-Американскою федерациею и приглашал Ф. с. приступить к выбору 15 членов Г. с. («*Atb. Z.*», 1873, № 39). В ноябре Ф. с. Северной Америки, за подписью секретаря Больте, обнародовал решения этого конгресса относительно времени будущего конгресса и выбора членов Г. с. («*Atb. Z.*», 1873, № 41). Но не ранее 25 декабря Г. с. составил обращение «К немецким товарищам», из которого узнаем, что 20 октября он «известил северо-американский Ф. с., что новый Г. с. будет иметь свое местопребывание в Нью-Йорке и должен быть выбран Северо-Американскою федерациею»; что Ф. с. ответил 7 ноября об извещении секций и о своем ожидании ответов. Далее говорилось, что огромные расстояния страны и «рабочее движение, требующее всех сил и секций и особенно членов Ф. с. и Г. с., замедляет избрание нового Г. с., избрание, которое едва ли может иметь место ранее января или начала февраля». — Затем в протоколе заседания 9 января 1874 г. находим известие о получении Г. с. от-

четов о прениях и решениях Женевского конгресса централистов («*Arb. Z.*», 17 янв., 50).

Но в то время как обращение Г. с. достигло немецких рабочих, отношения Ф. и Г. с. — ов в Америке, поставленных рядом в этом обращении, радикально изменились. В своем заседании 9 января Г. с. получил сообщение от американского Ф. с. о приостановке деятельности нью-йоркской секции № 8 («*Arb. Z.*», № 50). Вслед затем в заседании 8 февраля Г. с. произвел местный переворот, объявив американский Ф. с. распущенным («вследствие сокращения числа его членов до трех»), а себя самого — временным Ф. с. для Америки и приостановив деятельность нью-йоркской секции уже не 8-й, а 6-й, на том основании, что она «при приеме членов упустила из виду всякую заботу о благе М. а. р., об интересах партии (?) и о других родственных ей секциях (Schwester Sektionen)». Американским секциям предлагалось созвать экстренный федеральный конгресс («*Arb. Z.*», № 2). — Хотя эти явления относятся к местной жизни американского Интернационала, но их приходится неизбежно упомянуть здесь, так как пребывание Г. с. в Америке вызвало неизбежное отдаление его от европейских дел и поглощение местными ссорами, которые он, очевидно, не только был не в силах сдержать, но в которых он принял самое деятельное участие, упустив из виду свое положение в общих делах; американские дела получили преобладающее влияние на все действия Г. с.

В Америке раздоры продолжались. От 26 февраля объявлено о созыве федерального американского конгресса на 11 апреля в Филадельфии («*Arb. Z.*» 1874, 5), но прежний Ф. с., распущенный и замещенный декретом центрального правительства, очевидно, не вполне покорился. Из короткого протокола заседания Г. с. 15 и 22 марта видно, что Г. с. «употреблял усилия, чтобы получить бумаги, книги и кассу прежнего Ф. с.», что Штибелинг³³⁷ (казначей этого Совета) «снова отказался» выдать Г. с. эти документы и что этот Штибелинг исключен из Интернационала («*Arb. Z.*» 1874, 28 марта). Вслед за тем (4 апреля) из протокола заседания 29 марта оказывается, что некоторые секции протестовали против исключения Штибелинга. Во всех протоколах находим самые ничтожные следы сношений Г. с. с европейскими интернационалистами-централистами.

Лишь в номере от 11 февраля «*Volksstaat*» напечатал упомянутое выше обращение Г. с. «К немецким товарищам», и это было первое проявление деятельности Г. с. в Европе после Женевского конгресса. Затем последовало опять долгое молчание. Только один признак мог указать на натянутое отношение американских централистов к решениям Женевского конгресса, именно в апреле в официальном органе Г. с. («*Arb. Z.*» 1874, 9) помещено было несколько строк, весьма странных для подобного органа. В статье «Конгрессы Международной ассоциации рабочих, как полезный

образец для Филадельфийского федерального конгресса», излагалась с централистической точки зрения история конгрессов, как проявление «стремления от общего к частному», и, наконец, прославляя Гаагский конгресс, статья заключала в конце следующие строки: «Все факты говорят за то, что Женевский конгресс не заключал в себе даже идеи общего международного конгресса». Редакция ничего не возражала на подобные выражения сотрудника, подписавшегося «Работник».

Филадельфийский конгресс собрался 11—13 апреля. Конечно, большая часть его содержания была поглощена внутренними американскими ссорами, вследствие которых несколько секций были исключены не за измену рабочему делу, не за отступление от программы борьбы рабочего класса против капитала, а за *неповиновение*. Эти американские дела не входят в программу этой главы. Нам важно здесь лишь отношение этого конгресса к общим вопросам М. а. р. В этом отношении конгресс Северо-Американской федерации заслуживает внимания.

Так, секретарь прежнего Ф. с. Больте в своем отчете конгрессу выразился о последнем Женевском конгрессе (против которого, повторяем, ни на самом конгрессе, ни вне его, никакого коллективного протеста заявлено не было) следующим образом («Атл. З.» 1874, 2 мая, № 13):

«Пока второй Ф. с. Северо-Американской федерации существовал, он не получил никакого официального отчета от так называемого (sogenannte) общего Женевского конгресса, имевшего место в сентябре 1873 г.*

По частным сведениям, этот конгресс, имевший вполне характер местного конгресса федерации, повидимому, вовсе не понимал своей задачи».

Это отношение к *высшему* органу власти для централистов Интернационала, повидимому, не только не встретило противоречия, но исполнительная власть, Г. с., сочла возможным допустить следующую процедуру, которой местный конгресс счел себя в праве следовать в Филадельфии относительно всего централистического Интернационала.

«Зорге, как секретарь Г. с., представил конгрессу на просмотр дошедшие до него заметки и документы (отрывки) последнего Женевского конгресса М. а. р. и тем самым доказал, что Г. с. не мог по этому неполному материалу определить решения или другие постановления Международного конгресса».

По этому предмету конгресс (Филадельфийский) принимает следующие решения:

«Принимая во внимание, что Г. с.—у доставлены состоявшиеся решения конгресса, бывшего в Женеве в сентябре 1873 г., не в официальном тексте,

* Мы видели выше, что Г. с. имел эти документы ранее 9 января. Ф. с. же был замещен 8 февраля. Может быть, централистический совет Северо-Американской федерации следовал в этом случае федералистическому началу, что сношения должны происходить с каждой федерацией особо.

что материал заседаний конгресса, доставленный Г. с.—у, находится в состоянии самой безусловной запутанности (Verwirrung) и не может быть разобран лицами, не присутствовавшими на конгрессе, что, затем, ежегодное собрание общего конгресса неудобно (unthunlich), —

конгресс Северо-Американской федерации постановляет, что решения Гаагского конгресса признаются им обязательными до следующего общего конгресса;

что общий конгресс желательно созвать в сентябре 1875 года.

Принимая во внимание, что Англия представляет лучшие гарантии для правильного состава и для безопасности конгресса, Северо-Американский конгресс предлагает, чтобы следующий общий конгресс имел место в Англии.

Принимая во внимание, что прежний Г. с. отказывается отправлять свои обязанности без особенного утверждения всего ближе стоящей к делу (nächstbetheiligten) федерации и потому предложил этому конгрессу приступить к выбору нового Г. с.,

С.-А. конгресс постановляет удовлетворить это требование, приступить к новым выборам Г. с., который будет иметь свое местопребывание в Нью-Йорке, и предлагает всем родственным федерациям утвердить эти решения, вынужденные обстоятельствами.

Затем приступлено к выбору Г. с. (Vst. 1874, 63).

Нам неизвестно, кому и каким путем были предложены эти решения, устанавлившие совершенно федералистический способ сношений. Новый Г. с. принял власть, таким образом ему данную, хотя способ ее передачи был в совершенном противоречии с порядками, установленными конгрессами, им признаваемыми; он опирался на решения только того конгресса, который не был признан Советом, или, точнее говоря, на решения конгресса, постановления которого были революционно отменены федерацией, хотя права этой федерации не имели никаких других оснований, кроме решений этого самого непризнанного конгресса; поэтому федерация и Совету не могла передать никакой иной власти, кроме той, которая коренилась в непризнанном Женевском конгрессе.

Принятия постановлений Северо-Американской федерации другими мы нигде не встречали. Но и протест против такой оригинальной процедуры нигде в централистических органах напечатан не был.

Тем не менее нам известно, что она возбудила немало недовольствия. Между прочим, один из ревностных централистов выразился о ней в частном письме так:

«Решения американцев крайне бессмысленны (höchst unsinnig) и бесполезны (unnöthig); они объясняются в некоторой степени лишь тем затруднительным положением, в котором находится в настоящее время Интернационал в Америке. Для оправдания своего образа действия нью-йоркцы опираются на слабое посещение Женевского конгресса и на плохое изготовление его решений, протоколов и т. п. И то и другое справедливо; но в этом следует обвинять не тех, которые присутствовали на конгрессе, а тех, которые не посетили его. И относительно этого главная вина и ответственность падает на Генеральный совет и лондонцев».

Конечно, подобные действия могли всего более обрадовать лишь врагов централизма, и главный орган федерализма, юрский «Бюллетень» с явным удовольствием печатал (№ 24, 14 июня) извлечение из отчета «Volkstaat» о Филадельфийском конгрессе. Он, конечно, не мог при этом не задеть личности.

«Весьма подробный отчет... сообщает нам известие о г. Зорге и его товарищах прежнего нью-йоркского Г. с., о которых никто не слыхал с прошлого сентября. Подробности, сообщаемые этим документом, любопытны и доказывают еще раз, до какого бессилия доведены люди, имевшие в виду установить диктатуру в нашей Ассоциации... Заметим, что мы черпали наши сведения из отчета полуофициального, вполне благоприятного для прежнего Г. с. и, вероятно, писанного самим Зорге. Тем более ценности имеют его признания...»

Далее, сообщая факты, заключающиеся в отчете, и указывая наשמливо на «прием, который встретили у г. Зорге совещания его европейских друзей», журнал федералистов продолжает:

«Это можно назвать беззастенчивым действием. На основании собственного авторитета г. Зорге отменяет акты своего Женевского конгресса и объявляет, что будет держаться актов конгресса Гаагского. Достаточно ли сильна эта насмешка над публикою?..

Желаем много удовольствия!»

Неужели централисты будут продолжать радовать врагов подобными ошибками против собственного принципа?

По частным известиям, Зорге хочет сложить с себя звание секретаря Г. с.

В ноябре 1873 г. появился в Женеве первый номер журнала «L'Union des Travailleurs», заключающий призыв «К рабочим всех стран» основать «Всеобщую лигу рабочих корпораций». Ко второму номеру (15 дек.) были приложены статуты этой Лиги и говорилось, что Лига основана, имеет много приверженцев и встречает повсюду сочувствие. «L'Union des Travailleurs» объявлено было ее органом. Девизом он принял: *свобода — равенство — солидарность*.

В призыве, помещенном в первом номере, говорилось между прочим:

«В то время, когда буржуазные политические партии ведут во всех цивилизованных странах ожесточенную борьбу с единственной целью завоевания власти; в то время, когда, впрочем, как бы забывают, что мы, работники, существуем и что у нас есть желания, которые мы можем высказывать, права, которые мы можем требовать, — мы обращаемся к вам с энергическим призывом и приглашаем вас соединиться с нами для того, чтобы рабочие классы приступили раз навсегда сами и решительно к делу собственной эмансипации...»

Мы вам покажем, чему нас научил опыт прошлой борьбы, и приглашаем вас на новое предприятие, которое избегнет ошибок, парализовавших предшествующие усилия, как ни были они могучи и громки.

До сих пор, товарищи, имела в виду не эмансипация сословия работников в среде современного общества, но разрушение этого общества и его замена новою политическою и экономическою организацией народов.

В этом заключалась ошибка.

Предшествующие усилия не удались и еще по одной причине...

Эти усилия не удались до настоящего времени потому, что армия работников была предоставлена руководству людей, не бывших работниками, не живших жизнью работника, не способных ни чувствовать, ни понимать потребности и чувства работника.

Они, наконец, не удались потому, что в международную деятельность захотели внести то, что по своей природе принадлежит в частности отдельной стране, отдельной нации — политику.

Эти слова программы уяснились как в том самом номере, так и в следующих разными отдельными выражениями.

«... Мы останемся на легальной почве справедливых социальных требований...» — писал редакционный комитет (№ 1).

«... Каждый работник, — писали в передовой статье (там же), — имеет право и обязанность заниматься постоянно вопросами политическими в том месте, которое называет своим краем, воздержание — дезертирство. Но вне этих вопросов совершенно местных и которые не касаются деления на социальные группы... становится другой, высший вопрос... вопрос социальный».

«Не надо политики в нашей социальной организации...» — писали в корреспонденции (там же). — Рабочие группы, повидимому, понимают, что одни рабочие могут содействовать освобождению труда и что введение в их ряды нерабочих может быть лишь вредно как для защищаемого дела, так и для имеющих в виду результатов».

«Мы федералисты, а не космополиты, — говорилось в другой передовой статье (№ 4); — мы желаем союза, ассоциации всех людей, но мы не отвергаем различие родин. Мы понимаем любовь к своей нации, к своей провинции, к своему округу, к своей общине, к своей корпорации. Но для нас это чувство подчинено лишь одному правилу: федеральному началу, всегда следующему закону справедливости».

И в другом месте (там же): «Нигде работники не революционеры по принципу. Лишь цинический отказ признать за ними права людей и граждан сделал их жертвами возбуждений людей без положения (declassés), неудачников буржуазии».

«Политика, — говорил корреспондент, с которым редакция объявляла себя солидарной (№ 7), — есть дело национальное, а не международное».

В статутах Лиги, приложенных ко второму номеру журнала, встречаем, между прочим, следующие пункты:

«Пункт 2. Лига состоит исключительно из ремесленных корпораций. Они должны исполнять следующие условия:

...3. Состоять только из членов одной и той же корпорации, живущих одним и тем же ремеслом.

Пункт 3. Общество, не выполняющее всех вышеозначенных условий, не может быть принято в Лигу.

Общество, переставшее выполнять все эти условия, будет немедленно исключено».

Лига, заявлявшая свои федералистические убеждения, тем не менее должна была иметь «постоянное правление», состоящее из «совета союзов», «совета корпораций» и «исполнительной власти». Верховная же власть должна была принадлежать ежегодно собирающимся конгрессам, на которых, по пункту 21, «не мог обсуждаться ни один теоретический вопрос». Первый конгресс должен был собраться в Женеве 30 августа 1874 г.

Предыдущее достаточно показывает, что самое образование Лиги было делом оппозиции против М. а. р., которая по принци-

пу допускала в секциях соединение рабочих разного ремесла и была далека от цехового разъединения; не могла никогда оставить политику как национальное дело, но имела в виду или корпоративное участие рабочих, как особой партии, в политике страны (по мнению централистов и части федералистов), или воздержание от *наличной* политики для приготовления социальной революции (по мнению другой доли федералистов); не могла мечтать об эмансипации рабочих «в среде современного общества», где эта эмансипация не осуществима; наконец, допускала в себя элемент мозговой работы, как полезный ингредиент в секциях рабочих физического труда.

Но эта принципиальная оппозиция высказывалась и совершенно явно. Орган Лиги, не называя Интернационала, делая заимствования из его программы, то там, то здесь намекал на ошибки «знаменитой Ассоциации, колом ее руководителей и, наконец, напечатал в одной корреспонденции (№ 7) следующую фразу:

«...Интернационал умер, несмотря на все, что сделали господствующие классы, чтобы обратить его в таинственного мстителя, призванного бедными и подавленными. Он умер, потому что он стал жертвою двух групп буржуа, столь же невежественных, как их сродники в отношении всего, касающегося производства, обмена и распределения, но оставшихся без положения, пожираемых честолюбием, свирепых в своей жадности; их междоусобные ссоры выяснили нам это».

Очевидно, Лига была попыткой воспользоваться неудовольствием рабочего класса на ошибки и сварливые столкновения руководителей партий Интернационала, но воспользоваться этим неудовольствием не для того, чтобы переорганизовать и оживить могучее целое М. а. р., а чтобы ее разложить окончательно и заменить чем-то совсем иным.

Для удачи подобной попытки надо было, чтобы люди, ставшие в первые ряды ее, обладали большими умственными силами и пользовались большим нравственным влиянием. Ни руководящие статьи их органа, ни статуты Лиги не доказывают осуществление первого условия. Насколько второе было удовлетворено, видно из того, что редакторы «L'Union des Travailleurs» тщательно стараются скрыть свои имена до сих пор.

Поэтому, несмотря на их хвастовство успехом, успех этот вовсе не был виден на деле. Единственная крупная попытка, сделанная ими и обещавшая как будто успех, попытка вовлечь в Лигу английские общества сопротивления, оказалась неудачною, несмотря на то, что адвокатами Лиги были многие личности в Англии, не лишённые влияния, между прочим, редакция самой распространенной английской рабочей газеты «Bee Hive». Но конгресс обществ сопротивления в Шеффилде, собиравшийся 12—17 января 1874 г., отклонил сближение с Лигою, к нему обращавшаяся со своим призывом.

Не лишен некоторой забавной стороны факт, что эти враги

Интернационала, которые в настоящую минуту могли бы повредить ему, если бы были люди способные и с нравственным влиянием, были приняты за приверженцев М. а. р. и клерикалами «Revue de France», и ораторами английских обществ сопротивления, заподозривших тут «новую выдумку Карла Маркса, чтобы компрометировать английских рабочих в революционном движении».

Но все партии М. а. р. разом признали в новом предприятии врага.

Почти одновременно заявили свое отношение к новому союзу орган централистов в Америке и орган федералистов в Юре. В заседании 9 января 1874 г. Г. с. принял решение: «предостеречь рабочих всех стран против новой попытки раскола и сепаратизма» («A. Z.», 50). От 18 января юрские федералисты извещали «друзей, спрашивавших у них объяснения», что «L'Union des Travailleurs» есть не что иное, как орган Жюля Ностага³⁸⁸, парижского журналиста, помещавшего в парижской «Liberté» корреспонденции, враждебные Интернационалу.

Против этого «L'Union» протестовала и уверяла, что в редакции ее нет ни одного журналиста. Но вслед затем в винтертурском «Landbote» появилась статья, приписывавшая основание Лиги и «L'Union» лицам, прежде неудачно действовавшим в Романской федерации и после того повернувшимся спиной к М. а. р. и задумавшим сделаться интернациональнее Интернационала. Главный орган немецких централистов, «Volksstaat», сначала принял Лигу за союз корпораций, образовавшийся в осуществление программы М. а. р., и даже укорил шеффилдский конгресс обществ сопротивления за холодное отношение к новому союзу (Vst, 9); затем выразил сомнение относительно настоящего отношения этого союза к М. а. р. (Vst, 12) и лишь 11 февраля объявил: «что этот союз не что иное, как шарлатанство (Schwindel) нескольких честолюбцев, желающих во что бы то ни стало играть роль» (Vst, 17). «Всеобщая лига рабочих корпораций», — писал этот журнал, — есть просто частная спекуляция и еще неудавшаяся. Ни одна рабочая корпорация, ни одна секция какой-либо корпорации в Германии, во Франции, в Англии, в Америке, в Швейцарии, в Бельгии или в какой бы то ни было стране не примкнула ко «Всеобщей лиге рабочих корпораций», которая есть не более, как шарлатанская вывеска, не имеющая позади себя ничего» (Vst, 18).

В апреле и местная Швейцарская федерация (централистическая) обнародовала на французском языке объяснение «всем европейским секциям и корпорациям», что «все ее (федерации) секции остались совершенно чужды образованию этой «всеобщей лиги»; что ни одна секция в ней не участвовала и не имела с ней никаких сношений. Мы можем даже утверждать, — сказано бы-

по далее, — что ни один рабочий союз, стоящий вне М. а. р., не примкнул к этой Лиге, что справедливо и для остальной Швейцарии» (Vst. 43).

По поводу конгресса Лиги, долженствовавшего собраться в Женеве 30 августа нынешнего года, в цюрихском «Tagwacht» помещена была корреспонденция из Женевы от этого числа, где говорилось, что ничего о подобном конгрессе «не видно и не слышно» в Женеве, и что, «даже не придавая большого значения» сплетням, ходившим об источнике средств журнала и Лиги, «устроителей этого нигде не находящегося союза приходится обвинить в преступном легкомыслии. Единственная форма, — продолжает корреспондент, — в которой могут быть соединены рабочие союзы разных стран есть именно М. а. р.» («Tagwacht», 70).

Тем не менее до сих пор есть люди, верующие в существование этой Лиги и в ее распространение. По поводу Брюссельского международного конгресса Раусон³³⁹ (член Интернационала, как он подписывается), защищавший Лигу уже во время Шеффилдского собрания обществ сопротивления, напечатал статью, в которой между прочим говорит:

«В то время как И. продолжает быть пугалом монархических правлений, другая могущественная организация поднимает свое знамя в Женеве в форме «Всеобщей лиги рабочих корпораций». Она уже образовала секции и отрасли на материке и вполне обещает поспорить с Ассоциацией в отношении силы и числа приверженцев. («Reyn. Newspaper», 1 258).

Надо думать, что автор был обманут своими корреспондентами, и едва ли можно ожидать какой-либо удачи для Лиги.

Мы уже сказали, что деятельность федералистов М. а. р., как одного общего тела, была совершенно незаметна в продолжение года, протекшего с Женевского конгресса. Федерациям каждой страны развивались отдельно при особых условиях, и федералистические журналы (вообще довольно слабые) могли служить доказательством отсутствия деятельных сношений между федерациями. Мы увидим ниже, что центральное бюро не имело почти вовсе переписки с отдельными федерациями.

Летом 1874 г. появилось объявление федерального международного бюро следующего содержания:

«Федеральное международное бюро на 1873—74 гг., заседающее в Брюсселе, сообщает всем федерациям и секциям, что, согласно статутам, седьмой общий конгресс М. а. р. откроется в Брюсселе в первый понедельник сентября (следовательно, 7 сентября).

Порядок заседаний конгресса.

1. Прием делегатов в квартире брюссельской секции La Bourse, Grande-Place и проверка полномочий;

2. Кто и как будет отправлять обязанности общественной службы (services publics) в новой социальной организации?

3. О политической деятельности рабочих;

4. Не следует ли всеобщему конгрессу издать манифест, обращенный ко всем работникам и ко всем рабочим ассоциациям, чтобы уяснить им сущность борьбы, имевшей место в И., и существенные основы организации нашей Ассоциации?

5. Не следует ли выбрать один язык для обмена корреспонденций между местными федерациями?

6. Административные вопросы. — Назначение места собрания конгресса в 1875 г. — Назначение федерального бюро на 1874—75 годы.

Под этим объявлением стояли подписи Веррикена, Брассера³⁴⁰, Стандарта, Брисме³⁴¹, Де-Папа, Пьеррона³⁴².

Эта программа неприятно поразила многих друзей М. а. р. и обрадовала ее врагов. Неуместность пятого пункта бросалась в глаза. Четвертый пункт грозил перенести еще раз в собрание рабочих печальные взаимные обвинения и личные ссоры, не имеющие для рабочих никакой важности, пока все борющиеся одинаково враждебны общим врагам рабочего класса, капиталистам, и существующему государству. Третий вопрос мог легко перейти тоже в эту сферу мелкой полемике, именно потому, что он составлял один из элементов разногласия программ. Второй вопрос так, как он был поставлен, мог повести к утопическим мечтаниям о будущих совершенствах еще не осуществленного общества. Программа конгресса в целом обещала отсутствие всякого практического вопроса для рабочих; — много бесполезного, а частью и прямо вредного для согласия между федерациями: из-за официального языка могли раздражиться национальные самлюбия; из-за различия политических условий разных стран могла возникнуть непримиримая вражда во имя разных политических программ; личный элемент раздора, подорвавший значение конгресса Гаагского, грозил уничтожить и значение второго Брюссельского конгресса. Редакция «Таймса» усомнилась даже, стоило ли ей посылать особого корреспондента на этот конгресс, но решила это сделать, «вероятно в последний раз». Никто не ожидал многого от этого собрания.

Можно сказать, что недостатки программы были уменьшены на конгрессе насколько возможно; что пункты, обещавшие раздор, были пройдены неожиданно счастливо; что, наконец, теоретические споры получили на нем более интереса, чем можно было ожидать. Прямого практического значения конгресс иметь не мог, потому что программа его не заключала в себе ни одного практического вопроса. Но в целом он прошел благополучно и если не подвинул вперед коллективной деятельности рабочего класса, то, по крайней мере, и не представил препятствий этой деятельности в будущем, внося в среду рабочих новый элемент раздора и нетерпимости. Желание оставаться в согласии при различии взглядов на частные вопросы, желание, одушевлявшее все первые четыре конгресса М. а. р., было совершенно очевидно и здесь. Очевидно было также, что большинство членов конгресса хотело оставить в будущем возможность примирения и для групп,

образовавших нынешний раскол. Значит, почва для будущего развития М. а. р. осталась незагроможденною новыми препятствиями. Большого ожидать было нельзя при настоящих обстоятельствах.

«Надо вернуться к Базельскому конгрессу 1869 г., — писал «Бюллетень» (№ 36), — чтобы встретить ежегодное собрание делегатов И., занятое спокойным обсуждением начал общественной науки. — Конгресс нынешнего года будет продолжать дело с того места, где Базельский конгресс его оставил». Но это было, конечно, невозможно. Парижская коммуна не даром сверкнула над рабочим миром. Борьба с правительствами заострилась. Надежды на возможность мирного решения социального вопроса всюду привели к разочарованию. Волей или неволей вопрос о социальной революции выступал на сцену. Положение дел, при котором собирался Брюссельский конгресс 1874 года, было совершенно иное; чем то, которое имел перед собою Базельский конгресс 1869 г.

Переходим к изложению заседаний Брюссельского конгресса *.

В воскресенье, 7 сентября, образована была постоянная комиссия для приема опоздавших делегатов. В понедельник Де-Пап открыл (NSD, 106) конгресс, и временный комитет, состоявший из Де-Папа (председатель), Веррикена (секретарь) и Демулена ³⁴³, вступил в действие (AdP, 37).

Поименная перекличка, произведенная Веррикеном, показала присутствие следующих делегатов («Bull», 38):

Гомес ³⁴⁴, типографщик, — от Испании.

Эккариус, портной, — от лондонской батналь-тринской ветви **

Швицгелль ³⁴⁵, гравер, — от Юрской федерации.

Ван-Ведемен (Ван-Веданзер) ³⁴⁶ (псевдоним), — делегат из Парижа,

Фроме ³⁴⁷, писатель, и Керст ³⁴⁸ — от группы немецких социалистов ***

Кёнен (Соепон ³⁴⁹, сапожник; Майе (Maueu), меховщик; Бастен, ткач; Домулен, навивальщик; Деблэ (de Blaue), живописец;

---

* Кроме отчета, доставленного нам нашим корреспондентом, мы имели в виду, при составлении последующего, отчеты, помещенные в «Times» (Эккариусом); в «Neuer Social Demokrat», в «L'ami du Peuple», в «Bulletin de la fédération Juraissienne», насколько эти отчеты были уже обнаружены ко времени составления этой главы.

** Замечательно, что «Times» (10 сентября) не упоминает вовсе о делегате из Англии, а «Daily News» прямо печатал, что из Англии делегата не было. «Times» не упоминает ни о каком участии Эккариуса в прениях.

*** По «Ami du Peuple» (37). — Керст вовсе не упомянут в других списках. Фроме был, собственно, из Лютиха.

Патерсон, столяр; Брисме, типографщик; Трико, горнорабочий, и упомянутый уже Фроме — от Бельгии*. Веррикен — от палермского клуба социалистической пропаганды. — Итальянская федерация, секции которой были только что распущены правительством, не могла прислать делегата и объявила в присланном манифесте, что не посылает его, но палермский кружок прислал полномочие Веррикену. Это полномочие возбудило небольшие прения, но было признано собранием. Впоследствии (9 сент.) были получены из Италии еще полномочия, переданные Де-Папу и Брисме (NSD, 108).

Затем Де-Пап назначил комиссию для проверки полномочий, состоящую из Эккариуса, Дюмулена и Швицгеля.

После проверки полномочий составлено было бюро конгресса: председателем был выбран Дюмулен, секретарями — Эккариус, Кёнен и Швицгель (NSD, 108).

Конгресс был открыт без всякой вступительной речи со стороны председателя.

«Из отчетов секретаря федерального бюро оказалось, что в истекшем году на долю бюро выпал нетяжелый труд, так как в течение всего времени не было получено ни одной корреспонденции, сообщения или запроса, требовавших ответа, а следовательно, не было и затрат на почтовые расходы. Обязанность федерального бюро, так, как она была выяснена последним конгрессом, состояла в сделании необходимых приготовлений для настоящего конгресса» («Times», сент. 10).

Порядок заседаний принят следующий (AdP, 37):

От 9 до 12 утром — работы в комиссиях и особенные работы делегатов. От 2 до 6 пополудни — административные заседания. В 8 часов вечера — публичные заседания.

Программа вопросов, подлежащих обсуждению конгресса, была принята без возражений.

Затем произошел эпизод, относящийся к одному из наших соотечественников⁸⁶⁰ и который в «Times» (сентября 10) передается так:

«Первый вопрос, подвергнутый рассмотрению конгресса, относится к одному русскому, приехавшему из местностей, пограничных с Азией, и рекомендованному другим русским, проживающим в Женеве: ему было дозволено присутствовать на конгрессе и участвовать в прениях, что дало повод к предложению, что все члены И. имеют право присутствовать на конгрессе и принимать участие в прениях по общим вопросам, но не вотировать. Выставлялись доказательства за и против этого предложения, пока один из делегатов не прочел официальный отчет последнего конгресса, в котором содержится постановление, что решение принципиальных вопросов не подвергается баллотировке; после этого предложение было принято единогласно».

* В «Bulletin» значится еще Лорьо, стекольщик. Этот список имен довольно трудно согласить с цифрой 44, которую дает «Times», и еще более с цифрой 10, данную нам нашим корреспондентом.

Вечернее заседание открылось отчетом Дюмулена о положении М. а. р. в Бельгии. Он заметил, что в прежние годы бельгийские социалисты посвящали много времени на организацию сходов. В течение же прошлого года было употреблено более времени на внутреннюю организацию. Местопребывание регионального федерального совета было перенесено из Брюсселя в Вервье, где существует настоящий фабричный пролетариат, причем были выработаны новые правила для успешнейшего ведения дел ассоциации. Из Антверпена, этого реакционного города, организована была пропаганда среди сельского населения, обещающая значительный успех для распространения идей М. а. р. В Брюсселе организация была настолько успешна, что возбудила серьезное беспокойство со стороны буржуазии, а в каменноугольных округах хозяева копей и железоделательных заводов вызвали стачку, кончившуюся в пользу И. В последнее время общества углекопов разных округов образовали центральный исполнительный комитет, действующий с успехом. В долине Вездры стачка кончилась неудачно, но она показала, как глубоко проникла идея солидарности в среду рабочих. С целью противодействия намерениям полиции возбудить беспорядки между рабочими, прядильщики и ткачи организовались в группы по 50 человек, чтобы поддерживать порядок между своими членами, и полиция не удалось поживиться ни одной жертвой. В Генте сделаны также значительные успехи, и вообще во всей Бельгии И. приобрел силу, которую нельзя не считать внушительной (Т. 10 сентября, NSD, 106).

Швицгебель начал * замечанием, что в монархических странах рабочие склонны думать, что переход к республике может содействовать освобождению труда; но положение дел во Франции и Испании может, кажется, убедить их, что республиканское правительство может быть еще более деспотично, чем монархическое, там, где буржуазия имеет в руках неограниченную власть. Тем не менее не должно думать, что во Франции не существует организации М. а. р. Опасность положения там ее членов не позволяет говорить о ней открыто, но достаточно упомянуть, что в одном департаменте существует 30 секций.—Швейцария, где республика уже существует, более склонна к социальному перевороту, но и там встречаются препятствия, почти непреодолимые. В Швейцарии промышленный пролетариат существует еще не в такой степени, какую видим в Англии и в других странах; зато в ней есть рабочие-буржуа, с которыми считаться труднее, чем с крупными капиталистами. Эту мелкую буржуазию должны сначала подавить крупные капиталисты, прежде чем социализм утвердит свое господство. В Швейцарии антагонизм между богатым и бедным не бросается так в глаза, как в Англии или во

* Этот отчет относится исключительно к положению дел в швейцарской Юре, и не имеет никакого отношения к положению дел в

Франции, хотя дает себя чувствовать всюду; но в отношении к бедности рабочего класса и к возрастающему развитию промышленности Швейцария все более уподобляется другим странам. Чтобы создать действительное рабочее движение, необходимо было дать понять рабочим, что их интересы противоположны интересам капиталистов. В Швейцарии есть несколько обществ сопротивления, а также общества для социальной пропаганды, которые устраивают собрания, издают журналы, книги и брошюры с целью выяснения народу его положения. Юрская федерация усиливается ежедневно. К 11 секциям, ее составлявшим, присоединилось после Женевского конгресса еще 9. Кроме того, многие члены федерации стоят во главе организации корпораций, которые хотя и не примкнули к И., но действуют согласно началам М. а. р. Тем не менее буржуазные реформаторы в Швейцарии парализуют стремления социалистов, предлагая паллиативные меры. Единственное верное лекарство против такого положения вещей — уяснить рабочим, что их освобождение зависит от них самих. Разнообразные политические реформы, проведенные в последнее время, скорее ухудшили, чем улучшили положение рабочих. Промышленные заведения, равно как и поземельная собственность, переходят все более и более в руки богатых, и это может убедить рабочих, что единственное средство для них улучшить настоящий порядок вещей есть социальная революция. К этому убеждению рабочих и направлены усилия Юрской федерации (Т. 10 сент., NSD, 106, Adp, 38 и наш корреспондент).

Эккартус сообщил, что упадок духа, распространившийся в английских секциях М. а. р. после Гаагского конгресса, в последнее время исчезает, и рабочие начинают обращать более внимания на ход дел. Движение рабочих стало особенно серьезнее с тех пор, как ассоциационное начало распространилось в среде сельских рабочих, составляющих треть населения страны. Их движению помогало обстоятельство, что конкуренция ирландцев значительно ослабела вследствие обширной эмиграции из Ирландии в последние годы. Теперь сельские рабочие могут в случае стачки находить заработок на горных заводах и т. п., где прежде с ними конкурировали ирландцы, бравшие меньшую рабочую плату. Последняя стачка, руководимая Арчем³⁵¹, хотя кончилась и не в пользу сельских рабочих, но имела большое принципиальное значение. Она доказала, что сельское население может быть организовано и обладает достаточной смелостью и энергиею для достижения своей цели. Она доказала и живое сочувствие городских рабочих к сельским. В один день на улицах Манчестера собрано между рабочими 200 ф. стерл. медью для пособия сельским стачечникам. С марта до конца августа 13 000 сельских рабочих получили пособие. Но рабочие Англии находятся в ином положении, чем рабочие материка, и потому надеются достигнуть своей цели парламентской оппозицией, проведением своих кандидатов в пар-

ламент и установлением благоприятных для них законов. Ассоциация земледельцев ставит ближайшей целью ассоциации получить в коллективную собственность несколько миллионов акров необработанной земли по решению парламента, передать ее в руки приходов, которые сдали бы ее в аренду отдельным лицам по соответственным ценам. Далее, она стремится к расширению права выборов и к перенесению громадных расходов при выборах на общину или на государство (NSD, 106, AdP, 38, наш корреспондент).

Фроме счел нужным изложить историю преследований социалистов в новой Германской империи и развития в ней социалистических идей, начиная с агитации Лассалья. Мы не будем передавать подробности его речи; заметим лишь, в виду того, что русская пресса отнеслась благоприятно к «либерализму» нового германского закона о печати, места речи Фроме, сюда относящиеся. Свобода печати, — говорил Фроме, — тоже призрак. Дело дошло до того, что судья может сказать человеку, преследуемому за статью в журнале: «факт, вами сообщаемый, верен, но, поместив его в газете, обращающейся среди рабочих, вы виноваты, так как вы призываете их к бунту. Вы должны быть наказаны». Приговоры к заключению в тюрьме, произнесенные в последнее время в Пруссии по политическим и литературным проступкам над приверженцами социальной демократии, доходят в совокупности до 288 месяцев. Немецкие рабочие, подобно английским, хотели добыть себе эмансипацию легальными средствами завоевания политической власти, но реакция стремится их отклонить от легального пути. Германское правительство своими мерами приближает час социальной революции, и скоро настанет время, когда рабочие не станут более терпеть и будут действовать не словом, а железом и кровью (T. 10 сент., NSD, 106, наш корреспондент).

Делегат из Парижа заявил, что в настоящее время во Франции существует гораздо более тайных секций И., чем сколько было явных во время империи; но при теперешнем положении дел он не считает возможным распространяться по этому поводу. Во всяком случае, несмотря на систематическое преследование со времени Коммуны, И. продолжает жить и развиваться во Франции и может быть, ему там опять предстоит почин в деле общей социальной революции...

После этого Веррикен, по просьбе Гомеса, прочел отчет Испанской федерации*.

Сообщаем из него следующее извлечение:

* Объяснения по этому поводу происходили и в следующее утреннее заседание. Относительно этого отчета сведения не совсем согласны. Наш корреспондент нам пишет, что отчет был прочитан *in extenso*. По «Times», он был прочитан лишь в сокращении. Относительно времени чтения манифеста итальянцев существует тоже некоторое разногласие.

«Товарищи рабочие! — Мы исполняем принятую обязанность, сообщая вам о положении нашей федерации со времени последнего конгресса и о важнейших событиях, в это время совершившихся. В половине сентября прошлого года республиканское правительство распорядилось очистить помещение рабочих собраний в Кадиксе под предлогом превращения его в школу, посвященную св. деве с четками. Немного месяцев спустя, помещения собраний И. в Барселоне и в других городах были точно так же отданы религиозным шутам, а самые общества были уничтожены властью правительства. На зло правительственным преследованиям местные федерации были снова организованы. В виду приостановки действия конституционных гарантий, федерации решили, что, в случае их распускания, они образуют тайные организации. Стачки поддерживались энергично, так что одна федерация сопротивления поддерживала до 1414 человек, лишенных работы. В Малаге несколько ремесл организовали стачку. Правительство объявило стачечному комитету, что если в течение двух часов они не приступят к работам на тех же условиях, при которых они работали до стачки, то их погонят на работу пушечными выстрелами. Подобная же tirания имела место и в других местностях. Около половины октября образовались три новые федерации в Руте, Вилалбе и Навиасе. 1 ноября интернационалисты Алькой были схвачены и заключены; это заключение длится еще и до настоящего времени. Более чем с 250 работниками и работницами было поступлено крайне жестоко, и они принуждены были оставить город, чтобы уйти от бешенства своих бывших патронов. Для пособия им сделана была подписка. В Монистроле и Ст.-Андресе стачки кончились в пользу рабочих. Секции и федерации разных рабочих обществ собрались на конгресс, на котором было принято несколько революционных решений.

Диктаторство Серрано³⁵² и К^о ознаменовалось безграничной реакцией, и наша Ассоциация не избежала преследований со стороны нового спасителя порядка и собственности. 10 января появился в «Мадридской Газете» декрет, распускающий все политические общества и запрещающий существование И. Вместо того, чтобы повиноваться этому указу, различные секции и федерации составили частные собрания и, благодаря достоинству и энергии, выказанным рабочими обществами, намерения диктатора не удалось. Запрещение рабочих газет вызвало потаенную газету «Возмездие» и другие потаенные издания. Но преступная буржуазия не довольствуется преследованиями, заключениями, нарушением тайны частной корреспонденции; она не удовлетворилась даже тем, что в Сан-Фернандо 68 человек рабочих были схвачены, посажены в мешки и брошены в море. Ко всему нанесенному злу она присоединила оскорбление, обвинив рабочих в союзе с карлистами. Но, несмотря на все это, организуются новые федерации, и одерживают победу новые стачки. За вскрытием писем следуют аресты, призыв к суду, а деньги были вынуты из писем в таком количестве, что мы не имели возможности послать большее число делегатов на конгресс; но на будущее время мы приняли меры для избежания подобного грабительства.

Из всего изложенного можно составить представление о положении Испанской федерации. Многие из наших членов подверглись ссылке, заключению или были расстреляны. Но все эти грубые действия не только не ослабили энтузиазма испанских интернационалистов в великом деле освобождения пролетариата, но возбудили чувство мести и желание наказать всех виновников и пособников этих вопиющих действий при первом удобном случае. Более 1000 человек из нас должны были эмигрировать; более 500 человек томятся в заключении; кровь столь же большого числа мучеников за святое дело требует мщения. Мщение есть боевой клич Испанской федерации М. а. р. Теперь мы мстим единственно возможным для нас средством — возмез-

днем; но мы помним, что этого мало, так как социальная революция должна совершенно разрушить весь существующий строй, который есть лишь разбой и тирания. Наши страдания велики, и необходимо прекратить их дошла до крайности. Слишком явно осмеяно чувство справедливости испанского пролетариата; слишком безграничны его страдания, чтобы он не был обязан употребить все усилия для возмездия врагам и для установления лучшего положения дел. Мы надеемся, что седьмой конгресс М. а. р. примет решения, которые он найдет наиболее ответственными для скорейшего наступления великой социальной ликвидации».

Гомес дополнил этот отчет следующими данными о численном состоянии испанского Интернационала:

В северной Испании 10 федераций с 10 секциями; в южной — 55 федераций с 66 секциями; в восточной — 102 федерации с 240 секциями; в центре — 15 федераций с 21 секцией; всего: 193 действующих федераций с 348 секциями. Далее — 129 организующихся федераций, обнимающих 283 секции, и 16 корпорационных союзов, заключающих 411 отдельных рабочих обществ. Все эти части связаны между собою весьма тесно и работают сообща по определенному в подробностях плану, как ни старается подорвать их господствующая буржуазия (Т. 10 сент., «Bull.» 38, NSD, 107) *.

Дюмулен прочел конгрессу от имени Итальянской федерации следующий манифест «Итальянского социально-революционного комитета»:

«Товарищи! Мы получили ваше извещение о созыве седьмого годового конгресса М. а. р. в Брюсселе.

Италия не будет представлена на этом конгрессе, потому что в Италии явный И. более не существует и ни одна из групп нашей обширной тайной организации не желает терять ни одного из своих членов, который завтра, с оружием в руках, будет иметь возможность совсем иначе послужить нашему делу.

Да, явный И. в Италии более не существует, и этим счастливым результатом мы всецело обязаны нашему правительству.

Массы итальянских рабочих, более склонных к заговору, примкнули вначале к И. только с большим недоверием. Это недоверие касалось не принципов нашей великой Ассоциации, но ее явной, или легальной организации; оно возрастало по мере того, как И. проникал в наиболее угнетенные классы большинства страждущих. Однако истина и справедливость наших принципов восторжествовали и И. разрастался все шире и шире; но в то же время организация его принимала форму, совершенно отличную от той, какая принята в других странах. Эта организация превратила итальянский И. в обширный, открыто-организованный заговор, и одного этого определения достаточно, чтобы показать всю неадекватность подобной системы.

Весьма легко было буржуазным интригам и шпионам найти доступ в И.; правительство могло следить за каждым его шагом и поражать

* К сожалению, мы не находим объяснений странному факту, что эти столь тесно связанные между собою «и сообща работающие» по одному плану части составляют не две-три федерации, объединяющие рабочих, а так раздроблены, что приходится средним числом менее двух секций на федерацию, если оставить в стороне последние корпорационные союзы.

его в надлежащую минуту. Свобода слова, сходок и печати и всякая свобода, записанная в итальянской конституции, сглаживали путь нашим врагам и готовили нам ловушку, в которую, рано или поздно, мы должны были попасть.

Поэтому со всех сторон потребовали радикального изменения системы. Согласиться по этому вопросу было не трудно, — и в скором времени обширный и прочный социально-революционный заговор стал распространять свои могучие корни, проникая в самые глубокие слои итальянского пролетариата. Конечно, мы не можем ничего сказать здесь о системе, по которой был организован этот заговор; но есть очень важный пункт, на который нам специально нужно обратить ваше внимание: это — отсутствие всякого изменения программы, вследствие замены одного способа организации другим; величественной программы М. а. р., принятой Итальянской федерацией на ее первом конгрессе в Римини, как единственной, способной сплотить пролетариат всего мира под единым знаменем эмансипации пролетариата.

С сердцем, полным беспредельной веры в осуществление этой программы, мы в Италии составили заговор с целью полного разрушения государства и всех его вредных учреждений; с целью уничтожения всякой власти, какова бы ни была ее форма; с целью, чтобы поднявшиеся массы завладели всеми орудиями труда, машинами и средствами производства, включая сюда и землю, и вообще всеми богатствами, которые лишь путем самого злодейского хищничества — эксплуатации голодных — могли накопиться в руках небольшого числа наслаждающихся.

Все это, что мы намерены не декретировать, но привести в исполнение с предусмотрительной быстротой; не провозгласить, но совершить с действительной энергией, — все это для нас выражается двумя словами: **анархия и коллективизм**, условия, по нашему мнению, необходимые для упрочения торжества социальной революции и для осуществления нашей программы.

Заговор, не мешавший вначале некоторым нашим секциям вести деятельность более или менее открыто, сделался в настоящее время единственною возможною формою революционной организации революционных масс в Италии с тех пор, как правительство, испуганное волнениями последнего времени, отложило в сторону всякое приличие и, при помощи секвестров, арестов и запрещений, покончило одним ударом с последними остатками явной организации М. а. р.

Вот каким образом правительство, начав со шпионства и с расчитанных провокаций, чтобы кончить огульным запрещением, повело нас постепенно от явного И. к самому строгому заговору. А так как опыт доказал нам, что эта последняя организация несравненно лучше первой, то не в праве ли мы сказать, что прекращение явного И. в Италии было счастливым результатом, которым мы всецело обязаны нашему правительству?

Что касается последних только что упомянутых волнений, мы скажем здесь о них лишь то, что можем и должны сказать. Небольшие банды вооруженных молодых людей показались в деревнях Романьи и Апулии. Составлявшие их молодые люди принадлежали почти все к пролетариату, всё — к обширной массе итальянских революционеров. Их оружие и положение, ими принятое, указывали на начало обширного народного движения.

Но такова ли была действительно их цель? Если да, то вследствие каких причин они потерпели неудачу? Если, напротив, цель их была иная, то была ли она достигнута?

Это вопросы, на которые мы не можем ничего ответить. Тупоумные и ребяческие клеветы буржуазной прессы не заставят нас ни на минуту упустить из виду нашу обязанность. В настоящее время революционные силы более одушевлены, лучше организованы и более мно-

точисленны, чем прежде: они составляют обширную сеть, все более и более покрывающую всю Италию.

Эпоха конгрессов окончательно прошла для нас, и полномочие, полученное нами, обратиться к вам с нашим заявлением — как мы делаем это теперь — вряд ли повторится при других подобных же обстоятельствах. Революционная Италия, не переставая обращать свои взоры на подавленное человечество и чувствовать себя членом всемирной революции, будет продолжать идти по избранной ею дороге, как по единственной, которая может привести ее к окончательной цели — к торжеству социальной революции».

Корреспондент «Таймса», относясь с явным неудовольствием и насмешками к этому манифесту, говорит, приступая к нему:

«Великое откровение этого дня заключается в том, что итальянские революционеры — неисправимые конспираторы, действия которых не выносят дневного света.

И далее, окончив изложение манифеста, он говорит:

«Во времена французской империи, когда французские делегаты присутствовали на конгрессах, подобный документ не прошел бы без возражения, и его автору, по меньшей мере, прочли бы лекцию о самоубийственном безумии составлять заговор во мраке, так как в то время даже парижане гордились тем, что они составляли заговор «при дневном свете, как солнце против мрака». Но теперь никто здесь не обратил на это внимание... Авторы манифеста должны бы были разъяснять нам, каким образом они поведут дело строго секретного заговора на основании их любимых принципов анархии — полного отсутствия чего-либо похожего на власть и автономии секций и личностей — т. е. при свободе для каждого поступать так, как ему нравится, в строго организованном тайном заговоре».

Это противоположение прежнего и нынешнего настроения в конгрессах всего яснее показывает, насколько изменилось положение И. со времен Базельского конгресса. Тогда И. строил свое здание на почве «либеральных приобретений», и либералы всех цивилизованных стран не думали, что эти «приобретения» могут сделаться почвою для столь опасного оружия, направленного против них самих. Когда они это сознали, то оказалось, что их любовь к «либеральным приобретениям» была далеко не столь прочна, чтобы они не пожертвовали всеми возможными свободами и принципами, лишь бы подорвать почву под боевыми машинами врагов. Теперь в большей части Европы И. не имеет под собою прежней почвы. «При свете дневном» он бороться не может во многих странах не потому, чтобы не хотел, а потому, что враги ему этого не позволяют. Сила вещей, сила событий заставляет его членов организовать частью или вполне тайное общество*. Было бы «самоубийственным безумием» отказаться от борьбы за

* Все высказанные за этим мнения следует рассматривать как личные мнения того, кто взял на себя составление первой главы каждой «Летописи рабочего движения». При первой возможности будут помещены в первом отделе журнала статьи по этому вопросу, где каждое мнение может быть высказано в пределах нашей программы ³⁵³.

справедливый строй общества лишь потому, что эта борьба явно ведена быть не может. Конечно, радоваться тут нечему, и находить новую организацию лучше прежней нельзя. Тайная организация имеет свои условия, весьма невыгодные. Она не позволяет вступающему в нее видеть ясно ее силу и ее действительные цели. Она легко может сделаться, при недобросовестных деятелях, громадным обманом увлеченных, низкою эксплуатацией энтузиастов. Люди, вступающие в нее с одной целью, могут быть направлены на другую, которой служить они вовсе были не намерены. А тайна, требуемая заговором, всегда помешает: удобно выйти из организации человеку, который убедился, что главные двигатели в заговоре — люди недобросовестные. Отсутствии всякой власти при заговоре, осуществляющем свои цели, еще менее мыслимо, чем на поле битвы или при движении народных масс. Только при явных функциях общественной жизни власть может быть доведена до минимума. При заговоре она будет и должна быть в иных случаях временно безусловною, не допускающею ни сопротивления, ни даже обсуждения. Только она будет тайная и часто безответственная, что еще хуже. Уверять, что заговор может состояться, развиться, подготовит действие и осуществить свои цели без всякого проявления власти — значит обманывать себя или лгать другим. Но при неизбежной борьбе с государством и с силою капитала выбора нет. Если эта борьба не может быть ведена на почве «либеральных приобретений» и если она отложена быть не может, то ее приходится, ее должно вести тайно; ее приходится, ее должно вести при пособии заговора и при значительной доле тайной власти, в определенные минуты проявляющей свои действия. Это печально. Но оно так. Рабочие Италии, Испании и Франции нынче поставлены уже в эту необходимость. И не одни они будут к ней приведены. Им откладывать своего дела нельзя. Восторгаться им необходимо не только для самих себя, но и для какой бы то ни было светлой будущности человечества. Потому для них выбора нет. Они должны составить заговор. Этот заговор не есть *Интернационал*: Интернационал всегда открыт и должен быть открыт; в нем власть может быть доведена до минимума. Заговор их должен быть организацией тайного революционного общества, в виду осуществления целей И., но *иными* средствами. И. имеет свои условия, заговор — свои. В И. личности не опасны, потому что, при открытой деятельности, при крайне слабых средствах власти, их всегда можно устранить. В заговоре личности — главное дело. Заговорщики романских стран должны всего более остерегаться недобросовестных личностей, которые хотели бы сделать из заговора забаву своего честолюбия, игрушку для своей артистической любви к агитации; они должны остерегаться лживых личностей, способных завлекать легковверных фантастическими картинами громадной силы едва существующего заговора; завлекать энтузиастов миражем отсутствия власти при на-

ложении самой тяжелой тайной диктатуры. Если социалисты-заговорщики не ошибутся в личностях, то они могут, борясь во мраке, идти успешно к той же цели, к которой идет «при дневном свете». М. а. р., когда она прямо заявляет на своих конгрессах перед Европой, что она готовится социальную революцию.

В утреннем заседании 8 сентября, в противоположение заявлениям итальянцев и испанцев, Фроме выставил на вид, как образец, самую централистическую организацию, которая выработана социалистами-демократами. Он разобрал организацию лассальянцев, как лучшую из существующих. Он напирал именно на ее централизацию, как на ее особое достоинство, так как при помощи этой централизации начала социализма могут быть распространены быстро, энергично и верно. Как доказательство тому, он привел результаты последних выборов в рейхстаг. Явно, на глазах всего мира, под постоянным наблюдением властей, массы немецких рабочих были завоеваны для пропагандируемых начал. Конечно, немецкие социалисты не отклонятся от способов агитации и организации, до сих пор ими принятых, пока им предоставляется возможность действовать, как прежде, потому что для них главное дело — завоевать общественное убеждение, разъяснить большинству его общественное и политическое положение. Оратор выразил сожаление, что социалисты Италии и Испании принуждены прибегнуть, для продолжения своей пропаганды, к тайным союзам. Конечно, ответственность за это падает на их правительства. Деятельность тайных союзов, при всей доброй воле, никогда не даст необходимых результатов. Если даже придется допустить, что население Италии более склонно к заговору, чем к организации, то надо помнить, что ясное понимание, создаваемое заговором, ограничивается всегда лишь малою долею народа, тогда как другая, более значительная доля действует в решительную минуту против господствующего порядка на основании неясного, хотя бы и справедливого раздражения. Затем возникает вопрос: в состоянии ли неясно понимающее вопрос большинство выдержать далеко не легкое переходное состояние из нынешнего общества в новое, не будучи обмануто в своих ожиданиях? И если большинство не получит немедленно того, чего вчера оно желало, то не будет ли иметь возможность умная и расчетливая реакция возбудить большинство против устраивающегося нового порядка? Насколько это легко, тому история предоставляет много примеров. Поэтому лучше бы работникам не составлять заговора, но социализм должен быть внесен в сознание рабочего большинства так явно, как это возможно. Лишь тогда, при поддержке сильного общественного убеждения, переход совершится без внутренней борьбы. — Оратор советовал Бельгии устроить более цен-

трализованную организацию. Он находил особенно нужным объединенное руководство делами и объединенную кассу.

На вопрос Гомеса, почему всеобщий союз немецких рабочих не имеет представителя на конгрессе, Фроме сослался на существующие законы и на запрещение собраний союза в Пруссии (NSD, 107).

В этот же день в послеобеденном заседании конгресс решил единогласно издать на разных языках манифест ко всем работникам и рабочим ассоциациям о «причинах ссор в М. а. р.». По предложению Эккариуса, это передано комиссии.

Все остальные заседания конгресса почти вполне были заняты обсуждением двух вопросов, именно второго и третьего пунктов программы. Но порядок их обсуждения был следующий:

8 сент. вечером: вопрос об отправлении обязанностей общественной службы в будущем обществе.

9 сент. после обеда: вопрос о политической деятельности рабочих. Вечером: об отправлении обязанностей общественной службы. Тогда же получена телеграмма от берлинских рабочих.

10 сент. утром: обсуждался манифест к рабочим. Гомес говорил об организации общественной службы. Вечером происходил всеобщий митинг.

11 сент. после обеда: вопрос об официальном языке. Вечером: вопрос об общественной службе.

12 сент. два заседания посвящены вопросу о рабочей политике. — В последнем административном заседании приняты решения относительно манифеста, будущего конгресса, распределения расходов и т. п. Для большего удобства читателей мы изложим сначала все прения, происходившие по вопросу об общественной службе; затем прения о политической роли рабочих; далее речи на митинге 10 сент.; а под конец укажем на решения, состоявшиеся по прочим вопросам.

По вопросу об исполнении обязанностей общественной службы конгресс получил три записки: от одного общества горнорабочих (секция Haine-Iumet, бассейна Шарльруа), от женевской секции пропаганды и от брюссельской секции.

Секция горнорабочих выражала удовольствие по поводу того, что этот вопрос будет поднят, так как они опасались, что социальная революция может застичнуть Интернационал прежде, чем он успеет сделать надлежащие приготовления для практических мер, должествующих следовать за нею. Они настаивали, что, каково бы ни было новое устройство социальных отношений, автономия и независимость коммун должны быть обеспечены, но делали частное замечание о праве закладывания шахт общинами, замечание, из которого было видно, что они предполагают в будущем строе собрание податей и существование расчетов между

общинами совершенно в том же роде, как нынче между частными собственниками (Т. 11 сент.).

В записке об общественных службах, составленной женевской секцией пропаганды, было прежде всего сказано, что члены секции не считают этот вопрос весьма настоятельным; они скорее склонны думать, что прежде всего предстоит обязанность отнять из рук привилегированных классов средства, при помощи которых эти классы только и могут сохранить свои привилегии. Но секция высказывает свое мнение, так как вопрос поставлен конгрессом на очередь. Под общественной службой, по мнению составителей записки, следует подразумевать всякую деятельность, имеющую в виду пользу не отдельной рабочей группы, а пользу коммуны или федерации коммун. К общественным службам они относят в настоящем обществе следующие, из которых иные останутся и при будущем устройстве, получив соответственное изменение; иные же исчезнут: 1. Собрание статистических сведений (как необходимое учреждение, дающее возможность соразмерить производство с потреблением). 2. Сохранение сырых материалов и естественных продуктов (леса, рыбные ловли, рудники и пр.). 3. Образование (из него исключается религиозное обучение, общее же образование должно вестись во всех коммунах по одному общему плану, выработанному сообща. Строго научное образование, соединенное с обучением ремеслу, должно быть предоставлено всем детям, причем учителя, воспитатели и директора школ избираются коммунами, в которых служат; но высшее наблюдение за образованием предоставляется федеральным советам). 4. Общественная гигиена (надзор за чистотой фабрик, улиц, общественных зданий, устранение нечистот и пр.). 5. Обмен и распределение продуктов (сюда относится все, что способствует ускорению поступления продуктов к потребителям: пути сообщения, содержание каналов, общественных рынков, почта, телеграф). 6. Общественная безопасность (то, что составляет юстицию и полицию; первая заменяется третейским судом для каждого отдельного случая, а вторая, предоставленная коммуна, должна заботиться об охране каждой личности от покушений на ее жизнь со стороны более сильных или хитрых). 7. Культ (так как в будущем строе общества не будет никакой общеобязательной религии, то вопрос об общественной службе для кulta уничтожается сам собой). 8. Общественная защита. (Пока будут существовать общества, друг другу неприязненные, до тех пор федерации придется иметь армию и флот, и службу в войске надо рассматривать, как общественную службу. Необходимо в будущей федерации и существование штаба офицеров, чтобы обеспечить единство организации войска на случай надобности). В заключении записки сказано, что так как все исполняющие общественную службу должны получать вознаграждение за свой труд, то, конечно, все коммуны и федерации должны быть об-

ложены налогом, распределяя его между собою по мере услуг, которыми они пользовались. Именно, все продукты облагаются податью, а чтобы избежать опасности создать новую денежную аристократию, финансы не должны составлять особого ведомства общественной службы. На департамент статистики возлагается и все относящееся к деньгам. Выбор людей во все различные должности не может представить особого затруднения будущему обществу. Оно не будет нуждаться в школах, подобных французским, где люди дрессируются для общественных должностей. Так как все будут получать хорошее образование, то коммуны будут в состоянии выбирать всегда лучших людей (Т. 11 сент., наш корреспондент).

По прочтении этой записки происходили небольшие прения о смысле слов *общественная служба*. В них участвовали: Де-Пап, Швицгелль и Фроме. Немецкий делегат высказал мнение, что новое общество должно опираться на труд, производимый обществами работников; поэтому он не видит разницы между участием в общественном деле сапожников, землекопов и рабочих на железных дорогах: все они служат обществу, и потому все отрасли труда составляют общественную службу.

Де-Пап возразил на это, что между продуктами этого труда есть существенная разница. Есть работы, имеющие в виду совершенно частную, личную или семейную жизнь. Другими пользуются уже не только личность или семья, но более или менее обширные группы личностей. Еще иные работы прямо важны для целого края. Так, общество сапожников оказывает услугу соседним жителям, получающим от него сапоги, но устройство большой дороги в стране составляет интерес всех жителей страны. Это, очевидно, общественная служба совершенно иного рода, чем взаимные услуги личностей или небольших групп («Bull.», 39).

Записка, представленная брусельскою секциею и составленная де-Папом, напечатана в особой брошюре (*De l'organisation des services publics dans la société future. Bruxelles 1874*)⁸⁵⁴, и ее длина не позволяла ей быть прочитанной целиком на конгрессе. Значение ее видно уже из того, что она встретила одновременно сочувствие в лагере федералистов «Бюллетеня» и в лагере централистов «Tagwacht» и «Zeitgeist».*

В замену чтения брошюры, в заседании 9 сентября Де-Пап изложил в длинной речи главные основания своих мнений о буду-

* Важность ее для настоящей минуты заставила нас немедленно приступить к ее переводу, который будет издан с примечаниями и предисловием, как только мы получим второе ее издание. Де-Пап пишет нам, что оно не замедлит выйти и будет дополнено как в тексте, так и возражением автора на критики разных изданий. Возбуждение на конгрессе этого вопроса о политической роли рабочих побуждает нас поместить в следующей же книжке теоретическую статью по этому предмету⁸⁵⁵.

ищем устройстве общества. Передаем извлечение из этой речи по «Times» (11 сент.).

Де-Пап начал с замечания, что, при обширности рассматриваемого предмета, невозможно было бы изложить его совершенно полно. Еще не определено с точностью, что составляет общественную службу, что не составляет ее и что должно сделаться общественной службою. Первоначальное понятие об общественной службе таково, что она есть нечто нужное для общего блага, и что для ее совершения необходимо, чтобы заинтересованное в деле правительство или коммуна взяли дело в свои руки. В первобытном состоянии общества каждый член его принимает участие в общественных работах, которые теперь составляют отдельные занятия. В первобытной деревне, если нужна была дорога, то все жители должны были принимать участие в ее устройстве, и хотя теперь проведение дорог составляет специальное занятие, оно, тем не менее, осталось общественной службою, только оно вверяется особым исполнителям. Но существуют общественные службы, которые было бы опасно вверять в руки частных лиц, так как это создало бы монополию. Наши железные дороги и другие средства сообщения суть общественные службы, хотя в большинстве случаев они уступлены частным компаниям, извлекающим из них барыши для себя; если бы не это обстоятельство, то различным правительствам пришлось бы взять их в собственное заведывание. Если бы все железные дороги эксплуатировались непосредственно правительствами, подобно почтам или подобно телеграфам в некоторых странах, это было бы лучше для всех. Руды и каменоломни, составлявшие прежде общественное достояние, были переданы потом в вечные времена частным лицам, людям, которые заставляли общество платить, что им вздумалось, и угнетали рабочих. Разработка этих руд и каменоломен составляет общественную службу, так как общество не может существовать без них. В будущем государстве все подобные производства должны исполняться правительством. Есть такие общественные службы, которые будут исполняться, какова бы ни была политическая форма правительства или каков бы ни был социальный строй. Некоторые из них будут иметь характер общинный, другие — местный для данного края, еще другие — национальный, наконец, иные — международный или мировой. Оратор доказывает несостоятельность мнения, что будущее состояние общества будет только агломератом ремесленных союзов и что эти союзы, во имя своего корпорационного характера, предпримут отправление общественных служб. В настоящее время нужен портной, чтобы сделать платье, сапожник, чтобы сшить пару сапог, и они должны употребить годы учения, чтобы достигнуть совершенства; но в некоторых отраслях промышленности разделение труда достигло такой степени, что совершенно достаточно нескольких дней для человека, чтобы дойти до совершенства в ис-

полнении известных операций. Лучшее образование и техническая подготовка, в соединении с прогрессом изобретений, дадут человеку возможность в недалеком будущем участвовать в производстве различных ремесл, не проходя через долгое обучение в котором-либо из них; так что существуют все основания предполагать, что ремесленные союзы настоящего времени суть только переходные учреждения. Коллективисты хотят разрушить государство, как учреждение вредное, но им придется восстановить его, каким бы именем его ни назвали. Чем же иным будет федерация коммун или федерация федераций? Может быть, то, что до сих пор называлось государством, не имеет ничего общего с тем, что следует понимать под этим названием? Если государство не было никогда экономической организацией, но всегда политическим орудием деспотизма, это еще не причина, чтобы государство не могло сделаться экономической организацией. Если до настоящего времени промышленность обогащала богатого и делала все беднее бедняка, то достаточно ли этого, чтобы мы проповедывали уничтожение промышленности? Еще недавно рабочие, видя, что их выгоняют из мастерских и заменяют машинами, ставили себе целью разрушение машин. — «Война машинам!» — кричали леддиты²⁵⁶. Теперь они говорят, что машины полезны и даже необходимы, так как настоящее положение общества не могло бы существовать без крупного производства. Теперь рабочие говорят: «Машины должны быть наши». Государство — такая же машина и самая большая, так как общественные службы должны быть произведены в обширных размерах, потому что их продукты имеют обширное потребление. Подобно всем другим машинам, государство было убийственно для рабочих, потому что приводилось в действие исключительно богатыми; но этому надо положить конец; рабочие должны взять эту машину в свои руки. Разрушать здесь ничего не надо; нужно только изменить кое-какие буржуазные приводы. С этими ограничениями работники могут сказать: «возьмем машину, возьмем государство!» Оратор обратился к политике, которой следуют рабочие некоторых стран, особенно в Англии и Германии; именно к легальному стремлению — не разрушить государство, но освободить пролетариат при его посредстве, при помощи громадных централизованных сил, находящихся в распоряжении этого государства. При этом оратор поставил вопрос, пока группировка ремесленных обществ вполне разовьется, не будет ли пролетариат больших городов вынужден присвоить себе коллективную диктаторскую власть над остальным населением. Ему кажется вероятным, что так действительно может случиться и что рабочие захватят железные дороги, пароходы и пр. и объявят их собственностью государства совершенно так же, как это сделала буржуазия с церковным имуществом. Он перешел затем к рассмотрению, какие предметы должны быть оставлены в руках государства и какие — переданы

в ведение кооперативных союзов. Он обратил внимание на факт, как предмет, который прежде составлял частное и произвольное дело, стал предметом общественной заботы. Например, доставка воды в отдельные дома — что было прежде предоставлено людям, развозившим воду в больших бочках и разносившим ее ведрами. Оратор не видит причины, почему в будущей организации общества распределение пищи не сделалось бы также общественной службою. Он утверждал, что в этом направлении идет деятельность больших кооперативных лавок. Акционеры такой лавки составляют общину, распределяющую между своими членами товары по своей цене. Если целая деревня соединится в кооперативное товарищество, то это будет похоже на обращение распределения пищи в общественную службу. Покупка и продажа в том виде, как это совершается теперь, есть только особый вид распределения. От распределения подобный же порядок перейдет неизбежно и на производство; оратор считает возможным, что земледелие делается общественной службою и тогда поведется с большею выгодною, чем до сих пор. Дренажные и ирригационные работы он рассматривает как национальное дело, которое по справедливости относится к общественным службам, входящим в круг деятельности государства. Но он пошел еще далее и охватил своими соображениями весь земной шар. Новая социальная организация учредит, во-первых, высший третейский суд для разбора международных столкновений; затем последуют обширные ученые исследования земного шара, международные разведки; далее — международное дренирование и ирригация обширных необработанных территорий, дренирование болот, разведение лесов на вершинах гор, прорытие перешейков и больших цепей гор, составляющих пока значительную преграду между отдельными народами; устройство метеорологических обсерваторий; очистка нездоровых рек, подобно Гангу, — одним словом, на всемирной федерации новых социальных организмов будет лежать обязанность улучшить климат, сделать пустыни Сахары плодоносными и превратить всю поверхность земного шара в сад. Когда человечество станет обладателем всей планеты, то человек делается, наконец, повелителем земного шара — царем творения.

Швидгелль возразил, что Юрская федерация смотрит на вещи несколько иначе, чем брюссельская секция. Трудно сказать, чем будут общественные службы в будущем обществе, но бесспорно, что они будут не то, что они представляют теперь. Поэтому следует отдать себе надлежащим образом отчет о том, что такое общественные службы в настоящем обществе. Государство отправляет эти службы. Но все социалисты согласны в том, что государство в целом действует в пользу буржуазии, что оно есть охранитель и агент сословных интересов. Это так и в его отдельных проявлениях. Сообщения, например, составляют общественную службу, доставляющую буржуазии громадные выгоды. Су-

дебный механизм опирается преимущественно на привилегии собственности и действует в пользу капиталистов; буржуазия дает все элементы судебного сословия, и магистратура, наблюдающая за исполнением законов, существенно буржуазна как по своей цели, так и по своему составу. Воспитание, в отношении к нравственным принципам, освящает существующий порядок и пытается внушить к нему уважение. Войско насильственно подавляет народные стремления. Полиция наблюдает, доносит, бросает в тюрьмы все, что противодействует существующему порядку. Наконец, общинное управление вполне зависит от центральной власти. Должны ли рабочие захватить всю совокупность этих учреждений, этих общественных служб и преобразовать их для своих целей? Ответ на этот вопрос зависит от точки зрения, на которую мы становимся в великом споре между свободой и властью, в споре, который начался тому несколько лет уже в мире социалистов. С точки зрения анти-авторитарной должно желать разрушения современного государства; тогда человеческое общество устроится совершенно заново путем свободной группировки работников одного ремесла, путем федерации групп производителей в общины и общин в области (region). Рассматривая вопрос таким образом, очень трудно сказать, что будет и что не будет общественной службой, и как эти службы будут организованы. («Bull.», 39, Т. 11 сент.). Прения 9 сентября окончились речью Фроме*.

Он сказал, что считает этот вопрос чрезвычайно важным для всего рабочего класса и думает, что давно пора притти к соглашению относительно того, что должно быть сделано в будущем государстве. Он спросил, что такое армия государственных чиновников, от министра до ночного сторожа, как не армия, служащая для охранения существующего общественного порядка и господства человека над человеком? Полиция — говорят — есть охранительница порядка: на самом же деле она — только причина беспорядков. Беспорядок всюду господствует; полиция уже употребляется только для того, чтобы держать бедняка в узде. Преступники, составляющие предмет ее бдительности, суть жертвы теперешнего порядка вещей. В новом социальном строе преступников по всей вероятности не будет вовсе, а если они и будут, то найдутся средства для их наказания и без помощи полиции. Множество лиц употребляется лишь для надзора за взиманием пошлин, которых контрабандисты стараются избежать. Теперешние общественные службы гнилы до мозга костей. Оплаченные шпионы исчезнут. Просвещенные люди, издавая сами для себя законы, не будут нуждаться в шпионах. Относительно общественных чиновников в будущем государстве можно только сказать, что это будут лучшие люди (Т. 11 сент.).

* В «Bull.» (№ 39) сказано, что Фроме говорил ранее Швицгебеля, точно так же, как Бастен, и содержание слов Фроме, переданных весьма кратко, как будто иное.

Прения по этому вопросу возобновились в публичном заседании 11 сентября, но Гомесу, по слабости его голоса, было разрешено изложить свое мнение в административном заседании 10 сентября. Он высказал, что согласен в Бакуниным и Прудонем в возложении организации общественной службы не на государство, а на различные общины и на ассоциацию ремесленных обществ. Все в этом случае должно исходить от тех, кто *прямо* заинтересован в деле; иначе мы придем к восстановлению нынешнего государственного порядка, где все исходит от власти, которая слишком часто опирается на дурных людей и спекулирует на невежество. Если в новой организации не будут устранены возможности этого зла, то будет основано новое сословное господство. В новом обществе не будет нужен официальный надзор; так как в нем каждая личность будет действовать для поддержки целого в своих личных интересах.

В вечернем собрании 11 сентября * Кёнен говорил, что необходима весьма высокая степень развития народа, прежде чем для него будет возможно сознательное принятие и осуществление принципов анархизма (наш корреспондент).

Брисме развивал мысль, что в будущем обществе главное дело будет наблюдение за производством и потреблением. Когда минута революции наступит, местные рабочие федерации и рабочие федерации разных стран должны будут лишь захватить управление общинами и государством, чтобы рабочий класс заменил буржуазию и образовал рабочие комитеты (*Chambres de travail*), которые издадут законы для организации общественной службы в пользу работников. Оратор говорил против учреждений постоянных армий, приводя в пример французский народ во время Коммуны, сумевший в опасную минуту так же хорошо сражаться, как и солдаты. Затем он говорил, что отправление полицейских обязанностей должно быть непременно возложено на специальных лиц, ибо всякий гражданин, проработав целый день в мастерской или в поле, навряд ли захочет еще идти ночью на патруль (NSD, 109; «Bull.», 39, наш корреспондент).

Против последнего пункта возражал Бастен, указывая на возможность сокращения рабочего времени для того, кто отправляет в тот день общественную службу. По его мнению, даже службу в административном коммунальном совете могут исполнять все граждане по очереди. Что же касается вообще способа отправления службы, то он полагает, что самое лучшее отдать ее в руки отдельных компаний или ассоциаций, учредив над ними строгий контроль из лиц, выбранных коммунами или федерациями (наш корреспондент).

* Порядок и содержание речей на этом собрании и самое участие в нем того или другого оратора не одинаково указаны в разных источниках.

Веррикен сделал несколько замечаний по поводу речи Де-Папа. Он говорил против государства работников. Устроив такое государство, рабочие займут лишь место буржуазии. Переходное состояние от теперешнего порядка вещей к анархическому, о котором говорит Де-Пап, не есть необходимость, и, вероятно, анархизм тотчас же водрузится на обломках старого общества. Свободная община и свободная федерация общин должны организовать общественные службы. Отправление их должно лежать на группах производителей; наблюдение за их исполнением — на делегациях ремесленных союзов в общине, — на делегациях общин в областной федерации. По поводу предполагаемого неудобства отдачи общественных служб в руки частных ассоциаций он заметил, что если не будет существовать процентов на капитал, то не может быть и речи о злоупотреблениях компаний в виду получения большей прибыли. Далее он заметил, что, говоря о юристах, Де-Пап сказал, что в третейские судьи и в жюри будут выбираться люди, специально образованные для отправления этой обязанности. Оратор думает, наоборот, что, вследствие улучшения экономического положения при новом порядке, законы будут настолько просты и немногочисленны, что всякий без особенного труда будет иметь возможность их изучить и исполнить обязанность судьи, если того потребуют обстоятельства («Bull.», 39; наш корреспондент).

Фроме обратил особенное внимание на вопрос, поднятый Брисме о наблюдении за производством и потреблением. Он сказал, что основой этого наблюдения должна быть статистика. Всякая рабочая ассоциация должна прежде всего вести подробную отчетность количеству и качеству перерабатываемых сырых материалов и добываемых продуктов, с которыми уже нельзя будет спекулировать, как теперь, но которые должны служить исключительно к удовлетворению потребностей, действительно существующих, всесторонне признанных и оцененных; причем должно быть принято начало: сперва необходимое, потом полезное и затем приятное. Из этой отчетности, возможно точно веденной каждой группой, должен быть сделан свод по ремеслам исполнительным учреждением, вышедшим из народа путем свободного выбора. Каждая община должна составлять отчетность по потреблению. Таким образом, будет возможен быстрый и легкий обзор, и возможно будет определить, на какое производство следует обратить особое внимание, которое развито в достаточной мере и которое недостаточно. С этим связано и определение продолжительности рабочего времени. — Земледельческие рабочие группы должны объявлять не только производительность своих полей, но и их качество. Само собой понятно, что при этом не может существовать частной собственности ни относительно земли, ни относительно орудий труда. Тогда государству легко будет делать все необходимые распоряжения, которые будут всегда исполнены, так как делаются

во имя ясно сознаваемой общественной пользы. Правильное производство и потребление составляют действительно здоровую и непоколебимую основу создаваемой новой общественной организации, и поэтому всего важнее предоставить государству наблюдение за ними помощью только что изложенной системы. В нее входит наибольшая часть общественной службы. В этом смысле имеют право на существование слова «общественная служба», которые при нынешнем порядке напоминают много печальных фактов, хотя бы впоследствии нашли или не нашли нужным удержать их для обозначения необходимой общественной деятельности на общую пользу (NSD, 109).

Швицгебель заметил, что, очевидно, вопрос идет о выборе между рабочим государством и анархией. Действительно, брюссельский отчет и мнения, высказываемые здесь разными лицами, ведут к восстановлению государства. За точку исхода при организации общества принимают совокупность коллективных единиц как в общине, так в областях (regions) или странах. Чтобы воля и стремление этих коллективных единиц могли высказаться, им необходимо представительство, которое придавало бы этой воле определенность и согласие; таким образом, мы восстанавливаем законодательные собрания, которые будут издавать законы; нужна будет исполнительная власть, чтобы приводить законы в действие; нужна будет вся магистратура, судебное сословие, полиция, войско, чтобы поддержать всё это. Какая же будет разница этого будущего порядка и порядка современного? Власть будет принадлежать рабочим, а не буржуа. Мы сделаем то, что буржуазия сделала с дворянством. В Юрской федерации думают, что социальная революция должна не только ставить себе целью отдать в руки работников орудия труда в какой угодно форме, но отвоювать человеческую свободу от всякой власти. Мы хотим разрушения государства и вполне свободной организации новой связи между работниками, между рабочими группами, между общинами; мы хотим определения отношений не законом, общим для всех, но договорами, свободно обсужденными, принятыми и обязательными лишь для договорившихся. Таким образом, всякий рабочий может не войти в договор, заключенный его ремесленным союзом, всякая группа может не войти в федеральный договор, заключенный общинами, всякая община может не войти в федеральный договор, заключенный областью. Зло, которое могло бы произойти на практике от этой свободы, было бы всегда менее того, которое произошло бы от восстановления государства («Bull.», 99).

Де-Пап сказал, что, вследствие возмущения федераций Интернационала против авторитарных действий Гаагского конгресса и вследствие освящения принципа автономии и федераций в организации Ассоциации, многие думают, что умерла мысль о государстве рабочих. Напротив, спор между государством рабочих и анархией продолжается, и со времени столь важных прений в И.

по поводу вопроса о собственности не было прений более важных, как те, которые теперь волнуют Ассоциацию по вопросу: кем и как будут отправляться обязанности общественной службы в будущем обществе? Этот вопрос обнимает весь социальный вопрос, и от способа его понимания и его решения будет зависеть направление, которое мы попытаемся придать революционным событиям, когда придет время нашего вмешательства. — Надо заметить, что в Испании, в Италии, в Юре защищают анархию; в Германии, в Англии — государство рабочих. Бельгия еще колеблется между этими двумя направлениями. Это положение позволяет нам заметить, что каждое из двух стремлений осуществится со своей стороны в странах, где это стремление было специальным стремлением народа. Оратор думает, что для рабочих федераций практичнее не бросаться в неизвестное и неопределенное, но захватить руководство государствами и преобразовать их в социалистические рабочие государства. Без сомнения, это произойдет у наибольшего числа народов, где рабочие найдут более простым и удобным захват существующих государств, чем общее разрушение и потом организацию всего заново. У других, например, в Испании, вследствие внутренних раздоров этой страны, положение дел становится более и более анархичным, и тогда весьма естественно, что этот народ организуется совершенно заново, начиная снизу. Тем не менее оратор видит в анархической революции серьезную опасность для эмансипации рабочих, именно недостаток общего направления и, при совершенном невежестве, возможность для честолюбцев завладеть направлением движения и отклонить его от надлежащего пути («Bull.», 39).

Эккариус отнесся еще враждебнее к противникам рабочего государства. Работники, сказал он, действуют практичнее. Они не делят медвежьей шкуры, пока не убили медведя. Прежде чем толковать о социальной революции, надо уменьшить рабочее время, чтобы рабочие могли научиться и понять социальные вопросы. Анархия же привела бы их лишь обратно к средним векам, когда корпорации дрались между собою («Bull.», 39).

Гомес сказал, что испанские члены И. давно и вообще стали на сторону анархии, так что они будут враждебны всякому учреждению общественной службы, которое привело бы к восстановлению государства. Отчет брюссельской секции возвращает нас к государству, и каковы бы ни были ограничения, устанавливаемые авторами этого отчета, логика событий приведет государство рабочих к форме авторитарного государства, вполне подобного нынешним государствам. Если дело идет лишь о словах и если хотят действительно лишь федерации коммун, то надо употребить этот термин и оставить в стороне слово государство, представляющее идею политического действия, власти и правительства.

Председатель заключил прения объявлением, что конгресс в административном заседании решил передать вопрос об исполнении обязанностей общественной службы на обсуждение федераций и секций и поставить его снова на будущем общем конгрессе («Bull.», 39).

Прения об участии рабочих в политике начались в административном заседании 9 сентября; по словам корреспондента «Таймса», это произошло оттого, что при этом опасались слишком большого разногласия. Дело началось с чтения мнения *большинства* и мнения *меньшинства* женеvской секции пропаганды. Обе партии отвергли всякое участие в выборах в национальные законодательные собрания или принятие кандидатуры при этих выборах. Но мнения разделились относительно вопроса, насколько полезно участвовать в местных выборах для проведения руководителей движения в местные советы и т. п. В пользу этого говорили, что успешно проведенные кандидаты могли ознакомиться с административными делами и кое-чему научиться. Возражение заключалось в том, что общее и кантональное управление подчинены центральной политической власти и что поэтому чрезвычайно вредно иметь с ними какое-либо дело.

После этого Бастен открыл прения. Он сказал, что в Бельгии рассуждения, подобные тем, которые были высказаны в Женеве, были бы совершенно неуместны, так как в Бельгии не существует каких бы то ни было должностей, государственных или местных, политических или административных, которые были бы доступны рабочим. Они не имеют голоса ни в национальных, ни в местных собраниях и не могут поэтому думать о проведении кандидатуры рабочих. Тем не менее ему очень желательно знать мнение конгресса, насколько можно советовать рабочим вмешиваться в политику. По его личному мнению, этого советовать нельзя. Если такое участие полезно в Германии, то нельзя этого сказать о Бельгии, и потому нельзя — как он полагает — притти к какому-либо общему, руководящему решению в данном случае. Надо предоставить социалистам каждой страны решить для себя вопрос, нужно ли им участвовать в политической деятельности, помощью ли выборов, или каким-либо иным путем (NSD, 109, Т. 11 сент.).

Фроме начал замечанием, что он совершенно не разделяет мнения предыдущего оратора, равно как и выраженных в женеvской записке. Проповедывать воздержание от политического вмешательства значит останавливать движение, потому что социальное освобождение рабочего класса находится в зависимости от его политической свободы и приобретенной им политической силы. Необходимо поэтому, чтобы рабочие принимали участие во всех выборах. Без этого политического движения немецкие рабочие никогда не достигли бы того положения, которое они занимают теперь. Одна социальная программа была бы далеко не достаточ-

на, чтобы возбудить их к деятельности. Немецкие социалисты вызвали политическую зрелость большинства немецкого рабочего класса путем агитации за всеобщее, одинаковое и прямое право выборов и путем агитации при помощи этих выборов. Но участие в выборах необходимо еще и по другим причинам. Оно показало, какую вообще опору могут получить от рабочих те, которые занимаются политическими вопросами, и в то же время обнаружило, каковы силы противников рабочего движения. Теперь, считывая силы, выказанные на выборах немецкими рабочими, и представляя эти силы *организованными*, проникнутыми одною мыслью, одушевленными одною волею, можно вполне понять преследования немецких социалистов реакционерами. Выжидать, чтобы лишь на завтра после революции работники заинтересовались политикой, повело бы неизбежно к разочарованию и к поражению. Может быть, прямой пользы в том и нет, чтобы рабочие имели своих представителей в законодательных собраниях, но это повышает значение движения и дает возможность руководителям провозглашать свои принципы в таких местах, где иным путем они никогда не были бы заслушаны. Противникам приходится сбрасывать маску и самим раскрывать глаза рабочим. Сознывая эти выгоды, социалисты Германии несколько не ласкают себя иллюзиями, что они могут сделаться законодателями. Оратор желал бы, чтобы конгресс принял решение, советующее рабочему классу участие в политической деятельности. (Т. 11 сент., NSD, 108).

Швицгелль заметил, что споры по этому вопросу вызваны не теми соображениями, которые высказал Фроме. Немецкие коммунисты желают сделать орудия труда общесообщественностью народа, составляющего известное государство, и они намерены достигнуть своей цели, превратив государственный механизм в орудие для достижения этой цели; поэтому они поступают логично, защищая участие рабочих в политике. Коллективисты, напротив, к которым причисляет себя и оратор, смотрят на государство — государство политическое — как на главное препятствие для осуществления своих принципов. Многие думают, что, будучи большинством населения, рабочему классу нужно только употребить в дело общее избирательное право, чтобы преобразовать настоящий строй общества с его частною собственностью в такой, где все орудия труда будут общественным достоянием. В Юрских же горах идет агитация с целью вызвать ассоциацию между всеми людьми, имеющими одинаковые интересы. Так, например, интересы всех портных одни и те же, и таким образом все лица одного ремесла могут составить одно общество. Затем различные ремесла одной местности могут войти в федеративную связь и организовать коммуну, а несколько таких коммун, сообразно со своим географическим распределением, могут образовать федерацию. Как только такие федерации организовались, очевидно, что,

в случае разрушения политического государства, эти организации должны занять его место. Коллективисты убеждены, что если весь рабочий класс будет воздерживаться от участия в политической деятельности, он этим ускорит падение политического государства. Напротив, принимая участие в политике и участвуя в законодательных собраниях, рабочие придадут государству только больше значения и протянут его существование. В этом согласно как большинство, так и меньшинство женеvской секции пропаганды. На этом основании коллективисты проповедуют полное невмешательство в политику и организуются сами независимо от государства. Если бы государство было предоставлено самому себе, а рабочие организации были против него, то оно неизбежно должно рушиться, в противном случае, организованным группам стоило бы только напасть на него и разрушить его силой. Испания, Франция, Италия и Швейцария всего лучше таким образом достигнут своей цели. В них образовалось бы государство в государстве. Оратор высказался также против участия рабочих в местном управлении, так как коммунальная и кантональная администрация находятся под руководством того же государства, с которым его партия не желает иметь никакого дела. Оратор не оспаривал, что в Германии достигнуты хорошие результаты вмешательством в политику; но в Германии на участие в политике смотрят как на революционную деятельность, потому что там желают переделки общественного строя сверху вниз; там хотят эмансипировать общество, выросшее при стеснительных условиях. Коллективисты же начинают с свободной и независимой личности, вступающей в ассоциацию с равными себе; это произвело бы революцию снизу вверх (Т. 11 сент., NSD, 180).

Керст * выразил мнение, что выслушанные ими прения не представляют большого различия в мнениях. Напрасно рабочие других стран думают, что немецкие рабочие, принадлежащие к Всеобщему германскому союзу рабочих, хотят достигнуть социального переворота мирным путем, путем проведения большинства своих депутатов в рейхстаг. Если бы в Германии было дозволено кому-либо высказать открыто, что он намеревается преобразовать государство силой, то немцы мало хлопотали бы о политической деятельности. Но сказать то, чего они действительно желают, было бы государственным преступлением. Они поэтому действуют на поприще политики, так как преобразование государства при помощи всеобщей подачи голосов — легально и признано таковым судебными приговорами. Политическая деятельность в Германии равносильна увертке от наказания. Немецкие рабочие очень хорошо понимают, что при нынешнем способе избрания у них ни-

* По другим источникам, эту речь или совершенно такую же говорил Керст 12 сентября. Он же назван в разных отчетах Глейхом и Фаустом. По «Times» он был не делегат.

когда не будет большинства в рейхстаге. Но это для них и не важно. В настоящее время социально-демократическая партия имеет 10 представителей в германском рейхстаге, но если бы она составляла там и большинство, то это не принесло бы ей никакой пользы. Если бы рабочие стали приобретать большинство и получили бы возможность проводить законы, несогласные с интересами буржуазии, то буржуазия заранее подавила бы их насильственно, отменив всеобщее избирательное право. Подобные предложения уже были сделаны, и по этому поводу Газенклевер сказал, что, уничтожив всеобщее избирательное право, правительство само сломает последний мостик, который еще связывает рабочих с законным путем действия, и что, если противники рабочих не хотят мирного переворота, рабочие произведут его насильственно. Рабочие ничего не ожидают от общего избирательного права, но это есть единственно возможный способ действия. В прусских выборах, которые производятся еще по трехклассной системе, дающей богатому несколько голосов, рабочие не принимали никакого участия. Выбор большинства представителей из рабочего класса, пользуясь всеобщим избирательным правом, был бы бесполезен во Франции и Испании. Это повело бы к подавлению их силой, и то же самое случилось бы и в Германии, но зато доставило бы предлог к вооруженному восстанию. В Германии нельзя свободно пользоваться законным правом, так как полиция имеет власть запрещать общественные собрания, которые необходимы во время выборов. (Т. 11 сент., NSD, 108, наш корреспондент).

Гомес заявил, что его товарищи держатся того же мнения, как и Юрская федерация, и что ему поручено действовать так, чтобы речь шла лишь о революционной деятельности. Вопрос состоит в том, чтобы отнять орудия труда у собственников, которые употребляют силу государства для своей обороны. Этой цели нельзя достигнуть посредством всеобщей подачи голосов, и рабочие Испании не расположены добиваться этого права вследствие существующей подделки выборов. Они пришли к убеждению, что им невозможно достичь тех результатов, которые могут радовать работников Германии; что в Испании политическая деятельность несовместна с освобождением рабочего класса. Политика есть, по существу, дело управления, тогда как социальная революция есть движение чисто экономическое. Опыт доказывает, что политическая деятельность только замедляет экономическое движение. Мы должны раз навсегда покончить с политикой и положиться исключительно на революционный образ действия. Оратор не считает себя в праве утверждать, что это — надлежащий или лучший путь для всех стран, но это так для Испании. Рабочие не имеют там времени обдумывать и вести легальное движение при посредстве всеобщего избирательного права; они должны идти путем тайного заговора и вооруженного восстания. Они, может быть, будут участвовать в коммунальных выборах с целью мешать спо-

койному ходу дел, с целью вызвать восстание (Т. 11 сент., NSD, 108).

Один бельгиец высказался в том смысле, что никакой рабочий не может вмешиваться в политическую деятельность, не роняя своего достоинства. Принимать участие в ней — значит признать законы, в силу которых у работника грабят плоды его трудов. Во Франции эти попытки были сделаны, но без успеха; в настоящее время там приходится полагаться исключительно на тайные общества; а в Бельгии убеждены, что политическая деятельность не освободит рабочих от давящего на них гнета (Т. 11 сент.).

Этим окончилось послеобеденное заседание 9 сентября.

Прения возобновились 12 сентября. В отчетах различных изданий их характеризуют несколько различно. По словам «Бюллетеня» (№ 30), «все были согласны в том, что нельзя навязать общие правила политической деятельности для всего Интернационала, что всякая страна, смотря по особенностям своего положения, должна действовать, как она считает полезнее». Между тем корреспондент «Таймса» характеризует общий ход прений так: «Коллективисты стояли за возобновление декларации, сделанной несколько времени тому назад в Швейцарии; наиболее выдающиеся положения этой декларации были: разрушение всякой политической власти есть первая обязанность пролетариата; организация всякой политической власти под предлогом временного руководства или революционной деятельности признается опасным делом. Напротив того, немецкие делегаты предлагали, что так как социальное зло, против которого борются рабочие каждой страны, тесно связано с политическими системами управления, то необходимо, чтобы рабочий класс принимал деятельное участие в политике. Защитник этого мнения оспаривал пользу попытки организовать оппозицию вне государства, в котором действуют; она должна быть организована внутри его. Точно так же бесполезно нападать на социальное зло, не нападая на политическое устройство. Под политическим действием оратор понимал фактическое давление, производимое на господствующую партию» (Т. 16 сент.).

О следовавших затем прениях мы имеем следующие данные:

Бастен заметил, что в Бельгии политическая деятельность ведется слишком бесчестно для того, чтобы рабочие могли принимать какое-либо участие. При последних выборах голоса покупались и продавались; видя все это и не будучи в состоянии чем-либо помочь, рабочие отвернулись от политики. Может быть, участие в ней и полезно в других странах, но не в Бельгии. Он был бы рад, если бы рабочим других стран удалось разрешить вопрос подобными мерами.

Делегат долины Вездры заявил, что в их местности этот вопрос обсуждался очень серьезно, и они пришли к решению совершенно устраниваться от политики. Тому несколько времени они

пытались достигнуть чего-нибудь посредством петиций, но вот как приняли эту попытку. Они подали петицию об уничтожении постоянной армии; но ответом на это со стороны правительства было увеличение числа солдат; точно так же было со всеми другими петициями. Они даже подавали петицию о введении всеобщего избирательного права, но вместо ответа правительство приняло меры, чтобы противодействовать петиции. Общество разделено на два враждебные лагеря, и нет возможности достигнуть чего-либо при помощи легальной агитаций. Но допустим, что бельгийские рабочие добились бы общего избирательного права; каким образом они могли бы воспользоваться им? Патроны налягут на рабочих и заставят их вотировать согласно желанию патронов. Однако это не может быть применено ко всякой стране. Если в Германии общее избирательное право есть единственное оружие, которым можно сражаться, то следует им пользоваться. — Антагонизм между классами исчезнет не так легко, как иные думают. Немцы рассудительнее бельгийцев, потому что более образованы, и не так легко ими руководить. В Бельгии масса народа столь невежественна, что в избирательной борьбе может быть увлечена каждым шарлатаном.

Швицгелль заметил, что в Швейцарии рабочие пользуются общим избирательным правом и пытались соединиться с теми радикалами, которые казались всего более расположенными к делу рабочего класса, но рабочие были обмануты. Они составили списки кандидатов как из рабочих, так и из радикалов, с уговором, что обе партии будут вотировать за выставленных кандидатов, но после выборов узнали, что рабочие вотировали за радикальных кандидатов, тогда как избиратели последней партии не вотировали в пользу кандидатов рабочих. В Женеве, Берне и других местах рабочим удалось попасть в кантональные советы но они не в силах там что-либо сделать, и им остается только вотировать вместе с радикалами. В виду этого они пришли к заключению, что вмешиваться в политическую деятельность не только бесполезно, но даже вредно, так как, принимая участие в выборах, они этим значительно усиливают силу государства. Существовало также кооперативное движение, при помощи которого рабочие надеялись освободиться; но они нашли, что их собственные средства для этого недостаточны. Затем был поднят вопрос о побуждении правительства выдавать рабочим обществам ссуды, но и это не удалось. В некоторых частях Швейцарии были проведены законы, уменьшавшие число рабочих часов, но первыми же нарушителями этих законов оказались сами рабочие. Все это посеяло разделение и раздор в рядах рабочих. Конгресс тут ничем не может помочь. Различным местностям должна быть предоставлена свобода избирать свой собственный путь. Прежний Генеральный совет пытался наложить на Ассоциацию политическую диктатуру решениями, принятыми на Гаагском конгрессе, и в результате

получилось распадение Интернационала. Если бы политическое воздержание было признано законом и требовалось настоятельно, — получился бы тот же самый результат. Как бы то ни было, Юрская федерация покончила с политикой и решила совершенно устраниваться от нее (Т. 16 сент., «Bull.», 39).

Гомес заметил, что положение дел настолько революционно в Испании, что самое выражение «политическая деятельность» там невозможно. Таково же положение во Франции, в Италии. В Германии правительственные преследования приведут к тому же. Когда таково положение в больших державах, то рабочим следует думать не о политической деятельности, а о революционной. («Bull.», 39).

Один немецкий делегат полагал, что нельзя найти лучшего руководителя, как уроки истории. Вся история показывает, что всюду и всегда, если недовольный класс общества желал подняться, он старался добиться политической силы. Средневековые гильдии и корпорации боролись из-за политической силы; руководители общества всегда поддерживали оспариваемые привилегии, опираясь на свою политическую силу. В течение последнего столетия аристократия Франции удерживала свои привилегии помощью своей политической силы; завоевание политической силы третьим сословием сделало буржуазию господствующим классом во Франции, и в настоящее время она поддерживает свое господство посредством той же политической силы.

В Германии рабочие решились достигнуть своего экономического освобождения при помощи политической силы, и политическая сила противников социально-демократической партии ставит рабочим препятствия на этом пути. Но это не важно: в конце концов рабочие все-таки останутся победителями. Каким образом противники рабочего класса пользуются политической силой для своей обороны, видно из того факта, что когда рабочие требуют свободы, равенства и братства, — правительство отвечает им пехотой, кавалерией и артиллерией. Когда в их журналах затрагиваются щекотливые вопросы, — политическая сила буржуазии выступает с репрессивными законами о печати. Когда они говорят слишком откровенно на публичных собраниях, — выступает на сцену та же политическая сила, разгоняет и запрещает собрания. Оратор упоминает об этом с той целью, чтобы показать, каким могущественным орудием оказывается эта сила, и он уверен, что рабочий класс не будет в состоянии добиться чего бы то ни было, пока не будет иметь возможность управлять ею. Затем оратор высказал лживость либерализма современной «борьбы за цивилизацию» в Германии. Далее он говорил о возможности борьбы рабочего класса путем выборов. Наступит время, когда голоса представителей труда получат силу в парламенте и, наконец, составят большинство. Если тогда аристократия и буржуазия попытаются подавить противников силою оружия, то эти классы

станут бунтовщиками и сообразно с этим с ними будет поступлено. Социальная демократия будет стоять за закон и будет иметь легальное право на своей стороне. Этим путем совершилась английская революция в XVII столетии и произошла последняя междоусобная война в Америке. Может быть, такая политика не понравится нетерпеливым людям, жаждущим немедленных результатов, но всякая другая не будет иметь никакого результата, кроме печальных событий. (Т. 16 сент.).

Фроме ответил на довод Бастена, будто немцы более образованы, что этот довод не имеет большой силы. Конечно, лучше, если кто умеет читать, писать и понимать написанное, но отсутствие образования еще не оправдывает бельгийских рабочих в том, что они не агитируют в пользу всеобщего избирательного права. Если они никогда не начнут, им никогда не удастся чего-либо добиться. Политическая агитация есть один из способов образования и будит массы. Дождаться, чтобы революция совершилась прежде, чем рабочие примут активное участие в общественных делах, есть уже ошибка. Перед нами такая дилемма: они затрудняются принимать участие в политике, так как народ невежествен, но народное образование не улучшится до тех пор, пока рабочие не начнут политической агитации и не добудут себе избирательного права.

Затем оба предложения (коллективистов и немцев) были взяты назад, и единогласно было принято новое предложение, что социально-демократическая партия каждой страны остается единственным судьей, насколько необходимо в этой стране для рабочих вмешательство в политическую деятельность.

Публичный митинг 10 сентября, по вопросам, поставленным в его программе, находился в самой тесной связи с прениями конгресса. Эти вопросы были:

1. Революция четвертого сословия и следствия торговых и промышленных кризисов.
2. Интернационал и буржуазная пресса.

Бюро состояло из трех членов брюссельской секции. Стандарт (Standart) был избран председателем.

Швидгебель прочел брошюру, напоминающую рабочим-социалистам положение, принятое относительно них буржуазией. Он указал на скопление капиталов все в меньшем и меньшем числе рук, как следствие и как источник промышленных кризисов. Он говорил, что теперь более, чем когда-нибудь, рабочие могут убедиться, насколько буржуазия не намерена ничего сделать для них, и насколько бесцельны всякие попытки вступить с нею в союз для получения от нее чего-либо. Она все более отделяется от рабочих в своих стремлениях к господству и выражает презрение к про-

летариям. Оратор кончил приглашением работников организоваться для своего освобождения, если они хотят освободиться собственными силами, так как лишь организация даст им надлежащую силу для уничтожения этой хищной аристократии капитала (AdP, 38, наш корреспондент).

Фроме высказал убеждение, что день восстания четвертого сословия близок. Буржуазия права, называя социалистов революционерами. Да, они революционеры, они должны были сделаться революционерами вследствие того, что их эксплуатировали. Всюду существует социальный вопрос, требующий разрешения, и ничто, кроме революции, не в состоянии решить его. Демократы-социалисты стремятся к социально-демократическому государству и не видят иного пути к достижению своей цели, кроме революции. Общество разделено на классы, и человеку приходится продавать свой труд на условиях, установленных капиталистами. Это незаконно. Капитал создается трудом; несправедливо, чтобы творение делалось тираном своего творца. Говорят, что бедные всегда были и всегда будут; оратор отрицает это. Все человеческие существа являются на свет нагими; природа делает их всех сходными между собою, но одаряет некоторых способностями и дает им возможность достигнуть вершины славы. Природа не производит на свет людей с готовыми бумагопрядильнями за спиною, ни других людей, назначенных работать на этих бумагопрядильнях. Все это — человеческие учреждения. Во времена древней Греции и Рима рабские были рабами, составляли собственность своих обладателей, и никто, ни даже сами рабы, не оспаривал этого учреждения. Рабовладельцы были в то же время и законодатели, они издавали законы для защиты своей собственности, считая своим *приобретенным правом* — право рабовладения, и боги древности освящали это учреждение рабства. Средние века уничтожили рабство, но беднякам внушили веру, что они будут вознаграждены в будущей жизни за бедствия, которые им приходится терпеть здесь. Феодальный барон считал своим приобретенным правом — право владения землею, точно так же, как гражданин древнего мира считал своим правом — право владения рабами. Фихте сказал, что ложная иллюзия поработила людей. Приобретенное право древнего рабовладельца было разбито в средние века, как ложная иллюзия. Третье сословие сделало то же с приобретенным правом феодального барона. Четвертому сословию придется поступить точно так же с приобретенным правом капиталиста. Прежде чем третье сословие совершило революцию во Франции, Аркрайт ³⁵⁷ изобрел прядильную машину, и с тех пор механическая техника подвигалась такими быстрыми шагами, что капиталисты стали всемогущи. Рабочим часто говорили, что они свободные люди; но на деле им остается только выбор между работой за плату, определенную капиталистом, и голодной смертью. Правда, они могут идти куда пожелают и работать у кого захотят, но это право

ограничивается только выбором места, где сгнуться. В Библии сказано: «кто не работает — не должен и есть», и революция четвертого сословия осуществит это изречение на практике. Есть тысячи праздных людей, тучнеющих от работы других, и то, что получают рабочие за свой труд, есть лишь доля той ценности, которую они создают. Их положение хуже положения древних рабов. Рабовладелец должен был заботиться о своей собственности; личная выгода заставляла его хорошо кормить раба, чтобы он оставался годным к работе. Современному капиталисту нечего об этом заботиться; ему выгодно истощить человека как можно скорее усиленной работой и потом взять другого. Такое положение вещей нельзя назвать рациональным. Что касается торговых кризисов, то оратор желал бы знать: кто производит их? Уж, конечно, не рабочие. Причина кризисов кроется в жадности капиталистов, а рабочим приходится страдать из-за этого. Избыток производства есть арена, на которой действует то, что называется «свободной конкуренцией». Когда наступает торговое затруднение, крупные капиталисты обыкновенно ускользают, но мелкие обанкручиваются. Государство покровительствует такому порядку вещей, тогда как оно должно бы было защищать бедного. Государство есть машина для подавления и притеснения народа. Преступления исчезнут при новом устройстве общества; в настоящее же время действительные преступники избегают наказания. Положить конец такому порядку вещей составляет миссию социализма, революции четвертого сословия. Немногие не в силах этого сделать, но массы должны сделать это. Бедность и угнетение рабочего класса достигли таких размеров, что мы находимся накануне революции. Людей, говоривших истину и поступавших согласно с справедливостью, называли всегда бунтовщиками. В 1848 г. народ расстреливали, как бунтовщиков. Сократ был бунтовщик и должен был выпить яд. Христос был признан бунтовщиком и распят. Первые христиане Рима были избиваемы массами как бунтовщики, но это не спасло распадавшейся Римской империи; и что ни делали бы теперь власти, преследующие новые идеи, это не спасет настоящий строй общества. Один из первых отцов церкви сказал, что пролитая христианская кровь есть посеянное семя христианства; мы скажем теперь: пролитая кровь социалистов есть также посеянное семя социализма. Бунт или восстание могут быть потоплены в крови, но действительная революция — никогда. В 1871 г. 400 000 человек восстало в Париже; в следующий раз их будут миллионы. Революция четвертого сословия должна совершить три дела: обеспечить права человека, установить равенство и истребить тиранов (Т. 14 сент., AdP, 38, наш корреспондент).

Так как митинг был свободный и на нем мог говорить всякий, кто потребовал бы голоса, потому в прениях принимали участие и лица посторонние.

Некто Брандес ⁸⁵⁸ (по некоторым сведениям, прусский шпион)

говорил, что рабочим не надо думать о революции, а больше учиться, и что весь неуспех парижских коммунаров зависел от неразвитости рабочих (наш. корр.).

Кулон³⁵⁹ (француз) сказал, что работник был всегда жертвою, вследствие недостатка своего образования, но что он заменяет этот недостаток инстинктом. Рабочие и крестьяне поняли, что они ничто в государстве; но они стремятся разрушить существующий порядок, чтобы сделаться чем-нибудь. В течение долгого времени французский рабочий следовал за предводителями, которые стояли временно в рядах недовольных правительством, но все эти предводители принадлежали буржуазии и оставляли народ в трудную минуту. Рабочим был дан хороший урок, и, конечно, на будущее время они будут полагаться только на самих себя. Оратор восстал против войн вообще, отнесся с увлечением к парижскому пролетариату, который, по его словам, сделал лишь одну ошибку: недостаточно энергически действовал во время Коммуны, не захватив банка. Народ виноват в том, что Коммуна была побеждена. Рабочим следует прежде приобрести самообладание, чтобы быть в состоянии победить своих врагов. Они должны разрушить политику, религию и собственность, разрушить всю современную общественную организацию, словом, все, за исключением коммунального совета; лишь из коммуны выйдет для них освобождение (Т. 14 сент., AdP, 38).

Флаго³⁶⁰ (Flahaut, тоже француз) заметил, что последняя революция была начата с слишком большою самоуверенностью. Коммунарам следовало бы поступить с самого начала так, как поступали впоследствии их противники. Другое обстоятельство, помешавшее успеху Коммуны, было отсутствие во главе движения подходящих людей. Большие коммерческие предприятия всегда делают лучших людей распорядителями дела, и рабочие должны воспользоваться этим примером. Оратор весьма рельефно изобразил угнетение рабочего класса рядом с роскошью эксплуататоров. Но он заметил, что недостаточно бранить буржуазию; не следует льстить и рабочим, а большинство их лишено надлежащей энергии, относится пассивно к делу своего освобождения и предпочитает забавляться музыкой или зрелищем ярмарочных таеров, а не присутствовать на собрании, подобном этому, где они многое могли бы себе выяснить. Он кончил резкой выходкой против буржуазной прессы, которая постоянно лжет и клеветает на членов Интернационала. Она называет ворами и разбойниками парижских коммунаров, потому что они были побеждены; они были бы героями, если бы победили, и те самые писатели, которые их теперь ругают, предложили бы свои услуги для осыпания подобными эпитетами своих друзей, сегодняшних победителей и — надо надеяться — завтрашних побежденных (Т. 14 сент., AdP, 38, наш корреспондент).

Это послужило переходом ко второму вопросу программы митинга.

Брисме говорил специально по поводу буржуазной прессы; он привел несколько выдержек из статей бельгийских газет о конгрессе, — статей, заключающих целую кучу выдуманных фактов, самых грязных выходов и инсинуаций. Говоря далее о вреде, приносимом наемными тисаками рабочему движению, которое они выставляют в ложном свете, оратор рассказал несколько случаев из закулисной жизни этого люда.

Затем было произнесено еще несколько речей. Между прочим, один оратор сказал по поводу нападок буржуазии: «они нас называют дележниками. — Да, к сожалению, мы действительно только хотим разделить богатства, тогда как надо прямо взять их у богатых».

В конце митинга говорил Бастен по поводу последних богомолий в Вербье и антипроцессий, устроенных членами Интернационала; оратор коснулся вообще религиозного вопроса, говорил, что правительство поддерживает клерикалов и что рабочие должны смотреть на последних, как на врагов (наш корр.).

Во время вечернего заседания 9 сентября была получена из Берлина телеграмма, вызвавшая восторженный прием (NSD, 108):

«Представители всех стран, укрепляйте единство пролетариата.

Соединенные с вами духом социально-демократические берлинские рабочие».

В послеобеденном заседании 14 сентября рассмотрен был вопрос о полезности одного общего языка для сношений между федерациями. Это вызвало довольно длинные прения. Некоторые делегаты защищали введение одного официального языка. Другие, напротив, думали, что принятие подобного решения конгрессом было бы вредно для Интернационала. Они предлагали просто, чтобы конгресс пригласил федеральные советы, условиться между собою относительно лучших средств для корреспонденции. Женевская секция пропаганды прислала по этому поводу мнение, высказавшее, «что при настоящем положении дел нельзя ответить определенительно на этот вопрос. Лучше предоставить отдельным федерациям и секциям условиться по этому вопросу между собою помощью бюллетеня, издаваемого на разных языках». Эккариус трибавил, что конгресс должен пригласить приверженцев разных федераций изучать живые языки. Предложение Веррикена в смысле предоставления этого вопроса федерациям, с добавлением Эккариуса, прошло единогласно (NSD, 39, «Bull.», 109).

Происхождение манифеста к рабочим, утвержденного Брюссельским конгрессом, корреспондент «Таймса» (Эккариус) объясняет так:

«Четвертый пункт программы, о полезности издания манифеста, обязан своим происхождением, как кажется, Юрской федерации. Делегат ее приехал на конгресс, уже снабженный совершенно готовым манифестом; конгрессу оставалось только сказать свое «Да», и манифест был готов к печати. Конгресс, однако, не сказал этого «Да»...

Делегаты, говорящие по-французски, вотировали принятие манифеста без всякого возражения; но немецкие делегаты решились обождать голосованием до прочтения точного перевода этого документа. Когда последний был готов, они возразили против тех частей манифеста, где имелось в виду выяснить разногласие между коммунистами - централистами и коллективистами - анархистами; вследствие этих возражений всякий намек на раздор был устранен» (Т. 16 сент.).

Юрская федерация назначена центральным бюро на будущий год. Относительно места собрания следующего конгресса, видимо, принято для разных случаев два разные решения. По «Бюллетеню» (№ 38), если положение дел в Испании позволит это, следующий конгресс должен иметь место в Испании. По другим известиям (Т. 16 сент., наш корр.), он должен иметь место в швейцарской Юре.

Комиссии из Веррикена, Патерсона и Де-Папа поручено привести в порядок труды конгресса для обнародования их. Официальный отчет будет напечатан в «Мирабо» и оттиснут затем особыми брошюрами.

Перед окончательным разъездом делегатов, 19 сентября, происходил социалистический банкет; на нем присутствовало от 150 до 200 человек.

Брисме был выбран председателем и произнес короткую речь, где припомнил цели собрания и обратил внимание на ругательства, которыми буржуазная пресса осыпала только что кончившийся конгресс.

Де-Пап пригласил делегатов, прибывших из провинции, высказать свои мнения о конгрессе и о разной лжи, распространенной журналами эксплуататоров. Он сделал подробный разбор трудов конгресса и говорил об его успехе, которого трудно было ожидать при преследовании Интернационала правительствами. Оратор сам сильно опасался до самого события за возможность устроить седьмой конгресс, который должен был собраться, согласно решению, принятому в прошлом году, в Женеве. Есть, следовательно, причина радоваться, так как представителям Интернационала не только удалось устроить свои заседания, но, несмотря на преследования, конгресс имел в своей среде представителей большинства стран³⁶¹.

Разбирая вопросы, поставленные конгрессом, оратор сказал, что различные средства, употребляемые в различных странах для

достижения торжества правого дела, все правильны, пока для каждой страны существует единство в действиях. Пусть одна страна пробует участвовать в политике. Пусть другая воздерживается от этого, лишь бы не было разделения внутри нации, которое единственно опасно. Оратор находит, что очень полезно отложить на год решение по вопросу об общественной службе, так как это дает еще время для исследования вопроса.

Обращаясь к враждебной прессе, оратор прочел ругательную статью из «Moniteur Belge», где 14 делегатов конгресса названы помешанными. «Да, — сказал оратор, — мы помешаны, как Сен-Симон, которого назвали помешанным за его предложение прорыть Суэцкий перешеек (что теперь исполнено); мы помешаны, как все первые изобретатели в промышленной технологии; мы помешаны, как были помешаны столько других социалистов, вся жизнь которых была мечтою о справедливости». Затем он провозгласил тост: «Я пью за великого помешанного, нового пролетария, который хочет жить *свободным и независимым*». Единогласные рукоплескания встретили этот тост.

Кёнен напомнил, как разные органы прессы во время войны между двумя деспотами восхваляют этих великодушных победителей при пособии картечи и разрушения, и как противоположно этому отношение прессы к рабочим, организующимся для положения конца ужасам войны и пауперизма. Оратор кончил желанием, чтобы одна и та же программа была принята всеми секциями Интернационала.

Магерманс³⁶² (Maghermans) из Антверпена сказал, что ложь журналов не имеет значения, так как, пока измученный производитель будет питаться лишь крохами, которые бросают его господа, восстание не прекратится. Пусть всюду провозглашают смерть Интернационала, когда и в больших центрах и в самых маленьких общинах он имеет приверженцев, которые ждут минуты обновления. Буржуазия лжет сознательно. Едва ее органы объявили, что социализм потоплен в крови Коммуны, как им пришлось повторять свои старые ругательства, прилагая их к коммунистическим движениям в Мурсии, Алькое, Картагене. Едва прошло несколько месяцев после поражения восстания в Испании, как реакция испугана итальянским движением. Таких восстаний, может быть, будет еще не мало; они доказывают жизненность рабочих социалистов и их нетерпение услышать, когда ударит час великой революции.

Швицгебель выразил свою радость, что он везет в Швейцарию известия о чувствах братства, одушевлявших делегатов на конгрессе. Оратор чувствовал себя счастливым, присутствуя снова на заседаниях, где изучают и разбирают предмет, после чего, несмотря на различие мнений, расходятся друзьями. Он уверен, что дружелюбие и согласие, ознаменовавшие заседания, принесут свои

плоды. — Оратор пил за Бельгийскую федерацию. Де-Пап ответил тостом за Юрскую при шумных аплодисментах.

Еще сильнейший взрыв аплодисментов вызвал тост, провозглашенный немцем за убитых коммунаров.

Веррикен разобрал силу Интернационала, уменьшившуюся в числе людей, но более чем прежде могущественную. Все солдаты социализма теперь соединены и сознали глубокое значение социальной революции.

Длинная немецкая речь Фроме не была переведена и помещена в бельгийских журналах.

Матайв (Mathaiwe)³⁶³ из Люттиха очень сожалел о том, что конгресс не принял решения относительно общественной службы, и опасался, что социальная революция может наступить прежде, чем установится программа для устройства будущего общества.

Ту же мысль поддерживал и Ээрег (Eereg) из Люттиха, выражая сожаление о разногласиях, существующих в Интернационале. Ими пользуется буржуазная пресса, заявляя, что И. умер и, при помощи этой лживой прессы, красный террор перестанет временно беспокоить буржуазию. Но сила И. не ослабела, если число его членов и уменьшилось. Пусть противники его пройдут по мастерским; они убедятся, что начала социализма и революции укрепились между пролетариями. Пусть раздастся выстрел обновления, и тогда увидят, какова сила тех, кого считают мертвыми.

Менье (Meunier)³⁶⁴ из Вербье согласен с предшествующими ораторами и прибавляет, что в бассейне Вездры в продолжение месяцев обсуждали вопрос об организации общественной службы. Что касается числа членов И., оно прибывает и убывает попеременно. В Вербье заседания секций и митинги идут успешнее прежнего.

Кёнен и Брисме отвечали на предыдущие речи, обращая внимание на обстоятельство, что преследования И. помешали многим делегатам некоторых стран присутствовать на конгрессе. Ораторы выразили надежду, что положение дел может измениться к лучшему (?) к следующему конгрессу, и напомнили, что все делегаты согласны в одном: именно, что нужно во что бы то ни стало прекратить господство грабежа и нищенства.

Банкет кончился сбором в пользу коммунаров, сосланных в Новую Каледонию (AdP, 39).

Нельзя не согласиться со словами Де-Папа на последнем банкете, что Брюссельский конгресс, начатый при самых невыгодных условиях и предзнаменованиях, имел неожиданный успех. За несколько дней до начала кгр. люди, самые близкие к его организации и самые знакомые с положением дел, выражали крайнее сомнение в том, что конгресс может состояться.

И между тем конгресс состоялся. Он сохранил и усилил тради-

цию связи между разными национальностями — этот основной принцип М. а. р. Лассальянцы имели на нем представителей, и этот факт открывает новую утешительную перспективу для будущности Интернационала и для самих лассальянцев. Эта группа, не примыкавшая к И., но весьма многочисленная и прочно организованная, ослабляла И. своим существованием и своею враждою к нему. Было довольно вероятно, что она должна будет распасться, но при этом весьма было возможно, что лишь часть ее примкнет к немецкому Интернационалу, другая же часть могла быть вовсе потерянною для рабочего движения. Но произошло сближение лассальянцев с федералистами на Брюссельском конгрессе в одно общее целое, и одновременно произошло сближение их предводителей с предводителями немецкого И. на рейхстаге и при избирательной борьбе в Германии; эти два одновременные факта позволяют надеяться, что именно эта группа, служившая помехою единству действия немецких рабочих, может сделаться (может — не более) связующим звеном, которое восстановит единство М. а. р., примирив немецких интернационалистов с федералистами в общем деле ⁸⁶⁵.

Едва ли не это присутствие лассальянцев и энергическое вмешательство Де-Папа (который, как мы слышали, хотел было совсем воздержаться от участия в кгр.) имело следствием то примирительное настроение, которое отличало все прения и решения кгр. В виду умеренно-централистической программы самого талантливого и богатого познаниями представителя групп, пославших делегатов на Брюссельский конгресс; в виду крайне централистической организации и государственной традиции немецких союзников, которыми не могли не дорожить самые крайние анархисты в виду усиления своего дела, — в виду всех этих сдерживающих обстоятельств, неизбежен был, во-первых, более примирительный тон прений о вопросах, которые могли всего скорее вести к раздражению и к разрыву; неизбежно было, во-вторых, смягчение предложений анархистов, представленных на конгресс; неизбежно было, наконец, что самый вредный для конгресса предмет прений, именно взаимные обвинения между партиями, перенесение вопроса о личностях на почву международных совещаний между рабочими, был отодвинут на задний план и стушевался совершенно.

Это исключение из манифеста к рабочим всех элементов личных и раздражающих вражду между партиями поставило Брюссельский кгр. на ту самую точку зрения, которую мы постоянно отстаивали. На Брюссельском конгрессе прения шли не только между рабочим государством по типу Де-Папа и федерацией с войском и полициею по типу женевской секции пропаганды, не только между умеренным централизмом прежнего или даже нового Генерального совета и анархизмом Юрской федерации, но между безусловным централизмом лассальянцев и отрицанием всякого признака власти испанскими революционерами и итальян-

ским манифестом. Представители обоих крайних мнений высказывали друг другу прямо, что они считают рациональным только свой образ действия; они высказывали столь же прямо, что видят в противоположном способе действия опасность для рабочего дела; но они не отрицали полной возможности для людей, пробующих эти различные способы бороться против общего врага, считать друг друга братьями, помогать друг другу в борьбе и признавать свою общую солидарность.

Иначе говоря, кгр. безмолвно признал, что вопрос о форме организации есть вопрос *второстепенный*, разрешаемый в настоящем так или иначе, смотря по местности, по обстоятельствам дела, по личностям; вопрос, из-за которого расходиться нечего, из-за которого раскол бессмыслен, когда первостепенный вопрос, вопрос о борьбе с капиталом и современным государством, общ для всех, соединяет всех рабочих в братском чувстве солидарности, в решимости борьбы против общего врага.

Положение, принятое Брюссельским конгрессом, заставляет нас предупредить читателей, что если мы впредь будем употреблять названия федералистов и централистов при обозначении двух враждебных партий, из которых одна не признает решений Гаагского кгр., а другая признает их, то эти названия суть лишь клички, не более, в роде американских республиканцев и демократов, английских вигов и тори, так как то, что прежде можно было назвать федералистами, в настоящее время есть просто М. а. р., соединенная общою целью, общою солидарностью в общей борьбе, допускающая в себя всякую форму организации, всякий способ борьбы против врага и стремящаяся выработать организацию будущего общества путем прений о теоретических и практических вопросах социализма, стремящаяся достичь своей цели, опираясь на те местные и временные условия, которые ей представляются в разных странах.

Став на эту почву, Брюссельский кгр. поставил два серьезных вопроса из рабочего социализма. Он не решил их и не мог решить. Это было и не важно. Все серьезные вопросы социологии и истории решаются не парламентами, не конгрессами, а самым ходом событий. Для рабочих важно, что представители разных секций и федераций высказали еще раз перед миром свою решимость бороться, бороться, как им кажется лучше: путем выборов и путем тайного заговора; путем легальных мер и путем революции; но бороться до конца. Конечно, одни из них найдут на практике, что путь их нейдет к цели, что им придется бороться иначе. Рано или поздно их убедит размышление или опыт. Но важно, что итальянский революционер видит товарища по делу в берлинском рабочем, избирающем Гассельмана; важно, что анархист Юры может обсуждать спокойно свои теории с Де-Папом. Для противников социализма важно, что после тяжелых потрясений последнего времени М. а. р. оказалась настолько живучею и креп-

кою, что задача ее не изменилась, и представители самых противоположных взглядов на форму рабочего движения могли собраться, сесть рядом и обсуждать будущее устройство общества, как люди, уверенные в завтрашней победе.

В этой летописи наше дело не оценивать итальянский манифест или проект организации общества. Де-Папа, не разбирая критически речь того или другого оратора. Нам следует здесь только отметить, что все эти манифесты, проекты, речи, слабые и обдуманные, говорили одно современному государству, современному обществу: враги ваши живы! враги ваши целы! враги ваши более чем когда-либо решились, оставляя в стороне все личные, все второстепенные вопросы, дружно бороться с вами до конца!

Да, многое разбито и умерло. Многие вчерашние вопросы, вчерашние заботы унесены волною истории. Но Интернационал жив. Интернационал цел. Интернационал готов к борьбе!

Пусть ужасаются и смеются его противники слишком громким фразам одних, слишком резким требованиям других, видимому разногласию групп. Фразы, даже излишне громкие, способны воодушевить к борьбе, и цезаристы это знают в своих *ordre du jour*. Требования, даже слишком резкие, суть симптомы действительного общественного раздражения. Разногласия же, не ведущие к расколу в громадной и разнородной совокупности, какова М. а. р., суть лишь указания на жизненность целого, на автономное и сознательное участие в нем частей, на то, что М. а. р. стремится решить в своей деятельности самый трудный социологический вопрос: согласно действовать для общего торжества над общими врагами при крайнем разнообразии участвующих в деле элементов.

Конечно, это только начало дела. После того страшного потрясения, которое перетерпел И. после Гаагского кгр., это лишь первый шаг больного. Рецидив возможен и опасен. Пожелаем искренно новому И. укрепиться на том пути, на который он теперь вступил. Пожелаем, чтобы он не сходил с этого пути и чтобы мало-по-малу на его конгрессах сошлись представители всех нынче враждебных или охладевших к делу рабочих групп. Устранив личные вопросы и вопросы формы из первостепенных забот своих, он тогда спокойнее выработает себе, может быть, и новую форму организации, более удобную для действия, более могучую, чем та, которая позволяет ему переживать эпоху своего возрождения.

Разумеется, нельзя знать, насколько следующий кгр. централистов оживит их партию, как союз рабочих всех стран, и откроет ей лучшее будущее. Надежды на это теперь не особенно велики. Если им удастся образовать серьезный кгр. и выбрать сколько-нибудь разумный Генеральный совет, то положение двух партий в отношении к объединению рабочего движения в целом

мире может измениться. При тех талантливых и энергических личностях, которые до сих пор остаются верны решениям Гаагского ктр., это дело возможное. Но если им это не удастся, то едва ли можно указать другой путь для объединения деятельности рабочих, как приступление к существующему конгрессу И. разных централистических групп, отменив решения Гаагского ктр. и последовавшие за ним постановления нью-йоркского Генерального совета.

Кто бы ни восторжествовал окончательно — в настоящую минуту не важно. Важно, чтобы восторжествовало дело рабочих.

Когда уже первый лист этой главы был давно отпечатан, мы получили номера «A.Z.», из которых видно, что раздор в американском Интернационале пошел еще далее. Зорге исключен из И., как поддерживающий Обервиндера (сближение которого с буржуазиею несомненно), как сближившийся сам с буржуазиею, как изменник делу. Мы не знаем, насколько можно теперь говорить о реальном осуществлении централистического Генерального совета Международной ассоциации рабочих.

Из более мелких фактов, относящихся к Интернационалу вообще, упомянем, что на Глазговском съезде ученых по предмету социальных наук выступил защитник И., именно Барри³⁶⁶. К сожалению, эта личность, называвшая себя членом И., присутствовавшая одно время в Генеральном совете 1873 г. и получившая неизвестно от кого полномочие от секции из Чикаго для Гаагского конгресса, с самых первых шагов в среде И. была заподозрена в близких сношениях с английским министерством, и впоследствии эти подозрения сделались почти бесспорными. Повидимому, этот господин эксплуатирует свои будто бы существующие сношения с рабочими для того, чтобы иметь значение в глазах министерства.

Перед самым концом этой главы мы получили небольшую французскую брошюру, озаглавленную «Рабочему классу от революционного комитета пролетариата» («A la classe ouvriere par le comité revolutionnaire du proletariat»). Комитет этот объявляет, что он примыкает к принципам Интернационала (почему же не к самому И.?), объявляет себя приверженцем коммунизма, атеизма и высказывает стремление к централистической организации рабочих всех стран для социальной революции. Насколько нам известно, это — небольшая группа, не имеющая будущего.

Мимоходом отметим и следующий факт. В «*Courier de l'Europe*» от 24 января помещена статья под заглавием «Славянский комитет в Париже», в которой, между прочим, сказано:

«Славяне, находясь в исключительном положении относительно других европейских народов, не имеют времени заниматься социалистическими теориями. — Социалисты между славянами являются лишь как уединенные личности...»

Эти слова, повидимому, вышли из того же небольшого кружка (Cercle slave), который издал в 1873 г. литографированную брошюру «Интернационал и революция», где, в предисловии к переплету протеста бланкистов против Гаагского конгресса и против И., объявил И. умершим, осыпал его ругательствами и объявил, что пропаганда в народе есть «детский лепет или мальчишеский бред»; из того самого кружка, который, ранее выхода «Вперед», по одной его программе, потрудился напечатать в «Avenir National», что это — орган шпионов русского правительства; из того самого кружка, один из главных деятелей которого, находящийся теперь в России, вступил, повидимому, в совсем иные группы общественных деятелей...³⁸⁷

Не зная личностей этого кружка, мы не можем сказать, насколько во всех этих проявлениях «Славянского комитета» участвует невежество, органическое помешательство или мелочная злонамеренность. Рассуждать с подобными господами, конечно, было бы нелепо. Им нужно или учение, или лечение, или... игнорирование. Что касается до социализма славян, то русские и вообще славянские социалисты докажут на деле Европе, насколько они суть «уединенные личности». В России и Сербии существование социалистических групп и социалистической агитации неизвестно лишь полным невеждам. В Польше группы социалистов растут, хотя традиции национализма и сильно мешают их быстрому развитию, но восприимчивость польского народа в этом случае не позволяет усомниться в успехе пропаганды. Между чехами уже есть рабочие социалистические союзы со специальным органом («Delnické Listy»). В Загребке тоже образовалась такая же партия, и будет издаваться журнал «Priatelj Ludu». Славяне не только не находятся в этом случае в исключительном положении, отклоняющем их от социализма, но есть полная вероятность допустить их восприимчивость относительно его как вследствие исторического развития поземельного владения во многих славянских племенах, так и вследствие социалистической традиции, связанной со всеми национальными славянскими религиозными движениями (богомилов, таборитов, раскола). Поэтому есть полная вероятность допустить, что славяне, именно в народных массах, скоро поймут, насколько их будущее, как будущее всего человечества, зависит от социального переворота.

18—6 ноября 1874 года.

Примечание к последним двум главам „Летописи рабочего движения“ ⁸⁶⁸

Статья эта была набрана; и печатание ее приходило к концу, когда мы получили июльский номер петербургского журнала, знаменитого своим умеренным либерализмом, и в этом номере оказалась статья некоего скромного Н. Ф. ⁸⁶⁹, который, «по донесениям английских дипломатических агентов и новейшим результатам статистических работ», излагает «современное положение рабочей силы», между прочим и в Германии. Не касаясь и концом пальцев рабочих газет страны, о которой он пишет, вполне довольный респектабельными ⁸⁷⁰ дипломатическими агентами и статистикой профессоров и гофратов, наивный и добровольно невежественный сотрудник либерального журнала говорит с шульцеделичевским ⁸⁷¹ сочувствием о «законных требованиях рабочих» и с филистерскою самоуверенностью об «утопических теориях», «утопических целях», «неосуществимых идеях», распространяемых «агитаторами», возбуждающими неудовольствие народа (разумей: рабочими социалистами и проповедниками Интернационала). Он надеется, что «умственное развитие германского народа, идущее доселе правильно» (!), удержит его от доверия этим зловредным агитаторам. Он надеется, что правительство и капиталисты «прислушаются к законным требованиям рабочих» и осуществят маниловскую программу наивного публициста, именно — доставят рабочим «возможность жить чисто и тепло, есть сытно и иметь некоторый (?) досуг, откладывать копейку на черный день, вот все (!!!!), что нужно сделать для рабочих». Н. Ф. должен бы жить во времена Карамзина ⁸⁷² и, вероятно, с успехом подвизался бы в писании чувствительных статей.

Собственно до невежества Н. Ф. и до его дребедени, скомпилированной из односторонних источников, нам никакого дела нет. Попалась ему иностранная книжка с интересными фактами, он скомпилировал; может быть даже, и результаты его наивного измышления можно найти целиком в каком-нибудь иностранном источнике, а то и сам он своим умом дошел до своих милых надежд о том, что вот хорошо бы правительствам и капиталистам Европы поучиться уму-разуму у него, Н. Ф., а работникам слушать социалистическую пропаганду не след. Он не видал того ожесточения, которым проникнуты правительства Европы и ее капиталисты в отношении к рабочему протесту, к рабочему движению; он не слышал проповеди «апостолов» рабочего социализма; он не видал стачки голодных рабочих, требующих себе не только сытой пищи, но человеческих прав, требующих себе власти, потому что они — народ, требующий социальной ликвидации. Может быть, он и очень добросовестно думает, что все именно так состоит, как он пишет. Пусть поучится и посмотрит.

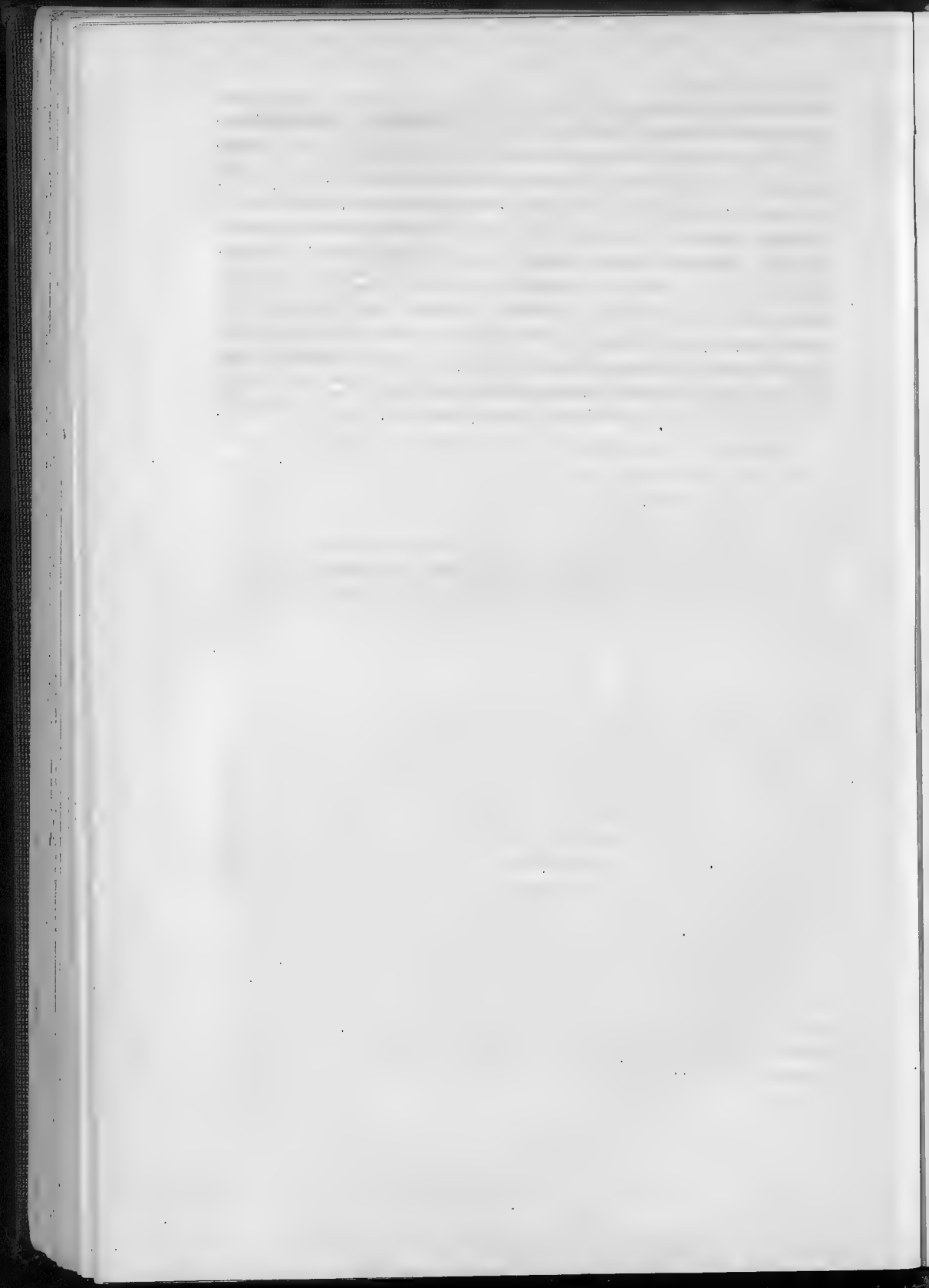
Но перед нами журнал, один из представителей современного

либерализма, журнал, на страницах которого встречается порою сочувственное отношение к нашему крестьянству и как будто искреннее желание блага России; встречаются иные подписи, еще не запачканные грязью современной реакции. Допуская жалкий взгляд иностранцев Шульце-Деличей и К° на свои страницы, наши либеральные издания имеют лишь то оправдание (если это — оправдание для порядочного журнала), что рабочий вопрос Запада их очень мало интересует, как вопрос иностранный, чуждый России, что они поэтому не требуют точных знаний и строгого изучения от сотрудников, им занимающихся. Как лучшие парижские журналы не стыдятся быть совершенно невежественными относительно России, так наши либералы не стыдятся своего невежества относительно вопроса, от которого зависит будущность Европы, будущность мира. Мы за это добровольное невежество не станем возмущаться против них и не ставим их рядом с злонамеренным искажением фактов рабочего вопроса иностранными либералами, которые не могут не знать борьбы, идущей около них, борьбы, в которой они сами невольно участвуют, от которой не может устраниваться ни один европейский публицист, потому что это жизненная борьба его сограждан. Мы временно допускаем, что в жизни иностранного рабочего вопроса публицисты нашей либеральной партии грешат по неведению.

Мы их судим по отношению к вопросам русским, в особенности к тем, которые мы выставили вперед других в нашей программе. Но в этом отношении рождается сомнение: можно ли отделить судьбу русского крестьянства от движения заграничных рабочих? Можно ли понимать первую, не понимая второго? Можно ли угадывать будущность нашего крестьянства, не обращая внимания на вероятную будущность рабочих целого мира, на характер борьбы, которая кипит в рабочих ассоциациях Запада? Мы коснемся этих вопросов в особых статьях, где мы подвергнем тщательному разбору всю несостоятельность их органов, весь вред для России их колеблющихся, неопределенных и бесхарактерных стремлений. Мы сказали в нашей программе, что мы их враги и будем вести с ними неумолимую войну. Мы скоро начнем ее. Мы постараемся не быть очень резкими, потому что не имеем еще причины сомневаться в искренности этих противников, но мы не будем щадить тех, которые, по нашему мнению, готовят русскому народу печальную будущность карикатуры европейского парламентаризма. Мы теперь же только укажем либеральной редакции журнала, о котором говорим, на слова, помещенные в той же книжке, где мы прочли и компиляцию Н. Ф., слова, относящиеся к современной русской литературе, и о которых не худо бы поразмыслить редакции: «Большинство нашей литературы, — говорит автор, — слишком далеко от сколько-нибудь серьезного понимания вещей... даже в таких кружках, которые заявляют притязания на известную самостоятельность, на известную рациональ-

ность и последовательность мыслей, господствует такое рабское подчинение ходячим понятиям и ходячему расчету, что смешно было бы говорить о присутствии в них истинно критического начала». Это в особенности справедливо в отношении к нашей так называемой *либеральной* прессе. Тупые реакционеры, расчетливые Катковы и откровенные спекуляторы гораздо прямее и проще смотрят на дело, а потому и гораздо последовательнее. В отношении к формирующейся партии наших либеральных конституционалистов мы скажем с одним из наших сотрудников: пусть народ русский раздавит элементы нашего парламентаризма, «прежде чем они успеют организовать в одно целое»; пусть он не допустит и существования «либерально-конституционной власти в России», как новой формы власти. Единственная организация для русского народа должна быть организация общенародная. Единственная власть среди его должна быть *его* власть...

ПРИМЕЧАНИЯ

1911, 24.9.11

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воззвание Лаврова «Русским цюрихским студенткам» вышло в виде анонимной листовки в 6 страниц, в 2 столбца, без обозначения места и года издания, очень скоро после опубликования приказа царского правительства от 22 мая 1873 г., где русским студенткам предписывалось оставить Цюрих. Судя по тому, что И. С. Тургенев, которому Лавров послал это воззвание в Париж, отозвался на него в своем письме к Лаврову от 28 июня 1873 г., можно думать, что оно вышло из печати не позже 20 июня. Воззвание это — первое специально политическое произведение Лаврова, где он использует приказ царского правительства, чтобы извлечь из него ряд политических выводов против самодержавия.
2. Грановский, Тимофей Никол. (1813—1855), профессор всеобщей истории Московского университета с 1839 г., гегельянец, западник, сторонник традиций в религии; в лекциях своих протестовал против деспотического режима Николая I; сыграл значительную роль в деле пропаганды либеральных идей и основ буржуазной культуры в 1840-х гг.
3. Кудрявцев, Петр Никол. (1816—1858), профессор всеобщей истории Московского университета с 1847 г., беллетрист и литературный критик, ученик и друг Грановского; сотрудник «Отеч. Записок», «Современника», «Русского Вестника».
4. Кюстин, Адольф (1793—1857), маркиз, франц. писатель, автор книги «Россия в 1839 г.» (Париж, 1843), где он дал описание ее быта и порядков, метко подметил отрицательные явления русской жизни и дал удачные характеристики некоторых тогдашних деятелей.
5. Александр II (1818—1881), российский император с 1855 г., убитый народовольцами 1 марта 1881 г.; провел некоторые внутренние реформы в интересах буржуазии и капитализирующихся помещиков; в борьбе с революционерами не стеснялся никакими средствами, палач польского восстания 1863—64 гг., угнетатель нерусских национальностей.
6. Булгарин, Фаддей Венедикт. (1789—1859), журналист, беллетрист, критик и историк эпохи Николая I, писавший доносы на передовых писателей в III отделение. Имя его сделалось синонимом грязного пасквилянта; свыше 30 лет был редактором газеты «Северная пчела», выражавшей интересы крепостнического дворянства и высшей бюрократии.
7. Авенариус, Вас. Петр. (1839—1919), автор пасквилей на революционную молодежь — «Современная идилия» (1865) и «Поветрие» (1867), вышедших в 1867 г. под общим заглавием «Бродячие силы». В статье об этой повести в «Деле» за 1868 г., № 3, «Типы русского бессилия» Н. В. Шелгунов назвал автора «журнальным скоморохом и болтуном», спекулирующим на умственной реакции. Впоследствии Авенариус обратился к безобидным темам и стал писать для детей и юношества.

7. Лесков, Ник. Сем. (1831—1895), псевдоним — М. Стебницкий; автор реакционных романов «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870—71), где осмеивались революционеры 60-х годов; эти романы вызвали негодование всей прогрессивной печати; впоследствии Л. стал писать в духе толстовства; хорошо знал быт провинции, мещан, чиновников и духовенства; мастер языка, со склонностью к стилистическим ухищрениям.

8. Печатаемые здесь впервые две страницы журнала «Вперед» не имеют заглавия и помещены до оглавления I тома «Вперед», в самом начале книги, будучи вклеены в нее уже после напечатания всего текста книги, перед выпуском ее в свет 1 (13) августа 1873 г. Страницы эти имеют программный характер и впоследствии неоднократно цитировались самим Лавровым. Заглавие их составлено мной и потому заключено в прямые скобки.

9. Программа «Вперед» полностью перепечатывается впервые. В сборнике Бурцева «За сто лет» (Лондон 1897) и в «Историко-революционной хрестоматии» (т. I, М. 1923) она напечатана только в отрывках.

10. «Счеты русского народа» — яркий обвинительный акт против династии Романовых, одна из немногих чисто политических статей в журнале «Вперед».

11. Романовы — боярский слабоумный, канжеский, трусливый и жестокий род, отпрыск которого был избран в 1613 г. на царский престол Московского государства контрреволюционными представителями дворян и купцов, задыхавших крестьянскую революцию начала XVII века («Смутное время»). Вплоть до своего свержения в 1917 г. были классовыми представителями реакционного дворянства, крупнейшими помещиками-землевладельцами; с развитием капитализма — владельцами многих заводов и фабрик и 700 млн. капиталов, размещенных из боязни революции в иностранных банках.

12. Дидро, Дени (1713—1784), один из крупнейших франц. писателей и философов XVIII в., воинствующий атеист и материалист; с 1751 по 1772 г. вместе с Д'Аламбером издавал «Энциклопедию»; главные его работы: «Мысли об объяснении природы», «Сон Д'Аламбера» и др.; идейный вождь образованных кругов средней буржуазии, отразивший ее революционный рост; в качестве критика видел цель искусства в очищении нравов; автор романа «Племянник Рамо», где осмеян тип социального паразита и дана сатирическая картина нравов XVIII века. Любимый прозаик К. Маркса.

13. Разумеется Александр I (1777—1825), сын Павла I, ставший российским императором в 1801 г. после принятия косвенного участия в убийстве отца; в начале царствования заигрывал с представителями промышленной буржуазии, но правил обычными крепостническими методами; глава реакционного «Священного союза» главнейших правительств Европы против революции; создатель военных поселений, мучительных для солдат и крестьян; в основном выражал интересы дворянской аристократии и помещичьей торговли.

14. Пугачев, Емельян Ив. (ок. 1744—1775), бедный донской казак-земледелец, руководивший в 1773—75 гг. крестьянской революцией, назвавшись императором Петром III. Преданный двумя казацкими старшинами 26 августа 1775 г. был схвачен и казнен в Москве. Обладая развитым классовым чутьем, стремился к освобождению крестьян от помещиков, к передаче крестьянам всей земли и имущественному разделу, но отчетливой социальной программы не имел, например, желал посадить на престол «мужицкого» царя, требовал «быть всем казаками» и т. п.

15. Павел I (1754—1801), российский император с 1796 г., боровшийся с франц. революционной «заразой» путем посылки Суворова в

Итальянский поход 1799 г., жестоко подавлявший крестьянские волнения, усиливший самодержавие законом о престолонаследии, воспрепятствовавший поездкам за границу и приезд иностранцев; был задушен заговорщиками из своих приближенных и сыновей, защищавших интересы торгующего дворянства, недовольного разрывом сношений П. с Англией.

16. Лавров здесь допускает большую ошибку: избрание Романовых было делом не «общенародным», а только объединившихся против крестьянской революции бояр, дворян и купечества.

17. Локк, Джон (1632—1704), англ. философ, психолог и педагог; признавал источником всех знаний только опыт внешний (ощущения) и внутренний (рефлексию); сущность вещей считал непознаваемой; признавал существование субстанциональной души и бога; в политике стоял за ограниченную монархию, в воспитании — за закалывание организма и дисциплину; выражал интересы буржуазии своей эпохи.

18. Кромуель, Оливер (1599—1658), вожь английской революции XVIII века; с 1653 г. диктатор в звании лорда-протектора Англии. Его диктатура являлась диктатурой слоев дворянства, переходивших к капиталистическому хозяйствованию, и крупного купечества. Во внешней политике обеспечил за Англией морское могущество и возможности широкой колониальной политики.

19. Мазаньелло, Томасо Аньелло (1623—1647), рыбак, вожь восстания 1647 г. в Неаполе против испанского владычества, убитый наемными убийцами; упразднил все налоги и стремился к уравниванию неимущих в правах со знатью.

20. Радищев, Александр Ник. (1749—1802), писатель, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790), где он протестует против самодержавия и крепостного права и призывает к восстанию против дворян-помещиков. Первый провозгласил идеи буржуазной революции в России. Приговорен к смертной казни, но помилован и сослан в Сибирь на 10 лет. В 1796 г. возвращен и вскоре отправлен из-за угрозы новой ссылки.

21. Новиков, Ник. Ив. (1744—1818), писатель, педагог и общественный деятель, выражавший интересы нарождавшейся промышленной русской буржуазии; один из первых русских буржуазных просветителей, издатель сатирических журналов, бичевавших крепостное право и восхвалявших мещанские добродетели; основатель книжных лавок и школ во многих городах; впоследствии мистик-масон и крупный издатель. В 1792 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость за «вольномудство»; в 1796 г. освобожден, но тюрьмой был надломлен.

22. Матвеев, Мих. Леонт. (1778—1855), госуд. деятель по народному образованию, попечитель Казанского университета и учебного округа, расхищавший казенные деньги, подавлявший свободу мысли и слова и писавший доносы на «вольномудцев»; благодаря ему арестовывали преподавателей гимназий, университетов и военных школ.

23. Огарев, Ник. Плат. (1813—1877), поэт и публицист; эмигрант с 1856 г.; вместе с Герценом редактор «Колокола»; один из организаторов о-ва «Земля и Воля» 60-х гг.; отражал мелкобуржуазные настроения радикальной интеллигенции, но высказывался против революции, становясь, таким образом, на позиции буржуазного либерализма; друг Бакунина.

24. Елизавета Петровна (1709—1761) с 1741 г. завладела престолом, как дочь Петра I, с помощью гвардии, свергнув малолетнего Ивана Антоновича; окружила себя любовниками, расхищавшими казну. Защищая интересы дворянства, усилила крепостное право и дворянские привилегии.

25. Кантемир, Антиох Дм. (1708—1741), первый русский сатирик, выходец из Молдавии; обличал невежество и защищал реформы Петра I. Был послом в Лондоне и Париже.

26. «Мертвые души» — произведение Гоголя, где дана сатира на представителей дворянской России эпохи крепостничества;

27. Мартинисты — русские франк-масоны (вольные каменщики), или сокращенно масоны, представителями которых в Москве были Новиков и Лопухин. Общество русских масонов было основано в 1780 г. и названо М. по имени мистика-теософа Сен-Мартена, Луи-Клодта (1743—1803). Масоны рассматривали себя как каменщиков, воздвигающих символический храм добродетели. Они выражали интересы буржуазных аристократических кругов, втянутых в международный товарообмен; и потому отрицали национальную и религиозную исключительность.

28. Клисфен, афинский демократический реформатор начала VI века до христ. эры, введший ostracism (изгнание из отечества) для предупреждения тирании; выражал интересы торговой буржуазии и ограничил власть землевладельческой аристократии.

29. Гракх, Тиберий (163—133 до хр. эры) и Кай (153—121), знаменитые римские народные трибуны, стремившиеся к укреплению и расширению прав малоземельных крестьян. Их земельные реформы встретили отпор со стороны земельной аристократии; и они оба погибли.

30. Беккария, Чезаре (1738—1794), итальянский политич. писатель, автор книги «О преступлениях и наказаниях» (1754), выдвинувший для борьбы с преступностью меры просветительного и политико-экономического характера, протестовавший против жестоких наказаний феодального строя и оказавший влияние на все европейское законодательство, в особенности на «Наказ» Екатерины II 1767 г.; выражал интересы буржуазии XVIII века, для которой реформы в правосудии были одним из лозунгов борьбы с феодальным режимом во имя буржуазного права.

31. Монтескье, Шарль-Луи (1689—1755), франц. политический писатель, родоначальник европейского буржуазного либерализма, автор «Духа законов» (1748), где законы объясняются естественными и социальными условиями и выдвигаются идеи правового государства и разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, идеи: лежащие в основу всех буржуазных конституций.

32. Новосильцев, Ник. Ник., граф (1761—1836), член неофициального политического комитета первых лет царствования Александра I, автор конституционного проекта; с 1813 г., защищая интересы крепостнического самодержавия, боролся с национальным революционным движением Царства Польского, откуда бежал во время восстания 1831 г., с 1832 г. — председатель гос. совета и комитета министров.

33. Чарторижский, или Чарторыйский, Адам-Георг, князь (1770—1861), министр иностранных дел при Александре I в 1801—05 гг., затем попечитель Виленского учебного округа; в 1830 г. глава временного революционного правительства в Варшаве, представитель умеренной аристократической партии, приведшей восстание 1830 г. к гибели; с 1831 г. парижский эмигрант, глава польской аристократической эмиграции; демократическая часть польской эмиграции в 1833 г. объявила его «недостойным доверия».

34. Строганов, Ал-р Серг., граф (1733—1811), русский дипломат, член комиссии по составлению проекта нового уложения при Екатерине II, член главного управления училищ и гос. совета при Александре I; покровитель писателей и художников; президент Академии художеств; составил обширнейшую галерею картин; коллекцию медалей и монет и написал к ним в 1793 г. каталог с аннотациями на франц. языке.

35. Шешковский, Степ. Ив. (ок. 1727—1793), руководитель политич. розысков при Екатерине II, применявший пытки.

36. Аракчеев, Алексей Андр., граф (1769—1834), военный министр

с 1808 г.; любимец Александра I, имевший решающее влияние на внутреннюю политику России; жестокий и тупоумный деспот-реакционер, основатель военных поселений; выражал интересы феодально-крепостнических верхов дворянства.

37. Лагарп, Фредерик-Цезарь (1754—1838), швейцарец, демократ, воспитатель будущего царя Александра I до 1794 г.; впоследствии участник революции в Швейцарии и глава Гельветической республики; представитель двух кантонов на Венском конгрессе.

38. Крюденер, Юлия, баронесса (1764—1824), последовательница мистицизма; имела влияние на Александра I.

39. Петр III (1728—1762), император России с 1761 г., сын гольштейн-готторпского герцога и дочери Петра I; за отказ от участия в выгодных для дворянства завоеваниях в Пруссии (отказ, вызванный его преклонением перед прусским королем Фридрихом II) был свергнут с престола гвардией и заменен его женой под именем Екатерины II. Убит по приказанию Екатерины II. За краткое время своего императорства провел освобождение дворян от обязательной военной службы и уничтожение тайной канцелярии, тем не менее из-за своей насильственной смерти прослыл «народным заступником». Этим объясняется то, что Пугачев называл себя Петром III.

40. Меттерних, Клеменс-Венцель (1773—1859), руководитель реакционной внешней и внутренней политики Австрии с 1809 по 1848 г., министр иностранных дел и канцлер, инициатор «Священного союза» в 1815 г., лишенный власти революцией 1848 г.; был ненавидим не только народными массами, но и либеральной буржуазией.

41. Гайнау, Юлий-Яков, барон (1786—1853), австрийский фельдмаршал, жестоко подавивший восстания в Италии и Венгрии в 1848—49 гг. (сек женщин и т. п.).

42. Клейнмихель, Петр Андр. (1793—1868) с 1839 г. граф, реакционер, любимец Аракчеева, взяточник, начальник штаба военных поселений; с 1842 по 1855 г. управляющий министерством путей сообщения; при нем проведена жел. дорога в Москву с огромной тратой денег и даже с многочисленными человеческими жертвами.

43. Шувалов, Петр Андр. (1827—1889), противник реформ, глава III отделения в 1866—1874 гг., затем посол в Лондоне до 1879 г.; направлял до 1874 г. всю государственную политику, имея большое влияние на Александра II.

44. Валуев, Петр Александр. (1814—1890), министр внутр. дел в 1861—68 гг. и министр госуд. имуществ в 1872—77 гг., реакционный участник крестьянской и земской реформ, одно время статс-секретарь; в 1881 г. вышел в отставку в связи со скандальным расхищением казенных земель.

45. Трепов, Фед. Фед. (1805—1889), петербургский градоначальник; в него стреляла Вера Засулич 24 января 1878 г. за то, что он приказал высечь одного политического заключенного.

46. Майков, Аполлон Ник. (1821—1897), лирический поэт и драматург, потом цензор, воспевавший византийскую государственность.

47. Полонский, Яков Петр. (1819—1898), лирический поэт, член совета главного управления по делам печати, автор поэмы «Собаки», где осмеивались революционеры 60-х гг.

48. Тютчев, Фед. Ив. (1803—1873), поэт школы «чистого искусства», публицист-реакционер и националист; служил в мин-ве иностр. дел и затем был председателем комитета иностранной цензуры.

49. Писемский, которого Писарев ставил выше Тургенева; в романе «Взбаламученное море» (1863) дал пaskвиль на общественное движение 60-х гг. О нем см. также примеч. 13 в т. I.

50. Крестовский, Всеволод Владим. (1840—1895), редактор официоза «Варшавский Дневник», автор романов «Панутово стадо», «Кро-

вавый пух» и «Две силы», где он нападал злобно на революционное движение 60-х гг., объявляя его результатом польской интриги; он же автор романа «Тьма египетская», где травил евреев.

51. Ключников, Виктор Петр. (1841—1892), автор романов «Марево», «Семья вольнодумцев» и др., где злобно осмеивалось передовое движение 60-х гг. В тексте Лавров неправильно называет его Ключниковым.

52. Дурново, Ив. Ник. (1830—1903), известный реакционер, товарищ министра внутр. дел, с 1889 г. — министр внутр. дел.

53. Струков, Влад. Никол., генерал-лейтенант, губернатор Владимирской губернии, бесчеловечно выбивавший недоимки из крестьян во время голода 1873—74 гг.

54. Синельников, Ник. Петр. (1805—1894), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1871—74 гг., с 1874 г. — сенатор; просил III отделение об облегчении участи Н. Г. Чернышевского и о прекращении дела Г. А. Лопатина (сделавшего попытку освободить Чернышевского); мечтая превратить Лопатина в своего помощника по реформам в Восточной Сибири.

55. Толстой, Дм. Андр., граф (1823—1889), обер-прокурор синода с 1865 г. и одновременно министр народного просвещения с 1866 по 1880 г., насаждавший древние языки и покорность правительству; с 1882 г. министр внутр. дел, боровшийся с печатью и с революц. движением.

56. Бирон, Иоганн-Эрнест, граф (1690—1772), мелкий курляндский дворянин, фаворит императрицы Анны Иоановны; жестокий неограниченный правитель России с 1730 по 1740 г.; выражал интересы кучки придворной знати и главным образом иностранцев. В результате дворцового заговора был сослан в Сибирь в 1840 г.; в 1863 г. восстановлен Екатериной II герцогом Курляндии.

57. «Знание и революция», как видно из текста этой статьи, написано в ответ молодому революционеру из «образованного класса». В ней Лавров требует от пропагандистов знания, как необходимого приготовления к революционной деятельности, чтобы обеспечить ей прочный успех. Так как перечисление требуемых знаний показалось молодежи слишком обширным и вызвало возражения, то Лавров вынужден был вторично вернуться к этому вопросу в следующей статье: «Ответ на разные критики».

58. Действительно, Лавров обратился к ним в статье «Потерянные силы революции», перепечатанной также в настоящем томе.

59. Либкнехт, Вильгельм (1826—1900), один из основателей и вождей германской социал-демократии, участник сентябрьского восстания Густава Струве 1848 г. и южно-германского майского восстания 1849 г.; после подавления его бежал в Швейцарию, потом в Лондон, где жил до 1862 г. и подвергся влиянию Маркса; вместе с Бебелем в 1869 г. основал Германскую с.-д. партию, редактировал ее органы «Фольксштат» с 1869 по 1875 г. и «Форвертс» с 1876 по 1878 г. и затем с 1891 по 1900 г.; автор книг «Социализм и культура», «Знание — сила», «Пауки и мухи», «Никаких компромиссов» и др. В 1870 г. выступил против военных кредитов и аннексии Эльзас-Лотарингии, за что был подвергнут тюремному заключению; в 1870—90 гг. с перерывами был депутатом рейхстага; в 1875 г. главный организатор объединения с лассальянцами, что было осуждено Марксом; в 1889 г. участник организации II Интернационала; до конца жизни не изжил мелкобуржуазного демократизма и примиренчества с оппортунизмом, был очень слаб в теории научного социализма, но во многих важнейших вопросах политики, следуя указаниям Маркса и Энгельса, проводил революционно-пролетарскую линию. Лавров был знаком с Либкнехтом и был сотрудником «Форвертса» в 1891 г.

60. «Знание — сила, сила — знание».

61. Робен, Поль, учитель, член Парижского федерального совета Интернационала в 1870 г.; с октября 1870 г. член Генерального совета; тайно информировавший Бакунина и его друзей о внутренней жизни Интернационала. Был устранин из Генерального совета лишь в конце 1871 г.; с 1869 по 1870 г. был сотрудником «Эгалите», еженедельного органа романской секции Интернационала в Женеве, находившегося тогда в руках бакунистов.

62. «О целостном обучении».

63. «Положительная философия» — журнал, проповедывавший учение Огюста Конта (см. примеч. 217 в т. I).

64 и 65. Катары (по-гречески — чистые) и альбигойцы (от франц. города Альби) — рационалистическая секта XII века в северной Италии и южной Франции, противопоставлявшая доброе начало злumu, требовавшая аскетической жизни и не признававшая папы. Выражали интересы крестьян и ремесленников торговых городов и деревень севера Италии и юга Франции, переходивших к денежному торговому обороту и видевших препятствие для себя в сильной организации католической церкви, владевшей большими землями и капиталами и обременявшей население тяжелыми церковными поборами («десятина», «первые плоды» и т. п.). Альбигойцы вызвали против себя крестовый поход папы в 1204 г., продолжавшийся 20 лет, погубивший 25 тысяч человек и разоривший весь юг Франции.

66. Доминиканцы — члены монашеского ордена, основанного испанцем Домиником в 1215 г. и ставившего себе целью укрепить пошатнувшийся авторитет папы и духовенства путем пропаганды среди населения и путем активной борьбы с «еретиками». Исключительное положение и привольная жизнь привели их к полной деморализации и невежеству к эпохе реформации.

67. «Знание и революция. Статья вторая. Ответ на разные критики», написана в ответ на многочисленные возражения, одно из которых — «Письмо из Петербурга», принадлежащее Н. В. Чайковскому, напечатано в этой же «второй» статье (в настоящем издании это «письмо» опускается). В настоящем томе статья эта перепечатывается впервые.

68. Бюхнер, Людвиг (1824—1899), немецкий физиолог и философ-материалист, сторонник так называемого вулгарного материализма, чуждый диалектического метода, механист и метафизик; автор книги «Сила и материя»; в 1872 г. издал книгу «Человек и его место в природе», где, по словам Энгельса, обокрал и извратил Маркса, не упоминая даже его имени.

69. Разумеется книга отца русской физиологии Ив. Мих. Сеченова (1829—1905) «Рефлексы головного мозга», вышедшая в 1863 г., в которой сделана блестящая попытка объяснения всего поведения человека как сложного рефлекторного акта (впоследствии развито в учении об условных рефлексах академика И. П. Павлова).

70. Менделеев, Дм. Ив. (1834—1907), крупнейший мировой ученый-химик, творец периодической системы химических элементов, автор «Основ химии» и многих работ по физике и физической химии, по метеорологии, по промышленности и технике; выдающийся исследователь нашего народного хозяйства, идеолог промышленного капитализма, автор книги «К познанию России» (1907 г.), переизданной недавно.

71. Кекуле, Фридрих-Август (1829—1896), немецкий химик, профессор в Бонне, творец теории о молекулярном строении тел. У Лаврова — Кекуле.

72. Клаус, Карл (1835—1899), немецкий зоолог, автор известного учебника зоологии, переведенного и по-русски, и многих работ о низших животных.

73. Гегенбаур, Карл (1826—1903), немецкий анатом, автор учебника по анатомии человека, переиздаваемого поныне, и других работ по анатомии.

74. Первоначальное заглавие этой статьи «1773—1873. Прошедшее. Будущее». (См. I том «Вперед»). Здесь печатается заглавие, данное статье Лавровым в ее отдельном издании 1874 г., в котором добавлено и маленькое предисловие, подчеркивающее необходимость юбилеев народных движений.

75. Бибииков, Ал-р Ильич (1729—1774), генерал, яркий представитель дворянской монархии, усмиритель волнений уральских рабочих в 1763—64 гг., председатель комиссии по составлению проекта нового уложения в 1767 г.; в 1771—73 гг. проводил первый раздел Польши; в 1773—74 гг. руководил подавлением пугачевщины.

76. Вашингтон, Джордж (1732—1799), предводитель восставших северо-американцев в войне их с Англией за независимость в 1775—1783 гг. и в 1789—97 гг. первый президент САСШ, именем которого назван штат Вашингтон и столица САСШ.

77. Гамильтон, Александр (1757—1804), государственный деятель САСШ, адвокат и автор статей о конституции САСШ, собранных под общим заглавием «Федералист». Погиб на дуэли. У Лаврова — Гемийтон.

78. Дантон, Жорж-Жак (1759—94), выдающийся оратор и вожь правой части монтаньяров в Конвенте в эпоху Великой французской революции, член Комитета общественного спасения с весны 1793 г.; отражал интересы крупнобуржуазной интеллигенции и отчасти образовавшейся во время революции «новой» буржуазии. После перехода власти к сторонникам Робеспьера казнен 5 апреля 1794 г.

79. Карбонарии (угольщики) — тайное революционно-демократическое общество в Италии, боровшееся в начале XIX в. против французского владычества, а затем за объединение Италии.

80. Чартисты (у Лаврова — чэртисты) — борцы за чартер, т. е. хартию, участники вызванного промышленными кризисами и безработицей 1825 и 1836 гг. мощного английского революционно-политического рабочего движения 1836—48 гг., требовавшие всеобщего избирательного права, равного представительства, тайного голосования, жалования депутатам, ежегодных перевыборов парламента и ежегодных выборов (эти-то требования и были переработаны в Народную хартию 8 мая 1838 г.). Вследствие незрелости рабочего класса, отсутствия твердого партийного руководства и тактических разногласий, внутри чартистов движение не удалось. Это было первое рабочее движение, имевшее целью завоевание политической власти, и, несмотря на свою неудачу, оно заставило пойти на уступки феодальные классы в Англии.

81. Генри, Патрик (1736—1799), буржуазный политический деятель и известный оратор эпохи борьбы за независимость САСШ.

82. Георг III (1738—1820), король Великобритании с 1760 г., при котором произошло восстание северо-американцев, путем войны с Англией освободившихся от английского владычества; вел борьбу с Великой французской революцией, пытался усилить королевскую власть; при нем захвачены Англией Канада и Австралия.

83. Адамс, Джон (1735—1826), первый посланник САСШ в Англии и в 1797—1801 гг. президент САСШ (второй).

84. Шеффилд, лорд, английский буржуазный государственный деятель эпохи борьбы САСШ за свою независимость.

85. Франклин, Вениамин (1706—1790), типограф и журналист, затем ученый исследователь электричества и государственный деятель, один из составителей «Декларации независимости» САСШ, сторонник широкой децентрализации и освобождения негров; доказал, что молния — электрическое явление, и изобрел громоотвод.

86. Мадисон (у Лаврова — Мэдисон), Джеймс (1751—1836), 4-й президент САСШ в 1809—1817 гг., один из создателей конституции страны вместе с Гамильтоном (см. выше), боролся за федералистический (централистический) принцип, затем перешел в партию антифедералистов (республиканцев) и стал одним из ее вождей.

87. Токвиль, Алексис (1805—1859), французский историк-либерал (автор книг «О демократии в Америке», «Старый порядок и революция») и политический деятель, министр иностранных дел во время президентства Луи Бонапарта до ноября 1849 г.; защитник личной свободы и аристократ-индивидуалист; почти сатирически изобразил в своих мемуарах рабочее движение в эпоху революции 1848 г.; выступал против социализма, но к режиму Наполеона III отнесся еще более отрицательно.

88. Демулен, Камилл (1760—1794), журналист и деятель Великой французской революции, сторонник Дантона, издатель газеты «Старый Кордельер»; вел резкую борьбу против радикальной социальной политики; с приходом к власти сторонников Робеспьера казнен 5 апреля 1794 г.

89. Ролан, Манон-Жанна (1754—1793), жена министра внутр. дел в эпоху Великой французской революции во время господства партии крупной буржуазии — жирондистов, собиравшая в своем салоне вождей этой партии.

90. Марат (у Лаврова — Мара), Жан-Поль (1743—1793), виднейший вождь полупролетарских слоев народа в эпоху Великой французской революции, издатель газеты «Друг народа», один из наиболее последовательных врагов аристократии и монархии, боровшийся с жирондистами и павший от руки сторонницы последних Шарлотты Корде, убившей его кинжалом.

91. Гош, Лазарь (1768—1797), французский генерал эпохи Великой французской революции, победивший австрийцев и союзников и усмиривший восстание контрреволюционеров в Вандее; инициатор и руководитель экспедиции для освобождения Ирландии.

92. Кондорсе, Мари-Жан-Антуан Коришо, маркиз (1743—1794), франц. математик, астроном, экономист и философ, участник Энциклопедии, автор теории прогресса и жирондистского проекта конституции в эпоху Великой французской революции; радикал в теории (предсказал наступление времени, когда все будут равны в богатстве и знаниях), он в своем проекте конституции выступил в защиту крупнобуржуазного ценза. Арестован Конвентом и отравился в тюрьме.

93. Карно, Лазарь (1753—1823), франц. военный инженер и «организатор победы» во время диктатуры якобинцев в эпоху Великой французской революции; позднее примкнул к Наполеону I, приняв участие в обороне Франции против европейской коалиции; после реставрации монархии в 1815 г. подвергся изгнанию и умер в Германии.

94. Бентам, Иеремия (1748—1832), английский философ и государствовед, видевший основу нравственности и права в «пользе для большинства людей»; буржуазный либерал; нравственный идеал его сводился к защите собственности аппаратом буржуазного государства; «гений буржуазной тупости», «оставляет над личностью в туманной дали бога», «крайне скучен и теоретичен», по оценке К. Маркса.

95. Пальмерстон, Генри-Джон-Темпл (1784—1865), с 1802 г. виконт, с 1809 г. секретарь военного министерства, министр иностр. дел Англии в 1830—41 и 1846—51 гг. и премьер в 1855—58 и 1859—65 гг.; вождь либеральной партии, враждебный требованиям избирательной реформы; из шовинизма вне Англии (в Италии, Польше и Венгрии) покровительствовал революции; умело использовал ненависть европейского общественного мнения к России и изображал свою политику по отношению к ней как к «восточному варвару», но и сам был опорой евро-

пейской реакции 50—60-х гг., защищая интересы английской промышленной аристократии; соединял «демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями» (Маркс).

96. Дерби, Эдвард-Жофруа (1799—1869), граф с 1851 г. (настоящая фамилия его — Стэнли), с 1820 г. член парламента, вождь консервативной партии (тори); глава кратковременных министерств в 1852, 1858 и 1866 гг., в эпоху господства либералов (вигов).

97. Гогенцоллерны — династия германских императоров, из которых Фридрих Бранденбургский стал первым королем Пруссии в 1701 г. и Вильгельм II — последним императором Германии (свергнут 9 ноября 1918 г.).

98. Мадзини, Джузеппе (1805—1872), итальянский политический деятель, мелкобуржуазный демократ, основатель союза «Молодая Италия», стремившийся к объединению Италии в единую республику. У Лаврова — Маццини.

99. Виктор-Эммануил II, с 1849 до 1861 г. король Сардинии, с 1861 до 1878 г. король Италии, при котором совершилось ее объединение вокруг Сардинии.

100. Каррель, Никола-Арман (1800—1836), французский журналист, в 1823 г. участник в борьбе за свободу в Испании, автор «Истории контрреволюции в Англии», с 3 января 1830 г. редактор газеты «Националь», органа республиканской оппозиции; боролся против режима Карла X и Людовика-Филиппа; пожелал быть похороненным без религиозного обряда.

101. Чатамы, графы: с 1766 г. это звание получил англ. премьер Питт Вильям Старший (1708—78) и сын предыдущего — Вильям Младший (1759—1806), тоже премьер с 1783 по 1801 г. Оба отстаивали интересы англ. торгового капитала. Второй боролся с революционной Францией, а внутри Англии — с рабочим движением.

102. Каннинг (у Лаврова — Кэннинг), Джордж (1770—1827), английский консервативный, затем либеральный госуд. деятель; с 1793 г. член палаты общин, с 1796 г. помощник министра иностр. дел, с 1807 г. министр иностр. дел, в 1827 г. премьер; был яростным противником Великой французской революции, с которой вел борьбу в журнале «Анти-якобинец», потом придерживался политики невмешательства в дела других государств; при нем Англия вышла из реакционного Священного союза.

103. Фурье, Шарль (1772—1837), купец и приказчик, один из трех «великих» мелкобуржуазных утопистов начала XIX в., блестящий критик капиталистического общества, в частности торговли, крупные заслуги которого, как предшественника научного социализма, отмечены Марксом и Энгельсом. Отстаивая классовое неравенство (изживаемое лишь, по его мнению, путем воспитания) и мелкие независимые друг от друга производительные ассоциации одновременно промышленного и сельскохозяйственного типа — фаланстеры, заключающие 1620 человек, — Фурье учит, что для того, чтобы фаланстеры не распались, надо сделать труд привлекательным, основываясь на познании человеческих страстей, из которых необходимо использовать страсть к соревнованию, и страсть к разнообразию и страсть к творчеству. Централизованная государственная власть заменена федерацией фаланстеров. Фаланстеры делятся на серии, занимающиеся определенным видом труда, а серии на группы, занимающиеся более дробными разновидностями труда. Каждый член фаланстера через каждые два часа переходит по своей воле в любую нравящуюся ему серию и группу. Различие между городским и с.-х. трудом уничтожается, труд делается поменным. Весь доход фаланстера делится на 3 части: 5/12 идет труду, 4/12 капиталу и 3/12 таланту; внутри этих делений каждый член фаланстера получает столько благ, сколько ему позволяют его

личные материальные ресурсы. Без созданного капитализмом общественного характера производства и без руководства пролетариата это учение было утопией, но в нем были зародыши гениальных идей, по признанию Энгельса. Фурье явился выразителем интересов разоренных развитием капитализма и напуганных жесточечностью классовой борьбы в эпоху французской революции мелкобуржуазных элементов, мечтавших о примирении классов при сохранении капитала. В 40-е годы учение Фурье проникло в Россию, где его распространял кружок Буташевича-Петрашевского, затем Чернышевский в романе «Что делать?» (1863 г.), в 4-м сне Веры Павловны.

104. Сен-Симон, Анри (1760—1825), второй из трех «великих» мелкобуржуазных утопистов начала XIX века (третий — Оуэн), оказавший большое влияние на развитие научного социализма, хотя по существу его система имеет буржуазный характер, и только его ученики сделали из нее социалистические выводы. (В «Собраниях сочинений» Сен-Симона его личные произведения не отделены от работ его учеников). Считая, что социальный строй определяется философией данной эпохи, соответствующей состоянию ее цивилизации, Сен-Симон выдвинул в 1825 г. учение о «новом христианстве» с двумя иерархиями — духовной и светской, которые своим авторитетом подчинят личность и гарантируют от распада общество, основанное на всеобщем труде для всеобщего блага, при сохранении частной собственности и класса капиталистов, но при уничтожении феодалов. Сен-Симон требует использования наук и искусств и во главе общества ставит ученых и предпринимателей. Ученики С.-С. выдвинули учение о всемирной ассоциации трудящихся, где отменено право наследования и где центральный банк организует все производство, причем священники воспитывают все общество так, чтобы религиозный энтузиазм направлял всех к единой цели. Сен-симонизм явился выразителем низовой, полупролетарской по своему положению интеллигенции, рассчитывавшей стать во главе нового общества наряду с промышленниками. (См. русское издание сочинений Сен-Симона 1923 г., где впервые его сочинения даны отдельно от работ его учеников).

105. Георг II (1683—1760), английский король с 1727 г., ведший войны с Испанией и (за австрийское наследство) с Францией. При нем глава кабинета Роберт Вальполь (1676—1745) ввел в систему покупку голосов депутатов и торговлю местами в палате общин.

106. Август II Сильный (Фридрих) (1670—1763), с 1694 г. курфюрст саксонский и с 1697 г. король польский; отличался большой физической силой и страстью к роскоши и постройкам; вся тяжесть налогов при нем ложилась на разоренную им Саксонию; был союзником Петра I в Северной войне.

107. «Философский лексикон» Пьера Бейля, критиковавший все господствующие учения церкви и боровшийся с религиозным и метафизическим догматизмом.

108. «Новая Элоиза» — роман Руссо, очень увлекавший современников своим лиризмом и протестом против общественного неравенства во имя любви, которая изображалась как вся суть жизни, а не только приятное препровождение времени.

109. Жоффрен, Мария-Терезия (1699—1777), хозяйка знаменитого литературного салона энциклопедистов в Париже, собиравшего в течение 25 лет выдающиеся умы Франции и пользовавшегося таким влиянием, что дружбы хозяйки искали польский король Станислав Понятовский, австрийский император Иосиф. Екатерина II и др.

110. Михельсон, Ив. Ив. (1740—1807), генерал Екатерины II, нанесший в 1773 г. поражение Пугачеву под Казанью и затем окончательно разбивший его у Черного Яра.

111 и 112. Кулага и Заметаев — атаманы понизовой вольницы во время пугачевщины. Других сведений о них нет.

113. Семирамида, легендарная ассирийская царица, основавшая якобы Вавилон и причисленная после смерти к богиням.

114. Делавар — река в Сев. Америке, в штате Нью-Йорк. Здесь, повидимому, Лавров хотел образно указать столицу САСШ, как на Темзе — Лондон, на Сене — Париж. Между тем Вашингтон, официальная столица, расположен на реке Потомак, на Делаваре же расположен самый большой город САСШ — Нью-Йорк, не являющийся официально столицей.

115. Цыплетев, генерал, комендант города Царицына, отстоявший город от Пугачева в 1774 г.

116. Мишель, Луиза (1833—1905), французская революционерка, учительница, активная участница Парижской коммуны 1871 г.; после поражения последней была сослана в Новую Каледонию; после амнистии 1880 г. — анархистка. Писала стихи, романы и оставила интересные мемуары о Коммуне.

117. Россель, Луи Натаниель (1844—1871), кадровый офицер, прикнувший под влиянием оскорбленного патриотизма (из-за поражения Франции в войне с Пруссией) к Парижской коммуне, в которой был с 12 апреля начальником главного штаба, а с 1 мая — военным делегатом (министром). 9 мая демонстративно подал в отставку и был арестован Коммуной, но один из его друзей, член Коммуны Ш. Жерарден, помог ему бежать. После поражения Коммуны был расстрелян версальцами 28 ноября 1871 г. Оставил мемуары, в которых обливал грязью коммунаров.

118. Ферре, Теофиль-Шарль-Жиль (1845—1871), член Коммуны, сидевший неоднократно в тюрьме по политическим делам при Второй империи. По профессии — счетовод, по партии — бланкист. С 30 марта был в Коммуне членом комиссии общественной безопасности, с 5 мая заместителем прокурора, с 14 мая делегатом (министром) комиссии общественной безопасности. Расстрелян 28 ноября 1871 г. по приговору военного суда.

119. Сатори, укрепленная местность близ Версаля, где происходили военные маневры и где содержались и расстреливались массами пленные коммунары в 1871 г.

120. Галифе. Гастон (1830—1909), разорившийся маркиз, женатый на дочери миллионера Лафитта, генерал версальской армии, бесчеловечно расправлявшийся с французскими рабочими при подавлении Парижской коммуны 1871 г.; в 1889 г. военный министр в кабинете Вальдека-Руссо, где он заседал рядом с первым «социалистом» в военном министерстве Мильераном (министром торговли).

121. Имеется в виду Наполеон III, последний император Франции.

122. Помещик Скосырев, повидимому, имел печальную известность своею жестокостью.

123. Чика, Перфильев, Иванов — сподвижники Пугачева. Чика, Иван, любимец Пугачева, казнен в 1874 г. Перфильев, Афанасий Петрович (1731—1774), яицкий казак, казнен в 1774 г. Об Иванове ничего неизвестно.

124. Панин, Никита Иван. (1718—1783), с 1767 г. граф, государственный канцлер при Екатерине II; воспитатель будущего императора Павла I; имел симпатии к конституционному строю.

125. «Из истории социальных учений» — ряд очерков, дающих схему истории научного социализма по Лаврову. Первые 3 главы были напечатаны в I томе «Вперед», следующие 3 главы — в III томе. Очерки не закончены.

126. Кавеньяк, Луи-Эжен (1802—1857), французский генерал, в 1848 г. военный министр, жестоко подавивший восстание парижских рабочих в июне 1848 г. После этого был председателем совета мини-

стров и кандидатом на пост президента республики, но вместо него был избран будущий Наполеон III; после переворота 2 декабря 1851 г. никакой политической роли не играл.

127. Аполлон, бог древнегреческой мифологии, покровитель растительного царства, юношества, бог тайн земли и прорицаний, врачеватель, бог музыки, пляски и поэзии.

128. Ниобея, героиня древнегреческой мифологии, мать множества детей, убитых по капризу богов, после чего убитая горем Н. превратилась в камень.

129. Орканья, Андреа (1308—1369), флорентийский художник и архитектор. автор фреск на кладбище Кампо-Санто в Пизе.

130. Мария Тюдор (1516—1558); английская королева с 1553 г., католичка, жестоко преследовавшая протестантов и получившая прозвище «Кровавой».

131. Авраам, легендарный патриарх еврейского народа, скотовод-рабовладелец, с которым, по сказаниям Библии, бог под условием плодородности себе заключил договор об умножении его потомства; легенда имела целью освятить теократический строй евреев, как данный богом.

132. Зевс, могущественнейший из богов древнегреческой мифологии, первоначально царь всей природы, с развитием торговли — верховный блюститель законов и каратель за их нарушения. Римляне отождествляли его с италийским божеством Юпитером.

133. Будда (что значит «Просветленный», прозвище Сакья-муни дано по названию области Сакья в Индии, из которой он происходил), легендарный основоположник религии буддизма, возникшей в конце VI в. до хр. эры; согласно легендам, Б. был чудесно зачат и рожден девой, до 30 лет вел жизнь, полную удовольствий, затем «просветлел», сделался монахом; постился в пустыне, творил чудеса и т. п. (здесь много сходства с легендами о Христе). В тексте прозвище Б. — Сакья-муни.

134. Богомилы (у Лаврова — богумилы), по имени монаха Богомила, болгарская религиозная секта X века, выражавшая интересы угнетенных феодалами славянских крестьян, протестовавших против крепостного строя; учение их позднее получило распространение в Зап. Европе (приняв название катаров, альбигойцев) и явилось идеологическим знаменем для социальных движений в европейских городах позднего средневековья. Б. запрещали крепостным работать на господ, нападали на духовенство, требовали конфискации церковных и монастырских имуществ, проповедывали о борьбе доброго и злого бога и о необходимости умерщвления плоти.

135. Табориты — демократическое крыло гуситов — стремились к уничтожению господства немцев над чехами и к установлению полной самостоятельности чешского народа — крестьян и мещан, страдавших от поборов духовенства.

136. Гернгутеры — часть мирной коммунистической секты богемских братьев, бежавших в 1722 г. от преследований австрийского правительства в саксонский поселок Гернгут, основавших там общину и распространивших затем свое влияние на ряд общин в Саксонии и других странах (в России — среди крепостных Лифляндии, впоследствии — среди немецких колонистов, гл. обр. в районе Сарепты).

137. Квакеры — английская религиозная секта XVII века, возникшая как идеология мелкой разоренной буржуазии в эпоху упадка ее активности после гражданской войны. К. отвергали официальную церковь с ее духовенством, таинствами и внешней обрядностью, организовались в демократические общины верующих с выборными должностными лицами, не платили церковной десятины, отрицали насилие и войны, требовали воздержного образа жизни. В течение XVIII века К. разбогатели, и из их среды вышло много банкиров. К. сохранились доныне гл. обр. в Англии и в САСШ.

138. Александр III, папа римский (1159—1181), боролся за преобладание духовной власти над светской против германского императора Фридриха I Барбароссы, опираясь на поддержку городов Ломбардии.

139. Григорий VII, папа (Гильдебранд, 1073—1085), боролся за преобладание духовной власти над светской, ввел безбрачие духовенства.

140. Жакерия (от клички «Жак») — крестьянское восстание во Франции в XIV веке, коварно и жестоко подавленное феодальным дворянством.

141. Мюнцер, Томас (1490—1525), немецкий «плебейский» (по Энгельсу) революционер XVI века, проповедывавший «царство божие», понимавшееся им как коммунистический строй; вождь восстаний среди крестьян и городской бедноты Чехии и Саксонии в 1524—25 гг.; организатор коммунистической общины в Мюльгаузене из мелких производителей; казнен германскими князьями.

142. Моравские братья — сектантская коммунистическая группа XVI века, образовавшаяся в Моравии из выходцев Южной Германии, Швейцарии и Тироля, подвергшихся преследованиям за ереси. Общины их состояли из 400—700 чел.; только потребление было у них вполне коммунистическим, производство же было таковым лишь отчасти. Так как излишки, сверх потребляемого, они продавали на рынке, то оказались сильными конкурентами для цеховых ремесленников. В начале XVII века они были изгнаны из Моравии, жили в Венгрии, потом в России и в XIX в. эмигрировали в САСШ.

143. Гутериты — последователи немецкого анабаптиста Гутера, организатора коммунистических общин в Моравии в 1533—36 гг. (см. Моравские братья). Гутер был сожжен в Инсбруке 25 февраля 1536 г., а его общины восстановлены в том же году его преемником Гансом Амоном. (У Лаврова — гуттериты через два тт.).

144. Вишну — одно из трех главных божеств индуизма (брахманизма), олицетворявшее солнце и добро и якобы имевшее 9 воплощений (аватар), последнее — в лице Будды.

145. Иануарий, епископ Беневента, по церковной легенде, в начале IV века, при императоре Диоклетиане, замученный и обезглавленный. Тело его, голова и две бутылки его крови якобы похоронены в подземной капелле в Неаполе. Крови этой приписывалось чудо: она делалась будто бы текучей, как только ее приближали к голове И.

146. Агора по-гречески — площадь.

147. Нивеллеры, или левеллеры, — уравниатели, мелкобуржуазная радикальная партия эпохи Великой английской революции, требовавшая всеобщего избирательного права, республики и возвращения общинам огороженных помещиками земель.

148. Суарез, или Суарец, Франциск (1548—1617), испанский философ и политический мыслитель, последний из схоластиков.

149. Мариана, Жан, де (1537—1624), испанский иезуит, автор «Истории Испании» и трактата «О царе» на латинском языке.

150. Макиавелли, Никколо (1469—1527), итальянский политический деятель, секретарь флорентийской республики и писатель эпохи Возрождения, развивший в книге «Государь» идею о необходимости сильной власти, для чего все средства хороши (включая и тайные убийства и сознательный обман). Ярко отразил стремления итальянской буржуазии своей эпохи, страдавшей от раздробленности и политической слабости Италии и мечтавшей о создании могущественного централизованного государства.

151. Ботеро, Джованни (1540—1617), итальянский монах, дипломат и путешественник, автор труда, направленного против Макиавелли («О смысле государства», 1589 г.).

152. Ла-Бозси, Этьен, де (1530—1563), французский публицист, автор «Рассуждения о добровольном рабстве». У Лаврова — Ла-Боэти.

153. Констан, Бенжамен (1767—1830), франц. политич. деятель и писатель, стоявший за либеральную политику; теоретик конституционной монархии; выражал интересы промышленной буржуазии; Маркс считал его одним из «истинных истолкователей трезвого практического буржуазного общества».

154. Боден, Жан (1530—1596), знаменитый французский публицист, автор сочинения «Шесть книг о государстве», развивавшего теорию абсолютной монархии; один из творцов буржуазного государственного права.

155. Ливий Тит (59 до хр. эры — 17 после хр. эры), римский историк. В «Рассуждении о первых десяти книгах Тита Ливия» Макиавелли развил республиканские идеи.

156. Кастеллио (правильнее — Кастелион), Себастьян (1515—1563), французский гуманист Шателлон, сделавшийся последователем Кальвина, но не вполне, и потому подвергшийся преследованиям в Женеве и вынужденный в 1544 г. переехать в Базель, где преподавал греческую литературу; в сочинениях своих отстаивал свободу совести.

157. Бейль (у Лаврова — Бэль), Пьер (1647—1706), французский философ-скептик, автор «Философского лексикона» и других противоправославных книг, учитель французских энциклопедистов; боролся с метафизическим и богословским догматизмом и нетерпимостью.

158. Мильтон, Джон (1608—79), англ. поэт и политич. писатель, участник революции 1648 г., автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», отразивших политическую борьбу его времени, и памфлетов «В защиту английского народа» (оправдание казни короля) и в защиту свободы печати; выразитель идей «крайней «индипендентской» части английской пуританской буржуазии; потерял зрение в работе над литературной защитой революции, казнившей короля в 1649 г.

159. Сьейес (у нас обычно пишут менее точно: Сийес), Эммануэль-Жозеф (1748—1836), аббат, яркий представитель поднимавшейся к власти франц. буржуазии, автор брошюры «Что такое третье сословие?», (январь 1789 г.), где доказывал необходимость политического преобразования буржуазии; деятель Великой французской революции; в качестве члена Конвента голосовал за казнь короля; затем один из «директоров» в эпоху Директории; содействовал захвату власти Наполеоном Бонапартом, за что получил от последнего титул графа и поместье. После «18-брюмера» был временным консулом, при Империи — председателем сената; был в изгнании в эпоху реставрации до 1830 г.

160. Т. е. до 1873 г., когда писалась Лавровым статья.

161. Натуралистический пантеизм — учение о сверхличном божестве, разлитом во всем мире и обуславливающим его развитие; в этом учении выразилась первая попытка протеста против официального католицизма во имя торжества теоретической мысли у Джордано Бруно и др. Ненаучность этой теории доказал еще Спиноза (см. примеч. 328 в т. I).

162. Картезианизм — учение Рене Декарта (1596—1650). Его звали по-латыни Картезиус, отсюда последователи его называются «картезианцами». Это — франц. философ, физик и математик, давший общую картину развития нашей солнечной системы, сторонник механистического материализма в вопросах физики и идеализма в философии; в содержании своего мышления находил идею совершенного существа — бога — и отсюда наивно выводил реальность существования бога (так как несовершенная мысль не может якобы самостоятельно породить идею о совершенном боге); критерием истины считал ясность и отчетливость представлений; из идеи о боге выводил существование материи и духа, причем материю рассматривал чисто геометрически, как протяженность; животных считал «автоматами», действия которых обусловлены механическими причинами. Выражал интересы торгового капитализма, заинтересованного в развитии техники производства,

военного дела, средств сообщения и т. п., немыслимых без точных знаний.

163. Легисты — средневековые юристы, державшиеся римского права и сильно содействовавшие развитию монархической власти.

164. Бэкон, Френсис (1561—1626), лорд Веруламский, английский канцлер и философ, «родоначальник английского материализма и всей опытной науки новейшего времени» (Маркс). В 1620—21 гг. достиг вершины своей научно-философской и политической деятельности, но был привлечен парламентом к суду по обвинению во взяточничестве, присужден к тюремному заключению, конфискации имущества и запрещению занимать государственные должности. Хотя король отменил наказание, Б. уже не вернулся к госуд. службе и занялся исключительно наукой. Борясь со средневековой схоластикой во имя опыта и индуктивного метода искания истины, стремясь к увеличению власти человека над природой путем познания ее законов, Б. отразил интересы буржуазии, борющейся с пережитками феодализма. Написал, между прочим, в 1624 г. неоконченную утопию «Новая Атлантида», опубликованную впервые в 1635 г.

165. Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт и ученый, явившийся выразителем интересов нем. бюргерства конца XVIII — начала XIX века. Ранние его произведения (драма «Гец фон-Берлихинген» 1773 г., роман «Вертер» 1774 г.), затем 1-я часть «Фауста» и «Прометей» ставят его во главе писателей периода «бури и натиска», давших образы великих бунтарей против социальной среды. Став министром-веймарского герцога, Гете в творчестве своем стал звать к примирению с действительностью и обратился к античности, как к средству успокоения в мире искусства («Римские элгии», «Ифигения», «Коринфская невеста»). Под конец жизни, под влиянием социалистов-утопистов, выдвинул идею творческого труда на пользу общества («Годы странствования Вильгельма Мейстера» и 2-я часть «Фауста»). Сделал ряд открытий в физике, а в области биологии был одним из предшественников эволюционизма. Наряду с Шекспиром и Эсхилом — любимый поэт К. Маркса.

166. В тексте, по очевидной ошибке корректора, напечатано «объединяется».

167. Платон (427—348 до хр. эры), знаменитый греческий философ-идеалист, непримиримый противник демократии, яркий представитель землевладельческой аристократии; создал утопию идеального государства, во главе которого стоят философы и войны — «стражи», управляющие ремесленниками, земледельцами и торговцами; только для «стражей» уничтожается частная собственность, индивидуальный брак и семья, причем дети с момента рождения воспитываются государственными воспитателями; «стражи» получают все необходимое от трудящихся классов; допускается даже и рабский труд; в утопии ценны: критика денежно-хозяйственных отношений и доказательства в пользу потребительского коммунизма.

168. Гомер, легендарный греческий поэт, считающийся автором поэм «Илиада» и «Одиссея», в которых воспеты колониальные захваты, легенды военно-землевладельческой аристократии и ее быт и мореходная предприимчивость.

169. Гезиод, или Гесиод (VIII—VII вв. до хр. эры), старейший поэт Греции, автор поэмы «Труды и дни», воспевающей трудовую жизнь в противовес праздности аристократии.

170. Олимп — гора на севере Греции; место пребывания богов, по представлениям древних греков.

171. Никий (ок. 470—413 до хр. эры), афинский полководец и государственный деятель эпохи Пелопонесской войны, сторонник мира в интересах сельского хозяйства и морской торговли.

172. Демосфен (383—322 до хр. эры), греческий оратор и политический деятель, умеренный демократ, борющийся против аристократов Афин, сблизившихся с царем Македонии Филиппом II. Знамениты его «филиппики» — речи против Филиппа Македонского.

173. Эврипид (480—406 до хр. эры) древнегреческий трагик, идеолог демократически настроенных представителей свободных профессий и высококвалифицированных ремесленников, противник аристократии и жречества.

174. Сократ (469—399 до хр. эры), греческий философ, родоначальник индуктивного метода и рационализма; стремился противопоставить софистам объективные нравственные законы и на их основе проповедывал личное самосовершенствование; в политике был близок аристократии, являлся противником выполнения правительственных функций «случайно» выбранными лицами; был обвинен в развращении юношества и нечестии и приговорен к смерти.

175. Ксенофонт (ок. 430—355 до хр. эры), ученик Сократа, историк и автор морально-политического романа «Киропедия» (о воспитании персидского царя Кира), сторонник аграрно-аристократического строя Спарты и враг афинского городского торгового капитала.

176. Ликург, легендарный греческий законодатель, якобы давший Спарте в IX веке до хр. эры законы, подчинившие личность государству с 2 царями и советом старейшин во главе его. Всем потомкам завоевателей Пелопонесса — спартиатам — предписывалось равенство имущества и строгий образ жизни, воспитание детей, основанное на выносливости и т. п.; на неполноправных граждан покоренных областей (периеков) и на рабов (илотов) возлагались все заботы о материальном обеспечении спартиатов.

177. Еврибиад, спартанский полководец, начальствовавший соединенным греческим флотом во второй греко-персидской войне в 480 г. до хр. эры.

178. Фемистокл (ок. 527—460 до хр. эры), афинский полководец, одержавший блестящую победу над персами при Саламине в 480 г.; вождь афинской городской демократии и идеолог широкой национальной политики, повелевший его к образованию общегреческого союза 35 государств-городов, после чего греческий торговый капитал получил господство в бассейне Эгейского моря.

179. Эфоры — главные представители государственной власти в древней Спарте, избиравшиеся ежегодно в народном собрании и в VI в. до хр. эры имевшие больше власти, чем цари и старейшины.

180. Мильтиад (умер в 489 до хр. эры), афинский полководец и госуд. деятель эпохи греко-персидских войн, враг демократизма, представитель крупной владельческой аристократии; в 490 г. до хр. эры победил персов при Маратоне; в 489 г. за неудачную осаду острова Пароса заключен в тюрьму, где и умер.

181. Харондас (в VI в. до хр. эры), законодатель Катании (в Сицилии); ученик Пифагора (VI в. до хр. эры), греческого философа и математика, основателя в Южной Италии «пифагорейского союза», борвшегося с демократией.

182. Минос, мифический царь и первый законодатель Крита, по смерти — судья в подземном царстве.

183. Кекропс — мифический царь и первый законодатель Аттики, якобы построивший укрепления древних Афин.

184. Кадм — мифический основатель и первый законодатель Фив, якобы усовершенствовавший греческую азбуку.

185. Афина — в древнегреческой мифологии богиня войны и победы, женского труда, мудрости и науки; покровительница города Афин.

186. Пракситель (III в. до хр. эры), греческий скульптор, создав-

ший мраморные статуи многих богов и богинь, в которых монументальность религиозного образа заменяется интимностью бытовой сцены.

187. Афродита, по древнегреческой мифологии, богиня красоты и любви, деторождения, мореплавания.

188. Гипсий, или Гиппарх (II в. до хр. эры), основатель астрономии, тригонометрии и математической географии.

189. Продик (в V в. до хр. эры), греческий софист, учитель Сократа.

190. Парфенон — великолепный храм в Афинах, посвященный богине Афине-девственнице (по-гречески — Партенос).

191. Ипподам из Милета, инженер-архитектор V века до хр. эры, создатель планировки греческих городов.

192. Фалес Милетский (ок. 624—548 до хр. эры), один из «семи мудрецов» древней Греции, положивший начало греческой астрономии, геометрии и философии. Считал, что первооснова всего — вода и что вселенная периодически возникает из воды и вновь в нее погружается; все полно богов, и над всем царит необходимость.

193. Фалей (или Фалеас) Халкедонский, древнегреческий философ, отстаивавший равенство имуществ.

194. Аристофан (ок. 450—385 до хр. эры), реакционный автор комедий в древней Греции, осмеивавший демократические учреждения Афин, идею общности имуществ, Сократа и т. д.; идеолог земельной аристократии.

195. Праксагора — героиня реакционной комедии Аристофана «Народное собрание женщин», где осмеивается коммунизм.

196. Блепир — герой той же комедии, муж Праксагоры.

197. Фокион (400—317 до хр. эры), афинский полководец, оказавший сильное противодействие Александру Македонскому.

198. Горгий (ок. 483—375 до хр. эры), один из первых софистов эпохи Сократа, автор сочинения «О природе или о несуществующем», где доказывал, что ничего не существует, ничто не может быть познано и никакое знание не может быть передано; ловко доказывал положения, противоречащие одно другому.

199. Критий (450—403), один из наиболее известных 30 тиранов, связанных спартанцами Афинам. «Критий» или «Атлантида» — название одного из диалогов Платона.

200. Атлантида — легендарный остров в Атлантическом океане, могущественное государство, навсегда скрытое под водой наводнением. Сведения об А. дает Платон в диалоге «Критий» или «Атлантида».

201. Гекатей из города Абдеры в древней Греции, историк и географ VI века до хр. эры, путешественник, посетивший Египет при Птолемеях; описал «Киммерийский город» или «Страну гипербореев», живущих на отдаленном острове в Индийском океане.

202. Ямбул, греч. философ, описывал «Солнечное государство» или «Остров великанов» около экватора, где живут счастливо при общности имущества, жен и детей.

203. Диодор Сицилийский, автор «Исторической библиотеки», заключавшей историю почти всех народов древности по 60-й год до хр. эры.

204. Феопомп из Хиоса, греческий историк VI века до хр. эры, продолживший историю Фукидида, автор коммунистической утопии «Меропия» или «Страна за океаном», где прозрачные и бестелесные существа живут в полном довольствии и счастье (утопия изложена в 8-й книге «Филиппика»).

205. Евгемер (ок. 300 г. до хр. эры), философ из Киренаики; учил, что боги мифологии это — выдающиеся люди. В утопии «Священное писание» (ок. 280 г. до хр. эры) описывал остров Панхею на Востоке,

где на одной из колонн высечена история богов Урана, Хроноса и Зевса, во времена которых люди жили счастливой коммуной.

206. Агис IV, царь Спарты в 245—241 гг. до хр. эры, намеревавшийся произвести передел земли для уравнивания земельных наделов, но низложенный крупной землевладельческой знатью.

207. Клеомен III, царь Спарты в 235—222 гг. до хр. эры, произведший земельный передел и освобождение от долговой кабалы бедняков; вынужден был бежать, а реформы его были уничтожены.

208. Диоген Лаэртский (из Киликии), греческий историк III века до хр. эры, автор биографий древних философов.

209. Киники, или циники (от греч. слова кион — собака) — последователи материалистической философии, отрицавшие собственность, государство и религию и видевшие счастье в самозакалении и простой жизни.

210. Зенон из Каира (конца IV и начала III века до хр. эры), основатель греческой философской школы стоиков, требовавших жизни разумной, согласной с природой и долгом мудреца. З. учил в портике «Стоа», откуда и название всей его школы.

211. Хризипп (ок. 280—207 до хр. эры), греческий философ-стоик, выставивший правило «жить сообразно природе».

212. Цицерон, Марк-Туллий (106—43 до хр. эры), римский философ, оратор и государ. деятель, в качестве консула подавивший заговор Катилины; автор книг «Государство», «Законы», «Обязанности»; где выразил идеал аристократической республики с широкими правами средних классов.

213. Сенека, Луций-Анней (3 до хр. эры — 65 хр. эры), римский философ-стоик (см. выше) и автор ряда трагедий; льстивый царедворец.

214. Перипатетики (по-гречески — прохаживающиеся), ученики Аристотеля (прохаживавшегося с учениками во время бесед), изучавшие естествознание, историю и литературу.

215. Академики, ученики Платона, получили свое название от места близ Афин, где он вел свои беседы по философии. Школа А. просуществовала 900 лет.

216. Эпикурейцы — последователи древнегреческого философа Эпикура (341—270 до хр. эры), учившего материалистическому взгляду на мир, освобождающему от суеверных ложных опасений; проповедывал также необходимость стремления к физической умиротворенности в теле и радостной безмятежности души, достигаемых удовлетворением наиболее необходимых потребностей и личной дружбой; участия в общественной жизни не рекомендовал. Учение Э. было одним из симптомов начавшегося упадка социально-политического строя античных городов-республик.

217. Нео- или новопифагорейцы — философы, появившиеся в I в. до хр. эры и считавшие себя возродителями учения Пифагора (см. выше примеч. 181), но внесшие в него много мистики.

218. Нео- или новоплатоники — философы, появившиеся в III в. хр. эры и считавшие себя возродителями учения Платона (см. выше примеч. 167), но внесшие в него восточные мистические представления.

219. Аполлоний Тианский (I век), философ новопифагорейской школы (см. 217), родом из малоазийского города Тианы, странствующий пророк, проповедник морали и «чудотворец», якобы воскрешавший мертвых, изгонявший бесов и т. п. Почти единственный источник сведений о нем — жизнеописание, составленное в начале III в. софистом Филостратом, но это — ненадежный источник. А. Т. противопоставлялся противниками христианства Иисусу Христу, легенды о котором в их окончательной редакции сложились под влиянием легенд об А. Т.

220. Гностики (от греческого «гносис» — знание) — сектанты пер-

вых веков хр. эры, учившие, что в мире есть два начала — доброе и злое, постоянно борющиеся, что мир находится во власти злого начала, а человек — во власти обоих начал, но средством для человека вырваться из-под власти злого начала служит гносис — знание бога, обрядов, молитв и т. п. Учение гностиков сложилось на почве экономического, а отсюда культурного и религиозного сближения народов классического Востока и Запада.

221. Порфирий, Малхос (232—305), древнегреческий философ, неоплатоник (см. 218), писавший против христианства.

222. Карпократ (во II веке), философ, ученик Платона и сектант-гностик (см. 220), живший в Александрии.

223. Эпифан (310—403), митрополит Константины, боровшийся в своих писаниях с «еретиками», один из «отцов» православной церкви; считается ею «святым».

224. Климент Александрийский (Тит-Флавий, ок. 150—216 гг.), проповедник и автор «Увещания к язычникам» и других сочинений, знаток греческой литературы, философии и гностиков, которых использовал для проповеди христианства.

225. Сикст IV (папа в 1471—1484 гг.), старался возвеличить папство, раздувая распри между городами Италии, возводя замечательные постройки, торгуя титулами и должностями.

226. Сикст V (1521—1590), папа с 1585 г., старался возвеличить папство, реформируя религиозные ордена монахов и вмешиваясь в религиозные распри во Франции; поборами и насилиями возбудил такую ненависть римлян, что в день его смерти они разрушили воздвигнутую в честь его статую.

227. Агриппа фон-Неттесгейм (1486—1535), немецкий гуманист, боровшийся со схоластикой и суевериями своего времени.

228. Кардан, Иероним (1501—1576), итальянский математик, врач, философ и мистик; давал интересные практические советы об устройстве часов.

229. Парацельс, Аврелий-Теофраст фон-Гогенгейм (1493—1541), швейцарский врач и естествоиспытатель, отец фармацевтической химии, открыл много лекарств.

230. Эразм Роттердамский, Дезидерий (1466—1536), из Голландии, чешский гуманист, автор сатиры «Похвала глупости» (1510 г.), где он боролся со схоластикой и суевериями своей эпохи; выражал интересы крупного капитала, связанного с правящими кругами различных стран, и ясно видел отрицательные стороны феодального строя.

231. Лютер, Мартин (1483—1546), основатель лютеранской церкви, бывший католический монах, затем всю жизнь боровшийся против католицизма; выразитель интересов торгового капитала; угрожал абсолютизму немецких князей и боролся с демократическими и коммунистическими тенденциями сектантов и крестьян.

232. Цвингли, Ульрих (1484—1531), швейцарский гуманист, священник, восставший против католической церкви, проводивший в 1522 г. в Цюрихе радикальную реформу церкви и убитый в войне с католическими кантонами; выражал интересы зажиточной городской буржуазии, получившей решающее значение в созданной им реформе церкви.

233. Гуттен, Ульрих (1488—1523), один из виднейших деятелей эпохи реформации в Германии, участник неудачного рыцарского восстания 1522—23 гг.; поэт и публицист, автор сатиры «Письма темных людей», боровшийся с римской церковью и со схоластикой; идеолог разорявшегося рыцарства. В оригинале, по ошибке, Гюттен.

234. Рейхлин, Иоанн (1455—1522), немецкий гуманист, борец реформации, восставший против императорского эдикта 1509 г. о сожжении еврейских книг небиблейского содержания и за это преданный суду инквизиции; критически исследовал текст Библии.

235. Лимановский, Болеслав (1835—ум.), польский историк и политический деятель. Первое его произведение «Dwoje znakomici komunisti»; 1874 г. (У Лаврова по ошибке, «Dważ znakomici komunisti»).

236. Тониссен, Жан-Жозеф (1817—1891), бельгийский юрист, экономист и политический деятель, автор нескольких книг по истории социализма с католической тенденцией.

237. Речь идет о Рейбо Reubaud, (У Лаврова по ошибке Рэбо), Луи (1799—1879), давшем критику утопии Томаса Мора в статье о социальных романах в «Revue des Deux Mondes» от 1 марта 1843, вошедшую потом в одну из его книг. Рейбо — франц. экономист, публицист и политический деятель, сначала демократ, сотрудник газет «Революция 30 года», «Трибуна» и др., где он писал под псевдонимом Леон Дюрюше (Dugocher); с 1846 г. бесцветный либерал, а после июня 1849 г. реакционный депутат. Когда Р. был еще демократом, он написал остроумный сатирический роман из эпохи июльской монархии «Жером Патюро в розысках социального положения» (1843), имевший большой успех.

238. Гитлодей, Рафаил — герой «Утопии» Мора, от имени которого ведется рассказ о ней.

239. Веспуччи (у Лаврова — Вестуцци), это, повидимому, Америго Веспуччи (1451—1512), итальянский мореплаватель и географ, давший впервые описание и карту стран Южной Америки, принимая ее за часть Азии. Его именем Новый свет назван Америкой. Мор вывел его как действующее лицо в своей «Утопии».

240. Дионисий Сиракузский здесь имеется в виду не Старший, а Младший, бывший тираном Сиракуз в 367—343 гг. при Платоне, который безуспешно старался ему внушить свои политические идеи.

241. Генрих VII (1456—1509) в 1485 г. свергнул с престола Ричарда III и стал основателем династии Тюдоров в Англии; отличался корыстолюбием. Выражая интересы буржуазии, dokonчил разгром политической мощи феодализма, начатый во время войны алой и белой розы — двух династических групп Плантагенетов, воспротивив феодалам держать вооруженные свиты; не считался с парламентом.

242. Социниане — рационалистическая христианская секта XVI века в Швейцарии и в Польше, отвергавшая божественность Христа, догмат троицы, первобытный грех, предопределение и молитву. Подвергшись гонениям католической церкви, переселились сначала в Англию и Голландию, потом в Америку.

243. Моль, Роберт (1799—1875), член франкфуртского парламента в 1848 г. и затем до 17 мая 1849 г. министр юстиции, с 1874 г. член рейхстага, где был в либеральной партии; государствовед, автор «Энциклопедии госуд. наук» и «Немецкого административного права», имеющих в русских переводах; впервые противопоставил «правовое» государство теократии и античному государству; автор руководства по полицейскому праву (1832—34 гг.), где придает полицейской деятельности только отрицательный характер по предупреждению опасностей для общества.

* 244. Висконсин и Айова — два штата в САСШ с наиболее демократическими конституциями. У Лаврова — Уисконсин и Иова.

245. Александр VI Борджиа, папа римский в 1492—1503 гг., знаменитый своим развратом и возмутительным произволом и насилиями.

246. Дони, Антонио-Франческо (ок. 1503—1574), итал. писатель, автор сочинений «Миры» (1552) и «Ады» (1553), переведенных на франц. язык в Лионе в 1587 г. под заглавием «Миры небесный, земной и подземный». Здесь в одной главе «Мир мудрецов» дано изображение коммунистического государства. Дони считают вдохновителем Фурье.

247. Нисерон, Жан-Франсуа (1613—1646), франц. математик.

248. Момус — герой книги Джордано Бруно «Удаление торжествующего зверя» (1584 г.).

249. Геркулес, или Геракл — богочеловек греческой мифологии, герой, олицетворяющий физическую силу и добродетель.

250. Персей — богочеловек греческой мифологии, совершавший подвиги для блага людей.

251. Кампанелла, Томас (1568—1639), итал. коммунист-утопист и революционер из монахов-доминиканцев, автор теократической утопии «Государство солнца» (1623 г.). О нем см. Лафарг, П. «Томас Кампанелла». М.-Л. 1926.

252. Галилей, Галилео (1564—1642), итал. ученый, открывший законы падений тел, подтвердивший и популяризовавший астрономические открытия Коперника и сделавший сам много открытий в астрономии; девять лет был узником инквизиции, вынужден был публично отречься от учения Коперника.

253. Телезий, Бернардино (1508—1588), итал. ученый и философ, автор сочинения «О природе вещей» (1565 г.), основатель естественно-исторической Телезианской академии в Неаполе, требовавший построения мировоззрения не на выводах рассудка, как у Аристотеля, а на данных чувственного опыта. Учитель Кампанеллы.

254. Филипп II (1523—1598), король Испании, католик, изуверски преследовавший протестантов и мавров и душивший свободу Нидерландов.

255. Коменский (в тексте по ошибке — Каменский), Ян Амос (1592—1670), чешский философ, богослов и педагог, проповедник политехнизма, наглядности и развития самостоятельности в образовании; но целью образования он ставил «любовь к богу», в духе своей эпохи.

256. «Orbis pictus» — «Мир в картинках», заглавие книги для детского чтения Яна-Амоса Коменского и, после него, многих других авторов.

257. Андреэ, Иоанн-Валентин (1586—1654), немецкий пастор, автор коммунистической утопии «Описание государства Христианополис» (1619), где теократический строй «Государства солнца» Кампанеллы смягчен.

258. Гол (Hall), Джозеф, впоследствии епископ англиканской церкви, автор анонимной книги «Мир новый и в то же время старый», которая по сути является не утопией, а сатирическим описанием фантастических национальностей.

259. Гаррингтон, Джемс (1611—1677), английский публицист, автор «Океаны» (1656), где он выступает против «Левиафана» Гоббса и доказывает зависимость политических форм от распределения собственности и дает проект конституции.

260. «Мир новый и в то же время старый».

261. Фуаньи, Габриэль, монах, автор утопии «Известная тожная земля» (1676 г.), переделанной Ф. Рагене в книге «Приключения Жака Садера при открытии австралийских земель» (1692 г.).

262. Людовик XIV (1638—1715), франц. король с 1643 г., создавший централизованное полицейское государство и возвеличивший власть самодержавия до небывалой высоты.

263. Верасс д'Алле, Дени (у Лаврова по ошибке — Вайрас), автор первой франц. социалистической утопии 2-й половины XVII века, изложенной в романе «История севарамбов» (1-я часть на англ. языке в 1675 г., целиком на франц. яз. в 1677—79 гг.), где описан остров, социальный строй которого основан на всеобщем равенстве и общественной организации производства; все орудия труда принадлежат государству, которое ввело всеобщую трудовую повинность и 8-часовой рабочий день. «Основной трудовой» ячейкой является осмазия — большое здание на 1000 работников, украшенное всем, что делает труд привлекательным. Обмен между осмазиями натуральный. Общественные столовые и воспитание детей государством с 7 лет освободили женщину, которая уравнена в правах с мужчиной вплоть до

военной службы. Руководители осмазий избираются прямым народным голосованием. Религией Севарамбии является деизм при полной веротерпимости. В осмазиях можно видеть зародыш фаланстеров Фурье. См. В. В. Свяловский, «История социализма», 2 изд., Пгр. 1924, стр. 75—80.

264. Льюйс, Джорж-Корнуэль (1806—1863), англ. историк и госуд. деятель, негласный совладелец «Fortnightly Review», поклонник Гете и полужонтист, по оценке Маркса.

265. Фенелон, Франсуа, де-Салиньяк, де-ла-Мот (1651—1715), франц. писатель, академик и архиепископ в Камбрэ, противник завоевательного абсолютизма Людовика XIV, отлученный от церкви за сочинение «Приключения Телемака», тайно изданное в Роттердаме в 1699 г., где он изложил в форме утопии свой пацифистский идеал патриархального земледельческого государства, отражавший интересы дворянской аристократии, ненавидевшей торговую буржуазию. Издано впервые легально в Париже в 1790 г.

266. Лейбниц, Готфрид-Вильгельм (1646—1716), нем. философ-идеалист, величайший ученый своего времени, внушивший Петру I основать в России Академию наук, математик, физик, юрист, историк и теолог, автор «Теодицеи» («Богооправдание»). В философии был представителем отсталой в экономическом и политическом отношении Германии, старался примирить буржуазную науку со схоластикой эпохи феодализма.

267. Минерва — богиня мудрости в мифологии древнего Рима, покровительница наук, искусств и ремесел.

268. Ментор — герой «Одиссеи» Гомера, воспитатель сына Одиссея — Телемака; отсюда в переносном смысле — воспитатель и наставник вообще.

269. Вобан, Себастьян (1633—1707), франц. маршал и военный инженер, разработавший систему постепенной атаки крепостей, автор сочинения «О королевской десяatine», где ярко изобразил тяжелое положение крестьян, протестуя против прямых податей с них, чем навлек на себя немилость Людовика XIV.

270. Гарпии — богини бури в древнегреческой мифологии, изображавшиеся в виде чудовищных птиц с девичьими лицами; в переносном смысле — злые женщины.

271. «Летопись рабочего движения», это — заглавие постоянного отдела журнала и газеты «Вперед». В каждом из первых трех томов журнала «Вперед» первая глава этого отдела писалась самим Лавровым (остальные главы — В. Н. Смирновым; все это установлено теперь на основании рукописей архива «Вперед», хранящихся в архиве Германской социал-демократии в Берлине. но еще раньше это было установлено П. Витязевым на основании печатных высказываний самого Лаврова). Здесь эти три главы объединены, хотя они писались в разное время в 1873—74 гг. В 1919 г. П. Витязев впервые перепечатал эти главы под заглавием «Очерки по истории Интернационала» (Пгр., изд. «Колос»). Я оставляю то заглавие, которое дал этим главам сам Лавров, прибавив в скобках от себя заглавие, характеризующее содержание этих глав более специально. «Очерками по истории Интернационала» можно эти главы назвать лишь ретроспективно, с точки зрения нашей эпохи. Для самого Лаврова это была животрепещущая информация о деятельности Интернационала и его двух партий — Маркса и Бакунина. Если при этом о таком вопросе, как вопрос о «борьбе за форму организации», Лавров старался писать, как «летописец», считая его вопросом второстепенным, не могущим иметь важного значения, то объясняется это теми связями, которые были у Лаврова в то время как со сторонниками Маркса, так и со сторонниками Бакунина, и которые мешали Лаврову осознать все первостепен-

ное значение «формы организации», не допускающей никаких фракций внутри ее.

Вопреки утверждению П. Витязева, будто, по Лаврову, «заниматься историей Интернационала в это время было... невозможно» (см. «Предисловие» к «Очеркам по истории Интернационала» в изд. «Колоса», стр. 3), Лавров одновременно с информацией о текущей деятельности Интернационала считал необходимым дать и его историю. В I и II томах «Вперед» напечатаны 6 глав «Очерка развития Международной ассоциации рабочих», дающие историю эксплуатируемых в широком смысле этого слова, начиная с древних рабов и крепостных, переходя затем к гильдиям и цехам и кончая историей рабочих союзов и положения рабочего класса в Англии. В архиве «Вперед» в Берлине имеются рукописи главы VII и VIII этого «Очерка», охватывающие Францию и Германию и писанные рукою С. А. Подолинского являющегося автором и первых 6 глав. Было бы очень полезно перепечатать отдельным изданием этот «Очерк развития Междуна. ассоц. рабочих», тема которого, по моему мнению, была дана Подолинскому Лавровым, равно как им же сообщена Подолинскому обширная литература, на которой основан этот «Очерк».

Перепечатываемая здесь «Летопись рабочего движения» интересна для нас как документ 1873—74 гг., писанный Лавровым как членом Интернационала, имевшим друзей среди сторонников и Маркса и Бакунина и среди самих участников событий Интернационала, о которых он пишет. Состоя в переписке с Марксом, Энгельсом, Юнгом, Де-Папом и другими деятелями Интернационала, встречаясь с ними и лично Лавров знал от них и от временного члена Генерального совета Г. А. Лопатина многие подробности из жизни Интернационала 1873—74 гг., которые не нашли отражения в других статьях об Интернационале этих двух лет. Кроме того, в архиве «Вперед» в Берлине имеется много переводов различных документов и статей об Интернационале, которые явно сделаны для использования их в «Летописи». Надо думать, что Лавров эти материалы использовал, а это делает «Летопись» еще более интересной, как документ. Лавров дает также оценку статьям о Женевском конгрессе 1873 г. в легальной русской печати.

В «Летописи» цитируются следующие органы Интернационала и рабочей прессы: «Интернационал», «Либертэ», «Фольксштаат», «Тагвахт», «Социалист» (амер.), «Бюллетень Юрской Федерации», «Травай», «Арбайтервохенхроник», «Фольксвилле», «Цайтгайт», «Глайхайт», «Тоибюн дю Пепль», «Форботе», «Арбайтер Цайтунг», «Ами дю Пепль», «Найер Социал-Демократ», «Юнион де Травайер», «Ляндботе», а также «Протокол всеобщего швейцарского рабочего конгресса в Ольтене 1—3 июня 1873 г.» (на нем. яз.).

272. Программу см. в начале настоящего тома.

273. Это обозначение не совсем точно. «Летопись рабочего движения» составляла второй отдел только в I и II томах журнала «Вперед». В III томе второй отдел составило «Что делается на родине», а «Летопись рабочего движения» вместе с «Хаосом буржуазной цивилизации» — третий отдел, тогда как в первых двух томах они входили во 2-й отдел, а 3-го вообще там не было.

274. «Либертэ» (свобода) — с 1867 г. еженедельный орган сторонников Бакунина в Брюсселе, как и «Интернационал», выходявший с 1869 по 1873 г., редактировался Евг. Гинсом, сторонником Бакунина. С марта по ноябрь 1871 г. «Либертэ» выходила ежедневно, в июле 1873 г. перестала выходить.

275. В тексте напечатано, по очевидной ошибке, «в последних днях».

276. Гильом, Джемс (1844—1916), учитель, журналист и историк член Интернационала с 1866 г., член тайного Альянса Бакунина.

друг последнего, участник Брюссельского и Гаагского конгрессов 1868 и 1872 гг. (на последнем был исключен из Интернационала); глава анархической Юрской федерации Интернационала и руководитель Интернационала анархистов с 1872 до 1877 г.; автор тенденциозной истории Интернационала в 4 томах, содержащей, однако, интересные документы; издатель документов по истории просвещения эпохи Великой французской революции; социал-патриот с начала мировой войны.

277. Хейлс, Джон, английский тред-юнионист, с 1868 г. член Генерального совета Интернационала, в 1871 г. его секретарь, противник анархии, бывший, повидимому, лишь по недоразумению после Гаагского конгресса 1872 г. сторонником Бакунина. У Лаврова он назван Гельсом и Гельсом.

278. Мотерсгид (вернее, Мотерсхед), Томас, ирландец, член Генерального совета с 1869 по 1872 г., затем член Британского федерального совета Интернационала; английский тред-юнионист.

279. Ward Hotel, 10 — название первого из двух федеральных советов Интернационала в Нью-Йорке (по месту его заседания), находившегося в более тесной связи с Генеральным советом.

280. Spring street committee — название второго из двух федеральных советов Интернационала в Нью-Йорке (по месту его заседания), находившегося в оппозиции к Генеральному совету.

281. Уард (Ward). Осборн, деятель I Интернационала в Нью-Йорке. Других сведений о нем нет.

282. Т. е. журналом «Вперед».

283. Это обещание исполнено не было.

284. Т. е. местных.

285. Порядок дня.

286. Гутсман, участник всеобщего швейцарского рабочего конгресса в Ольтене 1—3 июня 1873 г. и делегат от швейцарских рабочих на конгрессе Интернационала в Женеве в сентябре 1873 г.

287. Веррикен, Корнэ, Мангэт, Дав, Ван-ден-Абэлэ (у Лаврова — Фан-ден-Абэлэ) — рабочие делегаты Бельгии на Женевском конгрессе бакунистов (в сентябре 1873 г.), о которых нет сведений ни в одном из справочников и словарей, использованных мною.

288. Эккариус, Георг (1818—1889), немецкий портной, друг Маркса, член Союза коммунистов 1847 г., затем эмигрант в Лондоне, секретарь Генерального совета Интернационала; незадолго до Гаагского конгресса 1872 г. порвал с Марксом и примкнул к группе Бакунина, войдя в англ. тред-юнионистское движение; автор нескольких экономических работ, из которых одна была напечатана в 1850 г. в «Обзрении Новой Рейнской Газеты», другая была написана с помощью Маркса и содержала критику экономического учения Д. С. Милля.

289. Шпихигер, часовщик и гравер, бакунист, участник небольшой кооперативной мастерской анархистов в Шо-де-Фоне, активный член Юрской федерации. См. о нем в «Записках революционера» П. А. Кропоткина.

290. Андриэ, Жюль (1820—1884), член Интернационала в Париже, профессор (лектор по вопросам просвещения); по другим сведениям, бывший счетовод; член Парижской коммуны от 1-го округа, избранный 16 апреля 1871 г., член исполнительной комиссии с 21 апреля, начальник персонала Ратуши с конца марта; после поражения Коммуны бежал в Лондон, где был профессором университета; после амнистии вернулся во Францию и был консулом на острове Жерсе.

291. Пенди, Лус-Жан (1840—1917), рабочий-столяр, член Парижского федерального совета Интернационала, сначала прудонист, потом бакунист, участник Брюссельского и Базельского конгрессов Интернационала 1868 и 1869 гг., член Федеральной камеры рабочих обществ Парижа, приговорен к 1 году тюрьмы по 3-му процессу Интернационала; член ЦК 20 округов и ЦК национальной гвардии; участник ре-

волюции 18 марта, член Коммуны от 3-го округа и военной комиссии с 29 марта; после поражения Коммуны эмигрант в Лондоне, потом в Женеве, участник всех анархистских конгрессов до 1877 г.

292. Жуковский, Николай Иванович (1833—1895), эмигрант с 1862 г., друг Бакунина, член Интернационала и бакунистского Альянса. В 1875—76 гг. был одним из редакторов газеты «Работник» и в 1878 г. — «Общины».

293. Андигню (Andignoux), парижский рабочий-портной, член ЦК национальной гвардии, кандидат на выборах в Коммуну от 16-го округа; после поражения Коммуны бежал в Женеву, где был делегатом секции «Авенир» на Женевском конгрессе Интернационала в 1873 г.

294. Дюмартре, Ф. (у Лаврова по ошибке Демартре), сын бедного крестьянина, приказчик в Лионе, потом швейцарский эмигрант, делегат Юрской федерации, бакунист.

295. Остен (в тексте по ошибке Остин — Ostyn, — в немецком произношении, а не во французском, род. в 1820 г.), франц. рабочий-скульптор, бакунист, член Интернационала, член ЦК национальной гвардии и член Парижской коммуны от 19-го округа, с 29 марта член продов. комиссии и с 21 апр. — комиссии обществ. служб; после поражения Коммуны эмигрант в Женеве, делегат Женевского конгресса 1873 г.

296. Кларис, А., французский коммунарь 1871 г., затем женевский эмигрант, делегат Юрской федерации, бакунист, редактор еженедельной анархистской газеты «Социальная Революция» с октября 1871 г. по январь 1872 г.; продолжением этой газеты явился «Бюллетень Юрской Федерации».

297. О делегатах от итальянских рабочих на конгрессе бакунистов в Женеве в сентябре 1873 г. Маттеи, Бэрт, Сирилль нет сведений. Коста, Андреа (1851—1910), друг Бакунина, впоследствии, с 1879 г., сблизился с марксистами и в 1892 г. был одним из основателей Итальянской социалистической партии.

298. Пелисер, Фарга (точнее Рафаэль-Фарга), испанец, типографшик (псевдоним — Гомес), член Альянса Бакунина, с мая 1869 г. секретарь секции Интернационала в Барселоне. В тексте, по ошибке, между этими словами поставлена запятая, как будто это два лица.

299. О делегате от Испании на Женевском конгрессе бакунистов 1873 г. Маркэ нет сведений; Виньяс, Гарсия, интеллигент, член Альянса в Барселоне; в июне 1873 г. был там во главе анархистского восстания; об Алерини известно только, что он был друг Бакунина из Марселя и с июня 1873 г. в Барселоне начал издание газеты «Революционная Солидарность». Брусс, Поль (1854—1912), врач, участник Парижской коммуны; после ее поражения бежал в Швейцарию, где был активным деятелем Юрской федерации; в 1879 г. переехал в Лондон и порвал с анархистами под влиянием Маркса, но стал не марксистом, а социал-оппортунистом, главой партии POSSIBILISTES (от слова possible — возможный), добивавшихся отдельных частных улучшений, возможных в данный момент.

300. О делегате от Франции на Женевском конгрессе бакунистов 1873 г. Пераре нет сведений. Другой делегат от Франции на том же конгрессе Монтельс (Montels). Жюль (род. в 1843 г.), служащий в торговом предприятии, член Интернационала, бакунист; после революции 4 сентября 1870 г. капитан 73-го батальона нац. гвардии, член ЦК 20-го округа; затем, во время Коммуны кандидат на выборах 26 марта от 12-го округа и начальник 12-го легиона; после поражения Коммуны бежал в Женеву, где был секретарем секции революционно-социалистической пропаганды и действия; в октябре 1871 г. предложил порвать сношения с Генеральным советом; член Юрской федерации и делегат ее конгресса в Сент-Имье 15 сентября 1872 г., участвует

ник Международного социалистического конгресса в Генте в сентябре 1877; затем уехал в Россию под фамилией Ньеф (Nief) и был 3 года воспитателем детей Л. Н. Толстого.

301. Терзаги (или Терцаги), Карло, адвокат, редактор газеты «Пролетарий»; выдавал себя за последователя Бакунина, а впоследствии он был изобличен Марксом и Энгельсом как агент итальянской полиции и международный шпион (см. «Общее Дело», Женева 1883, № 53, стр. 15).

302. Гено — провинция в Бельгии; у Лаврова она по ошибке названа Генегау.

303. Сведения из Франции о работе там Интернационала не нашли возможным обнародовать из-за жестоких полицейских преследований рабочих после поражения Коммуны.

304. Из лассальянцев (у Лаврова — лассалеанцев) Газенклевера, Гассельмана, Винтера, Экса и Деросси известны: Газенклевер, Вильгельм (1837—1889), один из вождей германской социал-демократии, вместе с В. Либкнехтом в 1874—76 гг. соредатор «Форвертс», и Гассельман, Вильгельм (род. в 1844 г.), лассальянец, член рейхстага в 1874—76 гг. и в 1878—80 гг., исключенный из партии на Виденском съезде с-д. в 1880 г. как анархист.

305. Лефрансе, Гюстав (1826—1901), франц. революционер с 1848 г., учитель народной школы; после переворота 2 декабря 1852 г. изгнан из Франции; был членом Интернационала; после революции 4 сентября 1870 г. вернулся в Париж, был членом ЦК 20 округов и участником восстания 31 октября; с ноября 1870 г. помощник мэра 20-го округа; участник революции 18 марта, член Коммуны от 4-го округа, работал с 29 марта в исполнительной комиссии и с 21 апреля — в финансовой; после поражения Коммуны бежал в Женеву, где работал в бакунистской еженедельной газете «Социальная Революция» и написал две книги о Коммуне; после амнистии 1880 г. вернулся в Париж; в 1886—87 гг. напечатал в газете «Крик Народа» свои революционные воспоминания.

306. Дюпон, Эжен (1840—1902), рабочий по музыкальным инструментам, эмигрант в Лондоне, член французской секции Интернационала в Лондоне до августа 1868 г., друг Маркса и его сторонник, секретарь Генерального совета для Франции. Не смешивать его с Дюпоном Кловисом, сафьянщиком-рабочим, по другим сведениям, корзинщиком, членом Парижской коммуны от 3-го округа, который был членом Интернационала и членом ЦК нац. гвардии, но был враждебен Ген. совету, став после падения Коммуны во время своей эмиграции в Лондоне членом «Французской федералистской секции 1871 г.»

307. Ле-Муссю, А., член Интернационала в Париже с 1870 г., участник Парижской коммуны (комиссар полиции в рабочем районе Мон-мартра), после ее падения эмигрант в Лондоне и секретарь-корреспондент французской секции в САСШ.

308. Серайе, Огюст (у Лаврова ошибочно — Сералье), франц. рабочий-колдочник по обуви (родился в 1840 г.), жил с детства до 1870 г. в Лондоне, сторонник Маркса, был членом Генерального совета; после революции 4 сентября 1870 г. командирован Генеральным советом в Париж, где работал в Федеральном совете Интернационала до капитуляции Парижа, затем уехал в Лондон для доклада Генер. совету и после 18 марта опять послан в Париж; избран 16 апреля в члены Коммуны и с 21 апреля работал в комиссии труда и обмена; после поражения Коммуны бежал в Англию и работал в Генер. совете.

309. Вишар, француз, член Интернационала, участник Гаагского конгресса, на котором был избран в комиссию для рассмотрения вопроса об Альянсе Бакунина.

310. Колиостро, Александр (1743—1796), известный авантюрист, основатель тайной секты древнеегипетских франкмасонов.

311. «Рабочая еженедельная хроника».

312. Талер, Карл, буржуазный венский публицист. Других сведений о нем нет.

313. Борьба Маркса с Бакуниным в Интернационале была необходима. Сам Лавров весной 1874 г. был вынужден выпустить брошюру против Ткачева и тем начать борьбу с ним. Энгельс в своей статье в «Фольксштаат» от 6 и 8 октября 1874 г. «Эмигрантская литература» (О Лаврове и Ткачеве) совершенно правильно указал на это Лаврову, принимая его сторону против Ткачева, но упрекая Лаврова за непоследовательность, когда последний находил недопустимой полемику с Бакуниным.

314. Перре, Анри, как и Бернар, Дюваль (Теодор), Жоссерон, Дюталлонкур, Рено, Лаплас — члены Романской Федерации Интернационала в Швейцарии. Перре — рабочий, секретарь Романской Федерации; Дюваль — столяр, член Альянса Бакунина; о других нет сведений.

315. Клюзере (у Лаврова — Клюзэр), Густав-Поль (1823—1900), сын толковника, в июньские дни 1848 г. в чине поручика участвовал в подавлении восстания рабочих в Париже, за что получил в награду крест; участвовал в Крымской войне, затем в гражданской войне в САСШ, где сражался за освобождение негров и получил чин генерала; привел оттуда легион добровольцев в армию Гарибальди; участвовал и в революционном движении фениев в Ирландии; в 1867 г. вернулся в Париж, стал оппозиционным Империи журналистом, за что попал в тюрьму, где познакомился с Варленом, и стал членом Интернационала и бакунистом; был выслан из Франции как гражданин САСШ и был агентом Интернационала в Нью-Йорке. После революции 4 сентября 1870 г. вернулся во Францию, участвовал в бакунистском восстании 28 сентября в Лионе и в ноябре в Марселе, причем Бакунин считал его роль предательской; бежал в Женеву и заочно приговорен к ссылке. После революции 18 марта вернулся в Париж и на дополнительных выборах 16 апреля избран в члены Коммуны от 18-го округа, 20 апреля назначен делегатом военной комиссии (т. е. военным министром) и членом исполнительной комиссии, хотя против него раздавались голоса. Как видно из письма от 24 апреля 1871 г. корреспондентки Генерального совета Елисаветы Дмитриевой к Юнгу, она не советовала назначать Клюзере делегатом военной комиссии, и Малон вскоре согласился с нею. В конце апреля Клюзере был арестован по обвинению в измене; освобожден 20 мая. После поражения Коммуны бежал в Женеву, написал брошюру против решений Гагского конгресса, исключившего Бакунина из Интернационала. После амнистии коммунаров 1880 г. вернулся в Париж; в 1888 г. избран депутатом от социалистов, а в 1889 г. переизбран от националистов, а затем от них же избран депутатом в 1891 и 1898 гг. Оставил мемуары. В письме к Энгельсу от 10 сентября 1870 г. Маркс отзывался о Клюзере как о «жалком, навязчивом, тщеславном и честолюбивом болтуне». Можно думать, что Дмитриевой отрицательное отношение к Клюзере было внушено Марксом. Ее письмо к Юнгу см. в статье Ив. Книжника-Ветрова «Карл Маркс и Елизавета Дмитриева» в «Кат. и Ссылке» 1933 г., № 3 (100), стр. 160, где оно по ошибке отнесено к Марксу.

316. Зорге, Фридрих-Альберт (1828—1900), нем. революционер с 1849 г., эмигрант, друг Маркса; в 1868 г. основал в Нью-Йорке «Всеобщий немецкий рабочий союз», примкнувший к Интернационалу; секретарь Генерального совета с 1872 г.; играл видную роль в рабочем движении САСШ и оставил интересную его историю.

317. Беккер, Иоанн-Филипп (1809—1886), немецкий рабочий-щеточник, революционер с 1830 г.; деятельный участник баденского восста-

ния 1849 г., швейцарский эмигрант, друг Маркса и Энгельса, короткое время был сторонником Бакунина, потом боролся с ним; редактор журнала «Форботе» (Предвестник); организатор и руководитель немецкой секции I Интернационала.

318. Дюпарк, рабочий из Женевы, первый председатель Женевского конгресса сторонников Маркса в Интернационале в 1873 г. Других сведений о нем нет.

319. *Carpatio benivolentiae* (в тексте по ошибке в конце *a* вместо *ae*) — снискание благосклонности. Имеется в виду президент Французской республики до 1873 г. Тьер, желавший снискать расположение французских буржуа преследованием Интернационала, чтобы сохранить свое президентство, но не достигший этой цели.

320. Бернадот, Жан-Батист (1763—1844), сын адвоката, маршал Наполеона, избранный в 1810 г. шведским парламентом наследником престола в Швеции, установленный шведским королем Карлом XIII, с 1818 г. стал королем Швеции и Норвегии под именем Карла XIV. «Земли семьи Бернадотта» — это Швеция и Норвегия.

321. Амедей, герцог Аосты (1845—1890), сын итальянского короля Виктора-Эммануила, избранный кортесами в 1870 г. королем Испании, но отказавшийся от престола в 1873 г. в виду своей непопулярности; с тех пор жил в Италии в стороне от политической деятельности.

322. Имеется в виду Дон-Карлос, внук брата испанского короля Фердинанда VII, предъявлявший свои права на испанский престол в 1872 г. под именем короля Карла VII. В 1874 г. он был однако совершенно разбит и в 1876 г. скрылся из Испании.

323. Бертран, Луи (родился в 1856 г.), рабочий мраморных изделий, революционер, ученик Цезаря Де-Папа; член Интернационала, впоследствии основатель Брюссельской палаты труда и один из вождей бельгийской социалистической рабочей партии, автор ряда книг о положении рабочих в Бельгии.

324. Больте, секретарь федерального совета Интернационала в Нью-Йорке, член Генерального совета в 1873 г., находившийся в переписке с Марксом и Энгельсом; среди других имеется и его подпись под докладом Генсовета Женевскому конгрессу 1873 г.

325. Карл и Каванах, члены Генерального совета в 1873 г., о которых нет никаких данных.

326. Дерер, Луи-Симон (1823—1900), сапожник-рабочий, бланкист, участник Женевского, Базельского и Гаагского конгрессов Интернационала 1866, 1869 и 1872 гг.; официальный редактор газеты «Марсельеза» и комиссар полиции республики после революции 4 сентября 1870 г.; помощник мэра 18-го округа с 8 ноября 1870 г., член его комитета бдительности и член ЦК 20-ти округов; участник восстания 22 января 1871 г. и член Парижской коммуны от 18-го округа; с 29 марта член продовольственной комиссии, с 21 апреля — член комиссии юстиции, сражался до последнего дня, потом бежал в Англию, жил и в Нью-Йорке, где был членом Ген. совета Интернационала; после амнистии коммунаров 1880 г. участник социалистического движения во Франции, член национального совета французской рабочей партии.

327. Лорель, член Генерального совета в 1873 г., о котором нет сведений.

328. Шпейер, член Генерального совета Интернационала в 1873 г.

329. Бурггардт, представитель Германии на Женевском конгрессе Интернационала в 1873 г. из Штуттгарта.

330. Шварц — псевдоним австрийского журналиста Обервиндера, участника Женевского конгресса 1873 г. от Австрии.

331. Дюран-Савояр, Базин, Куртин, Вильгельм, Вольф, Ретенау, Гофферен — все это участники Женевского конгресса Интернационала 1873 г., о которых нет иных сведений. Некоторые из этих фамилий, вероятнее всего, псевдонимы.

332. Розетти, участник Женевского конгресса 1873 г., о котором нет сведений.

333. Корф, Николай Ад-рович (1834—1883), барон, земский деятель по народным школам и писатель по вопросам педагогики; либерал.

334. Трианон — название двух дворцов в Версале, близ Парижа, построенных королями Франции Людовиками XIV и XV для своих любовниц.

335. Марциал, Марк-Валерий (40—102), римский сатирик, осмеивавший современные ему нравы, загнивание командующих верхов Рима.

336. Парни (1753—1814), франц. поэт, автор «Эротических песен».

337. Штибелинг, казначей Федерального совета в Нью-Йорке в 1874 г., отказавшийся выдать бумаги, книгу и кассу его Генеральному совету и исключенный за это из Интернационала.

338. Ностат, Жюль, франц. буржуазный журналист, сотрудник парижской газеты «Либерте».

339. Раусон, английский профсоюзный деятель, член Интернационала.

340. Брассер и Стандарт (Standaert) — члены Интернационала в Бельгии. Других сведений о них нет.

341. Брисме, бакунист, член Интернационала, типограф по профессии, бельгийский делегат на Гаагском конгрессе и член его анархического меньшинства.

342. Пьеррон, бельгийский рабочий, член Интернационала.

343. Демулен, член Интернационала в Брюсселе.

344. Гомес — псевдоним Фарги-Пелиссера, типографшика, представителя испанских рабочих на Брюссельском конгрессе бакунистов в 1874 г.

345. Швицгембель, Адемар (1844—1895), гравер, друг Бакунина, делегат Юрской Федерации на митинге бакунистов в Лионе 13 марта 1870 г., на Гаагском конгрессе 1872 г. и на Брюссельском конгрессе бакунистов в 1874 г.

346. Ван-Ведемен, делегат из Парижа на Брюссельском конгрессе бакунистов в 1874 г. Он же Ван-Веданзер. У Лаврова — Фан-Ведемен и Фан-Веданзер.

347. Фроме, Карл-Франц (родился в 1850 г.), рабочий-машиностроитель и писатель, лассальянец, впоследствии социал-демократ-оппортунист и в 1881 г. депутат рейхстага. В 1874 г. участвовал в Брюссельском конгрессе бакунистов и имел туда же полномочия от бельгийских немецких бакунистов.

348. Керст (П. Керстен, юн же Фауст и Глейх), делегат от группы лассальянцев на Брюссельском конгрессе бакунистов в 1874 г.

349. Кёнен (Соепен), сапожник; Лорьо, стекольщик; Майе (Mayeu), меховщик; Бастен, ткач, Дебле (de Blaye), живописец; Патерсон, столяр; Трико, горнорабочий — представители от Бельгии на Брюссельском конгрессе бакунистов в 1874 г. Других сведений о них я не нашел.

350. По мнению Гильома, русский, участвовавший в Брюссельском конгрессе бакунистов 1874 г., это — Кравчинский-Степняк.

351. Арч, Джозеф (1826—1919), сельский батрак, основатель «Национального союза сельских рабочих» Англии с 1872 г.; с 1885 г. — член парламента, буржуазный либерал, требовавший «трех акров земли и коровы каждому крестьянину».

352. Серрано (1810—1885), фаворит испанской королевы Изабеллы, возведенный ею в маршала и министра-президента; после свержения монархии, с 1874 г., диктатор Испании.

353. Из этого примечания видно, что первая глава во всех трех первых томах «Вперед» составлена одним лицом, именно самим Лавровым. В перепечатке этих глав изд-вом «Колос» это примечание про-

пущено: В дальнейшем Лавров посвятил этому вопросу не отдельные статьи, а целый I выпуск IV тома «Вперед» под заглавием «Государственный элемент в будущем обществе».

354. «Об организации общественных служб в будущем обществе», Брюссель 1874. Брошюра эта была издана редакцией «Вперед» с примечаниями и предисловием Лаврова под заглавием «Общественная служба в будущем обществе», Лондон 1875. Сюда же приложен и отчет женевской секции пропаганды Брюссельскому конгрессу бакунистов 1874 г. на ту же тему под заглавием «Кто и каким образом будет отправлять общественную службу в будущем обществе». Переиздано «Колосом» в 1919 г. в Петрограде. Об этом издании «Вперед» П. Н. Ткачевым написана статья «Анархическое государство» («Набат» 1876, № 5—6, апрель—май).

355. Эта последняя фраза почему-то пропущена в перепечатке этого произведения «Колосом» под редакцией П. Витязева. В следующей книге «Вперед», как уже указано мною, была помещена не статья, а целое исследование по этому вопросу. См. предыдущее примечание.

356. Леддиты (по фамилии ткача Ледда, разбившего первый чулочный-вязальный станок в Ноттингеме; у Лаврова по ошибке — люддиты), участники движения 1811—1813 гг. отсталого слоя рабочих в Англии, связанного с промышленным переворотом и направленного против машин. Самые жестокие массовые казни долго не могли подавить это движение. Лишь с открытием европейского рынка для английских товаров после окончания наполеоновских войн, когда безработица уменьшилась, движение Л. прекратилось.

357. Аркрайт, Ричард (1732—1792), английский механик, усовершенствовавший прядильную машину с водяным двигателем. Его изобретение встретило вначале большое сопротивление со стороны владельцев и рабочих ручных прядильных.

358. Не исключена возможность, что это — Брандес, Георг-Морис-Коген (1842—1927), известный датский критик и историк литературы, случайно бывший тогда в Брюсселе. Но в этом случае это, конечно, не прусский шпион. Как мне известно со слов П. А. Кропоткина, Брандес интересовался анархизмом и был одним из друзей семьи П. А. Кропоткина.

359. Кулон, французский социалист, поклонник Парижской коммуны, выступавший на митинге, устроенном в Брюсселе участниками конгресса бакунистов 1874 г., или эмигрант, беглец Коммуны, или случайный посетитель Брюсселя. Возможно, что Кулон — псевдоним. В документах Интернационала и Парижской коммуны я не нашел нигде этой фамилии.

360. Флаго (Flahaut), рабочий-мраморщик, член Интернационала в Париже с 1868 г., участник коммуны 1871 г. Других сведений о нем нет.

361. Энгельс был иного мнения о Брюссельском конгрессе бакунистов 1874 года. 21 сентября 1874 г. он писал о нем Марксу: «Это был жалкий провал: 14 человек, все бельгийцы, кроме 2 немцев-лассальянцев, Швицгебеля, испанца Гомеса и Эккариуса». См. «Briefwechsel», том IV, стр. 367. Ср. Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 441.

362. Магерманс (Magheimans), рабочий из Антверпена, участник социалистического банкета 19 сентября 1874 г., перед разъездом делегатов Брюссельского конгресса бакунистов.

363—364. Матайв (Mathaiwe) — из Люттиха, Ээрег (Eereg) — из Люттиха и Менье (Meunier) — из Вербье; о них известно лишь то же, что о Магермансе.

365. Оптимистическая оценка Лавровым результатов Брюссельского конгресса бакунистов для Интернационала оказалась неверной. Участие лассальянцев и отошедшего от бакунизма Де-Папа только подчеркивало разброд идей на этом конгрессе.

366. Барри, Мальтман (1842—1909), журналист, англичанин, участник Гаагского конгресса Интернационала в 1872 г.; в 1871—73 гг. член Генерального совета и заявил себя членом и защитником Интернационала на съезде ученых по социальным наукам в Глазго. Подозревался в сношениях с английским министерством. Впоследствии — консерватор.

367. Речь идет здесь о каком-то ренегате социализма из русских или поляков, фамилию которого мне не удалось установить.

368. «Примечание к последним двум главам «Летописи рабочего движения», напечатанное в I томе «Вперед», несомненно, написано самим Лавровым, как видно из его текста, где дано обещание коснуться в особых статьях разбора программы русских либералов. Этот разбор и был сделан Лавровым в нескольких передовицах газеты «Вперед».

В этом «Примечании» необходимо обратить внимание на риторические вопросы Лаврова: «Можно ли отделить судьбу русского крестьянства от движения заграничных рабочих? Можно ли понимать первую, не понимая второго? Можно ли угадывать будущность нашего крестьянства, не обращая внимания на вероятную будущность рабочих целого мира, на характер борьбы, которая кипит в рабочих ассоциациях Запада?». Уже из этих вопросов видно, что Лавров не страдал национальной ограниченностью и не сводил русский крестьянский вопрос и русский социализм к чему-то провинциальному, лежащему в стороне от большой дороги истории и общих мировых связей. В этом отношении Лавров был выше Михайловского, народничество которого отличалось захолустной национальной ограниченностью.

369. Как видно из сопоставления сказанного о Н. Ф. во «Вперед», т. I, стр. 91 и т. III, стр. 111, это Ник. Фирсов (псевдоним Л. Рукин, род. в 1839 г.); он в 1860 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию; с 1861 по 1870 г. был предводителем дворянства Белозерского уезда, Новгородской губ.; в 1870-ые годы писал в «СПб. Ведомостях» Корша, в «Неделе», в «Голосе» и в «Отеч. Записках»; в 1880-ые гг. — в «Новостях» и в «Северном Вестнике»; писал также в английских изданиях 1870-х годов «Oriental Star» и «Scottish review». Написал интересные воспоминания о Лаврове, бывши его учеником по артилл. академии и земляком.

370. У Лаврова — респектабельный.

371. Шульце-Делич, Франц-Герман (1808—1883), германский буржуазный экономист и политический деятель; в революции 1848 г. представлял либералов; в 1850-ые годы основатель кооперативных рабочих товариществ в Германии, проникнутых буржуазной верой в «гармонию» интересов буржуа и рабочих для отвлечения рабочих от самостоятельного революционного движения. С ним боролся Лассаль, и рабочие пошли за Лассалем, а мелкие буржуази и ремесленники — за Ш.-Д.

372. Карамзин, Ник. Мих. (1766—1826), симбирский помещик, писатель, публицист и историк; глава сентиментального направления в русской литературе с близким к разговорной речи обновленным языком («Бедная Лиза» и др.); —направления, выдвинутого мелкопоместным дворянством на смену напыщенному придворно-аристократическому ложноклассицизму, не обращавшему внимания на интимный быт: в качестве историка использовал уже обработанные историк. труды и отразил интересы торгового капитализма, восхваляя самодержавие за «собрание Руси» и расширение ее территории; автор направленной против Сперанского реакционной «Записки о древней и новой России» (написано в 1810 г., напечатано в 1861 г.) и «Истории государства Российского» в 12 томах, доведенной до 1611 года (1816—24 гг.); власть помещиков считал столь же священной, как и власть царя.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Цифры означают страницы; курсивом обозначены страницы, где о данном лице даны, кроме упоминаний, и краткие сведения. Иностранные имена даны в конце).

- Август. II Сильный — 133, 403.
 Августин — 146.
 Авенариус, В. П. — 18, 57, 393.
 Авраам — 146, 405.
 Агис IV — 214, 411.
 Агриппа Неттесгеймский — 220, 412.
 Адам — 150, 153.
 Адамс, Д. — 127, 132, 400.
 Александр I — 48, 50, 52, 394, 396.
 Александр II — 16, 17, 43, 54, 55, 62, 64, 393.
 Александр III, папа — 150, 406.
 Александр VI Борджиа — 234, 413.
 Александр Македонский — 410.
 Алерини — 281, 287, 418.
 Альбигойцы — 82, 399.
 Амедей — 306, 421.
 Амон, Г. — 406.
 Андинью — 281, 418.
 Андреэ, И.-В. — 245, 414.
 Андриэ, Ж. — 281, 417.
 Анна Иоанновна — 398.
 Аполлон — 146, 204, 405.
 Аполлоний Тианский — 216, 411.
 Аракчеев, А. А. — 50, 52, 66, 396—397.
 Аристотель — 198, 202, 203, 205, 206, 213, 214, 411, 414.
 Аристофан — 206, 207, 208, 410.
 Аркрайт, Р. — 375, 423.
 Арч, Д. — 348, 422.
 Афина — 204, 409, 410.
 Афродита — 204, 410.
 Бабеф — 132, 175, 194, 195.
 Базин — 310, 312, 314, 421.
 Байрон — 127.
 Бакунин, М. А. — 55, 71, 78, 259, 272, 276, 294, 295, 323, 326, 327, 329, 363, 399, 415—422.
 Барри, М. — 385, 424.
 Бастен — 345, 362, 363, 367, 371, 378, 422.
 Бебель, А. — 398.
 Бейль, П. — 170, 403, 407.
 Беккария, Ч. — 49, 133, 396.
 Беккер, И. Ф. — 303—309, 317, 420.
 Белинский, В. Г. — 50.
 Бенгам, И. — 129, 401.
 Бернадот, Ж.-Б. — 306, 421.
 Бернар — 296, 420.
 Бертран, Л. — 308, 421.
 Бибилов, А. И. — 123, 400.
 Бирон, И.-Э. — 66, 398.
 Бисмарк — 131, 329.
 Блестир — 206, 207, 410.
 Богомилы — 148, 405.
 Боден, Ж. — 167, 407.
 Бокль, Г.-Т. — 101, 116.
 Больте — 308, 337, 421.
 Борджиа, А. — 234, 413.
 Ботеро, Д. — 166, 406.
 Брандес, Г.-М.-К. — 376, 423.
 Брассер — 344, 422.
 Брисме — 344, 346, 363, 364, 378, 379, 381, 422.
 Бруно, Д. — 237, 238, 246, 407, 413.
 Брусс, П. — 281, 284, 287, 293, 418.
 Будда-Сакья-муни — 148, 405.
 Булгарин, Ф. В. — 18, 393.
 Бурбоны — 179.
 Буркгардт — 308, 421.
 Бурцев, В. Л. — 394.
 Буташевич-Петрашевский, М. В. — 403.
 Бэкон, Ф. — 178, 238, 239, 245, 408.
 Бэрт — 281, 418.
 Бюхнер, Л. — 111, 399.
 Валуев, П. А. — 54, 397.
 Вальдек-Руссо, П.-М. — 404.

- Вальполь, Р. — 403.
 Ван-Ведансер — 345, 422.
 Ван-Ведемен — 345, 422.
 Ван-ден-Абэлэ — 281, 284, 285, 287, 289, 294, 304, 305, 309, 311, 417.
 Варлен, Л.-Э. — 420.
 Вашингтон, Д. — 126, 127, 128, 400.
 Вера Павловна — 403.
 Верасс д'Алле, Д. — 246, 414.
 Веррикен — 281, 288, 289, 294, 344 — 346, 349, 364, 378, 379, 381, 417.
 Веспуччи, А. — 223, 413.
 Виктор Эммануил II — 131, 402, 421.
 Вильгельм — 310, 314, 419.
 Вильгельм II — 402.
 Винтер — 285.
 Виньяс — 281, 285, 287, 293, 418.
 Витязев, П. — 415, 416, 423.
 Вишар — 294, 419.
 Вишну — 160, 406.
 Владимир Красное Солнышко — 135.
 Вобан, С. — 248, 415.
 Вольтер — 42, 48, 50, 101, 170.
 Всльф — 310, 421.
 Газенклевер, В. — 285, 286, 419.
 Гайнау, Ю.-Я. — 52, 138, 397.
 Галилей, Г. — 238, 239, 414.
 Галифэ, Г. — 138, 404.
 Гамильтон, А. — 126, 128, 400, 401.
 Гарибальди, Д. — 131, 420.
 Гаррингтон, Д. — 245, 246, 414.
 Гассельман, В. — 285, 383, 419.
 Гегенбаур, К. — 116, 400.
 Гезиод — 198, 408.
 Гекатей — 214, 247, 410.
 Геккель, Э. — 116.
 Генри, П. — 127, 400.
 Генрих VII — 226, 413.
 Генрих VIII — 228.
 Георг II — 133, 403.
 Георг III — 127, 400.
 Геркулес — 238, 414.
 Гете, И.-В. — 179, 408, 415.
 Гильдебранд — 406. (см. Григорий VII, папа).
 Гильом, Д. — 259, 260, 275, 281—289, 293, 294, 416—417, 422.
 Гинс, Е. — 416.
 Гиппий — 204, 205, 410.
 Гитлодей, Р. — 223, 224, 227, 233, 413.
 Глейх — 369, 422.
 Гюстики — 216, 411—412.
 Гоббс, Т. — 414.
 Гогенцоллерны — 131, 179, 402.
 Гоголь, Н. В. — 396.
 Гол, Д. — 245, 414.
 Гомер — 198, 217, 408, 415.
 Гомес (Пелиссер) — 345, 349, 351, 356, 363, 366, 370, 373, 422, 423.
 Гончаров, И. А. — 57.
 Горгий — 209, 410.
 Гофферен — 310, 421.
 Гош, Л. — 129, 401.
 Гракх, К. — 396.
 Гракх, Т. — 396.
 Гракхи — 49.
 Грановский, Т. Н. — 11, 393.
 Григорий VII, папа — 150, 218, 406.
 Гулливер — 246.
 Гутер — 406.
 Гутериты — 154, 406.
 Гутсман — 279, 289, 312, 313, 417.
 Гуттен, У. — 222, 412.
 Дав — 281, 285, 286, 288, 289, 293, 417.
 Д'Аламбер — 394.
 Дантон, Ж.-Ж. — 126, 129, 132, 400, 401.
 Деблэ — 345, 422.
 Декарт, Р. — 178, 238, 239, 407.
 Демосфен — 201, 202, 208, 409.
 Демулен — 345, 422.
 Демулен, К. — 128, 401.
 Де-Пап, Ц. — 344—346, 358, 359, 364, 379, 381—384, 416, 421, 423.
 Дерби, Э.-Ж. — 131, 402.
 Десрер, Л.-С. — 308, 421.
 Деросси — 285.
 Дидро, Д. — 42, 48, 50, 394.
 Диоген Лаэртский — 214, 417.
 Диодор — 214, 410.
 Диоклетян — 406.
 Дионисий Сиракузский Младший — 226, 413.
 Диофант — 201.
 Дмитриева, Е. Л. — 420.
 Доминик — 399.
 Доминиканцы — 82, 399.
 Дони, А. Ф. — 237, 246, 413.
 Дон-Карлос — 421.
 Дракон — 201.
 Дурново, И. Н. — 62, 398.
 Дюваль, Т. — 296, 305, 420.
 Дюмартре — 281, 418.
 Дюмулен — 345, 346, 351.
 Дюпарк — 305, 311, 312, 421.
 Дюпон, К. — 419.
 Дюпон, Э. — 294, 419.
 Дюран-Савояр — 310, 311, 421.
 Дюрше, Л. — 413.
 Дюталлонкур — 296, 420.
 Евгемер — 214, 410.
 Еврибиад — 202, 409.

Екатерина II — 48, 50, 51, 55, 123, 133, 134, 136, 138, 396, 397, 398, 403, 404.

Елизавета Петровна — 48, 51, 395.

Еруслан Лазаревич — 135.

Жак — 406.

Жоссерон — 296, 305, 420.

Жоффрен, М.-Т. — 133, 403.

Жуковский, Н. И. — 281, 284, 288, 289, 418.

Заметаев — 134, 403.

Зевс — 147, 405.

Зенон — 215, 411.

Зорге, Ф.-А. — 302, 308, 337, 339, 385, 420.

Иануарий — 163, 406.

Иван Антонович — 395.

Иванов — 139, 404.

Изабелла Испанская — 422.

Илья — 135.

Иов — 146.

Иосиф II — 403.

Ипподам — 205, 206, 410.

Каванаж — 308, 421.

Кавеньяк, Л.-З. — 144, 404—405.

Кадм — 204, 409.

Калиостро, А. — 295, 420.

Кальвин, И. — 169, 222, 407.

Кампанелла, Т. — 238, 239, 241, 243—246, 414.

Каннинг, Д. — 132, 402.

Кант, И. — 101.

Кантемир, А. Д. — 48, 395.

Карамзин, Н. М. — 387, 422.

Кардан, И. — 220, 412.

Карл — 308, 421.

Карл X — 402.

Карл XIII — 421.

Карл XIV — 421.

Карно, Л. — 129, 401.

Карпократ — 217, 412.

Каррель, Н. А. — 132, 402.

Картезианцы — 178, 407.

Кастеллио, С. — 169, 407.

Катары — 82, 399.

Катков, М. Н. — 18, 56.

Квакеры — 148, 405.

Кекропс — 204, 409.

Кекуле, Ф.-А. — 116, 399.

Кеплер — 238.

Керст, П. — 345, 369, 422.

Кир — 409.

Кларис, А. — 281, 293, 418.

Клаус, К. — 116, 399.

Клейнмихель, П. А. — 52, 397.

Клеомен III — 214, 411.

Климент Александрийский — 217, 412.

Клифен — 49, 396.

Клюзере, Г.-П. — 296, 420.

Клюшников, В. П. — 57, 398.

Коменский, Я. А. — 243, 414.

Кондорсе, М.-Ж.-А.-К. — 129, 401.

Кёнен — 345, 346, 363, 380, 381, 422.

Констан, Б. — 167, 407.

Конт, О. — 116, 159, 399.

Конья, Г. — 246.

Коперник, Н. — 414.

Корнэ — 281, 417.

Корф, Н. А. — 323, 324, 422.

Корш, В. Ф. — 424.

Коста, А. — 281, 286, 287, 289, 418.

Кравчинский-Степняк, С. М. — 422.

Крестовский, В. В. — 57, 397—398.

Критий — 212, 410.

Кромвель, О. — 46, 395.

Кропоткин, П. А. — 417, 423.

Крюденер, Ю. — 50, 397.

Ксенофонт — 201, 205, 409.

Кудрявцев, П. Н. — 11, 393.

Кулага — 134, 403.

Кулон — 377, 423.

Кун-цзы — 181.

Куртин — 310, 421.

Кюстин, А. — 11, 393.

Ла-Бюэси, Э. — 166, 406.

Лагарап, Ф.-Ц. — 50, 51, 397.

Лашлас — 296, 420.

Лассаль, Ф. — 349, 424.

Лафарг, П. — 414.

Лафитт, Ж. — 404.

Левеллеры — 406.

Легисты — 178, 408.

Ледд — 423.

Леддиты — 360, 423.

Лейбниц, Г.-В. — 248, 415.

Ле-Муссю, С.-А. — 294, 419.

Лесков, Н. С. — 18, 57, 394.

Лефрансе, Г. — 289, 302, 419.

Либкнехт, В. — 71, 398, 419.

Ливий, Т. — 167, 407.

Ликург — 201, 204, 213, 214, 409.

Лимановский, Б. — 223, 238, 413.

Локк, Д. — 46, 395.

Лопатин, Г. А. — 398, 416.

Лопухин, И. В. — 396.

Лорель — 308, 421.

Лорьо — 346, 422.

Луи Бонапарт (Наполеон III) — 401.

Луи-Филипп, см. Людовик-Филипп.

Лукиан — 237, 238, 246.

Льюйс, Д.-К. — 246, 415.
Людвик XIV — 47, 135, 160, 414, 415.

Людвик XV — 133.
Людвик-Филипп — 131, 177, 402.
Лютер, М. — 168, 222, 412.

Матерманс — 380, 423.
Магницкий, М. Л. — 48, 395.
Мадзини, Д. — 131, 402.
Мадисон, Д. — 128, 401.
Мазаньелло, Т.-А. — 46, 395.
Майе — 345, 422.
Майков, А. Н. — 56, 397.
Макиавелли, Н. — 166, 167, 223, 406, 407.

Малон, Б. — 420.
Мангэт — 281, 417.
Марат, Ж.-П. — 129, 401.
Мариана, Ж. — 166, 406.
Маркс, К. — 120, 294, 323, 324, 329, 342, 394, 398, 399, 401, 402, 407, 408, 415—423.

Маркэ — 281, 418.
Мартинисты — 48, 396.
Марциал, М.-А. — 325, 422.
Матайв — 381, 423.
Маттеи — 281, 418.
Менделеев, Д. И. — 116, 399.
Ментор — 248, 415.

Менье — 381, 423.
Меттерних, К.-В. — 52, 397.
Милль, Д.-С. — 417.
Мильеран, А. — 404.
Мильтиад — 202, 409.
Мильтон, Д. — 171, 407.
Минерва — 248, 415.
Минос — 204, 409.
Михайлов, М. И. — 48.
Михайловский, Н. К. — 424.
Михельсон, И. И. — 134, 136, 137, 403.

Мишель, Л. — 137, 404.
Моль, Р. — 232, 413.
Момус — 238, 413.
Монж — 129.
Монтельс, Ж. — 281, 418.
Монтескье, Ш.-Л. — 49, 133, 167, 396.
Мор, Т. — 220—237, 239—241, 244—248, 413.

Моравские братья — 153, 406.
Мотерсгид, Т. — 268, 281, 417.
Муравьев — 52, 62, 63, 66, 138.
Мюнцер, Т. — 153, 406.

Наполеон I — 51, 401, 407.
Н. Ф. — см. Фирсов, Н. Н.

Наполеон III — 138, 144, 401, 404, 405.

Нивеллеры — 165, 406.
Никий — 201, 408.
Николай I — 43, 48, 62, 393.
Ниобея — 146, 405.
Нисерон, Ж.-Ф. — 237, 413.
Новиков, Н. И. — 48, 50, 395, 396.
Новосильцев, Н. Н. — 50, 396.
Ностаг, Ж. — 342, 422.
Ньеф — 419.
Ньютон, И. — 46, 248.

Обервиндер (Шварц) — 310, 385, 421.
Огарев, Н. П. — 48, 395.
Одиссей — 415.
Орканья, А. — 146, 405.
Остен — 281, 284, 286, 418.
Суэн, Р. — 403.

Павел, ап. — 164, 217, 220.
Павел I — 43, 48, 135, 394—395, 404.
Павлов, И. П. — 399.
Пальмерстон, Г.-Д.-Т. — 131, 401.
Панин, Н. И. — 140, 404.
Парацельс, А.-Т. — 220, 412.
Парни — 325, 422.
Патерсон — 345—346, 379, 422.
Пелиосер, Р. Ф. — 281, 289, 418, см. также Гомес.

Пенди, Л.-Ж. — 281, 293, 294, 417.
Перрар — 281, 284, 287, 418.
Перре, А. — 296, 305, 312, 313, 420.
Персей — 238, 414.
Перфильев, А. П. — 139, 404.
Петр I — 42, 47, 395, 397, 403, 415.
Петр III — 51, 132, 136, 394, 397.
Писемский, А. Ф. — 57, 397.
Питт, В. Младший — 402.
Питт, В. Старший — 402.
Пифагор — 216, 409, 411.
Платон — 198, 200, 201, 204—214, 216, 217, 220—226, 236, 239, 240, 408, 410.

Подоллинский, С. А. — 416.
Полонский, Я. П. — 56, 397.
Понятовский, С. — 403.
Порфирий — 216, 412.
Праксагора — 206, 207, 410.
Пракситель — 204, 409.
Продик — 204, 410.
Протагор — 205.
Прудон, П.-Ж. — 297, 363.
Пугачев, Е. И. — 43, 55, 76, 133, 135—136, 139, 140, 394, 397, 403, 404.

Пьеррон — 344, 422.

Рагенъ, Ф. — 414.
 Радищев, А. Н. — 48, 50, 395.
 Разин, С. Т. — 43, 76.
 Ратенау — 310, 421.
 Раусон — 343, 422.
 Рейбо, Л. — 223, 413.
 Рейхлин, И. — 222, 412.
 Рено — 296, 420.
 Ричард III — 413.
 Робен, П. — 72, 399.
 Робеспьер, М. — 126, 129, 401.
 Розетти — 313, 422.
 Роман, М.-Ж. — 128, 401.
 Романовы — 42, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 54, 65, 66, 394, 395.
 Рускин, Л. — см. Фирсов, Н. Н.
 Россель, Л.-Н. — 138, 404.
 Руссо, Ж.-Ж. — 133, 167, 403.

Садер, Ж. — 246.
 Сакия-муни (Будда) — 405.
 Святловский, В. В. — 415.
 Семирамида — 134, 404.
 Сенека — 215, 411.
 Сен-Мартен, Л.-К. — 396.
 Сен-Симон, А. — 132, 175, 248, 380, 403.
 Серайе, О. — 294, 303—305, 419.
 Серве — 169.
 Серрано — 350, 422.
 Сеченов, И. М. — 399.
 Сикст IV — 218, 412.
 Сикст V — 218, 412.
 Синельников, Н. П. — 62, 398.
 Сириль — 281, 286, 293, 294, 418.
 Скосырев — 138, 404.
 Смирнов, В. Н. — 415.
 Сократ — 201, 206, 207, 376, 409, 410.
 Солон — 204.
 Софокл — 201.
 Социниане — 231, 413.
 Сперанский, М. М. — 424.
 Спиноза, Б. — 178, 407.
 Стандарт — 344, 374, 422.
 Строгонов, А. С. — 50, 396.
 Струве, Г. — 398.
 Струков, В. Н. — 62, 398.
 Стюарты — 81.
 Суарез, Ф. — 166, 406.
 Суворов, А. В. — 394.
 Съейес, Э.-Ж. — 171, 407.

Табориты — 148, 405.
 Талер, К. — 295, 420.
 Телезий, Б. — 239, 414.
 Телемак — 247, 415.
 Терзаги — 281, 419.
 Ткачев, П. Н. — 420, 423.

Токвилль, А. — 128, 401.
 Толстой, Д. А. — 64, 398.
 Толстой, Л. Н. — 419.
 Тениссен, Ж.-Ж. — 223, 238, 413.
 Тразибул — 137.
 Трепов, Ф. Ф. — 56, 397.
 Трико — 346, 422.
 Тургенев, И. С. — 393.
 Тьер, А. — 138, 144, 421.
 Тюдор, М. — 146, 405.
 Тютчев, Ф. И. — 56, 397.

Уард, Осборн — 270, 417.
 Утоп — 236.

Фалей Халкедонский — 206, 410.
 Фалес Милетский — 206, 410.
 Фарга — см. Пелиссер.
 Фауст — 369, 422.
 Фемистокл — 202, 409.
 Фенелон, Ф. — 247, 248, 415.
 Феопомп — 214, 410.
 Фердинанд Католик — 234.
 Ферре, Т.-Ш.-Ж. — 138, 404.
 Филипп II Испанский — 239, 414.
 Филипп II Македонский — 409.
 Фирсов, Н. Н. (Н. Ф.) — 387, 388, 424.

Фихте, И.-Г. — 375.
 Флаго — 377, 423.
 Фокион — 208, 410.
 Франкель, Л. — 294.
 Франклин, В. — 128, 400.
 Фридрих I Барбаросса — 406.
 Фридрих II — 51, 397.
 Фроме, К.-Ф. — 345, 346, 349, 355, 356, 358, 362, 364, 367, 374, 375, 381, 422.
 Фуаньи, Г. — 246, 414.
 Фукидид — 410.
 Фурье, Ш. — 132, 175, 207, 240, 402, 415.

Харондас — 204, 409.
 Хейлс, Д. — 268, 281, 283, 284, 286, 288, 417.
 Хризипп — 215, 411.
 Христос — 217, 376, 411.

Цвингли, У. — 222, 412.
 Цицерон, М.-Т. — 215, 220, 411.
 Цынлетев — 136, 404.

Чайковский, Н. В. — 399.
 Чартисты — 126, 400.
 Чарторижский, А.-Г. — 50, 396.
 Чатам — 132, 402.

Чернышевский, Н. Г. — 48, 50, 398, 403.

Чика, И. — 139, 404.

Шателлон, С. — 407.

Шварц (Обервиндер) — 310, 314, 421.

Швицгебель, А. — 345—347, 358, 361, 362, 365, 368, 372, 374, 380, 422, 423.

Шекспир, В. — 408.

Шелгунов, Н. В. — 393.

Шеффильд — 128, 400.

Шешковский, С. И. — 50, 396.

Шиллер, Ф. — 179.

Шпейер — 308, 421.

Шпихигер — 281, 417.

Штибелинг — 336, 422.

Шувалов, П. А. — 54, 56, 64, 397.

Шульце-Делич, Ф.-Г. — 387, 388, 424.

Эврипид — 201, 207, 409.

Эккариус, Г. — 281, 288, 289, 345, 346, 348, 356, 366, 378, 417, 423.

Экс — 285.

Энгельс, Ф. — 294, 398, 399, 402, 403, 406, 416, 419—421, 423.

Эпикур — 411.

Эпифан — 217, 412.

Эразм Роттердамский — 221, 222, 235, 412.

Эсхил — 408.

Ээрег — 381, 423.

Юнг, Г. — 416, 420.

Яков I — 245.

Ямбул — 214, 247, 410.

Andignoux — 418.

Coenen — 422.

De Blaye — 422.

Durocher, L. — 413.

Eereg — 423.

Flahaut — 423.

Hall — 414.

Maghermans — 423.

Mathaiwe — 423.

Meunier — 423.

Montels, J. — 418.

Ostyn — 418.

Reybaud, L. — 413.

Standaert — 422.

Ward, O. — 417.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Статьи

Русским цюрихским студенткам (Июнь 1873 г.)	7
[Предисловие к I тому журнала „Вперед“]	22
Вперед!—Наша программа (март 1872—март 1873 гг.)	23
Счеты русского народа (1873 г.)	42
✓Знание и революция	
Из письма к * * (1873—74 гг.)	67
Статья вторая. Ответ на разные критики.	89
X 1773—1873. В память столетия пугачевщины (1873—74 гг.)	123
Прошедшее	125
Будущее	132

Из истории социальных учений

Глава I. План работы	143
Глава II. Религиозные социалисты	145
Глава III. Политические метафизики	159
Глава IV. Условия научного социализма	180
Глава V. Античный социализм	197
Глава VI. Утопии всеобщего труда	218

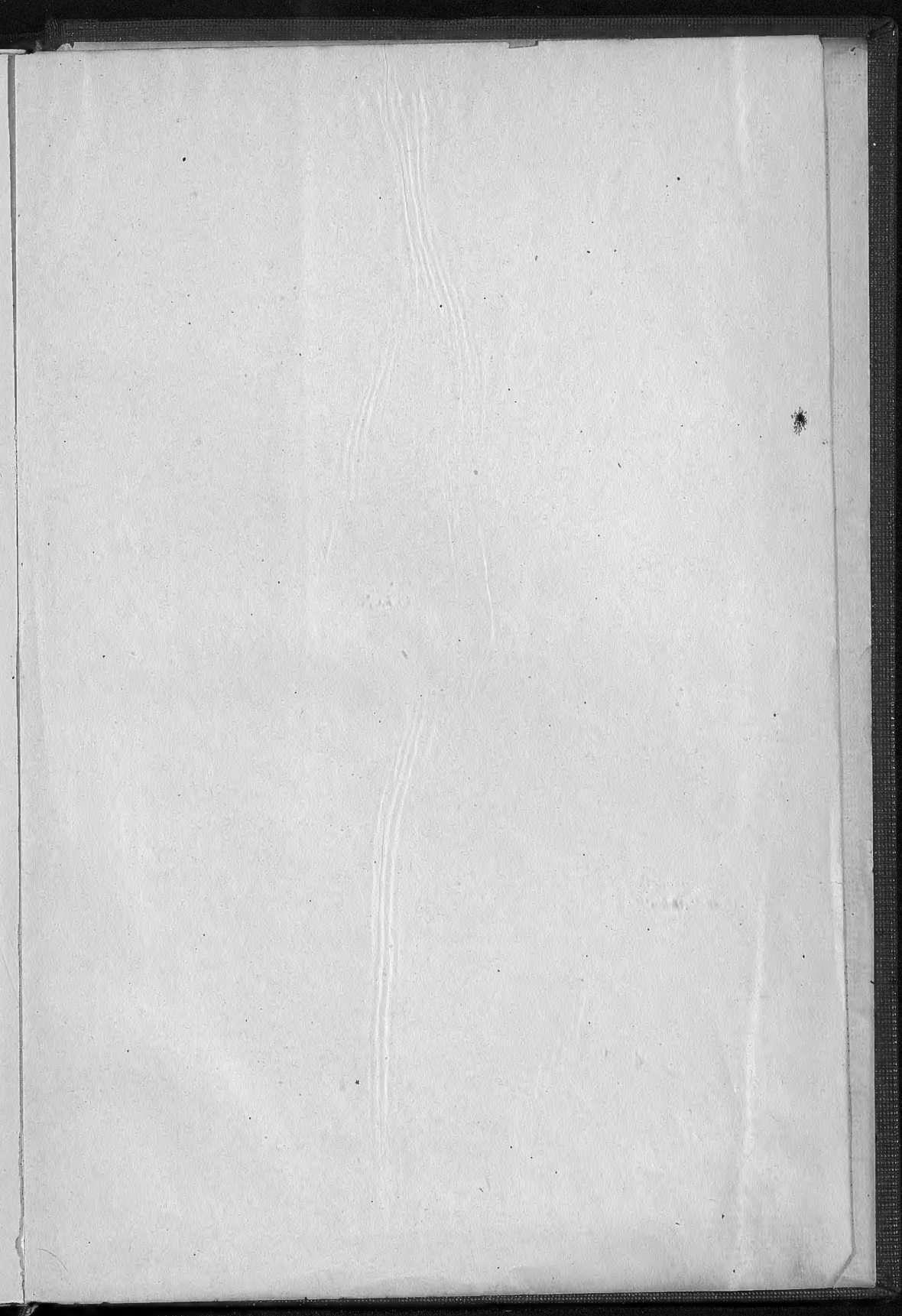
Летопись рабочего движения. [Конгрессы Интернационала и его двух партий. 1872—74 гг.] (1873—74 гг.)

Глава I	253 ²
Глава II	27
Приложение ко II главе—Уставы Международной ассоциации рабочих 1874 г.	330
Глава III	334
Примечание к последним двум главам „Летописи рабочего движения“ (1873 г.)	387

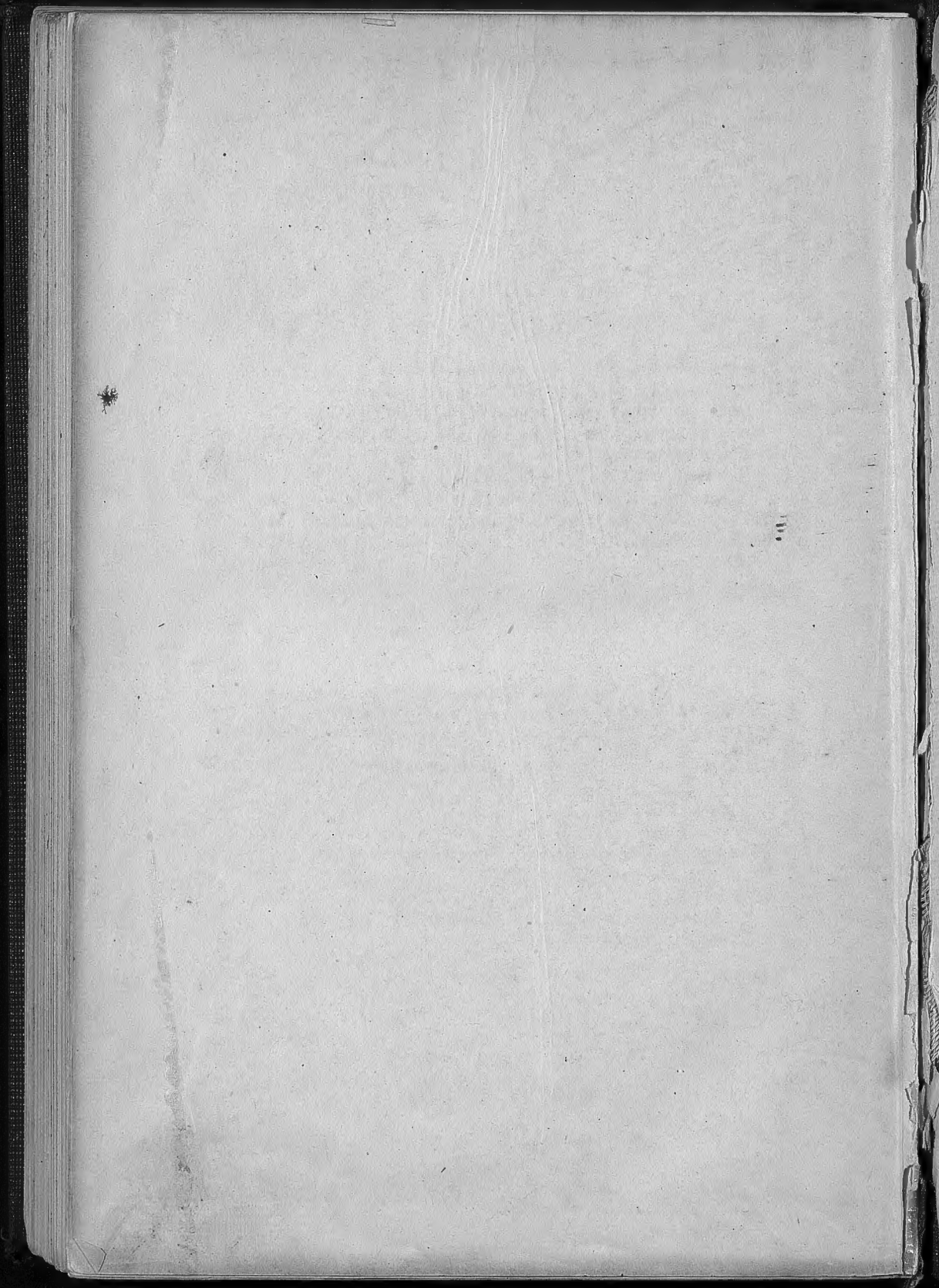
Примечания	391
----------------------	-----

Указатель имен	
--------------------------	--

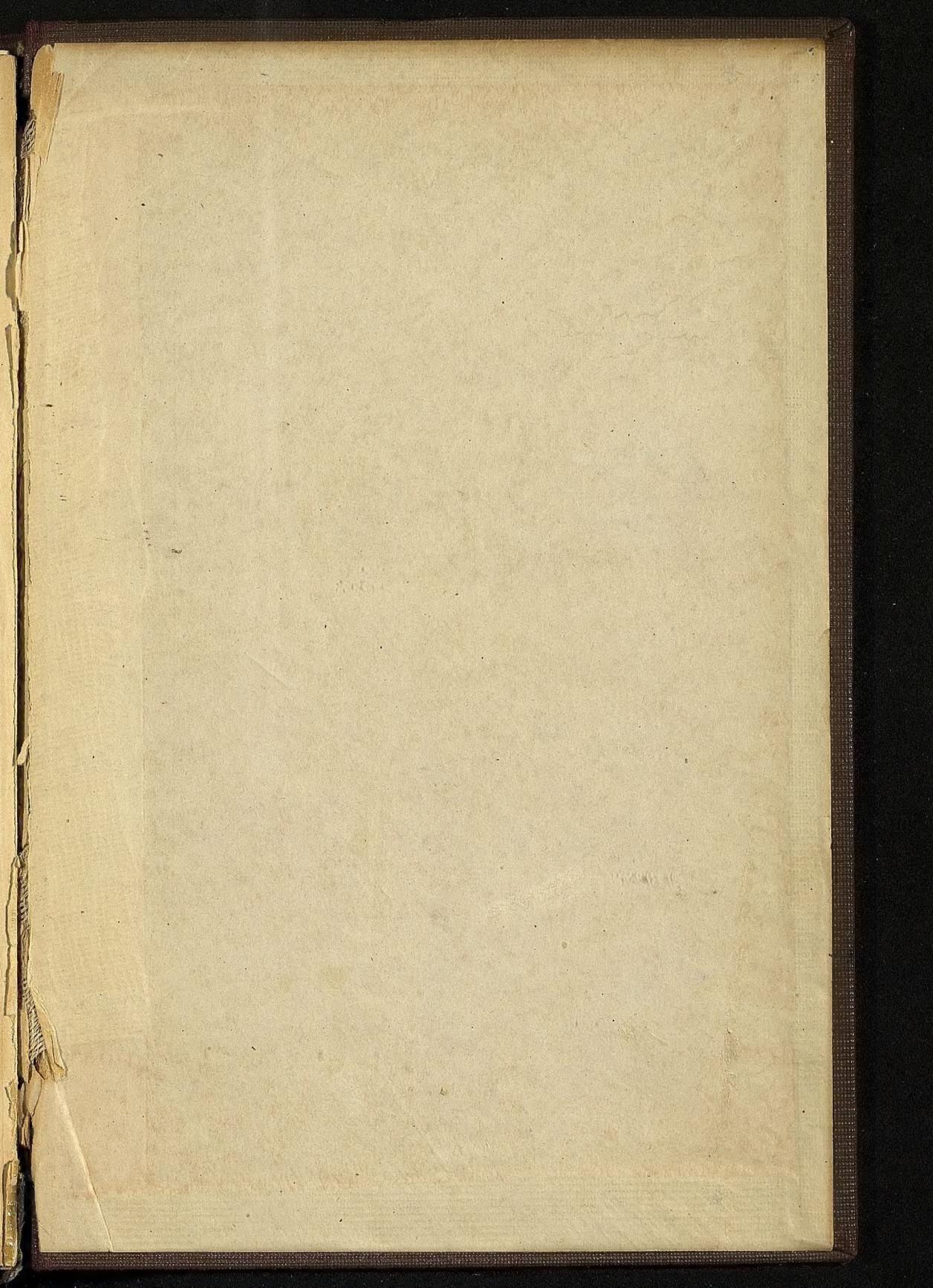

1000-500
1000-500